БИБЛИОТЕКА ВОКРУГ СВЕТА

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

Охотница
за скальпами
На Дальнем
Западе

Город
прокаженного
царя

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

БИБЛИОТЕКА «ВОКРУГ СВЕТА»

Редакционный совет:

ПОЛЕЩУК А.А.
(председатель)

КОЛПАКОВА Т.И.
КОСТЮКОВА Л.В.
ЛЕБЕДЕВ В.А.
МОСКВИН А.Г.
НЕВОЛИН В.И.

Санкт-Петербург — Москва
Акционерное общество «Прибой»
Редакция журнала «Вокруг света»
1992

БИБЛИОТЕКА «ВОКРУГ СВЕТА»

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

На Дальнем Западе

РОМАН

Охотница за скальпами

РОМАН

Город прокаженного царя

ПОВЕСТЬ

Санкт-Петербург — Москва
Акционерное общество «Прибой»
Редакция журнала «Вокруг света»
1992

ББК 84.4 ИТ
С 16

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

На Дальнем Западе
Охотница за скальпами
Город прокаженного царя

Перевод
И.Первухина (1910 г.)
Сверка текста с оригиналом и новая редакция перевода
О.В.Георгиевой (Охотница за скальпами, Город прокаженного царя), А.В.Михайлиной (На Дальнем Западе)
Составитель
Т.Колпакова
Вступительная статья
С.Изергиной

С 4703010100—02 без объявл.
В 38(03)—92

ISBN 5-87260-004-6

© Редакция журнала «Вокруг света», АО «Прибой» — состав. 1992 г.

© Владимир Неволин — серийное оформление.

верной границ
Дакоты и Мон
линии его «ру
Скалистых гор
Около восточно
а после вновь
Район, которы
огромными про
с ручкой «ковш
он простирается
в не столь высо

Эти назван
не существовал
многие годы по
пустыни. Сиу,
сделали своей
передвигаясь на
лишь первые ра
тавшими там пл
кроу уже были
двигались все
Миссури, следуя
горьях края. А
каком-то ином
вратиться в три
ем цивилизации
место действия

Дальний За
загадочную стра
трапперы, «блед
мужчины — си
подстерегает на
а кому сопутству

В этой книге
тели Эмилио Са
за скальпами». С
го жанра. Его п
пираты, рыцари
янские подростк
мечтах на кораб
тропические леса

РАЗВЕДЧИК ПРЕРИЙ

«Отыщите на карте край плоскогорий и высоких пиков, протянувшихся у северной границы Соединенных Штатов. Двигайтесь на запад, вдоль Северной Дакоты и Монтаны. Двигайтесь в сторону «ковша» Айдахо, к ровной сверху линии его «ручки», круто сверните на юго-восток близ главной гряды Скалистых гор, потом к Вайомингу. От гряды Абсарока берите на восток. Около восточной границы Южной Дакоты поверните к северу по новой дуге, а после вновь напрямик через Северную Дакоту до канадской границы. Район, который вы очертили, — это сердце горного пограничного края, с огромными пространствами Монтаны, напоминающей по очертанию быка, с ручкой «ковша» Айдахо и верхней частью Вайоминга; охватив обе Дакоты, он простирается на восток за широкую Миссури, где постепенно переходит в не столь высокие равнины, полого спускаясь до Миннесоты.

Эти названия значатся теперь на наших картах. Но тогда этих названий не существовало. Край не был даже нанесен на первые карты, а позднее многие годы по неведению обозначался как часть Великой Американской пустыни. Сиу, которые впоследствии завладели большей его частью и сделали своей последней твердыней, еще обитали к востоку от Миссури, передвигаясь на своих двоих. Их миграция на запад только начиналась, лишь первые разрозненные отряды проникли за реку, столкнулись с обитавшими там племенами, открыли для себя свободу, даруемую лошадью. Но кроу уже были там, и поуни, и команчи, и арапахо. И шайены. Последние двигались все дальше на запад от своих поселений на правом берегу Миссури, следуя за бизонами в глубь пастбищ раскинувшегося на плоскогорьях края. А далеко на востоке, недосягаемые, словно затерянные на каком-то ином континенте, двенадцать колоний, которым предстояло превратиться в тринадцать, будоражили Атлантическое побережье насаждением цивилизации...» — так американский писатель Джек Шефер определил место действия своей повести «Каньон».

Дальний Запад... Кто в юности не искал по карте эту манящую и загадочную страну? Скалистые горы и прерия, бизоны, индейцы, ковбои и трапперы, «бледнолицый брат мой». О, романтика Дальнего Запада, где мужчины — сильны и смелы, а женщины — прекрасны, где опасность подстерегает на каждом шагу и выживает тот, кто не просто ловок и храбр, а кому сопутствует удача. Что это? Быль или легенда? И то и другое.

В этой книге читатель найдет два романа-вестерна итальянского писателя Эмилио Сальгари (1893 — 1911) «На Дальнем Западе» и «Охотница за скальпами». Сальгари — признанный в Италии мастер приключенческого жанра. Его перу принадлежит более ста романов. Герои Сальгари — пираты, рыцари крестовых походов, путешественники и охотники. Итальянские подростки — прилежные читатели его романов — переносятся в мечтах на корабль, терпящий бедствие в водах Мексиканского залива, в тропические леса Индии и североамериканские прерии.

Читающие по-русски лишь сейчас смогут заново открыть для себя творчество Эмилио Сальгари. Двенадцатитомное собрание сочинений было издано в России издательством Сытина в 1910 году как приложение к журналу «Вокруг света». Это издание давно уже стало библиографической редкостью и практически недоступно широкому кругу читателей. С тех пор у нас был переиздан лишь один роман «Черный корсар» (М., 1976).

Что же это за писатель? Почему для советских любителей приключенческого жанра страны и края, ожившие под пером Сальгари, — «терра инкогнита»?

Эмилио родился в Вероне и рос как все мальчишки. Но, видно, этого мальчугана больше других тянуло к дальним странствиям. Он поступил в мореходную школу в Венеции. Окончившие эту школу могли сдать экзамен и стать капитанами дальнего плавания. Как мечталось об этом за физикой и математикой, и как сложна оказалась в конце XIX века — века пара и электричества — мореходная наука! Само собой как-то получалось, что откладывались в сторону штурманские таблицы и рука тянулась к любимому томику Фенимора Купера или Стивенсона. Однако учеба шла своим чередом, и скоро Эмилио отправился в свое первое плавание вдоль берегов Адриатического моря. Море! И пусть пока этот рейс не дальний, но там, за горизонтом, Африка, Индия, Америка, будившие воображение!

В 1883 году редактор миланского иллюстрированного журнала получил рукопись молодого неизвестного автора — это была первая повесть двадцатилетнего Сальгари «Папуасы».

Все складывалось так удачно — опубликована первая повесть, а скоро Эмилио своими глазами увидит заморские страны. Однако его ждало крупное разочарование. Он не прошел по конкурсу на капитанское звание. Не быть ему капитаном дальнего плавания. И даже покинуть пределов Италии за всю дальнейшую жизнь ему так и не пришлось. В 1887 году он окончательно оставил мысли о морских плаваниях и занялся писанием романов и повестей. «Черный корсар», «Тайны Черных джунглей», «Капитан Темпеста», «На Дальнем Западе», «Охотница за скальпами», «Город проклятого царя» и еще много, много он успел написать за свои 48 лет жизни.

Произведения Сальгари полны неподдельной романтики. Его герои благородны, смелы, рыцарственны. Они претерпевают самые невероятные приключения — порой на грани мыслимого, а порой и просто фантастические, сопереживать которым мы готовы после некоторых допущений, не требуя строгой достоверности. Сальгари, несомненно, писатель сюжета. Его не назовешь мастером психологической характеристики. Работая в традициях приключенческого жанра, он принял правила игры. Романы приключений, столь любимые им в юности, — и вершины жанра, такие, как романы Ф.Купера или Г.Эмара, и вся та масса полузабытых ныне произведений, которые создавали фон, круг чтения, — сформировали в сознании Сальгари определенные типажи «действующих лиц». Это благородный защитник слабых и обездоленных; таинственный и упорный мститель; опытный охотник или мореход, легко преодолевающий все препоны и замечающий то, чего не заметили спутники; новичок с благородными побуждениями, но неопытный, которому еще предстоит постичь нелегкую науку выживания в прерии; коварный и злобный враг; простак, добрый и доверчивый, как правило отличающийся недюжинной силой и выручающий главного героя в безвыходных ситуациях; чудак, который, резко отличаясь от остальных, привносит в повествование элемент незатейливого юмора.

Содержание двух романов Э.Сальгари «На Дальнем Западе» и «Охотница за скальпами» основано на истории освоения белыми переселенцами-трапперами западных территорий Северной Америки. Ко времени написа-

ния романов (1904 — 1909 гг.) колонизация западных территорий еще не была закончена. Эпоха географических открытий в Северной Америке, начавшись в 1609 году с открытия французским исследователем С.Шампленом Северных Аппалачских гор, продолжалась весь XVII, XVIII и XIX века. Американские путешественники М.Льюис и У.Кларк проследили течение реки Миссури от устья до открытых ими истоков и перевалили Средние Скалистые горы только в 1804 — 1906 годах. В 1824 — 1853 годах Дж.Бриджер, П.Огден, Б.Бонвилл, И.Карсон, Д.Фримонт и другие исследователи оконтурили Калифорнийскую долину и Большой бассейн. Экспедиция закончилась всего за десять лет до рождения Сальгари. В конце XIX — начале XX века Дж.Поуэлл, Дж.Доусон, А.Брукс и другие американские и канадские геологи завершили открытие Скалистых гор, Лаврентийской возвышенности, плато Юкон. Драма вытеснения белыми переселенцами коренного индейского населения не была для Сальгари далеким прошлым. Сведения о колонизации обширных пространств гор, плоскогорий и полупустынь Американского Запада воспринимались в то время как сегодняшние события. В конце 60-х годов XIX века из форпостов в штате Монтана еще отправлялись многочисленные караваны переселенцев дальше на запад. «Великое наступление цивилизации» не было освоением пустых, незаселенных земель. Эти земли издавна населяли многочисленные и разнообразные индейские племена: атапаски — навахи и апачи; алгонкины — чиппева и кри, арапахи и сиксики, или черноногие; сиу — дакоты и омахи; мускоги — семинолы и крики и многие другие. Иногда они враждовали между собой из-за пастбищ, образовывались и распадались союзы племен. По примерным подсчетам, в XVI веке территорию современных США населяло около 1 миллиона индейцев. В прериях жили кочевые племена, охотившиеся на степных животных. Восточнее обитали оседлые земледельцы — ирокезы, алгонкины, мускоги, которые существовали не только за счет охоты и сбора плодов, но сеяли и убирали свой урожай с помощью мотыг. Ощутив грозную опасность с востока, встретившись с первыми отрядами белых и отведав пуль, многие племена создали племенные и военные союзы. Союз ирокезов, конфедерация криков, союз племен дакота оказали наиболее упорное сопротивление. Это была кровавая война. Индейцы — смелые и опытные воины. Искусство войны в условиях прерий и скалистых гор оттачивалось из поколения в поколение в условиях межплеменной борьбы и поклонения родоплеменным культам — шаманизму, культу личных духов-покровителей, тотемам. Сейчас мы знаем финал этой кровавой драмы. Даже используя захваченных у колонизаторов коней и освоив огнестрельное оружие, индейцы не смогли противостоять агрессии. Лучше вооруженные и постоянно пополняемые отряды белых повели войну на уничтожение. Индейцы не были покорными и беззащитными жертвами. Белые поселенцы и военные отряды, располагавшиеся в редких форпостах, разбросанных по прерии, несли жестокие потери. Отряды индейцев нападали на поселения, жгли, убивали, снимали скальпы. Много вооруженных экспедиций, посланных в глубь индейских территорий, не вернулось домой. Однако индейцы жестоко поплатились за то, что они так упорно сопротивлялись захвату своих исконных земель, защищали свои охотничьи угодья и вигвамы. «Хороший индеец — мертвый индеец» — стало лозунгом белых колонизаторов. Они не только убивали целые племена, не щадя женщин и детей. Они лишили индейцев основы их существования, проводя массовое уничтожение бизонов. Бизон для индейца не только пища. Это и одежда, и обувь, и крыша над головой, и костяные орудия труда, и костяной лук с тетивой из жилы. Бизонов отстреливали — и быков, и маток, и маленьких телят. Охота на бизонов была разрешена всем желающим.

Эта отчаянная борьба не могла продолжаться долго. Сейчас, когда мы знаем печальный итог, что индейцев осталось на территории США лишь несколько тысяч, живущих в поселениях-резервациях, что некоторые племена исчезли с лица земли, а бизоны сохранились лишь в нескольких заповедниках, нам трудно понять Эмилио Сальгари. Ведь он в своих романах изображает индейцев лишь жестокими, кровожадными и коварными врагами. Его авторские симпатии всецело на стороне белых. Он заставляет читателя замирать от страха за жизнь трапперов и шерифа, попавших в страшную ловушку индейцев. Счастливый конец романа «Охотница за скальпами» — чудесное спасение Джона, потерявшего свой скальп, но сохранившего жизнь и желание мстить... Между тем гибель многочисленных индейцев от пуль героев подается как должное. Как будто снято еще несколько пешек противника с шахматной доски. Миннегага, дочь Яллы, мстит за смерть матери. Однако мы ничего не узнаем о ее печали, о взаимоотношениях с соплеменниками. Она лишь грозный и страшный враг. Взаимоотношения белых, их мысли и чувства описаны несравненно подробнее. И там вы не найдете сложной психологической характеристики, какого-либо развития характеров, однако проглядывают живые, симпатичные человеческие черты. Тот — чудак, но имеет твердые принципы. Этот — чуть-чуть хвастун, но смелый и верный товарищ.

Возможно, именно эти особенности творчества Сальгари и определили то, что он практически не переиздавался на русском языке в советское время. Однако не будем забывать тот факт, что романы о Дальнем Западе писались Сальгари практически по горячим следам. Исход борьбы был тогда далеко не так очевиден, свежи были сведения о многочисленных жертвах среди белых переселенцев. О жизни индейцев, об их массовой гибели и угрозе исчезновения было тогда не так хорошо известно, особенно в далекой Италии.

Нельзя не отметить также и то, что Сальгари не ставил перед собой задачу создать абсолютно достоверную картину, основанную на изучении реалий. Он писал авантюрные, приключенческие романы и повести, основным сюжетообразующим началом в которых был элемент экзотики. Характерна в этом смысле повесть, представленная в этом сборнике, «Город прокаженного царя». На первой же странице глаз встречает множество экзотических названий животных, обитающих в джунглях полуострова Индокитай, незнакомых растений. Странные, необычно звучащие слова постепенно отпечатываются в сознании, сливаясь в загадочный образ царства Сиам. Причудливо взаимодействуя, они образуют атмосферу текста, напоминающую пряные восточные ароматы. И напрасно знаток утверждал бы, что Сиам — это современный Таиланд. В данном случае это Сиам-сказка, Сиам-легенда.

Тем же приемом Сальгари пользуется и в своих романах о завоевателях западных территорий Северной Америки. Яростная предводительница индейского племени в белом плаще, суровая природа прерий, бездонные каньоны, огромные вековые деревья, в дупле которых хватит места для небольшого отряда...

Сальгари не задавался вопросами о нравственных аспектах «охоты на людей» во имя захвата обжитых ими территорий, о дурной бесконечности кровавого колеса мести, подогреваемой принципом «скальп за скальп». Он обладал иным видом таланта — строить захватывающую интригу, развивать динамичное действие. И чем больше препятствий на пути героев, тем занимательней роман. Естественно, что движение сюжета основано на противоборстве сторон. И не важно, что представители враждебных лагерей

обрисованы несколько схематично. Фигуры расставлены, игра началась. Дальше! Дальше! Ход игры сам по себе интересен.

Однако утверждение, что правдоподобие в его романах приносится в жертву занимательности, было бы несправедливым по отношению к Сальгари. Основные пружины интриги — не вымысел. Так, например, абсолютно достоверно то, что и в первом романе, и в его продолжении вождями племени индейцев сиу являются женщины: сначала Ялла, а потом суровая Миннегага. У кочевых охотничьих племен прерий появлялись лишь зачатки отцовского рода, при сохранении множества черт матриархата. Одного из главных героев обоих романов, Бэда Тернера, автор сравнивает с легендарным Буффало Биллом. Буффало Билл — это реальная личность, разведчик прерий, поставлявший сведения гарнизонам форпостов, азартный и упрямый истребитель индейцев. По сути, Буффало Билл явился прототипом Бэда Тернера. Вполне достоверен и такой персонаж, как английский охотник-аристократ лорд Вильмор. Американские власти поощряли избиение бизонов, ради спорта устраивали экскурсионные поездки по прерии.

Необходимо также разобраться, о каком конкретном племени индейцев идет речь в романах. Вымышленное ли это племя, так называемый «собирательный образ», или автор описывает реально существовавшие племена? Сальгари употребляет два этнонима: сиу и дакота. Сиу — это не название племени или племенного союза. Сиу — это язык, а точнее, большое семейство языков, на которых говорило множество индейских племен, расселенных от Миссисипи до Скалистых гор с востока на запад и от реки Саскачеван до полноводной Амазонки с севера на юг. Огромное количество родственных языков сиу делилось на три языковых группы: шивера, дхегия и мандан. Индейцы дакоты и кроу говорили на языке мандан. Дакоты это несколько индейских племен. Сначала дакоты были единым племенем. Однако непрекращающиеся войны с соседними племенами оджибве привели к тому, что в XVII веке дакотов оттеснили с более плодородных земель на запад, в степную полосу. В процессе переселения дакоты распались на несколько племенных групп. Шло время, и разные племена дакотов все больше и больше отличались друг от друга. Но жизнь заставила их объединиться в конфедерацию под названием «Семь костров племенных советов». Во второй половине XIX века земли дакотов были захвачены колонизаторами. «Семь костров» дакотов угасли один за другим, хотя этот племенной союз оказал, пожалуй, самое упорное сопротивление отрядам белых поселенцев. Как раз этот период и описан в романах Сальгари. Индейцы, подчинявшиеся своим предводителям — Ялле, Миннегаге и Сидящему Быку, — родовая группа, поклонявшаяся отдельному тотему, часть одного из семи племен дакотов.

Романы Эмилио Сальгари, несомненно, вызывают противоречивое отношение. С одной стороны, явная апология белых покорителей индейского Запада, упрощенный психологический рисунок. Его произведения, конечно же, не годятся в качестве пособия для изучения истории или географии. Но, с другой стороны, Сальгари подкупает захватывающим, динамичным, по-настоящему интересным сюжетом, романтикой положительного героя — образца мужества, верности, приспособленности к суровым условиям. Любители путешествий и приключений найдут для себя в этой книге нового для них автора, продолжателя традиций Гюстава Эмара и Фенимора Купера. Романы Сальгари — прекрасное чтение для отдыха, в них дальние страны и деятельный авантюрный дух будят активность и раскрепощают воображение.

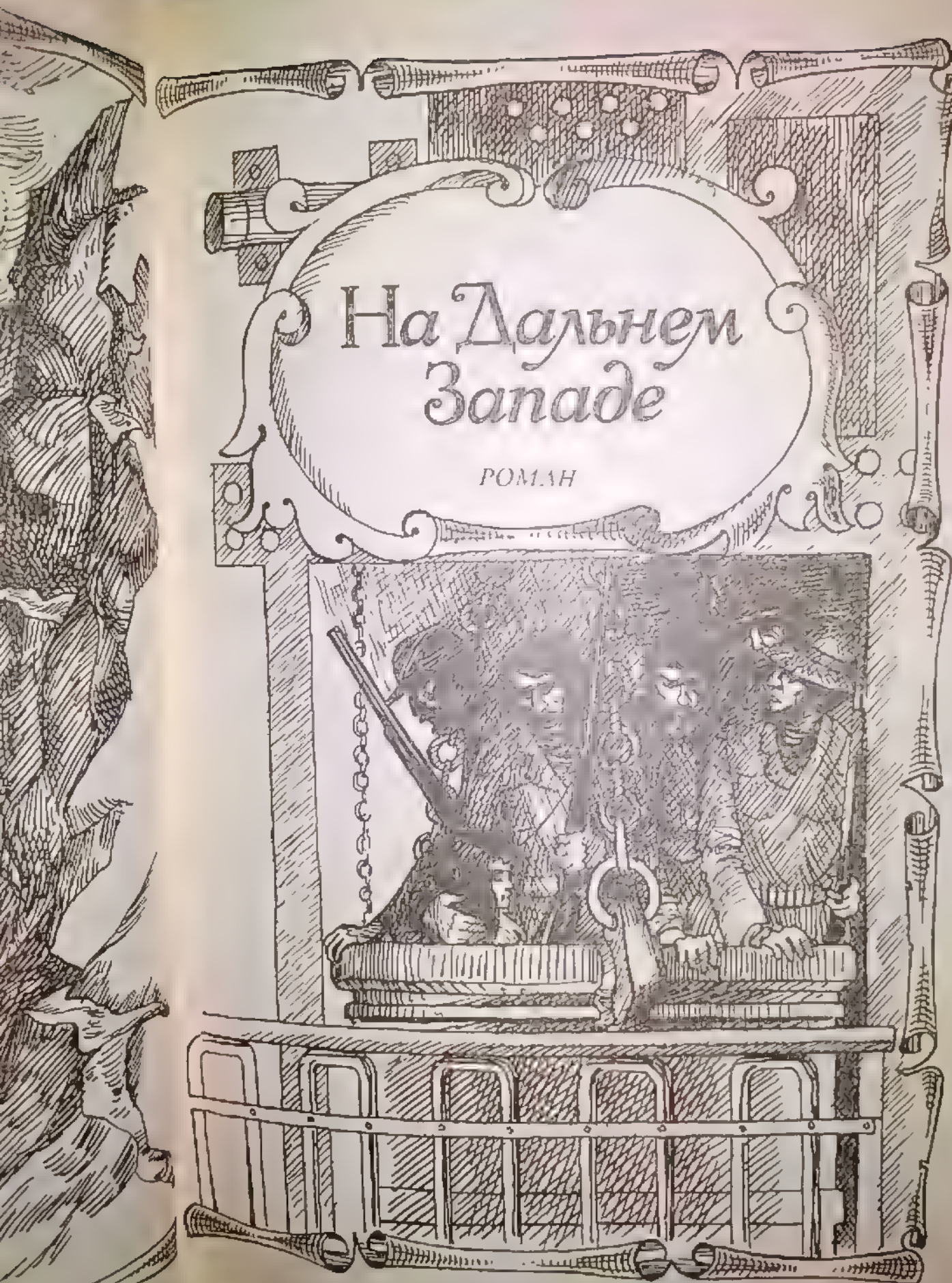
С.Изергина

H

На Дальнем Западе

РОМАН

Часть первая

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Я был там совсем недавно, в моей памяти еще не изгладились характерные сцены повседневной жизни, и я хорошо помню лица встреченных мною людей, их голоса и жесты.

Я видел многочисленные линии железных дорог, по которым огромные локомотивы тащат длинные поезда с вагонами, полными пассажиров и грузов, направляющихся с Запада на Восток и обратно.

На станциях высятся элеваторы, куда окрестные фермеры привозят осенью, после жатвы, миллионы пудов отборной пшеницы. Целые стада великолепного породистого скота отправляются отсюда на знаменитые чикагские бойни.

Здесь и там разбросаны людские муравейники, названия которых никто не знал еще десять лет тому назад, а теперь это благоустроенные города с кипучей, чисто американской жизнью, с влиятельными газетами, с музеями и университетами, готовые соперничать со старейшими культурными центрами Европы.

Я видел огромные фабрики и заводы с могучими машинами и станками, приводимыми в действие паром или электричеством. Тонкие кирпичные трубы промышленных предприятий, пронзившие небо, извергают клубы рыжевато-черного дыма. Когда паровой молот весом в тысячи тонн кует железо, штампует сталь, на много миль вокруг заводских зданий дрожит земля. Воздух здесь насыщен угольной копотью, и едкая черная пыль лежит на зелени деревьев и травы.

По шоссейным дорогам, асфальтовой паутиной покрывшим землю, несутся блестящие автомобили, оставляя за собой голубоватые облака выхлопных газов и тучи пыли.

Над бурными потоками, над пропастями висят сплетенные из тонких металлических нитей мосты. Иногда в небе покажется гигантская игла с подвешенной под ней платформой. Это управляемый воздушный шар.

По ночам улицы городов и маленьких поселков залиты ярким светом. Это служит человеку покоренная им великая сила природы — электричество. Источником его стали водопады.

Я видел реки, своенравные реки Дальнего Запада. Теперь по ним плывут огромные пароходы и сплавляют лес.

Я был в лесах: там кипит работа. Строятся лесопильные заводы и целые фабрики для производства домов. Поезда по проложенным в лесных дебрях железным дорогам вывозят из чащи уже совершенно готовые дома.

Я поднимался в горы. Только они еще пытаются сопротивляться человеку, только там природа как будто еще сохранила свою свободу. Но это лишь видимость: в недрах гор копошится рудокоп, добывая металлы; в скалах пробиты туннели, по которым проходят те же железные дороги с поездами; над пропастями повисла проволока телеграфа.

Я видел индейцев.

Они клянчили милостыню у проезжающих, выходя к каждому поезду на перроны станций, или торговали мелкими поделками, изделиями фабрик Чикаго и Бостона, выдаваемых ими за работу индейских «скво». Луки, стрелы, томагавки, мокасины, продаваемые этими потомками былых властителей степей и лесов Дальнего Запада, — все это жалкие поделки фабричного производства.

Сами гордые и неукротимые индейцы загнаны в резервации на жалких клочках почти бесплодной земли, милостиво отведенных американским правительством бывшим хозяевам материка. В этих резервациях янки устраивают народные школы, где потомки делаваров, черноногих, сиу[1] и апачей зубрят таблицу умножения и изнывают, изучая тайны правописания английского языка.

Я видел людей, которых поначалу принимал за трапперов, вольных бродяг, некогда с опасностью для жизни проникавших в неведомые районы Дальнего Запада.

Но это не те трапперы, о которых рассказывают старые романы: это охотники-промышленники, без жалости истребляющие остатки чудом уцелевших животных, последние стада бизонов.

Я видел караваны переселенцев, которых можно было бы принять за неукротимых скваттеров, с ружьем и топором в руках проникавших в глубь леса и степи, уходя от тесноты и убогости городской жизни. Но нет, нынешние переселенцы — это белые рабы, заключившие контракты с владельцами фабрик и шахт, жалкие эмигранты, выгнанные голодом из Европы, готовые за гроши гнуть спины на обширных полях земельных магнатов Дальнего Запада.

Вот что видел я, посетив романтический Дальний Запад недавно, чуть ли не вчера.

Мне стало грустно.

Мне стало не по себе.

Пусть другие приходят в восторг, видя сбившиеся в кучу дома безобразной индустриальной архитектуры, трубы, готовые закоптить все небо, автомобили, толпы оборванных рудокопов, обезображенную, истерзанную землю, электричество, рестораны, газеты,

фабрики, кинематограф, элеваторы. Словом, все то, что принято называть цивилизацией.

Но мне тяжело глядеть на это.

Да, я видел эти земли раньше. Видел давно.

Я помню их иными.

Помню, как по степи бродили бесчисленные стада могучих бизонов и табуны диких мустангов. Помню поселки индейцев, которые тогда еще считали себя обладателями необозримых пространств девственной, изумительно богатой земли. Это были гордые воины, их глаза горели, а шея не гнулась перед пришельцами.

Я помню дни жестокой, кровавой борьбы, когда Соединенным Штатам пришлось напрягать все силы, чтобы справиться с вольнолюбивыми краснокожими.

Уже тогда ни у кого не было сомнений, чем закончится эта борьба, это столкновение двух миров.

Один — это мир кочевников, охотников, людей, слившихся с природой, ставших ее частью и живущих в полной гармонии с ней.

Другой — мир индустриальной культуры, противопоставивший себя природе, жестоко взявший и разграбивший ее

И первый мир — мир коренных обитателей Северной Америки, индейцев, — оказался бессильным в этой борьбе с миром янки.

То была бурная эпоха, эпоха борьбы, изобиловавшей эпизодами, полными драматизма.

Теперь эта борьба отошла в область преданий и закончилась трагически для побежденных: они почти исчезли с лица родной земли. Они вымерли, как вымерли стада бизонов.

Только иногда чудом уцелевшие, странно звучащие имена ручьев, ущелий и холмов напоминают о том, что некогда здесь было царство краснокожих. Глядя на жалкие поселки в резервациях, с трудом можно себе представить былую мощь индейских племен, их героические усилия отстоять право на свою независимость.

Да еще напоминают о прошлом высокие курганы, под которыми спят погибшие в жестоких схватках гордые индейские вожди, бесстрашно сражавшиеся с бледнолицыми.

И мне грезится тот Дальний Запад, не теперешний, не новый, родившийся чуть ли не вчера, а Дальний Запад дней моей светлой юности. Мне грезятся печальные тени тех, кто был участником последней великой войны краснокожих против янки. Я слышу их голоса, но эти голоса звучат глухо, ибо доносятся из забытых могил. Вокруг меня реют призраки...

Эти призраки еще недавно были живыми людьми. И, вспоминая все, что было пережито мной тогда, что я слышал от самих участников дальних походов и жестоких схваток, я невольно забываю о настоящем и погружаюсь в незабвенное прошлое.

В прошлое, которое умерло, но оставило настоящему легенды и рассказы. И сошли в могилы бойцы обеих сторон, свидетели совер-

шавшегося тогда
врагов, но остали
Им, этим тен
радостям, их любв
и распрям посвящ
не возродится...
Слушай же,
освоения Дальнег

— Да, ребят
сказал,
кий, атлетически
сорока с лишним,
рации.

Это был попул
делль. А люди, кото
в его небольшом,
были ковбои, и лип
регулярной америк

Несколько дней
выступить с отряд
поселки белых пос
солдаты расположи
известное под назв

— Всем держат
всего индейцы попы
ковник, озабоченно

Старый солдат,
— в начале карьер
Дальнего Запада, —
ную, полную трево

Вершины горно
Колорадо, в этот в
грозовые тучи, окут
слышались раскаты

Прошло немного
из нескольких деся
дождя. Он был наст
полковником для ох
фургонам.

На посту остались
и Джордж. До посту
были траппером. И

шавшегося тогда, и изменилась сама земля, напоенная кровью врагов, но остались имена, остались предания о них.

Им, этим теням прошлого, их былым деяниям, их горестям и радостям, их любви и ненависти, их позору и их подвигам, их спорам и распрям посвящен мой рассказ о том, что было и умерло и никогда не возродится...

Слушай же, если тебе интересно знать правду об истории освоения Дальнего Запада.

УЩЕЛЬЕ СМЕРТИ

— Да, ребятки, эта ночь не обещает нам ничего хорошего! — сказал, обращаясь к сопровождавшим его людям, высокий, атлетически сложенный мужчина воинственного вида, лет сорока с лишним, в мундире войск Северо-Американской федерации.

Это был популярный в американской армии полковник Девандель. А люди, которых он фамильярно называл ребятками, состояли в его небольшом, наскоро собранном отряде. Три четверти из них были ковбои, и лишь одна четверть — рядовые пограничных войск регулярной американской армии.

Несколько дней тому назад полковник получил приказ срочно выступить с отрядом против индейцев, готовящих нападение на поселки белых поселенцев Дальнего Запада. И теперь ковбои и солдаты расположились перед входом в знаменитое ущелье Ларами, известное под названием ущелья Смерти.

— Всем держаться вместе! Ночью не придется спать! Скорее всего индейцы попытаются вырваться из ущелья! — говорил полковник, озабоченно поглядывая вокруг.

Старый солдат, жизнь которого прошла в походах и сражениях — в начале карьеры на территории Мексики, а затем на границах Дальнего Запада, — не ошибся и на этот раз, предсказывая бурную, полную тревог и опасностей ночь.

Вершины горной гряды, тянущейся от Вайоминга до границ Колорадо, в этот вечер выглядели хмуро. Над ними собирались грозовые тучи, окутывая все непроницаемой пеленой. Временами слышались раскаты грома.

Прошло немного времени, и на лагерь американцев, состоявший из нескольких десятков тяжелых фургонов, обрушились потоки дождя. Он был настолько силен, что даже часовые, выставленные полковником для охраны, покинули свои посты и приблизились к фургонам.

На посту остались только два молодых солдата, два брата, Гарри и Джордж. До поступления в отряд полковника Девандела они были траперами. И не раз, провожая караваны переселенцев или

доставляя срочные донесения, оказывались в еще более худших погодных условиях. Сейчас братья стоически выдерживали обрушившиеся на их головы потоки дождевой воды. Они лишь спрятались под нависшую скалу, отчасти защищавшую их от яростных порывов ветра и холодного ливня.

— Ну что, Гарри? Ничего не видно? — спросил Джордж, молодой красивый парень со смуглым, как у метиса, лицом и блестящими глазами, вглядываясь в туманную мглу, затопившую вход в ущелье.

— Ничего, Джордж! — ответил Гарри. При вспышке молнии стало видно, что у него такое же смуглое лицо и блестящие глаза, как и у брата. Они походили друг на друга как две капли воды, хотя, по-видимому, Гарри был старше Джорджа и чуть выше, чуть костлявее, чуть шире в плечах.

— Ты знаешь, брат, я думаю, что тот индеец, который уже три раза пытался выбраться из ущелья, воспользуется этим ливнем, чтобы еще раз попробовать незаметно проскользнуть мимо лагеря. Очевидно, у него есть какое-то важное донесение для восставших племен! — промолвил Джордж.

— А я думаю, брат, что если он попытается сделать это, то получит от меня такой свинцовый гостинец, после которого его никуда уже не потянет! — ответил Гарри и добавил угрожающе: — Пусть только сунется! Я ему покажу!

— Но чейены[2] не боятся ружейного огня! В этом мы уже не раз имели случай убедиться!

— Ты прав! На прикладе моего ружья — десять насечек, и каждая соответствует жизни одного краснокожего. Скажу по совести, эти индейцы точно сошли с ума, лезут под пули, как слепые, и дерутся как черти!

— А у меня семь таких насечек и две раны, которые очень плохо заживают! — ответил Джордж. — Гляди же в оба! Полковник Девенделль прав, и здесь нам без боя не обойтись! Как бы из охотников не превратиться в затравленную дичь!

— Ты знаешь, я чувствую, что этот проклятый индеец обязательно сделает еще одну попытку выбраться из ущелья. Если в этот момент блеснет молния, я постараюсь уложить его! Посмотри, не отсырел ли твой порох? Если я промахнусь, ты должен выстрелить более точно!

— Мой порох сух, — ответил Джордж. — Видишь, я оберну[1] приклад карабина своей меховой курткой. Ах, черт возьми! Смотри! Что это? Всадник, ей-богу, всадник!

Голубой зигзаг молнии осветил небо и землю. Сквозь завесу дождевых струй, в странном колышущемся тумане стали видны контуры диких скал. Рваные тучи самых фантастических очертаний с невероятной скоростью мчались от Вайоминга к Колорадо. В этот момент раздался и отозвался трескучим эхом в горах оглушительный раскат грома. Оба солдата, не обращая внимания на ливший

потоками проливной до
скалы и бросились к ны
них на узкой извилистой
пропастью, возникла, к
роскошной гривой и вели
стройный индейский вои
На миг братьям показало
— Стреляй, Гарри! С
к плечу ружье.

Два выстрела прозвуч
выстрелов отозвались тре
— К оружию! Индей

Пораженная меткими
воина сделала высокий пр
из ущелья, взвилась на д
пронзительным ржанием.
вместе с ношей, которую

Гарри и Джордж брос
применить их при первом
падением всадник лежал б
— Ребята! — обратил
сов солдатам. — Встань
сделаю сам.

С этими словами он вз
ался к индейцу. Это был
ти лет, с такой светлой ко
за метиса, с длинными ч
каких никогда не бывает у
костюм настоящего индейц
с пестрыми узорами, узки
украшенные скальпами. Э
одежду дополняли искусно
волосы молодого индейца с
перьев, что было отличител
ния их обладателя.

— Кажется, нам достал
Ей-богу! Пусть черт возьм
какого-нибудь вождя чейен
Приподнятый в себя после
ый петлями лассо, шевельн
— Хуг! У бледнолицых
Он сделал движение, пыт
вокруг.

— Эй, Гарри! —
индейцем-то кто-то
точку что недь

потоками проливной дождь, выскочили из-под защищавшей их скалы и бросились к выходу из ущелья Смерти. Вдруг недалеко от них на узкой извилистой тропинке, тянущейся по скале над самой пропастью, возникла, как призрак, прекрасная белая лошадь с роскошной гривой и великолепным длинным хвостом. На ней сидел стройный индейский воин в характерном головном уборе из перьев. На миг братьям показалось, что всадник на лошади не один.

— Стреляй, Гарри! Стреляй! — закричал Джордж, вскидывая к плечу ружье.

Два выстрела прозвучали почти одновременно, и на звуки этих выстрелов отозвались тревожные крики у фургонов:

— К оружию! Индейцы!

Пораженная меткими пулями трапперов, лошадь индейского воина сделала высокий прыжок, промчалась еще немного к выходу из ущелья, взвилась на дыбы и рухнула на землю, оглашая воздух пронзительным ржанием. Всадника же толчком выбросило из седла вместе с ношей, которую он держал в руках.

Гарри и Джордж бросились к индейцу, выхватив ножи, чтобы применить их при первом же признаке сопротивления. Оглушенный падением всадник лежал без движения.

— Ребята! — обратился Гарри к сбежавшимся на звуки выстрелов солдатам. — Встаньте вокруг нас цепью! Все остальное я сделаю сам.

С этими словами он взял у одного из солдат фонарь и приблизился к индейцу. Это был красивый юноша пятнадцати-шестнадцати лет, с такой светлой кожей, что его легко можно было принять за метиса, с длинными черными волосами и голубыми глазами, каких никогда не бывает у чистокровных краснокожих. На нем был костюм настоящего индейца, сына Дальнего Запада: меховая куртка с пестрыми узорами, узкие кожаные штаны с разрезами внизу, украшенные скальпами. Эту оригинальную и по-своему красивую одежду дополняли искусно расшитые мокасины. Пышные черные волосы молодого индейца сдерживал золотой обод с пучком орлиных перьев, что было отличительным признаком высокого происхождения их обладателя.

— Кажется, нам досталась важная птица! — сказал Гарри. — Ей-богу! Пусть черт возьмет мою душу, если этот индеец не сын какого-нибудь вождя чейенов!

Пришедший в себя после падения молодой индеец, уже опутанный петлями лассо, шевельнулся, открыл глаза и, бросив яростный взгляд на Гарри, сказал с горечью:

— Хуг! У бледнолицых орлиное зрение!

Он сделал движение, пытаясь освободиться, и с тоской огляделся вокруг.

— Эй, Гарри! — сказал один из солдат. — Смотри, а ведь с индейцем-то кто-то был. Иначе он с нее не упал бы, как мешок, потому что ведь ты попал не в него, а подстрелил только лошадь.

— Обыщите все вокруг, — сказал Джордж. — А мы пока от-
ведем этого молодца к полковнику. Он ведь не спит еще?

— Кажется, нет! — ответил кто-то из солдат. — Всего чет-
верть часа назад он болтал в своей палатке с правительственным
агентом индейских земель Джоном Мэксимом!

— Ну, так идем! — сказал Гарри. — А вы тут ищите повни-
мательнее! Мне и самому показалось, что индеец держал кого-то в
руках, что-то вроде куклы или ребенка. И деваться этому бы
некуда, ну разве что свалиться в пропасть! Ищите хорошо, ребята

Трапперы обыскали и разоружили индейца, который не оказал
им ни малейшего сопротивления, видимо, понимая, что это совер-
шенно бесполезно, и повели его в лагерь.

Посредине лагеря находилась высокая палатка конической фор-
мы. Внутри она была слабо освещена фонарем, стоявшим на малень-
ком походном столике, около которого, оживленно беседуя, сидели
два человека.

По-видимому, громовые раскаты и вой бури помешали им услы-
шать выстрелы часовых и поднявшуюся вслед за этим в лагере
тревогу.

Эти двое, полковник Девенделль и правительственный агент
индейских территорий Джон Мэксим, типичные американские ис-
катели приключений, были людьми могучего телосложения, силь-
ные жилистые янки с резкими чертами лица и почти такой же, как
у индейцев, темной кожей.

— Командир! — сказал Гарри, входя в палатку и подталкивая
вперед молодого пленника. — Наконец-то мы его поймали! Это тот
самый индеец, что уже три ночи подряд пытается выбраться из
ущелья.

Командир маленького отряда энергично вскочил на ноги и
пристально посмотрел на стоявшего перед ним в спокойной позе
индейца, на бронзовом лице которого было написано полнейшее
равнодушие к происходящему. Ничто не выдавало обуревавших
пленника чувств.

— Кто ты такой? — спросил полковник Девенделль индейца.

— Птица Ночи! — спокойно ответил юноша, как будто в этом
живописном имени заключалось все, что могло бы удовлетворить
любопытство спрашивающего.

— Ты чейен?

— Зачем ты спрашиваешь меня об этом? Разве мое одеяние не
говорит тебе без слов, кто я таков?

— Почему ты пытался выбраться из ущелья? — перемени
тему допроса полковник. — Р.. ве ты не знаешь, что мы сейчас
находимся в состоянии войны с твоим племенем, равно как с
племенами сиу и арапахо[3]?

— Я должен был отвезти Левой Руке, вождю арапахо, его дочь
Миннегагу.

— Ты лжешь! Л
безрассудства!

— Хуг! Я повин
рассуждать, когда мы

— И где же эта

— Она выскольз
лошади и, возможно,

Полковник оберн

— Ты веришь эт

— По-моему, он
я уверен, что этот мо
всего он метис, сын
племени сиу, чем че
высокий, скулы почт
висит маленький голу
амулет носят только
морочит нам голову.

Полковник ничег
палатки, он с каким-т
на пленника, продол
хотя захваченному
известна ожидавшая

Старый солдат, по
всему, вдруг побледне

— Боже мой! —

— Что с вами? —
жизни он видел Девен

— Ты думаешь,
усилие, чтобы отогнат
думаешь, что он долж

— Я готов заложи
у вашего пояса, что эт
на груди. Ни арапахо,

— В таком случае

— Легко сказать!
не хотят говорить, из
Молодой индеец сл
шего волнения. Он лиц
голубой камень и отшв
Полковник два или
успокоиться, потом при

— Скажи же мне
он прерывающимся от

— Я — индейский
цами. Этого должно бы

— Я хочу знать, —

— Ты лжешь! Левая Рука никогда не допустил бы такого безрассудства!

— Хуг! Я повиновался, потому что я — воин и не должен рассуждать, когда мне приказывают.

— И где же эта девушка?

— Она выскользнула у меня из рук во время моего падения с лошади и, возможно, погибла, упав на дно ущелья Смерти.

Полковник обернулся к агенту.

— Ты веришь этому, Джон?

— По-моему, он попросту лжет! — ответил тот. — Во-первых, я уверен, что этот молодец отнюдь не чистокровный индеец. Скорее всего он метис, сын какой-нибудь белой пленницы от индейца племени сиу, чем чейен! Посмотрите, глаза у него голубые, лоб высокий, скулы почти не выдаются. И еще признак: у него на шее висит маленький голубой камень от «ворот первого человека». Этот амулет носят только воины сиу. Ясно, что молодой негодяй просто морочит нам голову. Не правда ли?

Полковник ничего не ответил. Прислонясь к одной из опор палатки, он с каким-то затаенным, но глубоким волнением смотрел на пленника, продолжавшего сохранять безмолвное спокойствие, хотя захваченному белыми молодому индейцу была прекрасно известна ожидавшая его участь.

Старый солдат, полковник Девандель, казалось, привыкший ко всему, вдруг побледнел, и лоб его покрылся каплями пота.

— Боже мой! — пробормотал он, проводя рукой по лицу.

— Что с вами? — спросил Джон Мэкэм, в первый раз в своей жизни он видел Девандель таким взволнованным.

— Ты думаешь, что он метис? — спросил полковник, делая усилие, чтобы отогнать от себя какую-то гнетущую мысль. — И думаешь, что он должен непременно принадлежать к сиу?

— Я готов заложить мою винтовку против ножа, который висит у вашего пояса, что это так! — ответил агент. — Его выдал амулет на груди. Ни арапахо, ни чейены не носят таких амулетов.

— В таком случае надо заставить его говорить!

— Легко сказать! Эти краснокожие упрямы как ослы; когда они не хотят говорить, из них нельзя вытянуть ни одного звука!

Молодой индеец слушал этот разговор, не проявляя ни малейшего волнения. Он лишь гневным движением сорвал предательский голубой камень и отшвырнул его далеко в сторону.

Полковник два или три раза прошелся по палатке, стараясь успокоиться, потом приблизился к пленнику и схватил его за руку.

— Скажи же мне наконец, кто ты: сиу или чейен? — спросил он прерывающимся от волнения голосом.

— Я — индейский воин, ставший на тропу войны с бледнолицыми. Этого должно быть тебе довольно! — ответил юноша.

— Я хочу знать, — настаивал полковник.

Птица Ночи пожал плечами и, казалось, стал с большим вниманием прислушиваться к глухому стуку дождя, чем к словам полковника.

— Будешь ли ты говорить, несчастный?! — воскликнул рассерженный этим упрямством Деванделль. — Кто твой отец?

— Не знаю! — ответил после некоторого молчания молодой воин.

— А твоя мать? Была ли она бледнолицей рабыней или женщиной из племен сиу или арапахо?

— Я никогда не видел моей матери! — был ответ.

— Но этого не может быть! — воскликнул полковник.

— Птица Ночи никогда не лжет! — холодно ответил краснокожий.

— Так скажи мне, по крайней мере, из какого ты племени?

— Не все ли тебе равно, бледнолицый? Я взят в плен, я знаю, каковы законы войны: убей меня, и все будет кончено. Я сумею умереть так, чтобы заслужить милость Великого Духа. Думаю, он благосклонно примет меня на свои бесконечные луга, полные прекрасной дичи.

— Так ты больше ничего не скажешь мне?

— Нет, бледнолицый!

— В таком случае ты получишь то, что заслужил! Я не настолько глуп, чтобы поверить рассказанной тобой истории. Мне очень жаль, но по законам военного времени я должен тебя расстрелять.

Ни один мускул не дрогнул на бронзовом лице индейца.

— Настоящий воин не боится смерти! — ответил он гордо. — Я знал, на что иду, вступая в войну с бледнолицыми, и теперь, когда Великий Дух отдал меня в твои руки, я сумею без страха встать под пули солдат. Делай же поскорее, что велит тебе твой долг, а я постараюсь выполнить свой.

Едва полковник открыл рот, чтобы ответить на гордую речь индейца, как у входа в палатку послышался нестройный гул голосов, и тотчас же в нее просунулась голова солдата.

— Командир, мы и эту птичку накрыли, — сказал он, вталкивая в палатку индианку, девочку лет одиннадцати-двенадцати, стройную, гибкую, грациозную, как зверек, с бронзовым личиком, довольно правильными чертами лица и блестящими глазами.

— Опоздай мы на несколько минут, и она улизнула бы в ущелье, — продолжал солдат, явно довольный неожиданной удачной погоней.

Птица Ночи, увидев пленницу, побледнел и сделал жест недовольства. Не спускавший с пленника глаз агент уловил и эту бледность, и этот невольный жест индейца.

Обменявшись долгим и выразительным взглядом с снова застывшим в гордой позе Птицей Ночи, девочка неожиданным движением выскользнула из рук державшего ее солдата и, приблизившись к полковнику Деванделлю, вызывающе взглянула ему прямо в лицо

— Ты — кома
Что хотят сделать
— Через полча
Глаза ребенка
свой взгляд на сло
рела на него с глуб
Полковник трон
— Ты дочь Лев
— Да! — коро
— Где твой оте
— Спроси у не
— Из какого п
— Он — воин!
Прислушивавши
— Это не люди,
огнем, и этого Птиц
даром потратите сил
— Очень может
заставило этого кра
из ущелья Смерти.
серьезные причины!
— Так-то оно та
Пора кончать! Мол
девочку пока задерж
трубку с таким хлад
по меньшей мере од
За свою долгую б
не два отдавал прика
индейского разведчи
расправы с врагами.
вало против убийства
тивления молодого ч
старый солдат растер
— Расстрелять ег
хочу этого, что я... ко
— Глупости! —
важность, покончить
вас действительно вол
— Не знаю! — не
раз я чувствую такое.
объяснить это даже са
юношу!
— Да вы и не буде
агент. — Вы просто
которые, поверьте, пере
знаете, что по законам
имеете права быть гума

— Ты — командир этого отряда? — спросила она резко. — Что хотят сделать бледнолицые с моим другом, Птицей Ночи?

— Через полчаса его расстреляют! — ответил полковник.

Глаза ребенка вспыхнули гневом. Но сейчас же она перевела свой взгляд на словно окаменевшее лицо пленника. Девочка смотрела на него с глубокой тоской и жалостью.

Полковник тронул ребенка за плечо:

— Ты дочь Левой Руки?

— Да! — коротко ответила девочка.

— Где твой отец?

— Спроси у него сам!

— Из какого племени твой спутник? Он сиу или аравак?

— Он — воин! Это то, что я знаю.

Прислушивавшийся к допросу агент тихо выругался.

— Это не люди, а дьяволы, — сказал он. — Можете пытать их огнем, и этого Птицу Ночи, и эту маленькую змейку, но вы только даром потратите силы и время. Правды вы не добьетесь!

— Очень может быть! Но для нас было бы важно узнать, что заставило этого краснокожего с такой настойчивостью выбираться из ущелья Смерти. Нет сомнений, что для этого у него очень серьезные причины!

— Так-то оно так! Да все равно вы из них слова не вытянете! Пора кончать! Молодца, конечно, вы прикажите расстрелять, а девочку пока задержим! — ворчливо отозвался агент, закуривая трубку с таким хладнокровием, как будто здесь не решалась участь по меньшей мере одного человека.

За свою долгую боевую жизнь полковник Деванделль не раз и не два отдавал приказ о расстреле какого-нибудь попавшего в плен индейского разведчика. Он привык к этому упрощенному способу расправы с врагами. Но на этот раз что-то внутри громко протестовало против убийства безоружного, не оказавшего никакого сопротивления молодого человека, почти мальчика. И, борясь с собой, старый солдат растерянно пробормотал:

— Расстрелять его... А если бы я сказал тебе, Джон, что я не хочу этого, что я... колеблюсь?

— Глупости! — отозвался агент хладнокровно. — Велика важность, покончить с краснокожей ядовитой змеей? Неужели же вас действительно волнует участь этого индейца?

— Не знаю! — нерешительно ответил полковник. — В первый раз я чувствую такое. Испытываю что-то непривычное. Я не могу объяснить это даже сам себе! Но я не хочу расстреливать этого юношу!

— Да вы и не будете его расстреливать! — холодно улыбнулся агент. — Вы просто махнете рукой, а стрелять будут рядовые, которые, поверьте, церемониться не станут! И наконец, разве вы не знаете, что по законам военного времени вы, собственно говоря, не имеете права быть гуманным по отношению к подобным господам.

Это — лазутчик, гонец бунтовщиков. Значит, разговор короток. Наконец, если вам не хочется самому принимать решение, предоставьте это мне. Я уполномочен в отдельных случаях замещать вас. Вы просто на пять минут сдадите командование мне, и,пока я докурю эту трубку, индеец тихо отправится туда, откуда никто еще не возвращался, по крайней мере, на моей памяти. А я с удовольствием посмотрю на это маленькое представление.

Полковник в ответ на эти слова только покорно махнул рукой.

Птицу Ночи вывели из палатки Девандельля. Агент вышел следом, безмятежно покуривая свою вощеную трубку.

Ярость бушевавшего вечером урагана как будто улеглась. Дождь прекратился. Над землей тихо плыл туман. Ветер, по-прежнему гнавший тучи, в это мгновение словно нарочно разорвал их, дав возможность тихой луне взглянуть на то, что готовилось совершиться на земле, только что обильно политой слезами неба.

Люди полковника Девандельля все до единого были уже на ногах: они оживленно толковали об удаче Джорджа и Гарри, о захваченных пленниках, спорили, теперь ли, ночью или на рассвете будет отдан приказ расстрелять Птицу Ночи. Когда пленника повели ко входу в ущелье, они гурьбой повалили туда, желая не упустить возможности поглядеть на сцену казни индейца.

Птицу Ночи привязали к небольшой острой скале, по форме напоминавшей ствол окаменевшего дерева. Агент приблизился к нему и, не вынимая трубки изо рта, спросил:

— Ну? Может быть, сейчас у тебя развяжется язык?

Индеец лишь презрительно улыбнулся и, не отвечая, устремил прощальный взгляд на девочку, стоявшую шагах в десяти от места казни.

Если бы кто-нибудь в этот момент взглянул в лицо молодой индианки, то его поразило бы зловещее выражение этого полудетского личика. Оно словно застыло. На нем лежала печать спокойствия, но спокойствие это было ужасно...

Шестеро солдат выстроились перед привязанным к скале пленником и подняли свои ружья.

— Уйди, девочка! — нетерпеливо крикнул Миннегага агент, вынимая почти докуренную трубку изо рта и сердито глядя на индианку. — Тебе не место здесь! Уйди!

Траппер Гарри, в сердце которого невольно шевельнулась жалость к ребенку, взял пленницу за руку и отвел ее в сторону. Едва они отошли на несколько шагов, как грохот залпа возвестил о конце Птицы Ночи. Пленник умер, не произнеся ни единого слова.

— По местам! — скомандовал агент.

И солдаты, переговариваясь, уже тронулись к фургонам, как вдруг из ущелья раздалось громкое лошадиное ржание и великолепная белая лошадь, хозяином которой был только что расстрелянный индеец, озаренная светом луны, словно призрак, появилась у места казни.

— Что за ди
Значит, мы не ул
Прекрасное ж
гордо подняв сво
глазами, потом за
упало мертвым на
Эта сцена про
щенно замолчали
Миннегагу за ру
палатке полковни
Войдя внутрь е
на землю седле в
— Дело сделан
в аду позаботится
принадлежал Пти
или иначе, одной я
стало меньше, и ва
Полковник поди
Мэксима.
— Умер? — пр
— А вам, мисте
Скольких индейцев
сочтешь? Почему
какой-то индейски
отправляем индейск
вы были не солдато
длинных сюртуках
случае пускать сле
прекрасно знаем цен
индейцам. Ведь борь
жалеют когда-нибуд
пасть к ним в лапы?
и дело кончено. А
привяжут пленного
подвергая его таким
человека при одном
дыбом.
— Так-то оно так
ванно. — Борьба, за
все же был готов поща
— Почему, полко
— Не знаю. Гово
этого юноши проник м
меня! Знаете, что я се
шил подлое убийство,
— Глупости! — о
действовали по закона

— Что за дьявольщина! — воскликнул траппер Гарри. — Значит, мы не уложили ее?

Прекрасное животное на несколько мгновений словно застыло, гордо подняв свою голову и глядя на людей выразительными глазами, потом зашаталось и, еще раз заржав жалобно и тоскливо, упало мертвым на землю.

Эта сцена произвела тяжелое впечатление на солдат. Они смущенно замолчали и торопливо покинули место казни. Агент взял Миннегагу за руку и, отпустив Гарри, направился с девочкой к палатке полковника.

Войдя внутрь ее, он увидел Деванделля сидящим на брошенном на землю седле в глубокой задумчивости.

— Дело сделано! — сказал агент равнодушно. — Пусть черт в аду позаботится о том, чтобы точно установить, к какому племени принадлежал Птица Ночи — к сиу, арапахо или чейенам, но так или иначе, одной ядовитой краснокожей змеей, одним врагом у нас стало меньше, и важно только это!

Полковник поднял голову и почти с ужасом взглянул на Джона Мэксима.

— Умер? — прошептал он чуть слышно. — Неужели же умер?

— А вам, мистер Деванделль, как будто его жалко? Господи! Скольких индейцев мы с вами уже спровадили на тот свет? Разве сочтешь? Почему же теперь вы так волнуетесь из-за того, что какой-то индейский щенок отправился туда, куда мы тысячами отправляем индейские души? Откуда эта чувствительность! Если бы вы были не солдатом, а миссионером, я понял бы. Этим господам в длинных сюртуках больше к лицу при всяком удобном и неудобном случае пускать слезу и изливаться в речах. Но мы-то с вами прекрасно знаем цену как миссионерским слезам, так и этим самым индейцам. Ведь борьба идет не на жизнь, а на смерть. Разве индейцы жалеют когда-нибудь тех белых бедняг, что имеют несчастье попасть к ним в лапы? Мы еще гуманны: пристрелим красную собаку, и дело кончено. А они ведь предварительно вдоволь натешатся: привяжут пленного к столбу пыток и целыми днями забавляются, подвергая его таким ужаснейшим мучениям, что у слабонервного человека при одном рассказе об этом волосы на голове становятся дыбом.

— Так-то оно так! — глухо пробормотал Деванделль взволнованно. — Борьба, закон войны и так далее. Но этого паренька я все же был готов пощадить.

— Почему, полковник? — удивился агент.

— Не знаю. Говорю же, не знаю, не могу объяснить. Взгляд этого юноши проник мне в душу, разбудил в ней что-то. Взволновал меня! Знаете, что я сейчас испытываю? Мне кажется, что я совершил подлое убийство, а не выполнил свой долг.

— Глупости! — ответил агент. — Говорю вам, глупости. Вы действовали по законам военного времени, и только! Вспомните:

разве вы не получили приказания, ясного и точного, не иметь в отряде пленников мужского пола? Послушайте, полковник, соберитесь с духом. Вы не ребенок, не слабонервная дамочка! Наконец, что сделано, то сделано! Если ваша так называемая совесть бунтует, то скажите этой чувствительной леди, что вся вина за этот случай лежит на душе агента Джона Мэксима. Пусть она к нему и предъявляет свои претензии, а вас оставит в покое.

— Замолчи, Мэксим! — внезапно вскочил полковник со своего места. — Знаю, все знаю. И долг, и приказ, и все обстоятельства. Но, Господи, как ужасны эти войны!

Наступило короткое молчание. Через минуту индейский агент промолвил:

— Жаль лошадь. Ту самую, на которой пытался выскользнуть из ущелья этот самый индеец. Великолепное животное! Клянусь, я бы дорого дал, чтобы иметь такого коня. Но эти черти трапперы подстрелили лошадь, как кролика. Ума не приложу, каким чудом она, получив смертельные раны, прожила столько времени и смогла подняться и подойти к месту казни. Какая роскошная белая грива! Какой длинный хвост! Что за гордая шея, голова! Жаль, право, жаль!

— Ты говоришь, Джон, конь был белой масти?

— Да. Размером значительно крупнее мустангов, которые обычно принадлежат краснокожим. Хвост буквально стелется по земле!

— Рэд! Мой Рэд! — воскликнул Деванделль взволнованно. — Предчувствие говорило мне об этом. Идет беда! Близится час расплаты! Она запоздала, обещанная месть, почти на двадцать лет, но пробил мой час...

Удивленный правительственный агент живо обернулся к полковнику со словами:

— Да что с вами? О чем вы говорите?!

Как будто не слыша его, полковник бормотал:

— Да, да! Если это только Рэд, а ведь другого подобного коня нельзя найти в прериях Дальнего Запада, значит, она близка. Она не замедлит выполнить свою угрозу!

— О ком это вы? Кто это «она»? — осведомился Джон Мэксим.

— Ялла! — глухо ответил Деванделль.

— Это что еще за птица?

— Потом, потом! Отведи меня туда, где... где лежит убитый конь. Я должен видеть его! Я должен убедиться, что это Рэд или только похожее на него животное.

Агент, обеспокоенный все возраставшим волнением полковника, поднялся с места.

— Пойдемте! — сказал он. — Единственно, надо позаботиться, чтобы эта красивая маленькая ящерка никуда не ускользнула от нас.

С этими слов
столбов, поднира
взял фонарь и пр
— Опять дож
воздух.
— Нашим ча
луна. Но ветер г
часа будет опять
И в самом д
молодого индейск
ненными, но все
ураганом. Неболь
тучи, проплывая
погибших.
Полковник в с
жевых постов, об
часовых на всяки
двух возвращающ
Осторожно про
ивавших здесь поч
лужи, они времена
казалось, реяли ка
был расстрелян мо
При звуке их ш
зя в воздухе возле
коршунах набрасы
дованные трупы, вы
их несчастные тел
одичавших собак и
Невольно Деван
где смутно вырисовы
на опутавших его в
— Война — это
— Война — это
— Я почти готов
— Так кого же?
— В его жилах,
был отцом этого юно
терью? Где они тепер
— Не мы, полков
Минуту спустя а
какая-то белая бесфор
ленной трапперами Г
из рук своего спутника
и тоски сорвался с его

С этими словами он подвел маленькую индианку к одному из столбов, подпиравших палатку, и привязал девочку к нему. Затем взял фонарь и приподнял край палатки.

— Опять дождь начинается! — пробормотал агент, выходя на воздух.

— Нашим часовым надо держать ухо востро. Пока еще светит луна. Но ветер гонит откуда-то целую стаю туч, и через четверть часа будет опять темно, как в каминной трубе!

И в самом деле, луна, словно испуганная зрелищем казни молодого индейского воина, то выплывала, то скрывалась за разрозненными, но все чаще наплывавшими клочками туч, изорванных ураганом. Небольшой прогал чистого неба быстро суживался, и тучи, проплывая над лагерем, роняли влагу, словно оплакивая погибших.

Полковник в сопровождении агента прошел сквозь цепь сторожевых постов, обменявшись паролем и отзывом и предупредив часовых на всякий случай, чтобы они не стреляли, когда увидят двух возвращающихся из ущелья командиров.

Осторожно пробираясь среди обломков камней, в изобилии усеивавших здесь почву, обходя образовавшиеся после вечернего дождя лужи, они временами останавливались и вглядывались во мглу, где, казалось, реяли какие-то тени, и наконец приблизились к месту, где был расстрелян молодой воин.

При звуке их шагов заметались ночные птицы, беззвучно скользя в воздухе возле идущих, и полковник вздрогнул: он вспомнил о коршунах набрасывающихся на полях битв на брошенные, изуродованные трупы, выклевывающих глаза у мертвецов, разрывающих их несчастные тела. Вспомнил сбегавшихся к полям сражений одичавших собак и шакалов...

Невольно Деванделль отвернулся, избегая смотреть в ту сторону, где смутно вырисовывались очертания тела Птицы Ночи, повисшего на опутавших его веревках.

— Война — это проклятье! — пробормотал полковник.

— Война — это неизбежность! — холодно ответил агент.

— Я почти готов поклясться, что мы расстреляли не индейца!

— Так кого же?

— В его жилах, вне всякого сомнения, текла кровь белого. Кто был отцом этого юноши? Какую женщину называл он своей матерью? Где они теперь? Может быть, ждут сына... А мы убили его!

— Не мы, полковник! — отозвался агент. — Его убила война!

Минуту спустя агент рукой показал на место, где лежала какая-то белая бесформенная масса. Это был труп лошади, подстреленной трапперами Гарри и Джорджем. Полковник почти вырвал из рук своего спутника фонарь, кинулся к животному, и крик печали и тоски сорвался с его губ.

— Рэд, мой благородный Рэд, мой любимый конь! — произнес он. — Я узнал тебя, старый друг, хотя столько лет прошло с того времени, когда мы в последний раз виделись с тобой!

— Гм. Значит, эта лошадь почтенного возраста? — несколько иронически пробормотал Джон Мэксим.

— Видел ли ты когда-нибудь лошадь, равную по красоте и благородству форм этой? — взволнованно отозвался Деванделль.

— Пожалуй, нет! — признался агент.

— Конечно же, никогда не видел. Потому что ведь это легендарный «белый конь прерий». Тот конь, о котором ходит столько чудесных рассказов. Конь, который был когда-то моим конем, больше — моим другом. Но как он мог попасть сюда, так далеко от того места, где я его оставил? Как он мог стать собственностью этого молодого, убитого нами индейца? Что означает его появление здесь? Ей-богу, мне кажется, я схожу с ума. Не знаю, какая связь существует между всем случившимся и моей судьбой, но поневоле меня охватывает тревога за участь моих детей.

— Ну, — перебил его агент. — Вы преувеличиваете, командир! Какая опасность может грозить вашим детям, которые, как мне известно, находятся очень далеко отсюда, на вашей асиенде, охраняемой целой толпой слуг.

— Да, да. Асиенда далеко! — бормотал, не сводя печального взгляда с трупа благородного белого коня, старый солдат. — И там целая толпа преданных мне слуг, которые, конечно, будут защищать мое имущество и моих детей. Но разве не поднялись против нас сразу три индейских племени? Разве есть гарантии, что восстание не разольется рекой Бог знает как далеко, заливая и те территории, которые мы считаем в совершенной безопасности? Разве индейцы не обладают дьявольским умением делать огромные переходы и обрушиваться на поселки белых, где их менее всего ожидают? И потом, эта женщина, Ялла!.. Ты не знаешь, что это за существо!

— Женщина! — отозвался хладнокровно агент. — Всякая женщина может дать дьяволу сорок очков вперед . Это-то я знаю отлично.

Наступило молчание. Кругом царила почти гробовая тишина. Только откуда-то издалека доносился визгливый вой койота, маленького трусливого волка североамериканской прерии.

— Не ошибаетесь ли вы, командир, принимая этого коня за своего Рэда? — спросил агент. — Ведь вы сами говорите, что много лет не видели его. Разве можно поручиться, что ты узнал животное, если последний раз видел его двадцать лет тому назад?

— Вне всякого сомнения! — ответил печально полковник Деванделль. — Достаточно только взглянуть на этот могучий корпус, стальные ноги, благородную голову, чтобы убедиться в этом. Нет, это он, мой милый, верный конь!

— Послушайте, командир! — прервал его Джон Мэксим. — Ну, ладно. Пусть так. Но вы, ей-богу, раззадорили мое любопытство.

Так не делают. В
не секрет.

— Нет, это н
вижу причин скр
Пойдемте, однак
распорядитесь, чт
могиле. Я не хочу

— Не волнуй

— Я вам расс
на душе станет ле
Мне все кажется,
я жду давно, с мол
Может быть, даже

— Ба! Нападе

— Хотя бы и

— Лишь бы н
рожевые посты, а
в такой выгодной
напасть, разве что

Полковник и Д
пустили их. Прох
ность убедиться,
внезапного нападе
ней мере, пока часо
людей: в маленьком
не осознавал, как
предосторожности.

Войдя в палатку
бросил беглый взг
глубоким сном, вы
наливая два больши

— Вот, выпейте
вам тело и пошлет

Полковник залп
на стоявшее рядом

— История, кот
цать лет тому назад
я начал свою карье
индейцы еще не н
Нередко даже заиск
ных они могли полу
рода спиртные напит
слишком отважные т
Дальнего Запада дал
назад и оставляли св
жих. Но это бывало
случаях служило пов

Так не делают. Вы должны мне все рассказать. Конечно, если это не секрет.

— Нет, это не секрет! Это старая и грустная история. И я не вижу причин скрывать то, что случилось со мной, когда я был молод. Пойдемте, однако, здесь нам больше делать нечего. Завтра утром распорядитесь, чтобы и коня и его всадника солдаты зарыли в одной могиле. Я не хочу, чтобы их трупы терзали хищные птицы и койоты.

— Не волнуйтесь, полковник! Все будет сделано!

— Я вам расскажу свою историю. Может быть, от этого у меня на душе станет легче. Знаете, Джон, у меня ужасное предчувствие. Мне все кажется, что надо мной вот-вот разразится гроза, которую я жду давно, с молодости. Это должно случиться скоро, очень скоро! Может быть, даже завтра утром!

— Ба! Нападение индейцев?!

— Хотя бы и это!

— Лишь бы не застали врасплох! Я распоряжусь удвоить сторожевые посты, а на отряд, который хорошо охраняется и находится в такой выгодной позиции, как наша, индейцы никогда не посмеют напасть, разве что тайком!

Полковник и Джон Мэксим вернулись к лагерю. Часовые пропустили их. Проходя сторожевую цепь, полковник имел возможность убедиться, что лагерь действительно хорошо охраняется и внезапного нападения индейцев опасаться не приходится, по крайней мере, пока часовые не устали. Но он мог рассчитывать на своих людей: в маленьком отряде не было ни одного человека, который бы не осознавал, как опасно положение и как необходимы все меры предосторожности.

Войдя в палатку, Джон развел прямо на полу маленький костер, бросил беглый взгляд на Миннегагу, которая, казалось, спала глубоким сном, вытащил из походного сундука бутылку джина и, наливая два больших стакана, сказал Деванделлю:

— Вот, выпейте-ка этого зелья, полковник! Оно мигом согреет вам тело и пошлет к дьяволу ваши черные мысли!

Полковник залпом опорожнил поданный ему стакан и опустился на стоявшее рядом седло. Агент поместился тут же, около него.

— История, которую я хочу тебе рассказать, случилась двадцать лет тому назад. Как и многие другие искатели приключений, я начал свою карьеру с бродяжничества по прериям. В то время индейцы еще не ненавидели белых с такой силой, как сейчас. Нередко даже заискивали перед ними, так как только от бледнолицых они могли получить необходимое им оружие, а также всякого рода спиртные напитки, до которых они большие охотники. Правда, слишком отважные трапперы, пробиравшиеся в необозримые прерии Дальнего Запада дальше, чем следовало, не возвращались больше назад и оставляли свои окровавленные скальпы в руках краснокожих. Но это бывало сравнительно редко и лишь в очень немногих случаях служило поводом для обострения отношений.

Уже тогда я считался хорошим стрелком, и мои охотничьи подвиги снискали мне большую популярность среди различных индейских племен, с вождями которых я поддерживал дружеские отношения.

Однажды, скитаясь по прерии в поисках добычи, я совершенно неожиданно для себя забрался в такую глушь, в какую раньше никогда не забредал. Здесь я наткнулся на большой отряд сиу.

— Ого! — вставил агент, набивая и закуривая трубку. — Эти дьяволы и двадцать лет тому назад не очень-то любили нашего брата!

— Совершенно верно, Джон. Поэтому, когда я был схвачен индейцами, я уже заранее считал себя приговоренным к смерти и мысленно рисовал все пытки, каким должен был подвергнуться согласно индейским обычаям.

— Какому же чуду я обязан удовольствием слушать сейчас ваш рассказ, мистер Деванделль? — снова вставил, смеясь, агент.

Полковник ничего не ответил на эту шутку и, немного помолчав, продолжал:

— Знаком ли ты с очень распространенной среди индейцев легендой о «большой белой лошади»?

— Да, мне не раз приходилось слышать от охотников Дальнего Запада, а также и от индейцев, будто они видели в прерии, среди диких мустангов, удивительно красивого белого коня, который, по их рассказам, отличается такой невероятной быстротой и ловкостью, что все усилия самых лучших охотников поймать его терпели полную неудачу.

— Ты верил этой легенде?

— Признаться, не очень. Я считал ее одной из тех историй, которые рассказываются в прерии во время ночных бдений у костра, когда бессонница или опасность не дает возможности уснуть.

— Как видишь, ты ошибался, мой друг! Белая лошадь оказалась реальным существом, а не плодом охотничьего воображения.

Джон Мэксим с некоторым сомнением тряхнул головой и сказал:

— Продолжайте, полковник! Ночь все равно уже потеряна! Послушаем, что случилось с вами дальше.

— Итак, — возобновил свой рассказ полковник Деванделль, — я уже считал себя погибшим, как вдруг в один прекрасный день в вигвам, служивший мне тюрьмой, вошел вождь захватившего меня в плен племени, по имени Мога-ти-Ассах, и сказал:

— В наших прериях появился большой белый конь, которого никто из моих людей не может поймать и привести ко мне. Я много слышал о твоей ловкости и предлагаю тебе поймать для меня этого коня. Если ты сможешь сделать это, я не только пощажу твою жизнь, но и отдам тебе в жены мою дочь, Яллу, самую красивую девушку Дальнего Запада. Если же тебе не удастся сделать это, я прикажу привязать тебя к столбу пыток и твой скальп украсит мой щит.

— Да! — буркнул агент. — Положение не из завидных.

— Конечно, — ложение, хотя мне индианки. Я рассч бежать и найти себ ного, чем сиу.

На другой день который должен бы бежать мне будет индейцев, следивш

Несколько неде следы диких муст табуны, но таинстве отчаиваться, как вд группа лошадей, ср животное с белой ка

Итак, легенда действительно суще это сделать? Та част недели пути была пу ли меня совершенно Следовательно, я бы поимка дикой лошад за подмогой, белая л сначала.

Неудача нисколь разыскивать белую л удачный момент и внимания краснокож

В поисках прошло мне не видать как безопасные способы заходом солнца, прос дел предмет моих пои других мустангов бел

При моем появлен схватился за лассо. белая лошадь, цель м словно привязанная к для меня делом одной картиной, которую ни был словно прикован могучее тело. Это был тор.

Первой моей мысл ружейным выстрелом, поразить и лошадь, уж сильнее и сильнее сжи

— Конечно, — продолжал рассказчик, — я принял это предложение, хотя мне не особенно улыбалась перспектива стать мужем индианки. Я рассчитывал, что мне удастся каким-нибудь образом бежать и найти себе защиту у другого племени, более гостеприимного, чем сиу.

На другой день я выехал в прерию на поиски знаменитого коня, который должен был спасти мне жизнь. Однако я сразу заметил, что бежать мне будет нелегко. За мной по пятам следовало несколько индейцев, следивших за тем, чтобы я не обманул их вождя.

Несколько недель блуждал я по бесконечной прерии, отыскивая следы диких мустангов, несколько раз натыкался на большие табуны, но таинственного белого коня среди них не было. Я начинал отчаиваться, как вдруг однажды утром мне встретилась небольшая группа лошадей, среди которых выделялось великолепное сильное животное с белой как снег шкурой, серебром сверкавшей на солнце.

Итак, легенда оказалась не пустой выдумкой. Белая лошадь действительно существовала, оставалось только поймать ее. Но как это сделать? Та часть прерии, где я встретил белого коня, на целые недели пути была пустынна. Зная это, мои стражи-индейцы оставили меня совершенно одного искать прельстившую их вождя лошадь. Следовательно, я был одинок и справиться с такой задачей, как поимка дикой лошади, не мог. Пока я съездил в индейский поселок за подмогой, белая лошадь уже исчезла. Пришлось начинать поиски сначала.

Неудача нисколько не обескуражила меня, я снова принялся разыскивать белую лошадь, надеясь или поймать ее, или же выбрать удачный момент и бежать, спасая свой скальп от чрезмерного внимания краснокожих воинов.

В поисках прошло еще несколько дней. Я уже решил, что лошади мне не видать как своих ушей, и начал придумывать наиболее безопасные способы бегства, как вдруг однажды вечером, перед заходом солнца, проезжая мимо небольшого перелеска, опять увидел предмет моих поисков — мирно пасшегося в компании десятка других мустангов белого коня.

При моем появлении весь табун бросился бежать прежде, чем я схватился за лассо. И вдруг, к своему удивлению, я увидел, что белая лошадь, цель моих поисков, задержалась у какого-то дерева, словно привязанная к нему канатом. Доскакать до этого дерева было для меня делом одной минуты. Я соскочил с коня и оказался перед картиной, которую никогда не забуду. Великолепный белый мустанг был словно прикован к дереву черной петлей, захлестнувшей его могучее тело. Это была гигантская змея, страшный боа-констриктор.

Первой моей мыслью при виде этого чудовища было убить его ружейным выстрелом, но я сообразил, что так я легко мог бы поразить и лошадь, уже выбивавшуюся из сил в стальной петле, все сильнее и сильнее сжимавшей ее тело. Тогда, повинуясь страшному

чувству непреодолимой симпатии к погибающему белому коню, я
ринулся в бой с душившим его пресмыкающимся, вооружившись
одним только ножом, острым, как бритва. Боа не хотел выпускать
свою добычу. Он обернулся ко мне, яростно шипя и грозя своим
гибким туловищем схватить и меня, но страшная рана, нанесенная
ему ножом в шею, заставила его спрятать голову. Так он мне
подставил свое брюхо, и я распорол туловище змеи на полметра,
почти перерубил его, не коснувшись тела коня. Чудовище было
побеждено. Его длинное гибкое тело, истекая кровью, упало, разжав
петлю, к ногам коня. Одним ударом я отсек отвратительную голову
и ногой отшвырнул ее в сторону. Во все время этой борьбы белый
конь, задыхаясь, глядел на меня умоляющими глазами, ржал, словно
прося его избавить от живой петли, даже пытался лизнуть меня
языком. Признаюсь, когда змея была убита, у меня не хватило духа
захватить вольного мустанга: он только что избавился от страшной
опасности, от гибели, и было бы просто нехорошо воспользоваться
этим и взять его в неволю.

Но, освободившись, мустанг не тронулся с места: он стоял возле
меня, тихо и ласково ржал, он положил свою благородную голову
мне на плечо, он тянулся ко мне, ласкаясь. Он был моим, но не
пленником, не рабом, а другом, добровольно оставшимся вместе со
мной.

В этот же день мы впервые вместе поскакали по бесконечному
простору прерии. Боже, что это была за скачка! Я одним прыжком
вскочил на широкую спину мустанга, держась руками за роскош-
ную гриву, и он помчался стрелой. Казалось, конь плывет по
воздуху, не касаясь земли ногами. Ветер свистел у меня в ушах.
Взгляд не успевал улавливать очертания предметов, мимо которых
мы проносились. Холмы и долины, ручьи и болотца, луга и перелес-
ки — все это мелькало мимо, мимо. А мы неслись, неслись!
Право, я испытал такое чувство, будто у моего коня пара крыльев
и он носит меня по своему царству, с гордостью показывая свои
владения.

Но вот мы приблизились к лагерю сиу.

Конь не испугался, не остановился перед человеческим жильем.
Гордо и смело, совершенно спокойно, как будто возвращаясь к себе
домой, вступил он в лагерь индейцев. Это было поразительно, это
граничило с чудом. Индейцы были в восторге.

Мога-ти-Ассах, великий сахэм[4] племени, приблизился ко мне и
сказал:

— Маниту покровительствует тебе, и твоя жизнь будет отныне
священной для каждого воина моего племени. Ты — мой сын,
потому что я поклялся перед лицом «ворот первого человека», что
отдам свою дочь в жены тому, кто добудет белого коня прерий. Ялла
твоя. Возьми ее.

— И он дал тебе в жены какую-то индейскую ведьму, грязную
косматую, краснокожую бабу с жесткими, как у лошади, волосами

и скуластым лиц
спросил, улыбаясь
— О, нет! —
полном смысле эт
видел много краси
не могла сравнить
нашей расы — эт
индианкой, а я бы
риться, если бы не
Ялла, была истинн
го, неукротимого и
ских племен Севе
противоположным
временами мне каз
земли, а мститель
исчадие ада. Очень
мание, взаимное ра
меня: в ней вспыхн
ревность, сжигавша
вавшихся между на
темную ночь, оседл
и покинул лагерь с
Гнались за мной
Не знаю.
Может быть, все
летел как на крылья
И вот я снова в
прерии, и месяцы бр
мне каким-то кошм
Мексикой. Я отправ
В Соноре я встретил
и она стала моей жен
в прерии. Там же, в С
на землях, получен
асиенда, которая тебе
— Ну а твоя пре
не слышал о ней с то
— Подожди. Про
воспитании двух мои
стью, рано умерла, и
Я жил мирной и с
Но вот однажды в мое
частоколе, окружавше
ружили пучок индейс
вязанный змеиной шк
— Знак, что враг
— Да, своего рода

и скуластым лицом, словно высеченным топором из камня? — спросил, улыбаясь, агент.

— О, нет! — ответил полковник. — Ялла была красавицей в полном смысле этого слова, даже с европейской точки зрения. Я видел много красивых девушек среди индианок, но ни одна из них не могла сравниться с моей Яллой. Одно отличало ее от женщин нашей расы — это бронзовый цвет кожи. Но все же она была индианкой, а я был белым. Хотя и с этим можно было бы примириться, если бы не голос крови, разделявший нас: Ялла, красавица Ялла, была истинной дочерью своего племени, дикого, беспощадного, неукротимого и кровожадного, самого страшного из всех индейских племен Северной Америки. Ее внутренний мир был прямо противоположным моему, моим воззрениям и убеждениям. Право, временами мне казалось, что моей женой стала не женщина, дитя земли, а мстительное существо внеземной категории, какое-то исчадие ада. Очень скоро между нами возникло взаимное непонимание, взаимное раздражение. Но Ялла предъявляла свои права на меня: в ней вспыхнула роковая страсть, дикая, ничем не укротимая ревность, сжигавшая ей душу. Не буду описывать сцен, разыгрывавшихся между нами. Все кончилось тем, что я выбрал бурную и темную ночь, оседлал своего верного коня, этого самого мустанга, и покинул лагерь сиу.

Гнались за мной?

Не знаю.

Может быть, все племя неслось в погоню за моим конем, но он летел как на крыльях.

И вот я снова встретил братьев среди белых. И пережитое в прерии, и месяцы брачной жизни с покинутой мной Яллой кажутся мне каким-то кошмарным сном. В это время вспыхнула война с Мексикой. Я отправился туда волонтером, я дрался за мою родину. В Соноре я встретил молодую и прекрасную женщину, мексиканку, и она стала моей женой, я нашел то счастье, которое не смог найти в прерии. Там же, в Соноре, я поселился, построив большую асиенду на землях, полученных моей женой в приданое. Это та самая асиенда, которая тебе, Джон, известна.

— Ну а твоя прежняя жена? Эта самая Ялла? Ты так ничего и не слышал о ней с того времени, как сбежал из поселка сиу?

— Подожди. Прошло несколько лет. Я посвятил себя заботам о воспитании двух моих детей, Джорджа и Мэри; моя жена, к несчастью, рано умерла, и дети остались на моих руках.

Я жил мирной и спокойной жизнью. Никто меня не тревожил. Но вот однажды в мое жилище долетели вести неведомо откуда. На частоколе, окружавшем мою усадьбу, рабочие как-то утром обнаружили пучок индейских стрел с окровавленными концами, перевязанный змеиной шкурой.

— Знак, что враг поклялся отомстить и сдержит свое слово!

— Да, своего рода заявление: берегись, я не забыл и не простил!

— Значит, эта индейская ведьма разыскала-таки тебя?

— По-видимому, да. Я находился в Соноре, на территории, где обитали арапахо. Но это племя давно уже примирилось с белыми, признав бесполезность борьбы. С их вождями я был в прекрасных отношениях. Арапахо находились в состоянии войны с сиу. Все это давало мне известные гарантии безопасности. Но Ялла или посланные ею разведчики и среди арапахо нашли меня и сообщили мне об этом.

Они достигли своей цели: с этого момента моя жизнь превратилась в сплошную пытку.

Нет, я не боялся за себя.

Разве я не солдат? Разве я не видел смерть лицом к лицу десятки раз? Разве я боялся умереть?

Нет, и тысячу раз нет!

Ведь умирают только один раз, и когда-нибудь придется умереть! Но я боялся за жизнь моих детей. Я знал, как изобретательны сиу, особенно женщины этого племени, когда речь идет о том, чтобы придумать месть почувствительнее, поужаснее. Ялла знала, что я безумно люблю детей, и могла воспользоваться этим, чтобы на детях выместить свою злобу, свою ненависть к их отцу.

И я не ошибся: следом за зловещим вестником мести на меня начали обрушиваться беды.

Трижды неведомо откуда налетевшие и неведомо куда скрывшиеся индейские отряды пытались поджечь мою асиенду. Дважды в меня летели пули и стрелы.

Признаюсь, меня это утомило.

Я был уже не молод. Я устал. Наконец, мои дети... Я не мог без содрогания подумать о том, какая участь постигнет их, если чья-нибудь предательская рука убьет меня и я оставлю их одинокими в этом змеином гнезде.

Я уже решил расстаться с моей богатой асиендой, ликвидировать дело и переселиться с детьми в один из восточных штатов, где нет краснокожих. Но в это время вспыхнула давно предсказанная война красных против белых, поднялись многие племена индейцев. Правительство, застигнутое врасплох, призвало под свои знамена всех старых солдат, которых могло немедленно мобилизовать в близких к месту военных действий районах. Мне пришлось покинуть мою усадьбу и идти сражаться. Наш отряд, ничтожный численно, имел поручение величайшей важности, потому что это мы преграждали путь индейцам сиу. Остальное ты знаешь.

— Но... но как этот белый мустанг мог попасть сюда? — спросил правительственный агент.

— Я забыл сказать, — ответил полковник, — что уже много лет назад Рэд загадочным образом исчез во время нападения индейцев на мою асиенду. По-видимому, нападавшие увели его с собой, и тщетно я искал мою любимую лошадь. Он бесследно пропал. И теперь вернулся только затем, чтобы я увидел его мертвым.

— Как могли

— Для меня эт

Рэда в поселении

нить моего коня к

должен признаться

сиу Рэд охотнее с

слышал звуков ее

и Рэд пошел на ее

После непродол

снова:

— У вас были

Полковник взд

говорившего.

— Не знаю. Не

недолго выдержал ж

через три месяца по

Джон Мэксим п

костер, разложенны

наполнил вином ста

— Дела. Настоя

теперь и для меня

показалось сначала.

ни стало разгадать

поплатиться. Знаете,

я слишком поторопи

Право! Пожалуй, бы

Конечно, из них добр

способов заставить

дела не поправишь!

Но меня немного ут

отродье, эта девчонка

— Что ты думае

полковник. — Не за

церемонятся, и если и

которым они не подве

ных. Но ведь мы-то с

— Гм! Посмотрим

держу пари на какую

что нам позарез нео

добром!

Джон Мэксим вста

Девочка лежала у

ряясь спящей. Но ее ве

не глядели в ее сторон

и взор ее с ненавистью

— Как могли индейцы увести лошадь?

— Для меня это было ясно: дело в том, что с момента появления Рэда в поселении сиу, Ялла, казалось, задалась целью — перемани́ть моего коня к себе. Она ласкала Рэда, ухаживала за ним, и должен признаться, что в последние дни моего пребывания среди сиу Рэд охотнее слушался Яллы, чем меня; он скучал, когда не слышал звуков ее голоса. Вероятно, Ялла была среди нападавших, и Рэд пошел на ее зов.

После непродолжительного молчания индейский агент заговорил снова:

— У вас были дети от этой... дикарки?

Полковник вздрогнул и с откровенным страхом поглядел на говорившего.

— Не знаю. Не знаю! — растерянно бормотал он. — Ведь я недолго выдержал жизнь с Яллой. Я покинул становище сиу ровно через три месяца после свадьбы.

Джон Мэксим подбросил полено в уже потухавший маленький костер, разложенный на полу палатки, набил трубку табаком, наполнил вином стаканы и сказал:

— Дела. Настоящий узел! Путаница сверхъестественная! Но теперь и для меня ясно, что здесь все не так просто, как мне показалось сначала. Скверная загадка. И нам нужно во что бы то ни стало разгадать ее. Если нам не повезет, мы можем жестоко поплатиться. Знаете, пожалуй, нам все-таки придется признать, что я слишком поторопился, расстреляв этого индейского молодца. Право! Пожалуй, было бы лучше придержать его, порасспросить. Конечно, из них добром слова не вытянешь. Но мало ли существует способов заставить человека разговориться? Но теперь, конечно, дела не поправишь! Пуля что воробей. Вылетит — не остановишь... Но меня немного утешает, что у нас осталось еще одно змеиное отродье, эта девчонка.

— Что ты думаешь делать с нею? — раздраженно отозвался полковник. — Не забывай: это ребенок! Правда, краснокожие не церемонятся, и если им в руки попадется дитя белых, нет таких мук, которым они не подвергли бы потомков ненавистных им бледнолицых. Но ведь мы-то с тобой не индейцы, не дикари.

— Гм! Посмотрим. Во всяком случае, девочка очень хитра, и держу пари на какую угодно сумму, она знает очень много из того, что нам позарез необходимо. Попробуем расспросить змееныша добром!

Джон Мэксим встал и подошел к Миннегаге.

Девочка лежала у столба, к которому была привязана, притворяясь спящей. Но ее веки трепетали. Когда ни полковник, ни агент не глядели в ее сторону, Миннегага открывала на мгновенье глаза и взор ее с ненавистью впивался в фигуры двух мужчин.

Джон Мэксим склонился над пленницей, но как раз в этот момент где-то поблизости прогрохотало два ружейных выстрела и одновременно донесся тревожный крик:

— К оружию! Индейцы!

— Проклятая ночь! — пробормотал агент, хватаясь за свой карабин. — Идемте, полковник? — обратился он к командиру, задумчиво и рассеянно глядевшему на Миннегагу.

За палаткой слышались голоса разбуженных и тревожно перекликавшихся солдат, но ни выстрелов, ни тревожных криков часовых больше не повторялось.

— Что случилось? — обратился полковник Девандель к подвернувшемуся неподалеку от палатки сержанту. — Нас атакуют? Люди уже на местах? Где индейцы?

— Никак нет! — ответил тот успокаивающим тоном. — По-видимому, это была ложная тревога. Никто не слышал боевого крика сиу.

— А кто сторожил у ущелья? — поинтересовался Девандель.

— Гарри и Джордж, трапперы.

— Значит, что-нибудь да случилось! — озабоченно сказал Девандель. — Трапперы слишком хорошие разведчики, чтобы поднять тревогу попусту. Кстати, вот один из них. В чем дело, Гарри?

Вышедший из-под нависающей скалы траппер ответил:

— Командир, этой ночью происходят, ей-богу, престранные вещи! Сиу должны быть где-нибудь совсем недалеко отсюда. Вот один из них. Он наткнулся на мою пулю, которая уложила его рядом с белым конем!

Мгновенье спустя из уст индейского агента вырвался крик изумления:

— Один индеец в самом деле лежит тут. Но где же другой?

— Какой? — живо обернулся полковник.

— Ну, тот самый, которого мы расстреляли, — Птица Ночи. Где его труп? Ведь он был привязан именно к этой скале. А теперь здесь пусто.

Полковник оглянулся и убедился в том, что Джон прав: трупа Птицы Ночи не было ни у скалы, ни поблизости от нее. По-видимому, индейские лазутчики, воспользовавшись ночной мглой, прокрались-таки мимо сторожевых постов и унесли тело молодого воина.

Гарри и Джордж, ошарашенные происшедшим, неистово ругались: краснокожие ухитрились не только проскользнуть сюда мимо них, но даже украсть и унести труп... Это было позором для разведчиков!

Полковник, не обращая внимания на отводивших душу трапперов, взял из рук Мэксима фонарь и направился к трупу белого коня.

То, что он искал, было примерно шагах в пяти: рядом с ... лежал труп индейца средних лет, могучего сложения. Лицо поко...

ника, изукрашен...
Тело убитого бле...
вони племени сиу...
ся скользким, ка...
протянув руки п...
тянется к толстой ...
седла.

— Ага. Вот то...
голос индейского а...
тил вытянутую р...
найдем кое-что, ч...

Джон Мэксим, ...
мертвой руки, выта...

На крик агента ...
ущелья Смерти: та...

— Иккискот! ...
сопровождавших по...

Лица солдат по...
закаленных в боях ...
их души. Все это с...
звучавшее слово: ик...

Что оно означае...

Иккискот — это...
Северной Америки. ...
на далеком расстоян...
деленным образом, ...
всего воины, владею...
разгар боя. И тогда ...
свист и трели, ни с ч...
чудится, что это ши...
яростный вопль убий...
ной жертве, предсмер...
из могилы.

Происхождение «...
запытав его до смерти...
рует убитого, потом о...
оглодать все мясо крас...
трубу или огромный ...
расставаться, особенно...

У иного «знамени...
в вигваме хранится це...
вечерам воин снимает ...
определенном порядке ...
чет про себя, вспомин...
белая, как слоновая, гл...
зарубками и насечками...

ника, изукрашенное татуировкой, исказила предсмертная судорога. Тело убитого блестело: отправляясь на рискованное предприятие, воин племени сиу вымазался с ног до головы маслом, чтобы сделаться скользким, как угорь. Он лежал, уткнувшись лицом в землю, протянув руки по направлению к коню. Казалось, он и сейчас тянется к толстой голубой попоне, покрывавшей спину Рэда вместо седла.

— Ага. Вот то, что эта змея хотела уничтожить! — раздался голос индейского агента, который, опередив Девандельля, уже схватил вытянутую руку убитого индейца. — Надеюсь, в этом мы найдем кое-что, что поможет нам распутать клубок. Пусти!

Джон Мэксим, с усилием разжав сведенные судорогой пальцы мертвой руки, вытащил клочок измятой бумаги.

На крик агента словно эхом откликнулись зловещие звуки из ущелья Смерти: там кто-то засвистел, давая, очевидно, сигнал.

— Иккискот! — послышались взволнованные голоса солдат, сопровождавших полковника к месту казни молодого индейца.

Лица солдат побледнели. Невольная дрожь прошла по телам закаленных в боях людей. Какая-то парализующая жуть охватила их души. Все это сделало только одно единственное, так странно звучавшее слово: иккискот.

Что оно означает?

Иккискот — это боевой свисток некоторых индейских племен Северной Америки. Им пользуются краснокожие, переговариваясь на далеком расстоянии при помощи звуков, комбинируемых определенным образом, готовясь к нападению или отступая. Но чаще всего воины, владеющие этим свистком, пускают его в ход в самый разгар боя. И тогда над полем сражения несутся пронзительные свист и трели, ни с чем не сравнимые. Тому, кто слышит эти звуки, чудится, что это шипенье гремучей змеи и свист летящей стрелы, яростный вопль убийцы, наносящего последний удар уже беззащитной жертве, предсмертный стон самой жертвы и, быть может, голос из могилы.

Происхождение «иккискота» ужасно: убив своего врага или запытав его до смерти на «столбе пыток», индеец сначала скальпирует убитого, потом отсекает от трупа ноги. Из берцовой кости, дав оглодать все мясо красным муравьям, он затем делает своеобразную трубу или огромный свисток, с которым старается никогда не расставаться, особенно если есть возможность встретиться с врагами.

У иного «знаменитого» воина какого-нибудь свирепого племени в вигваме хранится целая коллекция таких свистков. Нередко по вечерам воин снимает их со стены жилища, где они развешаны в определенном порядке, перетирает, пробует, продувает. Он бормочет про себя, вспоминая историю о том, как и когда именно эта белая, как слоновая, гладкая, словно отполированная, украшенная зарубками и насечками кость попала ему в руки.

«Он убил моего отца, но я подстерег и заколол его копьем и отрубил его правую ногу, когда он еще издыхал, и унес с собою!»

Когда такой «коллекционер» умирает, в большинстве случаев все собранные им лично иккискоты кладутся вместе с ним в могилу. Но иногда, если его сыновья еще малы и сами не могут добыть для себя иккискот, отец оставляет свою коллекцию детям. Впрочем, только до того момента, пока они сами не пойдут по тропе войны уже за своими собственными иккискотами и не обзаведутся ими, тогда старые, служившие отцу, должны быть зарыты в его могилу.

У некоторых племен, или, вернее, родов, иккискот, наоборот, становится реликвией всего рода, и целые кучи человеческих берцовых костей, превращенных в свистки, украшают стены и потолок типи совета.

Теперь, разумеется, когда индейцы загнаны в резервации и кровопролитные войны их между племенами и бледнолицыми отошли в область преданий, добыча новых иккискотов стала почти невозможной, по крайней мере, очень затруднительной, индейцы прячут ужасные свистки от взоров белых. Но поройтесь в их домашнем хламе, даже в какой-нибудь «резервации», где уже существует устроенная американская школа, где живет врач и миссионер, и в огромном большинстве случаев вы все-таки найдете тщательно запрятанный иккискот.

Только не спрашивайте, нов ли он или унаследован от предков: сказать правду индеец не может...

Даже сейчас, когда около резервации находят чей-нибудь труп, очень часто у этого трупа оказываются отрубленными ноги. Кости понадобились для изготовления свежего иккискота.

Теперь нашему читателю будет понятно то чувство, которое испытывали люди из отряда полковника Деванделля в эту бурную и тревожную ночь, слыша переливчатые, зловещим эхом отдающиеся в горах звуки ужасного иккискота индейцев племени сиу.

— По местам, ребята! — отдал приказ сбежавшимся солдатам полковник Деванделль. — Рассыпаться малыми группами у входа в ущелье! Укрываться тщательно! Придется стрелять — целиться метко, дорожить каждой пулей. Придется схватиться врукопашную — поддерживать друг друга.

Позиция выбрана удачно. Десять человек за этими камнями могут выдержать натиск целой сотни врагов. Справимся и на этот раз, как справлялись раньше, но, разумеется, надо держать ухо востро...

Выполняя приказание, солдаты моментально заняли указанные места. Тем временем полковник обратился к индейскому агенту Мэксиму со словами:

— Эта бумажка, из-за которой поплатился жизнью еще один краснокожий, у тебя? Ну, так давай зайдем в палатку. Нападение будет не сию минуту, у нас хватит времени разобрать, что содержит в себе и кому адресовано это загадочное послание.

И они направи
А во мгле ущел
от времени вдруг
разговаривали ужа
шихся к бою со св

В то время,
Деванделля
скал, сам командир
своей палатки.

Маленькая плен
спала или, по край

— Давай сюда б
ник, которого, каза
тянулся к таинстве

— Вот она! —
клочок. — Не я буд
Иначе этот красноко
ной шкурой!

Старый солдат вз
правил ее и поднес
вырвался из его груд

— Я говорил, я
— Что случилос
— Мои дети, мои
— Да что такое
— Смотри сам. М
идет к этому. В этой б
арапахо, и Черному
напав на факторию, а
— Распоряжение
— От имени моей
так далеко от них и ни
И полковник опу
руками.

Индейский агент,
ший собою, выглянул и
ужасного иккискота с
затишье перед бурею.
его безутешному Дева
— Соберитесь, ком
штуки. Джим отлично

И они направились к палатке.

А во мгле ущелья, казалось, скользили тени-призраки, и время от времени вдруг доносился до лагеря зловещий звук свистка. Это разговаривали ужасные иккискоты индейцев племени сиу, готовившихся к бою со своими смертельными врагами — бледнолицыми...

НАПАДЕНИЕ СИУ

В то время, как волонтеры и солдаты отряда полковника Деванделля занимали заранее выбранные позиции среди скал, сам командир в сопровождении индейского агента добрался до своей палатки.

Маленькая пленница не пошевелилась при их появлении. Она спала или, по крайней мере, притворялась спящей.

— Давай сюда бумагу! — обратился к Джону Мэксиму полковник, которого, казалось, била лихорадка: с таким нетерпением он тянулся к таинственному документу.

— Вот она! — ответил Джон, протягивая Деванделлю измятый клочок. — Не я буду, если эта штука не окажется важной для нас. Иначе этот краснокожий дьявол не рисковал бы из-за нее собственной шкурой!

Старый солдат взял бумажку дрожащей рукой, тщательно расправил ее и поднес к глазам. В то же мгновенье болезненный стон вырвался из его груди, он схватился за голову.

— Я говорил, я говорил тебе это! — вскрикнул он.

— Что случилось? — всполошился агент.

— Мои дети, мои несчастные дети!

— Да что такое случилось?

— Смотри сам. Мои дети похищены. Или, по крайней мере, дело идет к этому. В этой бумаге содержится указание Левой Руке, вождю арапахо, и Черному Котлу, другому вождю, похитить моих детей, напав на факторию, а потом присоединиться к восставшим чейенам.

— Распоряжение? От чьего имени?

— От имени моей бывшей жены Яллы. Мои несчастные дети. Я так далеко от них и ничем, решительно ничем не могу защитить их.

И полковник опустился у походного стола, стиснул голову руками.

Индейский агент, тоже взволнованный, но все же более владевший собою, выглянул из палатки, прислушался, убедился, что звуки ужасного иккискота смолкли и кругом царит тишина, может быть, затишье перед бурею. Вернувшись, он налил джин в стакан и поднес его безутешному Деванделлю со словами:

— Соберитесь, командир! Прежде всего хлебните-ка вы этой штуки. Джин отлично согревает, проясняет мозги и разгоняет

мрачные мысли. Пейте же; потом и я хлопну стаканчик! Затем, пока сиу оставили нас в покое, давайте поговорим, посовещаемся немного. Прежде всего из-за чего вы так всполошились? Ну, ладно! Эта индейская ведьма отдала такой приказ. Так. Но от чаши до уст, сами знаете, далеко. Во-первых, как вы сами видите, мы ухлопали двух краснокожих. «Ордер» в наших руках и не дошел по назначению. Распоряжение Яллы, значит, не может быть исполнено. До вашей фактории, слава Богу, очень далеко. Чтобы добраться туда, потребуется немало времени для любого гонца. А мы ведь тоже дремать не будем. Можем сами послать кого-нибудь предупредить вашу семью о грозящей опасности.

— Сиу могли послать не одного гонца, а двух или трех.

— Может быть. Но мы бы видели их. Согласитесь, наши солдаты сторожат недурно. Уж если эта Птица Ночи на превосходном коне попалась в наши сети, то другие гонцы имеют еще меньше шансов проскользнуть незамеченными.

— Ты забываешь, что они могли послать своих гонцов не по одному направлению. Какой-нибудь лазутчик мог избрать более длинный путь по горам, обойти наш лагерь. Переползать со скалы на скалу змеей, а потом раздобыть мустанга и помчаться к фактории с быстротой стрелы. А как быстро индейские разведчики исполняют подобные поручения, ты знаешь сам. Они мчатся днем и ночью, останавливаясь для отдыха лишь на очень короткое время, часа на два-три. Индейцы меняют в пути лошадей, бросают усталых, берут свежих, благо в степях еще нетрудно найти целые стада мустангов, и опять мчатся...

— Ваша правда, полковник! — взволнованно отозвался Джон Мэксим. — Об этом, признаюсь, я как-то не подумал. Но ведь вы же сами говорите: таким гонцам придется сделать огромный крюк по горам, а это чего-нибудь да стоит.

— Мои дети, мои несчастные дети! — не слушая его утешений, шептал полковник Деванделль. — Горе мне, горе им, если они действительно попадут в руки беспощадной Яллы. Если бы я мог...

— Что? Стойте, командир! Горе — горем, но дело — делом. Я вижу, если бы вы могли, вы бросили бы все и помчались на защиту вашей фактории.

— Моих детей! — поправил его старый солдат.

— Все равно! Важно то, что вы покинули бы свой пост. А ваше место здесь. Если вы уйдете отсюда — вы откроете путь на Колорадо для всех полчищ сиу. Подумайте, каковы будут последствия этого!

— Не бойся! — с горькою улыбкою ответил Деванделль. — Я не забуду о моем долге и не уйду отсюда. Но не могу же я оставить на произвол судьбы моих несчастных детей?

— Вы правы! Хотите, я дам вам совет, за который вы будете очень благодарны?

— Говори.

— Я вам тут по
в вашу факторию
что мы доберемся
рука, если он тол
детей, успеет что-
— Но прерии у
ты, Джон, добраться
грозить опасность
— Эх, что за
скальпом, командир
вом по прерии, что
караваны вооружен
уверен, что мне уд
отряду, и это обле
Соленого озера я до
Вы только дайте мн
возьму людей, на ко
двух трапперов —
прерию лучше, чем
великолепные муста
стангами краснокож
им будет грозить се
защищать свою шку
все штуки, все дья
командир. Времени
пока сиу оставили н
пленницу, эту девоч
со временем она, ка
для нас. Держу пари
ного вождя, если не
индейцы очень дорож
ли?

Полковник взволн
— Пусть будет
волнения голосом. —
моих детей.

Не теряя ни мин
карабин, пару длинно
и вышел из палатки.
будь поблизости в зас
будил маленькую гле
— Готовься отпра
Девочка поглядела
глазами.

— Куда посылаен
— К Левой Руке!

— Я вам тут почти совершенно не нужен. Пошлите-ка вы меня в вашу факторию с парочкой бывалых степных бродяг. Ручаюсь, что мы доберемся до фактории Сан-Фелипэ раньше, чем Левая Рука, если он только получит распоряжение Яллы насчет ваших детей, успеет что-либо предпринять.

— Но прерии уже кишат индейцами! Сумеешь ли, сможешь ли ты, Джон, добраться до фактории? Ведь на каждом шагу тебе будет грозить опасность попасть в руки восставших краснокожих!

— Эх, что за беда?! Разве мне в первый раз рисковать моим скальпом, командир? Кроме того, гонцы, разосланные правительством по прерии, чтобы предупредить поселенцев, собирают большие караваны вооруженных людей и отводят под защиту фортов. Я уверен, что мне удастся присоединиться к какому-нибудь такому отряду, и это облегчит мою задачу. Так или иначе, до берегов Соленого озера я доберусь в большой компании, а там будет видно. Вы только дайте мне двух попутчиков по моему личному выбору. Я возьму людей, на которых можно положиться. Например, я взял бы двух трапперов — Гарри и Джорджа. Это лихие ребята, и они знают прерию лучше, чем собственные карманы. Кроме того, у них ведь великолепные мустанги, которые могут потягаться с лучшими мустангами краснокожих, а это тоже имеет свое значение. Правда, и им будет грозить серьезная опасность, но Гарри и Джордж умеют защищать свою шкуру. И они лучше, чем кто-либо другой, знают все штуки, все дьявольские хитрости краснокожих. Но решайте, командир. Времени терять нельзя, надо воспользоваться моментом, пока сиу оставили нас в покое. Да, кстати, я бы взял с собою нашу пленницу, эту девочку. В моих руках она будет сохраннее, а ведь со временем она, как заложница, может оказаться весьма ценной для нас. Держу пари, что она дочь какого-нибудь очень влиятельного вождя, если не самого Левой Руки. Вы ведь сами знаете, индейцы очень дорожат своим отпрысками. Так как же? Что решили?

Полковник взволнованно протянул обе руки Мэксиму.

— Пусть будет по-твоему, Джон! — сказал он дрожащим от волнения голосом. — Ты верный друг! Иди же, попытайся спасти моих детей.

Не теряя ни минуты, агент Джон схватил свой великолепный карабин, пару длинноствольных пистолетов, остро отточенный нож и вышел из палатки. Он пошел разыскивать находившихся где-нибудь поблизости в засаде трапперов, а полковник Деванделль разбудил маленькую пленницу, освободил ее от веревок и сказал:

— Готовься отправиться в путь.

Девочка поглядела на него живыми, полными ума, блестящими глазами.

— Куда посылаешь ты меня? — задала она вопрос.

— К Левой Руке! — ответил полковник.

— У-ах! — недоверчиво воскликнула индианка. — Разве Птица Ночи жив и меня могут отвезти к Левой Руке?

— Для этого найдутся люди и помимо твоего спутника.

— Индейцы?

— Конечно, нет. Но белые знают дорогу не хуже индейцев.

— Может быть, ты сам повезешь меня?

— Нет, дитя. Я должен оставаться тут.

— Потому что ты тот вождь бледнолицых, которому поручено не пропускать моих братьев через ущелье Смерти.

— Кто тебе сказал это? — удивился полковник.

— Птица Ночи.

— Так сиу знают мое имя?

— Да. И они хотели бы, чтобы ты был далеко отсюда...

— Кто ты, дитя? Ты говоришь не как ребенок, а как взрослый человек.

Девочка, не отвечая, бросила на Деванделля взгляд, полный злобной ненависти, но солдат не заметил этого взгляда.

— Почему ты не позволяешь мне остаться с тобою? — через мгновенье задала неожиданный вопрос Миннегага. — Я люблю белых и лучше бы осталась с тобой, чем куда-то ехать...

— Но тебя ждет Левая Рука!

— Не беда. Не к спеху.

— Да ведь ты же его дочь?

— Не знаю! — опустила глаза девочка.

— Постой, дитя! Скажи: как ты попала сюда, к сиу, если ты из племени арапахо?

— Не знаю.

— Не был ли Птица Ночи твоим родным братом?

И опять с уст девочки слетело короткое:

— Не знаю.

Ясно было, что она просто уходит от определенных ответов. Но Деванделль еще не потерял надежды вызнать у нее что-нибудь.

— Но ты же знаешь тех, с которыми ты жила? Конечно, ты жила в вигваме какой-нибудь женщины. Как ее звали? Не Ялла ли это? Не дочь ли вождя Мога-ти-Ассаха? Что же ты молчишь?

— Не знаю. Я ничего не знаю! — стиснув зубы, твердила пленница.

— Будешь ли ты говорить?! — вспыхнул полковник, угрожающе сжимая кулаки. Но ему тут же стало стыдно, он отступил от маленькой дикарки, безбоязненно глядевшей на него сверкающими мрачным огнем глазами с совсем не детским выражением.

— Я маленькая девочка! — произнесла индианка. — Какое мне дело до того, интересует воинов? Ну да, ну я жила у одной женщины. Но зачем мне знать ее имя? Ну, да, сиу все вооружены и говорят о великой войне, в которой Маниту поможет им истребить всех бледнолицых. Но меня это не касается. Я не воин. И я люблю белых. Они такие добрые...

В этот момент у
путь лошадей. Джон
и Джордж — пришл
получить от него пос
— Ну, пора! —
Итак, какие распоря
— Спаси моих де
— Постараюсь!
отбивайтесь как след
димся! Правда, ребят
— Положитесь на
в один голос ответили
— Ну, друзья, в д
— Прощайте, пол
же индианка? Мы так
— Подожди, я сей
Но не успел полко
какая-то тень и в то ж
направленного рукой
Удар был так силен,
единого звука.
Миннегага, которо
собом освободиться от
на стене широким мех
ступление осталось не
плававшее в крови т
прошептала:
— Вот тебе, собака
моему племени.
Затем легким, поч
палатки, как ни в чем
Мэксиму.
— Я готова! — ска
поместиться?
— Садись позади
подсаживая в седло. —
В этот момент около
— Вперед, друзья!
шим товарищам самим
полковник! Желаю вам
И трое всадников, п
лись от ущелья Смерти
Прежде чем выбрать
пробраться через узкий
крупными обломками ск
среди которых бурлил и

В этот момент у входа в палатку застучали копыта готовых в путь лошадей. Джон Мэксим и его два спутника — трапперы Гарри и Джордж — пришли проститься с полковником Деванделлем и получить от него последние инструкции.

— Ну, пора! — сказал, входя в палатку, индейский агент. — Итак, какие распоряжения?

— Спаси моих детей. Вот и все! — ответил Деванделль.

— Постараюсь! — отозвался агент. — А вы тут, в ущелье, отбивайтесь как следует. Прощайте же! Не помрем, так еще увидимся! Правда, ребята?

— Положитесь на нас, командир! Сделаем все, что сможем! — в один голос ответили оба траппера.

— Ну, друзья, в дорогу! Пусть хранит вас Бог!

— Прощайте, полковник, — сказал Джон. — Ах, черт... А где же индианка? Мы так заболтались, что чуть было не забыли ее.

— Подожди, я сейчас тебе ее вышлю.

Но не успел полковник обернуться, как за его спиной мелькнула какая-то тень и в то же мгновение остро отточенный клинок ножа, направленного рукой Миннегаги, вонзился ему между лопатками. Удар был так силен, что Деванделль упал на землю, не издав ни единого звука.

Миннегага, которой удалось каким-то одной ей известным способом освободиться от связывавших ее веревок и завладеть висевшим на стене широким мексиканским ножом, убедившись, что ее преступление осталось незамеченным, презрительно оттолкнула ногой плававшее в крови тело полковника и с дьявольской усмешкой прошептала:

— Вот тебе, собака! Теперь уже некому будет преграждать путь моему племени.

Затем легким, почти кошачьим прыжком она выскочила из палатки, как ни в чем не бывало подошла к ожидавшему ее Джону Мэксиму.

— Я готова! — сказала она спокойно. — Где мне прикажешь поместиться?

— Садись позади меня! — сказал агент, беря ее за руку и подсаживая в седло. — Здесь ты будешь под надежной охраной.

В этот момент около ущелья прогремел ружейный выстрел.

— Вперед, друзья! — воскликнул Джон. — Предоставим нашим товарищам самим расправляться с краснокожими. Прощайте, полковник! Желаю вам удачи!

И трое всадников, пришпорив своих мустангов, вихрем понеслись от ущелья Смерти под звуки все разгоравшейся перестрелки.

Прежде чем выбраться на открытое место, всадникам предстояло пробраться через узкий каньон, то есть горное ущелье, заваленное крупными обломками скал и в беспорядке разбросанными камнями, среди которых бурлил и пенился сердитый горный поток.

Джон хорошо знал эти места, которые изъездил вдоль и поперек, играя роль посредника между краснокожими и американскими купцами, и потому он, не задумываясь, направил лошадь в самую середину потока, крикнув своим товарищам:

— Будьте осторожны. Одолеть этот проход не так-то легко!

Всадники уже проехали триста или четыреста шагов, как вдруг среди треска ружейной перестрелки, разгоревшейся у входа в ущелье Смерти, до их слуха донеслись взволнованные крики солдат:

— Полковник, полковник!..

На устах Миннегаги появилась зловещая улыбка, которую она поспешила, однако, тотчас же скрыть под своей обычной маской холодного равнодушия.

— Ты слышал, Гарри? — с недоумением обратился агент к пробиравшемуся рядом с ним через поток трапперу. — Что бы это могло значить? Неужели с нашим командиром случилось какое-нибудь несчастье?

— Не может быть! — ответил Гарри. — Десять минут тому назад мы оставили его живым и здоровым, вряд ли за этот короткий промежуток времени с ним могло случиться что-нибудь серьезное!

Мэксим с сомнением покачал головою и на несколько минут придержал свою лошадь. Но из ущелья уже не было слышно ничего, кроме сухой трескотни выстрелов и боевых криков краснокожих.

— Ну, трогаемся! — скомандовал наконец Джон, по-видимому, победив в себе какое-то сильное сомнение. — Полковник теперь уже, вероятно, сражается во главе своих солдат с этими красными чертями сиу, которым во что бы то ни стало хочется спуститься сюда, в прерии арапахо и чейенов!

Миновав первый каньон, путники спустились во второй, такой же скалистый и такой же труднопроходимый, за которым начинался широкий простор прерий, населенных стадами диких бизонов и антилоп и такими же дикими кочевыми племенами краснокожих наездников.

Путь был настолько труден, что уже через полчаса езды потребовалось дать отдых лошадям. Сойдя на землю, трапперы внимательно стали прислушиваться к отдаленной перестрелке. Несмотря на значительность расстояния, до их слуха ясно доносилась беспорядочная трескотня индейских ружей, прерываемая время от времени дружными и ровными залпами солдатских винтовок.

— А сражение, кажется, разыгрывается не на шутку! — заметил агент, на лице которого все более и более заметно стали проявляться признаки беспокойства.

— Черт бы побрал всех этих Птиц Ночи и Ялл с их покушениями на детей полковника!.. Благодаря им в нашем отряде, что сдерживает теперь натиск этих проклятых сиу, стало тремя меткими карабинами меньше.

— Да! — со вздохом отозвался Джордж. — И еще неизвестно, удастся ли нам вовремя поспеть, чтобы спасти детей командира.

— Все будет за

Джон.

Отдохнув немно
бесконечным. По до
шумные водопады,
мустанги, управляем
прокладывали себе
шагом приближались
гораздо легче.

Через четыре час
следнего каньона. М
прислушался.

— Ничего! — ск

— Только в чью п
Я не знаю, что бы я
и своими глазами вид

— Будем надеять
Деванделля.

Снова злая улыбка

— В чем дело, М
строго спросил ее аген

— Мне показалось
койот! — ответила де

— Удивительно см
ком несерьезна, чтобы
Затем, обернувшись

— Ну, что же, дру

— Разумеется! —
полковника, и чем скор

— Ну, так в дорогу
дет, что будет, а мы
непредвиденными.

При этих словах на
усмешка.

— Черт возьми! —
ни что-то в слишком см
Потрудись сейчас же зак
собаку, в каньон! Право
собою. Было бы гораздо
полковником в лагере,
соплеменников ухлопала

— Я, кажется, не ска
недовольно ответила деву

— А мне-то какое до
меня достаточно! Все вы

Миннегага гневно свер
ла зубы. Увидев это, Г

— Все будет зависеть от быстроты наших коней! — ответил Джон.

Отдохнув немного, отряд снова двинулся в путь. Каньон казался бесконечным. По дороге то и дело попадались причудливые скалы, шумные водопады, цепкие колючие кустарники. Но выносливые мустанги, управляемые опытной рукой своих седоков, настойчиво прокладывали себе путь среди всех этих препятствий и с каждым шагом приближались к прерии, где путь должен был стать уже гораздо легче.

Через четыре часа трапперы достигли наконец выхода из последнего каньона. Мэкэим еще раз остановил своего мустанга и прислушался.

— Ничего! — сказал он наконец. — Сражение кончилось.

— Только в чью пользу, хотел бы я знать? — заметил Гарри. — Я не знаю, что бы я отдал, чтобы сейчас быть там, в нашем лагере, и своими глазами видеть исход битвы!

— Будем надеяться, что счастье выпало на долю полковника Деванделля.

Снова злая улыбка промелькнула на губах дикой девчонки.

— В чем дело, Миннегага? Что обозначает эта улыбка? — строго спросил ее агент.

— Мне показалось, что на меня смотрит из своей норы степной койот! — ответила девочка, моментально меняя выражение лица.

— Удивительно смешно! — проворчал Мэкэим. — Ты слишком несерьезна, чтобы быть настоящей индианкой!

Затем, обернувшись к своим спутникам, он спросил:

— Ну, что же, друзья, двигаемся дальше?

— Разумеется! — ответил Джордж. — У нас есть приказание полковника, и чем скорее мы его выполним, тем лучше.

— Ну, так в дорогу! — заключил беседу Джон. — Пусть будет, что будет, а мы доставим полковнику его детей целыми и невредимыми.

При этих словах на губах Миннегаги опять зазмеилась ядовитая усмешка.

— Черт возьми! — совсем уже рассердился агент. — Ты сегодня что-то в слишком смешливом настроении, негодная девчонка! Потрудись сейчас же закрыть свою пасть, иначе я вывёрну тебя, как собаку, в каньон! Право, я начинаю уже жалеть, что взял тебя с собою. Было бы гораздо лучше, если бы ты осталась вместе с полковником в лагере, авось какая-нибудь шальная пуля твоих соплеменников ухлопала бы тебя в ущелье Смерти.

— Я, кажется, не сказала тебе, что сиу мои соплеменники! — недовольно ответила девушка.

— А мне-то какое до этого дело? Ты краснокожая, и этого для меня достаточно! Все вы из одной лужи лягушки!

Миннегага гневно сверкнула своими черными глазами и стиснула зубы. Увидев это, Гарри разразился хохотом.

— Ого! Джордж! Смотри, какая злючка! Настоящий тигренок!

— Ну, довольно! — сумрачно перебил индейский агент. — Не будем терять время на пустую болтовню. Приготовимся лучше к всевозможным случайностям. Еще десяток минут, и мы будем в прерии. Вы не слышите ничего больше со стороны ущелья Смерти?

— Ничего! — ответил Джордж.

— Ну, это хороший знак! Очевидно, полковнику удалось-таки справиться с этими краснокожими дьяволами.

Через несколько минут, в тот самый момент, когда на горизонте показалось яркое солнце, осветившее своими лучами вершину горной цепи, траперы вышли из каньона и вступили на территорию необозримых прерий.

КРОВАВЫЙ 1863 ГОД

Этот год неизгладимо запечатлен на страницах истории Американского континента.

Тому, кто перелистывает эти страницы, кажется, будто они залиты алой человеческой кровью.

Задумаешься над рассказом о 1863 годе, и чудится, что кругом тебя реют грозные призраки, слышатся крики и стоны беспощадно истребляющих друг друга людей, грохочут выстрелы, звенят сабли, плачут стрелы, проносясь в воздухе в поисках намеченной жертвы. Стелется дым пожаров, пожирающих поселки, и жадно пьет осквернённая людьми мать-земля людскую кровь...

1863 год был решающим в истории многовековой распри между белыми и краснокожими.

Если бы коренные обитатели Америки в дни, когда появились у ее берегов первые белые, поняли грозящую им опасность и соединились для совместного отпора общему врагу, то им было бы легко справиться с европейцами и отстоять свою независимость. Но Америка была поделена между отдельными племенами, каждое племя делилось на роды. Роды дробились, в свою очередь, и на всем пространстве Америки кипела яростная междоусобная война, шло дикое взаимоистребление краснокожих. В результате, когда появились первые колонии европейцев, краснокожие дали им возможность окрепнуть и развиться. Белые истребляли ближайшие к их поселкам индейские племена и очень часто при этом пользовались услугами индейских же племен, посылая брата на брата.

В середине XIX века белые уже были полновластными хозяевами Американского континента, но в руках обитавших, обескровленных, почти уничтоженных краснокожих, загнанных в глубь Америки, еще находились богатейшие области.

Начало второй половины XIX века ознаменовалось колоссальным наплывом переселенцев из Европы. Это было второе великое переселение народов. Сами североамериканцы словно сошли с ума: их манил на Дальний Запад роковой призрак — Золотой Молох. Чтобы попасть в обетованный край — Калифорнию, сотни тысяч людей двинулись через степи и горы, леса и реки, через территории индейцев, их последнее убежище. За искателями золота шел земледелец, лесоруб, торговец, ремесленник. Вдоль дорог, по которым шло сообщение между восточными и западными штатами, словно чудом вырастали бесчисленные поселки белых, вырубались леса, распахивалась степь, прокладывались линии железных дорог, строились мосты.

В сущности, если бы индейцы были способны перейти от своей кочевой охотничьей жизни к оседлому земледельческому быту, то места хватило бы для всех, даже с избытком. Но перестать быть охотником, перестать быть вольным воином, отказаться от права бродить по бесконечным равнинам следом за бесчисленными стадами бизонов, приняться за совершенно незнакомый тяжелый труд земледельца, это для индейцев означало перестать быть индейцами. Такая эволюция с целым народом, конечно, могла произойти, но для этого требуются столетия, а тут речь шла о необходимости перерождения многих сотен тысяч людей чуть ли не в два-три года. И требование переродиться предъявлялось пришельцами тем, кто еще так недавно сами были полными хозяевами целого континента.

В начале шестидесятых годов среди индейских племен наблюдалось явление, которое можно назвать пробуждением национального самосознания.

В прериях Северной Америки прозвучал лозунг: «Прерии для индейцев!»

Уже сами индейцы понимали, что фактически нет никакой возможности провозгласить другой лозунг, тот, который должен был бы прозвучать на несколько веков раньше: «Америка для коренного населения!»

Теперь многие миллионы белых людей по праву называли и считали себя американцами, так как были рождены в Америке и основали сильные государства.

Индейцам приходилось довольствоваться предъявлением своих прав хотя бы на последние владения, на Великие равнины.

Надо отметить, что на протяжении многих десятилетий XIX века теснимые белыми индейцы осаждали Вашингтон просьбами об урегулировании их положения и защите их территорий от переселенцев. Но это не могло привести ни к чему, ибо и само американское правительство было бессильно приостановить наплыв стремящихся поселиться на безлюдных территориях скваттеров.

Даже когда Вашингтон давал какие бы то ни было обещания, представители обеих сторон подписывали взаимные обязательства и клялись сохранить мир, — конечно, «вечный мир», — в это время

на Дальнем Западе шла та же кровавая борьба из-за земли: белые теснили краснокожих, краснокожие мстили белым.

История этой борьбы знает массу трагических эпизодов.

Бывали периоды, когда отряды индейцев устраивали настоящие бойни, истребляли многолюдные караваны, разрушали пограничные города, стирали с лица земли сотни отдельных ферм и иногда уничтожали хорошо вооруженные отряды не только ополченцев, но даже регулярных войск.

Но это не могло остановить потока скваттеров[5], и белые страшно мстили краснокожим.

Буду откровенен: если индейцы совершали ужасные жестокости если во время своих набегов они подвергали пленных невероятным мучениям, убивали женщин и даже детей, если они украшали свои вигвамы, одежды и оружие скальпами белых, то и белые, в свою очередь, не знали, что такое жалость и пощада, когда речь заходила о краснокожем.

Воин, взятый в плен в бою с оружием в руках, или застигнутый врасплох безоружный путник, дряхлый старик или грудной ребенок, подросток, женщина, девушка — если только они были краснокожими и попадали в руки белого, — им не было пощады.

Там, где действовали регулярные войска или ополчение, краснокожих просто истребляли.

Кровавая борьба шла по всему фронту: в ней принимали участие целые отряды так называемых волонтеров, в ряды которых завербовывались, с одной стороны, родственники погибших от руки индейцев, охваченные жаждой мести, с другой — всякие авантюристы, которых гнала жажда наживы и страсть к приключениям.

И вот эти-то волонтеры сплошь и рядом совершали такие зверства, перед которыми бледнеет все содеянное индейцами.

У краснокожих было, по крайней мере, то оправдание, что они были дикарями. Какое же оправдание можно найти белым людям, осмеливавшимся на каждом шагу произносить имя Христа, говорить о цивилизации и культуре? Какое оправдание можем найти для людей, которые вели поход против индейцев будто бы во имя цивилизации?

Обострение отношений достигло крайней степени в 1862 году, а в следующем, 1863 году произошел давно ожидавшийся взрыв: три величайших индейских племени, сиу, чейены и арапахо, ранее всегда враждовавшие друг с другом, а теперь доведенные до отчаяния, перед лицом общей опасности наконец-то заключили общий союз, целью которого была борьба с белыми.

Война вспыхнула внезапно — никто не предвидел близкого ее начала. Войну начали сами индейцы, открыли военные действия одновременно в северных частях Колорадо, на востоке штата Канзас и на границах штатов Вайоминг, Юта и даже Невада.

Целые караваны эмигрантов, застигнутые индейцами в необъятных прериях, были вырезаны все до последнего человека. Почтовые фургоны захваты
жирами. Все уединенны
бледнолицым, — слово
индейцам культуры, бы
опустошено.

Американское пра
взрывом ненависти, к
эмиграции, надеялось с
ся краснокожими путе
отрядов, но скоро уви
расчетах. Отряды эти та
снег, и перевес в силе в
жих. Только один полко
принимавший участие
ухитрялся еще ускольза
тельство не поручило е
перекрыть сиу проход ч
дать время арканзасск
чтобы выдержать натиск
рваться к берегам Миссу

Зная, что из-за общего
натолкнуться на отряд ес
Мэксим, выбравшись из п
со своими спутниками, да
какая дорога будет более

На север раскинулас
усеянная там и сям небо
молодых дубков и орехо
шумели, разбиваясь о ка
стиралась необозримая пр
стью, густой и пестрой,
всадника.

Первое направление ка
многочисленных перелес
ская засада. Не меньшу
прерия, так как в случае
лошадями вряд ли удалось
глаз врага.

— Говоря откровенно,
прерии, — заметил индей
дирчивым взглядом расстил
случае возможной встречи
сослужить нам добрую слу
Мы можем подняться
относительной безопасности
к Соленому озеру.

товые фургоны захватывались и сжигались вместе со своими пассажирами. Все уединенные фермы, все плантации, принадлежавшие бледнолицым, — словом, все, что носило на себе печать чуждой индейцам культуры, было безжалостно разграблено, разрушено, опустошено.

Американское правительство, застигнутое врасплох этим взрывом ненависти, который грозил нанести серьезный вред эмиграции, надеялось сначала расправиться со взбунтовавшимися краснокожими путем посылки нескольких добровольческих отрядов, но скоро увидело, что жестоко обманулось в своих расчетах. Отряды эти таяли в схватках с индейцами, как весенний снег, и перевес в силе все время оставался на стороне краснокожих. Только один полковник Деванделль, далеко не в первый раз принимавший участие в войнах с дикими обитателями прерий, ухитрялся еще ускользать от индейцев до тех пор, пока правительство не поручило ему трудную и ответственную задачу — перекрыть сиу проход через горную цепь Ларамиб и тем самым дать время арканзасскому ополчению укрепиться настолько, чтобы выдержать натиск краснокожих воинов, угрожавших прорваться к берегам Миссисипи.

Зная, что из-за общего восстания индейских племен теперь легко натолкнуться на отряд если не сиу, то их союзников чейенов, Джон Мэксим, выбравшись из последнего каньона, устроил военный совет со своими спутниками, дабы уяснить, какой путь следует выбрать, какая дорога будет более безопасной.

На север раскинулась долина, покрытая высокой травой и усеянная там и сям небольшими рощицами или просто группами молодых дубков и ореховых кустарников, у подножия которых шумели, разбиваясь о камни, многочисленные ручьи. На юг простиралась необозримая прерия, покрытая роскошной растительностью, густой и пестрой, но не настолько высокой, чтобы скрыть всадника.

Первое направление казалось не вполне безопасным, потому что в многочисленных перелесках легко могла укрыться неприятельская засада. Не меньшую опасность, впрочем, представляла и прерия, так как в случае встречи с индейцами путникам с их лошадями вряд ли удалось бы скрыться в низкой траве от зорких глаз врага.

— Говоря откровенно, я предпочитаю эту лесистую долину прерии, — заметил индейский агент, внимательно осмотрев пристальным взглядом расстилавшуюся на север и юг панораму. — В случае возможной встречи с индейцами эти кустарники могут сослужить нам добрую службу.

Мы можем подняться через них вплоть до самой Кампы в относительной безопасности и напасть последний караван, идущий к Соленому озеру.

— Хорошо, если этот караван еще цел! — скептически заметил Гарри. — Чейены рыщут там, вероятно, уже несколько недель, а они не станут бродить без дела, только для своего собственного удовольствия!

— Ну, так что ж?! — возразил Джон. — Если нам не удастся нагнать караван или найти его остатки, мы просто-напросто продолжим путь сами по себе. Вот и все...

— Ладно! — согласился Гарри. — Через долину так через долину. По мне решительно все равно! Если нам суждено попасть на ужин краснокожим, то это случится в любом случае, возьмем ли мы курс на прерию или же на эту лесистую равнину.

— Признаться, я гораздо охотнее предпочел бы прерию! — нерешительно сказал Джордж. — Здесь, по крайней мере, можно свободно пустить во весь опор своего коня... В случае опасности это может сыграть очень важную роль. Не правда ли, Джон?

Мэксим не знал, на что ему решиться. Но в тот момент, когда Джордж уже повернул своего мустанга в прерию, лошадь индейского агента вдруг тревожно зафыркала и звонко заржала.

— Стой! — воскликнул Джон, натягивая поводья, и дал трапперам знак взяться за винтовки. — Здесь поблизости есть кто-то посторонний. Моя лошадь за версту чует присутствие врага.

— Мой мустанг тоже беспокоится! — присоединился к нему Гарри. — Неужели тут где-нибудь по соседству скрывается банда краснокожих? Это было бы не очень приятным сюрпризом.

В этот момент из-за соседних кустов орешника, как бы в ответ на этот разговор, послышалось громкое ржанье лошади, присутствие которой до сих пор нельзя было обнаружить благодаря густому кустарнику, скрывавшему ее от глаз наших путников.

Мэксим и его спутники остановились как вкопанные, ожидая, что будет дальше. Они взвели курки своих карабинов, готовые стрелять при первом признаке опасности.

Таинственное ржание повторилось.

— Что бы это могло значить? Быть может, какой-нибудь дикий мустанг? Но ведь мустанг, почуяв нас, давно бы убежал, — сказал Джон. — Обойдем кругом кустарник и посмотрим!

Они направились один за другим, едва сдерживая своих лошадей, которые артачились и сворачивали то вправо, то влево, словно чуя какую-то опасность.

С каждым шагом кустарник делался все гуще, продвигаться вперед становилось все труднее, и искусство наездников подверглось весьма серьезному испытанию. Несколько минут спустя лошадь агента заупрямилась, потом шарахнулась в сторону, в то же мгновение из чащи вылетел мустанг, оседланный по-мексикански, с высоким жестким седлом и короткими стременами, который тотчас же скрылся в перелеске.

— Стой! — воскликнул Джон, успокаивая своего коня, дрожавшего всем телом. — Здесь кто-то скрывается. Надо разобраться

При виде мустанга
девочки заблестели, но
— Понимаете ли вы
скому агенту Гарри.
— Пока нет. Но м
ответил Джон Мэксим.
— Да и наши тожс
удрать, чем идти напро
В это время из куст
— На помощь! На
Следом прозвучали
небольших пистолетов.
— Вперед, друзья!
Проклятые индейцы! В
Пришпоренные кон
кунд остановились на б
вожно заржали. Посре
отчаянно защищался от
то человек, высокий и
хищником врасплох и
отпор.

Барибал, или мусква
Северной Америки, не т
медведь Скалистых гор,
Обычно он питается мед
ностью, но в голодные д
дает и на вооруженных л
противником — почти
барибал очень силен, у
перекусить железную ш
Беда тому неосторожн
барибала: он будет разд
мускулов и раздробленны
Если несчастному и
черного медведя, то все
острыми кривыми когтям
залечиваются с огромным
Они постоянно гноятся, ч
ляют страшные рубцы.
Нашим путникам пред
пояс в воде человек отб
медведя длинным острым с
Положение человека было
передними лапами, грозя с
же время движения челове
грозящим свалить его с н
медведю ничего не стои

При виде мустанга, скрывающегося в зарослях, черные глаза девочки заблестели, но с ее уст не сорвалось ни единого звука.

— Понимаете ли вы что-нибудь, Джон? — обратился к индейскому агенту Гарри.

— Пока нет. Но меня волнует беспокойство моего коня! — ответил Джон Мэксим.

— Да и наши тоже очень беспокойны и предпочли бы скорее удрать, чем идти напролом! — отозвался Джордж.

В это время из кустов раздался отчаянный крик:

— На помощь! На помощь!

Следом прозвучали один за другим два выстрела, вероятно, из небольших пистолетов.

— Вперед, друзья! — крикнул агент. — Там кого-то убивают. Проклятые индейцы! Вперед же!

Пришпоренные кони понеслись вихрем и через несколько секунд остановились на берегу небольшой речушки, замерли и тревожно заржали. Посреди реки, погрузившись в воду по пояс, отчаянно защищался от барибала[7], то есть черного медведя, какой-то человек, высокий и тощий, по всем признакам застигнутый хищником врасплох и потому не могущий дать зверю серьезный отпор.

Барибал, или мусква, как называют индейцы черных медведей Северной Америки, не так свиреп и ужасен, как гризли или серый медведь Скалистых гор, но и барибал очень опасен, когда голоден. Обычно он питается медом диких пчел, насекомыми, мелкой живностью, но в голодные дни, переставая бояться человека, он нападает и на вооруженных людей. Причем оказывается весьма опасным противником — почти два метра в длину, иногда даже больше, барибал очень силен, у него ужасные когти и зубы, способные перекусить железную штангу.

Беда тому неосторожному охотнику, который попадет в объятия барибала: он будет раздавлен, превращен в мешок изорванных мускулов и раздробленных костей в одну секунду.

Если несчастному и удастся вырваться из крепких объятий черного медведя, то всегда с ужасными ранами, нанесенными острыми кривыми когтями зверя. В большинстве случаев эти раны залечиваются с огромным трудом, причиняя невероятные мучения. Они постоянно гноятся, часто вновь открываются, а заживая, оставляют страшные рубцы.

Нашим путникам представилась странная картина: стоявший по пояс в воде человек отбивался от насевшего на него черного медведя длинным острым охотничьим ножом, отступая перед зверем. Положение человека было отчаянным, медведь пытался схватить его передними лапами, грозя одним ударом размозжить ему череп. В то же время движения человека были скованы быстрым течением реки, грозившим свалить его с ног при малейшем неверном шаге, и тогда медведю ничего не стоило бы прикончить своего противника.

Мэксим и его спутники, держа карабины на изготовку, прина-
лись кричать, чтобы привлечь к себе внимание медведя. И через
мгновение барибал, оставив в покое незнакомца, с поразительной
быстротой выбрался из воды и бросился на новую жертву. Первым
на его пути был Джон, он едва успел отвести свою лошадь в сторону
и всадить заряд карабина прямо в разинутую пасть зверя. Выстрел
был сделан в упор, так что пуля, пыж и раскаленные газы из дула
карабина вместе ворвались в глотку медведя, челюсти которого были
буквально разворочены в пух. Свинцовый подарок остановил его на
бегу, правда, только на одно мгновение, но этого мгновения было
достаточно, чтобы решилась участь свирепого животного. Трапперы,
в свою очередь, выстрелили в него почти в упор, пули их карабинов
прошили его тело, и медведь рухнул на землю, истекая кровью.

— Подох! — воскликнул Гарри, всаживая на всякий случай
еще одну пулю в голову барибала. — Ну, и зверюга же! У него,
должно быть, дьявол сидел в печенке. Я на своем веку уложил
немало медведей, но с таким бешеным иметь дело мне еще не
приходилось! Зато у него, должно быть, чудесное мясо!

— Бросьте заниматься убитым зверем! Надо посмотреть, что
сталось с человеком. Сойдем с лошадей! — распорядился индей-
ский агент.

Пока они, сойдя с лошадей, привязывали их к ветвям ближай-
шего кустарника, защищавшийся от нападения зверя человек уже
успел выбраться из воды на берег.

— Медвежий завтрак на двух ногах идет сюда, — пошутил
кто-то из трапперов.

— Ну, завтрак не из самых аппетитных: кожа да кости! —
отозвался другой. — У барибала, очевидно, плохой вкус!

В самом деле, спасшийся от медведя человек как нельзя более
подходил под это определение: он был высок и очень худ, на его
лице виднелись глубокие морщины, делавшие его похожим на
старика, но по упругости его движений можно было предположить,
что это человек очень крепкий, ловкий, обладающий редкой физи-
ческой силой. Хотя на нем был живописный костюм гамбусино, то
есть мексиканского искателя золота, но по его внешнему виду
трудно было определить, к какой именно расе он принадлежит.

На его голове плотно сидела круглая шапка из бобрового меха,
на плечах была куртка из голубой шерсти, перехваченная по талии
широким поясом из оленьей кожи, на ногах «митассэас», кожаные
штаны заправленные в мокасины[8] индейского покроя.

Невольно рождалось предположение, что этот странный золото-
искатель скорее принадлежит к индейцам, чем является каким-ни-
будь метисом: в пользу этого говорил бронзовый цвет морщинистой
кожи на его лице, длинные черные жирные волосы, орлиный нос,
близко посаженные глаза, которые к тому же заметно косили.

С другой стороны, у
а кроме того, были бр
каждый волосок с подб

— Добрый день, се
все еще держа в руках
обращал на это никако
мою благодарность: я н

— Пустяки! — от
такой обычай — помо
на двух или на четыре
крайней мере, так мож
вашему костюму.

— Вы угадали, сен
лосом. — Моя специал

— Но не работать
Мэксим. — Положим,
чений всех сортов...

Гамбусино, не отвеч
перы были повнимательн
скользнул по лицу мал
заметно улыбнулась ему

— Откуда вы пришл

— Из окрестностей

— А индейцы сиу не

— Гнались и доволь
спасать свою шкуру. Зн
ошибаюсь, принадлежите
рый загораживает выход

— Правильно! — от
сино, зная, что мы дерем
не предложили своих усл

— Посмотрите на мо
искатель. — Долго ли до
на расправу, а я все-таки
им в руки, кто поручится
тот свет, искать луга Вели
малейшего желания отпра
при помощи ваших товари
от которых мне удалось, с

— Но куда же вы напр
туристу Джон Мэксим.

Гамбусино пожал плеча

— Покуда я уносил но
чтобы думать о дальнейшем
уйти. А куда, если позволи

С другой стороны, у него была борода, правда, очень жиденькая, а кроме того, были брови, тогда как индейцы тщательно удаляют каждый волосок с подбородка и даже выщипывают брови.

— Добрый день, сеньоры! — сказал он, поднимаясь на берег и все еще держа в руках нож. Вода ручьями стекала с него, но он не обращал на это никакого внимания. — Привет вам! Прошу принять мою благодарность: я вам обязан жизнью!

— Пустяки! — ответил Джон, пожимая плечами. — В степях такой обычай — помогать друг другу против врагов, ходят ли они на двух или на четырех ногах. Вы, кажется, золотоискатель? По крайней мере, так можно судить если не по вашему лицу, то по вашему костюму.

— Вы угадали, сеньор! — ответил незнакомец ворчливым голосом. — Моя специальность — разыскивать золотые россыпи.

— Но не работать в них? — несколько иронически перебил Мэксим. — Положим, в прериях можно найти искателей приключений всех сортов...

Гамбусино, не отвечая, пожал плечами. Если бы агент и трапперы были повнимательнее, они заметили бы, как взор гамбусино скользнул по лицу маленькой индианки и как Миннегага чуть заметно улыбнулась ему.

— Откуда вы пришли сюда? — спросил агент.

— Из окрестностей гор Ларами.

— А индейцы сиу не преследовали вас?

— Гнались и довольно долго. Ну да мы, гамбусино, умеем спасать свою шкуру. Знаем все ходы и выходы! А вы, если не ошибаюсь, принадлежите к отряду полковника Деванделля, который загораживает выход индейцам сиу в прерию?

— Правильно! — ответил агент. — Но почему же вы, гамбусино, зная, что мы деремся с индейцами и нуждаемся в поддержке, не предложили своих услуг полковнику, а шляетесь здесь, в долине?

— Посмотрите на мое лицо! — хладнокровно ответил золотоискатель. — Долго ли до греха? Ваши милиционеры, народ скорый на расправу, а я все-таки сильно смахиваю на индейца, и попади я им в руки, кто поручится, что они по ошибке не отправят меня на тот свет, искать луга Великого Духа? Я же не испытываю пока ни малейшего желания отправиться в такое дальнее путешествие ни при помощи ваших товарищей, ни при помощи господ краснокожих, от которых мне удалось, слава Богу, благополучно отделаться!

— Но куда же вы направляетесь теперь? — задал вопрос авантюристу Джон Мэксим.

Гамбусино пожал плечами:

— Покуда я уносил ноги от краснокожих, мне было не до того, чтобы думать о дальнейшем. Лишь бы свой скальп спасти да живым уйти. А куда, если позволите вас спросить, направляетесь вы сами?

— К Кампе. Попробуем присоединиться к какому-нибудь каравану, идущему на Соленое озеро. Мы ведь тоже беглецы! — ответил Джон Мэксим.

Гамбусино посмотрел на него, улыбаясь несколько иронически.

— Солдаты, которые бегут от индейцев? — произнес он. — Прикажите поверить, так поверю! Но вероятней, что вы посланы с каким-нибудь важным поручением?

— Может быть! — ответил сухо индейский агент. — Но вас, надеюсь, это не касается?

— Само собой разумеется. Не люблю совать нос в чужие дела! У меня и своих собственных достаточно. Если сказал, то только так, между прочим. А на самом деле, бежали ли вы, отправляетесь ли с каким-либо поручением, мне что за дело? Вот что вы спасли меня, это я знаю, потому что это ближе всего касается моей собственной шкуры..

— Не хотите ли вы присоединиться к нам? — поинтересовался после некоторого колебания агент.

— Разумеется, если я только вам не помешаю! — торопливо ответил гамбусино.

— Не видели ли вы здесь близко индейских передовых отрядов?

— Пока еще нет. Я думаю, что ни чейены, ни арапахо не тронутся с места до тех пор, пока сну не спустятся с гор Ларами в долину. Если и может встретиться кто-нибудь, так это будет просто случайная банда!

— Но как вы теперь себя чувствуете? Оправились ли вы от нагнанного на нас индейцами страха?

— Я никогда не позволяю страху слишком долго владеть мною! — ответил гамбусино, опять обмениваясь незаметно для трапперов быстрым взглядом с Миннегагой.

— А где же ваша лошадь? Я боюсь, что, пока мы здесь болтаем, она успела забраться туда, где ее никогда не отыщешь! — забеспокоился Мэксим.

— О, нет! — возразил гамбусино. — Моя лошадь слишком привязана ко мне. Я уверен, что она находится на том самом месте, где я ее оставил.

— Ну, так сделаем вот что! Вы идите пока за вашей лошадью, а мы займемся здесь медвежьими окороками. Из них можно будет выкроить пару великолепных обедов.

— Вы думаете сейчас же двинуться в путь? — обернулся гамбусино на ходу.

— Да, нам нужно торопиться. Мы отдохнем как следует вечером в «Монастыре Крови». Думаю, что от него еще остались хоть стены.

— Хорошо! — ответил гамбусино. — Через пять минут я вернусь вместе с моим мустангом и с карабином, который я так неосторожно оставил притороченным к седлу.

Обменявшись еще раз быстрым взглядом с молодой дикаркой, он поправил висевший у пояса широкий мексиканский нож и быстро

направился к кустар
тельно-призывно.
Джон Мэксим вни
сино. Казалось, его м
— Что ты думае
тился он наконец к Г
им ножом, занялся
выйти превосходное
странная личность, Г
не встречаться с этим
большого доверия! —
Гарри наклонил г
сованного табаку и вм
— Гм!
— Твое «гм» мне
Гарри прожевал та
— А что думаеш
двенадцатью годами р
не с пеленок?
— Гм!.. — замялс
венно, я не знаю, что
совсем не тот, за ко
действительно гамбуси
сорта бродяг костюм,
индеец.
— Ну... — усомни
с какой стати ему пр
подальше от восставши
какой-нибудь мексикан
которых еще совсем нед
Джон Мэксим погру
мышления.
— А, да черт с ним
головой. — Кто бы он
из ада, у нас нет никак
он вздумает устроить нам
ему его место. И пото
постараемся отделаться
Не докончивши фраз
почуяв за спиной присут
Миннегага, которая д
отдалении по густой трав
ми шагами к разговарива
агента неслышно опустил
него.

направился к кустарнику, насвистывая на ходу по-особому пронзительно-призывно.

Джон Мэксим внимательно смотрел вслед удаляющемуся гамбусино. Казалось, его мучило сомнение.

— Что ты думаешь обо всей этой истории, дружище? — обратился он наконец к Гарри, который, вооружившись своим охотничьим ножом, занялся разделкой медвежьих окороков: должно было выйти превосходное жаркое на завтрак и ужин. — Что это за странная личность, Гарри? Признаться, я предпочел бы совершенно не встречаться с этим гамбусино. Его физиономия не внушает мне большого доверия! — продолжал агент.

Гарри наклонил голову, сунул в рот небольшую плитку спрессованного табаку и вместо ответа промычал:

— Гм!

— Твое «гм» мне решительно ничего не объясняет!

Гарри прожевал табак и, сплюнув на землю, наконец ответил:

— А что думаешь об этом ты, родившийся на свет Божий двенадцатью годами раньше меня и знакомый с прериями чуть ли не с пеленок?

— Гм!.. — замялся, в свою очередь, агент. — Говоря откровенно, я не знаю, что и думать. Мне кажется почему-то, что он совсем не тот, за кого себя выдает. Правда, он, может быть, действительно гамбусино, потому что носит типичный для этого сорта бродяг костюм, но, с другой стороны, по виду он вылитый индеец.

— Ну... — усомнился Гарри. — Если бы он был индейцем, то с какой стати ему пришла бы в голову шальная мысль бежать подальше от восставших краснокожих? По-моему, это скорее всего какой-нибудь мексиканский бандит, одна из тех темных личностей, которых еще совсем недавно было полно в Колорадо.

Джон Мэксим погрузился на несколько минут в какие-то размышления.

— А, да черт с ним! — сказал он затем, решительно тряхнув головой. — Кто бы он ни был, хоть сам Вельзевул, выскочивший из ада, у нас нет никаких оснований бояться его. Нас трое, и если он вздумает устроить нам какую-нибудь гадость, то мы живо укажем ему его место. И потом до Кампы не так уж далеко! Там мы постараемся отделаться от него, если...

Не докончивши фразы, он резко обернулся назад, инстинктом почуяв за спиной присутствие кого-то постороннего.

Миннегага, которая до того момента прогуливалась в некотором отдалении по густой траве прерии, потихоньку подошла неслышными шагами к разговаривавшим и при последних словах индейского агента неслышно опустилась на траву всего в нескольких шагах от него.

— Что ты здесь делаешь, негодная?! — прикрикнул агент, нахмурив лоб и гневно сжимая кулаки. — Ты подслушивала наш разговор?!

— Хуг!.. — ответила девочка, пожимая плечами. — Миннетага слушала журчание ручья.

— Ты могла бы слушать его немного подальше отсюда.

— Мне все равно!

Индианка небрежно завернулась в свой мягкий шерстяной плащ, и, отойдя в сторону, уселась под большим камнем, лежавшим в нескольких десятках метров выше по течению речки.

Джон и Гарри обменялись взглядами.

— Вот сокровище, которое доставит нам больше забот, чем пользы! — сказал недовольным тоном агент.

— Да! — ответил Гарри. — Эта девочка — настоящий демон. Клянусь медвежьим окороком, который так вкусно пахнет, поджариваясь сейчас на вертеле, что ее глаза и эта ее дьявольская ухмылка способны нагнать страх.

В этот момент из рощицы показался гамбусино на своем красивом и выносливом коне андалузской породы, снаряженном по-мексикански.

— Ну, — сказал Джон, — дожидаться завтрака вам, ребята, уже не придется. Нужно поторапливаться, благо лошади уже немного отдохнули!

Гарри со вздохом поглядел на медвежий окорок, и, не желая оставлять его в добычу степным хищникам, снял его с вертела и подвесил к седлу своей лошади.

— Не удалось его съесть здесь, так съедим в другом месте! — проворчал бедняга.

Через несколько минут четверо всадников мчались по прерии, направляя своих коней к Кампе.

Время от времени из кустов выбегали с быстротою ветра стада грациозных антилоп, вспугнутых топотом копыт, или стаи койотов, трусливо прятавшихся в траве при приближении всадников, чтобы когда кавалькада из всадников проедет, снова вынырнуть и долго смотреть им вслед, испуская жалобный, душу раздирающий вой.

Вид такого количества животных успокаивал путешественников: все обитатели прерий как чумы боятся индейцев, в которых они не без основания видят своих злейших врагов. Если бы вблизи нахо-дился передовой отряд арапахо или чейенов, то на всей равнине не осталось бы больше ни одной зверюшки. Исчезли бы даже болтливые сороки, которые спокойно стрекотали на верхушках молодых де-ревьев.

Около полудня путники, не желая слишком загонять своих лошадей, сделали небольшой привал и организовали незатейливый завтрак, состоявший из маисовых галет и так называемой «ямы» — сорт луковиц, растущих в диком виде в траве прерий и довольно приятных на вкус, добавленных к окороку барибала.

Отдых был потрево-
волков, разместивших
явным намерением с
сытный пир. Их появл
признаком: волк, даже
близко находится инде
предпочли бы совсем н
Если индейцев и не бы
вой волков легко мог
таким образом, на след

— А ведь эти тва
сегодняшнею ночью!
ехавшему рядом с ним
путь.

— Пожалуй, им эт
было на примете наде
ночь! — ответил тот.
насколько мне помнится
шайка разбойников.

— Изжарена целая
приходилось раньше сл

— Сейчас не врем
расскажу тебе эту исто
медвежьим окороком в

— Правда, я давно
называют, но тем не ме
сравнительно легко. У н

К вечеру погода на
резкий ветер, и покры
понемногу спускаться в
молний рассекали их сп

Не желая быть засти
ники пришпорили лоша
указанном Джоном нап
громким воем волчьей
путников, но с наступл
приближалась к ним, зам

Едва только солнце с
деревья начали со свисто
жающегося урагана. С
первые тяжелые капли до

— Скорей, скорей!
сим. — Монастырь уже
начинают как будто отста
недалеко! Погоняйте лош
Лошади уже мчались с
ший сумрак еще более

Отдых был потревожен появлением целой стаи больших черных волков, разместившихся на небольшом расстоянии от отряда с явным намерением с наступлением темноты тоже устроить себе сытный пир. Их появление, с одной стороны, также было хорошим признаком: волк, даже голодный, никогда не появляется там, где близко находится индеец. Но, с другой стороны, путешественники предпочли бы совсем не встречаться с этими хищными животными. Если индейцев и не было в округе, то пронзительный заунывный вой волков легко мог издалека привлечь их внимание и навести, таким образом, на след отряда.

— А ведь эти твари собираются, кажется, поужинать нами сегодняшнею ночью! — полушутя, полусерьезно сказал Джордж ехавшему рядом с ним индейскому агенту, когда отряд продолжал путь.

— Пожалуй, им это и удалось бы сделать, если бы у меня не было на примете надежного убежища, где мы можем провести ночь! — ответил тот. — Я еще не знаю, каким я найду его, но, насколько мне помнится, в нем во времена оны была изжарена целая шайка разбойников.

— Изжарена целая шайка? Что это за история? Мне ничего не приходилось раньше слышать об этом!

— Сейчас не время заниматься болтовней; если хочешь, я расскажу тебе эту историю, когда мы будем уже сидеть за вторым медвежьим окороком в безопасном месте.

— Правда, я давно уже не бывал в «Монастыре Крови», как его называют, но тем не менее надеюсь, что мне удастся разыскать его сравнительно легко. У нас, траппперов, хорошая память на места!

К вечеру погода начала заметно меняться к худшему: подул резкий ветер, и покрывавшие горную цепь Ларами тучи стали понемногу спускаться в долину. Время от времени огненные зигзаги молний рассекали их сплошную пелену.

Не желая быть застигнутыми ураганом в открытом месте, всадники пришпорили лошадей и во весь карьер помчались вперед в указанном Джоном направлении. Лошади неслись, подгоняемые громким воем волчьей стаи, которая не только не отставала от путников, но с наступлением сумерек с еще большей наглостью приближалась к ним, заметно увеличиваясь в числе.

Едва только солнце скрылось за горизонтом, как придорожные деревья начали со свистом гнуться под первыми порывами приближающегося урагана. С обложивших небо серых туч посыпались первые тяжелые капли дождя.

— Скорей, скорей! — торопил своих спутников Джон Мэкси. — Монастырь уже должен быть близко. Смотрите! Волки начинают как будто отставать. Это верный признак, что убежище недалеко! Погоняйте лошадей!

Лошади уже мчались среди густого леса, где обычно царствовавший сумрак еще более усиливался темнотой надвигавшейся ночи.

Если бы не вспышки молнии, следовавшие почти непрерывно одна за другой, то всадники едва ли сумели бы ориентироваться в окружавшей их густой мгле.

Скакавший впереди отряда Мэкэим начал было бормотать себе под нос какие-то забористые ругательства, как вдруг вспыхнувшая с необыкновенной силой молния, за которой последовал жуткий раскат грома, заставивший задрожать всю землю, высветила перед отрядом широкую поляну с разбросанными по ней в беспорядке остатками каких-то стен, посреди которых возвышалась полуразрушенная колокольня.

— «Монастырь Крови»! — обрадованно воскликнул агент.

— Наконец-то! — проворчал Джордж. — Еще немного, и наши лошади свалились бы на землю от усталости!

— Какое, однако, гнусное имя носит это убежище! — заметил Гарри, скорчивши кислую гримасу. — Вероятно, здесь устроили какую-нибудь гадкую выходку краснокожие.

— Вовсе нет! — отозвался Джон. — Но об этом после! Берите-ка под уздцы лошадей, и посмотрим, не удастся ли нам спрятаться где-нибудь от дождя. Зажги факел, Джордж! Как порядочный траппер, ты, разумеется, должен иметь его у себя в запасе.

При свете факела отряд обошел остатки стен монастыря и обнаружил большую дверь, носившую на себе следы давнего пожара, и через несколько минут очутился внутри монастыря.

Крыша его почти вся оказалась разрушенной и валялась здесь же, на полу, в виде целой груды обломков, однако часть ее сохранилась настолько, что под ней могли свободно укрыться от непогоды и сами путешественники, и их лошади.

Стены «Монастыря Крови» пострадали от времени и пожара еще более, чем его крыша. В пролом свободно врывались потоки дождя, разгоняемые яростно дувшим ветром. В него же свободно могли проникнуть и преследовавшие путников волки, которые, судя по доносившемуся издали отрывистому вою, похожему на собачий лай, вовсе не думали отказываться от своих намерений.

При ярком свете факела, еще более сгущавшего и без того черные тени, лежавшие в закоулках здания, интерьер монастыря предстал перед путниками во всей своей неприглядной наготе и заброшенности.

— Приют, однако, из неважных! — недовольно пробормотал Гарри, оглядывая полуразрушенные, закопченные дымом стены и арку с частью уцелевшего над ней свода. — Впрочем, эти развалины все же во сто раз лучше, чем открытое небо прерий. По крайней мере, есть где укрыться от дождя!

— Мы могли бы спуститься вниз, в то самое подземелье, где с десяток лет тому назад мы уничтожили банду мексиканских разбойников! — заметил Мэкэим. — Я думаю, их скелеты валяются там и по сей день.

— Мы? — удивило
будь отношение к этой
— Разумеется! —
будь этого, я не заработ
хотите знать, каким об
вам об этом. Давайте тол
спускаться, пожалуй, н
заметить приближение
придет в голову мысль
развалинах этого монаст
бы быть сейчас в этой ч
мешает...

— Итак, — начал Д
лены в надежное место
медвежий окорок весело
ром, — как я уже сказа
стыре примерно десять л
тогда мексиканским мона
андейских владений с н
вместе с христианской мо
людей. Говоря откровенно
сколько благородна. С одн
и послушание. А с другой
мексиканских разбойничь

Эти шайки хозяйнича
приходилось пересекать пр
нападать на курьеров амер
с разными, иногда очень в

— Да, мне не раз прих
вставил Джордж, заботливо
прожарившуюся сторону м
меняли такие ужасные пыт
индейцы при всей их дикос

— А потом все эти же
вставил гамбусино, до сих п
тичным видом посасывавши

— Да, индейцам немал
грехов, — согласился Мэкэ
мочит американскому прав
убедившись в том, что винов
прериях диких преступлени
эти мексиканские бандиты, с
ними. Организован был отря
экспедиции.

После трехмесячного бесп
лорадо и Юты, после по

— Мы? — удивился Джордж. — Разве и ты имел какое-нибудь отношение к этой истории?

— Разумеется! — не без самодовольства ответил Джон. — Не будь этого, я не заработал бы ста красивых новеньких долларов. Вы хотите знать, каким образом я их заработал? Хорошо, я расскажу вам об этом. Давайте только расположимся поудобнее. В подземелье спускаться, пожалуй, не стоит, так как оттуда нам трудно будет заметить приближение индейцев, если этой краснокожей братии придет в голову мысль искать убежища от непогоды здесь же, в развалинах этого монастыря. Хотя, по всем приметам, их не должно бы быть сейчас в этой части прерии, но осторожность никогда не мешает...

— Итак, — начал Джон Мэксим, когда лошади были поставлены в надежное место и предусмотрительно захваченный Гарри медвежий окорок весело затрещал над разложенным на полу костром, — как я уже сказал, мне довелось быть в этом самом монастыре примерно десять лет тому назад. Монастырь принадлежал тогда мексиканским монахам, которые построили его в этом сердце индейских владений с намерением нести в среду краснокожих вместе с христианской моралью также зачатки цивилизации белых людей. Говоря откровенно, задача эта была столь же безрассудна, сколько благородна. С одной стороны, проповедовать льву кротость и послушание. А с другой — в то время здесь было гораздо больше мексиканских разбойничьих шаек, чем индейских поселений.

Эти шайки хозяйничали здесь, вовсю грабя караваны, которым приходилось пересекать прерии в этих местах, они не боялись даже нападать на курьеров американского правительства, отправляемых с разными, иногда очень важными, депешами.

— Да, мне не раз приходилось слышать об этих проделках, — вставил Джордж, заботливо поворачивая к огню еще недостаточно прожарившуюся сторону медвежьего окорока. — Эти негодяи применяли такие ужасные пытки, какие вряд ли позволяют себе даже индейцы при всей их дикости и кровожадности...

— А потом все эти жестокости приписывались индейцам! — вставил гамбусино, до сих пор молча сидевший в углу и с флегматичным видом посасывавший свою трубку.

— Да, индейцам немало пришлось принять на себя чужих грехов, — согласился Мэксим. — Ну, так вот, в один прекрасный момент американскому правительству надоела вся эта канитель, и, убедившись в том, что виновниками большинства происходивших в прериях диких преступлений являются не краснокожие, а именно эти мексиканские бандиты, оно решило раз и навсегда покончить с ними. Организован был отряд добровольцев. Разумеется, мне, как знатоку прерий, было предложено принять участие в готовившейся экспедиции.

После трехмесячного беспрерывного скитания по равнинам Колорадо и Юты, после погони отряда за бандитами, во время которой

обе стороны выказали большое искусство по части выслеживания друг друга и заметания следов, нам удалось наконец узнать, что водившая все время нас за нос разбойничья шайка направилась в это самое место. О монастыре тогда ходили слухи, что он пользуется большим вниманием богатых мексиканок. Бандиты явно собирались разграбить его и затем подвергнуть уничтожению.

Мы прибыли к монастырю почти вслед за разбойниками и застали их как раз в тот момент, когда они целиком были поглощены грабежом. Нужно отдать им должное, они не очень-то растерялись, когда увидели, что со всех сторон окружены нашим отрядом. Выстрелы бандитов в ответ на нашу попытку штурмом взять монастырь были так удачны, что человек двенадцать из сотни наших молодцов тут же повалились на землю. Это заставило нас стать осторожнее и полагаться больше на меткость наших карабинов, чем на открытый штурм.

Перестрелка тянулась часа полтора, затем вдруг как-то неожиданно ответные выстрелы со стороны бандитов стали раздаваться все реже и реже и наконец совсем смолкли. Приняв все предосторожности, мы подошли к монастырю и, соорудив нечто вроде тарана, вышибли тяжелые ворота, будучи вполне уверены, что сейчас нам придется вступить в рукопашную схватку с оставшимися в живых бандитами. Каково же было наше удивление, когда, вломившись в дверь, мы нашли в монастырской зале вместо тех, кого мы ожидали увидеть, лишь человек двадцать монахов со скрученными руками и кляпами во рту.

— Эге! — вставил Джордж. — Монахи, значит, были оставлены в живых? Это до определенной степени рисует мексиканских разбойников с выгодной стороны!

— Подожди, — ответил Джон. — Дай мне кончить! Не теряя ни минуты, мы освободили почтенных миссионеров от опутывавших их веревок и рассыпались по всему монастырю в поисках спрятавшихся бандитов. К нашей досаде, несмотря на самый тщательный осмотр, мы не нашли ничего, кроме нескольких трупов, валявшихся у окон, где их настигли пули. На расспросы о том, куда могли деваться разбойники, монахи отвечали, что они, вероятно, скрылись через тайный ход, который, к несчастью, никому из уцелевших монахов не известен и о котором знал один только настоятель монастыря, отсутствовавший в тот момент.

Пока мы шарили по всем закоулкам монастыря, монахи преспокойно удалились из него, заявив, что они хотят разыскать своего настоятеля и сообщить ему о случившемся несчастье.

Разумеется, мы, как дураки, поверили им и отпустили.

Спохватились мы, когда было уже поздно. Вы, конечно уже догадались, кто были эти монахи?

— Бандиты? — спросил Гарри.

— Они самые. Оказывается, эти канальи перебили всех монахов, запрятали их тела в какую-то отдаленную келью (мы разыс-

ли 'се уже значительно позже) и, нарядившись в их одежды, устроили мистификацию, маскарад, который и ввел нас в заблуждение.

— Великолепно! — воскликнул Гарри.

— Да, прекрасный ход! — подтвердил гамбусино, который, казалось, был очень заинтересован рассказом Джона Мэксима.

— За этот прекрасный ход бандиты жестоко поплатились некоторое время спустя. Начальник нашего отряда, старый вояка Мак-Лелан, поклялся отомстить им за обман, и он сдержал-таки свое слово.

Месяца два ловко ускользнувшие из наших рук разбойники не подавали никаких признаков жизни, но затем нападения на караваны возобновились, и сопровождались они удвоенной жестокостью. Несмотря на все старания нашего отряда найти шайку, нам никак не удавалось напасть на ее след. Но однажды капитану Мак-Лелану пришла в голову прекрасная мысль. Он догадался, что хитрые мексиканцы избрали своим убежищем развалины монастыря в надежде, что после его разрушения мы и не подумаем больше заглядывать в его стены.

Был чертовский холод, бушевала вьюга. В общем была такая проклятая погода, о которой у нас говорят, что в такой час добрый хозяин даже собаку на улицу не выгонит.

Но наш отряд, состоявший из ста волонтеров, отлично знавших, что за истребление разбойников назначена весьма приличная премия, радовался этой вьюге. Вой ветра, полумгла, собачий холод — все это, вместе взятое, могло способствовать успеху нашего предприятия, усыпив бдительность мексиканцев.

И вот около полуночи мы добрались до развалин миссии.

Кругом царила тишина, окна зияли черными дырами, и ни единый луч не освещал нашу дорогу, но это не обмануло нас: очень скоро мы обнаружили, что в обширном монастырском погребе беззаботно пирует за круглым столом, ломящимся под тяжестью яств и питий, вся шайка.

Они все были здесь, эти «степные волки», и ни один не ушел от давно заслуженной участи.

Надо сказать правду, держались они молодцами: не захотели сдаваться! Ну, да и то сказать, они отлично знали, что и со сдавшимися расправа будет короткой. Веревка на шею или пуля в лоб!

Так или иначе, но нам пришлось брать подступы к погребу под выстрелами мексиканцев, а когда мы добрались туда, то завязалась схватка грудь в грудь.

Мы стали выкуривать бандитов из подземелья, бросая в окна факелы, сухую траву, вспыхивавшую как порох. А кто выскакивал, мы попросту сталкивали его вниз, туда, где все превратилось в огромный костер. И все подбрасывали и подбрасывали хворост, пока не задохнулся и не изжарился последний из бандитов...

Джордж перебил рассказчика:

— Кончил? Ну и ладно, а то история слишком затянулась. И наше жаркое грозит совсем сгореть. Пожалуйте к столу, господа!

Словно в ответ на это приглашение снаружи раздались сотни голосов. В проломы полуразрушенных стен, в окна и двери просунулись десятки волчьих морд с горящими голодным огнем глазами. Волки оглашали округу жутким воем.

— Пожаловали незваные гости! — сказал Джон. — Но они слишком торопятся! Если они думают, что мы собираемся уступить им свой ужин, то они жестоко ошибаются: у нас тоже волчий аппетит!

ЗАЩИТА РАЗВАЛИН

Два вида волков оспаривают друг у друга владычество над безграничными просторами прерии, над степями, расстилающимися между Миссисипи и могучим хребтом Сьерра-Невада: это койот[9] и черный волк.

Койот сравнительно мелок, довольно труслив, но опасен своей многочисленностью и какой-то дьявольской хитростью. Он представляет собой нечто среднее между волком и лисицей, обладает пушистой шерстью желтого цвета с красноватыми подпалинами, а зимой сереет. Стаей койоты нападают на всех животных, какие населяют Великие равнины, даже на бизонов. Могучий бизон и тот не всегда может спастись от стаи койотов. На человека койоты нападают редко, только в исключительных случаях. Иногда стая идет следом за охотником, кружит, подходит совсем близко, грозно воет, но этим все и кончается. Бывали случаи, когда одинокое жилище какого-нибудь индейца осаждала большая стая койотов в течение нескольких суток. В такой ситуации дело обычно заканчивалось душераздирающим бесплатным волчьим концертом.

Черный волк — совсем другое дело. Он гораздо крупнее и массивнее койота. Черный волк удивительно силен и отчаянно храбр. Этот вид не уступает остальным хищникам Америки в дерзости и кровожадности. Страха перед человеком он совершенно не знает, особенно если голоден. Среди черных волков очень часто неожиданно вспыхивают эпидемии бешенства. И тогда эти волки становятся ужасом всей округи.

Пока совершенно непонятно, почему и как распространяется бешенство. В иной год бешеных волков почти нет, а иногда случаи водобоязни так часты, что кажется, будто бешеными стали все волки.

В предыдущей главе мы остановились на том, что в развалинах монастыря, где укрылись от бушевавшей грозы наши путники, появились волки.

Если бы речь шла о койотах, то это не очень обеспокоило бы степных бродяг. Но с первого взгляда можно было убедиться, что непрошеными гостями были именно черные волки. И они от осады могли перейти к нападению. Конечно, волков больше привлекали кони трапперов, чем их хозяева, — лошади могли дать больше пищи голодной стае.

— Вот что, парень! — сказал Джон, обращаясь к Гарри, только что приступившему к разделке поджаренной на костре медвежьей ноги. — Поторопись-ка со своей работой! Придется нам поскорее закончить ужин и позаботиться о дровах для костра, иначе волки могут обнаглеть настолько, что всю ночь мы не будем иметь ни одной минуты отдыха!

— За дровами далеко идти не придется! — отозвался Джордж. — У нас здесь под рукой остатки монастырской крыши, из которых можно будет разжечь огромные костры.

— Да, позаботиться о кострах будет далеко не лишне! — заметил гамбусино, с аппетитом поедая большой кусок сочной медвежатины. — До тех пор, пока здесь будет огонь, волки ни за что не решатся проникнуть в наше убежище.

Действительно, хищные животные, число которых, видимо, все возрастало, держались пока на почтительном расстоянии. Их вой сделался до того оглушительным, что временами покрывал собой даже грохот громовых раскатов.

— Недоставало только этого зверья, чтобы отравить нам всю ночь! — угрюмо проворчал Джон, едва был закончен ужин. — Делать нечего, придется серьезно заняться приготовлениями к защите своей шкуры! Запах нашего жаркого так раздразнил аппетит этих бестий, что они не погнушаются поужинать нами и в сыром виде!

— Нужно отдать, однако, волкам справедливость: они весьма деликатны! — сказал Гарри, занявшийся вместе с Джорджем и гамбусино добыванием бревен и досок для костра из валявшихся на полу остатков крыши. — В то время; как мы действительно по-королевски наслаждались нашим ужином, они только облизывались.

— Погоди шутить, мой дружок! — остановил юношу индейский агент. — Я чувствую, что эта черная армия задаст еще нам дрозда. Будет, пожалуй, большим счастьем, если мы выберемся отсюда целыми и невредимыми.

— Э... — беспечно возразил Гарри. — Мы слишком хорошо знакомы с волками, чтобы их бояться!

— Среди них могут оказаться бешеные, дружище! А одного укуса бешеного волка, малыш, достаточно для того, чтобы отправить человека на тот свет. Кстати! Кто возьмет на себя охрану маленькой дикарки? Ведь волки нападут на нее в первую голову!

— Брось ее ко всем чертям! — сказал жестко Гарри. — Только обуза, и больше ничего!

Ко всеобщему удивлению, гамбусино оставил большое бревно, которое он старался вытащить из груды обломков, и, приблизившись к трапперу, угрожающим тоном сказал:

— Как?! Вы осмелитесь бросить ребенка на растерзание этому зверью? Пока я здесь, этого не будет!

— Но ведь это только индианка. И она нам порядочно надоела! — ответил Гарри.

— Для меня она просто беззащитный ребенок, и я буду защищать ее, пока у меня найдется порох хоть на один заряд!

— Ну, так и заботься о ней ты сам! — ответил несколько сконфуженно Гарри.

— И позабочусь! Вы увидите: волкам придется разделаться со мной раньше, чем им удастся добраться до девочки.

Гарри пожал плечами и с помощью брата и агента принялся складывать костры в разных углах.

Волки не особенно торопились переходить в наступление, казалось, что они были вполне уверены, что у осажденных нет возможности убежать от них. Можно было подумать, что хищники ждали полуночи, чтобы приступить к пиршеству. Теперь их собралось у развалин огромное количество. Волки толпились у пролома в стенах, у окон, возились, выли, временами как будто дрались, оспаривая друг у друга лучшие места.

— Ну, пора! — скомандовал Джон, когда все костры были зажжены. — Занимайте свои места в кольце огня! Смотрите, какую иллюминацию мы устроили! Света достаточно, мы отлично можем показать, как кто умеет стрелять. Надо постараться несколько поунять пыл мерзких бестий!

Потом он обратился к трапперам:

— Мы втроем займем место в авангарде. Гамбусино пусть сторожит эту индейскую ящерицу и заодно присмотрит за лошадьми. Его карабину найдется дел не меньше чем нашим.

Трапперы взобрались на груды обломков, защищенных кострами, а гамбусино, убедившись, что на него никто не обращает внимания, отошел к дальнему костру, держа за руку покорно последовавшую за ним девочку.

Его глаза оживились. В них загорелся странный огонь. С бронзового лица словно волшебством слетело выражение угрюмого безразличия.

Он уложил девочку на полу, как можно дальше от белых, бережно укрыл ее своим плащом, затем сам улегся на землю около нее и зарядил свой карабин.

Первый выстрел по волкам дал кто-то из трапперов. Потом выстрелы гремели почти без перерыва, сея смерть в надвигавшейся стае черных волков.

Гамбусино поторопился использовать удобный момент, чтобы обменяться с Миннегагою несколькими словами, не будучи никем услышанным.

— Скажешь ли ты
Ночи? — прошептал
— Белые расстрел
девочка. — Он умер,
нашего племени...
— Ах, эта Ялла! Т
надо было бы позабыть
деллю погибнуть от др
лять именно полковни
— Да, отец!
— Это ужасно даж
ставляет отца убивать с
— Так это правда,
— Зачем тебе знать
— Как зачем? Разв
— Пусть будет по-т
полковника Деванделля
— А я?
— Когда Деванделл
жены. Ты — моя дочь.
— У меня кружится
было, — прошептала Ми
— А ты не думай ни
ответил ей мнимый гамбу
шего волка, проскочивше
— Ты, отец, не знае
локоть Миннегага, когда
я отомстила за моего брат
дала Птице Ночи поруче
дорогу воинам нашего пле
— Так это ты уложила
ленно. — Но твоя мать,
солдаты Деванделля, остав
раз повторяю, твоя мать
понимать, что данное ей
вано.
— Я вонзила полковни
злорадно повторила, сверка
— В твоих жилах течет
маленькую убийцу индеец.
— Да, отец. Потому что
А Красное Облако, это зн
величайших вождей и воино
— Откуда ты знаешь
— Я слышала, к
время охотничьи

— Скажешь ли ты мне, наконец, что же случилось с Птицей Ночи? — прошептал он.

— Белые расстреляли Птицу Ночи! — ответила еле слышно девочка. — Он умер, мой брат, как умеют умирать только дети нашего племени...

— Ах, эта Ялла! Твоя мать, дочь моя, слишком мстительна! Ей надо было бы позабыть прошлое и предоставить полковнику Деванделлю погибнуть от другой руки... Птицу Ночи приказал расстрелять именно полковник?

— Да, отец!

— Это ужасно даже для нас, краснокожих: мать, которая заставляет отца убивать собственного сына!

— Так это правда, что Птица Ночи был сыном полковника?

— Зачем тебе знать это, дочь?

— Как зачем? Разве Птица Ночи не был сыном моей матери?

— Пусть будет по-твоему! Да, Птица Ночи был сыном Яллы и полковника Деванделля.

— А я?

— Когда Деванделль предательски покинул Яллу, я взял ее в жены. Ты — моя дочь.

— У меня кружится голова: я перестаю понимать что бы то ни было, — прошептала Миннегага, стиснув зубы.

— А ты не думай ни о чем! Так будет даже лучше для тебя! — ответил ей мнимый гамбусино, укладывая метким выстрелом большого волка, проскочившего к кострам сквозь пролом в стене.

— Ты, отец, не знаешь еще одной вещи! — тронула его за локоть Миннегага, когда индеец перезаряжал свой карабин. — Я... я отомстила за моего брата! Не удивляйся, отец! Разве моя мать не дала Птице Ночи поручения убить полковника, чтобы проложить дорогу воинам нашего племени?

— Так это ты уложила полковника? — бормотал индеец изумленно. — Но твоя мать, видишь, ошиблась в расчете на то, что солдаты Деванделля, оставшись без командира, растеряются... Еще раз повторяю, твоя мать слишком жестока. Она должна была понимать, что данное ей Птице Ночи поручение слишком рискованно.

— Я вонзила полковнику нож в спину. Он упал. Он умер! — злорадно повторила, сверкая глазами, девочка.

— В твоих жилах течет хорошая индейская кровь! — похвалил маленькую убийцу индеец.

— Да, отец. Потому что в моих жилах ведь течет и твоя кровь! А Красное Облако, это знают все, был в свое время одним из величайших вождей и воинов могучего племени Воронов.

— Откуда ты знаешь это? — нахмурился индеец.

— Я слышала, как об этом говорили люди нашего племени во время охотничьих привалов!

— Если ты знаешь это, то мне нечего больше скрывать от тебя. Да, Красное Облако был великим воином. Он сорвал много скальпов со своих врагов, чернооких[10]!

За разговором гамбусино не забывал о происходящем вокруг. Он прицелился, и его пуля свалила еще одного волка.

— Но ты уверена, дитя, в том, что ты действительно убила полковника?

— Думаю, что да!

— Но ведь тогда белые должны были убить тебя? Как ты ускользнула от них?

— Потому что я ударила ножом Девенделля, когда никого не было в палатке, и это было перед самым моим отъездом с этими людьми. Они не подозревают о происшедшем! В это же время они начали атаку на солдат, им было не до меня.

— Зачем они везут тебя с собой?

— Они хотят выпытать у меня сведения относительно Левой Руки, вождя арапахо. Ведь Птица Ночи сказал им, что я дочь вождя арапахо и что ему, Птице Ночи, поручено отвезти меня к Левой Руке.

— А куда и зачем отправляются эти люди?

— Полковник послал их спасать его детей.

Красное Облако блеснул глазами.

— Значит, Птица Ночи таки выдал нашу тайну? — прошептал он гневно.

— Нет. Как можешь ты думать так о Птице Ночи? С его уст не сорвалось ни единого слова!

— Но каким же образом полковнику могла прийти в голову мысль о необходимости посылать гонцов к своим детям?

— Не знаю! — ответила Миннегага, которая в самом деле не знала содержания записки, взятой агентом из рук убитого индейца. — Я знаю только, — продолжала она через минуту, — что этим людям поручено быстро добраться до асиенды полковника, раньше, чем воины Левой Руки дойдут туда.

— Ну, они скорее всего опоздают. Твоя мать послала туда гонцов раньше нас и разными дорогами.

— Что же ты хочешь предпринять, отец?

Гамбусино сначала выстрелил, потом, методично перезаряжая ружье, ответил:

— Во всяком случае, думаю, и нам есть чем заняться. Постараемся как можно больше затруднить этим людям дорогу к асиенде Девенделля. Может быть, этим мы поспособствуем планам твоей матери!

— Трудно, отец! Эти люди мне кажутся очень решительными. И они так осторожны, так подозрительно следят за каждым моим движением...

— Ба! Прерии беспредельны. Кто знает, какие случайности ждут нас на пути? Так или иначе, твоя мать задалась целью во что

бы то ни стало захватить детей полковника живыми. Постараемся, повторяю, помочь ей в этом. Я не стану мешать выполнению ее распоряжений. Ты не знаешь, дитя, что за женщина твоя мать! Она стоит целой сотни воинов!

— Да, моя мать сильная женщина! — произнесла девочка с гордой улыбкой.

— Пожалуй, даже слишком сильная! — прошептал Красное Облако с легким вздохом.

После минутного молчания Миннегага заговорила снова.

— Послушай, отец! — сказала она. — Присоединившись к этим людям, не подвергаешься ли ты сам слишком большой опасности? У тебя нет друзей среди чейенов? Ведь в этом одеянии никто не признает тебя за индейца, а если чейены нападут на нас, они убьют тебя!

— Без риска ничего не выиграешь. Придет час опасности, тогда посмотрим, как от нее избавиться. А пока довольно болтать! Не мешай теперь мне стрелять по волкам. А то, болтая с тобой, я все-таки недостаточно внимательно слежу за волками, и наше путешествие может окончиться гораздо раньше, чем это входит в расчеты твоей матери Яллы!

Действительно, яркий огонь костров и выстрелы карабинов производили на черных волков слабое впечатление. Напротив, трупы нескольких зверюг, подвернувшихся под пули степных бродяг, только возбудили ярость среди остальных. Отброшенные ружейными выстрелами от одного пролома, хищники торопливо перебегали к другому, потом возвращались к первому, оглашая воздух пронзительным воем, при звуках которого даже у привычных к волчьим концертам трапперов мороз пробегал по коже.

— Джон! — окликнул индейского агента траппер Гарри. — А ведь наши дела идут не очень-то ладно! Право же, эти проклятые звери, вместо того чтобы разбегаться, поджав хвосты, собираются к развалинам со всех сторон, словно у них тут свиданье было назначено!

— Не болтай попусту! — отозвался Джон. — Я тоже думаю, что дела могли бы быть хуже. Но что же поделаешь?!

— Я думаю, ребята, — отозвался, в свою очередь, Джордж, — что этих черных бестий сюда попросту сгоняет ураган. Развалины монастыря, должно быть, давно уже превратились в привычное логовище для всяческого хищного зверья в непогоду, а мы залезли сюда, словно в самое сердце волчьего логова! Слушай, Джон! Ты ведь рассказывал нам о подземелье, которое имеется в этом монастыре? Ну, там вы будто бы устроили жаровню, на углях которой изжарили целую банду мексиканских авантюристов. Что, если бы нам пробраться туда? Ведь в подземелье мы могли бы укрыться от волков и непогоды намного лучше! Вот только смущает, что делать с лошадьми, если в подземелье ведет крутая лестница...

— Чепуха! — отозвался индейский агент. — Лестница такая пологая, что наши лошади, ловкие, как горные козы, без труда спустятся туда! У тебя, Джордж, еще есть факелы? Ладно! Возьми пока лошадей и отведи их вон к той арке. Иначе волки доберутся-таки до них! В самом деле, ребята, надо отсюда сматываться в подземелье. Одну лестницу будет гораздо легче защищать, чем эту груду развалин, где на нас нападают, по меньшей мере, с трех сторон!

Молодой траппер, разрядив в ближайшую группу волков свой карабин, бегом бросился к лошадям, которые рвались с привязи и поминутно жалобно ржали при виде приближавшихся к ним волков.

Положение осажденных с каждым мигом становилось все более критическим: понесенные волками потери были ничтожными по сравнению с постоянно подходившими к развалинам со всех окрестностей новыми группами хищников. Волки заняли уже все подходы к развалинам, в центре которых держали оборону охотники. Время от времени наиболее отчаянные врывались внутрь развалин, но меткие выстрелы подсекали храбрецов. Еще миг — и остальная стая может ринуться на траппперов. И тогда, понятно, всякое сопротивление окажется бесполезным, потому что охотники даже не успеют перезарядить свои ружья, а в рукопашной схватке недолго придется ждать рокового исхода.

Красное Облако давно обратил внимание на угрожающую им всем опасность. Оглянувшись еще раз вокруг, он ловким движением вскинул себе на плечи Миннегагу и, не переставая стрелять, стал отступать в глубь зала. Джордж тоже не терял времени даром: он зажег факел, быстро отыскал среди развалин лестницу, которая спускалась в подземелье, и повел туда свою лошадь. Красное Облако, мгновенно сообразив, в чем дело, последовал его примеру: гамбусино спустил Миннегагу на землю и дал ей в руки повод своего скакуна. Девочка повела лошадь по лестнице в подземелье. Затем индеец отвел туда же лошадей Гарри и агента Мэксима в то время, как траппер и Джон Мэксим прикрывали отступление товарищей, отбивая яростные атаки волков.

В схватке с хищниками Гарри и Джон применили старый, многократно опробованный метод: видя, что ружейные выстрелы уже не производят на волков никакого впечатления, они стали швырять в нападающих пылающие головни, которые, падая в гущу волчьей стаи, обжигали и распугивали их. Но это не могло долго продолжаться: огонь костров затухал по мере того, как охотники расшвыривали пылающие головни и целые доски. Темнота подступала к развалинам монастыря, вместе с ней все ближе подступали наглые и свирепые волки.

— Отступайте! — подал сражающимся сигнал Джордж из подземелья.

— Ладно! — о
Гарри: — Отступай
Стоит тебе показать
Через минуту вс
Монастырское по
дце скалы пещеру с
в которых в дни прош
статуи, изображавшие
свободно поместиться
Нельзя сказать, ч
спокойный лад: в цен
стол, а вокруг него ва
останки некогда подж
сиканских бандитов. С
деть испорченное ору
Но людям, которы
чтобы производить ра
последний из отступав
столько узкой, что по
нуться одна лошадь,
несметным количество
Беглецы не позабыл
побольше досок и разн
пылал костер, предста
осатаневшего зверья.
Миннегага, которую
вождь Воронов, помест
надежно защищавшего в
в припадке буйной рад
остановить ее. Агент об
девочки и сказал ей суро
— Если ты не може
помолчи!
Миннегага сверкнула
сказала, закуталась в свою
Страшно медленно тя
ночи, волки возились над
путь внутрь его по лестни
выполнить это намерение.
наиболее смелым хищника
В сущности, в подземе
там, наверху, бушевал ураг
сверкали молнии, а здесь бы
так как в многочисленные
свежий воздух, то не осм

— Ладно! — отозвался агент. И потом добавил, обращаясь к Гарри: — Отступай задом! Не спускай ни на миг глаз с волков. Стоит тебе показать им свою спину, как они набросятся на тебя!

Через минуту все уже были в подземелье.

Монастырское подземелье напоминало собой вытесанную в сердце скалы пещеру с низкими сводами. В нем было несколько ниш, в которых в дни процветания монастыря, надо полагать, находились статуи, изображавшие католических святых. В подземелье могло свободно поместиться несколько десятков человек.

Нельзя сказать, чтобы вид подземелья настроил охотников на спокойный лад: в центре находился полуразвалившийся каменный стол, а вокруг него валялись грудами человеческие кости. Это были останки некогда поджаренных здесь экспедицией Мак-Лелана мексиканских бандитов. Среди костей здесь и там можно было разглядеть испорченное оружие.

Но людям, которых хотели растерзать волки, было не до того, чтобы производить раскопки в этой братской могиле. Как только последний из отступавших спустился с лестницы, к счастью, настолько узкой, что по ней едва-едва могла пройти, скорее, протиснуться одна лошадь, руины монастыря тут же были наводнены несметным количеством обезумевших от ярости волков.

Беглецы не позабыли, спускаясь в подземелье, захватить с собой побольше досок и разных обломков, и через минуту на лестнице пылал костер, представлявший непреодолимое препятствие для осатаневшего зверья.

Миннегага, которую гамбусино, или, что будет точнее, ее отец, вождь Воронов, поместил в глубине пещеры, при виде костра, надежно защищавшего вход в подземелье, стала хлопать в ладоши, в припадке буйной радости. Красное Облако не успел вовремя остановить ее. Агент обратил внимание на неуместное веселье девочки и сказал ей сурово:

— Если ты не можешь помочь нам, то, по крайней мере, помолчи!

Миннегага сверкнула гневно глазами на Мэксима, но ничего не сказала, закуталась в свой плащ и забилась в угол подвала.

Страшно медленно тянулись бесконечные часы этой ужасной ночи, волки возились над подземельем, иногда порывались проникнуть внутрь его по лестнице, но костер не давал им возможности выполнить это намерение. Охотники время от времени стреляли по наиболее смелым хищникам.

В сущности, в подземелье было гораздо лучше, чем снаружи: там, наверху, бушевал ураган, лились потоки дождя, грохотал гром, сверкали молнии, а здесь было относительно тихо и довольно тепло, так как в многочисленные трещины в потолке проникал в изобилии свежий воздух, то не особенно ощущался чад костра.

Внимательно наблюдая за маневрами не отходивших от входа в подземелье волков, осажденные вполголоса переговаривались о своих делах.

Джон говорил о своем намерении добраться до Кампы и там присоединиться к почтовому каравану, идущему к Соленому озеру. Услышав его слова, мнимый гамбусино встрепенулся.

— Большая группа путешественников, — сказал он, — в эти тревожные дни может скорее привлечь к себе внимание индейцев. На вашем месте я предпочел бы идти туда, куда вы направляетесь, но совершенно самостоятельно, не присоединяясь к каравану.

— Может быть, вы и правы! — отозвался Джон. — Правда, нас теперь четверо, все мы отличные стрелки, умеем постоять за себя. Но все же это слишком рискованное предприятие. Нет, я предпочел бы идти с караваном! Подбрось, Гарри, еще дровец в костер! Нам нечего жалеть дерева, а пули надо поберечь!

— Волки что-то поутихли! — ответил траппер.

В самом деле, волчий вой заметно поутих, как будто удалился, и теперь над самим подземельем уже не было слышно возни хищников, самих волков тоже не было видно рядом с лестницей.

— Близок рассвет! — сказал Джон Мэксим. — Волки уходят. Значит, и нам можно хоть немного отдохнуть. В путь пускаться сейчас еще рискованно, в нашем распоряжении есть парочка часов. Надо восстановить силы, как следует выспаться.

ВЕЛИКИЕ ПРЕРИИ

Ураган понемногу утих. Небо очистилось от туч. Огромный горячий шар всплыл во всем своем великолепии над степями. И с первыми лучами солнца, вместе с тенями ужасной ночи исчезли и волки, покинув окрестности монастыря, где путники нашли себе убежище с вечера. Только вокруг здесь и там валялись клочья окровавленной волчьей шкуры, кости, да на земле виднелись лужи крови: это были следы отпразднованной степными хищниками ночной оргии. Когда кто-нибудь из волков падал под пулями защитников развалин, остальные волки набрасывались на злополучного собрата и буквально раздирали его на клочки...

О кошмарной ночи говорил дым, поднимавшийся кое-где тонкими полупрозрачными голубоватыми струйками — это догорали угольев костров, с помощью которых беглецы защищались от нападения волков.

Сам монастырь в этот ранний утренний час был уже опять пуст маленький отряд из двух братьев-трапперов, агента Джона Мэксима, гамбусино и Миннегаги уже давно покинул свое ночное убежище и продвигался по бесконечному простору прерии.

Отряд шел гуськом, впереди ехал агент, за ним Гарри и Джордж, а Красное Облако замыкал шествие, причем Миннегага сидела за его спиною.

Пока отряд проходил лесистой долиной, на каждом шагу были видны следы ночного урагана: валялись, иногда загораживая дорогу, стволы сломанных или вывернутых с корнями деревьев, земля была влажной, но горячие лучи солнца торопились выпить влагу, и над долиною клубился легкий пар. Вдали виднелась горная цепь Ларами, над вершинами которой громоздились белые облака.

Еще немного, и маленький отряд вступил на землю Великой прерии, туда, где глаз почти не встречает деревьев, холмов, оврагов. Степь, словно зеленое море, убегала в туманную даль. Почва была покрыта пышно разросшейся травой, люди и лошади словно плыли по зеленым волнам, наполнявшим воздух ароматами степных цветов и растений.

Джон Мэксим, вступая в пределы Великой равнины, несколько раз останавливался, приподнимался на стременах и внимательно оглядывал все стороны горизонта, зоркие глаза бывалого охотника не подмечали каких-либо угрожающих признаков близости индейцев. Воздух был свеж и чист, в его живительных струях не было ни малейшей примеси дыма костров какого-нибудь лагеря или передового отряда чейенов.

Странное чувство охватывает путника, странствующего по прерии.

Копыта коней тонут в мягкой траве, заставляя потревоженные растения сыпать на землю созревшие семена, в зеленом море остается словно проложенная плугом борозда на много-много миль пути, и кругом царит какая-то торжественная тишина.

В бледно-голубом небе высоко-высоко реют черные точки: это степные коршуны носятся в поднебесье, выглядывая с огромной высоты добычу.

Вот несколько таких черных точек собрались в группу. Они, очевидно, что-то заметили, потому держатся над одним местом, то опускаясь почти до земли, то взмывая в недосягаемую высь. И другие птицы, парящие на огромном расстоянии от этих, своими зоркими глазами подметили, что здесь найдена какая-то добыча, и слетаются со всех сторон, присоединяются к коршунам, уже кружащим над этим местом...

— Должно быть, здесь добывали индейцы! — пробормотал Джон Мэксим, наблюдая за птицами. — Может быть, лежит туша убитого бизона. Во всяком случае, не мешало бы посмотреть.

— Скорее трупы людей! — отозвался задумчиво поглядывавший все время на север лжегамбусино.

— Разве что прошлою ночью здесь произошло какое-нибудь сражение? — встрепенулся агент.

Гамбусино пожал плечами.

Несколько минут спустя лошади стали проявлять признаки тревоги, всадникам удалось без затруднений обнаружить, что привлекало внимание степных коршунов. В густой траве, на краю какой-то полувысохшей лужи, валялась изломанная, разбитая почтовая коляска, а вокруг нее лежало несколько трупов людей и лошадей.

Подлые и трусливые степные волки, койоты, уже пировали на месте катастрофы, пожирая трупы, но при приближении живых людей рыжими молниями ринулись во все стороны и скрылись в густой траве. Только коршуны и вороны по-прежнему кружились в бледно-голубом небе: они не боялись, что по ним станут стрелять, они не хотели улетать и ждали, когда пришельцы уйдут, чтобы вновь без помехи приняться за прерванный пир.

— Почтовый караван, «Курьер»! — пробормотал, глядя на печальные останки, Джон Мэксим.

Поясним для читателя, не знакомого с жизнью Северной Америки тех дней, что такое «почтовый караван» или «почтовый курьер».

Дело в том, что до сооружения трансконтинентальных линий железных дорог, связавших восточные штаты с западными, сообщение между этими штатами велось почти исключительно при помощи «почтовых караванов», проходивших степями по нескольким направлениям.

На определенном расстоянии друг от друга в степи стояли почтовые станции под защитою небольших фортов. Около станций постепенно образовывались поселки. Как сами станции, так и поселки, но чаще всего поддерживавшие сообщение между ними дилижансы[11] или даже целые «почтовые караваны» подвергались постоянной опасности. Индейцы прерий следили за караванами, как волки следят за бегущим оленем.

Поэтому караваны от одной станции до другой часто шли под прикрытием небольших отрядов регулярной армии. Во всяком случае, все пассажиры, пользовавшиеся этим способом передвижения, вооружались до зубов, и эта предосторожность была отнюдь не лишней, потому что большое количество почтовых караванов было истреблено индейцами, а их пассажиры без пощады перебиты.

Особою популярностью в старые годы пользовалась дорога через Сент-Луис. Оттуда на запад регулярно раз в неделю отправлялся через степи почтовый караван.

Глядя на остатки уничтоженной в это утро почты, Джон Мэксим обескураженно промолвил:

— Почта из Сент-Луиса! Я узнаю экипаж!

Он сошел с лошади и, ведя ее в поводу, подошел ближе к разбитому фургону. Около экипажа лежали в беспорядке трупы трех лошадей и двух людей. Один из последних трупов производил ужасное впечатление: раскинувшись во весь рост, лежал средних измятой и забрызганной кровью травы сильный, атлетически сло-

женный, вероятно, еще молодой человек в костюме ковбоя. Его застывшая рука все еще сжимала рукоятку двухствольного пистолета. В груди торчало несколько стрел, пронзивших несчастного, а голова казалась сплошною кровавою раною, потому что убившие ковбоя индейцы скальпировали его. Следом за индейцами на несчастного, может быть, еще полуживого, набросились трусливые койоты и растерзали человеческое тело.

Осмотрев трупы, Джон Мэксим сказал, обращаясь к своим спутникам, в глубоком волнении глядевшим на место катастрофы:

— Здесь были чейены. Это их стрелы. Они напали, надо полагать, вчера вечером, незадолго до того, как разразился ураган!

Несколько в стороне от первой жертвы индейцев, среди трупов лошадей лежал навзничь другой человек. Это был средних лет мужчина в мундире почтового курьера. У него, как и у первого, голова была скальпирована, правая рука почти отделена от туловища ударом томагавка[12], но лицо еще не было тронуто койотами. При первом же взгляде на него Джон Мэксим вскрикнул яростно:

— Патт! Почтарь из Сент-Луиса?! О, бедняга! Тарри-а-Ла когда-то поклялся, что убьет этого несчастного. Клянусь, Тарри-а-Ла, должно быть, теперь носит с собою скальп Патта!

— Кто это? Ты, значит, знаешь его? — спросил вполголоса Гарри.

Не отвечая, агент круто обернулся и подозрительно посмотрел на присутствовавшего тут же лжегамбусино.

Индеец едва не был застигнут врасплох. Дело в том, что при виде уничтоженной почты Миннегагой словно овладел демон. Она ликовала. Глаза ее горели злым огнем, губы подергивались. Казалось, еще миг, и индианка начнет хохотать и хлопать в ладоши. Красное Облако напрасно бросал на нее предостерегающие взгляды.

— Что вы, гамбусино, думаете обо всем этом? — спросил индейский агент спутника.

— Чейены! — коротко ответил тот, избегая взгляда Мэксима. — Это у них, хотя они и обзавелись уже огнестрельным оружием, еще сохранилась привычка брать в поход с собою луки и стрелы! И они, надо полагать, находятся где-то поблизости.

Было бы благоразумнее не идти сейчас на Кампу, как вы предполагали, а несколько переждать здесь. Краснокожие остановятся где-нибудь, разведут костры, и мы сможем определить, где они находятся, и обойти их. Сюда они уже не возвратятся. За это можно почти поручиться.

— Да, пожалуй. Что им тут делать? Все, что можно было взять, они уже взяли! — глухим, полным ярости голосом пробормотал агент Джон.

— Не могут ли индейцы напасть на Кампу? — спросил Гарри.

— Это зависит исключительно от того, какими силами они располагают! — ответил Джон. — Может быть, они уже осаждают Кампу. Во всяком случае, совет гамбусино резонен. Остановимся

тут, постараемся выяснить обстоятельства. Это будет наиболее благоразумным.

По приказу Мэксима лошадей расседлали и уложили в густой траве, совершенно скрывавшей их от глаз несколько в стороне от места катастрофы. Люди же принялись за осмотр окрестностей и изучение многочисленных следов.

Осмотрев разбитый, изуродованный фургон, обнаружили в нем лишь несколько мешков писем, но никакого следа припасов. Только в траве среди колес зоркий глаз агента обнаружил небольшой сухарь.

— Возьми, Гарри! — смеясь, крикнул агент трапперу. — У тебя волчий аппетит, ты всегда голоден. Поточи свои зубы об этот сухарь, только не обломай их, ибо он тверд, как камень.

Но раньше, чем Гарри взял сухарь, гамбусино протянул к нему свою мохнатую жилистую руку со словами.

— С нами девочка! — сказал он решительно. — Думаю, что мы, мужчины, могли бы уступить кусок хлеба ребенку.

Гарри ответил:

— А пусть подавится этот зменыш!

От отвернулся, и хлеб перешел в руки мнимого гамбусино, который передал его маленькой дикарке. Минегага взяла сухарь, села в сторонке, не спуская блестящих глаз с трупов двух почтарей и принялась грызть его своими белыми и острыми зубами.

Джордж и агент продолжали бродить вокруг места побоища, обследуя окрестности. Гамбусино следовал на ними. На его бронзовом лице ясно читалось выражение тревоги и беспокойства.

— Тарри-а-Ла где-нибудь поблизости. Ядовитая индейская змея, самая опасная из всех гадин прерий! — пробормотал агент, усаживаясь без церемоний на труп одной из убитых лошадей и принимаясь набивать трубку.

— Расскажи нам, Джон, что это за дьявол твой Тарри-а-Ла? — обратился к нему Гарри.

Агент молча закурил трубку, потом заговорил:

— Эх вы, траппперы! Удивляет это меня: ведь и вы немало лет шляетесь по прериям. Как же это вы никогда не встречались с почтарем Паттом?

— Так, значит, вышло! — несколько сконфуженно отозвался Джордж. — А ты был его приятелем?

— Да, я любил парня. Он много рассказывал мне разных историй. Помню одну из них.

Было дело так.

Раз Патт прибыл со своим фургоном на маленькую станцию, чтобы взять там свежих лошадей, отдохнуть и потом снова тронуться в путь.

Здесь он застал одного скваттера, ирландца родом, и его малень-кую дочь, перепуганную до полусмерти.

Ирландец, смелый
станции собственную
дом. Как все скватте
выгоды меновую торго
Однажды к фактор
под предводительством
шая Стрела». Индейцы
порох, пули и «огнен
общему удовольствию,
дочь скваттера. Пять м
чтобы ирландец отдал е
— Она будет моей
жену. Эта мне нравится
Разумеется, ирланде
жему жениху, хотя Лет
заплатить богатый выку
Разговор происходил
навязчивостью индейца,
порог своего дома. Прот
угомонился, протрезвел.
товаров, получил от скват
пули и спиртные напитки
— Прощай, бледноли
увидимся, и гораздо раны
Некоторое время об
Скваттер понемногу нача
вдруг грянула беда: в одну
всех овец ирландца. На др
На третью загорелась от я
Нетрудно было догадат
тер часто находил на дере
бревнах частокола, защища
ных зеленою шкурою — с
ражды и войны на индейск
Скваттер понял, что ему
похищенной Летящею Стр
опасные места, и, выждав,
станцию проходила почта,
почтарю с просьбою захватит
Разумеется, Патт забрал с
фургон готов был уже тронут
индеец.
— Смотри, Патт! — сказ
ше. — Ты увозишь ту девушк
— Убирайся! — замахну
Индеец ловко увер

Ирландец, смелый и крепкий человек, завел в окрестностях станции собственную факторию, распахал часть прерии и выстроил дом. Как все скваттеры прерий, он вел дававшую ему большие выгоды меновую торговлю с соседями-индейцами.

Однажды к фактории ирландца явился целый отряд индейцев под предводительством Тарри-а-Ла. Кажется, это означает «Летящая Стрела». Индейцы привезли целый ворох мехов для обмена на порох, пули и «огненную воду». Сделка была быстро заключена к общему удовольствию, но, на несчастье, индеец увидел молодую дочь скваттера. Пять минут спустя полупьяный индеец потребовал, чтобы ирландец отдал ему девушку.

— Она будет моей скво! — твердил он. — Я прогоню старую жену. Эта мне нравится больше!

Разумеется, ирландец отказал этому неожиданному краснокожему жениху, хотя Летящая Стрела не скупился ни на обещания заплатить богатый выкуп, ни на угрозы мстить в случае отказа.

Разговор происходил в комнате, и ирландец, оскорбленный навязчивостью индейца, буквально вышвырнул Летящую Стрелу за порог своего дома. Против ожиданий Летящая Стрела как будто угомонился, протрезвел. Он самым мирным образом закончил обмен товаров, получил от скваттера запрошенные в начале торгов порох, пули и спиртные напитки, но, покидая факторию, он промолвил:

— Прощай, бледнолицый. Мы еще поговорим об этом!.. Мы увидимся, и гораздо раньше, чем ты думаешь!

Некоторое время об индейцах не было ни слуху ни духу. Скваттер понемногу начал забывать это странное сватовство, как вдруг грянула беда: в одну ночь кто-то перерезал в степи поголовно всех овец ирландца. На другую ночь была вытоптана его кукуруза. На третью загорелась от явного поджога ферма.

Нетрудно было догадаться, кто тут орудовал, потому что скваттер часто находил на деревьях поблизости от своего жилища, на бревнах частокола, защищавшего ферму, пучки стрел, перевязанных змеиною шкурою — официальное объявление непримиримой вражды и войны на индейский манер.

Скваттер понял, что ему грозит гибель, что его дочь рискует быть похищенной Летящею Стрелою. Тогда он решил покинуть эти опасные места, и, выждав, когда через ближайшую маленькую станцию проходила почта, именно фургон Патта, обратился к почтарю с просьбою захватить кой-какой скарб и двух пассажиров. Разумеется, Патт забрал с собой ирландца и его дочь. Но когда фургон готов был уже тронуться в путь, словно из-под земли вырос индеец.

— Смотри, Патт! — сказал он почтарю, которого знал и раньше. — Ты увозишь ту девушку, которая должна принадлежать мне.

— Убирайся! — замахнулся на него кнутом почтарь.

Индеец ловко увернулся от удара бича, отскочив в сторону.

Скваттер при помощи Патта отвез девушку к дальним родственникам в Сан-Франциско. Потом Патт, понятно, вновь принялся за свое дело, доставку почты и пассажиров через прерию.

Раньше у Патта было много друзей среди индейцев. Но Летящая Стрела поднял против смелого курьера всех своих соплеменников, чейенов. И вот, ты видишь, Гарри, что случилось: Патт лежит бездыханным трупом. Он-таки попал в ловушку. Держу пари, что это дело рук поклявшегося отомстить ему индейца, этой самой Летящей Стрелы, который и должен быть где-нибудь поблизости

Поднявшись со своего места, Джон Мэкэим выпрямился во весь рост и стал внимательно вглядываться в горизонт, сделав из своих ладоней щиток над глазами для защиты от ослепительных лучей солнца, стоявшего в зените.

— Дым! — воскликнул индейский агент.

Этот возглас привлек внимание всех. Гарри и Джордж вскочили следом за ним с карабинами в руках, приблизился к фургону и мнимый гамбусино.

Одного взгляда для траперов было достаточно, чтобы разглядеть в бледно-голубом воздухе столб сероватого дыма, поднимавшегося на большую высоту и расплывавшегося там облачком.

— Горит Кампа, что ли? — тревожно спросил Джордж.

— Может быть! — отозвался Джон глухо. — Что вы думаете об этом, золотоискатель?

Гамбусино пожал плечами.

— Кто знает? — сказал он. — Раз индейцы вырыли боевой топор и вступили на тропу войны, они не станут сидеть сложа руки.

— Так или иначе, — решительно сказал агент, — я от своего плана не считаю нужным отказываться. Я отправлюсь туда, чтобы на месте убедиться, какая участь постигла поселок!

И агент стал седлать своего мустанга.

СКВАТТЕРЫ ИЗ КАМПЫ

Час проходил за часом. Солнце мало-помалу катилось к горизонту. Маленький отряд из пяти человек на четырех конях, словно корабль, плывущий по зеленым волнам океана, мчался по направлению к югу по беспредельному простору Великой равнины.

Уже не было никаких сомнений в том, что пожар пожирает именно поселок при почтовой станции, носящей имя Кампы.

Джон Мэкэим опять ехал впереди отряда.

По пути он не упускал из виду ничего, что могло бы дать ему хоть какие-нибудь приметы близкой опасности.

В этом отношении
звери, вольные обитате
и птицы, можно было
индейцы.

Пока животные не
Джон Мэкэим видел
летящих куда-то птиц
известною долей вероят
венной близости индей
напуганные близостью

— Мустанги! — об
приближающийся табун

В самом деле, по сте
состоявший по меньшей

По первому взгляду
вителей благородной анд

Испанцы, захватив
Эрнандо Лотто привез а
там, найдя для себя под
размножилась и заселил

Индейцы прерий истр
используя как их мясо,
бизонов. Кроме того, охо
лепных верховых лошаде
жих за мустангами очен
непреодолимой боязни по
я избегали всех тех мест,
с краснокожими. Таким
мустангов, наши знакомы
что индейцев вблизи нет.

Некоторое время спу
становится как будто то
исчез, и облачко, собравш
растаяло, испарилось.

— Что за чудеса? —
в ту сторону, где еще так

— Да, этак, пожалуй,
са траппер Гарри.

— Поторопляйте лошадей

Но быстрый бег лошаде
почти в одно и то же мгнов
перед каким-то невидимым
всадники только с величай

— Ловушка, Джон! —
В самом деле, попер
тяжелые лассо.

В этом отношении его особого внимания удостаивались птицы и звери, вольные обитатели прерий: по тому, как держались животные и птицы, можно было безошибочно определить, близко или далеко индейцы.

Пока животные не выказывали особой тревоги: по сторонам Джон Мэксим видел идущих на водопой антилоп или спокойно летящих куда-то птиц. Это давало возможность предположить с известною долей вероятности, что, по крайней мере, в непосредственной близости индейцев не было. Иначе животные исчезли бы, напуганные близостью людей.

— Мустанги! — обратил внимание индейского агента Гарри на приближающийся табун прекрасных гордых животных.

В самом деле, по степи вихрем мчался целый табун мустангов, состоявший по меньшей мере из сорока голов.

По первому взгляду в лошадях можно было опознать представителей благородной андалузской крови.

Испанцы, захватив Мексику, ввезли в Америку эту породу. Эрнандо Лотто привез андалузскую лошадь в долину Миссисипи, и там, найдя для себя подходящие условия, она невероятно быстро размножилась и заселила бесконечные степи.

Индейцы прерий истребляли мустангов в огромном количестве, используя как их мясо, так и шкуры наравне с мясом и шкурами бизонов. Кроме того, охота на мустангов давала индейцам великолепных верховых лошадей. Но эта непрерывная погоня краснокожих за мустангами очень скоро выработала в мустанге инстинкт непреодолимой боязни по отношению к индейцам. Мустанги дичали и избегали всех тех мест, где им угрожала опасность повстречаться с краснокожими. Таким образом, теперь, увидев в степи табун мустангов, наши знакомые могли почти безошибочно определить, что индейцев вблизи нет.

Некоторое время спустя путники заметили, что столб дыма становится как будто тоньше, прозрачнее. Потом дым и совсем исчез, и облачко, собравшееся в небе над местом пожарища, словно растаяло, испарилось.

— Что за чудеса? — бормотал Джон, нетерпеливо поглядывая в ту сторону, где еще так недавно ясно виднелся дым.

— Да, этак, пожалуй, и с дороги сбиться нетрудно! — отозвался трапер Гарри.

— Погоняйте лошадей! Скорее! — командовал Мэксим.

Но быстрый бег лошадей едва не повлек за собой катастрофу: почти в одно и то же мгновение все четыре коня взвились на дыбы перед каким-то невидимым препятствием, встреченным на пути, и всадники только с величайшим трудом удержались в седлах.

— Ловушка, Джон! — крикнул Гарри, хватаясь за ружье.

В самом деле, поперек пути было протянуто скрытое в густой траве лассо.

— Едва ли для нас чейены хлопотали тут! — осмотрев место, заявил агент. — Должно быть, они думали, что именно в этом направлении пойдет почтовый фургон. И я держу пари: если пошарить хорошенько, мы нашли бы и другие лассо!

Но слова агента были заглушены грохотом далекого взрыва. И в той стороне, где должна была находиться станция, к небу бурно поднялся клубами черный столб дыма.

— Взрыв! — крикнул Джордж. — Ясное дело — станция взорвана. Куда мы теперь полезем? Зачем нам туда впутываться?

Но агент крикнул на него:

— Замолчи! Потерял голову, что ли?

Затем, немного смягчая тон, Джон Мэксим скомандовал:

— Вперед, ребята! Но только не зевайте и не гоните лошадей Пусть идут шагом. Если мы и наткнемся на лассо, то не рискуем пострадать. — Прошли таким аллюром несколько сот метров. Следов засады не было. И потому агент вновь стал торопить своих спутников: солнце готовилось зайти, а до станции надо было добраться раньше ночи.

Сумерки уже сгущались. Здесь и там на потемневшем небе зажигались одинокие звездочки. А странники все еще мчались, пришпоривая лошадей, по направлению к Камне.

— Смотрите! Фургоны! — придержал на мгновение своего коня агент.

В самом деле, в нескольких сотнях метров от маленького отряда смутно, словно призраки, виднелись огромные «корабли прерий», колоссальные фургоны с полотняным верхом, какие употреблялись в ту эпоху переселенцами почти исключительно для странствований по прериям. Для пионера, ищущего, где бы осесть, такой фургон служил и экипажем, и домом, и, наконец, во время нападений индейцев оригинальной крепостью.

— Скваттеры! — воскликнул Джон, разглядывая медленно движущиеся по степи фургоны. — Откуда-то бегут, бедняки. Но откуда? Куда?

Конвой из нескольких вооруженных людей, сопровождавший фургоны, увидев внезапно вынырнувший из травы отряд наших приятелей, схватился за ружья.

— Кто идет? Что за люди? — донесся тревожный крик.

— Свои! — откликнулся Джон, пуская свою лошадь в галоп

Подъехав к обозу, он увидел, что охрану его составляло человек пятнадцать скваттеров и трапперов, вооруженных по большей части винтовками. Из-под навесов фургонов выглядывали женские и детские лица, и среди женщин многие оказались тоже хорошо вооруженными.

Навстречу четырем всадникам вышел высокий, плечистый старик с серебристой бородой. На нем был потрепанный мундир американской милиции с сержантскими галунами. Держа ружье

руке, старик цепко
повторил свой вопрос:
— Что вы за люди
— Мы посланцы
отрядом у ущелья в гор
Джон Мэксим.
— Значит, и вы бег
— То есть как это
— А, Господи! —
не знаете, что отряд Де
— Что? Что вы гово
— Ну, да! Вчера но
делля. Индейцы напали
кроме этого солдата, спас
— Да нет же! Нас
одним поручением. Мы
Так отряд уничтожен? А
убит?

Старик пожал плечам
— Кто же знает что-
Мнимый гамбусино
полными злобной радости
Гарри и Джордж вне с
— Вы слышали, товар
рач агент.
— Горе нам! — вздох
— Это дело рук Яллы
удар! — как бы про себя бо
И, поди, этому вампиру уда
а свои грязные лапы! Тепе
его.
— Нет, нет! — закрич
Мэксим, что этого не случи
аться, что наш бравый ко
досталось только бездыханн
— Да, будем надеяться
невольный вздох. — Мы ра
ну карапану...
— Да, конечно, присое
жант.

Минуту спустя агент дрож
сержанту:
— Послушайте, старина
действительно разгром
Сержант пожа

руке, старик цепко и внимательно оглядел приближавшихся и повторил свой вопрос:

— Что вы за люди? Что вам здесь надобно?

— Мы посланцы полковника Деванделля, стоящего со своим отрядом у ущелья в горах Ларами! — ответил, приостанавливаясь, Джон Мэксим.

— Значит, и вы беглецы? — спросил старик.

— То есть как это беглецы? — недоумевал агент.

— А, Господи! — нетерпеливо сказал старик. — Да вы разве не знаете, что отряд Деванделля уничтожен индейцами сиу?

— Что? Что вы говорите? — вскрикнул вне себя Мэксим.

— Ну, да! Вчера ночью сюда добрался один из солдат Деванделля. Индейцы напали на отряд на рассвете. Кажется, никому, кроме этого солдата, спастись не удалось. Вы, впрочем, тоже удрали?

— Да нет же! Нас полковник полтора дня назад отправил с одним поручением. Мы ничего и не подозревали... Господи Боже!.. Так отряд уничтожен? А сам полковник Деванделль? Что с ним? Он убит?

Старик пожал плечами.

— Кто же знает что-нибудь определенное? — пробормотал он.

Мнимый гамбусино и Миннегага обменялись друг с другом полными злобной радости взглядами.

Гарри и Джордж вне себя от горя опустили головы.

— Вы слышали, товарищи? — задыхаясь, обратился к траппе-рам агент.

— Горе нам! — вздохнул Гарри.

— Это дело рук Яллы. Это она нанесла Деванделлю ужасный удар! — как бы про себя бормотал агент с затуманенным взором. — И, поди, этому вампиру удалось захватить нашего командира живым в свои грязные лапы! Теперь она издевается над бедняго́ю, терзая его.

— Нет, нет! — закричал Джордж. — Будем надеяться, мистер Мэксим, что этого не случилось, не могло случиться! Будем надеяться, что наш бравый командир пал, как воин в бою, и Ялле досталось только бездыханное тело!

— Да, будем надеяться! — уныло согласился агент, подавляя невольный вздох. — Мы рассчитывали присоединиться к почтовому каравану...

— Да, конечно, присоединяйтесь! — радостно ответил сержант.

Минуту спустя агент дрожащим, неверным голосом задал вопрос сержанту:

— Послушайте, старина! Уверены ли вы, что отряд полковника действительно разгромлен?

Сержант пожал плечами.

— Говорю же я вам! Какие же сомнения могут быть? Отряд был крошечный. Вы это должны знать лучше меня... А индейцы словно обезумели...

На побледневшем лице агента лежало выражение глубокой скорби. Две крупные слезы сползли по ресницам и покатились по впалым щекам.

Но Джон Мэксим быстро собрался.

— Что же делать? — пробормотал он, пожимая плечами. — Такова жизнь в этом краю. Сегодня ты, завтра я... Кто знает, что суждено нам? Но клянусь, если только я раньше времени не лягу в могилу, я отдам всего себя одному делу: я буду мстить всем краснокожим за гибель моего командира. Я и раньше не особенно мягко относился к этим зверям. Но все же... Теперь, пусть судит меня Бог, ни один красный не увидит от меня пощады. Я не успокоюсь, пока в отместку за полковника не погублю тысячу краснокожих демонов...

В то время как велись эти переговоры, обоз стоял на месте и большинство людей эскорта держалось около фургонов с ружьями наготове. Но мало-помалу к разговаривавшим присоединилось несколько скваттеров.

Когда же переговоры были закончены, сержант дал свистком сигнал, и погонщики захлопали бичами, подгоняя лошадей. Фургоны тронулись с места и, врезаясь огромными колесами в рыхлую почву, поплыли, качаясь и как будто ныряя. Обоз держал путь по направлению к Соленому озеру.

Агент Джон Мэксим и оба траппера ехали в авангарде, держась рядом с руководителем каравана. Мнимый гамбусино, по-прежнему держа Миннегагу у себя за спиной, понемногу отстал.

— Ты все поняла, дочь моя, что говорили белые? — шепнул он девочке.

— Да, отец! Бледнолицые разбиты. Моя мать исполнила свою заветную мечту...

— Твоя мать... твоя мать! — проворчал индеец. — Она слишком поддается своим страстям. Теперь она ослеплена жаждою мести и готова поставить на карту все...

— А разве она не права? — горячо вступилась индианка. — Разве она не должна была отомстить полковнику за гибель моего брата, Птицы Ночи?

Странная улыбка зазмеилась на устах старика.

— Птица Ночи? — прошептал он. — Ты плохо знаешь свою мать, дитя. Поверь, в глазах Яллы Птица Ночи стоил меньше, чем в моих глазах эта трубка... Она сама послала парня на убой!

— Не говори, не говори так! — страстно отозвалась девочка. — Я знаю, все сиу уважают, все сиу боготворят мою мать!

Красное Облако обернулся в седле, и его взгляд встретился с искрящимся взором девочки.

— Да, в твоих ж
Яллы, чем моей. Ты с
не выйдет существо,
— Да! Я — дочь
— И моя!
— Кто знает? —
ты вовсе не отец мне?
которую я готова убит
— Ну, тише, тиш
Так или иначе, ты в сам
Скажи, уверена ли ты,
был уже мертв?!

Миннегага пожала

— Мой нож вошел
Хлынула потоком кров

— Да, да! Не будем
об этом! Ведь если толь
твоей матери, а она не за
ты, моя красивая змейк
отряд Деванделля уничт
твоей матерью, то что, с

— Если бы мы могли
легко теперь присоедин
Разумеется, потом мы н
перерезали бы всех, всех
Тут есть белые дети. Я са

— Потише, потише!
сец. — Ты, говорю же, е
ты городишь вздор! Ялла
нас разыскать Левую Ру
исполним ее поручения
лучше тебя, что такое нав

— А если я не хочу бро
нравится быть с матерью,
Глаза индейца загорел
спиною девочке и сказал у
— Миннегага! Ты забы
не моя дочь?! Разве я не им
в траву? И если тебя пожру
не осудит меня за это. Пото
жизнь и смерть. Не забывай

В ответ Миннегаги злоб
рассмеялась.

А караван, прокладыв
змеился по направле
покачались,

— Да, в твоих жилах, я это вижу, течет гораздо больше крови Яллы, чем моей. Ты еще ребенок, но я грубо ошибаюсь, если из тебя не выйдет существо, еще более страшное, чем твоя мать! Вот что!

— Да! Я — дочь Яллы!

— И моя!

— Кто знает? — страстно крикнула девочка. — Может быть, ты вовсе не отец мне? Мне довольно того, что у меня есть мать, за которую я готова убить кого угодно... Даже тебя, отец!

— Ну, тише, тише! — прикрикнул на звереныша индеец. — Так или иначе, ты в самом деле моя дочь. Помолчи. Впрочем, постой. Скажи, уверена ли ты, что, когда покидала палатку Деванделля, он был уже мертв?!

Миннегага пожала плечами.

— Мой нож вошел в его спину. Он упал, как подкошенный. Хлынула потоком кровь. Что я еще знаю?

— Да, да! Не будем же, дитя, больше возвращаться к разговорам об этом! Ведь если только ты не убила полковника, то он достался твоей матери, а она не замедлит докончить то, что так удачно начала ты, моя красивая змейка. Вот теперь меня интересует вопрос: если отряд Деванделля уничтожен и сиу спустились в прерию во главе с твоей матерью, то что, собственно, остается делать нам?

— Если бы мы могли бросить этих бледнолицых... Нам было бы легко теперь присоединиться к отрядам сиу, отыскать мою мать. Разумеется, потом мы непременно напали бы на этот караван и перерезали бы всех, всех. Тут много белых женщин. Я их ненавижу. Тут есть белые дети. Я сама перерезала бы им горло...

— Потише, потише! — прервал ее взволнованный шепот индеец. — Ты, говорю же, еще более кровожадна, чем твоя мать! Нет, ты городишь вздор! Ялла еще далеко отсюда. Наконец, она послала нас разыскать Левую Руку, и мы подвергнемся ее гневу, если не исполним ее поручения и самовольно вернемся к ней, а я знаю лучше тебя, что такое навлечь на себя гнев Яллы...

— А если я не хочу бродяжничать тут с тобою? Если мне больше нравится быть с матерью, чем с тобою?

Глаза индейца загорелись. Он обернулся к сидевшей за его спиною девочке и сказал угрожающим голосом:

— Миннегага! Ты забываешь закон нашего племени! Разве ты не моя дочь?! Разве я не имею права швырнуть тебя с седла вот тут, в траву? И если тебя пожрут койоты или растерзают волки, то никто не осудит меня за это. Потому что я твой отец и имею право на твою жизнь и смерть. Не забывай этого, девочка!

В ответ Миннегага злобно заскрежетала зубами, потом хрипло рассмеялась.

А караван, прокладывая себе дорогу в густой траве прерий, все двигался по направлению к Соленому озеру.

Колыхались, словно корабли в бурю, огромные фургоны.

Луна освещала своим бледным, призрачным светом фантастическую картину. По обеим сторонам в густой траве скользили нечеткими тенями трусливые койоты, словно выжидая, не отстанет ли кто-либо из путников...

ПРЕРИИ В ОГНЕ

Всю ночь караван двигался в направлении Сьерра-Эскаланте, далеко обходя большие долины, орошаемые Ямпой, притоком Колорадо. Эти долины слишком часто посещались индейскими охотниками. В горах сержант надеялся не только с большей легкостью ускользнуть от внимания чейенов и сиу, но и найти средства к защите в случае неожиданного нападения.

Взошедшее утром солнце застало караван в прерии. Зеленеющие вершины Эскаланте были еще слишком далеки, чтобы можно было рассчитывать достичь их, не давая отдыха лошадям. После тщательного осмотра окрестностей для стоянки было выбрано место у небольшого озера с жидкой растительностью по берегам. Все шесть фургонов расположились в форме креста, верх с них сняли, а лошадей распрягли и пустили в траву.

Пока мужчины во избежание случайного пожара очищали выбранное место от сухой травы, женщины занялись приготовлением завтрака. Сержант, Джон Мэксим и Гарри произвели небольшую разведку в сторону севера, чтобы убедиться, что оттуда нечего опасаться появления сиу. О чейенах и арапахо они не особенно заботились — они могли появиться только с тыла, что мало беспокоило путешественников.

Убедившись, что вокруг нет никаких следов близкого присутствия индейцев, разведчики собрались было повернуть назад, как вдруг ехавший впереди всех Гарри сильным движением остановил лошадь и стал внимательно всматриваться в узкую серовато-полоску, внезапно появившуюся над морем травы в том направлении, где должна была находиться Ямпа.

— Эй, Джон! Посмотри-ка сюда! — обратился он к агенту.

Тот поднялся на седле и долго всматривался в даль.

— Что за черт! — воскликнул он наконец.

— Ну, что ты там увидел? — поинтересовался Гарри.

— Стадо бизонов! — ответил Мэксим с ясно написанным на его лице изумлением. — Стадо бизонов вместо того, чтобы двигаться к северу, как это всегда бывает в жаркое время года, напротив мчится со всех ног на юг. Это мне кажется очень странным. К такой необычной перемене направления их могла вынудить только серьезная причина.

— Не почуяли ли
предположение Гарри.
— Да, пожалуй, так
рый сержант. — Бизон н
старое место в это врем
какой-нибудь отряд чейе
— Знаете что, сержа
выслушать мой серьезны
со стоянки, и двинемся да
— Но вы знаете, что
него вечера? Они еще не
— Что же поделаешь!
деемся, что у них хватит с
к копям Могаллона.
— Что это за копи?
— Это старая угольна
назад благодаря непрерыв
работал там и знаю все ход
к эту шахту, нужно тольк
Сьерра-Эскаланте.
— Сколько же нам при
— Десятка полтора мил
Старик понурил голову.
— Не знаю, — сказал
расстояние, таща фургоны.
— Послушайте меня, се
Если их окажется больше,
скалпированы по всем прав
как сможем удачно достичь к
нас окажется множество сред
— Что ж, попробуем! —
Всадники пришпорили лош
Возвышающиеся около фургоно
приближение бизонов и, рассчи
строить охоту за каким-нибу
Стадо не было особенно
настоящий сезон больших миг
встретить стада в две-три тыся
сколь голов. Животные каза
какой-то таинственный враг сле
Вскоре остановились, чтобы
Затем снова продолжали свой бе
Животные что-то слиш
Подавая к себе Джона
расположение фургоно
стадо ближе, чт

— Не почуяли ли они близость краснокожих? — высказал предположение Гарри.

— Да, пожалуй, так оно и есть! — поспешил согласиться старый сержант. — Бизон никогда не вернулся бы без причины на свое старое место в это время года. Вероятно, в окрестностях бродит какой-нибудь отряд чейенов, успевший перебраться через Ампу.

— Знаете что, сержант? — обратился к нему агент. — Хотите выслушать мой серьезный совет? Распорядитесь сейчас же сняться со стоянки, и двинемся дальше.

— Но вы знаете, что наши лошади находятся в пути со вчерашнего вечера? Они еще не успели отдохнуть.

— Что же поделаешь! — поддержал Джона Гарри. — Мы надеемся, что у них хватит сил, чтобы доставить нас, по крайней мере, к копям Могаллона.

— Что это за копи?

— Это старая угольная шахта, заброшенная уже много лет назад благодаря непрерывным нападениям индейцев. Я когда-то работал там и знаю все ходы и выходы. Для того чтобы проникнуть в эту шахту, нужно только добраться до первых возвышенностей Сьерра-Эскаланте.

— Сколько же нам примерно остается еще проехать?

— Десятка полтора миль, пожалуй, наберется.

Старик понурил голову.

— Не знаю, — сказал он, — выдержат ли наши лошади такое расстояние, таща фургоны.

— Послушайте меня, сержант! Не будем ждать здесь чейенов. Если их окажется больше, чем нас, то мы, несомненно, будем скальпированы по всем правилам этого искусства. Тогда как, если мы сможем удачно достичь копей Могаллона, в нашем распоряжении окажется множество средств к защите.

— Что ж, попробуем! — с сомнением ответил сержант.

Всадники пришпорили лошадей и галопом помчались к стоянке.

Возившиеся около фургонов скваттеры, в свою очередь, заметили приближение бизонов и, рассчитывая на обильный ужин, готовились устроить охоту за каким-нибудь отставшим от стада животным.

Стадо не было особенно многочисленным, еще не наступил настоящий сезон больших миграций бизонов, когда нередко можно встретить стада в две-три тысячи голов. В этом же было не больше трехсот голов. Животные казались сильно испуганными, словно какой-то таинственный враг следовал за ними по пятам. Они лишь изредка останавливались, чтобы схватить клочок свежей травы, и затем снова продолжали свой бешеный бег по направлению к югу.

— Животные что-то слишком обеспокоены, — заметил Гарри, подзывая к себе Джона, принявшегося было вместе с сержантом за снаряжение фургонов в дальнейший путь. — Вероятно, индейцы гораздо ближе, чем мы предполагаем.

— Этого-то и я боюсь, — ответил агент. — Мы, кажется, по-
падем в такую переделку, из которой вряд ли выйдем невредимыми,
если только у наших лошадей не найдется достаточно сил и вынос-
ливости, чтобы вовремя доставить нас до заброшенной шахты. Будем
надеяться, однако, что все кончится благополучно!

В несколько минут караван был снова готов к дальнейшему
путешествию. Наскоро проглотив приготовленный женщинами за-
втрак, скваттеры вскочили на своих лошадей, и тяжелые фургоны с
грохотом и скрипом двинулись в путь.

Заметив присутствие людей, подталкиваемые инстинктивным
чувством страха, бизоны изменили свое первоначальное направле-
ние и направились к востоку, быть может, с намерением укрыться
в расстилавшихся там лесистых долинах.

Не успел караван отойти на несколько миль от своей стоянки,
как Джон, находившийся в арьергарде вместе со стариком сержан-
том, начал обнаруживать признаки беспокойства.

— Гарри! — обратился он неуверенным тоном к своему спут-
нику, поводя носом. — Ты ничего не замечаешь подозрительного?

— Пока ничего! — ответил тот. — В чем дело?

— Я чувствую запах гари, и это меня несколько тревожит. Мое
обоняние никогда не обманывает меня.

В этот момент к ним приблизился Красное Облако.

— Запах дыма! — сказал он лаконично. — Прерия горит.

— Ветер дует с юга! — заметил Джон. — Очевидно, огонь
вспыхнул где-то около реки. Нет никакого сомнения, что устроить
этот пожар могли только индейцы. Но зачем? Неужели они догады-
ваются о нашем присутствии здесь?

— Вряд ли! — отозвался Гарри. — Если бы они действительно
открыли наше присутствие, они не преминули бы показаться нам
на глаза. Вернее всего, это просто результат их небрежности. Ты
знаешь, что иногда, чтобы закурить свою трубку, они, не задумы-
ваясь, сжигают целый лес.

— Очень может быть! Но это меня нисколько не успокаивает, —
возразил Джон. — Я предпочел бы быть сейчас уже в копях.

— Ну, до этого еще очень далеко, — пробормотал сержант. —
Раньше как часа через три мы вряд ли до них доберемся. А наши
лошади уже выбились из сил.

— Ничего! Когда увидят огонь, откуда и силы возьмутся!

Тревога распространилась по всему каравану, особенно среди
женщин и детей. Погонщики выбивались из сил, каждый, кто мог,
помогал лошадям тащить тяжелые фургоны. Запах дыма, приносимый
мый ветром, не уменьшался, а скорее увеличивался. Так прошло
более часа. Бизоны давно исчезли, пройдя мимо каравана на
расстоянии не более ружейного выстрела, следом за ними прошли
бесчисленные стада антилоп и несколько больших стай койотов. Все
эти животные шли с юга на север, явно направляясь к лесистым
долинам в расчете, что туда не доберется степной пожар.

Руководивший караваном старый сержант уже собирался отдать распоряжение сделать привал, чтобы дать перевести дыхание измученным лошадям, когда Джон Мэксим воскликнул:

— Вот он, огонь!

Агент не ошибся: с юга поднималась сероватая пелена, по поверхности которой пробегали языки пламени, и людям из каравана было видно, что эта полоса идет дугообразной стеной, широко раскинув крылья на запад и на восток.

— Ну, что скажете, сержант? — обратился Джон Мэксим к охваченному ужасом старику.

— Мне кажется, что индейцы пускают огонь по нашему следу! — ответил дрожащим голосом старик.

— И мне так кажется! — вмешался Гарри. — Если огонь не изменит направления, то путь нам уже отрезан с трех сторон.

Оглядев внимательно степь, Джон Мэксим пробормотал:

— Все это было бы пустяками, лишь бы нам оставалась свободная дорога на угольные копи и в горы. Дорога-то эта покуда свободна, но выдержат ли лошади, которым приходится тащить фургоны?

— Вот это-то меня и пугает: лошади совсем обессилели! — отозвался тревожно сержант.

— Ну, будем делать, что можем! — подбодрил его агент. — В случае чего можем обрубить постромки, усадим женщин и детей на лошадей, оставим фургоны на съедение огню, а сами попытаемся как-нибудь спастись. Погоняйте, ребята! Если через полчаса ветер не изменит направления и огонь окажется у нас за плечами, а лес еще далеко, может быть...

Его речь оборвалась, и лицо побледнело: издали донеслись странные звуки, напоминающие лай или вой койотов, но привычные к жизни степи люди сразу узнали боевой клич индейцев.

— Я так и знал! — воскликнул Джон. — Эти дикари подожгли степь сзади нас, чтобы загнать нас в ловушку. А теперь они атакуют нас с флангов! Мужайтесь, друзья! У нас еще есть ружья, и мы покажем краснокожему зверю, что умеем владеть оружием! Сержант! Вы займетесь фургонами, а вы, ребята, и вы, гамбусино, держитесь около меня! Будем там, где наша помощь понадобится больше всего.

Тем временем боевой клич индейцев все усиливался и нарастал, звуки голосов краснокожих доносились с востока и запада, что подтверждало предположение Мэксима об устроенной засаде.

По всей вероятности, индейцы еще с вечера выследили караван и приняли все меры к тому, чтобы он оказался в полукольце огня, с одной стороны, стрел и копий — с другой.

Трава была так высока, что нападающих еще не было видно, но по силе их голосов можно было четко определить, что они уже совсем близко. Возможно и то, что, следуя своей обычной тактике, индейцы

держались в стороне от белых, лишь выжидая удобного момента для решительной атаки.

Трудно описать, что творилось в караване: перепуганные женщины кричали тонкими, срывающимися голосами, прижимая к груди плачущих детей, мужчины свирепо ругались и беспощадно колотили лошадей, вынуждая их напрягать последние силы. Но лошади уже выбились из сил, и хотя нагоняющая караван волна огня вселяла безумный страх в несчастных животных, тем не менее загнанные бедняги были не в состоянии ускорить бег.

— Кажется, нам крышка! — проворчал агент, обращаясь к трапперу Гарри. — Эти люди начинают терять голову раньше, чем пришел решительный момент. А с растерянной толпой ничего не сделаешь!

— Не бросать же их в таком положении? — стиснув зубы ответил молодой траппер.

— Конечно, нет! — отозвался агент. — Но в то же время мы не имеем права из-за них забывать данное нам полковником поручение!

— Ладно! Пока не начнут кричать — спасайся кто и как может! — будем отбиваться все вместе! Но... бедные женщины! Что ждет их?

— Да, но их-то, по крайней мере молодых, индейцы не станут скальпировать!

— Тем хуже: отведут в неволю. Сам ты знаешь, что значит белая женщина в рабстве у этих демонов. Смерть и та покажется счастьем!

— Подожди, не каркай! Ага! Вот и краснокожие гадины! Не ждал я, что мне придется так скоро увидеть их! — с проклятиями произнес агент.

В нескольких сотнях шагов от каравана показались кони, на которых вместо седел был простые попоны из голубой материи. С первого взгляда могло показаться, что никто не управляет животными, но скваттеров не могла обмануть обычная уловка индейцев прятаться за лошадьми.

Если знамениты в этом отношении гаучо аргентинских пампасов, если великолепны казаки донских степей и азиатские туркмены, то индейцы стоят тех и других, вместе взятых. В то время как все остальные нуждаются для производства джигитовки в подстилках, седлах, стременах и так далее, дикие сыны Дальнего Запада не нуждаются ни в чем, кроме пары крепких ног и опытных рук, с самыми ничтожными средствами способны укрощать наиболее диких мустангов, в несколько минут становясь их полными господами. Если их не видно было на лошадях, приближающихся к каравану, это вовсе не значило, что их не было совсем и что скваттеры могли себя чувствовать в безопасности.

Пользуясь густой травой, индейцы так искусно свешивались с боков своих лошадей, что совершенно закрывались травой. Это делалось для того, чтобы не подвергаться на далеком расстоянии

выстрелам противника
огнестрельным оружи
Они ждали только уд
на спинах лошадей
стремительную атаку.
— Эй! Джон! —
нов. — Не пора ли на
— Я тоже с больш
— отозвался Джордж.
— Подождите, па
пользы тратить пули.
поближе, тогда мы их в
приближается, кажется
— Этого еще тольк
Гарри. — За спиной —
Действительно, вда
шихся по направлению
себе всадников.
Краснокожие, по св
ную западню. Поджегш
к северу, стараясь все вр
и поджидали путников в
чтобы таким образом по
— Поскачем скор
Джон. — Помешаем эти
отступление к Сьерре. Ж
Как ураган промчали
лись к сержанту, собра
случае надобности предп
Везшие фургоны ло
громоздкие экипажи, и,
роте с легкими скакуна
минутой.
— Мы погибли! —
только Джон и его товари
— Пока мы живы, эт
сии из желания скорее с
вительного избытка наде
немного — и положение
— Продвигаться дальш
с отчаянием старик. — См
— Ну так, значит, на
степном пожаре. Или мы п
— Проклятые! — про
дели, прежде чем напасть
Агент сделал нес

выстрелам противников, которые, индейцы знали по опыту, владели огнестрельным оружием гораздо лучше краснокожих сынов прерий. Они ждали только удобного момента, чтобы в один миг появиться на спинах лошадей и уже с близкого расстояния начать свою стремительную атаку.

— Эй! Джон! — крикнул Гарри, укрываясь за один из фургонов. — Не пора ли начинать? Мой карабин уже жжет мне руки.

— Я тоже с большим удовольствием разрядил бы свою винтовку, — отозвался Джордж.

— Подождите, парни! — ответил агент. — Не станем без пользы тратить пули. Пусть эти красные дьяволы подойдут к нам поближе, тогда мы их встретим как следует. Стоп! Что за черт?! Вот приближается, кажется, еще одна шайка.

— Этого еще только недоставало, — пробормотал сквозь зубы Гарри. — За спиной — огонь, с боков — индейцы. Ну, денек!

Действительно, вдали показался новый табун лошадей, мчавшихся по направлению к фургонам и с виду тоже не имевших на себе всадников.

Краснокожие, по своему обычаю, приготовили беглецам ужасную западню. Поджегши прерию, они бешеным галопом промчались к северу, стараясь все время быть вне поля зрения вожаков каравана, и поджидали путников в месте, которого те никак не могли миновать, чтобы таким образом поставить их сразу между трех огней.

— Поскачем скорее к передним фургонам! — крикнул Джон. — Помешаем этим негодяям, по крайней мере, отрезать нам отступление к Сьерре. Живо, друзья! Вперед!

Как ураган промчались они вдоль всего каравана и присоединились к сержанту, собравшему вокруг себя всех мужчин, чтобы в случае надобности предпринять контратаку.

Везшие фургоны лошади выбивались из сил, катя тяжелые, громоздкие экипажи, и, разумеется, не могли соперничать в быстроте с легкими скакунами индейцев, приближавшихся с каждой минутой.

— Мы погибли! — сержант безнадежно махнул рукой, едва только Джон и его товарищи приблизились.

— Пока мы живы, этого еще нельзя сказать, — ответил Мэксим из желания скорее сказать что-нибудь старику, чем от действительного избытка надежды. Он прекрасно понимал, что еще немного — и положение станет совершенно безвыходным.

— Продвигаться дальше почти уже невозможно! — продолжал с отчаянием старик. — Смотрите, лошади скоро падут от усталости.

— Ну так, значит, нам придется изжариться живьем в этом степном пожаре. Или мы попадем в лапы к краснокожим.

— Проклятые! — простонал сержант. — Они все предусмотрели, прежде чем напасть!

Агент сделал неопределенный жест рукой.

— Пока мы живы, не следует терять надежды! — повторил он опять. — До копей остался какой-нибудь час пути. Будем отстреливаться, черт возьми! Авось удастся каким-нибудь способом спасти наши шкуры!

Едва только сержант повернул к фургонам, как к агенту тотчас же подъехал гамбусино.

— Я хочу дать вам один совет! — сказал он.

— Я слушаю, — ответил агент.

— У нас осталось времени, только чтобы унести ноги. Бросьте всю эту компанию. Ее все равно нельзя спасти, и попытаемся одни достигнуть копей Могаллона.

— То есть вы хотите предложить мне бросить караван на произвол судьбы? — нахмурив брови, спросил агент.

— Разумеется! — ответил, нисколько не смущаясь, гамбусино. — Наши лошади сравнительно свежие, и попытка прорваться имеет все шансы на успех. Оставаясь же с караваном, мы никогда не доберемся до шахт!

Джон вместо ответа поднял винтовку и сделал выстрел, крича скваттерам:

— Цельтесь по головам! Индейцы появились на спинах коней!

Красное Облако пробормотал[а] [что-то] какое-то ругательство, а затем, обернувшись к Миннетаре, устремил на нее вопрошающий взгляд.

— Кажется, это не наши! — прошептала индианка.

— Чейены! — ответил ей шепотом же старик.

— Но, отец, ведь чейены наши союзники. Значит, если мы попадем к ним в руки, беда невелика!

— Да, если попадем живыми. Но пули, которые скоро здесь засвистят, не станут разбирать, кто союзник чейенов, а кто враг!

— А я не боюсь ничуть!

— Ну, значит, у нас нет другого выхода. Задержимся здесь, покуда останется проклятый янки. Когда он увидит, что дело проиграно, он бросит этих дураков и побежит наутек, а мы последуем за ним. Время еще есть.

Слова Красного Облака были заглушены ружейным залпом, раздавшимся со стороны фургонов. Выстрелы слились с боевым кличем чейенов.

КОПИ МОГАЛЛОНА

Дикое, но удивительно живописное зрелище представляла собой краснокожие, мчавшиеся в атаку на злополучный караван обитателей Кампы. Свыше двух сотен всадников неслись, нагоняли великолепных лошадей и оглашали воздух свирепыми криками.

ми. Они неслись, размахивая длинными копьями и щитами, украшенными скальпами. Земля дрожала под копытами коней, воздух был полон звуков, словно бушевала буря.

На расстоянии ружейного выстрела индейцы нырнули за шеи лошадей, пригнув головы.

Чейены ростом ниже сиу или воронов, но отличаются великолепным сложением. Черты лиц их не имеют отталкивающего выражения. Лишь немногие уродуют свои физиономии татуировкой. Только яркий блеск гордых орлиных глаз выдавал возбуждение, охватившее воинов, с криком шедших в бой против бледнолицых, исконных врагов аборигенов Северной Америки. На лицах чейенов светилась непримиримая ненависть к истребителям индейцев.

Чейены шли в атаку, их длинные черные волосы развевались за плечами, словно конские гривы, а характерные повязки из тонкой кожи, расшитой бисером и убранной маленькими зеркальцами, издавали мелодичный слабый звон. Над головами воинов живописно колыхались орлиные перья.

Торс чейена-воина, идущего по тропе войны, всегда обнажен. У некоторых грудь расписана пестрыми красками, у других покрыта татуировкой. Воины, стремившиеся к каравану, держали в руках небольшие и легкие круглые щиты из кожи буйволов.

Из общей массы выделялось несколько вождей с уборами из длинных пестрых перьев, покрывавших голову ото лба и спускавшихся на спину.

По данному Джоном Мэксимом сигналу на индейцев посыпались пули: стреляли оба траппера, стреляли скваттеры, многие женщины, и даже те из детей, что умели владеть оружием.

Как ни беспорядочны были выстрелы, но залп все же дал известные результаты. На таком близком расстоянии пули поражали если не всадников, то хоть коней. Лошади падали, увлекая за собой человека. Разогнавшиеся скакуны, испуганные треском ружейных выстрелов, шарахнулись в сторону, сбрасывая всадников, и ринулись в бегство.

Индейцы в беспорядке рассыпались во все стороны.

— Прекрасно! — кричал, ободряя защитников каравана, агент. — Хлещите, гоните лошадей! Может быть, нам еще удастся вывернуться! Индейцам не до нас!

Воспользовавшись замешательством индейцев, не ожидавших такого энергичного отпора, фургоны снова быстро покатились вперед. Но их движение не могло быть сколько-нибудь продолжительным: индейцы быстро опомнились и снова начали нападать на караван, осыпая фургоны выстрелами. Ясно было, что краснокожие торопятся покончить с караваном раньше, чем этого места достигнут уже близкие волны степного пожара и заставят самих индейцев искать спасения в бегстве в лесистую часть прерии.

Оглянувшись вокруг, Джон Мэксим обескураженно махнул рукой.

— Печальный день! — пробормотал он. — Пожалуй, для этих людей было б гораздо лучше не покидать своего поселка. Ясно, дело идет к концу. Еще немного, и начнется отвратительная бойня.

В самом деле, в исходе сражения уже не было никакого сомнения: индейцы окружили караван со всех сторон, подбираясь к самым фургонам, им оставалось только разъединить еще уцелевших и державшихся вместе защитников, чтобы потом покончить с ними порознь.

Скваттеры защищались с мужеством отчаяния. Они видели, что погибли, им оставалось как можно дороже продать свою жизнь, истребив побольше врагов, и они стреляли в индейцев в упор.

Вне всякого сомнения, выстрелы скваттеров наносили жестокий урон краснокожим. На каждого убитого скваттера приходилось по меньшей мере трое или пятеро убитых индейцев, но в то время как ряды скваттеров быстро таяли, индейцев, казалось, их потери только сильнее возбуждали. Уже не одна лошадь мчалась по прерии сбросив в густую траву своего убитого хозяина, но индейцы все кружились около каравана, наскакивая на фургоны, и дрались с скваттерами в рукопашном бою.

Наибольшей опасности подвергались именно передовые фургоны, на которые почему-то было обращено особое внимание нападавших.

Тут главная роль в защите принадлежала Джону Мэксиму и его спутникам, около которых держался и лжегамбусино. Впрочем, он избегал показываться на виду и стрелял не целясь, в воздух.

Меткие выстрелы маленькой группы отгоняли индейцев, но лишь на мгновение. Отступив, индейцы опять бросались в атаку, обстреливая защитников каравана. И было чудом, что до сих пор никто из наших знакомцев не был ранен.

Иногда индейцы, прекратив стрельбу, осыпали защитников каравана своими метательными топориками, томагавками, которыми чейены владеют с удивительным искусством. Не раз топор, пущенный рукой какого-нибудь украшенного убором из развевающихся орлиных перьев воина, со свистом проносился мимо ушей то одного, то другого траппера, но им пока удавалось избегать опасности. Зато их выстрелы почти безошибочно достигали цели, поражая наиболее смелых чейенов.

Тем временем один из фургонов стал заметно отставать, его заволакивало дымом близкого пожара. Миг — и фигуры индейцев замелькали около отставшего экипажа. Выстрелы прекратились, сменившись отчаянными криками зовущих на помощь людей, потом победными воплями индейцев. Они уничтожили в мгновение ока пассажиров фургона и теперь с новой яростью наседали на другие.

Джон Мэксим, скрежеща зубами, наблюдал эту ужасную картину: на его глазах скваттеры, защищавшие фургоны, были поголовно скальпированы. Женщины, находившиеся в фургоне, были вытащены индейцами оттуда, несмотря на отчаянное сопротивле-

ние, переброшены через
Ничто уже не могло спа
участи, от рабской жизн
В том же фургоне бы
дили и их: выхватывая
ударяли их головами об
гона и потом швыряли в
— Начало конца! —
лю за пулей в ряды в
чейенов.

Несколько минут спу
фургон. Потом пришла
Индейцы были хозяева
возвещая несомненную
А пожар уже докатился
дым застилал окрестност
рем и, падая на полотнян
эти злополучные «корабл
ры.

Миг — и над погибав
— Все пропало! Спас
Джон Мэксим и его с
себе дорогу сквозь ряды
уходя из этого ада. А сза
еще неслись крики послед
каравана, вопли женщин и
индейцев.

Джон Мэксим рассчит
уцелевших скваттеров. Но
натиском маленького отр
ряды и отрезали путь к
тщетно порывавшимся по
искать спасение в бегств
началась заключительная
ществовать. Из тридцати че
только несколько женщин
остальных долго белели по
обитатели Кампы нашли се
Но дорогой ценой доста
караван, легли десятки лучш
продал свою жизнь старый
скваттерами он дрался, слов
многочисленные раны, и,
испустили дух под ударами
солдат еще дрался как лев
ринулся на окружавших
схватив какого-то мо

ние, переброшены через седла лошадей и увезены куда-то в сторону. Ничто уже не могло спасти несчастных от ожидавшей их ужасной участи, от рабской жизни у индейцев.

В том же фургоне было несколько малюток. Индейцы не пощадили и их: выхватывая детей, они с диким злорадным хохотом ударяли их головами об окованные железом огромные колеса фургона и потом швыряли в сторону окровавленные трупы.

— Начало конца! — пробормотал Джон Мэксим, посылая пулю за пулей в ряды вновь наседавших на передовые фургоны чейенов.

Несколько минут спустя та же участь постигла второй задний фургон. Потом пришла очередь третьего... Бой близился к концу. Индейцы были хозяевами положения. Их боевой клич звучал, возвещая несомненную победу. Их фигуры мелькали здесь и там. А пожар уже докатился до остатков несчастного каравана. Густой дым застилал окрестности, затрудняя дыхание. Искры летели вихрем и, падая на полотняные крыши огромных фургонов, поджигали эти злополучные «корабли прерий», обращая их в пылающие костры.

Миг — и над погибавшим караваном пронесся зловещий крик:

— Все пропало! Спасайся, кто может!

Джон Мэксим и его спутники отчаянным усилием проложили себе дорогу сквозь ряды индейцев и вынеслись на простор прерии, уходя из этого ада. А сзади еще трещали разрозненные выстрелы, еще неслись крики последних, без пощады избиваемых защитников каравана, вопли женщин и злорадный хохот торжествующих победу индейцев.

Джон Мэксим рассчитывал, что за ним последует немало еще уцелевших скваттеров. Но индейцы, ошеломленные на миг смелым натиском маленького отряда, моментально вновь сомкнули свои ряды и отрезали путь к отступлению оставшимся у фургонов, тщетно порывавшимся последовать примеру агента и трапперов и искать спасение в бегстве в прерию. Несколько минут спустя началась заключительная бойня. Караван из Кампы перестал существовать. Из тридцати человек скваттеров, их жен и детей уцелело только несколько женщин, увезенных индейцами в плен. Кости остальных долго белели потом в степи, обозначая место, где все обитатели Кампы нашли себе преждевременную могилу.

Но дорогой ценой досталась победа и чейенам: там, где погиб караван, легли десятки лучших воинов их племени. Особенно дорого продал свою жизнь старый сержант: плечом к плечу с несколькими скваттерами он дрался, словно безумный, не обращая внимания на многочисленные раны, и, когда его товарищи один за другим испустили дух под ударами копий и томагавков индейцев, старый солдат еще дрался как лев. Умирая, он собрал последние силы, ринулся на окружавших его индейцев и, с нечеловеческой силой схватив какого-то молодого воина, задушил его в своих объятиях...

Отъехав от места побоища на несколько сот метров, Джон и его спутники несколько задержались, чтобы дать отпор погнавшимся за ними нескольким молодым чейенам. Но следом за первыми преследователями по стопам беглецов, чудом ускользнувших из ада, погнался уже целый отряд приблизительно из сорока воинов, руководимых каким-то вождем.

— Друзья! — крикнул своим спутникам Джон Мэксим. — Там все кончено. За нами гонятся. Если нам не удастся как можно быстрее добраться до каменноугольных копей, и для нас придет смертный час. Следуйте за мной! Но берегите лошадей: в них, в их быстроте единственное наше спасение.

Последние слова бледного как мел агента были заглушены диким воем ринувшихся в погоню индейцев.

Не обращая пока внимания на погоню, маленький отряд средней рысью тронулся в путь по направлению к Сьерра-Эскаланте.

Несколько раз индейцы пытались, развернувшись полукругом, охватить с двух сторон беглецов и отрезать им путь к спасению, но Джон Мэксим вовремя замечал грозящую опасность и ловким маневром уводил своих спутников из готового сомкнуться круга. Иногда, пользуясь превосходством оружия, трапперы посылали пару метких пуль в индейцев, укладывая то коня, то всадника, слишком приблизившегося к отряду.

Мало-помалу сказывалось превосходство лошадей агента и траппперов над мустангами индейцев: последние понемногу отставали, и только часть преследователей гналась по пятам, растянувшись в линию.

— Кажется, нам удастся-таки улизнуть! — пробормотал агент, оглядываясь на отставших индейцев. — Копи близки, а там пусть ищут нас хоть сто лет. Пожалуй, лошади-то выручат нас, довезя до шахты.

— А там нам придется покинуть их? Жалко! — промолвил Гарри.

— Довольствуйся тем, что хоть шкуру свою спасешь! — ворчал Джон.

— А когда мы выберемся из шахт? Ведь до Соленого озера далеко. Без лошадей не добраться!

— А ты пока об этом не беспокойся! Там видно будет. Мы и от индейцев-то еще не избавились!

Словно в подтверждение правоты слов Джорджа, прогрохотал довольно нестройный залп, и пули засвистели над головами беглецов.

— Погоняйте! Индейцы опять приблизились! — озабоченно оглядываясь, скомандовал индейский агент.

Лошади понеслись вихрем, и через несколько минут беглецы были уже вне досягаемости выстрелов преследователей. Только один вождь чейенов, обладавший прекрасным конем, в экстазе погони не замечал, что значительно опередил своих воинов, и несся по пятам

беглецов, сохраняя прех
хаясь.

Увидев это, Джон М
— Твоего скальпа я
он, вскидывая ружье к п
Прогрохотал выстрел
В ту же секунду кон
тяжело рухнул на землю.
опасность и поднял на ды
пуля Джона Мэксима. Бл
жизнь своему господину.
когда она падала, и скры

Послав проклятье уск
повернул своего коня и
беглецами гнались не толь
неудачливого сахэма, но
бросить на произвол суд
прекратив его разграблени
чей.

— Поторопись, Джон!
Эти черти скоро нагонят
придется разделить участ
фургонов...

— Не беспокойся, по
агент. — Шахта гораздо бл
В этот момент беглецы
стой пустыни и теперь мч
горного плато. Сьерра была
— Не щадите лошадей!
кам агент. — Мы можем за
Мы вот-вот доскачем, и тогд
Еще полчаса, и беглецы
Здесь, доскакав до боль
покрыта черным налетом, Д
На поляне стояло неско
другой стороны валялись в по
брезана, здесь и там вырисовы
для перевозки угля и высили
что беглецы достигли своей
каменноугольных копей.
— Долой с коней! — ско
оружие, порох, одеяла, припас
нам очень пригодятся!
Приказание было испол
Джон приблизился
его по шее и сказ

беглецов, сохраняя прежнее расстояние и даже понемногу приближаясь.

Увидев это, Джон Мэксим круто остановил коня.

— Твоего скальпа я взять не могу, красная змея, — проворчал он, вскидывая ружье к плечу, — но твою жизнь я беру!

Прогрохотал выстрел.

В ту же секунду конь сахэма чейенов взвился на дыбы, потом тяжело рухнул на землю. Индеец вовремя заметил угрожавшую ему опасность и поднял на дыбы лошадь, чтобы ее телом защититься от пули Джона Мэксима. Благородное животное своей смертью спасло жизнь своему господину. Индеец соскочил с лошади в тот момент, когда она падала, и скрылся в густой траве.

Послав проклятье ускользнувшему от пули индейцу, янки опять повернул своего коня и дал ему шпоры. И вовремя: теперь за беглецами гнались не только те индейцы, что были под начальством неудачливого сахэма, но и многие другие чейены. Им пришлось бросить на произвол судьбы уже охваченный пожаром караван, прекратив его разграбление, и они спешили за ускользавшей добычей.

— Поторопись, Джон! — тревожно окликнул его Гарри. — Эти черти скоро нагонят нас. Если ты не найдешь шахту, то нам придется разделить участь тех несчастных, которые остались у фургонов...

— Не беспокойся, пожалуйста! — раздраженно отозвался агент. — Шахта гораздо ближе, чем ты предполагаешь.

В этот момент беглецы пересекли последнюю полосу травянистой пустыни и теперь мчались уже по перелескам у подножия горного плато. Сьерра была близка.

— Не шадите лошадей! Мы близки к цели! — кричал спутникам агент. — Мы можем загнать их. Все равно, лишь бы добраться! Мы вот-вот доскачем, и тогда ведь нам придется бросить коней!

Еще полчаса, и беглецы добрались до цепи холмов.

Здесь, доскакав до большой поляны, почва которой вся была покрыта черным налетом, Джон Мэксим придержал свою лошадь.

На поляне стояло несколько полуразрушенных хижин, а с другой стороны валялись в полном беспорядке металлические балки, бревна, здесь и там вырисовывались силуэты опрокинутых вагонеток для перевозки угля и высились груды самого угля. Было очевидно, что беглецы достигли своей цели и находились на территории каменноугольных копей.

— Долой с коней! — скомандовал Джон Мэксим. — Берите оружие, порох, одеяла, припасы. А главное, не забывайте лассо! Они нам очень пригодятся!

Приказание было исполнено моментально.

Джон приблизился к своему загнанному коню, ласково потрепал его по шее и сказал взволнованно:

— Прощай, друг! Ступай, куда хочешь. Нам надо расстаться! Кто знает? Быть может, когда-нибудь мы снова встретимся с тобой!

Конь, словно понимая, жалобно заржал.

Янки подошел к странному железному сооружению в форме конуса, возвышавшемуся над узким темным колодцем. Там на заржавевших массивных цепях висела, качаясь, большая железная бочка.

— Ну, клеть на месте, ребята! Мы спасены! — воскликнул янки, пробуя рукой цепь и убеждаясь, что она исправно работает.

Один за другим беглецы заняли места в клети, и она начала опускаться в недра земли.

В НЕДРАХ ЗЕМЛИ

Мустанг Джона Мэксима не хотел отходить от места, где его покинул янки. Конь стоял и глядел, казалось, полными мольбы глазами на своего хозяина. Но янки было не до лошади: в окружающем полянку перелеске слышны были голоса перекликавшихся индейцев. Еще минута, и фигуры краснокожих замелькали среди стволов чахлых деревьев в непосредственной близости к спуску в шахту. Впрочем, беглецам не были страшны преследователи, потому что клеть, управляемая сильными руками трапперов и агента, уже опускалась на дно шахты, в недра земли.

Правда, не без нерешительности и некоторого колебания беглецы заняли места в клети, качавшейся над зияющей бездной. Особенно взволнованными казались лжегамбусино и Миннегага. Если бы можно было найти какой-нибудь предлог, Красное Облако, вне всяких сомнений, постарался бы отделаться от своих спутников и присоединиться к краснокожим, но ему трудно было найти этот предлог, а Миннегагу белые едва ли согласились бы отпустить, ибо глядели на нее как на заложницу.

— Придерживайте, придерживайте цепь! — поминутно покрикивал на товарищей Джон Мэксим, опасавшийся, что тяжелая клеть с пятью пассажирами сорвется и разматывая с неудержимой скоростью спускную цепь, рухнет на дно шахты. Случись это, все беглецы разбились бы при падении.

Бочка качалась и крутилась, туго натянутая цепь гудела и позванивала, с каждым мгновением увеличивался мрак, и только сверху еще доходили слабые рассеянные лучи света.

Можно было бы зажечь факелы и осветить бездну, тем более что запасливые трапперы захватили с собой их достаточно, но Джон Мэксим строжайше запретил зажигать огонь.

На одно мгновение спускающимся показалось, что у самого спуска в шахту слышен топот лошадей.

— Индейцы! — бледнея, произнес Джордж.

— Нет! Скорее всего это наши лошади. Они почуяли близость краснокожих и теперь уходят! — ответил янки.

— А что, если индейцы доберутся до шахты раньше, чем мы спустимся? — осведомился Гарри.

— Это было бы нашей гибелью! — ответил янки. — Проклятые краснокожие могут перерубить цепь, и тогда мы грохнемся на дно. Во-первых, они могут бросать сверху в шахту камни, бревна и глыбы угля. Все это полетит на наши головы и превратит нас в лепешку. Но надеюсь, этого не случится: дно уже близко.

Его слова были прерваны. Сильный толчок сорвал всех с мест. Клетка дошла до конца и ударилась своим днищем о почву подземной галереи.

— Бросай цепи! — скомандовал агент. — Джордж! Бери, зажигай факел! Кстати, сколько их у нас в запасе? Шесть, семь? Ну, это не так много. Нам придется соблюдать экономию! Если факелы выгорят раньше, чем мы выберемся из недр земли, ниши пропало.

Джордж зажег один из факелов, и при слабом и колеблющемся свете его беглецы увидели, что находятся в довольно большом помещении, под ногами проложены рельсы и грудами навалены кучи угля, валялись словно только вчера брошенные вагонетки.

— Надо помешать индейцам спуститься сюда! — пробормотал янки, проделывая какие-то манипуляции над цепью. — Отойдите в стороны. Прячьтесь в нишу, ребята!

Повинуясь его приказанию, трапперы и Красное Облако с Миннегагой, с любопытством наблюдавшей за каждым движением агента, покинули клетку и спрятались в боковой галерее. Мгновенье спустя Джон Мэксим сам одним прыжком отпрянул в сторону, и в то же время цепь, соскользнувшая с ворота, со звоном и грохотом рухнула на дно шахты. Сообщение с поверхностью земли было прервано. Индейцы уже не могли бы спуститься в недра земли, если бы на это у них и хватило бы смелости.

— А как мы теперь выберемся наружу? — обескураженно спросил кто-то из трапперов.

— Об этом позабочусь я. Выберемся! — уверенно ответил Джон. — Самое главное, чтобы индейцы нас не догнали, а это сделано.

Следуя за агентом, очевидно, отлично знавшим здесь каждый угол, каждую подземную галерею, беглецы углубились в подземные ходы. Но по мере того как они отдалялись от спускной шахты, янки стал выказывать признаки беспокойства.

— Смотрите на огонь наших факелов! — скомандовал он трапперам. — Если заметите, что цвет огня меняется, оповестите меня!

Пройдя несколько сот метров, он приостановился и радостно воскликнул:

— Безопасные лампочки! Словно кто знал, что они нам понадобятся! А вот и бидон с маслом. Оно не могло улетучиться!

В самом деле, в небольшой нише стояла жестянка с маслом, которое употребляют в шахтерских лампах, а на гвозде висели на ржавых цепочках две лампы оригинального устройства. Такие лампы применяют там, где есть опасность взрыва от скопления в воздухе рудничного газа[13] — страшного врага рудокопов.

Почти в то же мгновение несший факел Джордж крикнул Джону Мэксиму:

— Что за черт? Никогда не видел, чтобы факелы горели голубым огнем!

Янки вырвал факел из рук Джорджа и прилег на землю. Так факел опять засветился обычным красновато-желтым светом.

Не приподнимаясь с полу, янки залил обе лампочки маслом и зажег их торопливо, потом опустил факел в стоявшую возле стены черную лужу. Пламя с характерным треском погасло, и по галерее потянулись струйки удушливого дыма.

— Обошлось благополучно. Уф! — перевел дыхание агент. — Мы были на волосок от гибели. Я так и знал, что, бродя по шахте, мы рискуем где-нибудь наткнуться на этот проклятый рудничный газ. Вентиляторы-то давно не работают, и он скапливается беспрепятственно...

Галерея, по которой сейчас шли беглецы, круто опускалась, временами сворачивая в сторону. Здесь и там виднелись темные провалы, выходы из боковых галерей. Оттуда иногда доносились звуки журчащей воды, протачивающей себе путь в недрах земли.

Оба траппера и Красное Облако поглядывали вокруг с тревожным недоверием.

— Эх, не нравится мне здесь! — пробормотал Гарри. — Ей-богу, кажется, предпочел бы скакать по прерии, имея краснокожих за спиной, чем бродить по этому подземелью! И как это только люди соглашаются работать в копях?

— А ты иди, не отставай, а то мы оставим тут, и придется приучаться жить, как живут рудокопы! — шутливо прикрикнул на траппера агент.

Через несколько десятков шагов по подземной галерее путники обнаружили чрезвычайное обилие влаги. Воздух был тяжел и удушлив, со стен бежали тонкие струйки, собиравшиеся на полу в лужицы, с деревянных разбухших подпорок срывались и тяжело падали крупные капли воды.

— Это самая опасная часть всей шахты! — вполголоса сказал, приостанавливаясь, агент. — Работы здесь прекращены гораздо раньше, чем в других местах, потому что тут скапливается слишком много воды и время от времени появляется рудничный газ, с которым ничего не могли поделать.

— Эх, смерть курить хочется! — потянулся в карман за трубкой Джордж.

— Не шевелись! —
Сума ты сошел, что л
вызвать такой взрыв,
Траппер испуганно
— Ну и места...
тебя разорвет в мгнове
— Подожди! — от
море. Там, думаю, мож
— Что за надпись
рукой на стену.
Агент поднял лампо
— «Проход воспрещ
— Здесь когда-то
Посмотрите, как исков
галерей. Но мы пройдем
— Сеньор! — обрат
сино, крепко державши
ведете? Кажется, к смерт
— Разве? — хмуро
так трусливы. Боитесь ум
— Я? Нет! — с него
девочка действительно на
Янки презрительно по
— А, черт! Признать
индейскую змейку, котор
попросилась остаться там,
— Да ведь она ваша п
— Обуза, и только! —
ных! Пусть она, если пож
Пусть попробует вскарабк
чейенами. Авось они не ос
— Вы просто хотите от
на верную смерть? — прос
Не отвечая, янки пожал
— Тогда я беру девочку
продолжал Красное Облако
— Сколько вам будет уг
Смотрите, берегите это сокро
потеряете девочку тут, мы п
Гарри и Джордж захохот
Индеец нахмурился, но с
все следом за указывавшим до
Впрочем, минуту спустя
к Красному Облаку. — Б
кажется трещины и

— Не шевелись! — крикнул встревоженным голосом агент. — С ума ты сошел, что ли? Да одной искры достаточно для того, чтобы вызвать такой взрыв, который обратит нас в порошок!

Траппер испуганно отдернул руку.

— Ну и места... — пробормотал он. — Закуришь трубку, а тебя разорвет в мгновенье ока, как бочку с порохом!

— Подожди! — отозвался агент. — Здесь уже близко Мертвое море. Там, думаю, можно будет и отдохнуть и покурить.

— Что за надпись тут? — приостановился Гарри, показывая рукой на стену.

Агент поднял лампочку, направив ее слабый свет на стену.

— «Проход воспрещен. Рудничный газ».

— Здесь когда-то произошел взрыв! — отозвался агент. — Посмотрите, как исковерканы стены и завален обломками пол галереи. Но мы пройдем!

— Сеньор! — обратился к нему в этот момент мнимый гамбусино, крепко державший за руку Миннегагу. — Куда вы нас ведете? Кажется, к смерти...

— Разве? — хмуро улыбнулся агент. — Не думал я, что вы так трусливы. Боитесь умереть?

— Я? Нет! — с негодованием ответил Красное Облако. — Но девочка действительно начинает бояться!

Янки презрительно пожал плечами.

— А, черт! Признаться, мне уже надоело таскать с собой эту индейскую змейку, которая вот-вот укусит. Какого дьявола она не попросилась остаться там, на земле?

— Да ведь она ваша пленница!

— Обуза, и только! — проворчал агент. — Нам не до пленных! Пусть она, если пожелает, возвращается к спуску в галерею. Пусть попробует вскарабкаться наверх. Как-нибудь сговорится с чейенами. Авось они не оскальпируют это исчадие ада!

— Вы просто хотите отделаться от ребенка и готовы послать его на верную смерть? — проскрипел зубами гамбусино.

Не отвечая, янки пожал плечами.

— Тогда я беру девочку на свою ответственность, сеньоры! — продолжал Красное Облако.

— Сколько вам будет угодно! — ответил насмешливо агент. — Смотрите, берегите это сокровище индейского происхождения. Если потеряете девочку тут, мы придем в неописуемое отчаяние!

Гарри и Джордж захохотали при этом ироническом заявлении.

Индеец нахмурился, но снова взял Миннегагу за руку и повел ее следом за указывавшим дорогу агентом.

Впрочем, минуту спустя янки как будто смягчился.

— Будьте осторожны, вы, гамбусино! — сказал он, обращаясь к Красному Облаку. — Глядите внимательно под ноги. Здесь попадаются трещины и расселины, куда нетрудно провалиться!

Прошло еще некоторое время. Джон Мэксим приостановился, прислушиваясь.

— Вы, ребята, ничего не слышите? — обратился он к трапперам. — Как будто шумит вода! Что-то творится, должно быть, на поверхности земли. Кажется, там ураган с проливным дождем, и вода врывается потоками в шахту. Это скверная штука, которая может нам очень дорого обойтись. Но вперед, вперед! Вот и Мертвое море!

МЕРТВОЕ МОРЕ В НЕДРАХ ЗЕМЛИ

Круто спускавшаяся галерея, местами переходившая в подобие колодца, заканчивалась выходом в обширную каверну, или подземную пещеру.

Когда-то здесь произошел загадочный катаклизм. Теперь казалось, что значительная часть каменноугольной шахты просто обвалилась, образовав в недрах земли колоссальную полость.

Надо заметить, что хотя на территории Соединенных Штатов Северной Америки не имеется действующих вулканов[14], столь обычных в Центральной Америке, тем не менее и здесь в недрах земли часто происходят загадочные перевороты и какие-то катастрофы. Очень часты на некоторых территориях Северной Америки ужасные землетрясения, меняющие во мгновение ока наружный вид земли на огромном пространстве. Таково было, например, знаменитое недавнее землетрясение, почти стершее в лица земли великолепную «Царицу Запада» — город Сан-Франциско.

Но вернемся к нашим знакомцам, забравшимся в недра земли, спасаясь от кровожадных чейенов.

Они остановились у входа из галереи в пещеру.

При слабом свете лампочки было видно довольно значительное пространство неподвижно стоящей черной воды, заливавшей пол обширной пещеры.

— Так это и есть твое знаменитое подземное море? — спросил агента Гарри.

— Да. Это и есть то самое Мертвое море, как называют его углекопы.

— Куда же мы теперь сунемся? — робко задал вопрос Джордж.

— По ту сторону Мертвого моря должен быть выход на поверхность земли, если только...

— Если только его не завалило! — отозвался агент.

— Брр! Покорно благодарю. Этого еще недоставало!

— Не ворчи, Гарри. И без тебя тошно! — одернул траппера агент. — Что ты в самом деле каркаешь? Оставался бы в прерии,

там индейцы, поймав тебя, хочется попасть к столбу пы
Гарри испуганно оглянул
— Значит, мы должны п
мился Джордж у яшки. — Т
— А куда ты торопишься
хо не так просто. Ты слышиш
— Не оглох, слышу!
— Ну, так подумай: эта
Оттуда ей выхода нет. Зна
Раньше, я помню, тут можно
дояс. А теперь кто знает? Мож
так легко!!!
По знаку Джона Мэксима
нию через Мертвое море.
— Берегите оружие, чтобы
лампочку. Смотри, чтобы она в
— Не беспокойся, знаю, ка
— Вы умеете плавать, гам
ночу Облаху.
— Умею! — отозвался тот.
беспокойтесь. Мы продержимся
— Тем лучше!
Раздевшись, беглецы связал
если придется переправляться в
Они готовились уже спускаться
словно заколебались, пламя лам
тело, и вода Мертвого моря побе
спимася волнами.
— Господи! Что случилось?!
транпера.
Агент стоял с бледным как пол
крупные капли пота, хотя воздух
— Что же ты молчишь, Джон?
Ты завел нас в пещеру, а теперь
лать?
— Боюсь, что счастье нам изм
бормотал яшки.
— Да что случилось? Хоть рас
мы не стоили здесь дураками!
— Мои опасения подтверждают
если вход с поверхности земли...
— Ты уже говорил это. Дальше
— По проходу сейчас льется
— Ну? И что же из этого
— Значит, проход б
сать, она переполни

там индейцы, поймав тебя, отлично бы позабавились. Так уж тебе хочется попасть к столбу пыток?

Гарри испуганно оглянулся и вздохнул.

— Значит, мы должны перебраться через это море? — осведомился Джордж у янки. — Так чего же мы стали?

— А куда ты торопишься? — огрызнулся агент. — Дело далеко не так просто. Ты слышишь, как шумит вода?

— Не оглох, слышу!

— Ну, так подумай: эта вода льется в наше Мертвое море. Оттуда ей выхода нет. Значит, уровень воды все повышается. Раньше, я помню, тут можно было пробраться вброд — воды по пояс. А теперь кто знает? Может быть, и вплавь придется. А это не так легко!!!

По знаку Джона Мэксима трапперы стали готовиться к плаванию через Мертвое море.

— Берегите оружие, чтобы не подмочить порох. Ты, Гарри, неси лампочку. Смотри, чтобы она воды не напилась! — пошутил агент.

— Не беспокойся, знаю, как управляться! — отозвался Гарри.

— Вы умеете плавать, гамбусино? — обратился янки к Красному Облаку.

— Умею! — отозвался тот. — Вы, сеньор, о нас с девочкой не беспокойтесь. Мы продержимся. Вы только дорогу показывайте!

— Тем лучше!

Раздевшись, беглецы связали одежду и оружие в узел, чтобы, если придется переправляться вплавь, нести этот скарб на головах. Они готовились уже спускаться в воду, как вдруг стены пещеры словно заколебались, пламя лампочек затряслось, что-то загрохотало, и вода Мертвого моря побежала к берегам сердитыми, пенящимися волнами.

— Господи! Что случилось?! — в один голос воскликнули оба траппера.

Агент стоял с бледным как полотно лицом, и на его лбу сверкали крупные капли пота, хотя воздух в пещере был достаточно холоден.

— Что же ты молчишь, Джон? — приставал к янки Джордж. — Ты завел нас в пещеру, а теперь как будто и сам не знаешь, что делать?

— Боюсь, что счастье нам изменило! — глухим голосом пробормотал янки.

— Да что случилось? Хоть расскажи, по крайней мере, чтобы мы не стояли здесь дураками!

— Мои опасения подтверждаются: в эту пещеру есть только один вход с поверхности земли...

— Ты уже говорил это. Дальше!

— По проходу сейчас льется бурным потоком вода.

— Ну? И что же из этого?

— Значит, проход блокирован. Вода быстро прибывает. Может быть, она переполнит всю пещеру, закроет выход, и тогда...

Джон Мэксим обескураженно махнул рукой.

— Не зажечь ли нам факел, чтобы посмотреть, нет ли тут еще какой-нибудь галереи? — осведомился Джордж.

— С ума ты сошел, что ли? Я же тебе говорил, что здесь самое опасное место всей каменноугольной шахты. Здесь скапливается временами рудничный газ, и твой факел вместо того, чтобы просто посветить, вызовет такой взрыв, что от нас мокрого места не останется... Подождите, посмотрим, что будет дальше!

Индеец, внимательно прислушивавшийся к этим разговорам и не выпускавший из своей руки тонкие пальцы Миннегаги, обратился к Джону Мэксиму со словами:

— Ну, что же? Будем перебираться через воду?

— Никто вас не задерживает, если вам так некогда! — грубо ответил американец, пожимая плечами. — Но вы ошибаетесь, если думаете, что на том берегу вам не будет грозить опасность утонуть, как крыса в ведре.

Индеец отодвинулся и стал угрюмо наблюдать, как быстро поднимается вода Мертвого моря.

— Я попробую! — сказал он сквозь зубы.

— Подождите! — остановил его Джон Мэксим. — Сейчас мы будем готовы. Погибать — так всем вместе. А может быть, еще выберемся.

Он осторожно зажег вторую лампочку, потом осмотрел, старательно ли Гарри и Джордж привязали узлы с одеждой и оружием к головам, и наконец подал сигнал к отправлению в рискованный путь, первым осторожно спускаясь в черные воды Мертвого моря. Трапперы шли за ним, держась, как всегда, близко друг к другу. Шествие замыкал индеец, поднявший к себе на плечи Миннегагу.

Минут около десяти или пятнадцати люди брели, погружаясь в ледяную и черную как смола воду подземного озера по пояс, потом по плечи. На их счастье, озеро как будто немного успокоилось, течение заметно не было, а маленькие волны не подмачивали узлов с одеждой и драгоценного оружия. Наконец Джон Мэксим испустил вздох облегчения

— Слава Богу, кажется, выбрались! — сказал он, оглядывая стену пещеры уже по другую сторону озера. — Теперь только найти расселину, которая и выведет нас на поверхность земли. Она должна быть тут, поблизости! Проклятье! А, гадина!

— Что случилось? — Джордж кинулся к агенту, который в этот момент сильно ударил по камню прикладом своего карабина.

— Ничего! Гремучая змея! Я уложил ее! Все! — отозвался тяжело дышащий от возбуждения агент, показывая на размозженное тело пресмыкающегося.

— Да откуда змея могла взяться здесь? — удивлялся Джордж.

— Поди, спроси у нее самой! — ответил Гарри.

— Покорно благодарю! Предпочту иметь дело с самым большим гризли, чем с самой маленькой гремучей змеей!

Болтая, беглецы тронулись вслед за Джоном Мэксимом, отыскавшим уже вход в расселину, должную привести их к поверхности земли.

— Держитесь ближе ко мне! — скомандовал агент. — Эх, хоть бы масла в лампочках хватило еще часа на два. Постойте! Тут я пройду чуть-чуть вперед, а вы подождите!

Минуту спустя он поспешно возвратился.

— Сам черт над нами издевается! — сказал он взволнованно.

— Что случилось?

— В единственном коридоре кишмя кишат змеи!

— Ты с ума сошел?

— Должно быть! Пойдите посмотрите сами! Да лучше прислушайтесь!

Затаив дыхание, трапперы прислушались, и до них явственно донеслись странные звуки, имевшие отдаленное сходство со слабым звоном, правильнее, каким-то особенным шорохом. А в то же время сзади ясно послышался плеск воды.

— Откуда тут вода? — недоумевающе обернулся назад Гарри.

— Из Мертвого моря! — беззвучно ответил Джон. — Мы в ловушке. Вперед идти нельзя, потому что там нас искусают ядовитые гадины. Назад нельзя возвращаться, потому что вода уже затопила пещеру...

— Что же будет с нами, Джон? — взмолился Гарри.

Не отвечая ему, агент поднял лампу и при ее свете стал изучать стену подземной галереи, как будто ища чего-то.

Минуту спустя он сказал:

— Вот выступ скалы. Лезьте, ребята, туда. Может быть, на наше счастье, вода перестанет подниматься. Тогда мы еще имеем шансы спасти свои шкуры.

Конец первой части.

Часть вторая

ЧАСЫ УЖАСА

Итак, пятеро беглецов, с величайшим трудом избежавших гибели, когда злополучный караван из Кампы был уничтожен индейцами, уйдя в недра земли, оказались не в лучшем положении: сзади им грозила все поднимавшаяся вода Мертвого моря, а единственный выход на поверхность земли был занят ядовитыми пресмыкающимися. В данный момент их единственным спасением представлялась найденная Джоном Мэксимом скала, возвышавшаяся почти на самом берегу подземного озера. Верхушка этой скалы имела форму площадки, настолько большой, что все пятеро могли с известным удобством расположиться там вместе с багажом.

Беглецы, таща с собой мешки и оружие, немедленно направились к скале-спасительнице, вершина которой почти касалась потолка пещеры. По дороге им пришлось переправиться через несколько глубоких трещин, на дне которых рокотала быстро бегущая куда-то вода. Самый подъем на верхушку скалы оказался далеко не легким предприятием, потребовавшим напряжения всех сил, ибо скала имела очень крутые склоны, но, подгоняемые страхом смерти и помогая друг другу, люди в несколько минут добрались до вершины и расположились на площадке.

— Приехали! — сказал Гарри, к которому, казалось, уже вернулось его доброе расположение духа. — Эх, хорошо бы закурить! Или хоть костерок развести, чтоб обсушиться!

— Ты бы еще принялся поджаривать медвежий окорок, который тащит твой брат! — засмеялся агент.

Джордж отозвался, в свою очередь:

— Да я его бросил, когда мы переправлялись через Мертвое море. Потому кто бы стал есть медвежатину сырой? А зажарить все равно невозможно из-за вашего проклятого рудничного газа!

— Вот и напрасно! — откликнулся Красное Облако. — Когда голод начнет терзать внутренности, не станешь много думать, можно ли есть сырое мясо. А ведь мы не завтракали и не обедали сегодня! И не ужинали...

Джордж сердито обернулся к индейцу со словами:

— Ну, если вы так проголодались, никто вам не мешает отправиться отыскивать медвежатину. Вы так хорошо плаваете, что можете нырнуть в воду и добыть брошенное. Кайманов здесь нет!

Вождь Воронов сделал гримасу, но не промолвил ни звука. Он сидел рядом с Миннегагой. Она дрожала всем телом и стучала зубами, как будто ее трепала лихорадка, и индеец тщетно пытался согреть девочку, держа ее в своих объятиях.

Время от времени Джон Мэксим, освещая воду лампочкой, наблюдал за тем, как она поднимается, и с каждым разом его лицо все более и более омрачалось: вода, проникавшая в пещеру, вероятно, сквозь несколько расселин, не имела выхода и потому быстро поднималась. Окружающие Мертвое море скалы одна за другой тонули в этой бурлящей черной воде, выход внутрь шахты, еще несколько минут тому назад черневший над нею, теперь уже скрылся под водой.

Тесно прижавшись друг к другу, беглецы сидели на вершине скалы, почти не обмениваясь словами: перед каждым витал призрак близкой смерти, и какой ужасной смерти!.. Им предстояло быть залитыми в подземной могиле, они видели, как поднимается вода, дюйм за дюймом приближаясь к их похолодевшим телам, чтобы утопить их.

Это были сильные, смелые, выносливые люди, не раз видевшие смерть лицом к лицу. Даже полуребенок Миннегага, дочь славящегося своей неукротимостью племени краснокожих, и та, несмотря на свою юность, не побоялась бы умереть, если бы только смерть пришла в другом образе.

Там, далеко от этой сырой могилы, под голубым небом, с согреваемым живительными лучами солнца лицом и обвеваемым ароматным ветром прерии, умереть в пылу сражения, нанося удары и получая их, умереть, сражаясь, лечь на зеленый ковер степи — разве это так страшно?

Но их страшила смерть, крадущаяся к ним в недрах земли, смерть, которой умирают залитые в норе степные мыши, и с этим не мирилось их сознание.

Несколько минут спустя Красное Облако прервал молчание.

— Вы не испытываете удушья, сеньоры? — сказал он, напрасно стараясь вздохнуть как следует, полной грудью.

— Правда, — отозвался Гарри, — и мне как будто воздуху не хватает! Что это значит, Джон? Может быть, рудничный газ?

Джон Мэксим молча пожал плечами, но траппер не отставал, требуя объяснений.

— А, ну тебя! — отозвался, наконец, хмуро агент. — Посмотри на лампочку: так ли она ярко светит, как раньше?

— Далеко нет! — ответил траппер удивленно и потом добавил: — Выгорело масло, что ли?

— Ничуть не бывало! Масла хватило бы еще часа на два, если не больше.

— Так что же? — пробормотал в недоумении Джордж. — Ух не задыхается ли и лампочка, как мы?

— Вот именно! — ответил янки. — Просто-напросто здесь мало воздуха; уже теперь чувствуется его недостаток, а если вода будет продолжать прибывать, то мы задохнемся один за другим.

— А галерея, в которой собрались гремучие змеи? — осведомился Гарри.

Янки пожал плечами:

— Должно быть, вода зальет ее, по крайней мере, нижнюю часть.

После минутного молчания Гарри опять обратился к агенту со словами:

— Так что же? Неужто оставаться здесь, чтобы утонуть или задохнуться? Нельзя ли по крайней мере хоть попытаться что-нибудь сделать?

— Невозможно!

— Джон! Неужто гремучие змеи так и будут сидеть в проходе?

— Когда вода поднимется, они просто переползут выше, но, вне всякого сомнения, не покинут своего убежища, пока не прекратится буря.

— Так! Лучше было бы, если бы мы остались с полковником у ущелья Смерти! Хоть и перестреляли бы нас индейцы, да, по крайней мере, мы умерли бы в бою! Легли бы рядом с товарищами! — тоскливым голосом пробормотал Джордж.

— Не ной, как баба! — отозвался агент. — Что ты в самом деле все твердишь о смерти? Придет, так помрешь... От судьбы не уйдешь, но глуп, кто заранее теряет голову. Много раз я был в еще более отчаянных переделках. А вот видишь, дожил до сорока лет. Может, и еще поживу.

— Да для моих легких воздуху не хватает!

— А ты дыши наполовину! — засмеялся агент.

— Удивительный ты человек! — воскликнул траппер. — Ей-богу, хотелось бы мне быть таким, как ты!

— Проживешь еще двадцать лет, так, может быть, и меня перещеголяешь. А терпеть надо. Кой черт! Живы вы еще, чего же вам нужно!

— Да, но, кажется, конец близок! — отозвался гамбусино глухим голосом. — Девочка задыхается...

— Пошлите ее к черту! Одной ядовитой змеей будет меньше! Я уже говорил вам это!

Чтобы не выдать своего гнева, индеец закусил губу: еще момент, и он готов был броситься с голыми руками на этих людей, так жестоко относившихся к его дочери...

Все они задыхались. Но воздуха не хватало оттого, что на таком маленьком пространстве держалось пятеро людей. Если бы их было меньше! Ведь эти люди отнимали воздух у его ребенка...

Не подозревая, какая буря поднялась в душе индейца, Джон уже несколько секунд неотступно следил за пламенем лампочки, колебания которой привлекли его внимание.

— Разгорается! — раздался его ликующий крик.

— Что такое! Что случилось? — осыпали его вопросами товарищи.

— Разгорается лампочка, — торопливо объяснил свою радость янки, — значит, возобновился приток воздуха. Дышать становится легче. Ура!

— А вода? — наклонился над бездной Гарри.

— Больше не поднимается! — отозвался Красное Облако.

Янки осторожно дополз до края площадки и спустил на цепочке на целый метр вниз лампочку. Она горела ровным и ярким пламенем, и это доказывало, что действительно запас воздуха в пещере увеличился, вода же больше не прибывала, кажется, даже шла на убыль. Можно было предполагать, что бушевавший на поверхности земли ураган стих, дождь прекратился, а может, скопившаяся в пещере вода нашла какой-нибудь выход.

— По крайней мере, не умрем от удушья! — сказал Гарри.

— Зато можем еще отличнейшим образом утонуть! — ответил агент. — Стоит только урагану побушевать еще полчаса, и эта скала, на которой мы сейчас находимся, станет нашей могилой. Не торопитесь ликовать. Но наше положение в самом деле не ухудшилось, а пожалуй, даже улучшилось. Пока будем довольствоваться тем, что можем хоть свободно дышать.

— Ну, удовольствие не очень большое! — мрачно возразил Гарри. — Это только удлиняет нашу агонию, но не обещает решительно никакого выхода.

Джон пожал плечами и поднял лампочку, освещая нависавшие над их головами своды пещеры.

— Гм! — задумчиво сказал он после некоторого молчания. — Наверху не видно ни единой трещинки. Откуда же в таком случае идет к нам свежий воздух? Черт возьми! Хотел бы я знать, освободился ли тот проход, на который я так рассчитывал, от проклятых змей? Теперь самый удобный момент, чтобы удрать отсюда, пока не случилось какой-нибудь катастрофы, которая может быть гораздо ближе, чем мы подозреваем.

— Нужно пойти кому-нибудь из нас посмотреть! — предложил Гарри.

— Идти в эту яму, наполненную ядовитыми змеями? — сказал Джордж. — Брр! Хотел бы я знать, кто согласится туда пойти?

— Я! — ответил спокойно агент.

— Ты?! — с изумлением воскликнул Джордж. — Ну знаешь, по-моему, это безрассудство! А вдруг эти гадины еще там?

— Так что же? — все так же спокойно возразил агент. — Если они в самом деле окажутся там, мне не потребуется много времени, чтобы снова броситься в воду и вернуться к вам. Гремучие змеи боятся воды, и потому мое отступление не представляет никакой опасности.

— А не согласитесь ли вы, гамбусино, принять на себя эту приятную обязанность — нанести визит гремучим змеям? — обратился Гарри к Красному Облаку, сидевшему, отвернувшись в сторону, словно разговор траперов не имел к нему решительно никакого отношения. — Вы в этих краях гораздо более свой человек, чем мы, и потому должны быть в приятельских отношениях со всеми змеями Сьерры. Не находите ли вы, что жизнь нашего товарища Джона могла бы пригодиться на что-нибудь более существенное, чем эта разведка.

— Там, куда вы меня посылаете, для меня интересного мало, — сухо отозвался индеец. — И затем, — добавил он после некоторого молчания, — не забывайте, что на мне лежит обязанность заботиться об этой девчушке!

— К чему пустые разговоры? — вмешался агент. — Я уже сказал, что на разведку отправлюсь я, значит, вопрос решен. Должен вас только предупредить, что мне придется забрать с собой единственную еще имеющуюся в нашем распоряжении лампочку, ибо во второй уже все масло давно выгорело.

— Бери! — ответил Джордж. — Мы, слава Богу, не маленькие и не боимся темноты.

— Ну, так помогите мне спуститься вниз. Скала слишком крута, и я боюсь, что, как-нибудь неосторожно поскользнувшись, выроню и разобью лампочку. Это было бы действительно невосполнимой потерей.

Гарри вытащил из своего дорожного мешка лассо с тяжелым железным грузилом на конце и прикрепил его к одному из выступов скалы.

— Держись крепче за эту штуку, — сказал он, — она не выдаст.

Агент окинул внимательным взором черневшую внизу бездну, взял лампочку и, стиснувши зубами рукоятку широкого мексиканского ножа, начал спускаться по канату в воду. Оставшиеся видели несколько мгновений его неясный силуэт, почти сливавшийся с темным фоном воды, затем слабый, трепетный свет лампочки, все более и более тускневший и наконец исчезнувший совсем.

— Уже! — сказал Гарри, тревожно прислушиваясь к глухому плеску, доносившемуся из глубины пещеры. — Доплыл. Сумеет ли только вернуться обратно?

— Да, — ответил задумчиво Джордж. — Если судьба наталкнет на него какую-нибудь гремучую змею, то нашего Джона не спасет уже никакая сила.

Они смолкли, теснее прижавшись друг к другу, и стали тоскливо прислушиваться. Их волнение мало-помалу передалось и индейцу с дочерью, до последнего момента, казалось, с полнейшим безразличием относившимся к попытке агента.

Прошло несколько томительных минут, показавшихся оставшимся в непроглядной темноте людям целой вечностью. Затем вдали мелькнул робкий свет лампочки, и в тот же момент сквозь плеск струящейся по стенам воды и звон падавших в Мертвое море капель донесся торжествующий голос агента:

— Ура, друзья, мы спасены!

— Ушли? — вне себя от радости крикнул Гарри.

— Все до единой! Проход совершенно свободен!

— Ты внимательно осмотрел его?

— Разумеется! Я прошел до самого выхода на поверхность. Собирайте-ка скорей ваши пожитки да плывите сюда! Не будем терять попусту время! Не забудьте только захватить с собой лассо. В данный момент оно для нас ценнее всего остального.

Первым спустился в воду Красное Облако с Миннегагой на плечах, за ним последовали оба молодых траппера, забравшие с собой оружие, порох и все остальное имущество. Свет лампочки служил им маяком, и через несколько минут они выбирались уже на противоположный берег, где их ожидал Джон.

— Ну, двигаемся в путь! — сказал агент, когда пловцы несколько осмотрелись и привели себя в порядок. — Советую вам быть в высшей степени осторожными. Правда, я не видел ни одной гремучей змеи, но это не исключает возможность случайной встречи с какой-нибудь гадиной этой породы. Поэтому будет хорошо, если у вас окажутся наготове ножи.

Лампа уже начинала мигать и потрескивать — ясный знак, что масло приходило к концу. Опасаясь остаться в полной темноте, маленький отряд быстро, чуть не бегом двинулся вслед за агентом, не забывая всматриваться в каждое углубление и каждый камень, попадавшийся на пути.

Десять минут спустя путешественники оказались под открытым небом.

Было раннее утро, солнце еще не показывалось на горизонте, но розовая полоска зари уже охватила край неба и с каждым мгновением алела все больше и больше, словно наливаясь стремящейся прорваться и брызнуть вниз огненно-красной кровью.

— Стойте! — крикнул вдруг Джон, едва только подземный коридор остался позади. — Беда, если кто-нибудь из вас вздумает отклониться от пути, которым пойду я! Здесь в двух шагах ужасная пропасть, и одного неверного движения достаточно, чтобы сорваться в бездну.

— Предупреждение очень даже не лишнее! — отозвался Гарри. — А где мы сейчас находимся, хотел бы я знать?

— На узком карнизе, который тянется вправо и ведет на гору, господствующую над каменноугольными копями. Правда, этот путь не отличается большими удобствами для пешего хождения, но за неимением другой дороги придется довольствоваться тем, что есть.

— А где же змеи? — полюбопытствовал Джордж. — Куда они могли скрыться?

— Об этом, признаться, думал и я! — ответил агент. — Ах, вон они, смотрите! Видите, как они скользят по склону горы в глубь каньона? Очевидно, они приползли в пещеру именно отсюда, и теперь разлив Мертвого моря выгнал их обратно в их норы.

— Их там, пожалуй, наберется не одна сотня! — воскликнул Джордж, содрогаясь всем телом. — Вот была бы история, если б они заблаговременно не убрались из галереи.

— А меня беспокоит участь, постигшая наших лошадей! — отозвался второй траппер. — Было бы хорошо, если бы мы могли их разыскать. Впрочем, проклятые индейцы, надо полагать, или завладели ими, или загнали их к черту на рога...

Оглянувшись вокруг, Джон Мэксим отозвался:

— Чтобы отыскать наших лошадей, нам понадобилось бы вернуться через скалы кругом, опять ко входу в шахту, с риском наткнуться на индейцев, чего я не желал бы. Но лошадей действительно жаль. Будем надеяться, что разразившийся ураган испугал наших верных коней и заставил их бежать от индейцев.

Остановившись на некоторое время, беглецы постарались, насколько это было возможно, очиститься от покрывавшего их налета угольной пыли, затем оделись и, прежде чем вновь пуститься в путь, старательно перезарядили свои ружья, чтобы быть готовыми на случай встречи с врагами. Затем, соблюдая крайнюю осторожность, пробираясь с камня на камень, переползая через трещины и расселины, они стали продвигаться дальше. Через некоторое время предводительствовавший отрядом Джон Мэксим остановился и махнул рукой товарищам.

— Тише! Ради Бога, тише! — произнес он.

— Что с тобой, Джон? — осведомился траппер Гарри. — Ты стал удивительно пугливым!

— Ему всюду мерещатся, должно быть, гремучие змеи! — не без иронии отозвался Джордж.

Не обращая на них внимания, янки повернулся к лжегамбусино:

— Вы слышали, золотоискатель? Не кажется ли вам, что здесь близко бродит Старый Эфраим?

— Не знаю, что вы этим хотите сказать, — отозвался явно взволнованный индеец, — но если я не ошибаюсь, то действительно здесь поблизости находится гризли[15].

— Серый медведь! — побледнев, воскликнули в один голос траппера.

— Да, серый медведь, — подтвердил индеец, — и если он нападет на нас сейчас, когда мы ползем над бездной по этой тропке, то легко сбросит в пропасть всех нас.

— Стойте здесь! — скомандовал Джон Мэксим. — Впрочем, нет, ищите, нет ли какой-нибудь выбоины, куда можно укрыться. Здесь много пещер, и, может быть, нам удастся переждать, пока гризли уберется.

— А куда идешь ты? — придержал за рукав Джона Мэксима младший из трапперов, видя, что, держа ружье наготове, агент собирается продолжать путь.

— Разреши мне делать то, что я считаю нужным! — отозвался хладнокровно янки. — Необходимо произвести разведку, и мне кажется, что эта обязанность лежит на мне. Держите ружья наготове. Может быть, мне понадобится ваша помощь. За меня не бойтесь: у меня быстрые ноги, я всегда сумею улизнуть от чудовища.

Оставив товарищей, смелый разведчик сделал несколько шагов вперед, продвигаясь совершенно беззвучно и зорко оглядывая окрестности своими стальными глазами. Еще миг, и, заметно побледнев, он замер на месте: всего в десяти-пятнадцати метрах от того места, где он находился в данный момент, пробирался по тропинке над бездной, тяжело дыша и рыча, огромный серый медведь, великолепный экземпляр «грозы Скалистых гор», гризли.

Животное, может быть, возвращалось в свое логово и не могло миновать людей. Встреча с ним и борьба не на жизнь, а на смерть была неизбежна.

СТАРЫЙ ЭФРАИМ

Северная Америка является родиной нескольких видов медведей: на крайнем севере, в области льдов, в лабиринте совершенно неисследованных островов, тянущихся от Гренландии, водятся гиганты полярных морей — белые медведи. В Канаде встречается соперник сибирского и европейского медведя — рыжий мишка, затем южнее встречается медведь с почти черной окраской шерсти, и, наконец, в прериях и в области Скалистых гор — там царство знаменитого Старого Эфраима, или серого медведя, называемого индейцами гризли.

Вопреки своей репутации большинство медведей Северной Америки являются, по существу, довольно безобидными животными. Живя в дремучих лесах, изобилующих плодами и фруктами, медведи эти по большей части оказываются заведомыми вегетарианцами если не по убеждениям, то по необходимости, ибо гораздо легче для медведя отыскать соты дикого меда, ограбить пчел, обобрать кусты с ягодами, набрать орехов, чем изловить оленя или мустанга.

На человека они нападают сравнительно редко, и то лишь исключительно если считают, что от странных существ на двух ногах исходит опасность.

Полную противоположность своим малоповоротливым и в общем-то мирным собратьям представляет Старый Эфраим, «хозяин Скалистых гор». Этот огромный медведь отличается неукротимостью. Он свиреп, бесстрашен, злобен, он не ждет, чтобы на него напали, всегда нападает на других сам, в том числе и на человека, к которому, кажется, питает неукротимую ненависть. При этом он не разбирается, сколько противников перед ним, вооружены они или беззащитны, сидят ли на конях или идут пешком. И по росту, и по размерам, и, наконец, по силе гризли не может идти в сравнение с европейскими медведями: он достигает иногда двух метров двадцати сантиметров в длину и до полтонны весу. У гризли темная, часто переходящая в серый оттенок густая шерсть, лоб широкий, хвост и уши короткие, глаза маленькие. Что обращает на себя особое внимание — это когти Старого Эфраима.

Действительно, он обладает поистине ужасными когтями, которые кажутся сделанными из закаленной стали. У иных экземпляров когти достигают чудовищной длины — до двенадцати и даже пятнадцати сантиметров.

Недаром индейские охотники так гордятся, если им удастся, убив в поединке Старого Эфраима, овладеть его когтями и сделать из них оригинальное ожерелье, носимое краснокожими воинами на груди, или украшение для мокасин.

Гризли — очень искусный рыболов, во всяком случае, более ловкий, чем зверолов: часто можно видеть, плывя по какому-нибудь североамериканскому потоку, как Старый Эфраим, заняв удобное местечко на отмели или свесившись над обрывом, с большим успехом занимается охотой на обитателей подводного царства.

Но если рыболовство не дает удовлетворительных результатов, а голод терзает медведя, то гризли отправляется в глубь страны, бродит у людских поселков, иногда устраивая настоящую охоту на людей. И беда человеку, на которого нападет серый медведь: одним ударом страшной лапы он может перебить хребет самого сильного быка, может своротить голову; одними когтями он может разорвать грудь или живот любого противника. А его зубы, мелкие, ровные, неимоверно острые, так сильны, что, кажется, способны перегрызть ружейный ствол.

Вот с таким-то чудовищем и предстояло иметь дело нашим знакомцам, лишь только они выбрались из недр земли и пробирались по карнизу над бездной.

К своему счастью, Джон Мэксим заметил Старого Эфраима раньше, чем животное могло увидеть его среди камней, и мог вовремя ретироваться к товарищам, что и не замедлил сделать: как ни был храбр агент, он не мог полагаться только на свои силы в борьбе с гризли.

— Он сейчас придет сюда!
...вернувшись туда, где
Серый медведь огромных размер
— Идите сюда! — окликнул
Я нашла углубление в скале, где
Действительно, девочке посча
...ее небольшую пещеру, уход
...ух или трех метрах от тропин
Быстро карабкаясь по камням,
...ьше шума, все пятеро беглец
...рытую от взоров выросшими зд
Педера, или скорее трещина
...ятной, что беглецы поместили
— Ложитесь на землю! — ско
...ет быть, нам удастся укрыться и
...ас внимания. Ведь эти звери
...жатой пули в теле бежит как н
...ря на нем, тем он свирепее! Лучш
...го только возможно!

Девочку, менее других способ
...бные пещеры. Мужчины распрос
...лись и выставив вперед дула ви
...ности иметь возможность встретит

Томительно медленно тянулось
...ездка: может быть, гризли задерж
...ой жертв. Время от времени ясно с
...ставаясь с гулом и падали в пропасть
...Старого Эфраима, иногда слышалось
...ашей стали слышны и другие звук
...ый кинжал и выпускает с хрипо
...не-забиравшийся в непосредственн
— Не шевелитесь! — прошептал
...ими торопливыми движением руки.
В самом деле, уже можно было разл
...ленно, грузно, довольно ча
...ывается в сторону пропасти. Долж
...ника, свое лакомое блюдо.
— Кажется, пройдет мимо! — чуть
...ободно облегченно, когда медведь пора
...ь, начинает удаляться дальше на несколько
...ду тем, как именно в это мгновение гигант
...ло его усиливавшемуся рыч
...ежду, по его движениям
...Притаитесь! Он
...ь, может прикат

— Он сейчас придет сюда! — сказал прерывающимся голосом янки, вернувшись туда, где находились остальные беглецы. — Серый медведь огромных размеров.

— Идите сюда! — окликнула разговаривавших Миннегага. — Я нашла углубление в скале, где, кажется, мы все сможем укрыться.

Действительно, девочке посчастливилось открыть нечто напоминавшее небольшую пещеру, уходившую в глубь базальтовой скалы в двух или трех метрах от тропинки.

Быстро карабкаясь по камням, стараясь производить как можно меньше шума, все пятеро беглецов оказались у входа в пещеру, скрытую от взоров выросшими здесь и там молодыми деревцами.

Пещера, или скорее трещина в скале, оказалась настолько обширной, что беглецы поместились в ней без затруднений.

— Ложитесь на землю! — скомандовал Джон Мэксим. — Может быть, нам удастся укрыться и гризли пройдет мимо, не обратив на нас внимания. Ведь эти звери удивительно живучи: медведь с десятком пуль в теле бежит как ни в чем не бывало. Чем больше ран на нем, тем он свирепее! Лучше избежать схватки с ним, если это только возможно!

Девочку, менее других способную к бою, усадили в самой глубине пещеры. Мужчины распростерлись на земле, укрываясь за камнями и выставив вперед дула винтовок, чтобы в случае необходимости иметь возможность встретить гризли целым залпом.

Томительно медленно тянулось время в ожидании появления медведя: может быть, гризли задерживался на пути, срывая орехи на десерт. Время от времени ясно слышно было, как срывались, катились с гулом и падали в пропасть камни, потревоженные пятой Старого Эфраима, иногда слышалось и рычание медведя. Но вот наконец стали слышны и другие звуки: словно огромный испорченный мех вбирает и выпускает с хрипом воздух. Это сопел медведь, уже пробиравшийся в непосредственной близости от убежища.

— Не шевелитесь! — прошептал повелительно янки, предостерегая товарищей движением руки.

В самом деле, уже можно было разглядеть гризли. Медведь шел медленно, лениво, грузно, довольно часто приостанавливался, оборачивался в сторону пропасти. Должно быть, он искал кусты можжевельника, свое лакомое блюдо.

— Кажется, пройдет мимо! — чуть слышно прошептал агент, вздыхая облегченно, когда медведь поравнялся со входом в пещеру, потом продвинулся дальше на несколько шагов.

Но именно в это мгновение гигант Скалистых гор остановился. Судя по его усиливавшемуся рычанию, по его тяжелому сопению и, наконец, по его движениям, он был чем-то обеспокоен и раздражен.

— Проклятье! Он, кажется, почуял нас! — пробормотал, нервно сжимая приклад винтовки, агент.

Простояв с полминуты на одном месте и напряженно нюхая воздух, медведь вдруг ощетинился и грозно зарычал, словно вызывая невидимых врагов на бой, с непостижимой быстротой повернулся и стал двигаться к убежищу людей.

— Мы обнаружены. Готовьтесь стрелять! — предупредил товарищей Джон Мэксим.

Вход в пещеру был почти на два метра выше уровня тропинки, и когда гризли бросился в атаку, ему пришлось подняться на дыбы. Его огромная голова с разинутой пастью и яростно сверкавшими красноватыми глазами показалась у входа в пещеру. Его зловонное дыхание пахнуло прямо в лицо Джона Мэксима.

Грянул выстрел: карабин агента послал заряд прямо в пасть чудовища. Толчок был так силен, а нанесенная выстрелом рана так ужасна, что медведь, словно пораженный молнией, грузно упал на тропинку. Благодаря этому ему удалось благополучно избежать трех других пуль из ружей трапперов и индейца, выстреливших секундою позже агента.

— Отделались? — дрожащим голосом осведомился Гарри, вновь заряжая свое ружье.

— Куда ты торопишься? — ответил Джон Мэксим не без досады. — Что ты, ребенок, что ли? Кто слышал, чтобы когда-нибудь удалось уложить такого гиганта одной пулей? Разумеется, если бы пуля попала ему в мозг, то мы были бы освобождены от него раз и навсегда. Но трудно рассчитывать на это. Скорее всего разворочены челюсти, выбит десяток зубов, раздроблено нёбо, но гризли выдерживает и не такие раны. Пожалуй, он теперь еще опаснее для нас, ибо нет животного более мстительного, чем раненый медведь!

— Но куда же он девался? — вытянул шею индеец. — Кажется, убежал!

— Не советую выглядывать! — отозвался Джон Мэксим. — Не такое это животное, чтобы, съев пулю, покинуть место сражения.

В это мгновение вновь раздался яростный рев медведя. Но животное, наученное первой неудачной попыткой напасть на неожиданных врагов, не показывалось. По всей вероятности, как пояснил Джон Мэксим своим товарищам, гризли притаился в каком-нибудь углу, поджидая, когда люди покинут свое убежище, чтобы напасть на них при более удобных для него условиях.

Поглядывая в сторону зиявшей чуть ли не у самых ног пропасти, агент пробормотал раздраженно:

— Этот проклятый каньон действует мне на нервы. Кажется, так и тянет в бездну! Боюсь, кому-нибудь из нас придется полететь туда, вниз...

Прошло еще несколько минут. Иногда, когда люди слишком громко разговаривали или шевелились, медведь отзывался откуда-то яростным рычанием, но все же не показывался на сцене.

Нетерпеливый Гарри заволновался.

— Черт бы побрал эт
Что ж, не сидеть же нам т
Меня начинает мучить го
— Я тоже голоден, Гар
Но что же делать. Самое л
мы можем сделать в настоя
— Говорят, — вмешал
вкусная штука!
— А медведи говорят,
ка, особенно молодых и гл
Лучше даже мяса молодых
Трапперы сконфуженно
уже не таким уверенным то
— Да что же это? Стои
попали в положение осажде
— Во всяком случае, —
в лучшем положении. Разв
беззащитны.
— Так-то это так, да у
Эфраим.
— А все-таки, Джон, м
выдержать этого сидения. Ес
сидеть и сторожить нас, надо
умеваю под этим — надо пр
— Ладно! — ответил янк
конечно, попробовать. А вы,
ли, сторожа ваше ненаглядное
Лицо Красного Облака пот
— Я не женщина! — ска
ружье и нож, и если идете вы,
— Ну так идем же! — с
спускаться, оглядываясь вокру
тому нападению медведя.
Медведь держался где-то по
скалистых удалось спуститься
ка! — Старайтесь спрыгивать,
тропинки. — сказал Джон Мэксим,
уложить его. Если же нет, то
пещеру, там будет легче защища
И тихо, удерживаясь за пуч
случайно скользнул вниз. Едва
его примеру, как раздался яростн
— Берегись! — крикнул Дж
В самом деле, в нескольк
вдали гигантская туша
в пещере, сверкая

— Черт бы побрал этого лохматого дьявола! — сказал он. — Что ж, не сидеть же нам тут из-за медведя до второго пришествия? Меня начинает мучить голод.

— Я тоже голоден, Гарри! — отозвался агент хладнокровно. — Но что же делать. Самое лучшее, стяни потуже пояс, вот и все, что мы можем сделать в настоящем положении.

— Говорят, — вмешался Джордж, — мясо гризли удивительно вкусная штука!

— А медведи говорят, — отозвался агент, — что мясо человека, особенно молодых и глупых трапперов, самое вкусное в мире. Лучше даже мяса молодых бычков бизона!

Трапперы сконфуженно смолкли. Потом Гарри заговорил, но уже не таким уверенным тоном:

— Да что же это? Стоило выбраться из пещеры, как мы снова попали в положение осажденных?

— Во всяком случае, — поддержал его Джордж, — мы сейчас в лучшем положении. Разве у нас нет ружей и ножей? Мы не беззащитны.

— Так-то это так, да уж больно опасный противник Старый Эфраим.

— А все-таки, Джон, мы с братом Гарри не можем долго выдержать этого сидения. Если медведь не хочет уходить, а будет сидеть и сторожить нас, надо же что-нибудь предпринять. Я подразумеваю под этим — надо проложить себе дорогу.

— Ладно! — ответил янки, осматривая свое ружье. — Можно, конечно, попробовать. А вы, гамбусино? Будете сидеть здесь, что ли, сторожа ваше ненаглядное индейское сокровище?

Лицо Красного Облака потемнело, глаза заблестели.

— Я не женщина! — сказал индеец гордо. — У меня есть ружье и нож, и если идете вы, то я не отстану.

— Ну так идем же! — скомандовал агент и стал осторожно спускаться, оглядываясь вокруг, чтобы не подвергнуться неожиданному нападению медведя.

Медведь держался где-то поблизости, укрываясь за камнями, но охотникам удалось спуститься на тропинку без помех.

— Старайтесь спрыгивать, не производя ни малейшего шума! — сказал Джон Мэксим, обращаясь к следовавшим за ним траппе рам. — Цельтесь вернее, может быть, нам сразу удастся уложить его. Если же нет, то поторопитесь опять спрятаться в пещеру, там будет легче защищаться.

И янки, удерживаясь за пучки трав и стволы деревьев, почти беззвучно скользнул вниз. Едва его товарищи успели последовать его примеру, как раздался яростный рев медведя.

— Берегись! — крикнул Джон Мэксим. — Он идет!

В самом деле, в нескольких шагах от четырех охотников показалась гигантская туша медведя, который поднялся на дыбы и шел к пещере, сверкая глазами и оглашая воздух злобным рычанием.

Кажется, его нижняя челюсть была перебита. Во всяком случае, пасть была окровавлена, и кровь обагряла всю его широкую грудь.

Все четверо охотников невольно содрогнулись, видя это чудовище: они привыкли к опасностям, но гризли внушал им страх.

Первым опомнился Джон Мэксим и, моментально вскинув ружье, выстрелил. Его пуля ударила медведя в правое плечо, и из раны фонтаном брызнула кровь. На этот раз не промахнулись и остальные, их пули нанесли три ужасные раны медведю в грудь. Это задержало медведя, который закружился вокруг самого себя. Пользуясь минутной остановкой зверя, охотники кинулись назад, на бегу перезаряжая ружья. Едва медведь приподнялся, как новые четыре пули поразили его, однако лишь только охотники успели вновь зарядить ружья, как медведь, не обращая внимания на свои раны, ринулся на них. Один агент не был застигнут врасплох: выстрелив еще раз почти в упор, он отбросил уже ненужное ружье и выхватил свой ужасный нож. Миннегага, все это время следившая за перипетиями боя, повиснув на ветвях деревьев, почему-то привлекла к себе особое внимание медведя, и чудовище, минуя ямки, кинулось к девочке. Трапперы, выстрелив по медведю, запрятались в глубь ниши. Девочка казалась словно парализованной, и ее гибель была бы неизбежна, если бы Красное Облако не бросился на ее защиту. Вооруженный ножом индеец сцепился с медведем, нанося ему удар за ударом с поразительной быстротой и силой.

Трудно судить, сколько времени продолжалась эта схватка человека с колоссальным медведем, но конец ей был положен Джоном Мэксимом. Успев зарядить снова свое ружье, он подскочил к медведю и выстрелил ему в ухо. Пуля проникла к мозг. Гризли грузно осел всем корпусом, докатился до обрыва, еще миг — и его огромное тело рухнуло в пропасть.

Опомнившись от пережитого волнения, Джордж заглянул в бездну, но тщетно искал его взор тушу убитого зверя. И траппер со вздохом сказал:

— Эх, не везет нам! А уж с каким удовольствием я поел бы медвежатины! Вон он, кажется, попал в струи потока на дне каньона. Так и есть! Смотрите, друзья!

— Ты лучше радуйся, что медведь не попробовал твоего мяса! — отозвался Джон Мэксим. — Слава Богу, сами мы уцелели. Кажется, и этот безумный гамбусино отделался дешево. Но меня интересует, что за странная дружба завязалась между этим мексиканцем и девчонкой, их, кажется, и водою не разольешь. И о чем это они толкуют вполголоса, словно у них завелись какие-то секреты от нас?

Действительно, едва избавившись от ужасной опасности, едва вырвавшись из смертоносных объятий гризли, Красное Облако поспешил к дереву, снял с него Миннегагу, отнес ее в глубь пещеры и теперь сидел рядом с ней, тяжело дыша и утирая пот, в изобилии выступивший на его лбу.

Отдохнув немного, траппер Гарри обратился к агенту со словами:

— Джон! Чего же мы тут ожидаем? Раз дорога открыта, не лучше ли немедленно пуститься дальше? Право, мне хочется отыскать наших лошадей.

— Мне тоже хочется! — отозвался агент. — Только я плохо верю, что наши кони уцелели. Ну да попытка не пытка. Так или иначе, индейцы, наверное, удалились отсюда; может быть, и в самом деле нам удастся отыскать лошадей. Эй, гамбусино! Будет вам перешептываться с девчонкой. Мы уходим! Если вы не думаете оставаться здесь, то пошевеливайтесь!

Не отвечая, Красное Облако молча поднялся и пошел следом за трапперами, бережно ведя за руку Миннегагу.

СНОВА У ШАХТЫ

Сильный голод становился с каждой минутой все настойчивее, и наши герои почти бегом бросились вперед, как и раньше, руководимые Джоном, который время от времени предупреждал об опасностях пути.

Этот бег с препятствиями не был, однако, продолжительным: скоро скалистый карниз начал расширяться, превращаясь мало-помалу в продолговатую горную долинку, покрытую диким орешником, кактусом и другими растениями и населенную разными породами змей. Достигши конечного пункта этой долины, откуда должен был уже начаться спуск вниз, к входу в копи, отряд остановился на несколько минут, чтобы отдохнуть, а главным образом, чтобы выследить, здесь ли индейцы или они уже удалились в уверенности, что загнали беглецов на верную смерть.

— Ну, нашим победителям, по-видимому, уже надоело ждать нас, — заметил Джон, внимательно оглядываясь на все стороны, — по крайней мере, я не вижу сейчас ни малейшего признака присутствия индейцев!

— Возможно, что они просто-напросто скрываются в лесу, — высказал предположение Гарри, — они слишком хитры, чтобы оставаться на виду, и слишком упорны, чтобы так легко отказаться от пяти скальпов.

— А может быть, они гоняются сейчас по прерии за нашими лошадьми? — высказал предположение Джордж. — Жаль, черт возьми, что мы потеряли наших верных мустангов! Без них нам далеко не уйти.

— Разумеется! — ответил Джон. — Но я недаром все время заботился так о наших лассо. Они помогут нам снова обзавестись скакунами. Впрочем, дело сейчас не в этом. Мы уже двое суток ничего не имели во рту, и нам необходимо позаботиться о наших

желудках. Давайте-ка начнем наш спуск к той поляне, на которой мы так удачно нырнули от индейцев в шахту, авось все обойдется благополучно.

— Я действительно умираю с голоду, — сказал Гарри. — Не подстрелить ли нам какую-нибудь птицу? Вон их здесь сколько летает!

Агент только махнул рукой.

— Стреляй, пожалуй, — сказал он. — Если индейцы и заметят нас, мы всегда успеем уйти на такие неприступные скалы, что им нас никогда не достать.

Оба траппера не замедлили воспользоваться разрешением, и минут через десять у них уже было несколько глухарей и других съедобных птиц.

Через два часа отряд был внизу. Индейцев, которых они так опасались, не было и в помине. Очевидно, подвижным краснокожим воинам надоело продолжительное бездействие, и они предпочли снова вернуться в свои прерии. Угольные кучи, в которых беглецами были спрятаны седла и сбруя, оказались нетронутыми, и траппера могли снова вступить во владение своим имуществом. Забравшись в одну из полуразвалившихся деревянных хижин, утомленные охотники начали готовить завтрак, чтобы, отдохнув до следующего утра и определив по следам, в какую сторону ушли индейцы, двинуться в прерию на поиски табунов диких мустангов.

День прошел совершенно спокойно, индейцы не показывались, и наши искатели приключений могли спокойно отдохнуть, плотно поев после двухсуточного голодания. Кстати, в карманах седел отыскался запас табаку, и страстные курильщики, а ими были все четверо, могли накуриться чуть не до одурения.

Однако их отдых был прерван: чуткий слух Джона Мэксима уловил какие-то звуки, и янки насторожился. Заметив его тревогу, и оба траппера схватились за ружья.

— Чейены? — спросил вполголоса Гарри.

— Кто его знает? Помолчи, дай прислушаться! — отозвался агент, подбираясь к пролому в крыше, откуда можно было наблюдать окрестности.

Красное Облако, в свою очередь, откликнулся:

— Я слышу топот лошадей, бегущих по прерии!

— Значит, индейцы! — сказал с досадой Джон Мэксим.

— Давайте удирать! — поднялся Джордж.

— Не хочешь ли опять спуститься в шахту и поседеть в подземной пещере на берегу Мертвого моря? — улыбаясь, спросил его агент.

— Ни за какие коврижки! — энергично отозвался трапер. — Будет с меня и одного раза. Тоже удовольствие, нечего сказать! Кто хочет, пусть лезет туда, а я предпочитаю махнуть в горы!

Красное Облако повелительным жестом прервал разговор белых

— Тише! Дайте прислу
целый табун, должно быть.
Но мне кажется, что они бе
это попросту табун диких м
тех ведь всего четверо.

— Так беритесь за свои
оживляясь. — Наши кони
иначе, но мы можем запаст
рыми сумеем справиться. А
индейцы!

— А я уверен, что это и
слоняются по окрестностям

Звуки топота быстро бе
становились все явственнее.
направлялись к площадке, н
ные постройки каменноугол
показаться на площадке с ми
я все охотники с агентом
выбрались из своего убежища
ваясь на всякий случай в глу
по безоблачно чистому и про

— Индейцев нет! — про
они гнались за лошадьми, то
я не слышу ни единого челов
да тревожное ржанье!

Несколько минут спустя н
лошадей, явно убегавших от
по пятам, а следом показались

На глазах у охотников разы
мустанг, столь робкий при встр
ненавидит домашнюю лошадь
бывает домашнего коня даже в
последний более или менее пр
стве. И надо видеть, как мус
простью он преследует ее!

Беда лошади, которой не уд
соратачей: мустанги набрасыва
ее копытами, грызут словно хи
лого мяса, сваливают на зем
на земле побоища остается лиш

Судя по виду преследуемы
определенно сказать, что муст
золото, может несколько часов, го
кавотных были покрыты пеной
вырывалось хриплое и неровно
глаза сверкали, время от в
ственное и угрожа

— Тише! Дайте прислушаться. Да, это лошади. Их очень много, целый табун, должно быть. Они приближаются сюда, скачут быстро. Но мне кажется, что они бегут без всадников. Очень возможно, что это попросту табун диких мустангов. Это не могут быть наши кони: тех ведь всего четверо.

— Так беритесь за свои лассо! — скомандовал Джон Мэксим, оживляясь. — Наши кони или мустанги, мне все равно! Так или иначе, но мы можем запастись двумя парами быстроногих, с которыми сумеем справиться. А будут у нас лошади, пускай гонятся индейцы!

— А я уверен, что это именно наши лошади! Они два дня уже слоняются по окрестностям и, избежав индейцев, ищут нас!

Звуки топота быстро бегущих животных с каждой минутой становились все явственнее. Лошади, если, конечно, это были они, направлялись к площадке, на которой находились полуразрушенные постройки каменноугольной копи. Животные должны были показаться на площадке с минуты на минуту. Медлить было нельзя, и все охотники с агентом во главе, захватив ружья и лассо, выбрались из своего убежища и стали подстерегать лошадей, укрываясь на всякий случай в глубокой тени стен, озаренных плывшей по безоблачно чистому и прозрачному небу луной.

— Индейцев нет! — пробормотал Джон Мэксим. — Если бы они гнались за лошадьми, то [illegible] перекликались бы, а я не слышу ни единого человеческого голоса. Только топот копыт да тревожное ржанье!

Несколько минут спустя на площадку из лесу вылетело четверо лошадей, явно убегавших от какого-то врага, гнавшегося за ними по пятам, а следом показались и преследователи: это были мустанги.

На глазах у охотников разыгрывался характерный эпизод: дикий мустанг, столь робкий при встрече с человеком, почему-то пламенно ненавидит домашнюю лошадь. Он непостижимым инстинктом угадывает домашнего коня даже в собственном собрате, мустанге, если последний более или менее продолжительное время пробыл в рабстве. И надо видеть, как мустанг нападает на лошадь, с какой яростью он преследует ее!

Беда лошади, которой не удалось вовремя уйти от табуна диких сородичей: мустанги набрасываются на нее, с ужасной силой бьют ее копытами, грызут словно хищные звери, вырывая целые клочья живого мяса, сваливают на землю и расходятся только тогда, когда на месте побоища остается лишь изуродованный труп.

Судя по виду преследуемых и преследователей, можно было определенно сказать, что мустанги целым табуном уже довольно долго, может несколько часов, гоняются за лошадьми беглецов. Тела животных были покрыты пеной, бока круто вздымались, из груди вырывалось хриплое и неровное дыхание. Но гривы развевались, глаза сверкали, время от времени какой-нибудь мустанг испускал воинственное и угрожающее ржанье.

Пропустив своих лошадей, охотники с криком выскочили из-под навеса и выстрелили, впрочем, не целясь. Этого было достаточно, чтобы мустанги остановились в замешательстве, потом рванулись в беспорядочное бегство, прокладывая себе путь через кустарники, и моментально исчезли из виду.

Следом раздались призывные свистки, и утомленные ручные лошади, узнав хозяев, остановились, а затем направились ко входу в шахту с тихим и довольным ржанием животных, сознающих, что они наконец-то найдут защиту и спасение.

Минуту спустя на лошадей уже накинули узду.

— Ну, нам здорово повезло, друзья! — облегченно вздохнул Джон Мэксим. — При помощи наших верных коней мы теперь можем приступить к исполнению данного нашим командиром поручения!

Красное Облако переглянулся с Миннегагой, молча прислушивавшейся к переговорам бледнолицых.

— Однако их таки погоняли проклятые мустанги! — опять заговорил агент, оглядывая свою лошадь. — Посмотрите, как тяжело дышат бедные животные! Надо полагать, наши кони не хотели покидать нас, все возвращались сюда, покуда наконец мы не пришли им на помощь. Но теперь им нужен абсолютный отдых. Прежде всего надо их почистить, накормить! Беритесь-ка за дело, друзья!

Четверть часа спустя почищенные и накормленные лошади уже были помещены на отдых в одной из более уцелевших хижин, а сами охотники расположились спать, оставив сторожить Красное Облако.

Очень скоро белые задремали чутким сном, лежа около своих столь счастливо вновь обретенных лошадей, с ружьями под рукой. Индеец же, закутавшись в свое одеяло, сидел у порога и оберегал их покой. Миннегага обладала, казалось, стальными мускулами, словно не нуждаясь в отдыхе после стольких часов скитаний и стольких опасностей, она тоже выбралась из хижины и уселась рядом с отцом, закутавшись в лохмотья плаща. Долгое время они не обменивались ни единым словом, как будто опасаясь нарушить царственный покой великолепной ночи, и молча глядели на красавицу луну, заливавшую окрестности волнами голубого цвета, на ярко блиставшие звездочки, на вершины гор.

— Ну, отец? — дотронулась до локтя индейца Миннегага. — Что же будет дальше? Будем ли мы продолжать шляться с этими белыми? И что сказала бы моя мать, если бы она узнала, что за эти четверо суток нам много раз представлялась возможность перерезать горла проклятым бледнолицым и снять с их голов скальпы?

— А-а! — отозвался Красное Облако. — Вот как? Так тебе хотелось бы, чтобы я убивал? Тебе хочется, чтобы я уничтожил этих трех людей?

Миннегага молча махнула рукою, словно поражая лежащего перед нею врага.

— Да, если бы тут была
были бы в лугах Великого Ду
— Ты не сиу! — отозвал
И в ее голосе зазвучали ст
в эти слова какой-то особени
Красное Облако вздрогну
и рассек его кожу.
— Ну, что же ты этим
девочке, хватая ее за руку.
— То, что сказала! — у
рвать свою руку из руки отца
— Знаю! Все сиу таковы!
не могут идти в сравнение
племени? Да? Да говори же!
— Н-нет! — как будто
опять в ее словах зазвучала
что ты чужд племени моей ма
— Да и ты не чистокров
кровь племени Воронов. А в
которого охотится теперь за
подавно кровь белой расы!
— Тебе не следовало нап
девочка. — Я сиу, сиу душою
Помолчав немного, индеец
— Можно подумать, ты го
является воин племени Ворон
дишься своего отца. Так ли эт
— Если бы ты не был вел
Миннегага, — то моя мать не
женой!
— Вот как? — опять встр
оказала честь Красному Облак
знаешь ли, дитя? Я начинаю
сотрудилась над одним: она
отца! Много других славных
обладателем руки Яллы. Зачем
за мне?
Девочка молча пожала плеч
Несколько отодвинувшись
бормотал:
— Я ненавижу всех белых
кая Девандейля. Но теперь
действительно понял, что за су
— Моя мать... — перепите
— Ну? Что ты хочешь с
— Она слава и гор

— Да, если бы тут была твоя мать, пожалуй, эти люди давно были бы в лугах Великого Духа! — промолвил краснокожий.

— Ты не сиу! — отозвалась девочка.

И в ее голосе зазвучали странные нотки. Казалось, она вложила в эти слова какой-то особенный смысл.

Красное Облако вздрогнул, словно на его плечи опустился бич и рассек его кожу.

— Ну, что же ты этим хочешь сказать? — обернулся он к девочке, хватая ее за руку.

— То, что сказала! — упрямо ответила девочка, пытаясь вырвать свою руку из руки отца.

— Знаю! Все сиу таковы! Ты хотела сказать, что воины с севера не могут идти в сравнение с женщинами твоего кровожадного племени? Да? Да говори же!

— Н-нет! — как будто заколебавшись, ответила девочка, но опять в ее словах зазвучала ирония. — Я только хотела сказать, что ты чужд племени моей матери. Ты не сиу. Вот и все!

— Да и ты не чистокровная сиу! Ведь и в твоих жилах течет кровь племени Воронов. А в жилах твоего покойного брата, дух которого охотится теперь за бизонами на лугах Великого Духа, и подавно кровь белой расы!

— Тебе не следовало напоминать мне об этом! — прошипела девочка. — Я сиу, сиу душою и телом.

Помолчав немного, индеец прошептал полным горечи голосом:

— Можно подумать, ты горько жалеешь о том, что твоим отцом является воин племени Воронов, а не какой-нибудь сиу! Ты стыдишься своего отца. Так ли это?

— Если бы ты не был великим воином, — уклончиво ответила Миннегага, — то моя мать не удостоила бы тебя чести стать твоей женой!

— Вот как? — опять встрепенулся Красное Облако. — Ялла оказала честь Красному Облаку. Она избрала его в свои мужья! А знаешь ли, дитя? Я начинаю подозревать, что твоя мать очень потрудилась над одним: она постаралась выучить тебя презирать отца! Много других славных воинов спорило о том, кому стать обладателем руки Яллы. Зачем же она остановила свой выбор именно на мне?

Девочка молча пожала плечами.

Несколько отодвинувшись от дочери, индеец чуть слышно пробормотал:

— Я ненавижу всех белых и ненавидел убитого тобою полковника Деванделля. Но теперь я начинаю думать: он, этот белый, действительно понял, что за существо твоя мать!

— Моя мать... — нерешительно отозвалась Миннегага.

— Ну? Что ты хочешь сказать о твоей матери?

— Она слава и гордость великого племени непобедимых сиу!

Помолчав немного и устремив взгляд на небо, Красное Облако промолвил задумчиво:

— Мужчинам — сражаться и охотиться. Женщинам — беречь вигвам[16], работать у очага, воспитывать детей. Так завещал людям с красной кожей Великий Дух. Томагавк слишком тяжел для самой сильной женской руки.

Миннегага живо откликнулась:

— Это не касается моей матери! Если бы ты вызвал ее на бой, она одолела бы тебя! Она сняла бы твой скальп! Я горжусь ею!

Индеец вскочил, как пантера, которую ранила ядовитая стрела. Слова дочери, казалось, свели его с ума.

В одно мгновенье он схватил девочку, словно желая ее задушить, и поднял, как перышко, в воздух.

— Змея! — простонал он. — Смотри, в двух шагах шахта! я испытываю неудержимое желание швырнуть туда тебя! И... и белые даже не спросят о том, куда я тебя девал.

Но самообладание сейчас же вернулось к нему. Он опустил девочку на землю.

— Благодари Маниту, — сказал дрожащим голосом Красное Облако, — что в твоих жилах течет хоть капля крови Воронов. Я не могу еще забыть, что все же ты моя дочь!

Миннегага молчала.

Раскаянье за бешеную вспышку гнева овладело душой индейца. Он склонился над девочкой и сказал, словно извиняясь:

— Ну, будет! Лучше бы ты заснула!

Положив руку на голову дочери, Красное Облако продолжал:

— Зачем ты стараешься свести меня с ума? Спи, усни! Покуда я сторожу, тебе не грозит никакая опасность. Но мне уже мало осталось быть на дежурстве. Я не каменный. Надо будет отдохнуть и мне...

Погода быстро изменилась к худшему: уже приближался сезон дождей, и ночью обыкновенно собирались тучи и начинал моросить дождь. Пока индейцы разговаривали друг с другом, небо омрачилось, луна исчезла и начал накрапывать дождь. Но Красное Облако не обращал внимания на это. Он только придвинулся к лежавшей под навесом девочке, как будто прикрывая ее от дождя телом и согревая своим теплом. Потом он поднял Миннегагу своими сильными руками и, тщательно укутав, положил себе на колени. Минуту спустя стало слышно ровное и спокойное дыхание девочки — Миннегага уже спала. А еще через некоторое время Красное Облако вдруг встрепенулся. До его тонкого, изощренного слуха долетели подозрительные звуки.

— Идут! — прошептал он, прислушиваясь. — Разумеется, это краснокожие. Это мои братья, братья моей жены, хотя и воины другого племени, но такие же индейцы, как и я. Они выследили нас, может быть, услышав наши выстрелы, и теперь прокрадываются сюда. Они близко. Что должен делать я? Молчать? Подпустить их

сюда? Тогда они перебьют бе
спасли жизнь Красному Облак
спасли мою дочь от участи бы
допустить, чтобы на моих глаз
это же, надо полагать, чейены.
за мексиканца, к их пули прон
крикнуть им, что я индеец. А е
то тогда белые не задумаются
Может быть, будь здесь Ялла, с
Но Ялла — воплощение злого

Прислушавшись еще мгнове
плащ, поднял Миннегагу одной

Пробужденная от сладкого,
негага раскрыла глаза и устрем

— Пора в путь! — прошеп

Идут чейены.

— Может быть, это идет м
ка. — Нет. Ялла должна быть
нам навстречу? Ты предупреди
бледнолицыми?

— В такую мглу? Ты с ума
успею вымолвить единое слово!

— Значит, ты хочешь преду
ств? — скрипя зубами, спросила

— Молчи! Ты ничего не пони
люди, которые могут указать на
находятся дети Деванделля!

— Мать сказала, что они жи

— Ты думаешь, что это луж
поиски не так легки, как ты дума
ланых. Тревога уже, должно бы
настороже. Может быть, собрали
чем. Их надо щадить, по крайне
дели! И потом... Твоей матери з
принял какое-нибудь решение, то
мне. Иначе по праву отца я могу у

— Моя мать...

— Молчи! Если бы и была тут
меня есть своя воля. Я не раб! П
что я великий воин племени Ворон
нажим сиу. Только у нас нет обыч
сожжением как прялкой, посылая л
прихоти. Воевать должны только м

— Если бы я передала это мое
Но Красное Облако не с
сильной и решительными

сюда? Тогда они перебьют белых... Но ведь эти люди как-никак спасли жизнь Красному Облаку. И они, хотя, может, не желая того, спасли мою дочь от участи быть растерзанной гризли. Могу ли я допустить, чтобы на моих глазах их убили во сне? И потом... Ведь это же, надо полагать, чейены. Они не знают меня. Они сочтут меня за мексиканца, и их пули пронзят мою грудь раньше, чем я успею крикнуть им, что я индеец. А если и успею предупредить чейенов, то тогда белые не задумаются пристрелить меня и моего ребенка. Может быть, будь здесь Ялла, она не задумалась бы, что ей делать. Но Ялла — воплощение злого духа!

Прислушавшись еще мгновение, Красное Облако сбросил с себя плащ, поднял Миннегагу одной рукой, другой схватился за карабин.

Пробужденная от сладкого, но — увы! — недолгого сна, Миннегага раскрыла глаза и устремила взор на лицо отца.

— Пора в путь! — прошептал, склоняясь над ней, индеец. — Идут чейены.

— Может быть, это идет моя мать? — встрепенулась девочка. — Нет. Ялла должна быть еще далеко отсюда. Ты пойдешь к ним навстречу? Ты предупредишь их, что мы только случайно с бледнолицыми?

— В такую мглу? Ты с ума сошла! Меня убьют раньше, чем я успею вымолвить единое слово!

— Значит, ты хочешь предупредить бледнолицых об опасности? — скрипя зубами, спросила Миннегага.

— Молчи! Ты ничего не понимаешь. Разве они не единственные люди, которые могут указать нам прямой путь к тому месту, где находятся дети Деванделля!

— Мать сказала, что они живут на берегах Соленого озера!

— Ты думаешь, что это лужа? Соленое озеро очень велико, и поиски не так легки, как ты думаешь. Там много поселков бледнолицых. Тревога уже, должно быть, дошла туда. Белые держатся настороже. Может быть, собрались войска... Нет, эти белые нужны нам. Их надо щадить, по крайней мере, покуда мы не достигнем цели! И потом... Твоей матери здесь нет. Я твой отец. И если я принял какое-нибудь решение, то тебе остается только повиноваться мне. Иначе по праву отца я могу убить тебя, никому не давая отчета.

— Моя мать...

— Молчи! Если бы и была тут твоя мать, она узнала бы, что у меня есть своя воля. Я не раб! Пусть приходит Ялла: она узнает, что я великий воин племени Воронов, которое не менее славно, чем племя сиу. Только у нас нет обычая, чтобы женщина вертела всем племенем как прялкой, посылая людей на смерть по собственной прихоти. Воевать должны только мужчины.

— Если бы я передала это моей матери...

Но Красное Облако не слушал ее слов. Он повернулся к ней спиной и решительными шагами направился к хижине.

Трапперы спали блаженным сном, полагая, что их покой вер... охраняется гамбусино. Хижину оглашал их звучный храп.

Стоя у входа в хижину, индеец как будто колебался. Его взор был мрачен, его рука инстинктивно сжимала рукоятку мексиканского острого ножа. Эти три скальпа бледнолицых ужасно соблазняли его. Индейская кровь заговорила в нем... Но благоразумие одержало победу.

— Пусть еще поживут! — пробормотал Красное Облако, оставляя в покое нож. — Сначала действительно овладеем детьми плотовщика, а там видно будет...

— Вставайте! — сказал он уже громко, прикасаясь к плечу Джона Мэксима. — Индейцы идут по прерии, направляясь, кажется, именно сюда. Поднимайтесь же!

— Чейены? — спросил, вскакивая на ноги, янки, одновременно толкая обоих разоспавшихся парней.

— Не знаю точно, чейены ли. Может быть, какие-нибудь другие краснокожие. Но, во всяком случае, это не бледнолицые!

— Готовьте лошадей! — скомандовал агент обоим траппе-рам. — А мы с гамбусино попытаемся разузнать точнее, что происходит.

Минуту спустя агент и индеец вернулись к оставленным товарищам, уже оседлавшим лошадей.

— В седла! — сказал кратко агент. — В самом деле, это индейцы, и они, должно быть, близко. Надо уходить в прерию, где будет легче скрыться или, уходя, защищаться.

Беглецы вскочили на коней, Мишегага опять поместилась за спиной отца, и, уже удаляясь от шахты, они услышали невдалеке пронзительный свист иккискота, а затем несколько выстрелов.

ВЕЛИКОЕ СОЛЕНОЕ ОЗЕРО

Топот четырех лошадей не замедлил выдать приближающимся индейцам направление, в котором удалялись беглецы.

По временам сзади, в перелесках, раздавались крики индейцев и звуки ужасных иккискотов, но беглецам, лошади которых были свежее, чем лошади преследующих, пока удавалось держаться на большом расстоянии от краснокожих.

Иногда преследуемые приостанавливались, чтобы дать передохнуть лошадям и несколько сориентироваться, и снова продолжали свой путь.

Близился день. Небо побледнело, вершины гор Сьерра-Эскалан-те заалели в лучах восходящего солнца, но в долине, по которой скакали беглецы, плыл волнами такой густой туман, что тесно

державшиеся друг около друга люди с трудом различали ближайшие окрестности.

— Это нам на руку! — сказал Джон Мэксим, обращаясь к товарищам. — Может быть, проклятые краснокожие потеряют в тумане наши следы, собьются с пути, разбредутся, и нам удастся улизнуть.

— А куда мы направляемся? — спросил Гарри.

— К Соленому озеру! — ответил агент, вновь пришпоривая своего коня. И потом добавил: — Лишь бы лошади не сдали! Положим, сейчас они скачут быстрее мустангов индейцев и мы заметно отдаляемся от врагов. Но не следует забывать: за последние сорок восемь часов нашим коням пришлось-таки здорово поработать: мустанги прерии загоняли их до полусмерти. Так или иначе, я надежды не теряю. А если только мы ускользнем теперь, то у берегов Соленого озера найдем, должно быть, подкрепление: там много белых. Может, чейены и не решатся проникнуть так далеко. Погоняйте же лошадей, друзья! Да держитесь вместе. Если кто-нибудь отстанет и заблудится, мы не сможем искать или ждать отставшего. Минута запоздания может стоить дорого. Наши скальпы так нравятся чейенам, что они гонятся за нами с каким-то остервенением! Вперед же!

И они снова поскакали, исчезая в волнах плывшего по долине тумана, под покровом которого изредка встречавшиеся на их пути деревья и скалы предгорья принимали фантастические очертания. Еще через некоторое время, когда Гарри высказал опасение, что индейцы могут поджечь прерию, Джон Мэксим, оглядевшись, ответил:

— Ну, на это шансов мало! Попробуй дотронуться до травы: она мокра. Туман смочил ее не хуже дождя.

— Да туман-то, кажется, скоро рассеется! — тревожно отозвался Джордж.

В самом деле, согреваемый лучами уже поднявшегося над горизонтом солнца, туман, пропитавшийся розовым светом, клубился, свертывался, расплывался, становился все прозрачнее. А голоса индейцев и их выстрелы доносились откуда-то, хотя и со значительного расстояния, но все же очень отчетливо: краснокожие, по-видимому, шли, не теряя следа беглецов.

Час спустя туман почти исчез и взрыв криков индейцев возвестил беглецам, что они открыты. Приподнявшись на стременах, Джон Мэксим оглянулся назад, и проклятье сорвалось с его уст:

— Дьявол побрал бы эту шайку! До двадцати всадников...

— Если дойдет до схватки, то мы ведь не безоружны! — откликнулся Гарри.

— Нет, я не хотел бы допустить до схватки. Шансы в их пользу. Разве ты не видишь? Будь у них только копья да луки, куда ни шло: мы уложили бы десяток, а то и полтора раньше, чем они столкнулись бы с нами. Но у них ружья, а с пулями не шутят... Плоховато

стреляют индейцы, но против двадцати ружей что значат наши четыре карабина?

В самом деле, на расстоянии нескольких сот метров по следам беглецов, плывя, как и они, в волнах еще не совсем исчезнувшего тумана, неслась отряд из двадцати молодых индейских воинов. И почти каждый из них, не считая длинного толстого и гибкого копья, томагавка, щита, был вооружен еще и дальнобойным карабином, а присмотревшись, можно было разглядеть, что у многих имеются сверх того и боевые пистолеты.

— А ведь это, кажется, не чейены! — высказал предположение Джордж, в свою очередь, бросив взгляд на преследующих.

— По крайней мере, не все чейены! — подтвердил его вывод янки. — Да ничего мудреного и нет! Может быть, проклятые кровожадные сиу уже проникли сюда. А то арапахо. Ведь в окрестностях Соленого озера находятся становища этого племени. Тут царство Левой Руки. Слышали о нем что-нибудь?

— Нет, ничего! — ответил Джордж. — Что за птица этот индеец, носящий такое имя?

— Субъект, с которым я посоветовал бы тебе лучше не связываться. Это один из самых свирепых краснокожих всей Северной Америки. Говорят, он собственноручно уже снял не менее пятидесяти скальпов с поселенцев и трапперов, осмелившихся показываться в этих местах. Его вигвам снизу доверху украшен скальпами, среди которых, конечно, попадается немало женских и детских. Разве краснокожие пантеры стыдятся убивать беззащитных? Гордость воина в количестве скальпов бледнолицых, и никто не спрашивает, добыты ли эти скальпы в бою или же сняты с зарезанных во сне людей. Но, впрочем, Левая Рука славится и в качестве отчаянно смелого воина, в бою с которым трудно устоять и самому храброму бойцу. Однако когда-нибудь придет-таки возмездие. Оно запаздывает, число злодеяний, совершаемых индейским тигром, год от года растет, коллекция скальпов пополняется новыми трофеями. Но всему бывает конец...

Помолчав немного, Джон Мэксим снова оглянулся и досадливо крякнул:

— А наши дела идут неважно! Боюсь, улизнуть нам таки не удастся. Кончится тем, что у Левой Руки прибавится сегодня несколько скальпов!

— Ты о наших? — встревожился Гарри.

— Разумеется! Попробуй, крепко держатся волосы на твоей голове? — мрачно пошутил янки. — Если у кого скальп и уцелеет, то разве только у этой маленькой змеи, которую, не знаю зачем, таскаем с собой. Ведь ее вез расстрелянный нами индеец именно к вождю арапахо, к этой самой Левой Руке... Конечно, ее пощадят!..

Слова янки были прерваны треском ружейных выстрелов: индейцы, пользуясь тем, что исчез туман, залпами обстреливали беглецов.

Правда, расстояние между
было еще слишком велико,
дальнобойных карабинов, по
Индейцы, не полагаясь на
тыкали, что им удастся подс
стреляя по лошадям.

Однако покуда пули инде
причиняя преследуемым ни
услышав треск ружейной пал
вперед, грудью прокладывая с
Главная доля работы пада
отряда коня Джона Мэксим
заметно уставшее, держалось
стояние между бегущими и ин
лось.

Тогда Джон Мэксим задер
возможность хоть немного пе
совет спутникам.

— Берегите, берегите лоша
ян бога! Не затягивайте узды
остатки своих сил. Ведь от это

Так прошло еще часа полто
ному простору степи сделали б
сильнее выказывали признаки
коней были покрыты пеной, но
со временем тот или другой к
всадники не могли ничего сдела
лошадям: индейцы, лошади ко
выбиваться из сил, все еще дер
сот метров, и каждая останов
отряда.

В это мгновение случилось т
скакавший конь Джона Мэксима
а когда янки дал ему шпоры, с ж
Очевидно, он завидел или зачуя
начал идти вперед.

— Задержите выстрелами инд
Вы хвастались, что умеете хоро
искусство! А я разведаю, что пу
И он соскользнул с седла и п
а Гарри и Джордж, обернувши
стали стрелять по ним. Несколь
беглецов засвистели уже пули
— Браво! Еще один
— Пятый! — по

Правда, расстояние между преследуемыми и преследователями было еще слишком велико, почти около тысячи метров, но пули дальнобойных карабинов, пожалуй, могли достигнуть цели.

Индейцы, не полагаясь на свое искусство в стрельбе, не рассчитывали, что им удастся подстрелить кого-либо из противников, и стреляли по лошадям.

Однако покуда пули индейцев бесплодно свистели в воздухе, не причиняя преследуемым ни малейшего вреда. И только лошади, услышав треск ружейной пальбы, вздрагивали и порывисто мчались вперед, грудью прокладывая себе дорогу среди густой травы прерий.

Главная доля работы падала на шедшего во главе маленького отряда коня Джона Мэксима. Но благородное животное, хотя заметно уставшее, держалось еще бодро, и время от времени расстояние между бегущими и индейцами даже несколько увеличивалось.

Тогда Джон Мэксим задерживал своего коня, предоставляя ему возможность хоть немного перевести дыхание, и давал такой же совет спутникам.

— Берегите, берегите лошадей! — кричал он. — Не сжимайте им бока! Не затягивайте узды. Пусть бедные животные сохраняют остатки своих сил. Ведь от этого зависит наше спасение!

Так прошло еще часа полтора или два. Много миль по бесконечному простору степи сделали беглецы. Их лошади мало-помалу все сильнее выказывали признаки одолевавшей их усталости. Тела коней были покрыты пеной, ноги дрожали, бока круто вздымались, по временам тот или другой конь издавал жалобное ржание. Но всадники не могли ничего сделать, не могли дать отдыха несчастным лошадям: индейцы, лошади которых, конечно, тоже уставали и выбивались из сил, все еще держались на расстоянии в несколько сот метров, и каждая остановка могла оказаться гибельной для отряда.

В это мгновение случилось то, чего никто не ожидал: еще бодро скакавший конь Джона Мэксима вдруг остановился на полном бегу, а когда янки дал ему шпоры, с жалобным ржанием попятился назад. Очевидно, он завидел или зачуял какое-то препятствие и отказывался идти вперед.

— Задержите выстрелами индейцев. Да помогите вы, гамбусино! Вы хвастались, что умеете хорошо стрелять. Покажите же ваше искусство! А я разведаю, что пугает моего коня!

И он соскользнул с седла и пополз по густой и высокой траве, а Гарри и Джордж, обернувшись к приближавшимся индейцам, стали стрелять по ним. Несколько минут спустя, когда у голов беглецов засвистели уже пули преследователей, Гарри воскликнул:

— Браво! Еще один свалился.

— Пятый! — подтвердил Джордж.

В самом деле, не попадая, быть может, в самих всадников, такие великолепные стрелки, какими были братья-трапперы, все же не теряли своих зарядов даром, и их пули поражали лошадей.

Теперь гнались за беглецами только пятнадцать всадников и два или три пеших, конечно, быстро отстававших от верховых.

Среди индейцев на некоторое время воцарилось замешательство. Но, видя, что беглецы задерживаются, краснокожие рассеялись по степи, чтобы таким образом избежать пуль трапперов, а в то же время заметно приближались с явным расчетом собраться вместе уже в непосредственной близости от бледнолицых и тогда сразу, одним натиском, покончить с ними.

Чтобы не выдать себя, Красному Облаку, конечно, тоже пришлось стрелять. Но, держа сверкавшую глазами Миннегагу впереди себя, чтобы прикрыть ее от пуль индейцев собственным телом, лжегамбусино стрелял в воздух, и его пули не причиняли никакого вреда индейцам.

Минуту спустя янки вернулся. Его лицо было бледно.

— Впереди рукав болота! — сказал он. — Должно быть, какая-то речка была... Вероятно, зыбучие топи, так что нам грозит большая опасность утонуть в грязи. Но ведь другого выбора нет. Я не хочу, чтобы мой скальп украшал вигвам Левой Руки.

— Мы держимся того же мнения! — отозвались трапперы. — Куда ты, туда и мы...

— Так попытаемся же!

И Джон Мэксим, снова вскочив на своего коня, решительно погнал его через густую траву, через минуту жидкая грязь стала разлетаться брызгами под копытами его коня.

Четверть часа спустя, когда индейцы, в свою очередь, доскакали до границ, где прерия переходила в солончаковые болота, маленький отряд был уже далеко: четверо лошадей, выбиваясь из последних сил и дрожа всем телом, неслись по болоту. Иногда кочки, на которые ступали лошади, проваливались под непомерной тяжестью их тел, и животные погружались почти по брюхо в зловонную черную жидкость, но под отчаянными ударами беглецов через секунду вновь выбирались на сравнительно устойчивую почву и мчались дальше.

Индейцы не решились последовать за ускользавшей добычей в область болот, опасаясь, что наткнутся где-нибудь на зыбучую трясину. Да и сражаться при таких условиях с белыми, ружья которых стреляли гораздо раньше и вернее, краснокожие не решились. Они попытались прибегнуть еще к одному средству и подожгли болотные травы. Но пожар не мог распространяться по болоту, потому что на каждом шагу огонь встречал более или менее значительные пространства воды или, по крайней мере, жидкой грязи и гас. Правда, окрестности скоро заволокло дымом, искры

тучами летели к небу, но это
способствовало им, укрывая и
Потоптавшись некоторое вр
— Ну, нам повезло! Пра
приостановил своего измучен
Мэксим, когда через три или че
болота и лошади, оглашая воз
твердую почву прерии, покры
И озеро должно быть близко,
богу, мы оставили позади себя
Дав немного передохнуть
лошадям и очистив их от то
тронулись в путь, но идя уже
до смерти.

Да и сами они уже не ехал
шагу. Только Миннегага, си
блестящими глазами. Ее лицо бы
лось, она шептала какие-то за
Красного Облака, не обращал в

Прошло еще четверть или по
тель, воскликнул:

— Вот уже видно Великое Со
близко к асиенде полковника.

— Поспеем ли туда вовремя?
оказывается и здесь кишат индей
Может, от нее уже и следа не ост

Подумав немного, Джон Мэкс
— Доберемся — узнаем. Но
Трудно предположить, что арапа
Зная о нападении на асиенду.
становятся, и раз началась война,
сноситься с сиу и чейенами,
жлаки. Левая Рука — очень опы
беречь силы, не тратя их на пустя
— А если...
— А, да не каркай, Гарри! —
Что за проклятая манера? Тьфу!
Кагги приметам верит, да все охаст
на месте, своими глазами увидим. А
индейцев мы ускользнули, из
стрелки, не завязнув, и прибли
пересечения, хоть усталые,
Перед вечерком

тучами летели к небу, но это не мешало беглецам, а скорее даже способствовало им, укрывая их от взоров врагов.

Потоптавшись некоторое время на краю болота, индейцы исчезли.

— Ну, нам повезло! Право, я думал, пропадем мы тут! — приостановил своего измученного и покрытого грязью коня Джон Мэксим, когда через три или четыре часа караван добрался до конца болота и лошади, оглашая воздух довольным ржанием, ступили на твердую почву прерии, покрытую роскошной растительностью. — И озеро должно быть близко, рукой подать. И краснокожих, слава Богу, мы оставили позади себя!

Дав немного передохнуть окончательно выбившимся из сил лошадям и очистив их от толстого слоя грязи, беглецы снова тронулись в путь, но идя уже шажком, чтобы не загнать лошадей до смерти.

Да и сами они уже не ехали, а шли пешком, ведя лошадей в поводу. Только Миннегага, сидя на седле, посматривала кругом блестящими глазами. Ее лицо было бледно, брови хмурились. Казалось, она шептала какие-то заклинания, но на нее никто, кроме Красного Облака, не обращал внимания.

Прошло еще четверть или полчаса, и Джон Мэксим, придержав лошадь, воскликнул:

— Вот уже видно Великое Соленое озеро. Теперь мы уже очень близко к асиенде полковника.

— Поспеем ли туда вовремя? — хмуро сказал Гарри. — Вон, оказывается и здесь кишат индейцы. Может, уже осаждают асиенду. Может, от нее уже и следа не осталось!

Подумав немного, Джон Мэксим ответил:

— Доберемся — узнаем. Но я думаю, что этого не должно быть. Трудно предположить, что арапахо получили уже распоряжение Яллы о нападении на асиенду. Это ведь довольно далеко от их становищ, и раз началась война, они должны стремиться скорее соединиться с сиу и чейенами, не отвлекаясь второстепенными делами. Левая Рука — очень опытный и толковый воин. Он умеет беречь силы, не тратя их на пустяки.

— А если...

— А, да не каркай, Гарри! — досадливо отозвался янки. — Что за проклятая манера? Тьфу! Словно ты старая баба, которая всяким приметам верит, да все охает, да все стонет... Ну, скоро будем на месте, своими глазами увидим. А покуда и то уж хорошо, что от индейцев мы ускользнули, из шахты выбрались, через болота прошли, не завязнув, и приближаемся наконец к цели нашего путешествия, хоть усталые, измученные, но, как видишь, невредимые!

Перед вечером пришлось вновь приостановиться, ибо измученные лошади уже еле-еле двигались.

— Эх, я голоден как волк! — пробормотал Гарри, аппетит которого постоянно давал о себе знать.

— И я не прочь бы основательно закусить! — отозвался Джордж, сходя со своего коня. — Если бы уложить бизона, да вырезать его горб, да поджарить в золе...

— Дьяволы вы, право! — прикрикнул на них агент. — Сразу видно, что вы почти мальчишки! Разве я не такой же человек, как вы? А ведь я терплю же? Потерпите и вы! Наконец, постыдитесь хоть девчонки: голодна она, наверное, больше вашего, а молчит.

— На то она индейское отродье! — сконфуженно ответили трапперы.

Но делать было нечего, рассчитывать немедленно раздобыть какую-нибудь пищу не приходилось и устроить охоту тоже нельзя так как утомленные лошади не могли двинуться с места. Значит, оставалось покориться участи и ждать, когда можно будет наконец добраться до желанного основательного отдыха на асиенде полковника Деванделля. Там, разумеется, странников ждал радушный прием, если асиенда еще не подверглась разгрому.

Когда часа через два беглецы вновь тронулись в путь на заметно оправившихся лошадях, подкормившихся в прерии, где для животных было много сочной и вкусной травы, всегда молчаливый гамбусино вдруг заговорил, обращаясь к Джону Мэксиму:

— Сеньор! Я слышал, вы тут упоминали имя Левой Руки, вождя арапахо?

— Ну да. В чем дело, гамбусино?

— Вы, сеньор, встречались когда-нибудь с этим... краснокожим?

— Бог миловал. А что?

— Так. Дело в том, что я видел этого вождя, сеньор!

— Быть не может! — удивился Джон Мэксим.

— Да, видел! — подтвердил Красное Облако.

— И он не снял с вас скальпа?

— Как видите, нет! — мрачно улыбнулся индеец. — Впрочем, это было тогда, когда арапахо еще не вырыли топор войны. Знаете, тогда они кое-как ладили с бледнолицыми. Я был гостем у Левой Руки несколько дней...

— Значит, вы выкурили с ним трубку мира?

Индеец молча кивнул.

— Это было бы нам при случае очень на руку! — оживился янки.

— Каким образом? — осведомился Красное Облако.

— Вы как друг Левой Руки могли бы при возможной встрече с арапахо выступить в качестве посредника между нами и ним...

По устам индейца скользнула загадочная улыбка.

— Что ж? Если я могу оказаться полезным сеньорам...

И он придержал свою лошадь, пропуская Джона Мэксима вперед.

Почти час спустя, солнце зашло за огро... кровью, маленький отр... путешествия: странники ... озера.

ЛЕВАЯ РУ...

В эпоху, к которой ... проникли к берег... реннего моря Северной А... известна только скитавш... искавшим для поселения ... безлюдно и на огромны... поселений, если не считат... индейских племен. Харак... ным обстоятельством явля... гала этих мест, но, когда с... поторопились загородить ... пастбищ и лугов, где крас...

Соленое озеро имеет ... находится на высоте 1260 ... ские времена озеро заним... до предгорий Сьерра-Мадр... ратных миль. Действител... европейцы, проникшие в ... блязительно уже в том пер... настоящее время, постепен... честность представляет те... ретами. Таким образом, есл... ся, то оказались бы затопле... зеле даже в дождливые сез... свои воды к Соленому озер... чем на полтора метра. Уны... ные пространства тут — б... И уныло даже самое небо: в... ких озера, почти всегда тум... его поверхности сквозь пело... на небе немногие тускло све...

Воды озера насыщены ... крепче, морской воды: озер... четырех ведер воды озера мо...

Соль встречается в ... озера, особенно по ег... кристаллами колоссаль...

Почти час спустя, когда готовящееся спуститься за горизонт солнце зашло за огромную тучу, словно налившуюся от этого кровью, маленький отряд добрался наконец до вожделенной цели путешествия: страники находились на берегах загадочного Соленого озера.

ЛЕВАЯ РУКА — ВОЖДЬ АРАПАХО

В эпоху, к которой относится наш рассказ, мормоны еще не проникли к берегам Великого Соленого озера, этого внутреннего моря Северной Америки. Вообще эта местность была хорошо известна только скитавшимся по прериям охотникам да пионерам, искавшим для поселения удобных мест. Но покуда тут еще было безлюдно и на огромных пространствах вовсе не было людских поселений, если не считать летних становищ нескольких кочующих индейских племен. Характерным и заслуживающим быть отмеченным обстоятельством является следующее: раньше и индейцы избегали этих мест, но, когда стали показываться бледнолицые, индейцы поторопились загородить им дорогу, чтобы предотвратить захват пастбищ и лугов, где краснокожие охотою добывали себе пищу.

Соленое озеро имеет около 70 миль в длину и 35 в ширину, находится на высоте 1260 метров над уровнем моря. В доисторические времена озеро занимало огромное пространство, простираясь до предгорий Сьерра-Мадре и поверхностью не менее 175000 квадратных миль. Действительно, это было целое море. Но первые европейцы, проникшие в эту область, застали Соленое озеро приблизительно уже в том периоде умирания, в каком оно находится в настоящее время, постепенно высыхая. Окружающая Соленое озеро местность представляет теперь низменную равнину с топкими берегами. Таким образом, если бы море-озеро вдруг стало подниматься, то оказались бы затопленными огромные пространства. На самом деле даже в дождливые сезоны, когда разливаются реки, несущие свои воды к Соленому озеру, уровень его повышается не больше, чем на полтора метра. Унылы окрестности Соленого озера. Огромные пространства тут — безжизненная пустыня, «мертвые поля». И уныло даже самое небо: воздух почти всегда насыщен испарениями озера, почти всегда туманен, лучи солнца робко проникают к его поверхности сквозь пелену паров. Ночью с трудом различишь на небе немногие тускло сверкающие звезды.

Воды озера насыщены солью, причем раствор этот гораздо крепче, морской воды: озеро почти в шесть раз солонее моря. Из четырех ведер воды озера можно получить почти целое ведро соли.

Соль встречается в неимоверном изобилии и в окрестностях озера, особенно по его берегам, где, блестя на солнце, она лежит пластами колоссальной толщины. Путнику, попавшему сюда, труд-

но отделаться от ощущения, что это снег, а не соль. Запасы отложенной озером на берегах соли постоянно возобновляются: выйдя из берегов в периоды притока воды или под влиянием сгоняющих ее в одну сторону ветров, озеро отлагает новые и новые миллионы пудов соли.

Относительно происхождения Соленого озера американские ученые до сих пор ведут ожесточенные споры. По мнению одних, Соленое озеро является остатком моря, куском его, если можно так выразиться, отрезанным от океана после какого-нибудь гигантского катаклизма. По мнению других, трудно сказать, на чем именно основанному, озеро родилось, как и все озера земного шара, от скопления принесенных сюда реками и подземными ключами вод, а присутствие соли объясняется будто бы тем, что именно подземные ключи где-нибудь наткнулись на колоссальные отложения соли и, вымывая ее, отлагают на дне Соленого озера.

Так или иначе, но Соленое озеро, по существу, могло бы называться с полным правом Мертвым морем, как некоторые другие соленые озера в Палестине и Аральское море: рыба и разного рода водные животные, попадая в озеро вместе с водами рек, очень быстро погибают, не выдерживая пребывания в густом соленом растворе. Купание в водах Соленого озера довольно рискованная вещь: даже на привычного к соленым ваннам человека пребывание в воде Соленого озера оказывает заметное действие. Тело покрывается, словно корой, кристаллами соли, кожа раздражается, и боль дает о себе знать в течение часа.

Но есть и обитательница в волнах Соленого озера: какая-то своеобразная одностворчатая раковина, приспособившаяся к пребыванию почти в чистой соли, чувствует себя прекрасно и размножается в недрах Соленого озера.

У невежественных и суеверных индейцев Северной Америки Соленое озеро и в древности пользовалось дурной славой. Они и сейчас испытывают какой-то инстинктивный страх по отношению к американскому Соленому морю, и без крайней необходимости ни один краснокожий не покажется в его окрестностях.

Впрочем, теперь, в наши дни, дети белой расы, не обладающие предрассудками, совершенно вытеснили краснокожих из ближайших окрестностей Соленого озера...

Справедливость требует, однако, отметить, что еще сравнительно недавно и белые не очень охотно показывались на берегах Соленого озера. Среди трапперов и пионеров, как и среди индейцев, о нем ходили разные темные слухи, пугавшие немногих поселенцев, рискнувших забраться в эту беспросветную глушь. Но еще более отрицательно относились к Соленому озеру негры-рабы: для них возможность поселиться на берегах Мертвого моря была пугающей. Привозимые сюда поселенцами негры пользовались каждым удобным случаем, чтобы бежать даже с риском погибнуть...

Итак, наши страшни
в зыбучих топях и уйд
наконец до самого берег
Первым делом надо
какой-нибудь пищи. Гол
редливым, и трапперы,
о медвежьих окороках,
за отсутствием другой ди
на вид и тощим воронам
воздухе над унылыми бе
Развели небольшой
солью сухих трав и прут
тощих ворон, поджарили
утолили им голод.
Трапперы, правда, во
них.
— Эй вы, лакомки! П
горохане. И воображаете
китайском ресторане.
— Ну уж и в китайско
такое китайский ресторан
стят, что не очухаешься.
— Ну уж это у кого ка
Например, маринованный
— Тьфу! — отплюну
— Или жаренный в см
— А, чтоб вас, Джон!
и Гарри.
— Или... протухшие я
кя — Деликатес первого
ния!
— Ну, так я предпо
Джордж. — Все же птица,
После скудной трапезы
чтобы дать еще немного отд
вновь развеселились и опя
теку, вспоминая, кто что ел
которых им удавалось не
По-видимому, молодцов все
хорошего мяса.
— Да перестаньте вы! —
Ижсии. — Взрослые люди
Доберемся до асиенды, там
трапперов.
— Да она у черта на ку
— Гораздо ближе, чо
нет

Итак, наши странники, переправившись с опасностью утонуть в зыбучих топях и уйдя от преследования индейцев, добрались наконец до самого берега Соленого озера.

Первым делом надо было позаботиться о приобретении хоть какой-нибудь пищи. Голод заставляет человека делаться непривередливым, и трапперы, позабыв мечты о жирном горбе бизона или о медвежьих окороках, немедленно занялись своеобразной охотой: за отсутствием другой дичи они стали стрелять по довольно жалким на вид и тощим воронам, Бог весть зачем шнырявшим в туманном воздухе над унылыми берегами Соленого озера.

Развели небольшой костер из плохо горевших, пропитанных солью сухих трав и прутьев, ощипали убитых Гарри и Джорджем тощих ворон, поджарили их жесткое и невкусное мясо на огне и утолили им голод.

Трапперы, правда, ворчали, но Джон Мэксим прикрикнул на них.

— Эй вы, лакомки! Похоже, что вы не трапперы, а изнеженные горожане. И воображаете, что вы не в пустыне, а в каком-нибудь китайском ресторане.

— Ну уж и в китайском! — возмутился Гарри. — Знаю я, что такое китайский ресторан. Там, говорят, такой гадостью тебя угостят, что не очухаешься.

— Ну уж это у кого какой вкус! — отозвался Джон Мэксим. — Например, маринованный морской червяк...

— Тьфу! — отплюнулся Джордж с негодованием.

— Или жаренный в сметане щенок легавой собаки...

— А, чтоб вас, Джон! Меня тошнить начинает! — отплюнулся и Гарри.

— Или... протухшие яйца! — продолжал, не смущаясь, янки. — Деликатес первого сорта, с китайской, конечно, точки зрения!

— Ну, так я предпочту мясо хоть вороны! — утешился Джордж. — Все же птица, а не червь или собака!

После скудной трапезы путники принялись за свои трубки, чтобы дать еще немного отдохнуть лошадям. Покуривая, трапперы вновь развеселились и опять завели беседу на гастрономическую тему, вспоминая, кто что ел когда-либо, каково мясо рыб или птиц, которых им удавалось некогда заполучить, как что готовится. По-видимому, молодцов все же не удовлетворил пир с блюдом из воронього мяса.

— Да перестаньте вы! — остановил наконец их болтовню Джон Мэксим. — Взрослые люди, а ведут себя хуже ребят! Утешьтесь! Доберемся до асиенды, там нас и накормят и напоят!

— Да она у черта на куличках! — уныло отозвался кто-то из траппперов.

— Гораздо ближе, чем вы думаете! — ответил янки.

Гамбусино, молча прислушивавшийся к переговорам белых, обратился к агенту со словами:

— Вы говорите, сеньор, асиенда полковника Деванделля близко отсюда?

— Да. Не очень далеко. А что?

— Да я побродил-таки в этих местах и, кажется, хорошо знаю окрестности, но, признаюсь, не слышал о более или менее большой асиенде. Не можете ли вы точнее сказать, где она находится?

— Отчего нет? Она расположена у истока реки Вебер

— Гм. Бродил я и по течению этой реки, но фермы, признаюсь, не видел. Конечно, может быть, она стоит именно там, куда я не доходил... Но, должно быть, на ферме полковника много людей? Ведь селиться с небольшим количеством людей в этих местах — дело рискованное: много индейцев и не всегда можно ладить с ними добром!

— Да, у полковника много людей. Негры, метисы...

— А индейцы? Ведь к этим людям довольно охотно поступают в батраки краснокожие?

— Нет, индейцев, насколько я знаю, полковник избегал держать!

— А с Левой Рукой не было столкновений?

— Управляющий асиендой говорил мне как-то, что апачи никогда не показывались в окрестностях фермы!

Красное Облако склонил голову.

— Да, может быть... — промолвил он задумчиво. — Я довольно давно был в этих местах, мне они мало и знакомы... Но вы говорите, что асиенда очень близка? Доберемся ли мы, например, к утру?

Джон Мэксим, подумав, ответил:

— Ну, нет! Принимая во внимание плачевное состояние наших лошадей, было бы неразумно идти всю ночь. Но к полудню, однако, я надеюсь, мы будем уже на месте!

— Только к полудню? — вскинулись трапперы, которые почему-то были уверены, что до асиенды можно добраться чуть ли не через час.

— Да, к полудню. Нам придется провести здесь ночь. Что ж! Место подходящее. Напасть тут на нас, кажется, некому. Конечно, придется посторожить по очереди. Но лошади окончательно отдохнут, да и нам надо отоспаться. С голоду мы, конечно, не умрем

— Пока есть вороны! — проворчал Гарри, разочарованный в надежде получить в асиенде вкусный и сытный ужин.

— Не предоставите ли мне сторожить лагерь первую четверть ночи? — промолвил Красное Облако, обращаясь к агенту.

— Валяйте! Мне все равно, кто будет сторожить. Лишь бы часовой был бдителен да не поддался соблазну вздремнуть часок, сломленный усталостью! Признаюсь, меня так и клонит ко сну

Глаза сами смыкаются. Давно не испытывало мое тело такой трепки! Только, гамбусино, смотрите: огня не разводить!

— Понятно!

— Да. Может быть, чейены и далеко, но возможно и обратное, а огонь виден издалека, и мы можем потерять наши скальпы и отправиться на тот свет.

— Да еще с вороньим мясом в желудке! — поддакнул уже укладывающийся на ночлег Гарри.

— Вы можете положиться на меня, сеньоры! Мне мой скальп дорог не меньше, чем ваши вам!

Три траппера не замедлили растянуться на траве и почти моментально были охвачены глубоким сном. Индеец, уложив в стороне Миннегагу и тщательно закутав ее плащом, затушил остатки догоравшего огня, чтобы во мгле наступающей ночи яркий свет костра не выдал индейцам местонахождения беглецов, подкинул устало пофыркивавшим лошадям несколько охапок свежей травы, а затем неслышными, крадущимися шагами отправился к берегу Соленого озера, чтобы произвести разведку.

Бродя по берегу, он тщательно рассматривал уже смутно вырисовывающиеся очертания прибрежных скал и извилины побережья. Скоро лицо его просветлело.

— Наконец-то! — промолвил он про себя. — А было-таки трудно узнать, куда мы забрались. Но теперь я знаю, где мы находимся. Если только Левая Рука не увел свое племя куда-нибудь в сторону, мне будет нетрудно добраться до его становища, покуда белые будут спать в надежде, что я их стерегу! Правда, пожалуй, мне придется загнать коня. Но что за беда? Отыщется, надеюсь, какой-нибудь мустанг и на мою долю!

Вернувшись к лагерю, Красное Облако испустил чуть слышный свист. Звуки эти пронеслись над лагерем, не потревожив глубокого сна ни людей, ни лошадей. Но маленькая дочь, по-видимому, ждала отца: она вскочила со своего места и легкой тенью скользнула ему навстречу.

— Ты звал меня? — спросила она.

— Да, дитя! — сказал он несколько грустно. — Настал час, когда нам надо расстаться! Я должен отправиться к Левой Руке, а тебе придется остаться с бледнолицыми.

— А ты знаешь, отец, где стоят вигвамы арапахо?

— Да. Ведь я много раз бывал в этих местах. Да и твоя мать дала мне достаточно точные указания, где находится теперь вождь арапахо.

— Скажи, отец: разве мать встречалась когда-нибудь раньше с Левой Рукой?

— Много раз. Ведь все это великое восстание краснокожих против бледнолицых — дело рук твоей матери. Ее побуждала к этому, боюсь, одна ее неутолимая ненависть в Деванделлю, желание отомстить покинувшему ее человеку. Но она выбрала удачный

момент, нашла достаточно горючего материала, и великий пожар действительно зажжен женской рукой, и льется потоками кровь...

Я, во всяком случае, не принимал в этом участия, покуда мои братья не вырыли томагавк войны... Ялла же все время была душой заговора. Она сговорилась со всеми выдающимися и влиятельными вождями чейенов и арапахо, она добилась того, что на время забыта старая вражда и три великих племени этого края соединились против общего врага.

Но я-то узнал о принятом вождями решении начать священную войну против бледнолицых только тогда, когда об этом знали, кажется, все дети племени сиу!

— От тебя скрывали, потому что ты ведь не сиу!

— Да, я не сиу, — с горечью пробормотал индеец. — Но разве я бледнолицый? Разве Вороны не индейцы чистейшей крови? Разве мы, Вороны, не сражались против поработителей Америки, когда сиу еще не знали даже о самом существовании янки? И наконец, разве я не воин? Но от меня все скрывали как от человека, которому нельзя довериться!

Помолчав немного, он заговорил снова:

— Но пусть так! Теперь и Красное Облако посвящен в тайну. Ялла удостоила его своего доверия, когда о тайне лаяли, кажется, даже собаки. И Ялла дала мне серьезное и ответственное поручение...

В самом деле, может быть, до сих пор ни единому посланцу сиу еще не удалось добраться до Левой Руки, а арапахо не знают, что происходит в горах и прерии.

— Так ты хочешь покинуть меня здесь? — прервала его слова Миннегага.

— Так нужно, дитя. Ты останешься с этими... людьми, потом отправишься за ними туда, куда пойдут они.

— До самой асиенды? — оживилась девочка, сжимая кулаки и сверкая глазами.

— Не только до асиенды, но и в асиенду! Именно в ее стенах, куда, как ты слышала, никогда не впускали индейцев. Там и нужно будет для нашего великого дела, дел твоей матери твое присутствие! Ты хитра, как... гремучая змея. Ты умеешь скрывать свои мысли. Ты двулична, как... взрослая женщина, у которой сладкие слова на устах и яд в душе. Ты сумеешь всюду проникнуть, и ты умеешь прикидываться чистейшим ребенком, хотя уже научилась убивать воинов, правда, предательским ударом в спину... Словом, в миниатюре ты настоящая Ялла... Да, да, твое место в асиенде!

— А что я буду делать там?

— Неужели ты потеряла всю свою смышленость? Подумай хорошенько! Во-первых, какую пользу делу твоей матери ты могла бы принести, если бы отправилась со мною к арапахо? Ты только задержишь меня в пути. Мало того, если я исчезну, оставив тебя здесь, это не возбудит подозрения бледнолицых. Они будут думать,

что мне представилась возможность спасая собственную жизнь, взять тебя с собой, они встр планам.

Мало этого, подумай еще стерли асиенду с лица земли то как важно, чтобы среди б начнется смятение, никто значения. Разве трудно буд дверям, открыть ворота, в асиенды? Или поджечь вигва

Глаза Миннегаги сильнее радостная, полная жестокост

— Да, да, отец! — зак моя мать?

— Что такое хочешь ты лозать сюда. Но это должно конечно арапахо, и Ялле ост неясытную злобу, издеваясь Этого удовольствия она, конеч ною рукою снимет скальпы с каплям их кровь, как она уже полковника... Она ведь истин сказано!

— Моя мать должна была в полное мое распоряжение!

— Зачем бы они тебе п Красное Облако.

— Разве я не сумела бы п трясь бы всем телом? Разв рукачи снять с их голов ска Ялы.

Индеец вздрогнул и погля отвращением:

— Ты не девочка! Ты — Наступило молчание, прер какой-нибудь лошади да сонны в ее сне негодовавшего на то жесткий мясом озерной ворон Потом Красное Облако без

— Ну, пора! Часы бегут, до кое во что бы то ни стало по

— Выдержит ли твой пойду пешком!

— Буду гнать, п

что мне представилась возможность просто пойти по своей дороге, спасая собственную жизнь и не заботясь об их участи. Если же я возьму тебя с собой, они встревожатся. Это может помешать нашим планам.

Мало этого, подумай еще хорошенько: ведь если арапахо еще не стерли асиенду с лица земли, если им придется нападать на белых, то как важно, чтобы среди белых находился тайный союзник!

Когда будут грохотать выстрелы и среди защитников асиенды начнется смятение, никто не будет, понятно, обращать на тебя внимания. Разве трудно будет проникнуть тогда к каким-нибудь дверям, открыть ворота, впустить ночью твоих братьев внутрь асиенды? Или поджечь вигвам белых?

Глаза Миннегаги сильнее заблестели, на алых устах появилась радостная, полная жестокости улыбка.

— Да, да, отец! — закивала она головой. — Я понимаю! Но моя мать?

— Что такое хочешь ты сказать? Твоя мать не замедлит пожаловать сюда. Но это должно быть только тогда, когда все будет кончено арапахо, и Ялле останется только утолить жажду мести и ненасытную злобу, издеваясь над детьми полковника Деванделля. Этого удовольствия она, конечно, никому не уступит. Она собственною рукою снимет скальпы с голов детей Деванделля и выпьет по каплям их кровь, как она уже, без сомнения, сняла скальп с самого полковника... Она ведь истинная дочь сиу. Она — Ялла! Этим все сказано!

— Моя мать должна была бы предоставить этих белых щенков в полное мое распоряжение! — промолвила Миннегага.

— Зачем бы они тебе понадобились? — удивленно спросил Красное Облако.

— Разве я не сумела бы подвергнуть их таким мукам, что они тряслись бы всем телом? Разве я не смогла бы вот этими самыми руками снять с их голов скальпы? — страстно произнесла дочь Яллы.

Индеец вздрогнул и поглядел на Миннегагу почти с ужасом и отвращением:

— Ты не девочка! Ты — детеныш ягуара!

Наступило молчание, прерываемое лишь глубокими вздохами какой-нибудь лошади да сонным бормотанием Гарри, должно быть, и во сне негодовавшего на то, что ему пришлось утолять голод жестким мясом озерной вороны.

Потом Красное Облако беззвучно приподнялся.

— Ну, пора! Часы бегут, до становища арапахо неблизко. А мне надо во что бы то ни стало поскорее добраться к Левой Руке.

— Выдержит ли твой конь этот путь, отец?

— Буду гнать, покуда он будет держаться на ногах. Падет — пойду пешком!

— А если проснутся белые, покуда ты будешь седлать своего коня, и обнаружат, что ты собираешься покинуть лагерь?

— Это пустое! Разве мне не приходилось уводить лошадей из-под носа дремавшей стражи? Иди ложись на свое место, не шевелись, и ты увидишь, как я исчезну, не разбудив бледнолицых.

Миннегага легко и беззвучно скользнула к месту, где еще лежал ее плащ. Но, не дойдя до него совсем немного, она вернулась к неподвижно стоявшему Красному Облаку.

Тот тихо погладил ее по щеке и сказал:

— Все-таки ты ведь мое родное дитя! Прощай! Иди же!

Но она не уходила.

Индеец ласково повернул ее за плечи и слегка подтолкнул со словами:

— Иди же, иди, дитя! Пора кончать!

— Если ты, отец, раньше меня встретишь мою мать, — прошептала девочка, — то передай ей мой привет. Скажи, что я делала все, что ты мне велел, желая помочь моей матери в достижении цели. Ты скажешь, отец?

Она опять скользнула в сторону и скрылась во мгле.

Увидев, что его дочь исчезла, индеец снял с плеча свой карабин, проверил, исправен ли курок, попробовал, свободно ли выходит нож из чехла, и затем медленно приблизился к месту, где безмятежно спали белые.

— Какой случай! — прошептал он. — Они спят мертвым сном. Три удара ножом в сердце, и они отправились бы в страну теней, а у меня было бы три скальпа врагов моего племени. Но нет, нельзя, нельзя! Это может повредить планам Яллы!

Постояв немного, он довольно тяжело плюхнулся на землю. Это было уловкой особого рода, средством убедиться, спят ли бледнолицые и насколько крепок их сон.

Заливистый и дружный храп спящих показал индейцу, что его маневр не нарушил сна трапперов. Однако Красное Облако еще два раза повторил тот же прием и только потом отполз на некоторое расстояние от спящих и подозвал тихим свистом своего коня. Лошадь была расседлана. На ней не было даже попоны. Это не остановило индейца. Одним прыжком Красное Облако оказался на спине мустанга и погнал его в ночную мглу.

Усталому коню, конечно, не хотелось пускаться в ночные странствия. Он охотнее остался бы рядом с конями трапперов. Но индеец сжимал коленями бока лошади, железной рукой натягивал узду. Конь, потоптавшись на месте, рванул и помчался стрелой. Топот копыт глухо раздавался в ночной тишине, потом звуки стали слабеть и слабеть. В лагере трапперов по-прежнему все было спокойно: охвативший усталых людей сон был так крепок, что трапперы не проснулись от шумного бега коня, уносившего Красное Облако.

Только маленькая индианка
закутавшись в плащ, но голов
Миннегага напряженно вслуш
внимательно наблюдая за удал
двух шагах от нее охотниками.
конь Красного Облака уже п
стреноженный.

— И все-таки ты не сиу! Н
...ов скальпов со своих врагов...

Потом задремала и она.

Красное Облако без пощад
ружьем, ударами колен по взды
тяжелого кулака по голове изму
часть животного. Иногда лошад
жалобно ржала, словно моля о

гнал:

— Вперед! Умри, но донеси

И снова гнал своего коня.

Бедное загнанное животное
его телу пробегала судорога. Кр
открытого рта пена клочьями
Красное Облако все торопил мус

Потом, когда и это перестало
конь, Красное Облако вынул
резать шею лошади. С жалобны
предсмертный стон, мустанг опять сдел
и снова понесся галопом. Но его
и рухнул на землю. Красное О
тогда индеец спрыгнул с его спи

Короткое хриплое дыхание... О
Загнанная насмерть лошадь с
и посмотрела полными тоски и ух
и, лизнув с глухим стуком упала
Красное сорвалось с уст Красно
и заметил, что вдалеке тускло бле
быть сторожевой костер. Это

Индеец, не взглянув на верно
должен был вести или триста шагов
повелительный голос:

— Стой!

— Я не двигаюсь! — ответил с
руки на груди. Его зоркий гл
мелькнул человек, в
около при
осторожно

Только маленькая индианка, разумеется, не спала. Она лежала, закутавшись в плащ, но голова ее была открыта. Глаза блестели. Миннегага напряженно вслушивалась и всматривалась, одинаково внимательно наблюдая за удалявшимся отцом и мирно спавшими в двух шагах от нее охотниками. Минуту спустя, когда звука копыт коня Красного Облака уже почти не было слышно, дочь Яллы прошептала:

— И все-таки ты не сиу! Нет, ты не сиу! Сиу не ушел бы, не сняв скальпов со своих врагов...

Потом задремала и она.

Красное Облако без пощады гнал свою лошадь, подгонял ее криком, ударами колен по вздымавшимся бокам, наконец ударами тяжелого кулака по голове измученного, задыхающегося, готового пасть животного. Иногда лошадь артачилась, вздымалась на дыбы, жалобно ржала, словно моля о пощаде. Но индеец, стиснув зубы, кричал:

— Вперед! Умри, но донеси меня до становища моих братьев!

И снова гнал своего коня.

Бедное загнанное животное дышало все тяжелее. Все чаще по его телу пробегала судорога. Крутые бока взмокли, и из широко раскрытого рта пена клочьями падала на росистую траву. Но Красное Облако все торопил мустанга, нещадно колотя его.

Потом, когда и это перестало помогать, когда силы коня почти иссякли, Красное Облако вынул нож и его острым концом стал колоть шею лошади. С жалобным ржанием, напоминавшим предсмертный стон, мустанг опять сделал несколько отчаянных прыжков и снова понесся галопом. Но его хватило ненадолго. Еще миг — и он рухнул на землю. Красное Облако предвидел это: пока конь падал, индеец спрыгнул с его спины и отскочил в сторону.

Короткое хриплое дыхание... Стон...

Загнанная насмерть лошадь с трудом подняла красивую голову и посмотрела полными тоски и ужаса глазами на индейца. Потом ее голова с глухим стуком упала на землю. Лошадь была мертва. Проклятье сорвалось с уст Красного Облака. Оглядевшись вокруг, он заметил, что вдалеке тускло блестит огонек. Он подумал, что это мог быть сторожевой костер. Это значило, что недалеко лагерь арапахо.

Индеец, не взглянув на верного коня, пошел на огонь. Он прошел двести или триста шагов, когда из темноты прозвучал повелительный голос:

— Стой!

— Я не двигаюсь! — ответил спокойно Красное Облако, скрестив руки на груди. Его зоркий глаз разглядел, что его окружило не менее двенадцати человек, вооруженных копьями и карабинами. Они держались около пришедшего, готовые кинуться на него при первом неосторожном движении.

— Кто ты? Куда ты идешь? — прозвучал из мглы тот же повелительный голос.

— Ищу Левую Руку, великого сахэма арапахо!

— Кто послал тебя?

— Ялла.

— Вождь племени сиу?

— Да, жена Красного Облака, вождя Воронов.

— Как твое имя?

— Мое имя Красное Облако. Я муж Яллы.

Перед неподвижно стоявшим со скрещенными на груди руками Красным Облаком словно из-под земли выросла человеческая фигура.

— Привет тебе, Красное Облако, муж знаменитой Яллы! Я тот, кого ты ищешь! Я Левая Рука.

Потом, обратившись к воинам, державшим наготове свои копья и карабины, Левая Рука распорядился:

— Зажгите факелы! Освещайте дорогу к нашим вигвамам дорогому гостю, вестнику Яллы!

ЯЛЛА

В ответ на слова Левой Руки, приказавшего своим спутникам зажечь огонь, вспыхнуло несколько факелов. Индейцы, всегда имеющие в запасе ветви смолистого дерева, выполняющие роль факелов, высекли огонь и зажгли свои импровизированные светильники. Левая Рука подошел к Красному Облаку, поднял руку в дружеском приветствии.

Знаменитый воин краснокожих, непримиримый и беспощадный враг бледнолицых, рассказами о кровавых подвигах которого много лет были полны дикие земли Северной Америки, пал вместе с другими знаменитыми, столь же прославленными индейскими сахэмами в ужасной схватке с волонтерами Колорадо, которыми командовал полковник Чивингтон. Но в те дни, о которых мы рассказываем, Левая Рука находился в апогее своей славы, считался непобедимым, и одно его имя наводило ужас на бледнолицых.

Будучи высокого роста, он казался гигантом и обладал могучей мускулатурой. Предание говорит о нем как о самом сильном человеке, быть может, в целом свете. Индейцы рассказывали, что Левая Рука мог с честью выдержать схватку с любым гризли без оружия и будто бы задушить медведя голыми руками...

Красное Облако согласно индейскому этикету сохранял полное спокойствие, но зоркий глаз опытного воина позволил ему в одно мгновенье рассмотреть вождя арапахо и оценить его чудовищную силу.

Обнаженный торс великого воина был покрыт рубцами и шрамами. С первого взгляда могло показаться, что это узоры татуировки. На самом деле это были следы бесчисленных ран, полученных Левой Рукой в жестоких схватках. Тут были рубцы от ран, нанесенных ножами и томагавками индейцев, штыками американских солдат, пулями винтовок и револьверов и, наконец, рогами оленя и бизона, когтями медведя. Десятой доли этих ран было бы достаточно, чтобы отправить на тот свет любого другого. Но Левая Рука не был простым смертным: в его жилах текла особая кровь, позволявшая ему подниматься после ужасных ран с непонятной быстротою. В его теле был источник какой-то нечеловеческой силы и живучести, делавший его похожим на диких животных прерии, на старого медведя, которого можно убить, только разрубив на части.

Странное впечатление производил головной убор вождя арапахо: пестрые перья степных птиц, скрепленные золотым обручем, короной поднимались над его головой и спускались по спине шлейфом до самой земли.

На Левой Руке были кальсонерас мексиканского покроя из дорогого бархата, с разрезами от колена. В разрезах виднелись великолепные мокасины из светлой кожи, украшенные двумя десятками человеческих скальпов разных цветов. Тут были женские и даже детские волосы...

— Мой брат не обманывает меня? — протянул руку Красному Облаку вождь арапахо, ибо костюм гамбусино на вожде Воронов возбудил подозрения.

— Я сказал тебе свое имя! — гордо ответил Красное Облако.

— Но почему ты приходишь к твоим братьям в одежде бледнолицых?

— Потому, что, только воспользовавшись ею, я смог добраться сюда от гор Ларами. Под этой одеждой моя кожа все равно остается такою же красной, как и твоя, Левая Рука.

Казалось, подозрения арапахо рассеялись. Он одобрительно кивнул головой и произнес:

— Хорошо! Я вижу, мой брат из племени Воронов мудр и осторожен. Но идем отсюда. В моем типи[17] удобнее говорить, чем под открытым небом!

— Я готов! — отозвался Красное Облако. — Но мне придется идти пешком. Торопясь разыскать тебя, я загнал моего коня. Его труп лежит на расстоянии полета стрелы отсюда!

— Разве у арапахо мало мустангов, что их гостю придется идти пешком по прерии, словно боящемуся лошади ребенку? — ответил гордо Левая Рука.

Через минуту молодой воин подвел к Красному Облаку великолепного гнедого коня с блестящей шерстью и горящими глазами. Конь был оседлан по-мексикански.

— Вчера этой лошадью владел какой-то бледнолицый золотоискатель, осмелившийся забраться в заповедные земли арапахо.

Если мой брат внимателен, он увидит, что скальп мексиканца еще висит у седла! — сказал арапахо.

Красное Облако не заставил себя уговаривать и вспрыгнул в седло. Всадники тронулись в путь, направляясь к лагерю арапахо, на месте их встречи остался целый отряд воинов, охранявших покой и безопасность остальных обитателей становища.

Менее чем через полчаса Красное Облако, не отстававший от вождя арапахо, оказался в поселении индейцев, образованном приблизительно сотней расположенных полукругом типи конической формы. Судя по числу и размерам типи, можно было предположить, что в распоряжении Левой Руки имеется не менее пятисот индейских воинов.

С первого же взгляда можно было определить, что это за поселение: у горящих здесь и там у входов костров не было видно ни женщин, ни детей. Кроме того, отсутствовало неизбежное в поселках, предназначенных для более или менее продолжительного пребывания, большое типи, посвященное Великому Духу, в котором хранятся разного рода реликвии индейской религии. Ясно было, что это становище являлось попросту боевым лагерем. Следовательно, арапахо вырыли боевой топор и выступили на тропу войны, они были готовы к соединению с чейенами и сиу для борьбы с общим врагом — бледнолицыми.

Между типи были видны небольшие табуны стреноженных мустангов, находившихся под охраной молодых воинов, а здесь и там стояли пикеты хорошо вооруженных людей, исполнявших обязанности часовых.

Подъехав к самому большому типи, Левая Рука сошел с коня, которого тотчас увел подбежавший молодой воин. Красное Облако был до того измотан, что лишь с помощью вождя арапахо смог сойти с коня.

— Вот мое временное жилище, — сказал, обращаясь к вождю Воронов, Левая Рука, — с этого момента оно становится твоим. Ты нуждаешься в отдыхе и пище. Располагайся же тут как в своем собственном типи и спокойно отдохни, тебе ничто не помешает, разве только нападение бледнолицых!

— Этого нечего опасаться! — сказал усталым голосом Воронов. — Прерия в руках краснокожих, как этого желал Великий Дух, грозный Маниту[18], отдавший горы и степи своим любимым детям.

Внутри типи горел небольшой костер, дым которого частично уходил в сделанное наверху отверстие, частично оставался в самом типи, наполняя его теплом и запахом горящего смолистого дерева.

Типи Левой Руки мало чем отличался от типи обычных воинов, разве что размерами.

По существу, типи представляет собою не что иное, как довольно примитивную, легко переносимую палатку. Ее каркас делается из тонких и гибких длинных шестов, нижние концы которых забиты в

землю, а верхние собраны и связаны вместе тонкими кожаными шнурками. Исключительно легкий и удобный для транспортировки, этот пучок шестов покрывается ветками. Вверху всегда оставляется небольшое отверстие для выхода дыма. Очаг ставится посредине вигвама прямо на полу и состоит из нескольких камней. Но за отсутствием тяги лишь ничтожная часть дыма действительно выходит наружу, большая же его часть остается в самом вигваме. Благодаря этому воздух вигвама всегда наполнен дымом. Редкий из европейцев может долго пробыть в вигваме, когда в очаге пылают сучья и щепки. Едкий воздух ест глаза, перехватывает дыхание, углекислота проникает в легкие и кровь и вызывает отравление.

К этому добавить еще невыносимую вонь от плохо выделанных шкур, от немудреных запасов сушеного и вяленого мяса, от остатков пищи, выбрасываемых прямо на пол.

О том, что такое опрятность, дети прерий Северной Америки имеют свое, специфическое представление, о порядке в вигваме, в европейском понимании этого слова, заботятся мало, и потому пребывание в жилищах индейцев может показаться истинным мучением для представителя европейской цивилизации.

Вполне естественно, что жизнь в подобной обстановке, среди вечного чада и угара, в жуткой грязи, влечет за собой ряд заболеваний и повышенную смертность. Но вся тяжесть бед ложится в основном на женщин, вынужденных проводить в вигвамах большую часть времени и выполнять там же свои домашние работы: женщины хворают, часто слепнут, подвержены разного рода заболеваниям, преждевременно дряхлеют.

Сами же воины долго в вигвамах не засиживаются, предпочитая свежий воздух прерии.

Поэтому уровень смертности среди индейских скво намного выше, чем у мужчин. У дикарей Северной Америки, столь поэтично описанных Лонгфелло и Купером, на самом деле женщина является чем-то вроде вьючного животного. Она рабыня, лишенная почти всех человеческих прав. Она бесправное существо, и индеец считает ниже своего достоинства заботиться о женщине.

Типи вождей отличаются от типи простых воинов очень мало и, главным образом, только по внешнему виду: они несколько обширнее, прочнее устроены, шкуры бизонов, которыми обтягивается каркас, иногда расшиты пестрыми узорами, а чаще просто пестро размалеваны красками, которые делают те же скво индейцев из сока растений и некоторых минералов.

Если у скво есть хоть небольшие наклонности художника, тогда ей поручают изображать на бизоньей шкуре целые картины, сюжетами для которых служат по большей части эпизоды сражений и поединков индейцев или их охоты на бизонов, оленей и мустангов. Индейская живопись примитивна и удивительно напоминает рисунки наших детей. Они не пользуются линейкой и воздушной перспективой. Фигуры людей и животных изображаются чуть ли не

условными знаками. Но индейская живопись представляет известный интерес, и путешественники, которым приходилось бывать среди краснокожих, проводят иногда долгие часы, рассматривая фантастические рисунки, изображающие охоту на бизонов, схватки с гризли и бои с бледнолицыми.

Но вернемся к героям нашего повествования и послушаем их беседу.

Войдя в типи и не обращая ни малейшего внимания на стоявший в ней едкий дым, Красное Облако и Левая Рука уселись в углу, на куче буйволовых и лошадиных кож, брошенных на землю, от которых шел резкий и тяжелый запах.

Левая Рука вытащил из-за шкур старый, полуразвалившийся парусиновый чемодан, явно отнятый им у какого-нибудь злополучного эмигранта, раскрыл его и достал оттуда «калюме»[19], трубку мира, набил ее «морикой», крепчайшим табаком, смоченным водкой, дым которого могут выносить, кажется, только индейские легкие. Зажег, затянулся дважды, выпустил дым густыми кольцами направо, потом налево и передал трубку прибывшему. Красное Облако молча проделал то же самое.

По индейской традиции, до совершения этого странного обряда, символизирующего заключение дружбы и мирные намерения обоих сторон, никакие переговоры не могли иметь места.

Но раз калюме сделал круг, побывав в руках обоих собеседников, они могли объясняться по делу, могли начать «пэу-эу», то есть разговор об интересующем их деле.

— Не пришел ли мой брат сиу с упреком, что я еще не покинул берега Соленого озера и не пошел навстречу к чейенам, чтобы соединиться с их воинами? — начал разговор хозяин.

— Нет, ты ошибаешься, великий вождь арапахо! — ответил Красное Облако. — Сами сиу только теперь пробились через заставы бледнолицых и спустились с гор в прерию. Кроме того, до сих пор достаточно было помощи чейенов, чтобы истреблять рассеянные по степи посты белых.

— Я действовал по их примеру, уничтожив за это время все асиенды белых, которые могли служить убежищем для выкуренных чейенами из их убежищ бледнолицых лисиц!

— Разве все? Мой брат, вероятно, забыл о существовании одной асиенды, которая, по желанию Яллы, должна быть стерта с лица земли.

— О какой асиенде говорит мой брат?

— Полковника Девенделля.

— Того, который был первым мужем Яллы?

— Да. Полковник злейший враг индейцев. Его обширная и, должно быть, хорошо укрепленная асиенда находится в устье реки, которую белые называют рекой Вебер.

Сахэм арапахо вскочил с места.

— Мне говорили, — сказал он, — что там, за этими лесами, действительно находится асиенда. Не понимаю, почему я упустил это из виду! Но пусть подождут бледнолицые! Я доберусь и туда, за леса и горы! Я подвергну всех обитателей асиенды таким мукам, что содрогнется сам Великий Дух. Я выпью всю их кровь по каплям, прежде чем снять с них скальпы! Не пощажу ни единого, будь это старик, женщина или ребенок!

— Нет, двух тебе придется пощадить!

— Это почему?

— Таково желание Яллы. Что будет с остальными, для моей жены безразлично, но двух ты должен оставить в живых и передать Ялле. Это дети полковника Деванделля — юноша и девушка.

— Понимаю! Ялла хочет расправиться собственными руками с детьми своего первого мужа, так жестоко оскорбившего ее когда-то? Ну что же! Ялла сумеет замучить этих щенят не хуже, чем сумел бы сам я! Ну ладно! Я уважаю Яллу. Она не женщина, а настоящий воин! Пусть будет так, как хочет Ялла! Этих двух я возьму и передам ей живьем. Пусть потешится! Но с остальных все скальпы принадлежат моему племени! Пройдет еще несколько часов, и асиенда будет поистине стерта с лица земли и все ее обитатели перебиты!

— Не торопись, мой брат! Дай добраться до асиенды трем бледнолицым, направляющимся туда по поручению полковника Деванделля! Я был с ними несколько дней и только этой ночью покинул их. С ними осталась моя дочь Миннегага. Впрочем, если ты дашь мне несколько молодых воинов, я, может быть, нападу теперь на белых. Там будет видно. Но сейчас я очень устал, и главное, я изнемогаю от голода. Не даст ли мой брат арапахо мне чего-нибудь для утоления терзающего меня голода? Голод туманит голову, путает мысли...

Левая Рука достал из походного сундука какую-то снедь, состоявшую из кусков мяса, растений и сыра, и протянул чашку с этим месивом гостю. Потом он достал фляжку с мексиканской водкой и указал на нее Красному Облаку со словами:

— Пусть насыщается и утоляет жажду мой брат, великий воин племени Воронов. Мы на тропе войны, и мне нечем больше угостить тебя; но что есть, все твое. Я же должен пойти проверить, на своих ли местах посты.

Красное Облако принялся уплетать за обе щеки предложенное ему гостеприимным арапахо кушанье, а вождь встал и действительно вышел из типи. Но бедному воину племени Воронов и на этот раз не суждено было насытиться, как он того желал, потому что едва успел он проглотить пару кусков, как в лагере арапахо поднялась тревога: лошади скакали по всем направлениям, раздавались крики индейцев, кто-то из вождей отдавал приказания громким голосом.

— Мой брат Левая Рука, кажется, мог бы, по крайней мере, дать мне время утолить голод и отдохнуть четверть часа! — с неудовольствием пробормотал Красное Облако, торопливо глотая куски мяса.

— Не может быть, чтобы трапперы обнаружили мое отсутствие, погнались сюда за мной и их появление вызвало всю эту суматоху!

Он поднялся, все еще держа в руках медную чашку с предложенным ему Левою Рукою угощением, и прислушался.

Звуки выстрелов, раздавшиеся в непосредственной близости от лагеря, взволновали его. Он швырнул на пол чашку, не заботясь о том, какая участь постигнет содержавшееся в ней месиво, и схватился за поставленный в угол карабин.

— Что такое? — проворчал он. — Неужели проклятые солдаты бледнолицых осмелились напасть на владения вождя арапахо?

В это время распахнулась пола, прикрывавшая вход в вигвам Левой Руки, и сам вождь арапахо вошел в свое жилище.

— Знает ли мой брат, — спросил он гостя, — кто готовится прибыть сейчас в наше становище?

— Бледнолицые? Пограничные солдаты?

Левая Рука презрительно улыбнулся:

— Пусть попробуют! Разве у нас мало воинов, чтобы достойно встретить хоть целый полк «длинных ножей» Великого Отца белых? Нет, это братья! Ялла во главе трехсот лучших воинов племени сиу приближается к лагерю арапахо!

— Моя жена уже здесь? — воскликнул пораженный неожиданной вестью индеец.

— Но... Но уверен ли ты, мой гость и брат, — с тонкой, почти неуловимой иронией задал вопрос Левая Рука, — что Ялла действительно жена Красного Облака?

— Что значит этот вопрос? — скрестил руки на груди Ворон. — Приведи Яллу сюда, и ты из ее уст услышишь истину!

— Следуй за мною! — ответил коротко арапахо, направляясь к выходу из вигвама.

У порога арапахо остановился и произнес:

— Я и мои воины, мы хотим оказать торжественный прием Ялле. Надеюсь, ты примешь участие в этом?

Красное Облако гневно наморщил брови. Кровь бросилась ему в лицо. Молнией мелькнуло воспоминание о том, как приняли его только что арапахо. Они чуть не расстреляли его... Целый отряд воинов сопровождал его, идя по пятам почти до самого вигвама Левой Руки, словно не гостя, а пойманного шпиона. Или, по крайней мере, подозрительного субъекта. И эти унизительные вопросы, которые были предложены Левой Рукою?! А теперь они готовятся оказать небывалые почести, и кому же? Женщине! Не какому-нибудь прославленному воину, а женщине племени сиу...

Но к Красному Облаку сейчас же вернулось самообладание, и он ответил вождю арапахо, правда, с явным сарказмом:

— Да, идем устраивать почетную встречу для великой Яллы!

Разбуженные выстрелами, сигналами, поданными передовыми постами, все обитатели становища арапахо были уже на ногах. Первый момент сумятицы прошел. По становищу разнеслась весть, что речь идет не о вражеском нападении, а о приближении отряда дружественных сиу, возглавляемого Яллой, и воины арапахо готовились принять участие в торжественном приеме союзников. Они выстроились в два ряда. Почти у каждого воина имелся в руках ярко пылающий факел. Они освещали дорогу в становище для дорогих гостей.

Красное Облако остановился у одной палатки и равнодушными глазами глядел на это действительно фантастическое и красивое зрелище.

Минуту спустя в непосредственной близости от становища показался большой отряд всадников. Во главе его ехала Ялла на великолепном белом коне, удивительно похожем на знаменитого белого мустанга прерий, убитого трапперами в ущелье Смерти. Это и был на самом деле потомок легендарного Рэда.

На коне была наборная блестящая сбруя, американское седло, тоже с серебряным убором, и серебряные стремена. Ехала Ялла по-мужски.

В те дни, к которым относится наш рассказ, пресловутой краснокожей красавице было уже около тридцати пяти лет, но она удивительно сохранилась и казалась чуть ли не девушкой лет двадцати.

У нее было лицо с правильными и красивыми чертами, глаза сияли, словно бриллианты, но в них горел какой-то мрачный огонь. Длинные роскошные черные волосы спадали на плечи и развевались темным облаком за спиною Яллы.

Если бы кто-либо из траппперов присутствовал при сцене появления Яллы в лагере арапахо, то он был бы вынужден признать, что и среди красивых европейских женщин краснокожая Ялла смотрелась бы красавицей. Среди же соплеменниц Америки Ялла не имела соперниц. Единственное, что значительно умаляло эту красоту или, по крайней мере, давало ей какой-то особый оттенок, это было то обстоятельство, что и в глазах, и в улыбке, и в каждой черточке лица сквозило выражение высокомерия, холодной жестокости и беспощадности. Благодаря этому прекрасное лицо Яллы казалось скорее лицом мужчины, чем женщины.

На предводительнице сиу был оригинальный костюм. В нем из национальных уборов сохранились только перья, напоминавшие королевскую корону; впечатлению этому способствовало присутствие на лбу Яллы массивного золотого обруча.

Сильное и удивительно стройное тело женщины было одето в короткую рубашку из драгоценного белого шелка, перетянутую красным шелковым же поясом по тонкой девической талии. Костюм дополняли кальсонерас испанского образца из голубого бархата с золотым позументом, с разрезом внизу, позволявшим видеть рос-

кошные мокасины, украшенные на индейский образец разноцветными скальпами. Поверх рубашки Ялла носила широкий индейский плащ.

Ялла, как и все сопровождавшие ее воины, была отлично вооружена: за поясом — пара длинноствольных боевых пистолетов с богатейшими прикладами, испанская наваха[20] в золоченых ножнах, а за плечами длинный, великолепной работы карабин. Кроме того, у седла висел еще томагавк.

Арапахо восторженно приветствовали красавицу племени сиу. Это было нарушением всех индейских традиций: мужчина не может склонять голову перед низшим существом, перед женщиной. Но Ялла славилась по всей прерии. И славилась не только своею вызывающею и победною красотою. Ее слава, заставившая индейцев преклоняться перед женщиной вопреки всем традициям, основывалась на удивительном уме этой красавицы, ее непреклонности, жестокости, ее бесстрашии в бою и неутомимости в походах, ее дьявольском умении разбить врага. Словом, ее славу составляли именно чисто мужские качества воина и полководца...

Подъехав к самому становищу арапахо, сиу несколько приостановились, пропуская вперед свою предводительницу.

Ялла подняла на дыбы своего чудного коня и заставила его сделать несколько красивых «свечек», потом железной рукой принудила замереть на месте в двух шагах от вышедшего ей навстречу вождя арапахо. Без помощи Левой Руки Ялла легко сошла с лошади и вместе с вождем направилась к его вигваму. Тем временем к каждому прибывшему воину сиу подошел арапахо, они пожимали друг другу руки, обменивались приветствиями и небольшими подарками.

Красное Облако с мрачной и сардонической улыбкой глядел на почести, оказываемые самим вождем арапахо и его воинами Ялле: пусть для других Ялла была знаменитостью, славой индейцев, но для него она была и оставалась только его женой. И воину было неприлично при встрече с женой оказывать ей какие-либо знаки почтения. Это могло бы повредить его репутации воина и мужа.

Ялла увидела фигуру своего мужа в тени вигвама, и, закончив переговоры с Левою Рукою, направилась легкой походкой к Красному Облаку. При ее приближении индеец молча повернулся, пошел в отведенный ему арапахо вигвам, опустился на груду кож и закурил свою трубку.

Ялла, молча последовавшая за ним, остановилась посреди жилища. Ее стройная и высокая фигура была окутана живописными складками дорогого, расшитого руками индейских мастериц суконного плаща.

Казалось, Красное Облако даже не замечал, что, кроме него, кто-то есть в вигваме: он сосредоточенно курил, наполняя вигвам облаками едкого дыма, и избегал глядеть на молча стоявшую перед ним женщину.

Так прошло несколько минут. По яркому блеску лучезарных глаз героини племени сиу, по ее нахмуренным бровям и сжатым губам, по ее вздымавшейся груди можно было судить, что в душе индейской красавицы бушует гроза. Но она не проявила своих чувств на словах.

Наконец, прилагая все усилия, чтобы сдержать душившую ее злобу, дрожащим от волнения голосом она задала вопрос Красному Облаку:

— Где они?

Красное Облако, сохраняя невозмутимое спокойствие, флегматично пустил новую струю дыма, неторопливо подбросил несколько сучьев в горевший на полу костер, помешал угли и только потом спросил, не глядя на Яллу:

— О ком ты говоришь?

— О детях бледнолицего! — резко ответила женщина. — Ведь я поручила тебе следить за Птицей Ночи и, кроме того, добыть для меня детей Деванделля, для этого ты должен был соединиться с нашим другом Левой Рукой. Где же они, говорю я?

Красное Облако невозмутимо пожал плечами.

Ялла не выдержала и заговорила снова:

— Я знаю, что Птица Ночи попал в руки Деванделля и был по его приказанию расстрелян. Но ты, более хитрый и ловкий, а может быть, просто более удачливый, сумел проскользнуть через ущелье и пересечь прерию...

Красное Облако чуть заметно улыбнулся.

— Как видишь, — сказал он спокойно, — воины племени Воронов иногда могут кое-чему научить воинов твоего племени!

— Но где же дети полковника? — шагнула вперед Ялла, сверкая глазами.

— Моя жена слишком торопится! — флегматично отозвался индеец, снова набивая табаком трубку и раскуривая ее.

— Что хочешь ты этим сказать? — вспылила Ялла.

— Только то, что не всякое предприятие можно осуществить просто и в короткий срок.

— Так, значит, дети моего оскорбителя еще не в наших руках? Они на свободе? — кусая до крови губы, спросила индианка. — Но что в таком случае сделал ты для нашего дела за эти дни? Ты давно покинул наш лагерь!

— Да. Но разве путешествие по прериям — это прогулка среди вигвамов родного поселения? — насмешливо отозвался Красное Облако. — Я все эти дни провел в жестокой борьбе с опасностями, десять раз был на краю гибели, десять раз шел на верную смерть. И только полчаса назад я добрался до становища арапахо. Ведь меня не сопровождала целая армия воинов, которые облегчили бы мне выполнение труднейшей задачи! Я только успел переговорить с вождем арапахо относительно асиенды Деванделля.

— Но что же делал вождь арапахо до этого времени?

— А что же он мог делать? Охотился за бледнолицыми, готовил к походу своих воинов, пополнял свою коллекцию скальпов...

— И только?

— Гм. Я думаю, что прославленные воины сиу сделали не многим больше, чем арапахо!

— Ты ошибаешься! — яростно воскликнула Ялла, глядя в упор на по-прежнему флегматично покуривавшего свою трубку мужа. — Ты ошибаешься! Хочешь иметь доказательства?

— Покажи!

Ялла выставила правую ногу вперед и показала мокасин, украшенный отвратительным трофеем: к коже сапога был прихвачен совсем еще, по-видимому, свежий скальп. Это были серебристые седые, довольно длинные мужские волосы.

— Видишь? — торжествуя спросила ужасная женщина.

— Я не слеп! Скальп белого. Должно быть, почти старика... Что же из этого?

— Эти волосы украшали голову того, кто был моим первым мужем!

— Полковник Девенделль? Ну и что?

Скользнув беглым и равнодушным взглядом по серебристому скальпу, индеец вновь принялся за свою трубку, не обращая внимания на буквально готовую задохнуться от ярости женщину.

— Тебя, значит, все это не интересует? — произнесла она прерывающимся от злости голосом. — Тебе, значит, все равно, жив ли он, мертв ли...

Красное Облако вынул изо рта чубук и стал упорно глядеть на глиняную фляжку, висевшую на одной из жердей вигвама.

— Я хочу пить! — сказал он. — Там, в этой фляжке, должна быть водка! Подай!

— Ты... ты, кажется, отдаешь мне приказание, как простой скво? — дрожа всем телом от ярости, произнесла Ялла.

— Разве ты не моя жена? Или ты забыла, что я твой муж и повелитель?! Долго ли я буду ждать, женщина? Подай мне фляжку!

Его голос все повышался. Он дал волю всей накопившейся в его душе злобе на эту женщину... Его рука сжимала рукоять мексиканского ножа.

Казалось, Ялла, не ожидая удара, ринется на него. Но привычка повиноваться мужу одержала верх. Индейская красавица подошла к стене вигвама, сняла фляжку, наполнила водкой тут же поднятый с пола медный стакан и поднесла его Красному Облаку со словами:

— Мой повелитель может утолить свою жажду!

Индеец взял стакан из дрожащей руки женщины, взглядом показал Ялле на второй стакан и сказал:

— Разрешаю выпить и тебе!

Не отвечая, Ялла отошла в другой угол и опустилась на разостланную на полу шкуру бизона.

Она следила горящими гневом и ненавистью глазами за каждым движением мужа. А тот, делая вид, что не обращает на нее никакого внимания, спокойно поднес к губам стакан и принялся тянуть маленькими глотками жгучую сладковатую жидкость.

СИУ ПРОТИВ ВОРОНА

Выпив полстакана водки, Красное Облако отставил его в сторону, потом не торопясь поправил шкуры, служившие ему ложем, чтобы улечься на этих шкурах для основательного отдыха.

Устроившись, он опять потянулся к стакану.

Ялла по-прежнему молча сидела в углу вигвама, не спуская горящих глаз с лица мужа. С каждым мгновением ее красивое, но суровое лицо, казалось, каменело и принимало все более свирепое выражение.

Тяжелое, напряженное молчание царило в вигваме.Только снаружи доносились звуки: там перекликались индейцы, иногда слышался протяжный, напоминающий стон ночной птицы возглас одного из часовых, ржанье лошадей.

Ялла не выдержала. Она заговорила, снова возвращаясь к старой теме:

— Итак, дети Деванделля еще на свободе?

— Разве я не сказал тебе этого, женщина? Но почему ты не ответила на мой вопрос: жив ли полковник или умер?

— Но ведь ты видел его скальп!

— Хорошо! Но покончила ли ты с ним? Человек, которого скальпировали, может преспокойно выжить, если ему не перережут горло! В племени Воронов и сейчас есть воины, которых скальпировали враги, но забыли прирезать. Они едят и пьют с не меньшим аппетитом, чем ем и пью я, хотя их головы и были лишены скальпа! Правда, им по временам, особенно при перемене погоды, бывает невмоготу от ужасной головной боли...

— Правда, что скальпированные, пережив эту операцию, сходят с ума от постоянно возвращающейся к ним головной боли? Если это так, то он до конца жизни будет подвергаться невыносимым мучениям!

— Кто это «он»? Полковник? Значит, Деванделль все-таки жив? — встрепенулся индеец. — А я думал, что ты покончила с ним. Я предполагал, что ты вырвала из его груди еще трепещущее, обливающееся кровью сердце... И съела его!

— Убить человека? Это могут и дети! — презрительно улыбнулась Ялла. — Меня не удовлетворила бы такая месть, как смерть врага. Кто умер, тот уже ничего не чувствует. Ни радостей, ни горя, ни боли! Страдать могут только живые, и он будет страдать!

На ее красивом лице появилось выражение такой свирепой радости, что Красное Облако невольно содрогнулся.

— Да, ты ужасная женщина! — пробормотал он.

— Почему для других я воин, а для тебя я только женщина? — страстным голосом отозвалась красавица.

Красное Облако не ответил.

Помолчав немного, он спросил жену:

— Итак, ты схватила Девенделля там, в ущелье гор Ларами? Это было нетрудно: твоя дочь почти смертельно ранила полковника, он не мог защищаться... Но где труп Птицы Ночи?

— Я сама сняла труп моего сына со скалы, у которой его расстреляли бледнолицые! Но ведь я только женщина, которую можно заставлять подавать мужу водку... Похоронив моего сына, я повела моих воинов на отряд полковника Девенделля, и мы смели их, как ветер с гор сметает опавшие мертвые листья! Но я только женщина, слуга, рабыня своего мужа...

— Да, вы победили отряд растерявшихся солдат, которыми никто не руководил! Великий подвиг! И сколько твоих воинов осталось там, в этом ущелье, где ты совершила столько геройских подвигов?

— Я считала только скальпы бледнолицых! — гордо ответила Ялла.

— Почему же?

— Потому что, если и были убитые с нашей стороны, никто не обесчестил скальпированием их трупов!

— Так, но ты пощадила только полковника Девенделля?

— Разумеется! Остальных мы прирезали.

Индеец снова наполнил свой стакан водкой и на этот раз опорожнил его единым духом. Ядовитая жидкость огнем разлилась по его жилам, принеся с собой какой-то туман, заволакивавший сознание индейца.

Помолчав немного, он сказал странно зазвучавшим голосом:

— Итак, с Девенделлем, с одним из твоих мужей, дело покончено. А когда же ты думаешь приняться за добывание моего скальпа, женщина? У меня, как видишь, гораздо более длинные и красивые волосы, чем у этого бледнолицего! Мой скальп был бы отличным украшением для твоих мокасин.

Ялла пожала плечами и опустила взор, избегая насмешливого и свирепого взгляда мужа. Теперь и она почувствовала неутолимую жажду и, взяв стакан, наполнила его водкой и принялась пить ее маленькими глотками.

— Здесь холодно! — промолвила она. — Хотя и горит костер, я зябну.

— Ты отпустила на свободу скальпированного тобой Девенделля? — задал вопрос индеец, окутываясь целыми тучами табачного дыма.

— Я не сошла еще с ума! Он находится в моих руках под охраной целого отряда преданных мне воинов сиу.

Внезапно индеец засмеялся злым смехом:

— Ха-ха-ха! Воображаю, как он красив теперь, этот твой первый муж с окровавленным черепом!

— Не знаю! — отрывисто ответила Ялла.

— А долго ли ты думаешь держать этого американского коршуна в клетке?

— Разве у меня нет томагавка, чтобы прикончить его, когда я утолю жажду мести?

— Мне невыносима мысль, что у меня могут быть соперники, оспаривающие у меня, твоего мужа, право на твою любовь!

Странная улыбка исказила черты лица индианки.

— Неужели ты опасаешься соперничества со стороны человека, потерявшего свой скальп? — промолвила она вызывающе. — Я ненавижу и презираю бледнолицых. И разве между Девенделлем и мной нет крови расстрелянного им сына?

— Кто знает сердце женщины? — улыбнулся саркастически Ворон. — Ведь сердце женщины — сердце змеи. Может быть, змея вопьется зубами в ласкающую ее руку, может быть, зашипит и уползет в расщелину между камнями... И потом, я слышал так: женщины племени сиу почему-то всегда предпочитают бледнолицых воинов краснокожим! Я буду спокоен, когда ты прикажешь прикончить Девенделля.

— Ты не умеешь мстить своим врагам! Ты не знаешь, какое наслаждение иметь врага в своих руках, и тешиться его муками, и смеяться, когда он молит о конце мучений, зовет к себе смерть-избавительницу! Я еще не утолила вполне свою ненависть к Девенделлю. Еще его дети не в моих руках. Подожди, пока они не попадут к нам в руки!

— И ты снимешь с их голов их прекрасные волосы и украсишь ими свои мокасины? Это будет, так сказать, семейная коллекция: на одном сапоге волосы отца, на другом — волосы детей... Ха-ха-ха! Твой ум изворотлив, Ялла, когда дело идет о мести. А знаешь, даже самка ягуара кротка и незлобива по сравнению с тобой!

— Я сиу! — однозначно ответила женщина.

— Да, ты истинная дочь этого славного племени! Я много слышал об индианках сиу. Например, люди говорят: скво племени сиу гораздо меньше думает о своих собственных детях, чем волчица...

— Что ты этим хочешь сказать? — вздрогнула Ялла.

— Только одно: мы тут с тобою толкуем битый час, но и до сих пор ты не поинтересовалась, жива ли твоя дочь Миннегага, что с нею сталось... Как будто Миннегага не рождена тобою! Как будто ты забыла, что ты мать!

Ялла поднялась со словами:

Я искала Миннегагу в ущелье Смерти, но ее трупа там не было!

— Да и не могло быть. Она попала в руки бледнолицых. И она погибла бы, если бы я не пришел ей на помощь!

— Ты?

— Да, я! Если бы я был не из племени Воронов, а из племени сиу, я, может быть, забыл бы голос крови, как забывают матери сиу... Но я Ворон, и я оберегал Миннегагу.

— Но где же она?

— В безопасности. И там, где она может оказать услугу тебе же. Она находится в качестве заложницы у трех бледнолицых, которых полковник Деванделль послал сюда, в свою асиенду, чтобы предупредить детей о грозящей им опасности. Я мог, конечно, убить этих бледнолицых и их скальпами украсить свои мокасины, как сделала это ты со скальпом одного из твоих мужей, но предпочел поступить иначе. Ты, впрочем, можешь не беспокоиться за судьбу Миннегаги. Белые глупы. Они все еще считают твою дочь ребенком. А Миннегага достойная тебя дочь. По смелости, изворотливости, по кровожадности и мстительности она превзойдет со временем даже тебя, первую женщину, которая удостоилась чести стать сахэмом непобедимых сиу!

— А если бледнолицые убьют ее?

— Они не бандиты. Постыдятся расправиться так с существом, кажущимся им безвредным! Они ведь и не подозревают, что это она подготовила твою победу...

— Ударив ножом в спину Деванделля?

— Да.Кстати, откуда это, собственно, известно тебе?

— Он сам сказал мне это. У Миннегаги сильная и верная рука, у нее душа смелого воина!

Помолчав немного, Ялла заговорила снова:

— Конечно, я возьму асиенду Деванделля, и очень скоро. Но раньше надо покончить с теми бледнолицыми, которых ты побоялся убить, и вырвать из их рук мою дочь.

— Я? Побоялся убить? Ха-ха-ха! — презрительно рассмеялся Красное Облако. — Ах, да! Ведь я все время забываю, что ты считаешь воинов моего племени недостойными держать стремя у женщин твоего! Делай, впрочем, как знаешь! Я мог без труда привести сюда Миннегагу, убив трапперов, но я подумал: не страшно, если в асиенде окажется тремя людьми больше. А в то же время, раз Миннегага, попав в асиенду и притворяясь беспомощным ребенком, заберется в самое сердце вражеского укрепления, нам будет гораздо легче взять асиенду!

— Ну, какую же, в самом деле, серьезную помощь может оказать девочка? — почти пренебрежительно отозвалась Ялла.

— Как знаешь. Дело твое. Хочешь знать, где я оставил бледнолицых? На берегу Великого Соленого озера. Это всего четыре или пять миль отсюда.

— Ну, так мы нападем на них раньше, чем они опомнятся. Пойди, найди вождя сиу Черного Котла, потом переговори с Левой Рукой. Пусть тебе дадут полтораста или двести лучших воинов. Думаю, ведь этого будет вполне достаточно, чтобы взять асиенду?

— Значит, ты посылаешь меня хлопотать? А сама что будешь делать тут? — подозрительно спросил, приподнимаясь, индеец.

— Я почти сутки не сходила с коня. Мне необходимо отдохнуть хоть несколько часов. Ты же уже имел время отдохнуть!

— Моя жена отдает мне приказания, как настоящий сахэм племени! — с глубоким неудовольствием ответил Красное Облако.

— Да, как сахэм! — твердо возразила Ялла. — Мы в походе. Ты воин. Все воины сиу обязаны повиноваться мне беспрекословно.

— Но я твой муж. Ты моя жена, ты моя вещь. Я твой хозяин!

— Не во время похода! — сказала пренебрежительно Ялла.

Затем она встала со своего ложа и накинула на плечи свой плащ.

— Нет, всегда! И дома, и в поле, и в лагере муж остается мужем, владыкой, жена — его собственностью, его вещью!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что я тоже сахэм! Настоящий сахэм! Слышишь ли ты, женщина?

Ялла круто обернулась к мужу и, сверкая глазами, произнесла:

— Так послушай же и ты, мой муж, мой повелитель, мой... хозяин. И... и великий сахэм! Понимаешь ли ты, что ты мне начинаешь надоедать и заставляешь терять даром слишком много времени? Ступай, я приказываю это тебе. Отыщи Черного Котла и сделай все, что тебе сказано!

Красное Облако как будто растерялся от этого неожиданного отпора. Но минуту спустя он опять заговорил вызывающе:

— Знаменитая, непобедимая Ялла утомилась! Великий сахэм сиу выбился из сил, потому что проскакал несколько миль на лошади верхом... Великий воин сиу, самый величайший воин всего племени, желает не драться с врагами, а улечься в вигвам, на мягких шкурах... Ха-ха-ха! Вот если бы об этом узнали настоящие воины?!

Ялла не отвечала. Она закуталась старательно в свой плащ, присела к очагу и стала греть у огня руки.

Когда истощивший запас насмешек индеец замолчал, Ялла презрительно ответила:

— Мой муж, повелитель, хозяин, великий воин Воронов, конечно, прав во всем, что он говорит о своей «вещи»... Но...

— Ну? Доканчивай!

— Но только он сегодня накурился до того, что его мозги уподобились мозгам барана. И к тому же выхлебал всю водку арапахо, а потому его язык болтает разные глупости.

Удар попал в цель: Красное Облако, который не мог не сознавать, что он находился под влиянием хмеля, опомнился.

С проклятием он швырнул на пол и растоптал каблуком тяжелого сапога глиняную трубку, потом поднялся и, свирепо ругаясь, вышел из вигвама.

А Ялла сидела у костра, вытянув над огнем свои сильные и вместе с тем красивые смуглые руки. И лицо ее казалось каменным, но в глазах горел зловещий огонь, а красивые брови были нахмурены.

В ПОГОНЮ ЗА ТРАППЕРАМИ

Тих, спокоен и глубок был сон троих трапперов, расположившихся на ночлег на берегах Великого Соленого озера.

Мягка, как пух, была душистая трава, служившая им постелью. Кругом царила почти полная тишина. Плащи, которыми укутались странники, согревали их тела, а тяжелая усталость, вызванная переживаниями последних страшно тревожных и полных лишений дней, сковывала члены истомою. К тому же и во сне сознание не подавало сигналов тревоги: трапперы сознавали, что они находятся в сравнительно безопасном месте, что индейцы далеко. К тому же разве гамбусино, так вовремя разбудивший товарищей там, в полуразвалившемся здании над входом в шахту, не взялся сторожить покой лагеря? И разве он не выказал себя за это время верным товарищем, бдительным часовым? Разве на него нельзя было положиться?

И трапперы спали безмятежным сном.

Гарри и Джордж и во сне грезили об угощении, которое они получат в асиенде, о вкусных блюдах и напитках. Джон Мэксим видел во сне хорошо знакомые ему места, детей полковника Девиделля, его усадьбу...

Ни одному из спящих грезы сна не навевали и тени тревоги, подозрения против мнимого гамбусино.

Так пролетал час за часом. Близился, должно быть, рассвет, когда вдруг чей-то крик, резко прозвучавший в абсолютной тишине, разбудил Джона Мэксима.

Крик повторился. Чуткое ухо степного бродяги сразу распознало звуки знакомого голоса: это не был крик какой-нибудь птицы, зверя, индейца, просто взрослого человека. Так кричат только дети.

— Миннегага! — воскликнул агент, вскакивая на ноги и моментально вспоминая все пережитое за эти дни.

Что случилось с девчонкой? Ведь она с гамбусино, что старательно оберегает ее, словно своего собственного ребенка! Что же может угрожать девочке? И где же гамбусино? Или он спит? Но не может же он спать настолько крепко, чтобы не слышать крика индианки?

Янки схватил свой верный карабин и внимательно огляделся вокруг. Воздух был насыщен поднимавшимся с озера густым туманом, но все же сквозь его плотную пелену Джон различал кое-что, по крайней мере, в непосредственной близости.

Опять резко вскрикнула где-то во мгле Миннегага.

— Да что за чертовщина творится с девчонкой? — пробормотал Джон Мэксим, делая шаг-другой вперед на крик, потом не выдержал и попросту побежал, держа ружье наготове.

По дороге он громко закричал:

— Вставайте, Гарри, Джордж! За оружие! Миннегага! Что с тобою?

На его крик из густой травы выскочила, словно резиновый мячик, девчонка и бросилась к нему.

— Прячься за меня. Что случилось? Кто тебя испугал? — говорил невольно ласковым голосом траппер, вглядываясь во мглу.

Но не успела Миннегага ответить на эти вопросы, как и лошадей охватила тревога: они почти разом с храпом вскочили на ноги, заржали, потом шарахнулись в сторону и исчезли в густой траве.

— Гарри! Джордж! Да вставайте же! — крикнул чуть не с отчаянием Мэксим.

Этот крик был способен разбудить мертвеца. По крайней мере трапперы наконец вскочили и схватились за оружие.

— Что такое? Что случилось, Джон? — спрашивали они растерянно янки.

— Идите скорее сюда! Да идите же! — отвечал им агент, который держал за руку дрожавшую всем телом девочку и тщетно оглядывался кругом, ища причину всего переполоха.

— Индейцы? — вскрикнул испуганно Гарри, который первым подбежал к товарищу и остановился около него, прикрывая индианку с другого бока.

— Нет, едва ли... Наши лошади не переполошились бы так и, во всяком случае, не сорвались бы с привязей! Что-нибудь другое! Но.. Но где же, черт возьми, гамбусино? Убили его, что ли?

— В самом деле? — испуганно оглянулись трапперы. — Куда он девался?

— Может быть, его уже оскальпировала какая-нибудь красная собака?

— Да нет же! — с досадой отозвался агент. — Об индейцах покуда и речи быть не может.

Затем он обратился к девочке уже сердито:

— Ну, скажешь ли ты, почему ты подняла весь этот переполох? Ты завизжала, как поросенок. Что случилось? Какая муха тебя укусила?

— Мне... мне показалось, что вокруг нас бродят какие-то звери! — ответила неуверенным голосом девочка.

— А людей ты не видела?

— Нет, это были не люди! — стояла на своем Миннегага.

— Да, но это ничего не говорит! Мало ли зверья в прериях?

— Может быть, это медведи? — допытывался Гарри, кладя на плечо индианки руку.

— Нет, они показались мне похожими на свиней!

— Пекари![21] — воскликнул испуганно агент.

В это время послышался треск сучьев, топот чьих-то ног, потом звуки сердитого хрюканья.

— Спасайтесь, приятели! — скомандовал Джон Мэксим, пускаясь в бегство и таща за собою индианку. — Пекари страшнее ягуара, когда их много.

Трапперы, уже знакомые с опасностью для человека встречи со стадом пекари, бросились следом за ним. Все они бежали сломя голову по направлению к ближайшему леску.

По-видимому, произведенный людьми шум привлек внимание пекари, диких кабанов прерии, странствующих по необозримому простору степей большими стадами. По крайней мере, хрюканье их стало еще громче и свирепее, треск затаптываемых кустарников сильнее и отчетливее: пекари гнались за трапперами по пятам.

Джон первым добежал до небольшой группы деревьев, на ветвях которых можно было найти спасение от свирепых пекари. Он подхватил Миннегагу, словно перышко, и подсадил ее к первой ветви ближайшего дерева со словами:

— Ну, цепляйся за ветку, обезьяна! А то пропадешь! Не жалуйся на белых. Как видишь, я сумею позаботиться о тебе не хуже, чем этот загадочно исчезнувший гамбусино!

Пока Джон Мэксим помогал индианке влезть на дерево, Гарри и Джордж, в свою очередь, словно белки, вскарабкались по свесившимся лианам на ветви огромного кедра, представлявшего собой надежное убежище от кабанов. За ними полез и сам агент, но на беду он, зацепившись за какой-то сучок, чуть не уронил свой карабин. Ружье ударилось о корень дерева прикладом и выстрелило. Должно быть, пуля пролетела низко над землею, и случаю было угодно, чтобы она попала в одно из преследовавших бедняг животное. Вслед за выстрелом пекари отозвались таким неистовым хрюканьем, что их голоса могли быть слышны по всей округе.

— Проклятье! — выругался агент.

Почти в то же мгновенье первые кабаны примчались к подножию кедра, и Джон едва успел уйти от их острых клыков, ухватившись за лиану и вскарабкавшись по ней вслед за товарищами. Миннегага не было видно: испугавшаяся девочка успела проскользнуть с невероятной ловкостью чуть ли не на самую верхушку гигантского дерева и притаилась там среди ветвей.

— Вот так история! — услышал, усевшись на ветви, Джон Мэксим.

— Это ты, Гарри? — отозвался он.

— А кто же еще? Конечно, я! Говорю, опять мы влипли! Знаю я, что такое пекари! Проклятое животное может продержать

нас в осаде добрых тридцать-сорок часов. Этого еще недоставало! Я полагался на твое обещание, Джон, что завтра, то есть, пожалуй, сегодня, мы уже будем в асиенде и мне удастся хоть немного подкормиться и отоспаться, а тут на поди! Сиди на дереве и пой петухом или кукушкой, как тебе заблагорассудится. А проклятые свиньи шныряют вокруг дерева, хрюкают, как полоумные, и ждут, не свалится ли кто-нибудь из нас, чтобы разорвать на клочки! И какого черта им надо? Если бы они хоть ели мясо! А то ведь на самом деле они питаются всякой зеленью, желудями...

— Ну, если на змею или ящерицу попадут, то тоже слопают! — откликнулся со своей ветки Джордж.

— Нет, вы подумайте, друзья, что сталось с нашим спутником, с гамбусино! — прервал их болтовню Мэксим. — Куда он исчез, ума не приложу. Ведь мы подняли такой гвалт, что и мертвый бы проснулся.

— Ну, так он удрал раньше на своей лошади! Стойте! Кто в самом деле видел лошадь гамбусино?!

— Я не видел! — отозвался Джордж.

— Я тоже! — присоединился к нему Гарри.

— И я видел только трех лошадей, и это были именно наши. Я руку на отсечение даю, что, когда мы проснулись, лошади гамбусино около наших лошадей уже не было.

— Подумай, что ты говоришь, Джон! Ведь если это так, то дело весьма серьезно! — сказал Джордж. — Похоже, что гамбусино вместо того, чтобы сторожить наш сон, забрал своего коня и куда-то ускакал.

— Может быть, он заметил приближение пекари и ускакал? — высказал предположение Гарри.

— Так почему же он не предупредил нас хотя бы выстрелом из ружья? Наконец, девочка осталась тут. Он так заботился о ней, что мне кажется положительно непонятным, друзья, как он мог оставить ее и удариться в бегство. Ведь в храбрости у него недостатка нет. Не нравится мне этот человек, я это откровенно говорю, но правда остается правдою: он не трус! И он умеет драться! Вспомните, как он загородил дорогу серому медведю, когда Старый Эфраим пытался растерзать индианку. Нет, тут какая-то загадка! И надо бы ее разгадать. Дело весьма серьезно! — задумчиво проговорил агент, которого исчезновение гамбусино повергло в недоумение.

— К черту гамбусино! — крикнул раздраженно Гарри. — Если его свиньи слопали, значит, они едят себе подобных, и он был не кем иным, как старым и тощим кабаном со сточенными клыками!

— Смотри ты, крикун! — оборвал его Джон Мэксим. — Позаботься о том, чтобы тебе самому не попасть на закуску к пекари. Боюсь, что они в самом деле зададут-таки нам! Стадо огромное. Поди, триста или четыреста голов! С ними никак не справишься!

— Дьявольщина! — пробормотал Гарри обескураженно. — Я думал, что мы их разгоним выстрелами... Но у меня патроны

кончаются. Если и осталось еще что-нибудь, так выстрелов на двадцать, не больше.

— И у меня столько же! — поддакнул Джордж. — Я и то думаю, удастся ли нам добраться до асиенды? А твой карабин, кажется, стал собственностью свиней? Может быть, и у них, как у краснокожих, входит в моду огнестрельное оружие? Может, мы еще увидим, как они начнут упражняться в стрельбе по мишеням?..

— Ну, что за несносный болтун? — с неудовольствием отозвался Мэксим. — Ружье уцелело, но положение наше не из таких, в которым можно было отнестись с легким сердцем. Ведь пекари в самом деле способны осаждать нас, пока мы от голода и жажды не свалимся с дерева. И тогда пиши пропало!

— Вот я сейчас пошлю парочку пуль в этих непрошеных ночных посетителей нашей стоянки. Посмотрим, какой эффект это произведет.

— Стой, Гарри! Не стреляй! — остановил траппера индейский агент. — Во-первых, чем больше будет раненых среди пекари, тем упорнее будет их осада. Во-вторых, в нашем положении вовсе не следует выдавать место, где мы находимся, выстрелами. Кто знает, не шляются ли тут поблизости индейцы? Исчезновение гамбусино не перестает тревожить меня...

— Тоже удовольствие! — заворчал неисправимый Гарри. — Хоть бы фрукты какие-нибудь тут росли, что ли. Я совсем отощал. Скоро с меня штаны свалятся!

Невольно Джон Мэксим рассмеялся.

— Фрукты? На кедре? Довольствуйся тем, что здесь, конечно, без труда отыщутся в изобилии кедровые шишки. Значит, у нас будет орехов сколько угодно. Орехи, право, далеко не плохое лакомство!

— Да я-то не белка! Предпочел бы...

— Знаю, знаю! Жареный горб бизона, олений бок, филе лося, грибы в масле... Может быть, тебе еще бутылочку шампанского? А на десерт черного кофе с ватрушками?

— Что же нам делать, Джон? — с тоской спросил Джордж

— Вооружимся терпением, будем ждать. Это единственное, что нам остается делать, друг! А кстати, где девочка?

— Индианка? Она забралась чуть ли не на самую верхушку!

— Ну, пускай и сидит там. Авось не свалится. Терпеть не могу этого индейского змееныша, но было бы неприятно сознавать, что на твоих глазах свиньи слопали ребенка!

Пока трапперы переговаривались, наступил рассвет.

Мрак с каждой минутой заметно редел; теперь легко было можно разглядеть, по крайней мере, ближайшие окрестности дерева, на котором спаслись беглецы. И им было видно стадо пекари, действительно состоявшее из нескольких сотен животных.

Скоро в просветы стволов деревьев полилось словно расплавленное рдеющее золото: это разгоралась заря.

При утреннем свете можно было хорошо рассмотреть врагов: пекари несомненный родственник дикого кабана, некогда в изобилии водившегося в лесах средней Европы животного, охота на которого в свое время считалась чрезвычайно опасной. Почти все пекари, перебегавшие с места на место у подножия кедра, отличались большими размерами. Их, по-видимому, привела в исступление смерть одного из членов их почтеннейшей компании. Они оглашали воздух свирепым хрюканьем. Не довольствуясь этим проявлением своего гнева и жажды мести, пекари буквально уничтожили в самый короткий срок все ближайшие молодые деревья, вырыв их острыми клыками из земли с корнями или перегрызая тонкие стволы.

Время от времени какая-нибудь группа пекари, словно сговорившись выразительным хрюканьем, яростно бросалась к подножию кедра, и их клыки впивались в кору дерева, отрывая огромные куски и дробя саму древесину.

Разумеется, это было довольно бесцельным занятием, так как ствол кедра был колоссальных размеров и мог выдержать натиск целого стада слонов.

Несколько успокоились пекари только тогда, когда вся кора с дерева на высоте, по крайней мере, одного метра от земли была словно срезана ножом. Потом пекари, не уходя на значительное расстояние от дерева, разбились на группы, которые усердно занялись серьезным делом разыскивания провизии для завтрака. В подходящем корме недостатка, естественно, не было. Разрывая копытами и клыками землю, дикие свиньи в изобилии отыскивали сочные корни и пожирали их с аппетитным чавканьем. Проголодавшийся Гарри с большим интересом наблюдал за манипуляциями пекари и наконец, громко вздохнув, высказался:

— Эх, жизнь ты моя окаянная! Ей-богу, поневоле даже свиньям позавидуешь! Ишь, уплетают себе какую-то жратву! А мы сидим дроздами на дереве и о том, чтобы перекусить как следует, и думать не смеем! Право! Я даже начинаю забывать, когда это я ел как люди?

— Никогда! — отозвался Джордж. — Ты всегда ел как форменная чушка и чавкал не хуже этих пекари!

— Да я не о том...

Прошло еще некоторое время. Насытившиеся пекари располагались опять-таки группами вблизи от кедра и предавались отдыху, но немало животных, исполнявших по всем признакам роль бдительных часовых, по-прежнему бродило около корней кедра, словно в предостережение людям.

В это время с вершины дерева донесся полузаглушенный крик Миннегаги, но в звуках ее голоса было слышно скорее удивление, чем испуг...

— Индианка опять стрекочет? — удивился Джон. — Что это она словно взялась серьезно за роль вестника грядущих бед? Какое животное могло напасть на нее там, на вершине кедра?

— А что удивительного? Разве не мог притаиться в ветвях какой-нибудь кугуар[22]? Хотите, я произведу разведку?

И с этими словами Джордж с поразительной ловкостью принялся карабкаться на верхушку дерева. Через несколько минут он добрался до последних ветвей кедра и увидел индианку. Миннегага сидела верхом на ветке на головокружительной высоте, словно на полу собственного вигвама, и казалась целиком погруженной в созерцание ясно видимых вод Соленого озера.

— Ну ты, индейская ящерица! — обратился к ней траппер. — Что ты тут увидела, чего завизжала?

Миннегага ответила ему полным дерзкой насмешки и вместе злобы взглядом. Потом она махнула небрежно рукой.

— Я видела... одного ворона. Сильного, крепкого, могучего ворона! — сказала она.

— И поэтому закричала? Разве ты боишься птиц? — удивился простодушный траппер, не понявший двойственного смысла слов девочки, которая могла подразумевать под словом «ворон» как птицу, так и какого-нибудь индейца племени, из которого происходил ее собственный отец Красное Облако.

— Не думал я, что ты такая трусиха! — продолжал болтать беззаботно траппер. — А ведь у тебя крепкие кости, и любой ворон призадумается, прежде чем рискнуть попробовать твое мясо!

Миннегага беззаботно и звонко рассмеялась, но в звуках ее смеха сквозило какое-то злорадство.

Потом, делая вид, что не обращает внимания на траппера, она что-то напевая, принялась смотреть опять на гладь озерных вод.

Однако что-то уже возбудило подозрение охотника, и Джордж сообразил, что девочка явно обманывает его. Если она вскрикнула, то этому должна быть серьезная причина. Значит, она увидела что-то такое, что поразило ее. Но не испугало. Вон она словно потешается, злорадствует... На ветвях дерева нет ничего. Внизу, под самым деревом, то же самое. На озере? Но что же могла она увидеть там? На озере ведь еще никогда не появлялись пироги. Окрестности слишком безлюдны. Нет, если Миннегага и видела что-нибудь, то только на горизонте, на земле. Но что именно?

Траппер стал пристально всматриваться в туманную даль.

Миг, и с его уст сорвался легкий крик.

— Ага! Вот каких «воронов» увидела ты, подколодная змея! — пробормотал он.

Зоркий глаз его ясно различил вдали целый отряд индейских всадников, состоявший по меньшей мере из полутораста или двухсот человек. Отряд этот точно шел по направлению к тому месту, где спрятались беглецы.

Присмотревшись, Джордж мог бы удовлетворить свое любопытство. Но на таком огромном расстоянии пасовало даже его превосходное зрение. Если бы не это, в одном из вождей он узнал бы исчезнувшего столь загадочно для своих спутников гамбусино. А в

другом, именно ехавшем на белом коне, походившем на Рэда, он, может быть, признал бы знаменитую Яллу, первую женщину-сахэма воинственного племени сиу.

В самом деле, отряд, при виде которого с уст Джорджа сорвалось восклицание, был отборным отрядом из двухсот лучших воинов сиу и арапахо. И вели его Ялла и лжегамбусино, то есть Красное Облако.

Трудно представить себе, какое впечатление произвело на траппера неожиданное открытие новой, грозившей его товарищам и, конечно, ему самому опасности. К этому присоединился гнев на девчонку, явно издевавшуюся над своими спутниками.

Взбешенный траппер поднес свой кулак к физиономии Миннегаги и проскрежетал:

— Ага, вот как? Ну, ты поторопилась радоваться, змея! Спускайся, иначе я тебя швырну отсюда прямо вниз, и пусть дикие свиньи пожрут тебя, дьяволенок!

— Почему? — притворилась удивленной индианка. — Позволь мне, о бледнолицый, посидеть тут еще. Вон едут такие красивые всадники на хороших лошадках... Должно быть, это индейцы... Может быть, это воины моего пле...

Миннегага поняла, что проговорилась, и оборвала фразу на полуслове.

— Значит, это сиу? — нахмурился траппер.

— Почем мне знать? Я маленькая девочка. Но мне нравится смотреть, как гарцуют кони...

— Ладно! Не заговаривай мне зубы! Покуда все целы! Слезай, ящерица! Раз это сиу, тем более оснований, чтобы ты не попалась им на глаза раньше времени! Знаю я тебя как облупленную! Поворачивайся! Живее!

Но Миннегага, словно белка, моментально перемахнула на самую верхнюю тонкую ветку, согнувшуюся под ее тяжестью. Тут траппер не мог достать ее руками, потому что ветка обломилась бы, едва бы он ступил на нее.

— Ах так, ты вот как? — взбеленился Джордж, понявший, что индианка одурачила его. — Ну, погоди же ты, индейское отродье! Я проучу тебя!

И он принялся трясти изо всех сил ветку, на которой держалась Миннегага.

— Иди сейчас сюда, или я обломаю ветку, и ты полетишь под копыта пекари! И тогда тебя не спасет сам ваш Маниту!

Ветка трещала так подозрительно, а глаза Джорджа сверкали так гневно, что индианка решила изменить свою тактику. Тем более она видела, что еще два или три толчка, и ей, пожалуй, не удержаться на ветке.

— Перестань трясти ветку! — отозвалась она. — Я согласна спуститься!

— Ага! Теперь ты уже согласна? Раздумала сигнализировать твоим милым соплеменникам?

— Вот еще! — фыркнула девочка. — Очень мне нужно кому-то сигнализировать! Просто мне хотелось посмотреть, как будут ехать воины на конях. .

Перепрыгивая с ловкостью обезьяны с ветки на ветку, индианка моментально спустилась до ветки, на которой находились Джон Мэксим и Гарри, с нетерпением прислушивавшиеся к шуму, под-нятому на вершине Джорджем. Сам Джордж не замедлил появиться следом.

— Новая беда, парни! — крикнул спутникам траппер, садясь рядом с ними.

— В чем дело?

— Погоня! Идет целый отряд арапахо и, кажется, сиу.

— Сиу? — встрепенулся Джон Мэксим. — Но если только сиу здесь, то, значит, их привела сюда сама Ялла! Но почему ты знешь, что тут сиу?

— Миннегага проболталась! — ответил Джордж.

— Девчонка? Разве можно полагаться на слова Миннегаги?

Сказав это, явно обеспокоенный Джон схватил за плечо индианку и заглянул ей в глаза. Но он не сумел прочесть в этом лице, в этих глазах ничего. Дочь Яллы умело играла свою роль ничего не понимающего ребенка.

— Говори ты, гусеница! — крикнул Джон Мэксим, сжимая ее плечо. — Там сиу? Там воины твоего племени?

— Ах, да почем я могу знать это?! — беззаботно сказала Миннегага, глядя в упор на Мэксима. — Просто скачут воины. Ну, развеваются над их головами перья. Я вспомнила, что индейцы горных округов тоже украшают свои головы перьями. Больше я ничего не знаю, и мне нет никакого дела до всего этого, потому что я девочка, а не воин!

— А, хоть бы тебя дьявол посадил к себе на рога! — раздраженно выругался агент, выпуская плечо Миннегаги.

Девочка отодвинулась от него и пожала плечами.

Поправив свою растрепавшуюся прическу, она уселась на ветке и принялась болтать ногами, по временам звонко смеясь, как будто ее забавляло, с какой яростью некоторые из диких свиней вырывали корни и подпрыгивали у подножия могучего кедра.

— Ты видел, Джордж, индейцев много? — осведомился агент.

— Кажется, я уже говорил тебе, что не меньше полутораста или даже двухсот человек! — ответил траппер.

— Проклятье! Не будь пекари, может быть, нам еще удалось бы спастись бегством. Ведь индейцы, по твоим словам, еще далеко? Но стоит нам только спуститься, и мы будем изорваны в клочья во мгновение ока! Нет, нам точно жутко не везет последнее время. Сколько опасностей, сколько лишений, трудов, сколько забот, и вот, добравшись почти до цели путешествия, мы теряем все!

Но через минуту лицо агента вдруг прояснило.

— Черт возьми! Не слишком ли я тороплюсь проклинать пекари?

— А что? — осведомился Джордж.

— Да ведь пекари могут совершенно неожиданно оказаться нашими вернейшими союзниками в борьбе против индейцев!

— Что ты говоришь? Каким образом? — встрепенулся Джордж.

— Очень просто! Все равно нам остается до поры до времени быть, понятно, только пассивными зрителями того, что здесь будет разыгрываться. Наша судьба решена... Подождем, пока вблизи не покажутся первые всадники. Или покуда пекари не заслышат топота коней индейцев. Держу пари, дикие свиньи едва ли останутся безразличными, и я не я, если они не ринутся в атаку на индейцев!

— Что ты? На целый отряд в полтораста или двести хорошо вооруженных людей? — усомнился траппер.

— А ты разве не слышал, что бывали случаи, когда пекари атаковали целые караваны? Во всяком случае, я жестоко ошибусь, если дело обойдется без свирепой схватки. Очень может быть, что мустанги при виде пекари разбегутся, словно гонимые бурей!

— А мы? — осведомился Гарри.

— А мы, разумеется, будем дураками, если не воспользуемся удобным случаем и не попытаемся удрать отсюда!

— Но у нас нет наших верных лошадей! Пока мустанги индейцев разбегутся от пекари, наши-то уже проделали это несколько часов назад.

— Ну, знаешь Гарри! Когда речь пойдет о том, чтобы спасти собственную шкуру и скальп, я уверен, ты любому коню дашь сорок очков вперед! — ответил агент.

Озабоченно оглянувшись вокруг, Джон Мэксим пробормотал:

— Важно одно: лишь бы индейцы не заметили нас. Впрочем, ветви кедра достаточно густы, спрятаться есть куда. Только надо забраться повыше, поближе к вершине.

Потом взор его упал на беззаботно болтавшую и посмеивавшуюся Миннегагу.

— Ладно, смейся, змееныш! — проворчал янки, бросая недобрый взгляд на индианку. — Я чуть было не забыл о твоем существовании. Но оставить тебя на свободе, чтобы ты привлекла внимание твоих почтеннейших сородичей, было бы слишком глупо...

— Эй, приятели! Поручаю индианку вам! Заткните ей хорошенько глотку, чтобы она не выдала нас всех. Помните, от этого может зависеть не только наша жизнь, но и жизнь детей нашего командира!

Джордж повелительно прикрикнул на индианку:

— Ползи наверх, гадина! Но не вздумай улизнуть! Я буду держать нож у твоей шеи и, ей-богу, не задумываясь, всажу его в

твое горло, если ты вздумаешь выкинуть какую-нибудь пакость! Попробуй пикнуть, и будешь убита, как ядовитая змея!

Пробравшись на добрых полтора или два десятка метров выше, траппперы приостановились. Тут ветки кедра были особенно густы, среди их зелени легко могло укрыться и большее количество людей.

Джордж и Гарри моментально плотно завязали рот Миннегаге и потом привязали ее к стволу дерева концом лассо так, чтобы девочка не могла даже пошевельнуться. Затем сами они скрылись в зелени и из своего убежища с тревогой наблюдали за приближением отряда индейцев.

Пекари, которых опять привела в неистовство возня людей на ветвях кедра, яростно набрасывались на дерево, оглашая воздух пронзительным хрюканьем.

РЕКА ВЕБЕР

Отряд индейцев под начальством Яллы и Красного Облака шел по побережью Соленого озера широко развернутым фронтом, тщательно обследуя каждую группу кустов и каждый камень, заглядывая в лощины и посылая разведчиков на вершины холмов.

Направлялся отряд именно к тому месту, где Красное Облако вчера ночью предательски покинул своих спутников и Миннегагу.

По расчетам Красного Облака, великолепно ориентировавшегося в этой местности, отряд имел все шансы не только перерезать для траппперов дорогу на асиенду, но, может, и прибыть к месту привала, пока они еще спят.

В самом деле, Красному Облаку удалось без малейших затруднений довести отряд до места, где несколько часов назад траппперы расположились на ночлег, но, разумеется, самих траппперов найти не удалось: они были хорошо скрыты в густой зелени кедра, с высоты которого место привала было отлично видно. Можно представить, какими проклятиями осыпали беглецы своего бывшего спутника, когда в одном из предводителей индейцев они узнали «гамбусино»!

— Предатель! — сказал Джон Мэксим, показывая на лжеголотоискателя товарищам. — Узнаете, парни? Ведь этот человек столько дней делил с нами все опасности, спал под одним кровом, вместе ел и пил, а теперь он приводит сюда кровожадных красножих койотов!

Сказать по совести, всего я мог ожидать от этого гамбусино, но только не этого!

— Может, он перебежал к индейцам, чтобы спасти собственную шкуру ценой выдачи нас краснокожим? — высказал предполож-

ние Джордж, напряженно наблюдавший за каждым движением рассыпавшегося по морскому берегу отряда индейцев.

— Вздор! — отозвался Джон Мэксим. — Разве индейцы, да еще теперь, когда ими объявлена священная война против белых, пощадили бы пленника, принадлежащего к стану врагов? К тому же смотрите: он вооружен и как будто командует индейцами. Значит он свой человек среди них. Положим, его бронзовая кожа и черные глаза и раньше внушали мне некоторое подозрение. Уж больно он смахивал не на мексиканца, а на чистокровного индейца. Но все же... Как он сумел втереться к нам в доверие! Хороший для нас урок! Впредь наука: не относиться так доверчиво к каждому встречному, не позволять себе попадать в силки. Ведь если волк и напялит на себя овечью шкуру, то это еще не значит, что он сам превратился в овцу. Надо, наконец, научиться отличать маску от настоящего лица!

— Значит, ты, Джон, думаешь, гамбусино вовсе не гамбусино, а индеец? — осведомился Гарри.

— Да. Но, к сожалению, я догадался об этом слишком поздно и теперь могу только упрекать самого себя. Где были мои глаза? Разве я ребенок? Разве я в первый раз странствую по прерии? Нет, меня провели как молокососа, как какого-нибудь зеленого переселенца, только что попавшего в прерию из большого города! Например, разве не должно было нам внушить подозрение отношения этого авантюриста к индейской девочке? Разве не могли мы тогда еще понять, что дружба между мексиканцем и индианкою вещь более чем подозрительная? А мы равнодушно смотрели на это и даже радовались, что вмешательство гамбусино избавляет нас от забот и хлопот. Одно остается для меня малопонятно: сколько раз эти шакалы лжегамбусино и девчонка могли сбежать от нас, и не сбежали!

Затем, почему, убегая этой ночью, когда мы спали сном невинности, предатель оставил девочку с нами?

Третье: если он индеец, то ведь поймите, сколько раз представлялись ему удобнейшие случаи снять с нас скальпы? Брр! Мы спали рядом с ядовитой змеей, не подозревая, в какой смертельной опасности находимся.

А в общем, повторяю, это отличный урок для нас всех и особенно для вас. Вы, парни, только начинаете свою карьеру в прерии, учитесь же впоследствии не быть такими ослами, какими оказались...

— Какими оказались мы все трое, включая и тебя, Джон! — довольно бесцеремонно заявил Джордж.

— Разумеется, включая и меня! Я больше всего виноват в этом! — согласился сокрушенно агент, который действительно не хотел простить себе столь грубой ошибки. — Разумеется, если бы я на этот раз не оказался таким же идиотом, как вы оба, я давно при первом удобном случае всадил бы без всяких церемоний свинцовый орех в башку этого субъекта. И теперь от его тела остались бы одни

только обглоданные кости: койоты прерии растащили бы по клочкам и кожу и мясо...

— Джон! А ведь второй вождь индейцев, ей-богу же, баба! — изумленно вскрикнул Гарри.

— Ялла! — ответил, хмурясь, Джон. — Я не видел ее уже несколько лет, но отлично узнаю ее. Только ты напрасно называешь ее «бабою»...

— А кто же она, если не... женщина?

— Тигрица в образе женщины, всмотритесь хорошенько в ее лицо, друзья. И раз навсегда запомните: это самый опасный человек в прериях. Она страшнее многих и многих прославленных воинов индейского племени, потому что в ней со свирепостью и неукротимостью мужчины соединяется дьявольская изворотливость и изобретательность женщины.

— Похоже на то, Джон, — вмешался Джордж, — что чейены, арапахо и сиу объединились и действуют сообща. Во что обратятся теперь прерии? И раньше тут Бог знает что творилось, а теперь...

— Всю прерия в огне! — задумчиво ответил агент. — Разумеется, теперь Вашингтон проснется от спячки. Дядя Сэм довольно-таки неповоротлив, но когда раскачается, его врагам приходится круто. Сюда пришлют регулярные войска...

— Ну, мундирники не очень-то много стоят в партизанской войне! Видел я их в деле! — сказал Джордж.

— На первых порах да. Но они очень быстро ориентируются, и через короткое время из чистюль получаются превосходные бойцы. Кроме регулярных войск, придут, конечно, и ополченцы. Потом очень быстро наберутся волонтеры. А в волонтеры идут соленые молодцы, наша же братия, трапперы, которые знают все уловки и хитрости краснокожих, и притом у них свои кровавые счеты с индейцами. На стороне белых всегда будет превосходство оружия и организации. Кроме того, индейцы едва ли долго уживутся друг с другом в мире. Начнутся распри, столкновения, пойдут ссоры между отдельными вождями за первенство, всплывут призраки племенных раздоров, и кончится все тем, что они перегрызутся и разойдутся, позабыв о «священной войне». А тогда начнется расплата за содеянное. И поверьте, ребята, песня краснокожих уже спета. Сколько миллионов их было, когда наши предки пришли в первый раз сюда, к берегам Америки? Теперь остались только сотни тысяч. Они сами истребляли друг друга, расчищая земли для белого человека.

— Так-то так, белые возьмут верх, да нам-то, трапперам, от этого будет не холодно и не жарко! — задумчиво вымолвил Джордж. — Мы ведь почти те же индейцы! Нам подай простор, степи и леса, оставь волю и не мешай бродить из края в край. А где осели переселенцы, там они сейчас лес сбреют словно бороду, дичь выбьют или разгонят, поля распашут. И трапперу нечего будет делать. Только и останется поступить на какую-нибудь асиенду ковбоем или наняться почтальоном. Да и то скоро проведут желез-

ные дороги, телеграф, люди начнут по прерии ездить не на мустангах, а в таких железных коробках, которые называются вагонами, и забудут, что такое верховая езда...

— Ну, ты слишком торопишься! — отозвался агент. — Положим, население штатов растет быстро. Из Европы ежегодно вливается сюда чуть ли не миллион переселенцев. Но ведь сейчас еще добрых три четверти, если не девять десятых, территории Штатов — пустыня или почти пустыня. Пройдет еще не один и не два десятка лет, пока станет в самом деле тесно. Да и то останутся горы и болота, где найдется что делать нашему брату, бродяге... Во всяком случае, на ваш век хватит, а на мой и подавно, если только вообще мы доживем и нам удастся целыми и невредимыми вывернуться из этого капкана.

— А ты сомневаешься, Джон?

Агент пожал плечами.

— Видишь ли, Гарри, — сказал он, — по совести, наша жизнь сейчас на волоске висит. Стоит какой-нибудь краснокожей гадине обнаружить наше убежище, они возьмут нас голыми руками!

— Ну, не очень-то возьмут! — сердито отозвался траппер. — Покуда у меня есть хоть один заряд, я живым не сдамся. Уложу, по крайней мере, несколько их воинов, а там пусть будет что будет!

— Да ведь ты сам только что твердил, что у нас почти нет зарядов! С тридцатью или сорока зарядами многого не сделаешь! — возразил Мэксим. И помолчав немного, он заговорил снова: — Ялла здесь. Эта кровожадная тигрица слишком торопится. Боюсь, что нам уже не удастся спасти детей нашего несчастного командира. Они погибнут, как погиб от руки этой фурии их отец. Смотрите, ребята: если придется нам схватиться с индейцами, не обращайте внимания на других! Что из того, что удастся отправить на тот свет лишних пять или даже десять заурядных воинов? Вот если бы представилась возможность и подвернулась под выстрел Ялла, помните: она одна стоит целого отряда. Избавить прерию от нее — это было бы настоящим подвигом!

— А может, мы выкрутимся? — вздохнул Гарри. — Не хочется помирать, хоть раз как следует не пообедавши!

Джон Мэксим беззвучно засмеялся, потом серьезно прикрикнул на траппера:

— А ты не очень высовывайся! Чем дольше нас не заметят индейцы, чем меньше будут беспокоиться пекари, тем больше шансов, что мы выберемся и на этот раз, не оставив скальпов в руках краснокожих! Смотрите! Индейцы уже надвигаются сюда. Сейчас, должно быть, решится наша участь. Держитесь же, ребята!

Предупреждение было не лишним: в самом деле, не найдя трапперов на месте ночлега, индейцы рассыпались и шли, приближаясь к группе кедров, развернутым широко строем. При этом они перекликались, оповещая друг друга о ходе поисков, а некоторые воины, в экстазе горяча своих коней, испускали дикие крики, словно

уже бросились в бой с врагами и носились из стороны в сторону. Окрестности оглашались их громкими голосами.

Встревоженные криками пекари мало-помалу покинули свои места и сбились в кучу. Поднялись на ноги даже те, которые валялись под гигантскими соснами. По-видимому, диких кабанов отнюдь не пугало приближение их смертельных врагов людей. Напротив, стадо пекари явно готовилось перейти в наступление.

— Начинается! — прошептал Джон Мэксим, зорко наблюдая за поведением пекари. — Будь я проклят, если кабаны не пойдут сейчас в атаку на краснокожих!

В этот момент к опушке леса, где скрывались беглецы, приблизился передовой эшелон индейцев, состоявший из тридцати или сорока всадников, громко перекликавшихся с остальным отрядом.

Диких кабанов, укрытых от взоров густой травой, краснокожие еще не заметили, а крики и топот копыт мустангов совершенно заглушали грозное хрюканье раздраженных пекари. Таким образом, столкновение казалось неизбежным.

В одно мгновенье все пекари, словно по данному кем-то сигналу, с непостижимою для таких грузных животных подвижностью и удивительной скоростью ринулись прямо на передовых индейцев. Они мчались сплошной массой, тесно держась друг около друга, выставив вперед массивные головы и показывая ужасные клыки. Земля застонала под тяжестью их тел. Воздух наполнился звуками хриплого хрюканья. Едва завидев этих страшных врагов, кони индейцев, отлично знавшие опасность встречи с неукротимыми толстокожими обитателями прерий, замерли на месте, отказываясь повиноваться всадникам, потом в диком беспорядке повернули назад, не обращая внимания на удары, сыпавшиеся градом на их спины, не повинуясь даже хлыстам, раздиравшим бока...

Предостерегающий крик передовых передался к разбредшимся по опушке леса индейцам, и лес огласился испуганным криком:

— Пекари! Пекари!

В смятении и панике индейцы авангарда дали несколько выстрелов по диким кабанам, но выстрелы, вместо того чтобы испугать животных, только усилили их ярость и ускорили столкновение: пекари, словно обезумев, набросились на всадников, распарывая лошадям животы и буквально разрывая на клочки упавших на землю всадников.

— Ребята! — сказал Джон. — Самый подходящий момент, чтобы уносить ноги! Дорога к асиенде, надо полагать, свободна, индейцы заняты другим делом, и мы можем удрать, пользуясь случаем. Спускайтесь!

— А индианка? — спросил Джордж. — Бросим ее здесь? И как? Если мы ее развяжем, не повредит ли это нам? А если оставить ее привязанной, да еще с завязанным ртом, ведь она пропадет. Как-то неловко. Мы христиане...

— Разумеется! — ответил Джон Мэксим. — Отпустить ее сейчас на свободу никак нельзя. Она, пожалуй, доберется до индейцев и натравит их на нас, а оставлять ее на дереве было бы бесчеловечно. Бери ее, Джордж, да припугни как следует, и смотри, чтобы она не удрала. Довольно болтать, спускайтесь!

Индейцы уже скрылись из виду за покрывавшими берега озера деревьями, и теперь издали только слышались их яростные крики и трескотня их винтовок. Поэтому опасаться их возвращения, по крайней мере в данный момент, не было никаких оснований.

Три траппера, убедившись в этом и поспешно развязав Миннегагу, спустились с гостеприимно укрывавшего их от опасности кедра и стали собираться в дальнейший путь.

— Эх, если бы были наши лошади! — вздохнул Гарри.

— Ну, на это надеяться нельзя! — ответил Джон Мэксим. — Если бы они и держались поблизости, то при этом гвалте должны были удариться в бегство, боясь пекари больше, чем волков. Но надеюсь, вы не переломали себе костей, сидя на ветвях кедра. А покуда у человека есть ноги, он может, в крайнем случае, обойтись и без лошади.

Затем, обращаясь к Миннегаге, Джон Мэксим сказал ей угрожающим тоном:

— Ну ты, койот! Беги вперед, не оглядываясь и не сворачивая в сторону. Помни: мы будем идти по пятам, а ружья у нас заряжены. И, хотя ты вечно пищишь «я только маленькая девочка», но знаешь отлично, что пули летят быстрее, чем бегают «маленькие девочки».

Не отвечая ни слова, индианка подобрала свой плащ и бросилась бежать в указанном направлении, ясно показывая, что не испытывает ни малейшего желания получить пулю в затылок.

Лес был всего в нескольких десятках метров. Это был могучий сосновый лес, деревья которого по своей величине могли выдержать сравнение с любым лесом Сьерра-Невады и Калифорнии.

Добежав до леса и скрывшись среди гигантских стволов, беглецы пошли наперерез, заботясь лишь о том, как бы уйти подальше от того места, где еще раздавались выстрелы индейцев. По-видимому, краснокожие после первой минуты паники от встречи с пекари опомнились, собрались и решили истребить диких кабанов, а затем возобновить свои поиски.

Через некоторое время беглецы, проделавшие уже порядочный путь, стали заметно выбиваться из сил. Одна Миннегага по-прежнему мчалась стрелой, словно перепархивая от одного ствола к другому.

— Стоп! — скомандовал Джон Мэксим, приостанавливаясь и переводя дыхание. — Вы ничего не слышите, ребята?

— Как будто вблизи вода шумит! — отозвался Джордж, отирая крупные капли пота со лба.

— И мне так кажется! — подтвердил Джон Мэксим. — Если только я не ошибаюсь, то мы почти добрались до реки. А это не

может быть ни чем иным, как рекой Вебер. Значит, до асиенды рукою подать. Авось поспеем вовремя!.. Ну, в путь, ребята! Нельзя терять ни минуты. Доберемся до реки, а там видно будет!

И они заторопились.

Скоро на пути встретилась густая поросль, но трапперов не могли остановить кустарники: они вооружились ножами и проложили себе дорогу в зарослях; и когда кустарник кончился, усталые, измученные люди очутились на берегу полноводного потока.

Действительно, это была река Вебер, знаменитая в истории освоения окрестностей Великого Соленого озера.

В том месте, где находились трапперы и индианка, река катила свои бурные и говорливые воды среди красивых и крутых берегов.

Сориентировавшись, трапперы пришли к убеждению, что, по крайней мере, в данный момент они находились в полной безопасности: правда, к берегам реки и ручьев, особенно к таким местам, куда животные сходятся на водопой, частенько собираются и хищники, находящие здесь обильную добычу. Но ягуары и кугуары, с которыми, понятно, довольно легко встретиться здесь, не могли испугать трех хорошо вооруженных и решительных людей. Индейцев же, по всем признакам, здесь не было, и трудно было предположить, чтобы отряд Яллы, если бы даже его разведчики и открыли следы беглецов, мог так скоро возобновить преследование: у индейцев было достаточно забот из-за неожиданного сражения с разъяренными пекари, невольными союзниками трапперов, своим вмешательством избавившими их от гибели...

Немного отдохнув, Джон Мэксим снова поднялся.

— Ну, ребята, ноги в руки! Все-таки, пока мы не доберемся до асиенды, у меня душа будет не на месте из-за того, что краснокожие опять погонятся и настигнут нас! Ведь проклятый гамбусино, с которым мы были откровенны как с порядочным человеком, отлично знает, куда мы направляемся, и он не преминет повести индейцев по этому пути, как только они справятся с пекари. Эх, было бы отлично, если бы пекари распороли грудь Ялле! Самая подходящая казнь для этого демона в образе женщины! Бойтесь баб, ребята! Страшнее ягуара и кугуара иная женщина, которая на вид кажется такой слабенькою, что ее пальцами переломишь. Полковник испытал на себе, что значит женская злоба и женская мстительность!

На этот раз янки избрал особый путь, чтобы приблизиться к недалекой уже асиенде: он повел своих спутников по берегу, держась под скалами и обрывами.

Около полудня усталость заставила странников снова устроить привал. Всем страшно хотелось есть, но они не решались стрелять или разводить костер, и пришлось довольствоваться несколькими пригоршнями разысканных ягод и орехов да вырытыми из земли корнями.

Поглощая эту немудреную снедь, Джон Мэксим, смеясь, сказал Гарри:

— Ну, дружище! Теперь тебе нечего завидовать пекари! У тебя имеется точь-в-точь та же пища, которой наслаждались свиньи, когда мы сидели на кедре...

— Ох, не напоминай мне, Джон, об этом! — сердито отозвался Гарри. — Ей-богу, попади я на какого-нибудь бизона, я, кажется, стал бы попросту грызть его горб, до того я изголодался!

Наскоро насытившись или только обманув голод, терзавший их внутренности, беглецы снова пустились в путь вдоль реки. С каждою сотнею метров характер реки заметно изменялся: берега делались более пологими, покрывавший их лес редел, река расширялась. Самые воды потока и те, казалось, тут были иными: они еле-еле струились, словно утомившись предшествующими странствиями, наговорившись вдоволь и теперь думая лишь об отдыхе и ленивом покое.

По временам из-под воды выглядывали песчаные отмели. Там, среди речных растений, иногда скрываясь в тростниках, лежали огромные кайманы, около которых безбоязненно суетились болотные птицы, даже забираясь иногда на спину покрытых чешуйчатою бронею чудовищ.

Здесь и там ясно были видны признаки близости какого-то человеческого поселения: в лесу, на полянах лежали стволы срубленных деревьев, сквозь чащу пролегали просеки, иногда можно было разглядеть следы врезавшегося в мягкую почву колеса телеги.

— Видите? — обратил внимание своих спутников на все эти признаки Джон Мэксим. — Мы уже на территории асиенды полковника!

— Да сам-то поселок близко ли? — осведомился Гарри.

— Ну не так уж близко. Конечно, будь в нашем распоряжении лошади, давно бы туда добрались, но и так осталась лишь парочка часов, едва ли больше!

Сделав еще несколько шагов, Джон Мэксим вдруг круто остановился и, дав сигнал товарищам молчать и не шуметь, прислушался.

— Что за дьявольщина? — воскликнул он тревожно. — Откуда доносятся эти звуки? И что означает шум?

— В чем дело, Джон? — спросил Гарри, видя тревогу агента.

— К реке! — не отвечая ему, скомандовал агент. — Если вам дороги ваши скальпы, удирайте!

— Индейцы? — задал вопрос встревоженный Джордж.

— Прислушайся! — ответил агент.

— Гонятся! Проклятье! — выругался Гарри, явственно расслышавший характерный звук: должно быть, целый отряд верховых людей мчался по лесу, прокладывая себе дорогу в зарослях. Под копытами лошадей трещали сучья; под напором сильных грудей разрывались ползучие растения. И шум приближался к реке с каждым мгновением.

Но это было бы слишком глупо! — пробормотал, побледнев, Гарри. — Добрались мы до самой асиенды, и вдруг, когда я уже рассчитывал...

— Знаю, знаю, что ты хочешь сказать! Когда ты рассчитывал усесться за столом с добрым ломтем свинины и кружкой пива в руках, индейцы помешали твоим благородным намерениям! — отозвался Джон Мэксим. — Но теперь, друг мой, не до этого! Позаботься о том, чтобы хоть в пустой желудок не попал конец индейского копья или пуля из карабина!

С этими словами янки побежал к берегу, согнувшись в три погибели и таща за руку Миннегагу, злобно сверкавшую глазами, но не произнесшую ни единого слова.

Сломя голову, беглецы спутились к крутому обрыву берега или, правильнее, скатились почти к самой воде. Теперь они находились под прикрытием сравнительно невысоких но крутых скал.

— Надо было бы попытаться перебраться на ту сторону! — пробормотал Джон Мэксим, измеряя взглядом лениво катившиеся воды реки.

— За чем же дело стало? — отозвался Джордж.

— Да боюсь, тут слишком глубоко. Никак не удастся пробраться не замочив оружия. Брода нет, а если и есть, то у нас нет времени разыскивать его.

— Пустимся вплавь! — предложил Гарри.

— Нет, поздно! — почти с отчаянием откликнулся агент. — Не успеем доплыть и до середины реки, как индейцы будут на берегу. А если заметят нас плывущих, то как ни плохо они стреляют, но на таком близком расстоянии не промахнутся... Затем ведь они на лошадях. Погонят коней в воду и настигнут нас, а бой в воде дает больше шансов всаднику, у него свободны руки, а у пловца заняты и ноги и руки!

Оглядевшись, Джон Мэксим радостно воскликнул:

— Сюда, друзья! Кажется судьба сжалилась над нами! Какая-то яма, вход в которую едва виден над водой!

В самом деле, вблизи виднелось нечто вроде пещеры. Это была расселина в скале, по-видимому, образованная выщелачиванием слабой горной породы водами потока во время разливов.

Не дожидаясь понуканий, трапперы бросились за мчавшимся уже к пещере Джоном Мэксимом. Буквально волоча за собою заметно упиравшуюся индианку, агент протискал свое могучее тело в пещеру. Оказалось, что за тесным, узким входом в пещеру следовало порядочное расширение, и, как ни мала была пещера нал рекою, все же она без особого затруднения могла дать приют по меньшей мере для полудюжины человек с их багажом.

— Недостает только появления на сцене Старого Эфраима, — проворчал, облегченно вздыхая, янки. — Я готов подумать, что мы снова находимся в той пещере в каньоне, где отсиживались от проклятого гризли! Но тут мы в большей безопасности: индейцы

могут подбираться сюда поодиночке, и мы уложим их немало раньше, чем они смогут сделать с нами какую-нибудь пакость! Вот только недостает зарядов, скверная штука! Мы бы выдержали тут долговременную осаду!

— А что стали бы есть? — осведомился неугомонный Гарри.

— Если ты так голоден, съешь индианку! — пошутил Джон Мэксим.

— Тьфу! Предпочту расхваленную тобой легавую собаку в сметане! — отплюнулся Гарри. И, как ни печально было общее положение, все разразились смехом.

— Молчите! Ни звука! — через минуту скомандовал Джон Мэксим.

В самом деле, до слуха спрятавшихся в пещере явственно доносились теперь голоса перекликавшихся людей, топот и ржание лошадей.

— Неужели они выследили-таки нас и видели, как мы сбежали? — шепотом промолвил Джордж, сжимая дуло карабина.

— Ничего удивительного! — отозвался агент. — У индейцев какое-то чисто собачье чутье. Особенно когда речь идет о следах, оставляемых бледнолицыми. Вероятно, они чуют, что мы здесь, и теперь ищут...

Затем, обратившись к Миннегаге, он промолвил угрожающе:

— Только пошевельнись!

Девочка досадливо пожала плечами, но ничего не сказала: она понимала, что ее жизнь в руках бледнолицых и что сейчас нет никакого смысла рисковать, ибо за предательство придется расплатиться слишком дорогою ценою.

А голоса индейцев звучали все громче и отчетливее, слышалось ржание и пофыркивание обрадованных приближением к реке лошадей.

У СТЕН ЖИЛИЩА ДЕВАНДЕЛЛЯ

Оставив Миннегагу на попечение Гарри и Джорджа, чтобы индианка не ускользнула из пещеры и как-нибудь не выдала места пребывания беглецов, сам Джон Мэксим с ружьем в руках приблизился к выходу и, прилегши на землю, наблюдал из-за камней окрестности.

То, что представилось его взору, было малоутешительным: небольшой отряд краснокожих воинов с копьями в руках спустился с берега в реку.

— Шесть человек покуда! — шепнул товарищам агент.

Индейцы, тщательно осмотрев побережье, направили коней в воду и разъезжали у берега туда и сюда, явно ища следы беглецов.

— С шестерыми мы, пожалуй, справились бы. Как вы думаете, парни? — через минуту вновь заговорил он. — Да кто поручится, что тут поблизости нет других?

В это время один из разведчиков вдруг приподнялся на стременах и, склонившись набок у какого-то камня, испустил торжествующий крик, далеко разнесшийся по реке.

— Ищейка напала на наш след! — сказал янки. — Похоже, что индеец оповещает другой отряд, что мы отысканы...

Джон Мэксим осторожно ретировался к сидевшим в глубине пещеры товарищам, чтобы подробнее рассказать о виденном.

— Что долго думать? — встрепенулся Гарри. — Не хочу я больше ждать! Кишки пусты! С голоду, что ли, издыхать? Раз ты говоришь, что у этих собак огнестрельного оружия нет, то чего же проще? Стреляем мы все не по-детски... По два выстрела на человека, да еще из-за камней, и мы снимем с седла всех шестерых!

— А если вблизи есть другие? — отозвался Джордж, более осторожный, чем его брат. — Выстрелы наделают много шуму!

— Господи! Ты, кажется, хочешь подарить краснокожим свой скальп?

— Молчи, Гарри! Вот они!

— Значит, иного выхода нет. Придется стрелять, ребята! Да цельтесь получше! — скомандовал агент, заметивший, что индейцы приближаются к пещере.

Понукаемые индейцами, лошади грузно ступали у самого берега, расплескивая воду копытами и ломая тростники. Индейцы перекликались гортанными звуками. По-видимому, они не подозревали, что беглецы находятся так близко от них.

Мгновенье спустя в пещере сразу сделалось темно: какое-то тело загораживало вход, препятствуя проникновению лучей солнца.

— Не шевелитесь... Может быть...

Слова Джона, должно быть, достигли слуха пробиравшегося в пещеру индейца. Растерялся ли он, или он в азарте погони не думал о собственной безопасности, но, во всяком случае, краснокожий вместо того, чтобы уйти с опасного места, еще больше вдвинулся в узкий проход и сильной рукой швырнул острое копье в глубь пещеры. Страшное оружие, свистя, грянуло о стену, пролетев в одном дюйме от плеча Джона Мэксима.

Гарри машинально спустил курок. Грянул выстрел. Пещера наполнилась удушливым, едким пороховым дымом. Пуля из карабина, словно игла, пронизала череп индейца, и воин беззвучно упал на пол.

— Вперед, друзья! — крикнул Джон. — Теперь остается только драться.

В мгновенье ока трапперы выскочили из пещеры, держа ружья наготове.

Опять прогремел выстрел. На этот раз стрелял Джордж. За выстрелом последовал отчаянный предсмертный крик: пуля попа-

зила в грудь ближайшего индейца. Краснокожий воин, взмахнув руками, свалился в воду, которая поглотила его. Испуганный конь погибшего взвился на дыбы и громадными прыжками понесся, убегая от роковой пещеры.

Раньше, чем агент успел выстрелить, четверо индейцев, державшихся несколько поодаль, пришпорили своих лошадей, выскочили на берег и исчезли за деревьями.

— Ну, теперь спасайтесь бегством! — крикнул агент товарищам.

— А индианка? — остановился Джордж.

— Тащи ее сюда! Она еще может пригодиться!

Беглецам повезло: по-видимому, на их следы напал только разведывательный отряд, и плохо вооруженные индейцы, потеряв двух товарищей, вернулись к своим.

Во всяком случае, беглецы беспрепятственно выбрались из опасного места и побежали вниз по течению реки, все время придерживаясь, однако, берега.

По временам они приостанавливались, чтобы перевести дыхание и оглядеться. Но индейцы, к счастью, не показывались, и тогда трапперы, держа за руки Миннегагу, вновь бежали лесом или берегом, пересекая кустарники.

Мало-помалу все чаще и чаще попадались вырубленные полянки. Здесь и там были проложены дороги в зарослях. Вот уже видны на противоположном берегу реки возделанные поля. А на берегу, по которому мчались трапперы и Миннегага, стали попадаться бродящие на свободе рабочие лошади и бизоны.

— Вперед, вперед! — понукал товарищей казавшийся неутомимым агент. — Гарри! Подбирай ноги! Если не обед, так ужин близко! Но поторапливайся, а то тебя самого индейцы съедят!

Еще четверть часа, и беглецы добрались до обширного поля, засаженного хлопком. На этом поле, отгороженном от леса жидкой изгородью, было много людей: тут работали полуголые негры и метисы с коническими шляпами на голове.

При приближении беглецов к плантации там воцарилась невообразимая паника: и негры и метисы с криками ужаса ударились в беспорядочное бегство.

— Индейцы! Индейцы! — неслись отчаянные крики бегущих слоия голову людей. Напрасно кричали им трапперы: негры и метисы были перепуганы до такой степени, что остановить их бегство было уже немыслимо.

Тревога захватывала все большую и большую территорию.

Бегущие и с отчаянием кричащие люди вспугивали лошадей и быков, и животные, присоединяясь к бегущим, только увеличивали суматоху.

— Полоумные! — проворчал Джон Мэксим. — Но черт с ними! По крайней мере, весть о близости индейцев дойдет и до самой усадьбы. Выйдет кто-нибудь поумнее этой трусливой челяди.

Пробежав еще сотню метров, трапперы за крутой излучиной реки увидели наконец и жилые помещения асиенды.

В центре стояло красивое белое здание, окруженное массивным забором и глубоким рвом.

— Асиенда Сан-Фелипе! — задыхаясь от быстрого бега, вымолвил агент.

— Дом нашего командира? Так войдем же скорее туда! — отозвались оба траппера.

Только маленькая индианка, должно быть, в первый раз в жизни видевшая «вигвам бледнолицых», стояла, тараща глаза, но по ее бронзовому лицу трудно было судить, какое впечатление на нее произвел вид культурного жилища.

Раньше чем продолжать наше повествование, скажем несколько слов о заселении тех местностей, где разыгрывались последние сцены.

Дело в том, что после краткой, но довольно тяжелой победоносной войны с Мексикой Северо-Атлантические Соединенные Штаты, присоединив к своим владениям колоссальные пустынные территории Мексики, где жили только индейцы, а земля являлась ничьею, придумали простое и остроумное средство для закрепления за собой завоеванных областей.

На усиленный приток поселенцев в эти местности, не пользовавшиеся доброй репутацией именно из-за близости к индейским землям, рассчитывать было трудно. По крайней мере, потребовались бы огромные затраты со стороны правительства Штатов.

Одновременно правительство находилось в довольно затруднительном положении: оно не знало, как развязаться с массой навербованных для войны солдат и офицеров, которые поступили на службу, оставив привычные занятия, а по окончании короткой кампании не могли уже оставаться в армии.

И вот, чтобы одним ударом убить двух зайцев, правительство Штатов предложило как рядовым, бывшим в мексиканской армии, так и офицерам, получить богатое вознаграждение — землю. Единственным условием получения земельного участка солдатом или офицером распускаемой армии было обязательство застроить и благоустроить в определенное время эту территорию.

Желающих поселиться на бывших мексиканских землях нашлось огромное количество, сотни и тысячи людей остались в завоеванных областях и принялись за обрабатывание плантаций, разработку леса, создание полей и огородов. Словом, в безлюдных до того времени местностях зародилась новая и деятельная творческая жизнь.

Делу способствовало то обстоятельство, что за время войны в руках бережливых людей из армии скопились значительные суммы. С такими деньгами почти каждый мог рассчитывать на быстрый рост своего благосостояния в стране, где земля отличается чудесными качествами, где можно разводить хлопок и кофе, где недостат

только рабочих рук. Но и это можно было уладить: новые поселенцы выписывали в свои усадьбы семьи своих родственников, своих знакомых. А люди, обладавшие хорошими средствами, пользуясь тем, что в те годы существовал еще институт рабства, заселяли новые плантации и асиенды выписанными с юга неграми. Негры, надо заметить, довольно охотно шли в эти места, ибо в новых поселках жизнь всегда несколько свободнее, чем там, где все вошло уже в обычную колею.

Полковник Деванделль был одним из таких концессионеров и пионеров Дальнего Запада. Он раньше изучил эту местность, ибо именно тут прошла значительная часть его военной службы.

Деятельный, энергичный, предприимчивый, к тому же располагавший весьма солидными средствами, он сообразил, что здесь он может очень быстро удесятерить свое состояние. И исхлопотал у правительства огромные земельные территории.

Почему он выбрал для поселения территорию на реке Вебер?

Правда, в этой местности бродили орды индейцев, представлявших постоянную угрозу бледнолицым.

Но, с другой стороны, белых тут было очень мало, правительство, в других местах отводившее поселенцам только небольшие участки земли, не скупилось на пустынные земли Дальнего Запада и давало тысячи акров офицерам, отличившимся во время войны. Кроме того, практичный полковник Деванделль раньше многих и многих оценил достоинства территории у Соленого озера и неисчерпаемые естественные богатства, обещавшие колоссальные прибыли предприимчивым людям.

Как мы знаем теперь, территория Дальнего Запада вполне оправдала самые пылкие мечты пионеров и теперь является одной из богатейших местностей Соединенных Штатов.

Не упуская, однако, из виду то обстоятельство, что, быть может, много лет эта местность будет жить в опасных условиях и подвергаться нападениям индейцев, полковник Деванделль, поселившись на реке Вебер, поторопился создать себе надежное убежище. Но в самом деле его асиенда, в которой не было недостатка в современном комфорте, но не было и ненужной роскоши, казалась скорее маленькой крепостью, чем помещичьей усадьбою.

Место для асиенды было выбрано как нельзя лучше: она стояла на полуострове, образуемом мысом Вебер, который глубоко вдается в воды Соленого озера. С одной стороны естественную границу самой усадьбы составляли воды реки, с двух других — воды озера. И только с одной стороны подступ к усадьбе был сравнительно легок — с плодородной долины; но полковник Деванделль, как опытный солдат, тщательно укрепил усадьбу, устроив палисады и рвы.

Жизнь в асиенде пришлась Деванделлю так по душе, что много лет он провел, обрабатывая свое огромное и богатое имение.

Как мы видели, хотя он и рассказывал Джону Мэксиму, что нападения подстрекаемых Яллою индейцев, а может быть, и руководимых ею самой, отравляли удовольствие пребывания в асиенде, тем не менее он на самом деле привязался к усадьбе. И едва ли бы покинул ее, если бы по вызову правительства не пришлось тряхнуть стариною и принять командование отрядом ополченцев и волонтеров, чтобы задержать сиу и не дать им соединиться с чейенами во время знаменитого восстания краснокожих, начавшегося в 1863 году.

Восстание, застигшее американцев врасплох, разгорелось совершенно неожиданно и с такой быстротой, что полковник Деванделль не успел позаботиться об усилении защиты собственной асиенды и безопасности детей. Не подозревая, как мы видели, какие размеры примет «священная война краснокожих против бледнолицых», полковник оставил в усадьбе даже своих детей, Мэри и Джорджа, и только уже в горах Ларами, узнав о грозящей детям опасности, отправил их спасать... троих преданных трапперов, включая в то число и атлета Джона Мэксима, «агента индейских территорий» и одного из опытнейших людей Дальнего Запада.

Собственно говоря, асиенда была способна выдержать нападение индейцев и даже более или менее продолжительную осаду: палисад и рвы отлично защищали ее, в жилых постройках было достаточно места для служебного персонала, довольно многолюдного, полковник держал в полном порядке маленький арсенал из двух десятков карабинов, а погреба были всегда полны съестными припасами и бочками с водой.

Но было и слабое место: постройки асиенды, не исключая и главного дома, были сложены из стволов тут же срубленных массивных хвойных очень смолистых деревьев, и если бы нападающим удалось поджечь усадьбу, ее защитники в пылу битвы не смогли бы вовремя справиться с огнем и пожар в очень короткое время разрушил бы все постройки.

Но вернемся к нашим героям, после стольких приключений добравшимся до желанной усадьбы полковника Деванделля.

Джон Мэксим, не раз бывший гостем Деванделля, не обращая внимания на сумятицу, поднятую неграми и метисами при появлении беглецов у изгороди хлопковой плантации, и на отчаянный лай потревоженных собак, вел своих спутников кратчайшим путем к усадьбе.

— Что значит, когда дома нет хозяина! — сердито ворчал он, подходя к постройкам. — Эти черные идиоты в панике даже подъемный мост забыли поднять! А что, если бы в самом деле вместо нас показались воины Яллы? Нет, мы, оказывается, подоспели сюда как нельзя более кстати. А то индейцы могли взять усадьбу чуть ли не голыми руками!

Тем не менее, опасаясь, чтобы кто-нибудь из обитателей усадьбы не встретил визитеров шальным выстрелом, агент не переставал кричать во все горло:

— Свои идут! Гей, в усадьбе! Да отзовитесь же!

Когда путники, таща за собой и Миннегагу, поглядывавшую вокруг полными любопытства блестящими глазами, вошли во двор асиенды, откуда-то выбежала целая толпа вооруженных ружьями людей. Этими молодцами предводительствовал чистокровный мексиканец, державший в обеих руках по пистолету.

— Гей, Моралес! — окликнул его, останавливаясь, агент. — Твои пистолеты, пожалуй, могут выстрелить!.. Не узнаешь меня, что ли?

— Мадонна! — воскликнул мажордом полковника Деванделля, то есть его управляющий, сеньор Моралес. — Да это мистер Джон Мэксим!

— Мистер Джордж! Мисс Мэри! Это друг! Это Джон Мэксим!

— Собственной персоной! — поддержал его заявление янки, протягивая мексиканцу руку для привета.

— Да идите же скорее сюда! — надрывался Моралес. — Прибыли гонцы от вашего отца!

Центральная дверь здания распахнулась, и на ее пороге появился красивый подросток лет пятнадцати. Это был сын полковника Деванделля, Джордж. За ним выглянула девочка лет четырнадцати или тринадцати, удивительно схожая с Джорджем. Это была дочь полковника, Мэри.

— Джон, наш Джон! — в один голос воскликнули дети. — Откуда ты, Джон? От отца? Как он поживает? Да говори же, Джон!

Агент потупился. Что он мог сказать детям своего командира?

...Как-то не думалось об этом во время странствий по горам и долам, по лесам и степям. Все время мысли были заняты только одним: как справиться со встречающимися на каждом шагу препятствиями, как добраться до асиенды?

А теперь, когда Джон Мэксим стоял лицом к лицу с детьми своего командира, видел их живые и ясные черные глаза, их кудри, слышал их молодые звонкие голоса, он растерялся. Он вспомнил, что, по существу, ведь он принес детям Деванделля весть о гибели их несчастного отца... Принес известие, что они сироты...

— Да, это я, мистер Джордж и мисс Мэри! — сказал наконец агент, снимая шляпу.

— Входите же в дом, Джон! — крикнул ему нетерпеливо сын полковника. — А у нас тут поднялась такая сумятица! Глупые негры вообразили, что на асиенду будто бы напали индейцы...

— Постойте, мистер Джордж! — остановил его янки. — Индейцы, положим, еще не напали, но они в двух шагах...

— Что такое? — встрепенулся, останавливаясь, юноша.

Его красивое смуглое лицо побледнело, в глазах загорелся врачий огонь.

Видите ли, мистер Джордж... Но раньше распорядитесь поднять мост, раздать людям оружие и боевые припасы. Пусть все займут места для защиты!

— Распорядитесь, Моралес! — отдал приказание мажордому юноша. — А вы, Джон, рассказывайте, в чем дело! Не думаю, чтобы вы говорили без серьезных опасений! Ведь вас-то не так легко испугать, как этих негров и мулатов! — обратился сын Деванделля к янки.

— Разумеется, я не из очень пугливых! — ответил, улыбаясь, Джон Мэксим. — Но суть в том, что, как вы уже знаете, должно быть, прерия в огне. Три сильнейших племени индейцев Дальнего Запада — чейены, сиу и арапахо — вступили на тропу войны. Поселки белых уничтожены. Станция Кампа стерта с лица земли. Индейцы преследовали нас по пятам почти до ворот вашей асиенды. Сюда направляется большой отряд сиу. Может быть, они уже очень близки и нам предстоит жестокий бой!

Юноша с тревогою взглянул на сестру, но Мэри отозвалась бодрым голосом:

— Так что же? Разве мы не дети полковника Деванделля, самое имя которого наводило трепет на индейцев? Разумеется, отец далеко, он нам не поможет, но мы сумеем защищаться и сами!

— Да, если бы наш отец был с нами! — прошептал юноша. — Но в самом деле он далеко... Кстати, Джон: почему же вы ничего не говорите нам об отце? Где он теперь? Что делает?

Наступил роковой момент, когда Джону Мэксиму пришлось услышать вопрос, поставленный ребром. И не было сил дать прямой ответ на этот ужасный вопрос... Как сказать детям, что их отец уже не вернется в эту гостеприимную усадьбу?

Подавив волнение с невероятным усилием, янки ответил:

— Он, должно быть, еще в горах Ларами... Там у него есть какое-какие дела... Когда мы покинули его, конечно, по его приказанию, он был в добром здравии...

— Он, конечно, сражается с индейцами? — выступила вперед Мэри, блистая глазами.

— Да. Он успел дать несколько жестоких уроков краснокожим!

— Я горжусь тем, что я дочь моего отца! — сказала с восторгом девушка. — Он храбр как лев, и он великодушен и добр... Если бы он остался на военной службе, он уже носил бы генеральский мундир... Как бы я хотела быть сейчас вместе с моим отцом!

Чтобы избежать дальнейших вопросов, Джон Мэксим обратился к снова подошедшему мажордому Моралесу с вопросом, исполнили ли приказ Джорджа о принятии мер предосторожности. Получив утвердительный ответ, агент пошел из комнаты, куда звали его дети полковника Деванделля.

Усадив Джона Мэксима, Джордж Деванделль обратился к нему со словами:

— Ну, Джон, рассказывайте все! Я полагаю, без крайней надобности мой отец не прислал бы вас сюда. Ведь вы могли бы и там, где находится сейчас отряд отца, оказывать ему серьезные услуги.

— Да, мистер Джордж, я действительно явился с весьма серьезным поручением. Не знаю, как это все удастся только...

Видите ли, ваш отец послал меня и еще двух траперов, которых вы, конечно, видели, сообщить вам, что асиенде грозит ужасная опасность. Сиу поклялись разрушить усадьбу, стереть ее с лица земли. Всем обитателям — смертный приговор!

— Но ведь сиу живут так далеко отсюда? — осведомился Джордж. — Здесь кочуют только апачи.

— Да, но сиу, не забывайте этого, теперь в союзе с апачи!

— Может быть, в деле замешана та индианка, на которой мой отец был вынужден жениться в годы своих странствий по прерии?

— Да, может быть! — уклончиво ответил агент. — Но это не важно. Лучше скажите мне, сколькими людьми вы располагаете для организации защиты?

— Людей у нас было много раньше, но недавно большую партию негров с женами и детьми мы отправили в Сонору. Способных управляться с оружием сейчас наберется человек двадцать или немного больше. Кажется, на этих людей можно положиться! Тем более что, если индейцы овладеют асиендой, они не будут щадить негров и мулатов. Вы знаете, как краснокожие ненавидят цветных!

— Кто это? Что это за девочка? — перебила разговор мужчин миссис Мэри, живо оборачиваясь к двери, на пороге которой показалась в этот момент Миннегага.

— Она, кажется, индианка? Это вы привели ее сюда, Джон? И зачем?

— Я и забыл про эту девочку! — ответил траппер. — Да, это мы ее привели. Видите ли, ваш отец так пожелал. Она могла бы оказаться полезною в смысле сообщения кое-каких сведений и как заложница, но я, собственно, думаю, что от нее было бы лучше отделаться... Вы не обращайте внимания на нее: как только появятся вблизи индейцы, мы можем выпустить ее, чтобы она не наделала тут каких-нибудь пакостей. Она ведь на вид ребенок, но в ее душе сидит дьявол, и доверять ей нельзя ни на йоту!

Миннегага, прокравшаяся в комнату совершенно беззвучно, словно маленькая и хорошенькая ядовитая змейка, слышала каждое слово Джона Мэксима и, пользуясь моментом, когда на нее никто не смотрел, бросила на янки взгляд жгучей ненависти и злобы.

Не говоря ни слова, она легко и совершенно непринужденно подошла к свободному креслу, завернулась в свой длинный плащ и уселась с какою-то своеобразною грацией, словно это кресло было для нее привычным сиденьем.

— Какое странное создание! — заметила вполголоса Мэри, разглядывая индианку.

— Настоящая дикарка! — отозвался не без пренебрежения агент. — Она ведь чистокровная сиу. Этим, кажется, все сказано. Однако нам нельзя более терять времени. Индейцы, говорю я вам, должны быть уже совсем близко, а я, признаться, очень мало доверяю вашим импровизированным защитникам... Пойду-ка я лично посмотрю, как там идет дело. Кстати, вот идут сюда мои спутники. Позвольте представить их вам, мисс Мэри и мистер Джордж. Это бравые трапперы, которых ценил ваш отец, когда... Ну, когда мы все трое выслеживали индейцев в горах. Это Джордж Липтон, а это его братец, Гарри Липтон. Оба хорошие стрелки, но Гарри ужасный обжора. Он всю дорогу до асиенды толковал только о том, чем его тут накормят...

— Скажешь тоже! — сконфуженно фыркнул Гарри. — Не верьте ему, мисс! Конечно, когда человека хотят уморить голодом, так язык поневоле сам про еду ляпает...

Джордж Деванделль протянул трапперам обе руки.

— Рекомендую вам этих ребят! — продолжал полушутя, полусерьезно агент. — Оба они не только хорошо истребляют съестные припасы, но и краснокожим от них достается. Я не сомневаюсь, вашу асиенду они защитить смогут. — Тут уж пришел черед Джорджу сконфузиться, он начал дергать агента за рукав со словами:

— Да будет тебе, Джон, расхваливать нас! Каждый человек делает, что может. Конечно, когда придется драться с индейцами, я не оплошаю. На моем карабине уже порядочно зарубок. Я, знаете, мисс, зарубочкой отмечаю на прикладе каждого краснокожего, которого мне удается отправить, извините, к чертям...

Бравый траппер смешался и остановился.

— Ну, идем, ребята! — агент поторопился вывести из затруднительного положения своих товарищей. — Может быть, уже пора нашим карабинам подать голос. Мне кажется, что я слышу завывание индейцев.

— Постойте, Джон! — остановил агента молодой Деванделль. — Ну, хорошо, мы тут будем защищаться. А как же быть с нашими лошадьми, пасущимися на лугах, и со стадами коров и овец, которые находятся там же?

Джон пожал плечами.

— Что делать, мистер Джордж! — сказал он угрюмо. — Теперь уже невозможно согнать стада во двор асиенды...

— Но индейцы могут перебить бедных животных! — с отчаянием воскликнула Мэри, и глаза ее почти мгновенно наполнились слезами.

— Что делать, повторяю я, — опять сказал траппер. — Нам не до лошадей и коров! Дай Бог, чтобы свою-то жизнь спасти... Конечно, тяжело сознавать, что эти краснокожие демоны в один час уничтожат огромные стада, представляющие богатство асиенды. Но мы совершенно лишены возможности воспрепятствовать этому.

Лучше пожертвовать коровами и лошадьми, чем людьми... Когда мы отобьемся...

В этот момент загремели ружейные выстрелы, и вслед за тем донесся тревожный крик:

— К оружию! Индейцы!

АСИЕНДА В ОСАДЕ

Джон, оба траппера и дети полковника Деванделля бросились на двор асиенды, забыв об оставшейся в зале индианке. Выбежав, они увидели, что руководимые мажордомом негры и мулаты уже подняли мосты и заняли места у забора, ожидая нападения индейцев. Защитники асиенды, как мог убедиться с первого взгляда агент, были вооружены лучше, чем янки того ожидал: тут было не менее двадцати человек, обладавших прекрасными дальнобойными карабинами, пистолетами и топорами. Среди них совсем не наблюдалось паники. Судя по выражению лиц, скорее можно было предположить решимость оказать отчаянный отпор индейцам. В самом деле, обитателям асиенды было ясно, что индейцы никого не пощадят, если им удастся ворваться во двор, и поэтому они намеревались защищаться до последнего.

Двое часовых, подавших сигнал тревоги, уже сделали несколько выстрелов по одиночным всадникам, показавшимся на опушке соснового леса. Это были, вне всякого сомнения, только лазутчики индейцев, пытавшиеся узнать, хорошо ли охраняется асиенда. И как только засвистели пули, они тотчас исчезли.

— Разведчики! — сказал Джон Мэксим. — Видите, уже улизнули. Разумеется, днем они на асиенду не нападут. Дождутся ночи и только тогда попробуют подобраться поближе, а сейчас, конечно, займутся мародерством. Кстати, мистер Джордж, много ли у вас тут скота?

— До двух тысяч голов, —угрюмо ответил молодой человек.

— Жаль, потеря большая! Но ваш отец достаточно богат, чтобы перенести ее не поморщившись.

— Вы правы, Джон: да, признаться, с тех пор как я узнал, что для войны объединились три племени индейцев, я потерял надежду спасти скот, зная, что положительно невозможно ни забрать его во двор асиенды, ни угнать куда-нибудь в более безопасные места. Но, может быть, индейцы, удовольствовавшись богатой добычей, доставшейся к тому же легко, удовлетворятся угоном скота?

— Ну, нет, мистер Джордж! Не обманывайте себя ложной надеждой. Конечно, индейцы жадны, и такая добыча, как ваши стада, раньше привела б их в восторг. Теперь же речь идет не о коровах и лошадях, а о наших собственных скальпах и разрушении

асиенды. Имейте в виду — наше положение не из блестящих. Конечно, может быть, нам удастся дать жестокий отпор и прогнать индейцев. Но нападение будет отчаянное, борьба не на жизнь, а на смерть. Тут, к несчастью, замешан лишний элемент. Вот мисс Мэри говорила, что имя полковника Деванделля наводило трепет на краснокожих. Это так. Но вместе с боязнью ваш отец внушил краснокожим и непримиримую ненависть. Теперь, когда сам полковник Деванделль не может защитить асиенду, а индейцы объединились, говорить приходится не о страхе, а только о ненависти. Вы уже не ребенок. Я говорю с вами как со взрослым человеком: велики ли силы защиты — каких-нибудь два десятка человек? Разве это так много? Работы будет по горло.

С каждым словом Джона Мэксима лицо молодого хозяина становилось все мрачнее. Джордж Деванделль сознавал, что в словах агента несомненная правда.

— Но что же делать, Джон? — обратился он после минутного молчания к трапперу. — Посоветуйте, что делать! Вы привыкли сражаться, вы опытный человек...

Агент не отвечал. Он стоял, опершись плечом на поднятый мост, держа в руках свой карабин, и испытующим взглядом смотрел на расстилавшуюся за оградой равнину с белыми цветами хлопка.

— Что же вы молчите, Джон? Ведь мне действительно очень нужен ваш совет! — тронул его за рукав юноша.

— Мистер Джордж! — обернулся неожиданно агент к молодому хозяину. — Скажите, на что идут у вас семена хлопчатника?

— Семена? Ну, из них мы выжимаем масло, а шелуха зимой идет на подтопку печей.

— И есть это масло у вас в запасе?

— Конечно, бочонков пятнадцать, может быть, даже больше найдется.

— Надеюсь, и котлы найдутся?

— Разумеется! Но на что они вам?

— Подождите! Распорядитесь, чтобы люди, не принимающие участия в бою, сейчас же принялись кипятить масло. До ночи осталось совсем мало времени. Я не я буду, если индейцы не попробуют взять асиенду приступом, как только стемнеет, а тогда мы попробуем угощать арапахо и сиу кипящим маслом. За вкус не ручаюсь, а горячо будет.

Сказав эти слова, Джон Мэксим повернулся к траппера со словами:

— А где Миннегага?!

— Кого вы ищете? — спросила непринужденно болтавшая с траппера мисс Мэри.

— Маленькую индианку! — ответил агент.

— Что она вам далась, Джон? — вмешался в разговор сын полковника. — Вы как будто обеспокоены, что ваша пленница не с вами?

— Ах, черт возьми! — ответил Джон Мэксим. — Как это я позабыл о ней?! Вы не знаете, мистер Джордж, что это за птичка! Она может нам такую свинью подложить, что мы долго не очухаемся! Гарри, Джордж, сейчас же разыщите ее! Покуда вы здесь не нужны, а вы сами знаете, как опасна эта маленькая змейка!

Траперы бросились на поиски Миннегаги, причем к ним присоединился мажордом, и они втроем перевернули вверх дном весь дом, разыскивая индианку по закоулкам, в комнатах нижнего и верхнего этажа, не оставляя без внимания ни малейшей щели, куда могла забраться Миннегага. Не найдя девочки в доме, траперы бросились по конюшням и хлевам, по сараям, под навесы, где лежали в массе мешки с маисом и тюки хлопка и где легко могла спрятаться целая дюжина девочек. Но все поиски были тщетны: индианка словно канула в воду.

— Ну, и бестия же! — сердито выругался Гарри, сжимая кулаки. — Ей-богу, мне эта Миннегага внушает какой-то страх.

— Удрала она, только и всего! — довольно равнодушно отозвался его брат, рассеянно глядя вокруг. — Собственно говоря, если этот звереныш сбежал, тем лучше.

— Да, но куда она могла сбежать, если мосты подняты? Ты об этом не подумал?!

— А ты разве не знаешь, что она способна карабкаться не хуже обезьяны? Перелезла через ограду и если не выбралась из рва, то сидит теперь там в траве. Вот подожди: когда Джон примется поливать индейцев кипящим маслом, надеюсь, и на долю Миннегаги достанется порядочная порция.

Трапперы и помогавший им мажордом для очистки совести еще некоторое время поискали индианку, но потом прекратили безрезультатные поиски и направились к забору, где дети полковника Девинделля под руководством Джона Мэксима спешно заканчивали организацию обороны.

Там, на огнях нескольких костров, под присмотром гримасничавших негров, позабывших об опасностях и предавшихся веселой болтовне, уже бурлили черные котлы, наполненные янтарно-желтым хлопковым маслом. Все свободные обитатели асиенды, вооружившись кто чем мог, расположились у ограды и с любопытством выслеживали индейцев. Никто не выказывал признаков страха, наоборот, казалось, люди были охвачены страстным желанием поскорее сразиться с индейцами и показать им, что не так-то легко зарабатываются скальпы.

Индейцы тем временем показывались невдалеке от усадьбы, гарцуя на своих мустангах, что-то крича, стреляя из ружей, больше, впрочем, чтобы попугать защитников асиенды. Другой отряд занялся загоном и начал резать скот на глазах у бессильных помешать этому варварскому делу обитателей усадьбы.

Джон Мэксим пробовал несколько раз стрелять по мародерам, но скоро убедился, что его пули не достигают цели, и прекратил бесцельную стрельбу.

— Нечего делать! — сказал он гневно глядевшему на истребление скота Джорджу Деванделлю. — Таков печальный закон войны: кто сильнее, тот делает, что хочет. Сейчас сильнее индейцы, и они издеваются над нами, но рано или поздно придут войска с востока, и мы тогда посмотрим, что запоют краснокожие!

До наступления темноты индейцы ограничивались только теми, что беспокоили защитников асиенды выстрелами и криками. Но едва стало заходить солнце, как опушка леса оказалась покрыта целой тучей всадников.

— Дьявольщина! — невольно воскликнул Джон Мэксим, увидев индейцев в таком количестве. — Да тут не менее пятисот этих зверей! Держу пари, что собралась целая компания индейских знаменитостей. Вон, если не ошибаюсь, Черный Котел. А это, должно быть, Левая Рука — вождь арапахо.

— Нападение будет жестокое. Как-то мы выдержим? Я боюсь не за себя, но что будет с моей сестрою Мэри? — пробормотал грустно молодой землевладелец.

— Э, не падайте духом, мистер Деванделл! — отозвался Джон Мэксим, кладя руку на плечо юноши. — Мы еще не в руках индейцев! Правда, их очень много, и было бы смешно уверять, что с краснокожими легко справиться. Но они поломают себе зубы раньше, чем доберутся до наших скальпов. Укрепления солидны, рвы глубоки, наконец, при необходимости и дом можно превратить в настоящую крепость.

— Знаю я все это!— задумчиво ответил юноша. — Но меня беспокоит то, что постройки-то наши целиком из сосны, и если вспыхнет пожар, все погибло.

— Но не так скоро! Пошлем на крыши с водою и швабрами тех людей, которые не могут сражаться, и они будут тушить огонь, не давая разгореться пожару.

Услышав этот разговор, Гарри вмешался.

— А помнишь ли, Джон, — сказал он, — ведь расстрелянный нами молодой воин сиу Птица Ночи имел поручение заставить арапахо взять детей полковника живыми?

— Ты хочешь этим сказать, Гарри, что индейцы не станут поджигать усадьбу, а попытаются взять ее приступом? Что ж, может быть, ты и прав! — задумчиво ответил агент.

— Но чего же они хотят от нас? — заговорил взволнованно молодой хозяин. — Может быть, они хотят овладеть нами как заложниками?

— Кто их разберет?! — отозвался уклончиво Джон Мэксим.

— Джон, неужели мы не можем рассчитывать на помощь? — спросила агента мисс Мэри.

Траппер пожал плечами.

— Видите ли, мисс, — сказал он сконфуженно, — было бы крепко обманывать вас. Нет, на помощь со стороны рассчитывать не приходится. Прерия в руках индейцев. Покуда правительству удастся перебросить сюда войска Арканзаса, пройдет много времени. Калифорния помочь не может. Со Сьерра-Невады сюда не пробьется ни один человек. Может быть, до нас доберутся только какие-нибудь преследуемые индейцами трапперы или поселенцы, спасая собственную шкуру. Но это нам немного поможет. Остается положиться на собственные силы да не оплошать, когда придется драться. Но посмотрите, что-то начинается!

— Кажется, разведчики скачут.

В самом деле, предположение, высказанное Гарри, имело долю вероятности: отделившись от главных сил индейцев, два конных отряда помчались направо и налево, без милосердия затаптывая плантации асиенды. Некоторые из всадников были вооружены только карабинами и томагавками, другие же сверх того имели тонкие гибкие пики и щиты из кожи бизонов. Значительная же часть осталась перед фронтом, построившись в две линии, и Джон Мэксим без труда разглядел среди этих последних индейцев женщину-сахэма Яллу, мнимого гамбусино, то есть Красное Облако, и еще двух вождей — Черного Котла и Левую Руку.

Разведчики все время держались на таком расстоянии, что пули защитников асиенды не могли долететь. Покружив некоторое время по полям и лугам, они возвратились к главному отряду, оглашая воздух воинственными криками.

— Кажется, скоро начнется музыка! — толкая локтем в бок брата, пошутил неугомонный Гарри.

— А ты приготовился танцевать, что ли? — откликнулся тот, заряжая карабин.

— Ох, нет! Куда уж мне?! Я, брат, как добрался до ветчины!.. Теперь бы только лечь и заснуть.

— Ну, заснуть, кажется, не придется!

В это время к палисаднику подошла мисс Мэри. Она держала в руках маленький, легкий, но хорошо пристрелянный карабин, а за поясом у нее было два пистолета, и на лице девушки нельзя было прочесть признаков страха: жизнь на Дальнем Западе в ту тревожную эпоху проходила при особенных условиях, заставлявших даже детей учиться обращению с оружием, не говоря о взрослых женщинах. Любимой игрой подростков была стрельба в цель, и полковник Деванделль сумел сделать из своих детей превосходных стрелков и научить не терять головы в момент опасности.

Стемнело, но в асиенде горели костры, на которых кипятилось масло, а там, где находились индейцы, волною разливались огни, на которых краснокожие жарили куски свежей убоины. Таким образом, окрестности были освещены.

[illegible] раскаты грома, и густой туман, поднимаясь над Соленым озером, сгущался в тучи, уносимые порывами сердитого ветра.

— Плохая ночь! — покачал головою траппер Джон Мэксим, глядя на мрачное небо испытующим взором. — Будет ураган! Что-то мне кажется, мой скальп не очень прочно сидит на своем месте. Ну что ж, если придется отдать его краснокожим волкам, по крайней мере, я заставлю оплатить его дорогою ценою. А помирать все равно когда-нибудь надо!

Тем временем многочисленные, но небольшие по составу группы индейских всадников продвинулись под покровом мглы от леса в непосредственную близость к усадьбе и гарцевали чуть ли не на краю рва, осыпая асиенду пулями, которые, впрочем, пока не причиняли ее защитникам ни малейшего вреда.

Кое-кто из негров и мулатов пробовал стрелять по краснокожим, но агент распорядился прекратить эту стрельбу, сказав:

— Не тратьте даром пороха! Боевых припасов у нас не густо, ваши пули могут понадобиться позднее, теперь же я более полагаюсь на кипящее масло, чем на свинец.

Больше получаса индейцы обстреливали асиенду, подбираясь к ней без лошадей, потом ускакали к главным силам. Прошло немного времени, и затопала, задрожала земля: пять или шесть сот всадников ринулись на асиенду, доскакали до рвов, свернули в сторону, развертывая фронт, чтобы шире охватить усадьбу. Джон Мэксим разрешил стрелять, и пули посыпались на краснокожих, сваливая лошадей и всадников, но потери не были настолько значительны, чтобы расстроить густые ряды индейцев, в то же время и среди защитников асиенды, негров и мулатов, стали появляться раненые, и первым пал мажордом Моралес.

— Что же, Джон? — обратился к агенту траппер Гарри. — Дело-то наше плоховато! Хорошо, что я хоть плотно поужинал! Маловато ведь нас, чтобы отстреливаться!

— Подожди немного! Сейчас начнется атака. Кстати, вы не видели, ребята, Яллу? Нет? А я три или четыре раза стрелял по ней и на довольно близком расстоянии. И представьте, не мог попасть! Словно заговорили ее от пуль. Вот что: пойдите, распорядитесь, чтобы негры понемногу прекращали стрельбу. Пусть краснокожие вообразят, что у нас истощаются боевые припасы, и перейдут в атаку.

Распоряжение агента было исполнено, защитники асиенды почти прекратили стрельбу; тогда индейцы,поддавшись на эту хитрость, послали довольно значительный отряд воинов, и, спешившись, они густой толпой ринулись во рвы, на бегу стреляя и размахивая ужасными томагавками. Не встречая серьезного сопротивления, они рассчитывали перебраться через ров и топорами разрушить часть ограды, проложив дорогу ожидавшим удобного момента главным силам отряда Яллы.

— Пора! — крикнул приготовившимся встретить врага неграм агент Джон. — Давайте масла! Поливай!

И потоки кипящей жидкости полились на голые тела подползавших к стенам индейцев.

Трудно описать,что творилось во рву в этот момент. Да и сами защитники асиенды плохо видели ужасную картину почти поголовной гибели смельчаков, попавших в ловушку. Отчаянные крики людей, тела которых подвергались страшным ожогам, огласили воздух. Многие были ослеплены струями кипящего масла, попавшего им в лица, но и те, кого не свалили с ног раны, все же не ушли от печальной участи: по знаку Джона Мэксима защитники асиенды сосредоточили на них адский огонь, и пули доканчивали дело кипящего масла.

Первая атака была блистательно отбита, и асиенда спасена.

Негры и мулаты плясали от радости, но лицо Джона Мэксима оставалось мрачным: если негры могли поверить,что суровый отпор может запугать индейцев и обеспечить спасение, то у опытного агента, отлично знавшего индейцев, временный успех не мог создать иллюзий. Он ясно видел, что участь асиенды полковника Деванделя не может быть изменена и ее гибель лишь отсрочена на очень короткий промежуток времени.

ПЛЕННИКИ КРАСНОКОЖИХ

Первый яростный натиск индейцев на обреченную асиенду Сан-Филипе разбился о стойкость защитников благодаря изобретательности Джона Мэксима, устроившего ловушку во рву. Там погибли едва ли не лучшие воины краснокожих, но что могла означать потеря хотя бы и сорока или пятидесяти воинов, когда у краснокожих в строю было, во всяком случае, больше пятисот человек?!

Неудача передового отряда, с такой слепой яростью ринувшегося на укрепления асиенды и почти поголовно истребленного защитниками, только заставила краснокожих сделаться более осторожными.

Осыпав еще раз осажденную усадьбу пулями, индейцы довольно поспешно отступили на расстояние, где их не достигали выстрелы трапперов и прочих защитников асиенды.

Ялла, Черный Котел, Левая Рука и Красное Облако отступали последними. Джон Мэксим ясно видел их фигуры, но вожди индейцев в самом деле казались заговоренными от пуль: все выстрелы, сделанные по ним, не попадали в цель.

Кажется, мы хорошо проучили этих разбойников! — блестя глазами, сказал агенту молодой хозяин. — Неужели же этого урока им мало?

— Не увлекайтесь, мистер Джордж! — угрюмо ответил янки. — Вы должны бы лучше знать индейцев! Не сомневаюсь: понесенные потери не только не обескуражат их, но вызовут еще большую ярость.

Не забывайте, что мы имеем дело не со случайным сбродом, не с какой-нибудь бродячей шайкой. Индейцами руководят лучшие вожди их племени. Черный Котел, Левая Рука — это ведь знаменитейшие воины. Но этого мало: с ними Ялла, неукротимая Ялла, которая по свирепости перещеголяет любого индейского сахэма.

— Хоть вы и говорили, что на помощь со стороны нам надеяться нечего, мне как-то трудно согласиться с этой безнадежной мыслью. Неужели правительство предоставит всех поселенцев Дальнего Запада их собственным силам? Это было бы безбожно...

— Будем держаться сколько можно, мистер Джордж! — отозвался агент. — Кстати, я придумал еще кое-что для защиты... Масла-то у нас, надо полагать, уже не так много осталось?

— Нет, Джон, еще порядочно. А что?

— Затем есть, наверное, препорядочный запас хлопка?

— Пропасть! Отец не успел отправить транспорт со сбором последнего урожая.

— Отлично. Из хлопка, политого маслом, при надобности мы можем устроить во рву огненную стену, которая задержит на некоторое время нападающих.

— А потом?

— А потом будет видно... Стойте, мистер Джордж! Я вспомнил одну вещь. От вашего отца перед тем, как отправиться в путь, я слышал, что правительство поручило полковнику Чивингтону организовать экспедицию в прерию, взяв с собой в поход третий полк ополченцев Колорадо. Эх, если бы Чивингтон поторопился! Дорого дал бы я, чтобы узнать, сидит ли он еще по ту сторону Колорадо или уже тронулся в путь!

— Увы, это так далеко от нас! — сказал с тяжелым вздохом молодой Девенделль.

— Знаю, мистер Джордж! И поэтому не жду прямой помощи от Чивингтона. Но косвенную помощь он нам может оказать, как только проникнет в прерию.

Потом Джордж Девенделль стал расспрашивать Джона Мэксима о Ялле. Но агент находил эту тему слишком щекотливой, боялся проговориться и отвечал уклончиво.

— Постойте, Джон! — прервал разговор Джордж Девенделль. — Но, может быть, сам отец, услышав о том, что нас уже осаждают, придет на помощь? Как вы думаете?

Джон Мэксим вздрогнул и, чтобы избежать немедленного ответа, для которого он не находил слов, склонился над ровом, будто

углубившись в рассматривание, что делают краснокожие, удалившиеся от усадьбы в тень леса.

Там, во рву, среди луж грязи и стеблей болотной травы еще копошились тела обваренных кипящим маслом индейцев, по временам, не выдерживая мук, кто-нибудь из несчастных принимался глухо и протяжно стонать.

— Какая ужасная вещь война! — не дождавшись ответа от янки, промолвил молодой человек.

И в ответ ему прозвучали угрюмые слова агента:

— Вообще, мистер Джордж, сама жизнь — ужасная штука!

Небо было покрыто густыми тучами, несшимися куда-то с фантастической быстротой, будто тучи тоже спешили куда-то на бой, перегоняя одна другую, и временами их безумный бег освещался вспышками молний.

Уже раздавались оглушительные раскаты грома, и крупные тяжелые капли дождя, срываясь с низко плывущих над землей туч, звонко шлепались на крыши усадьбы, на пыльную почву двора, на огонь еще не потушенных костров.

Опасаясь, что с минуты на минуту индейцы могут вновь пойти на приступ, гарнизон маленькой импровизированной крепости бодро держался на своих постах, заботясь только о том, чтобы дождь не промочил порох и не помешал стрельбе из ружей. Но час проходил за часом, а индейцы не показывались. Разведя в лесу огромные костры и изжарив на их огне мясо быков и овец, краснокожие пировали, и по временам от их лагеря доносились звуки голосов дикого заунывного пения.

Перед рассветом костры индейцев были погашены, потом свыше пятисот всадников выдвинулось из леса.

— Что это они тащат в руках? — спросил агента асиендер.

— Ветви, сучья. Должно быть, рассчитывают в каком-нибудь месте завалить ров, чтобы легче было перебраться к укреплениям, — ответил траппер.

Помолчав немного, Джон Мэксим резко тряхнул головой и спросил:

— Скажите, мистер Джордж, сколько лошадей у вас имеется во дворе усадьбы?

— Да больше тридцати, почти сорок.

— Лошади, надеюсь, в хорошем состоянии?

— Рабочих тяжеловозов мало. Больше мустанги. Вы же знаете, папа любил коневодство, и наши лошади славятся красотою и выносливостью. А зачем вы это спрашиваете?

— Веревки и топоры тоже найдутся?

— Конечно. Сколько угодно. Но что вы задумываете?

— Вот что, мистер Девандель! — ответил после некоторого колебания агент. — Я вижу теперь ясно, что нам не удержаться здесь. Правда, мы отобьем и этот штурм, и еще один. Но конец неизбежен. Если только мы останемся в стенах асиенды, наша

часть решена. Не пройдет и суток, как наши скальпы будут служить недурным украшением для щитов и мокасин краснокожих. Единственное наше спасение — уйти отсюда.

— Бежать?

— Да, бежать.

— Но каким образом?

— Об этом я позабочусь. Думаю, это удастся. Предоставьте дело мне. А вы побудьте тут, посторожите. С вами пусть останется человек десять ваших слуг. Я же и мои товарищи трапперы поработаем. Дело не затянется, Все зависит от того, удастся ли нам приготовить индейцам сюрприз. Я вижу, мы не должны дожидаться, пока индейцы доберутся до стен асиенды. Времени мало, но надеюсь, хватит. В несколько минут мы можем уже приготовиться к бегству.

— Да, но удастся ли нам прорваться? Ведь нам придется проскочить между двух колонн краснокожих!

Агент Джон Мэксим пожал плечами.

— Кто не рискует, тот не выигрывает. Наша игра опасна, но шансы есть. Попробуем. Так вот что: отвлеките индейцев стрельбой. А я пойду...

И Джон Мэксим, обдумывая по дороге свой действительно рискованный план бегства из осажденной асиенды, остановился у ворот Джорджа Деванделля.

Индейцы тем временем приближались к усадьбе, но сравнительно медленно: их движение замедлялось ветвями и сучьями сосен, которые они тащили и волокли с собою, чтобы завалить ров.

Ясно было видно, что одной из двух осадных колонн руководила Ялла: она выделялась среди других индейцев и своим костюмом, и, главное, своим белоснежным красавцем конем.

На предводительнице сиу был великолепный плащ, спадавший широкими и живописными складками за спиною, а в руке она держала карабин.

Негры и мулаты при виде индейцев снова принялись за стрельбу. Даже в непосредственной близости от женщины-сахэма падали, сраженные пулями, краснокожие, но на губах Яллы играла презрительная и гордая улыбка, взор горел мрачным огнем, и она не склоняла головы под огненным дождем.

Второй колонной руководили Красное Облако и Черный Котел. Добравшись почти на пятьсот или шестьсот шагов от асиенды, шедшие близко друг от друга колонны разделились и бросились к усадьбе галопом. Дикий боевой крик и звуки иккискотов покрыли на мгновение топот лошадей. На бегу индейцы стреляли, не очень заботясь о меткости выстрелов, но их пули на таком близком расстоянии положительно засыпали двор усадьбы. Казалось, идет свинцовый дождь: пули барабанили по столбам ограды, пробуравливая дерево, падали на крыши зданий, разбивали оконные стекла, дырявили стены домов.

Как ни тщательно укрывались защитники асиенды от выстрелов, но шальная пуля находила-таки свою жертву, и среди негров и мулатов было уже несколько человек убитых и еще больше раненых. Впрочем, покуда у человека, пораженного пулей краснокожих, хватало сил держать ружье, он не покидал своего поста, ибо все знали, что пощады не будет, и всех охватывало страстное желание подороже продать свою жизнь. И индейцы, в свою очередь, несли жестокие потери, так как защитники асиенды стреляли из-под прикрытия, имея возможность поражать врагов на выбор.

Краснокожие воины падали с лошадей, корчились на земле, а кони уносились в сторону.

Тем временем работа Джона Мэксима и его спутников быстро шла к концу.

Из конюшен были выведены отборные кони по числу оставшихся в живых защитников асиенды. В то же время Джон Мэксим с трапперами, работая ломами и топорами, подрубили и расшатали с десяток бревен в стене, окружавшей усадьбу, подготовляя пролом.

Беда, если бы индейцы начали в это время приступ: им было бы довольно легко воспользоваться отверстием и проникнуть внутрь крепости! Но, к счастью, индейцы, по-видимому, не подозревали, что затеял изобретательный траппер: их запугала первая неудача, они боялись, что, как только передовые воины опять проникнут в ров (а оттуда неслись еще стоны умирающих), опять польются потоки кипящего масла, и краснокожие довольствовались обстрелом асиенды, стараясь выбить из строя возможно большее число защитников.

— Ну, пора! — крикнул Мэри и Джорджу агент, закончив свою работу. — Не теряйте ни мгновения! Через несколько минут краснокожие дьяволы будут уже здесь, и тогда горе тому, кого они найдут в этих стенах!

— Что будет с нами? — сжал кулаки Джордж Деванделль, с тоскою оглядываясь вокруг.

— Авось мисс Мэри спасем! — ответил Джорджу Джон Мэксим. — Индейцы, конечно, будут гнаться за нами. Но лишь бы удалось прорваться! Ведь наши лошади неизмеримо лучше их мустангов, а кроме того, на нашей стороне будет неожиданность вылазки, свежесть лошадей. Уйдем в прерию, пусть гонятся! Уйдем... или погибнем, но погибнем не в ловушке, а сражаясь.

Перекличка, произведенная на скорую руку Джорджем Деванделлем, дала малоутешительные результаты: в самом деле, за эти часы отчаянной борьбы как-то совершенно незаметно ряды защитников асиенды ужасно поредели: негры и мулаты выбывали из строя. Большинство было убито пулями, попадавшими в лоб, когда приходилось выглядывать из-за бруствера. Некоторые, получив раны в грудь, не беспокоя товарищей, заползали в какой-нибудь угол и там безропотно умирали. В данный момент в живых оставалось всего

[illegible] человек, включая и всех белых. Ясно было, что с таким оборотом дальнейшая защита асиенды немыслима...

К счастью, индейцы пока применяли прежнюю тактику: все еще не решаясь идти на приступ, они носились на уже уставших конях вокруг усадьбы и стреляли, стреляли...

Дав еще пару залпов по врагам, причинивших краснокожим некоторый урон, потом снова зарядивши все огнестрельное оружие, обитатели усадьбы уже начали усаживаться на лошадей, рассчитывая применить следующий маневр: перед проломом были выстроены все лошади, числом более тридцати. Половина их должна была выскочить из усадьбы без всадников и этим вызвать замешательство среди ближайших индейцев.

В тот самый момент, когда Джон Мэксим собирался уже давать команду, раздались отчаянные крики:

— Огонь! Пожар! Асиенда горит!

В самом деле, над крышей усадьбы поднимался, крутясь, огненный столб дыма и искр. И тут же прыгала, кривляясь, Миннегага, оглашая воздух криком злобного торжества. В руках у индианки пылал факел. Это она, ускользнув с непостижимой ловкостью от всех поисков, скрылась в каком-то закоулке, выждала время и теперь привела в исполнение, должно быть, давно задуманное: подожгла жилище ненавистных ей белых...

Обезумевший от гнева индейский агент вскинул карабин к плечу и послал в неистово плясавшую и кривлявшуюся индианку пулю. Но Миннегага метнулась в сторону и скрылась в облаке дыма.

— Вперед! — крикнул, перезаряжая ружье, янки. — К дьяволу! Попал или не попал, все равно! Нам не до нее! Толкайте столбы, друзья!

С грохотом рухнула большая часть забора, образуя, как и предвидел Джон Мэксим, некоторое подобие моста через ров. В том месте, где лег этот своеобразный мост, находился отряд из пятидесяти или шестидесяти индейцев. Кони их при грохоте валившихся столбов шарахнулись в сторону, выбивая из седел и затаптывая всадников. В тот же миг через мост пронесся вихрем табун почти из двадцати неоседланных лошадей, обезумевших от страха, подгоняемых криками и ударами несшихся следом за ними четырнадцати беглецов. Одновременно загремели выстрелы из карабинов и пистолетов, укладывая тех индейцев, которые успели увернуться от несшейся на них живой лавины.

Молниеносный бросок удался, путь для беглецов был открыт, и маленький отряд, нещадно пришпоривая лошадей, ринулся к лесу, рассчитывая, если удастся уйти от преследования краснокожих, броситься в прерию и попытаться добраться до вспомогательных американских отрядов.

Разумеется, поднятая вылазкой суматоха, выстрелы, крики индейцев почти уничтоженного неожиданным нападением отряда — все это не замедлило привлечь к себе внимание главных сил

краснокожих, державшихся по другую сторону усадьбы и руководимых Яллою, Черным Котлом, Красным Облаком и Левою Рукою. Первый момент замешательства быстро прошел, индейцы с яростными криками поворотили лошадей и кинулись в погоню за беглецами, на полном скаку осыпая их пулями.

Туманная мгла, толчки от быстрой скачки и, наконец, просто недостаточная ловкость индейцев в обращении с огнестрельным оружием — все это было причиною того, что беспорядочная стрельба краснокожих давала самые плачевные результаты: пули буравили воздух и уносились вдаль, не попадая в беглецов.

Но когда стреляет сразу несколько сот человек, хотя бы и при крайне неблагоприятных условиях, нет ничего удивительного, что некоторые пули все-таки достигают цели. В самом деле, через мгновение, вскрикнув диким голосом и выронив из рук карабин, свалился с лошади один из негров, скакавших в последних рядах беглецов. Его грудь была прострелена насквозь, он умирал, и остальным беглецам было не до того, чтобы помогать упавшему... Они понеслись дальше. К корчившемуся в предсмертных судорогах бедняге подскакал Левая Рука и спрыгнул с лошади. Пронесся дикий торжествующий крик, похожий на вой шакала, и, когда вождь араваков снова вскочил в седло, в его руках был новый кровавый трофей: ветер шевелил черные курчавые волосы негра. У Левой Руки прибавилось еще одним скальпом...

Следом за негром погибли два мулата.

Их тоже прикончили и скальпировали гнавшиеся по пятам за беглецами индейцы.

Оглянувшись, прикрывавший вместе с трапперами отступление Джон Мэксим невольно вскрикнул: он увидел неподалеку массивного и могучего коня, во всаднике которого без труда распознал лжегамбусино, Красное Облако, вождя Воронов. Но индеец был не один: ускользнувшая каким-то чудом из пылающей усадьбы Минегага уже присоединилась к отцу и теперь неслась в бешеной погоне за ненавистными белыми, сидя за спиною отца и понукая коня пронзительным нечеловеческим криком.

— Видел? Змея! Как она выскочила из огня? — крикнул трапперу Гарри индейский агент.

— Видел! — отозвался тот. — Постой, я попробую снять ее с седла пулею...

— Оставь! Нельзя задерживаться ни на мгновение, — остановил его Джон Мэксим. — Гони, гони своего коня, а то быть и твоему скальпу у седла какого-нибудь краснокожего...

Повинуясь приказанию агента, Гарри помчался вперед, ворча, что из-за этой проклятой индианки, помимо всего прочего, ему пришлось не раз лишиться своей законной порции...

— Не ворчи! — окликнул его Джон Мэксим. — Дай Бог нам хоть унести благополучно ноги! Уцелеем, тогда посмотрим. Доберемся и до индейцев. Тогда я охотно уступлю тебе девчонку, а на

себя возьму обязанность отправить к Маниту или куда-нибудь еще подальше ее мамашу, этого сахэма в юбке, Яллу!

Беглецы, выбравшись с территории асиенды, неслись на восток, ибо только в этом направлении могли оказаться войска правительства Штатов, но в этом же направлении могли встретиться и бродящие по степи чейены.

Но надежды Джона Мэксима на то, что индейские лошади во многом будут уступать коням полковника Деванделля, оправдывались в незначительной степени: километр за километром оставался позади беглецов, а крики индейцев доносились ясно и отчетливо, и часто над головами преследуемых свистели пули краснокожих.

Правда, в погоне принимали участие отнюдь не все индейцы: большинство очень скоро отстало, может быть, из-за усталости лошадей, а может, и занявшись окончательным разгромом асиенды и угоном еще уцелевшего скота. С тем большим остервенением продолжал погоню весьма значительный отряд краснокожих на казавшихся неутомимыми мустангах во главе с неукротимой мстительницей Яллой, женщиной-сахэмом племени сиу.

И мало-помалу таял отряд беглецов: безжалостные пули находили свои жертвы среди негров и мулатов... Каким-то чудом до сих пор невредимыми оставались только дети полковника Деванделля и трапперы.

В этой безумной, отчаянной скачке прошло, таким образом, более двух часов. За это время почти все спасшиеся из асиенды негры и мулаты погибли, и их скальпы были в руках беспощадных индейцев.

Но невероятные усилия лошадей краснокожих, уже достаточно утомленных предшествующими тяжелыми атаками на асиенду, стали наконец сказываться усталостью: индейцы, только что, казалось, уже нагонявшие преследуемых, чтобы покончить с ними, вдруг начали отставать все больше и больше. Они немилосердно хлестали своих коней, кололи их ножами, но лошади уже выбивались из сил и замедляли безумный бег. А кони белых, хотя и утомленные, все же были еще способны к скачке и уносили своих седоков все дальше и дальше от смертельной опасности.

Надежда начала проникать в сердце Джона Мэксима. Если бы удалось продержаться еще полчаса, дело индейцев, по крайней мере на этот раз, будет проиграно.

Но прошло еще несколько минут, и с уст Джона Мэксима сорвался крик отчаяния, а лицо его побледнело и на глазах выступили слезы.

— Что случилось? — спросил его скакавший рядом траппер Гарри.

— Мы... пропали! — воскликнул срывающимся и тоскливым голосом янки.

— Что ты говоришь, Джон? Что случилось? Ведь индейцы-то отстают, а мы еще в силах уходить...

— Впереди полоса болота!

— Проклятье! Что же делать, Джон? Неужто сдаваться?

— Нет! Попытаемся еще раз. Помнишь, как мы проскочили тогда? Может быть, удастся и теперь. Найдем какой-нибудь брод...

— А если мы повернем вдоль берега? Ведь можем попасть на плавучие пески, и тогда...

Джон Мэксим безнадежно махнул рукою:

— Свернуть в сторону — это значит отдаться индейцам. Они сейчас же перережут нам путь и схватят нас голыми руками... Так вперед же!

И Джон Мэксим погнал своего коня в тинистые воды болота. Почти тотчас же его лошадь погрузилась чуть ли не по холку и потеряла почву под ногами, но неимоверным усилием выкарабкалась из засасывающей ее грязи, сделала отчаянный прыжок, нащупала копытами более устойчивую почву и пошла, показывая путь другим.

Через некоторое время позади Джона Мэксима послышались отчаянные крики: кони обоих трапперов провалились почти одновременно и загородили дорогу остальным.

— Пришпоривайте, пришпоривайте! — кричал Джон Мэксим, конь которого, как безумный, огромными прыжками проносился по болоту и был уже близок к спасительному берегу.

Но тщетны были усилия Гарри и Джорджа: их лошади завязли безнадежно. Они с каждой минутой погружались в тину, их засасывала бездна...

Та же участь постигла и несчастных детей полковника Деванделля: индейцы приближались, а бледнолицые, за исключением одного Джона Мэксима, тщетно бились в зыбкой тине болота...

Джон Мэксим уже благополучно выскочил на берег. В это время до его слуха донесся клич Левой Руки:

— Стреляйте по цветным, но берегитесь убить бледнолицых! Ялла хочет иметь их живыми и невредимыми...

Джон Мэксим поднял на дыбы своего коня, словно решившись вновь присоединиться к товарищам, но потом, тряхнув головою, дал шпоры своей лошади и скрылся из глаз...

В глубине сердца и Джордж и Мэри думали, что янки поступил не так, как должен был поступить: он оставлял их в руках индейцев. Но потом пришла мысль: ведь возвращение Джона Мэксима было совершенно бесполезным. Он жертвовал бы собою, ни на йоту не изменяя положения остальных. А оставаясь на свободе, он, может быть, мог еще оказать помощь несчастным...

Загремели выстрелы карабинов краснокожих, и немногие уцелевшие негры и мулаты, барахтавшиеся в болоте у ног Мэри и Джорджа Деванделль, были поглощены бездной, прекратившей агонию и спасшей бедняг от невероятных мучений, которым они подверглись бы, если бы попали живыми в руки краснокожих.

Оба траппера, стиснув зубы, держали карабины в руках, готовясь стрелять. Но мгновение спустя Гарри опустил ружье со словами:

— Ничего не поделаешь! Шабаш! Быть бычку на веревочке! Плакали мои волосы... Но не будем понапрасну еще больше раздражать этих господ: они и так разъярены в достаточной мере... Одним мертвым индейцем больше или меньше — никакой разницы не будет, а они попросту сейчас же перестреляют нас.

Оглянувшись, Гарри вздохнул:

— А Джон таки улепетнул? Ну что же? Ему повезло! Пожелаем ему счастливого пути. Пусть хоть он унесет от краснокожих свой скальп.

Затем он швырнул в тину свое ставшее бесполезным ружье.

— Не доставайся дьяволам!

В это время на берегу саванны находилось уже не менее ста человек индейцев. Ружья их были направлены на неподвижно застывших среди тины беглецов. Если бы Ялла или Левая Рука подали сигнал, все было бы покончено в мгновение ока...

— Мистер Джордж! Мисс Мэри! — сказал прочувствованным голосом Гарри, обращаясь к обнявшим друг друга бледным детям полковника Деванделля. — Не падайте духом! Право же! Подумайте хорошенько. Мне пришла в голову одна мысль, может быть, глупая, потому что я ведь простой невежественный степной бродяга...

— Говорите, Гарри! — трепетным голосом ответила девушка.

— Да, видите ли, конечно, нам не уйти от индейцев. Все равно что взяли уже нас. Сами видите... Но Джон-то улизнул. А он не такой человек, чтобы бросить товарищей в беде! Ей-богу! Вы еще не знаете, какой человек этот агент! Что вы думаете? Ведь он-то поскакал по тому направлению, откуда рано или поздно придут наши солдаты, ополченцы, волонтеры Колорадо... Не падайте духом, говорю вам! Может быть, Джону посчастливится, он отыщет братьев, приведет их на помощь. Главное — протянуть время... Поняли? Покуда человек жив — так всегда говорит сам Джон, а он старая лисица, — отчаиваться глупо...

— Кажется, я еще не собираюсь плакать, — ответила девушка. И добавила: — Если понадобится умереть, мы, надеюсь, покажем врагам, что мы дети славного отца!

— Да, да! — согласился юноша. — Самое главное — показать ужасной женщине, почему-то преследующей ненавистью нашу семью, что мы ее не боимся, что мы ее презираем, что презираем и саму смерть!

— Бедные дети! — пробормотал траппер Гарри, тайком смахивая слезу с ресниц.

— Ну, бледнолицые? — донесся до несчастных злорадный голос вождя арапахо, Левой Руки. — Сдавайтесь!

Гарри обернулся к нему и, глядя на него в упор, ответил:

— Да, но при одном условии!

— В наших руках, и осмеливаетесь говорить об условиях? — спросил индеец. — Ну, говорите, какие условия вы хотите предложить! Ха-ха-ха!

— Вы обещаете не скальпировать этих детей. Со мною и с моим братом можете делать, что вам будет угодно. Так я говорю, Джордж?

Джордж молча кивнул головой.

— А если мы откажемся дать такое нелепое обещание? — спросил Левая Рука насмешливо.

— Мы еще не в ваших руках. Бездна поглотит нас, и мы уйдем от мучений. Некому будет стоять у столба пыток и рассказать вам, сколько краснокожих койотов мы с братом перестреляли.

Арапахо пожал плечами и вопросительно взглянул на Яллу.

— Обещай им все, что они захотят! — ответила Ялла со зловещей усмешкой. — Надо захватить их, а потом... Разве слово, данное бледнолицему, должно быть свято исполнено?

Левая Рука крикнул беглецам:

— Хорошо! Сдавайтесь! Скальпы этих щенков останутся на их головах!

— Поклянитесь именем Маниту! — потребовал Гарри.

— Даже рукой первого человека! — ответила Ялла.

— Но как ты нас возьмешь? Мы не можем тронуться с места, если бы даже пожелали! Нас окружает зыбкая трясина, готовая поглотить каждого, кто попытается приблизиться к нам! Наши лошади тонут!

Левая Рука оглянулся вокруг и, увидев невдалеке молодой лесок, распорядился:

— Делайте летучий мост! Деревьев достаточно. Томагавки у вас есть...

Моментально пятьдесят или шестьдесят человек принялись бешено рубить деревья, и в несколько минут на берегу болота уже валялось полдюжины стволов. Их перетащили, не очищая от сучьев и листвы, к тому месту, где находились беглецы.

Гарри, сняв с седла погрузившейся уже по шею лошади мисс Мэри, перебрался с девушкой на сушу. За ним последовали его брат и Джордж Деванделль.

Гарри приблизился к смотревшей с высоты седла своего коня с высокомерием и насмешкой Ялле и сказал, глядя ей прямо в лицо полным ненависти взором:

— Ну, ты довольна, кровожадная тварь?

Уста Яллы скривились сардонической улыбкой.

— Да. Но, к сожалению, один из вашей компании сбежал. А у него был недурной скальп, который украсил бы мои мокасины! Но я не теряю надежды, что поймаю его, как поймала вас, белые!

МЕСТЬ ИНДИАНКИ

Час спустя после описанных в предшествующей главе событий отряд из двухсот арапахо и сиу покинул окрестности саванны и направился, идя рысью, на восток. Отрядом этим руководили знакомые нам вожди краснокожих — женщина-сахэм Ялла, Левая Рука, Черный Котел. За спиною Красного Облака сидела Миннегага, кажется, готовая сойти с ума от радости.

Сиу шли в головной колонне, так как они лучше других были знакомы с простиравшейся на восток прерией. Между ними и арапахо, под присмотром отдельного отряда лучших воинов, шли четверо пленников.

Победители оставили злополучным бледнолицым их лошадей, но из предосторожности скрутили за спиной руки и привязали к седлам не только двух трапперов, но и детей полковника Деванделля. Подошедший к моменту отправления каравана в путь значительный отряд индейцев, тоже принимавший участие в погоне, но отставший из-за уставших лошадей, остался на берегах болота, вероятно, чтобы произвести разведку или следить за калифорнийской границей, откуда могли появиться войска американцев.

Бесконечно печальны были лица всех четырех пленников. Грустны были их думы и бледны измученные лица.

Куда вела их Ялла? Что хотела она сделать с ними? Почему не распорядилась убить их, как были убиты несчастные негры и мулаты, бежавшие из асиенды?

Конечно, пленники не забыли торжественного обещания Левой Руки, но никто из них, даже дети полковника Деванделля, не обманывали себя ложными надеждами, зная вероломство краснокожих. Оставалась одна только надежда в сердцах, но она была так слаба... Джон Мэксим спасся; может быть, он приведет помощь.

Теперь несчастные пленники упорно думали о судьбе бежавшего агента. Им казалось, что они еще слышат топот копыт его коня, уносящего своего всадника в беспредельные просторы степи. Конечно, индейцы не могли предпринять погоню за бежавшим траппером: среди них было много безумно храбрых воинов, презиравших смерть, но не нашлось ни одного человека, который рискнул бы пустить свою лошадь по равнине, где на каждом шагу попадались полосы зыбучих песков. Таким образом, Джон Мэксим, никем не преследуемый, мог скрыться в прерии. Но значило ли это, что он спасен? Ведь по прерии бродят отдельные банды чейенов, которые истребляют поселки, поджидают возможное появление передовых отрядов посланных на войну войск, и как легко одинокому всаднику наткнуться на индейских воинов и погибнуть в неравной борьбе, имея лишь возможность как можно дороже продать свою жизнь...

А если Джон Мокси каким-либо чудом избежит гибели, то когда он доберется до друзей? Когда он может привести их для спасения своих пленников?

Нет, нет, никакой надежды на спасение не было...

В полдень оба отряда краснокожих, к которым присоединилось еще много индейцев сиу и арапахо, сделали привал.

В короткое время была срезана или вытоптана трава прерии на огромном пространстве, чтобы разведенные костры не стали причиной пожара. Сиу и арапахо расположились на отдых, позаботившись, конечно, о том, чтобы их пленники не могли сбежать.

Им развязали руки, но ноги оставили крепко связанными ремнями из сыромятной кожи.

На дымящихся кострах зашипели огромные куски мяса быков и целые бараньи туши, наполнявшие воздух вокруг жирным чадом. Стреноженные лошади получили возможность побродить по прерии и подкормиться сочной степной травой.

Хотя индейцы и были вполне уверены, что на многие десятки миль вокруг нет ни единого белого, они не пренебрегли обычной предосторожностью: вокруг лагеря были заботливо размещены пикеты конных часовых, наблюдавших за окрестностями.

На пленных, оставленных под присмотром нескольких молодых воинов, казалось, никто во всем лагере не обращал никакого внимания, за исключением одной Яллы, которая время от времени подходила к месту, где расположились белые, и, не произнося ни единого слова, злорадно блестящими глазами глядела на них, по временам проводя пальцем по горлу, показывая, как будут краснокожие резать своих врагов.

Пользуясь тем, что в непосредственной близости никого не было, а Миннегага, окликнутая Красным Облаком, принялась уплетать кусок полусырого мяса, Джордж Деванделль вполголоса обратился к трапперу Гарри, лежавшему рядом с ним, со словами:

— Ну что вы думаете обо всем этом, Гарри?

— Ей-богу, ничего не разберу, мистер Деванделль! — отозвался, почесывая затылок, простодушный малый. — Так ведь, брат?

Другой траппер молча кивнул головою.

Гарри заговорил снова:

— Во-первых, я думаю, что индейцы порядочные свиньи: сами жрут, а о том, чтобы дать нам что-нибудь, и не думают...

Невольно Джордж Деванделль улыбнулся.

— Ну это еще полбеды, Гарри! — сказал он. — А вы лучше скажите, что будет с нами? Почему, например, нас куда-то увозят? Ведь индейцы едва ли пощадят нас.

— Так-то так, мистер Джордж! Я и сам удивляюсь, почему еще скальпы держатся на наших головах...

— Быть может, они просто откладывают удовольствие привязать нас к столбу пыток до того времени, когда соберутся вместе все их отряды, участвовавшие в разгроме асиенды? Ведь мы все-таки, надо

заметить, достались им не даром! На каждого павшего с нашей стороны человека приходится, по крайней мере, три-четыре, а то и пять краснокожих. У убитых есть родственники. Они, значит, имеют право участвовать в пытках...

— Нет, мистер Джордж! Это все верно, но тут таится что-то другое, а что именно, ни я, ни мой брат разобрать не можем.

— А может быть, Ялла просто-напросто хочет держать нас в качестве заложников, и если их пресловутая священная война кончится поражением, выговорить себе пощаду взамен нашей свободы? — высказал предположение Джордж Деванделль.

— Возможно, но я в этом далеко не уверен! Ради получения заложников Ялла едва ли затеяла бы всю эту кутерьму!

— Но в чем же, в чем дело? — с глубокой тоскою спросил юноша. — Что замышляет эта ядовитая змея, женщина-сахэм?

— Бросьте ломать голову себе понапрасну! — отозвался трапер Джордж. — Ни до чего не додумаетесь. Чтобы разобраться в этой путанице, надо бы уметь читать чужие мысли и заглянуть в душу Яллы. Во всяком случае, мистер Деванделль, приготовьтесь к самому худшему. Я знаю одно: по своему вероломству, свирепости, какой-то сладострастной жестокости эта индианка, как говорил нам Джон, превосходит всех сахэмов-индейцев, вместе взятых.

Невольно стон вырвался из груди молодого асиендера:

— Ах, хотя бы она скорее покончила с нами!

— Ну, с этим я не согласен! — тряхнув головою, ответил неугомонный Гарри. — Во-первых, я еще не пообедал, а на голодное брюхо и умирать как-то не хочется, а во-вторых, тот же Джон говорил: «Помереть всегда успеем...»

— Но, значит, Гарри, вы все-таки еще на что-то надеетесь?

— Ах, Господи! Да ведь я траппер. А мы знаем столько чудесных историй! Спасались люди и после того, как простояли уже добрый час или два у столба пыток. Почему нам непременно погибать? Не вижу разумной причины для этого, как сказал бы Джон Мэксим, если бы он не удрал, а был бы здесь с нами. Затем я, признаться, никак не могу отделаться от мысли, что агент-то на свободе... Может быть, он-таки приведет нам помощь...

Джордж Деванделль угрюмо покачал головою.

— Мало надежды! — со вздохом сказал он.

— Ну, для кого как... Стойте! Ура! Я, кажется, напрасно обругал индейцев: смотрите! Ей-богу, это они для нас тащат мясо! — закричал Гарри, видя, что двое краснокожих несут к месту, где лежали пленные, котелок с каким-то месивом и куски бычачьего мяса на вертеле.

Как ни измучены были пленники, как ни печальны были одолевавшие их мысли, но природа предъявляла свои права, и предложенная индейцем пища пришлась бледнолицым как нельзя более по вкусу.

После трапезы краснокожие, сменив часовых, стали укладываться спать, пленники не замедлили последовать их примеру и тоже погрузились в глубокий сон.

Перед заходом солнца лагерь опять пришел в движение: по-видимому, краснокожие рассчитывали сделать большой ночной переход. Лошадей собрали, напоили, пленников подняли, опять связали им руки за спиной, потом самих их привязали к лошадям и тронулись в путь, идя в том же порядке, как и до привала.

Когда окруженные со всех сторон стражей пленники усаживались на лошадей, мимо них проскакала Ялла на своем великолепном белом мустанге, сопровождаемая Красным Облаком, за спиною у которого сидела и кривлялась Миннегага.

Красное Облако глядел в сторону бледнолицых, словно не видя их: его лицо с резкими чертами казалось окаменевшим, глаза смотрели равнодушно, без симпатии, но и без злобы. Казалось, бледнолицые перестали существовать для лжегамбусино...

Ялла, однако, держалась иначе: она улыбалась высокомерно и злобно, а Миннегага во мгновенье ока проделала целый ряд движений рукою, показывая, как выкалываются у живого человека глаза, как обрезают нос, вырезаются губы, как вырывают ногти, язык, сердце, как, чтобы продлить мученье, перепиливают тупым ножом горло...

Гарри не выдержал злобного взгляда Яллы. Кровь бросилась ему в лицо. Он рванулся с такой силой, что ремни, связывавшие его руки, затрещали, но освободиться от уз ему не удалось.

— Будь ты трижды проклята, индейская пиявка! — задыхаясь от злобы, крикнул Гарри в лицо Ялле.

Индианка придержала своего коня.

— Что ты говоришь, бледнолицый? — спросила она, улыбаясь.

— Куда ты нас увозишь?

— Ты слишком любопытен. Разве ты ребенок?

— Что ты будешь делать с нами?

— Опять-таки ты слишком любопытен...

— Уж не думаешь ли ты нарушить данное обещание?

Ялла презрительно улыбнулась и в третий раз промолвила сухим и резким голосом:

— Узнаешь в свое время!

Ее конь заплясал на месте на задних ногах и, сделав прыжок, понесся по прерии, по грудь утопая в ярко-зеленой траве. Роскошно расшитый плащ женщины-сахэма племени сиу развевался за ее спиной.

— Эй ты, фальшивый гамбусино! — вне себя крикнул Гарри стоявшему тут же Красному Облаку. — Ты трусливый койот, прятавшийся у нашего огня, когда тебе грозила опасность, подбиравший крохи от нашего стола! Скажи ты, что ждет нас!

Лицо Красного Облака чуть-чуть покраснело, глаза загорелись. Но он сдержался и ответил сухо, но без ругательств:

— Если великая Ялла, моя жена, не сочла нужным сказать тебе об этом, то почему же я, муж Яллы, должен знать больше тебя?

Ирония и нескрываемая горечь сквозили в словах индейца. Но бледнолицые не могли заметить этого.

— Твоя жена? Ялла твоя жена? — вырвался изумленный крик из уст обоих трапперов.

Не отвечая, Красное Облако стиснул коленями бока своего коня и ускакал, не удостаивая пленников больше ни единым взглядом.

— Фью! — свистнул Гарри и расхохотался.

— Слышал ты, брат? Вот так штука! У нашего фальшивого гамбусино жена — знаменитость. Он должен повиноваться ей. Потому что ведь она сахэм. Здорово? Теперь я понимаю, почему эта каналья... — я говорю о самом гамбусино, а не о его знаменитой жене — так оберегал девчонку: ведь если Ялла его жена, то Миннегага его дочь! Ну, если бы мне досталась такая жена и такая доченька. Будь я трижды проклят! Извините, мисс Мэри! Сорвалось!

Второй траппер, глядя мрачно сверкавшими глазами вслед лже-гамбусино, пробормотал:

— Моли своего Маниту и всех ваших индейских святых мужского и женского пола, предатель, чтобы мне, Джорджу Литтону, не удалось вырваться из ваших рук. Если вырвусь, клянусь, перегрызу тебе зубами горло, куда бы ты ни спрятался! Даже на дне моря отыщу тебя!

— А большого дурака сваляли мы с тобой, Джордж? — потешался над братом Гарри, к которому, казалось, вернулось хорошее расположение духа, благо желудок, наполненный кусками жареного вкусного мяса, покуда не предъявлял требований на новую порцию пищи.

— Предатель! Предатель! — бормотал Джордж, скрипя зубами в бессильной ярости.

Зашло солнце, и на землю спустилась мгла. Потом торжественно всплыла на ясном небе луна и залила своим мягким светом прерию.

А индейцы, вытянувшись в походную колонну из пяти или шести всадников в ряд, все еще гнали лошадей, причем пленникам не могло не броситься в глаза, что краснокожие почему-то старались по возможности соблюдать тишину: теперь не было ни криков, ни песен.

Через некоторое время недоумение возросло еще более — индейцы круто свернули к северу.

Ведь индейцы начали войну с американцами. Но что же могло означать уход чуть ли не целой армии к северу, где индейцы не могли ни встретиться с бледнолицыми, ни вступить в бой?

Около полуночи вдали показались блестящие точки. По-видимому, это были костры большого индейского отряда, расположившегося на отдых в этой части прерии.

Гарри, которому была известна местность, не мог сдержаться и вскрикнул удивленно:

— Джордж! Погляди-ка! Будь я проклят... Извините, мисс Мэри, я нечаянно... Джордж! Будь я неладен, если нас не тащат к месту, которое нам обоим хорошо знакомо! Да ведь это вблизи того самого монастыря мы прятались с Джоном Мэксимом от волков! Помнишь! Удивительная штука! На кой черт... Извините, мисс Мэри...

— Ну, на это я могу тебе ответить лишь словами Яллы! — отозвался его брат.

— То есть?

— Ты слишком любопытен. Узнаешь в свое время!

Прошло еще некоторое время. Огни костров казались все более яркими. Оттуда, где они горели, уже доносились смутные голоса, ржание лошадей.

— Ей-богу, если индейцы не окончательные свиньи, они дадут нам поужинать! — встрепенулся снова проголодавшийся Гарри.

У развалин «Монастыря крови» расположился действительно большой лагерь. Это было становище чейенов. Кроме сотни воинов этого племени, тут находилось значительное число женщин и детей, расположившихся как дома и устроивших довольно удобные вигвамы.

Чейены радушно приветствовали союзников оглушительными криками. Ялле были устроены овации: ее считали душою великого восстания и достойною исключительных почестей, никогда не оказываемых индейцами женщинам.

Когда сумятица, неизбежная при приходе большого отряда в становище, улеглась и все сошли с лошадей, Левая Рука приблизился к пленникам и сказал им:

— Следуйте за мною, если вам дорога жизнь!

— Куда? — осведомился Гарри.

— В подземелье.

— Зачем ты уводишь нас в эту яму? Разве у вас некому сторожить нас здесь?

— Там вам будет удобнее! — ответил со зловещим смехом сахэм.

— Помнишь ли ты свою клятву перед лицом Маниту и аркою пещерного человека?

— Это насчет того, чтобы оставить в покое ваши скальпы? Признаться, у меня такая слабая память... Разве я что-нибудь в самом деле обещал вам? Ах да, да, вспомнил... Ну идите же!

Десять индейцев с факелами в руках, окружив пленников и грубо толкая в спины, повели их к развалинам монастыря.

Сделав несколько десятков шагов и очутившись в стенах монастыря, пленники увидели, что тут собрались вожди чейенов, арапахо и сиу. Разумеется, среди них находилась Ялла. Тут же стоял, несколько позади своей жены, лжегамбусино, державший за руку

Миннетагу, а еще поодаль — Черный Котел и какой-то незнакомый воин.

— Гарри! Что ждет нас сейчас? Что значит это собрание? — спросил упавшим голосом Джордж Деванделль у державшегося рядом траппера.

Тот пожал плечами.

— Кто его знает, мистер Джордж? Одно только могу и сказать: какая-нибудь пакость... Это как Бог свят... Извините, мисс Мэри!

Пленников провели через развалины до подземелья и почти столкнули по лестнице.

Подземелье было тускло освещено факелами. У входа в него стояли четыре воина сиу с бесстрастными лицами. Они невозмутимо курили свои трубки, не обмениваясь ни единым словом.

— Где пленник? — коротко спросила Ялла.

— Там! — показал в угол подземелья один из воинов.

Там, на охапке сена, виднелась какая-то человеческая фигура.

Ялла взяла у одного из часовых факел и направилась в угол. При ее приближении лежавший на сене человек поднялся со стоном. Это был мужчина лет сорока пяти или пятидесяти, с изрезанным глубокими морщинами лицом и большой седой бородой. Ужасный вид представляла его голова: на черепе не было видно волос, вместо них было можно разглядеть голую кость, здесь и там покрытую кровавыми пятнами. Этот человек был оскальпирован, и смерть пощадила его...

— Поглядите на него! — полным торжествующей злобы голосом крикнула пленникам Ялла. — Смотрите, смотрите, вы, щенки!

— Отец! — слился в одно слово крик детей полковника Деванделля, узнавших наконец несчастного...

Да, это был храбрый солдат Соединенных Штатов, тот, кого называли «грозой Дальнего Запада». Это был полковник Деванделль...

Джордж и Мэри рванулись к страдальцу, глядевшему на них полубезумным от страдания взором, но индейцы отшвырнули их в сторону. Несчастные дети упали, словно подкошенные, на грязный пол катакомбы: удар был так жесток, что их нервы не выдержали. Они лишились чувств.

Над их бездыханными телами зазвучал торжествующий, сухой, острый, как лезвие ножа, голос Яллы, женщины-сахэма сиу:

— Послезавтра на рассвете мои мокасины будут украшены скальпами твоих детей от белой женщины, Деванделль! Так я мщу за то оскорбление, которое нанес ты мне когда-то! Ты слышишь меня, мой первый муж?

Новый страдальческий стон, вырвавшийся из измученной груди несчастного полковника, был ответом кровожадной индианке.

— Взять этих бледнолицых! — скомандовала Ялла часовым, показывая повелительным жестом на братьев трапперов, полными

слез глазами глядевших на своего злополучного командира. — Привяжите их к столбу пыток рядом. Пусть наши воины потешатся завтра ночью. Они ведь давно не развлекались... Завтра еще подойдут союзники, предоставим удовольствие и им...

ЧИВИНГТОНОВА БОЙНЯ

Где был так счастливо спасшийся агент Джон Мэксим, когда совершались описанные в предыдущей главе события?

Переправившись на другой берег болота, янки без пощады гнал свою великолепную лошадь. Собственно говоря, он сам не знал, куда летел: его душа была полна горя, его мозги отказывались служить. Единственной его мыслью было — не встретятся ли на его пути какие-либо отряды американских войск, чтобы обратиться к ним с просьбой о спасении детей полковника Деванделля, попавших в руки мстительной Яллы. Когда лошадь выбивалась из сил, Джон Мэксим сходил с седла и бросался в траву прерии, не выпуская из рук повода. Ему не хотелось ни есть, ни пить, сон бежал от него, словно гонимый мыслью об ужасных событиях предшествующих дней.

Когда лошадь немного отдыхала, Джон Мэксим снова вскакивал в седло и мчался вперед и вперед, оглядывая полными тоски глазами горизонт.

И вот радостный крик вырвался из его уст: там, далеко-далеко впереди, шел большой отряд, и это были не индейцы, это была регулярная кавалерия. Их было не меньше восьмисот или даже девятисот человек.

Снова мчится как безумный измученный, готовый упасть мустанг. И его всадник, приподнявшись на стременах, кричит и машет широкополой шляпой:

— Братья! Братья!

* * *

Это было 29 сентября 1864 года, день, который на Дальнем Западе и до сих пор называют кровавым днем.

Около полуночи в лагере соединенных индейских племен шло ликование: на кострах жарились угнанные из асиенды Деванделля быки и бараны, и десятки, быть может, сотни краснокожих воинов, дико завывая, вели хоровод вокруг двух столбов, к которым были привязаны злополучные трапперы, братья Гарри и Джордж Липтоны. Индейцы еще не приступили к пытке, оставляя это удовольствие напоследок. Но похищенная в разграбленных поселках «агвардиенте», мексиканская водка, лилась рекою, и соблазн был так велик, что в оргии, позабыв осторожность, приняли участие даже часовые:

никто не охранял огромного лагеря, где собралась почти тысяча краснокожих, не считая подошедших за последний день женщин и детей. И никто не видел, что к их лагерю беззвучно подвигаются американские солдаты, которых вел агент Джон Мэксим: это был знаменитый третий полк волонтеров Колорадо под начальством полковника Чивингтона.

В нескольких стах шагах от беззаботно пирующего лагеря волонтеры остановились. Чивингтон обратился к ним со словами:

— Пусть выйдут вперед те люди, жены и дети которых зверски убиты краснокожими, братья которых скальпированы красными собаками!

Весь полк шагнул вперед и замер на месте.

— Тут, должно быть, тоже есть женщины и дети... Что делать с ними?

— Смерть! — пронесся зловещий шепот.

И через мгновенье весь полк, как один человек, обрушился на лагерь трех индейских племен.

Это была знаменитая «бойня Чивингтона»: о сражении не было и речи, потому что индейцы не успели даже схватиться за оружие.

Когда рассвело, в окрестностях развалин монастыря, где еще курились пиршественные костры индейцев, лежали груды изуродованных трупов.

Там были воины, там были женщины и были дети.

Пощады не было никому...

Спаслись от истребления лишь очень немногие: среди них был старый воин племени Воронов, лжегамбусино Красное Облако. Он умчался в степь, увозя с собой Миннегагу. Другие знаменитые вожди индейцев — Черный Котел, Белая Антилопа и сам беспощадный сахэм арапахо Левая Рука полегли там, где застигли их штыки и пули волонтеров.

Единственное сопротивление американцам было оказано маленькой группой краснокожих, собравшихся вокруг женщины-сахэма сиу, неукротимой Яллы.

Сквозь ряды кидавшихся на окружающих Яллу индейцев прорвался атлетически сложенный человек с темным лицом и сверкающими глазами.

— Наконец я добрался до тебя, индейская змея! — воскликнул он, вскидывая ружье.

Грянул выстрел, и раненная в грудь Ялла упала со стоном из седла своего белоснежного коня. Джон Мэксим, это был он, наступил ей на грудь.

— Ты убил меня, но Миннегага отомстит! — успела крикнуть индианка раньше, чем окованный медью приклад карабина раздробил ей голову.

Прошло несколько недель, и мы можем снова увидеть старых знакомцев: в мексиканском штате Сонора на одной из асиенд, полученных полковником Девенделлем в приданое за его второй

женой, находился, медленно оправляясь от ран, сам полковник Деванделль, окруженный заботливым уходом. Чудом спасенные волонтерами Джордж и Мэри, оба траппера и, наконец, сам бывший агент Джон Мэксим, уйдя из тех мест, где еще шли военные действия, жили мирной жизнью, пользуясь с таким трудом и такими страданиями заслуженным отдыхом.

А на территории Дальнего Запада все еще шли кровавые битвы: войска Соединенных Штатов вели отчаянную борьбу с краснокожими.

Казалось, потерпевшие страшный урок индейцы трех союзных племен должны были прекратить сопротивление. Но в 1865 году к ним присоединились апачи, потом команчи, и только в 1867 году, когда почти поголовно было истреблено все мужское поколение этих племен, они наконец покорились своей судьбе и сложили оружие.

Так закончилась «великая священная война» краснокожих против бледнолицых.

Пора и нам закончить наше повествование. Может быть, мы еще встретимся с героями этого рассказа.

Охотн
за скаль

РОМАН

Охотница за скальпами

РОМАН

ОХОТА НА БИЗОНОВ

— Эй, Гарри, Джордж! Вы не чувствуете запаха дыма? Или у вас носы поотваливались?!

Те, кого спрашивали — два типичных бродяги, скитальцы-охотники великих американских прерий, рослые, здоровые, костлявые молодцы с бронзовыми лицами и зоркими орлиными глазами, — озабоченно оглядывались по сторонам, шумно втягивая ароматный степной воздух.

— Должно быть, тебе померещилось, Джон, — отозвался старший из трапперов, Гарри.

— Померещилось? — начавший этот разговор гигант-охотник, словно вылитый из стали, усмехнулся. — Слава богу, ребята, мне шестьдесят лет, сорок с лишним из них я брожу по прериям, но до сих пор, если голова не кружилась от виски, мне ничего не мерещилось и никогда не обманывало обоняние. Держу пари, попахивает дымом, и странно, что вы этого не чувствуете.

Четвертый спутник, до сих пор молчавший, вмешался в разговор.

— Что вы болтаете? Я нанял вас не для болтовни, а для охоты на бизонов.

Эти слова, произнесенные высокомерным тоном, вызвали немедленный резкий отпор со стороны старшего траппера:

— Это в дряхлой Европе, милорд, вы можете кого-нибудь нанять. Таких вольных птиц, как мы, приглашают, милорд! Мы обязались сделать свое дело — и сделаем его, будьте спокойны, но командовать здесь вам не придется. Ответственность за свою и вашу шкуру здесь несем мы, уж извините, милорд. Так дайте нам самим позаботиться о деле: что вам кажется пустой болтовней, может быть чрезвычайно серьезно. Вы не в своем поместье, где за вами шляется толпа наряженных попугаями ливрейных лакеев, вы на Дальнем Западе. Гоняться за бизонами и добывать их шкуры не шутка, но за стадом бизонов может оказаться целое племя краснокожих, которые с удовольствием сдерут шкуру с нас с вами, милорд. Кстати, у вас, милорд, грива уж очень приметная, редкого в прериях рыжего цвета. Если попадетесь в руки краснокожим, эти черти будут очень рады, потому что из вашего скальпа, а может быть, и из вашей рыжей

бороды какой-нибудь шутник сделает себе великолепное украшение.

— Какое украшение, мистер Джон? — заинтересовался тот, кого траппер назвал милордом.

— Воинский значок, — ответил Джон. И скомандовал: — Стой! Право, откуда-то тянет дымом, и это меня беспокоит.

Четверо всадников, затерявшихся в беспредельных просторах великих девственных степей Дальнего Запада Северной Америки, остановились, внимательно оглядываясь по сторонам.

Трое из них, охотники, сидели на великолепных мустангах, оседланных по-мексикански. Четвертому принадлежала крупная лошадь явно английских кровей. Да и сам он резко отличался от своих спутников, в которых с первого взгляда можно было безошибочно признать сыновей Северной Америки, милорд же был типичным уроженцем туманного Альбиона. Очень высокий, неимоверно худой, он обладал водянисто-голубыми глазами и большим ртом с выпятившимися вперед зубами, остроте которых позавидовала бы любая акула. Его тощее неуклюжее тело было облачено в костюм из белой фланели, совсем неподходящий для путешествий в прериях, а на голове красовался пробковый шлем, обмотанный голубой москитной сеткой.

После пятиминутного молчания англичанин спросил старшего траппера:

— Ну что, мистер Джон, где же ваши хваленые бизоны? Я уже начинаю раскаиваться, что поверил вашим рекомендациям и поручил вам организовать эту экспедицию. Кроме усталости, я ничего пока не испытываю. Бизонов, оказывается, очень мало, и вместо охоты на них вы угощаете меня россказнями про краснокожих, хотя всему миру известно, что нынешние краснокожие — это жалкие трусы, убегающие без оглядки при виде белого.

Траппер презрительно умехнулся:

— Век живи, век учись, а дураком непременно помрешь, милорд. Должно быть, вы получили сведения о трусости индейцев от больших умников. Если верить вам, то краснокожие похожи на кроликов. Чуть на них кухарка топнет, они улепетывают под печку. Жаль, что нам с Гарри и Джорджем не довелось ни разу встретиться с такими кроткими индейцами. Если бы было время, мы могли бы порассказать вам о встречах с индейцами совсем иное. Жалко, что нет времени — меня очень беспокоит этот проклятый запах дыма: не иначе где-то горит прерия. А это такая штука, что как бы нам самим не превратиться в кроликов, которых кроткие и трусливые краснокожие собираются зажарить живьем. Так что помолчите покуда, милорд!

С этими словами старый охотник, приподнявшись в стременах, снова вгляделся в горизонт.

Близился вечер. Огненный шар солнца скатывался за зубчатые пики величественной горной цепи Ларами[1], пересекающей штат

Вайоминг, один из центральных штатов Северной Америки, и в наши дни отличающийся дикой природой и малой населенностью.

Спокойствие царило вокруг. Не было слышно ни единого звука, кроме пофыркивания четырех лошадей. Великая степь казалась безжизненной: поблизости не было ни зверя, ни птицы. Куда-то исчезли койоты, следовавшие за экспедицией в надежде поживиться остатками охотничьей трапезы — мелкие степные волки, трусливые и вместе с тем наглые, хитрые и глупо алчные.

Что-то случилось в степи, но что именно? По большому количеству следов траппери опытным глазом определили, что всего несколько часов тому назад здесь прошло большое стадо могучих обитателей прерий. А теперь, как ни всматривался в даль Джон, бизонов не было видно на всем пространстве, которое мог охватить взгляд.

— Не нравится мне это, — угрюмо ворчал он. — Что-то творится вокруг, а что — никак не разберу. Тишина эта подозрительна. Хоть бы кто-нибудь голос подал.

Словно в ответ на ворчание старого охотника издалека, с расстояния не менее полукилометра, до всадников донесся отчетливо слышный звук ружейного выстрела. Джон вздрогнул и пробормотал какое-то проклятие.

— Может быть, — обратился к траппери англичанин, — здесь еще кто-нибудь охотится? Может, нам присоединиться к этим людям?

Не отвечая на вопрос милорда, Джон обратился к младшим трапперам:

— А вы, ребята, что скажете?

— Надо бы посмотреть, — отозвался Гарри. — Пока мы не выясним, кто тут шляется, располагаться на ночлег рискованно. Ведь это территория сиу. А с ними не шутят.

— Вперед, ребята! — скомандовал Джон и дал шпоры своему мустангу. Лошади, утопая по грудь в густой и сочной, но уже начинавшей заметно подсыхать под беспощадным солнцем степной траве, понеслись в том направлении, откуда донесся звук ружейного выстрела. Через пять-шесть минут всадники остановились, повинуясь крику скакавшего впереди Джона. С земли поднялась целая стая мелких и крупных крылатых хищников, коршунов и воронов, закружившая над головами охотников, оглашая криками безмолвный простор степи, словно хотели отпугнуть их от места своего пиршества. Но, видя, что охотники продолжают путь в том же направлении, трусливое воронье разлетелось со зловещим карканьем в надвигающемся ночном сумраке.

— Слезай с лошади, ребята, ружья на изготовку! Здесь что-то случилось. Не я буду, если мы не наткнемся на труп.

Ведя лошадей в поводу, охотники сделали еще несколько шагов.

— О, кровожадные дьяволы! — вырвался гневный крик у Джона. — Я это предвидел: это — знак войны. Сиу вырыли топор

войны, и Сидящий Бык[2] вышел на тропу войны. Вот их первая жертва!

Шедшие за Джоном траппперы и даже эксцентричный англичанин не могли справиться с охватившим их ужасом при виде открывшегося кровавого зрелища. В центре вытоптанной полянки стоял невысокий столб, к которому был привязан совершенно голый человек. По телу струилась кровь, стекала с изуродованной, лишенной волос головы. Три стрелы торчали в левом боку бедняги, чуть ниже сердца.

Джон спешился и, бросив повод дрожавшей всем телом лошади, подошел к обезображенному трупу и отпрянул, увидев на груди несчастного характерный знак — нарисованную кровью птицу с расправленными крыльями.

— О, это знак Миннегаги, кровожадной дочери Яллы, женщины-сахэма[3]! Если проклятая индейская змея, неосторожно выпущенная однажды из рук, теперь здесь со своими воинами — мы пропали.

— Мстит всем белым за смерть брата, расстрелянного нами в Ущелье Смерти по приказу полковника Деванделля во время первого восстания пяти индейских племен, — отозвался один из траппперов, угрюмо глядя на залитое кровью тело скальпированного.

— Не в добрый час отдал Деванделль свой приказ, — сказал Джон. — Нам дорого пришлось заплатить за расстрелянного индейца. И сам Деванделль потерял свой скальп. Кто только жив остался?

В этот момент раздался слабый глухой стон. Охотники испуганно переглянулись. Первым опомнился Джон и бросился к скальпированному, голова которого неожиданно зашевелилась.

— Он жив! — воскликнул Джон. — Гарри! Помоги мне отвязать его.

Джон выхватил длинный мексиканский охотничий нож, чтобы перерезать веревки, привязывавшие несчастного к столбу, как вдруг новый крик вырвался у него из груди:

— Великий Боже! Или мои глаза меня обманывают? Гарри, Джордж, смотрите! Ведь это Гильс, почтальон из Кампы. Ах, несчастный!

В мгновение ока оживший был освобожден от веревок и уложен на одеяло, снятое с лошади Джона. Траппер поднес к его губам фляжку с виски. Жгучая жидкость словно гальванизировала умирающего: его глаза раскрылись, мутный взгляд устремился сначала на Джона, потом на его спутников.

— Индейский агент... Это ты, Джон? И как всегда, с тобой Гарри и Джордж? А я... умираю. Поймали-таки меня краснокожие и... Конец моим странствованиям. Миннегага...

— Я так и знал! — пробормотал вполголоса Джон. — Это она мстит за смерть Яллы и Птицы Ночи.

— Я был тогда с вами в отряде Девинделля, — чуть слышно шептал умирающий Гильс. — Тогда удалось дешево отделаться, а теперь вот не выкрутился.

— Миннегага поклялась скальпировать всех, кто принял участие в той кровавой бойне, — сказал взволнованный индейский агент, вытирая капли пота, выступившие на лбу. — Эх, на кой черт меня понесло в это проклятое место, где на каждом шагу грозит гибель? Сумасшедший англичанин, от силиц гоняющийся за бизонами, мог бы и без меня организовать свою дурацкую экспедицию. А теперь гляди, как бы без скальпа не остаться, да и без головы в придачу.

— Умираю я, Джон, — глухим, чуть слышным голосом произнес скальпированный. — А ты спасайся, Джон. Скачи, несись. Найди генерала Честера. Скажи: Гильс сообщает, что Сидящий Бык вырыл топор войны. Поднялись все сиу... Бэд Тернер, должно быть, убит. Он был со мной, когда на нас напали. Доберись до Честера, Джон. Его лагерь на берегу Хорс-Крика[4]. Скажи: красные ловушку ему гото...

Гильс не закончил. По его истерзанному телу пробежала судорога, глаза закрылись, рука, лежавшая на груди, тяжело упала.

— Кончено! Одним добрым малым и храбрым траппером в прерии меньше, — произнес печально Джон, обнажая голову.

Англичанин, молча наблюдавший эту тяжелую сцену, тронул за рукав индейского агента.

— Мистер Джон! — сказал он гнусавым голосом. — Вы отвлекаетесь от ваших обязанностей. Вы, кажется, забыли, что обязались устроить мне охоту на бизонов, а вместо этого возитесь с человеком, даже не сказавшим, видел ли он тут бизонов, сколько и куда они пошли... Впрочем, это ваша вина, мистер Джон: вы должны были, прежде чем этот человек умрет, спросить его обо всем. Может быть, он еще жив? Налейте ему в рот водки, и если он очнется, то спросите его о бизонах.

Индейский агент с негодованием стряхнул со своего плеча руку англичанина и закричал:

— К черту! Если вам нужны бизоны, милорд, так отправляйтесь искать их сами! У меня теперь есть дело поважнее, чем гоняться за животными!

— Но я вам заплатил вперед! — возмутился милорд.

— Что? Заплатили вперед? Я хоть сейчас верну вам деньги! Берите и убирайтесь с ними на все четыре стороны!

— Вы нарушаете наш контракт, мистер охотник! — возмутился англичанин. — Я отправлюсь в Вашингтон, сообщу о вашем поведении нашему послу, и вас посадят в тюрьму.

— Если угодно! Пожалуйста, садитесь на вашего коня и скачите к послу или хоть к самой королеве Виктории[5], — презрительно засмеялся траппер, пожимая плечами. — Только вот сердца у вас нет, да и в чердаке вместо мозгов, кажется, дряни какой-то полно.

сыпано, но я все-таки должен вас предупредить, что мы со всех сторон окружены индейцами, и если вы двинетесь без нас, то берегите свою шкуру. Попадетесь в руки Миннегаги, пощады вам не будет, хоть вы и знатный иностранец.

— А кто эта Миннегага? — высокомерно осведомился англичанин, обращаясь к Джону. — Джентльмен или леди?

— Леди? — горько засмеялся траппер. — Я бы скорее назвал ее тигрицей в образе женщины.

— О! Это интересно! Я знал много светских львиц в Лондоне и Трувиле. Там были преопасные женщины, уверяю вас, мистер Джон. Но меня они никогда не могли покорить. И я думаю, что ваша мисс или миссис Миннегага окажется ничуть не опаснее, чем эти леди. Может быть, вы можете представить меня этой особе? У меня есть рекомендации из нашего посольства в Вашингтоне. Если потребуются какие-либо издержки, я не замедлю оплатить счет.

Тут траппер не выдержал и рассмеялся.

— Убей меня Бог! — воскликнул он. — Видел я чудаков и юродивых, но такого, как вы, милорд, еще не приходилось. Да поймите вы — эта «леди», которой вы так хотите быть представлены, два-три часа тому назад скальпировала несчастного Гильса.

— Но он был американец, — невозмутимо отозвался милорд, — а я — англичанин.

— Миннегага не спросит, откуда вы: прирежет или пристрелит — вот и все. Не будьте чудаком, милорд! Да и нам некогда возиться с вами. Лишь бы удалось свои скальпы спасти и предупредить Честера.

— А это кто? — осведомился англичанин. — Какой-нибудь родственник пресловутой мисс Миннегаги?

— А ну вас в болото! — не выдержал траппер. — Мистер Честер вовсе не краснокожий, а генерал на службе Северо-Американских Соединенных Штатов. Он здесь с небольшим отрядом, и если мы его не предупредим, он может здорово вляпаться. На лошадей, ребята! И на поиски генерала!

Индейский агент взялся за узду своей лошади, но тотчас же резко остановился.

— Где моя голова, ребята?

— Разве ты ее потерял? — невольно рассмеялся кто-то из трапперов.

— Не до шуток, ребята! — рассердился Джон.

— Да что случилось? — спросил Гарри.

— Я говорю о Тернере. По словам Гильса, он был тут, и если его не убили, то, возможно, и сейчас прячется где-нибудь здесь. Понимаете? Один-одинешенек, со всех сторон окруженный опасностями. Как-никак нас тут четверо, и стыдно было бы бросить товарища на произвол судьбы. Попытаемся выручить его.

— Попытаемся, — отозвались траппера в один голос.

Из-за горного хребта выплыла светлая луна, и ее призрачные голубоватые лучи осветили прерию.

С наступлением ночи степь оживилась: правда, ни людей, ни животных охотники не встречали, но пространство вокруг них пело и рассказывало сказки ночи миллионами голосов насекомых, скрывающихся в густой траве. Время от времени доносился зловещий и жалобный вой койота, выбравшегося в сумерках из своей норы на поиски добычи.

Трапперы ехали в угрюмом молчании, охваченные чувством близкой опасности. Иногда они обменивались короткими замечаниями по поводу увиденного в пути.

Англичанин, на которого никто больше не обращал внимания, сначала ворчал что-то о недобросовестности проводников, о непременном желании сейчас же заняться охотой на бизонов, но, сообразив наконец, что и его огненной шевелюре грозит опасность украсить мокасины какого-нибудь краснокожего вождя, покорился своей участи и последовал за трапперами.

Впереди маленького отряда, прокладывая ему дорогу, ехал старый индейский агент Джон, держа под рукою бьющую без промаха винтовку. Думы странника были мрачны: его беспокоила участь Бэда Тернера.

Если Тернер не попал в руки сиу, а на это можно было надеяться, ибо этот охотник славился своей храбростью, ловкостью и находчивостью на всем Дальнем Западе, то можно было предположить, что он скорее всего где-нибудь поблизости, укрывается в густой траве.

— Такого старого хитреца, — бормотал Джон, — не так-то просто захватить врасплох. Держу пари, он и на этот раз благополучно удрал от смерти, надув зубастую ведьму, как надувал уже тысячу раз. Мы поищем его.

Прошло несколько минут в этих блужданиях, как вдруг Джон круто повернулся к Гарри и сказал:

— Что-то происходит. Может, у тебя уши заложило, хоть ты лет на двадцать моложе меня, но я-то слышу отлично: впереди нас несется большое стадо бизонов. Сам знаешь, почему бизоны не любят передвигаться, разве что уходят от какой-нибудь опасности.

— Может, индейцы за ними гонятся? — предположил Гарри.

— Черта с два! — выругался индейский агент. — Если гонятся сиу, то не за четвероногими, а за двуногими. Будь я проклят, если наше присутствие осталось до сих пор незамеченным для краснокожих ищеек Мишегаги или Сидящего Быка.

— Что же нам делать? — спросил Джордж. — Если мы пойдем навстречу бизонам, как бы они нас не растоптали!

— Дудки! — кратко отозвался Джон. — Во-первых, от копыт бизонов легче удрать, чем от лассо или стрелы индейцев. А во-вто-

рых, очень возможно, что Бэд Тернер воспользуется случаем, чтобы замести следы, и пойдет за бизонами, тогда нам легче будет его разыскать.

— Боюсь, — тихо сказал Гарри, — если этот англичанин увидит поблизости бизонов, он не удержится и примется палить по ним. И одного выстрела будет достаточно, чтобы целая шайка индейцев бросилась по нашим следам.

— Верно! — отозвался Джон. — Ну, это можно уладить.

Подъехав к англичанину, не слышавшему ни единого слова из этого разговора, Джон попросил его дать посмотреть охотничий карабин, ссылаясь на близость бизонов. Не подозревая подвоха, англичанин передал ружье индейскому агенту. Завладев карабином, Джон сказал:

— Вот что, сэр. Хоть бизоны и очень близко, но ружье я вам отдам только тогда, когда найду это нужным. А покуда обойдетесь без него.

Трудно представить, что произошло с англичанином, увидевшим себя безоружным.

Сначала он осыпал трапперов всеми известными английскому языку ругательствами, но, видя, что это на них не действует, соскочил с лошади, засучил рукава и стал вызывать на кулачный бой всех трех трапперов по очереди, обещая научить их деликатному обращению при помощи бокса.

Но и это не произвело на охотников никакого впечатления.

— Если бы я был помоложе, милорд, — процедил сквозь зубы Джон, — да голова у меня была бы набита глиной, как кое у кого из нас, не во гнев будет сказано вашей милости, — то я бы не прочь обменяться с вами парочкой ударов, чтобы испытать крепость ваших благородных костей. Но теперь не до пустяков. Делайте что хотите. А если у вас чешутся кулаки, то через пять минут вам представится отличный случай — бизоны очень близко, — выберите вы себе какого-нибудь бугая и попробуйте подраться с ним. Если же вам дорога ваша шкура, то бросьте заниматься ерундой, садитесь на лошадь и гоните следом за нами. Ни ждать, ни нянчиться с вами у нас нет ни времени, ни охоты.

С этими словами охотник тронул своего мустанга. Гарри и Джордж последовали за ним, не обращая внимания на англичанина, топтавшегося на одном месте, неистово ругаясь и размахивая кулаками, словно ветряная мельница.

— Неудобно оставлять его, — сказал Гарри.

— К черту все, — отозвался Джон. — Таков закон степи — если грозит опасность, нельзя терять время, тем более из-за фантазий этого полоумного. Он скоро опомнится и присоединится к нам. А если нет и если индейцы не оскальпируют его, мы вернемся сюда, когда пройдут бизоны, и возьмем его с собой. Но хватит болтать! Бизоны уже близко. Держите крепко своих лошадей, не разрешайте им поддаваться панике, а то будет плохо.

И в самом деле, гигантские четвероногие были уже рядом. В неверном свете луны можно было уже различить передовые ряды могучих бизонов, мчавшихся по степи. Дорогу прокладывали старые быки, с огромными, все сокрушающими рогами. На близком расстоянии за быками, тесно сбившись в кучу, мелкой трусцой двигались самки и телята. По бокам от основной массы животных тоже шли наиболее крепкие быки, должные защищать стадо с боков при нападении степных хищников.

Стадо состояло из нескольких сот животных.

В то время, к которому относится этот рассказ, на Дальнем Западе бизоны уже не водились в таком количестве, как раньше, когда нередко в стаде было три, четыре и даже пять тысяч голов. Беспощадное истребление на протяжении многих десятилетий девятнадцатого века этих великолепных животных не столько со стороны индейцев, живущих охотой, сколько со стороны алчных американцев, сократило поголовье бизонов. Но иногда, как в данном случае, еще встречались остатки огромных стад.

Наблюдая с расстояния в несколько десятков шагов могучий живой поток, опытный трапер становился все более мрачным.

— Не пойму, — ворчал он, — что творится. Единственной причиной этого бегства бизонов может быть лишь степной пожар. Запах дыма все усиливается.

— Но огня не видно, — отозвался кто-то из молодых трапперов.

— Это ничего не значит, — отозвался индейский агент. — Пока ветер слаб, мы не скоро увидим огонь. Но степь впереди нас горит.

— Что же, Джон, придется возвращаться? Подберем этого полоумного англичанина и махнем к генералу Честеру. Бэда Тернера уже не разыщешь.

Индейский агент не отвечал. Приподнявшись на стременах, он упорно глядел куда-то в сторону, сжимая дуло неразлучного карабина.

Минуту спустя он крикнул:

— Будь я неладен, если это не Бэд Тернер! Он улепетывает во все лопатки от шести или семи краснокожих, Бац! Одним красным червяком меньше. Нет — убита только лошадь, а всадник поднимается.

С небольшого пригорка, у подножия которого уже показались первые ряды бизонов, трапперам было отлично видно, как за одиноким всадником в белом плаще гналась группа индейцев.

— Вперед, ребята! — воскликнул Джон, и, повинуясь его приказанию, трапперы пришпорили своих лошадей и ринулись прямо в живой поток из нескольких сот бизонов. На скаку всадники неистово кричали и стреляли из револьверов, не целясь, с единственной целью испугать бизонов и заставить их расступиться. Рискованный маневр удался блестяще, и, словно переплыв через черные

волны ревущего потока, маленький отряд несколько минут спустя уже выбрался на простор, откуда еще яснее открылась сцена погони индейцев за беглецом.

Преследователей было пятеро. Время от времени они стреляли по беглецу, но дикая скачка не давала возможности хорошо прицелиться, и пули безрезультатно сверлили воздух.

Увидев охотников, Бэд поспешил изменить направление, чтобы скорее присоединиться к ним. Индейцы тоже заметили, что к нему идет помощь, но это их не остановило. Слишком ценной была добыча, чтобы отказаться от нее без боя, тем более что на стороне индейцев был небольшой численный перевес. И в эту голубую, полную очарования ночь по просторам девственных степей две группы людей мчались навстречу друг другу, неся в груди не мир и любовь, а ненасытную, неугасимую ненависть двух рас.

— У них, должно быть, винчестеры, — сказал Джон, придерживая своего мустанга. — Стой, ребята! Наши карабины бьют дальше, и нам надо этим воспользоваться. Цельтесь вернее! Ты, Гарри, бери кого-нибудь левее, я буду бить в середину, а тебе, Джордж, — правая сторона. Ну, разом!

Три выстрела почти слились в один. Три огненных меча рассекли воздух. Когда голубоватый пороховой дым рассеялся в душном ночном воздухе, трапперы увидели, как беглец, освободившись от погони, галопом приближается к своим спасителям. Двое индейцев, завернув лошадей, унеслись в ночную мглу. Остальных не было видно — пули охотников остановили их стремительный бег, поразив или всадников, или лошадей.

— Джон! Индейский агент! — радостно кричал, приближаясь к трапперам; спасенный. — Как раз вовремя! Я уже думал, что мне не уйти от этих зверей.

— Здорово, Бэд! — индейский агент протянул пришельцу свою могучую длань. — Рад, что мне удалось оказать тебе маленькую услугу! Только боюсь, что опасность, грозящая нашим скальпам, не исчезла. Дела у нас неважные. Ну, да об этом еще подумаем.

БЭД ТЕРНЕР

Ныне Бэд Тернер — полулегендарная фигура. Вокруг его имени, как и вокруг имени другого героя Дальнего Запада, Буффало Билла[6], создана целая литература, в которой нагромождены горы самой фантастической лжи. На самом деле Бэд Тернер — отнюдь не выдумка досужих романистов: он умер в глубокой старости в 1908 году в городе Тантоне на Миссури. Его жизнь — это пестрая и, к сожалению, часто кровавая сказка. Похождениями этого человека, не выдуманными, а настоящими, часто кажущимися

более фантастичными, чем любая сказка, можно исписать несколько десятков томов. Достаточно сказать, что на Дальнем Западе, где не удивить храбрецами, вся жизнь которых соткана из кровавых приключений, Бэд Тернер ухитрился выделиться и приобрести особую репутацию.

Бэд Без Промаха, Кровавый Бэд — таковы прозвища, данные Тернеру народом.

Но пусть наш читатель не думает, что Бэд Тернер был кровожадным молодцом типа тех многочисленных степных бродяг Северной Америки, для которых чужая жизнь — игрушка, безнаказанное злодеяние — приятная забава. Ничего подобного.

Правда, Бэд Тернер на своем веку пережил множество приключений и едва ли был в состоянии сказать, сколько человек пало от его руки. Тут были и мексиканские ковбои, и золотоискатели гамбусино, и европейские переселенцы, и охотники-янки, и еще большее число краснокожих. Но никогда Бэд Тернер не оскверинл рук, охотясь за индейскими скальпами, за которые, как известно, «гуманное» мексиканское правительство еще недавно выплачивало убийцам премию в пятьдесят долларов.

Храбрый, но сдержанный, по существу добродушный, но и самолюбивый, Бэд Тернер никогда ни на кого не нападал, никого не трогал, не искал приключений. Но горе тому, кто оскорбил или вызвал этого человека: Бэд Тернер не знал, что такое пощада. Кроме того, он был непримирим и беспощаден к той человеческой накипи, что хлынула потоком на Дальний Запад при первых сообщениях о золотых и серебряных россыпях этого сказочно богатого края. Как-то само собой получилось, что Бэд Тернер стал истребителем конокрадов, грабителей больших дорог и насильников, отравлявших жизнь населения приисков.

Услышав о кровавых подвигах какого-нибудь бандита, державшего в страхе всю округу, или обращенную к нему просьбу о помощи ограбленного поселенца или золотоискателя, Бэд Тернер являлся на место и не успокаивался, пока не свершалось правосудие. И не его вина, что в этой местности среди одичалого, предоставленного самому себе населения господствовал единственный закон: око за око, жизнь за жизнь...

Популярность Бэда Тернера была такова, что население округа Голд-Сити избрало его шерифом. Старожилы и теперь еще вспоминают, как Тернер без пощады истреблял грабителей поездов и прочих бандитов с большой дороги.

Между прочим, к этому времени относится и нашумевший поединок Тернера с одним из знаменитых злодеев Дальнего Запада, бандитом Кроуфордом, наводившим панику на многочисленные поселки у серебряных рудников Колорадо. Борьбу с бандитом вели отряды американской милиции, причем экспедицией руководил знаменитый Буффало Билл; но на этот раз прославленному герою Дальнего Запада не везло: Кроуфорд, словно заколдованный, непо-

стижимым образом исчезал из самых хитрых ловушек. Услышав об этом, Бэд Тернер прибыл за несколько сот километров к месту кровавых подвигов Кроуфорда и явился в лагерь Буффало Билла со странной и страшной ношей: он держал человеческий труп поперек седла.

— Доброе утро, Коди! — сказал он, когда Буффало Билл вышел из своей палатки ему навстречу. — Кажется, ты искал именно этого человека.

И он сбросил с седла на траву к ногам Буффало Билла изуродованный труп.

— Джек Кроуфорд? — невольно попятился Буффало Билл, узнав прославленного бандита.

— Как видишь! — хладнокровно ответил Тернер. — Он прятался в непроходимых зарослях. Ты его совсем затравил. Ну, я поехал к нему и предложил испробовать, чей револьвер лучше. Оказалось, что этот молодчик стреляет недурно, но слишком горячится, и вот я привез показать его тебе...

— Какого черта вы делаете здесь, Тернер? — осведомился индейский агент Джон, пожав руку спасшегося от индейцев шерифа. — Разве вы не знаете, что это — территория сиу?

— Именно потому, что я знал об этом слишком хорошо, вы меня встретили в приятной компании, — смеясь, отозвался Тернер. — А вот какая нелегкая принесла сюда вас, когда весь край вот-вот будет охвачен огнем восстания?

— В том-то и штука, что я ничего не знал о восстании, — несколько смущенно отозвался индейский агент. — Мы с товарищами взялись сопровождать сюда одного полоумного англичанина, чтобы устроить ему охоту на бизонов, а попали в осиное гнездо. Только два или три часа назад мы узнали, что Сидящий Бык и Миннегага, дочь кровожадной Яллы и Красного Облака, вырыли топор войны. Мы узнали это от вашего товарища Гильса.

— Значит, он спасся? Где он?

— Увы, нет. Миннегага скальпировала несчастного.

Проклятие сорвалось с губ Бэда Тернера.

— Судьба! — произнес он глухо. — Но это закон прерий.

Помолчав немного, он заговорил снова:

— Ну, господа, что ж вы думаете предпринять? Сами видите, какая тут заваривается каша. Единственное спасение — удирать отсюда как можно быстрее. Самое лучшее — следовать за бегущими бизонами, если ваши лошади еще в силе.

— Я и сам так думаю! — ответил индейский агент. — Кстати, по дороге придется поискать отставшего от нас англичанина.

— А это что еще за фигура? — осведомился Бэд Тернер.

— Поедем, а по дороге я все расскажу.

И маленькая группа галопом тронулась в путь, идя по следам убегавших к югу бизонов.

[illegible] полночи или два до полуночи и еще часа два после длился [illegible]ег. Лошади заметно устали, но еще бодро держались на ногах. Индейцы не показывались, но никто из охотников не сомневался, что они где-то рядом. Впрочем, не эта опасность смущала индейского агента: с каждым часом, по мере приближения рассвета, он все сильнее чувствовал запах гари, наполнивший душный воздух прерий. Короткая ночь миновала, забрезжила утренняя заря, погоди заблестели лучи всплывшего на горизонте солнца.

— Вот они, бизоны! — воскликнул Джон.

В самом деле огромная черная масса, живой поток, образованный многими сотнями, может быть, даже тысячами степных колоссов, чернел на горизонте, двигаясь к берегам Хорс-Крика. Там, как знали траперы, находился отряд генерала Честера, оберегавший поселения белых от возможного нападения индейцев. Отряду за последнее время немало досталось — среди индейцев шло серьезное брожение, и пять великих племен, принимавших участие в первом кровавом восстании, со дня на день готовились выйти на тропу войны.

Немного спустя Джон разглядел одинокую человеческую фигуру, двигавшуюся параллельно стаду бизонов: это был эксцентричный англичанин.

Едва охотники приблизились к милорду, как он набросился на Джона с упреками, осыпая его всевозможными ругательствами.

— Вы дерзко и нагло обманули меня! — кричал он. — Это грабеж и разбой! Это позор! Целая тысяча бизонов прошла мимо меня, а я не мог стрелять в них, я не мог убить ни одного. Я расскажу все нашему послу в Вашингтоне!

— Сколько угодно! — хладнокровно ответил Джон.

— Я напечатаю письмо в «Таймс»!

— Хоть десять! — ответил Джон. — Я вам уже говорил, милорд: не глупите. Тут не до бизонов. Впрочем, вот ваш карабин. Можете охотиться, сколько вам будет угодно. Бизоны рядом.

— Да! Я буду охотиться! Я для этого приехал из Англии!

— Хорошо. Делайте, что хотите. Но должен вас предупредить еще раз, что всем нам грозит смертельная опасность и надо отсюда удирать.

— Если вы струсили, то можете удирать! — высокомерно махнул рукой англичанин, внимательно осматривая полученное назад драгоценное оружие.

Лицо индейского агента потемнело, глаза сверкнули, но внимательно следивший за переговорами Бэд Тернер положил руку на его плечо со словами:

— Оставьте этого человека в покое. Он вовсе не эксцентричен, а просто помешан. Пусть делает что хочет.

Четыре траппера вновь погнали лошадей, покидая место, где оставался англичанин. Гарри крикнул ему:

— Эй вы, как вас там зовут? Бросьте заниматься ерундой! Индейцы церемониться не будут, а просто перережут вам глотку!

— Не ваше дело! — ответил англичанин, заряжая карабин.

Отъехав на полкилометра, охотники услышали выстрелы карабина англичанина: милорд принялся за истребление бизонов.

— Пропадет ни за понюх табаку! — проговорил, пожимая плечами, Джон.

— Да, наши дела неважны, — озабоченно отозвался Бэд Тернер. — Смотрите, дорога к реке для нас отрезана: там бушует степной пожар.

— Придется ехать в горы, — сказал Гарри.

— Едва ли мы спасемся там от пожара, — заметил Тернер, вглядываясь в дымную даль. — Впрочем, ничего другого не остается, как испробовать этот путь. А что вы думаете, Джон?

— Думаю, что самое лучшее — следовать за бизонами, — сказал охотник. — Авось, они проложат себе и нам дорогу через пылающую равнину.

УЖАСНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

Прошло около четверти часа, и четверо всадников снова встретились с передовыми колоннами бегущих бизонов. Среди животных царило беспокойство, по-видимому, они уже почуяли запах гари и сознавали, какая опасность грозит им. Бизоны мчались галопом, оглашая воздух мычанием и глубокими вздохами. Этот концерт производил ошеломляющее впечатление. Земля гудела и дрожала под копытами сотен и сотен массивных ног, стоял такой гул, словно сто локомотивов мчались по бесконечной равнине.

— Смотрите! — воскликнул индейский агент, показывая на мелькавшее вдалеке другое животное среди бизонов: это была лошадь, в которой зоркий глаз охотника узнал коня эксцентричного англичанина, но всадника в седле не было.

— Что с ним сталось, с этим полоумным? — сказал Гарри.

— Должно быть, какой-то бизон сбил его рогами с седла, — отозвался Джордж. — Туда ему и дорога. Авось, после этого он излечится от своего сплина. Или одним полоумным на свете станет меньше. Убыток не велик.

— Так-то так, — вмешался в разговор Джон, — а все же дорого бы я дал, чтобы точно знать, какая участь его постигла. Может быть, и в самом деле его затоптали бизоны, но он мог попасть и в руки краснокожих. Ведь эти звери, несомненно, будут продолжать погоню, чтобы захватить живыми и порадовать душеньку Миннегаги.

— Это уж точно! — улыбнулся Гарри. — Миннегага с предводителем краснокожих собственноручно будет пытать нас, а потом скальпирует.

— Что вы все толкуете о Миннегаге? — осведомился Терпер, поглядывая вопросительно на старшего из трапперов. — Или вам с ней приходилось сталкиваться раньше?

— Долго рассказывать, а у нас нет времени, — отозвался Джон, пожимая плечами. — Но что нам делать теперь? По-моему, надо бы дать лошадям немного передохнуть. Они еле на ногах держатся. Беда, если индейцы налетят.

Трапперы, следуя совету и примеру Джона, отпустили поводья, переводя лошадей с галопа на легкую рысь. Они продолжали двигаться по степи, зорко поглядывая по сторонам, в надежде отыскать англичанина: как-никак его великолепный карабин, если бы пришлось столкнуться с индейцами, мог оказаться весьма полезным. Но напрасно: англичанина не было видно, а его чистокровный жеребец по-прежнему двигался среди бизонов, которые, по-видимому, не обращали никакого внимания на неожиданного спутника.

Трудно сказать, что именно случилось с англичанином, но если бы он был жив и свободен, то, вероятно, дал бы знать о себе выстрелами из карабина, а выстрелов не было слышно. Значит, он или погиб, или схвачен индейцами.

Тем временем запах гари становился все сильнее и дымные тучи, поднимавшиеся на востоке, становились явственнее, словно вырастали на глазах. Временами уже можно было разглядеть целый лес дымных столбов, колыхавшихся под напором ветра, огненные потоки, бежавшие по беспредельному простору степи. Их было множество, они мчались со сказочной быстротой прямо на путников, гонимые поднявшимся с востока ветром, не зная препятствий. Одно могло удержать разлившийся по равнине пожар — вода. Но трапперы знали, что надеяться на воду не приходилось. Здесь на протяжении многих километров не было не то что реки, но и мало-мальски приличного ручья.

Бизоны с каждой минутой становились все беспокойнее: громче мычали, поднимаясь на дыбы, и бестолково толпились на одном месте или мчались тесно сомкнутыми рядами, а потом вдруг рассыпались во все стороны, чтобы через минуту снова собраться вместе. А беспощадный огонь гнался за ними по пятам, как бы наслаждаясь злой игрой с охваченными ужасом, потерявшими головы животными.

Около трех часов пополудни четыре охотника, лошади которых окончательно выбились из сил, были вынуждены остановиться и дать отдых верным животным. Кстати подвернулось небольшое и неглубокое болотце, которое помогло утолить жажду измученных людей и коней.

Едва трапперы снова двинулись в путь, как увидели, что с севера поднимаются те же зловещие столбы дыма. Свободным оставался

путь на юг и юго-запад, то есть в глубь территории индейцев сиу, но кто мог гарантировать, что степь не вспыхнет там раньше, чем белым охотникам удастся добраться до безопасного места?

— Наверное, индейцы поклялись испечь нас заживо в этой огненной печи. Пожалуй, генерал Честер получит мой рапорт о начавшемся восстании индейцев на том свете, — обескураженно пробормотал Бэд Тернер.

— Да, наше дело — табак! Ничего не могу придумать для спасения, голова совсем не работает. Дурак дураком сделался. Пожалуй, почище нашего милорда, — отозвался Джон. — Не придумаете ли вы чего-нибудь, шериф?

— Трудно придумать, — ответил Тернер. — Впрочем, попробовать можно. Очень кстати вот те болотца. Трава здесь не будет гореть так сильно, как в других местах.

В этот момент мимо находившихся в огненной ловушке траперов проходила небольшая группа бизонов. По команде Тернера охотники пристрелили несколько великолепных животных, выбирая наиболее крупные экземпляры. Затем в мгновение ока они выпотрошили туши бизонов, работая так, словно огненный поток не приближался к ним, грозя пожрать их. Было видно, что огонь кольцом подбирается к тому месту, где работали охотники.

— Понимаю! — догадался Джон. — Вы думаете, Тернер, что, забравшись в туши бизонов, мы не изжаримся?

— По крайней мере попытаемся, — ответил шериф. — Я однажды уже пробовал это: проклятые арапахо подожгли степь, чтобы выкурить меня, я убил своего коня, выпотрошил, спрятался в его брюхе, скорчившись в три погибели, и, как видите уцелел. Когда смотришь смерти в глаза, и в брюхо клячи заберешься, чтобы улизнуть от нее. Кстати: порох. Давайте сюда весь порох и вообще все заряды. У меня есть непромокаемый мешок, попробуем все то, что может взорваться, положить в эту неглубокую лужу. Туда же бросайте седла и ваши лассо. Лошадей пускайте на волю. Жалко терять их, но ничего не поделаешь...

— Уф! Становится жарко! Я задыхаюсь! А ты, брат Джордж? — спросил Гарри.

— Уже задохнулся, — отозвался тот.

— Не торопитесь: задохнуться всегда успеете! — прикрикнул на них Тернер. — Экие неженки, подумаешь! А еще трапперы.

— Да мы...

— Не болтать! Каждый в отдельности влезайте в брюхо любого из убитых нами бизонов, предварительно окунувшись в ближайшее болотце, — командовал Тернер.

И люди исчезали в окровавленных тушах животных. Кругом творилось что-то ужасное.

Огненное кольцо сжималось все теснее и теснее, оставляя пока нетронутым лишь крохотное пространство, на котором толпились не успевшие уйти от беспощадной стихии и осужденные на гибель

оводы. Искры и раскаленный пепел падали на животных дождем, нанося им мучительные раны, поджигая волнистые гривы. Дым, такой густой, что в нескольких шагах ничего не было видно, носился волнами. Казалось, горит воздух.

Прошло время, и огненный ураган, пожрав все живое на этом месте, умчался дальше, оставляя за собой обгоревшие стволы степных растений и обугленные туши нескольких сот бизонов и четырех лошадей.

Воздух был еще заполнен жаром, и местами огненные струйки бежали по почерневшей земле, когда из одной туши вылезла покрытая копотью и кровью человеческая фигура. Это был Бэд Тернер.

— Джон, Гарри, Джордж! Вы живы или изжарились? — закричал он.

Послышались глухие голоса. Три ближайшие туши бизонов, словно ожив, зашевелились, и через минуту показались остальные охотники, измученные, задыхающиеся, но все же чудом спасшиеся от гибели.

Если бы кто-нибудь заглянул сюда через полчаса, то нашел бы наших знакомых за самым прозаическим занятием: как ни ничтожно было количество воды в ближайшей луже, тем не менее траппперы, едва избавившись от опасности, немедленно выкупались и выстирали свою одежду, которая моментально высохла. Затем, осмотрев груды погибших в огне бизонов, они без труда нашли несколько таких, которые буквально изжарились заживо, и вырезали из туш наиболее сочные куски мяса. Расположившись на кочках, зелень которых была не совсем уничтожена пожаром, охотники мирно беседовали. Теперь времени было достаточно: раньше наступления ночи нечего было и думать, чтобы отправиться в путь и не попасть к индейцам, и поэтому индейский агент воспользовался случаем, дабы рассказать шерифу из Голд-Сити о прошлом и событиях, с которыми было связано имя Миннегаги.

Не будем передавать подробно содержание его рассказа, в общих чертах совпадающих с тем, что узнал читатель из нашей повести, названной «На Дальнем Западе».

Бэд Тернер с большим вниманием выслушал историю приключений и бедствий злополучного полковника Деванделля, который поплатился за ошибку молодости, брак со свирепой Яллой, разбитой жизнью и имел несчастье, не зная, что молодой индеец Птица Ночи — его родной сын, расстрелять юношу. Затем, попав в руки Яллы, был ею скальпирован и лишь случайно спасен третьим полком добровольцев Колорадо 29 ноября 1864 года на берегах Сэнд-Крика[7], где под штыками разъяренных американцев полегли лучшие вожди пяти племен, участвовавших в великом восстании индейцев.

— А какое отношение к этому имеет Миннегага? — осведомился Бэд Тернер, выслушав печальную повесть Джона. — Я что-то смутно припоминаю... Кажется, она была дочерью этой самой

тигрицы в образе человека, Яллы. Неужели же Девенделль был и ее отцом?

— Нет, — ответил индейский агент. — Этот ядовитый змееныш рожден Яллой много лет спустя после того, как Девенделль покинул индианку. Ялла вышла замуж за вождя Воронов Красное Облако. Он, кажется, жив и сейчас.

— Конечно, жив, проклятый пьяница! — с гневом отозвался Тернер. — Они с Миннегагой не разлучаются. Так вот какая история! Я и не подозревал, что в это дело намешано столько личного. А история, признаюсь, презанимательная.

— Будь она проклята, эта история, со всей ее занимательностью! — выругался индейский агент. — Только мы трое, не считая семьи Девенделля и самого полковника, уцелели из всего отряда, сопровождавшего полковника в злополучной экспедиции к Ущелью Смерти. Было еще несколько человек, но всех их постигла необычная судьба: одни странным образом пропали без вести в прерии, другие убиты индейцами в таких местах, где, казалось, им не грозила ни малейшая опасность. Я думаю, что их гибель — дело рук Миннегаги. Я хорошо знаю эту гремучую змею, достойную дочь свирепой Яллы! Она тогда была еще ребенком, но уже отличалась беспощадностью и кровожадностью пантеры, а теперь превратилась в настоящее чудовище. Несколько раз и нам с Гарри и Джорджем чудом удавалось выкарабкаться из беды, неожиданно обрушивавшейся на наши головы, причем всегда были доказательства, что кто-то специально подстраивал эти штуки.

— Миннегага? — спросил Тернер удивленно.

— Больше некому, — кивнул головою Джон.

— Так как же вы рискнули сейчас забраться в эту область?

— А кто же знал, что вспыхнет восстание? — ответил сердито Джон. — Состояния у нас нет. Хоть Девенделль и предлагал нам поселиться в его поместье и дать землю, да какие скваттеры[8] из нас? Мы — прирожденные охотники, степные бродяги и будем бродить по прерии до самой смерти. Ну а тут еще как на грех подвернулся этот полоумный англичанин и уговорил нас отправиться на охоту за бизонами. Конечно, если бы знать, что такая ерунда выйдет... Но кто же знал?

— Э! Да что толковать...

— Конечно, если мы попадем в руки нашей приятельницы Миннегаги, то пощады нам не будет. Ну а если эта змея подвернется нам, черти в аду тоже порадуются. Я вот этими самыми руками сначала подстрелил мамашу Миннегаги, краснокожую красавицу Яллу, потом разбил ей череп прикладом моего карабина и, как водится, снял скальп... Много на своем веку мне пришлось снять скальпов, но никогда ни одну женщину, кроме Яллы, я не скальпировал. Но это была не женщина, а настоящий демон. Миннегага же еще свирепее и злее, так что и с ней, если удастся, церемониться не буду.

Наступило молчание.

Казалось, тени прошлого носились вокруг погруженных в задумчивость охотников. Внезапно Терпер, словно боровшийся сам с собой, заговорил взволнованным голосом:

— Ну ладно! Придется выкладывать начистоту. О Джордже Деванделле вы, Джон, не знаете? Слышали, что он стал лейтенантом разведчиков третьего полка?

— Он писал мне об этом из Сент-Луиса. А что?

— Часть этого полка входит в состав отряда Честера, и лейтенант Деванделл не так давно был здесь.

— Джордж? Ну, дальше! Говорите же, Бэд!

— Плохо, Джон. Молодой Деванделл с небольшим отрядом разведчиков отправился исследовать горные проходы цепи Ларами и...

— И что же? Да говорите же, не томите!

— И пропал без вести вместе со всеми своими солдатами.

— Господи Боже! — воскликнул, бледнея, индейский агент. — Уж не хотите ли вы сказать, что...

— Я ничего не знаю. Честер послал меня на разведку, узнать, что сталось с Деванделлом. Это еще не все, дружище. По слухам, лейтенанта провожала какая-то молодая девушка, которая тоже исчезла. Боюсь, что это была его сестра.

Индейский агент сидел в позе безнадежного уныния, тупо глядя прямо перед собой. Казалось, неожиданная весть сломила его. Но минуту спустя он вскочил и закричал как безумный, потрясая огромными кулаками:

— Так! Сколько раз мучила меня мысль, правы ли мы, янки, истребляя краснокожих, словно это не люди, а звери! Ну и миссионеры много хороших слов наговорили. Люди — братья! Любите друг друга! Если кто-нибудь вас ударит по правой щеке, не суйте вы ему нож в ребра, а подставьте левую щеку. И так далее. И становилось мне стыдно, что сам я не раз в индейской крови купался. А теперь... Будь я проклят! Если мне скажут, что за одного краснокожего мне десять лет в огне гореть, все равно не успокоюсь, пока не задушу еще несколько красных змей. Знаю, чьих это рук дело! Помни же, Миннегага!

Он упал на еще дымящуюся землю, закрыв лицо руками. Его огромное тело сотрясалось от рыданий. Остальные в молчании сидели вокруг.

Ночь прошла. Под утро охотники покинули свое убежище и тронулись пешком к горам Ларами, намереваясь покрывающими предгорья лесами добраться к Чегнатеру, в воды которого впадает Хорс-Крик.

В этом путешествии прошел целый день.

Под вечер, измученные, голодные и изнуренные жаждою, они добрались наконец до манивших тенью и прохладой первых деревьев, но вдруг Бэд Терпер испустил предупреждающий крик:

— Берегитесь! Индейцы!

ЛОРД ВИЛЬМОР

Странно фантастическая, и более того, кошмарная сцена происходила в степи, где беспомощно метались охваченные паникой бизоны, почти со всех сторон окруженные огненным кольцом степного пожара, где воздух был насыщен едкой гарью и носились столбы дыма, два человека, белый и красный, выбрав небольшую площадку, вели по всем правилам боксерский поединок, осыпая друг друга тяжелыми ударами, налетая друг на друга и разбегаясь, сходясь снова и снова.

В воздухе мелькали кулаки, раздавались глухие удары, временами сопровождаемые невольными стонами дерущихся.

Одним из боксеров был лорд Вильмор, эксцентричный охотник за бизонами. Но кто же был его соперником?

Вернемся немного назад.

Лорд Вильмор, заполучив обратно свое драгоценное оружие, с усердием, достойным лучшего применения, истреблял бизонов, благо охваченные паникой животные совершенно не обращали внимания на в упор расстреливавшего их англичанина.

В самый разгар охотничьих подвигов лорда Вильмора рядом с ним словно из-под земли вынырнул обнаженный до пояса индейский всадник, покрытый боевой раскраской. Индеец довольно долго наблюдал за англичанином, потом, по-видимому поняв, с кем имеет дело, выждал, когда Вильмор разрядил свой карабин, и приблизился к нему со словами:

— Мой белый брат достаточно натешился. Пусть отдаст мне свое ружье и все, что у него есть в карманах.

Несколько удивленный, но ничуть не растерявшийся лорд Вильмор высокомерным тоном посоветовал своему краснокожему брату «отправляться к дьяволу». Они встали друг перед другом, обмениваясь подобными любезностями, причем индеец говорил на чистом английском языке. Переругивание закончилось тем, что лорд Вильмор попытался смять противника натиском и ускакать прочь. Но краснокожий был начеку, его томагавк мелькнул в воздухе и ударил коня милорда в бок. Раненый конь взвился на дыбы, сбросил с себя всадника и умчался в степь. Лорд вскочил на ноги и бросился на индейца, со смехом глядевшего на него.

— Я покажу тебе, краснокожий бандит, что такое лондонский бокс! — кричал Вильмор, задыхаясь от гнева.

— Ладно! А я тебе покажу, как дерутся в Чикаго! — хладнокровно ответил индеец.

— Ты изучал бокс в Чикаго? — удивился лорд. — Но ведь ты — индеец?

— Ну, не совсем. Видишь ли, мой добрый белый брат, янки называют меня Сенди Гук, прибавляя титул «грабитель железных дорог». Но для краснокожих я — Красный Мокасин. В наше время,

оскорбляется, выходит быть рожденным от белого тигра и красной скальпы, каковою была моя почтенная мамаша. Но вы, милорд, хотели, однако, дать мне урок бокса.

— В Англии благородные люди не дерутся с такими, как ты! — возразил Вильмор высокомерно. — А в случае нападения зовут ближайшего полисмена.

— Ну, у нас нравы демократичнее, — с явной насмешкой ответил индеец. — Полисменов здесь нет. А я не прочь поразмять кости и получить удовольствие, своротив кое-кому скулы коротким ударом. Впрочем, может быть, вы струсили, мой высокорожденный белый брат?

Насмешка подействовала: лорд Вильмор, заревев, как раненый бык, ринулся на своего противника, нанося удар за ударом. Но он встретил достойного противника: индеец, хотя и вынужденный попятиться под натиском костлявых кулаков лорда Вильмора, тем не менее с большим искусством парировал их, нанося, в свою очередь, удары.

И, наконец, ему удалось ударить лорда в щеку с такой силой, что тот едва не опрокинулся навзничь. Щека моментально вздулась, и лорд выплюнул на траву два выбитых зуба.

— Признает ли себя побежденным мой благородный белый брат? — осведомился злорадно Сенди Гук.

— Глупости! Двумя зубами меньше или больше — разница невелика!

Лорд сполоснул рот глотком виски и снова стал в позицию. Минуту спустя ему удалось нанести противнику страшный удар головою в живот. Индеец как громом пораженный покатился на траву, но раньше, чем истекли по правилам бокса пять минут, снова стоял на ногах, хотя и не очень твердо.

— Хуг! — сказал он. — У моего белого брата лоб крепче, чем у бизона.

— У всех Вильморов крепкие черепа, — согласился милорд. — Будем продолжать?

— Разумеется! Только я попросил бы поделиться со мною вашей водкой, милорд.

Англичанин рыцарски протянул противнику свою фляжку. Тот одним духом почти осушил ее и отдал со словами:

— Спасибо! В сущности, вы — добрый парень, хотя и чудак. Слушайте, какого черта вы здесь?

— Я охочусь на бизонов. Эмоции охотничьей жизни излечивают от сплина.

— Не знаю, что это за штука. Но дело в том, что степь горит, и вы здесь изжаритесь, как гусь на вертеле. Бросим эту канитель! Конечно, я не могу отпустить вас, не очистив ваших карманов. Но я тоже добрый парень: ручаюсь, что я вас не подстрелю, а доставлю в лагерь индейцев целым и невредимым. Вам будет не трудно отделаться от бедняков краснокожих небольшим выкупом, и вы

будете свободны. Тогда можно будет опять охотиться за бизонами, но, разумеется, в других местах. По рукам, что ли?

— Я никогда не вхожу в сделки с жуликами, будь они белыми, красными или красно-белыми. Вы, мистер красно-белый бандит, получив удар головой в живот, кажется, струсили и не хотите больше драться?

— Я струсил?! — взревел Сенди Гук. — Плохо же вы знаете единственного сына моей матери! Драться так драться! Начинайте!

И опять замелькали кулаки, опять послышались удары.

Тем временем прерия все больше и больше окутывалась дымом, огненные потоки заливали все большее пространство...

Исход поединка долго оставался неясным. Неожиданные соперники оказались равны по силе и искусству, и их страшные удары, похоже, могли продолжаться без конца. Но вот лорд Вильмор, зрение которого несколько ослабло от выедавшего глаза дыма, сделал неверный выпад, оставив открытой грудь. Сенди Гук не преминул воспользоваться случаем, и его кулак со страшной силой обрушился на левый бок англичанина, который опрокинулся навзничь и лежал с закрытыми глазами. Сенди Гук вынул из кармана часы и подождал, пока прошло пять минут.

— Ну, победа моя! — сказал он по прошествии пяти минут. — Парень дерется, право, молодцом, и жаль будет, если я ухлопал его.

С этими словами степной рыцарь склонился над поверженным в прах врагом и с поразительной, свидетельствовавшей о многолетней практике ловкостью очистил карманы своей жертвы.

— Мой чудак, оказывается, жив, только в обмороке, — бормотал себе под нос Сенди Гук. — Попробую отвезти его в лагерь индейцев, моих краснокожих братьев. Может быть, этот чудак пригодится им на что-нибудь. Не оставлять же его жариться тут?..

И с этими словами метис взвалил казавшееся безжизненным длинное тело англичанина на спину своего мустанга, вскочил в седло сам и дал лошади шпоры. И вовремя: прерия пылала, и только на юге еще оставался незалитый огненным потоком уголок, по направлению к которому и двинулся Сенди Гук, увозя побежденного врага.

Когда незадачливый охотник за бизонами очнулся и открыл глаза, он с удивлением увидел себя в страшной обстановке: кругом не было и следа степного пожара. Воздух был свеж и чист, земля покрыта яркой и сочной зеленью, кругом в живописном беспорядке стояли индейские типи[9] и вигвамы. Возле лежавшего на земле Вильмора сидел пожилой индеец с малиновым носом, явно свидетельствовавшим о пристрастии «краснокожего брата» к продуктам водочных заводов бледнолицых. Тут же находился и Сенди Гук. Бандит хлопотал о том, чтобы привести в чувство своего противника, и, раздобыв где-то фляжку тафии, водки, специально сбываемой белыми торговцами индейцам, вливал в рот Вильмору эту огненную жидкость.

Англичанин машинально проглотил несколько глотков ядовитой смеси, в состав которой входят, как известно, купорос и серная кислота, добавляемые для крепости. Как ни привычен был к спиртным напиткам его организм, не выдержав испытания тафией, лорд Вильмор поперхнулся, раскашлялся, расчихался.

— Дьяволы! Вы хотите меня отравить! — закричал он.

— Ничего подобного, мой белый брат, — злорадно ухмыляясь, отозвался Сенди Гук. — Это, видите ли, некоего рода ликер, изготовляемый янки для краснокожих. Правда, мухи дохнут, нализавшись этой штуки. Но люди пьют и... и тоже дохнут, хотя не всегда и не сразу. У вас удивительно крепкая натура, милорд, так что несколько глотков тафии вам не повредят. Поднимайтесь.

— Где я, мистер бандит?

— У моих краснокожих братьев, милорд. Сейчас я познакомлю вас с одной милой женщиной, которую зовут охотницей за скальпами. Приободритесь, оправьтесь. Очень может быть, что ваша оригинальная шевелюра понравится этой мисс.

В словах бандита явно звучала насмешка, но англичанин не обратил на нее никакого внимания. Он, казалось, о чем-то думал.

— Кажется, вы свалили меня с ног ударом в грудь, мистер красно-белый жулик? — осведомился он.

— Если быть точным, милорд, мой кулак попал вам ниже левой ключицы. А что?

— Удар был не совсем правильным. Во-первых, дым разъедал мне глаза. Во-вторых...

— Что вы этим хотите сказать, милорд?

— А то, что я не признаю победу за вами!

— Вот как? — удивился Сенди Гук.

— Разумеется. И если вы не струсили, то я не прочь доказать вам это. Мы можем начать хоть сейчас. Дайте только мне хлебнуть еще вашего ликера для истребления мух.

И оригинал, выпив несколько глотков ядовитой жидкости, приподнялся на ноги и стал оглядываться вокруг, выискивая удобное местечко для нового боя.

Но возобновить поединок не удалось. Из ближайшей большой палатки вышел какой-то молодой индеец и сказал Сенди Гуку, что сахэм Миннегага ожидает его и его пленника.

— Если любезная и кроткая Миннегага, — сказал Сенди Гук, обращаясь к англичанину, — не прикажет, милорд, снять с вас шкуру или перерезать для краткости горло, я не прочь доставить вам это удовольствие и показать, что в Чикаго умеют драться не хуже, чем в Лондоне. Но теперь не до этого. С Миннегагой не шутят. Идемте к ней, и молите вашего Бога, чтобы мы застали эту мисс в добром расположении духа.

Англичанин, насколько мог, привел в порядок свой костюм. Очистил от пыли пробковый шлем, обтянутый белым полотном, аккуратно расправил и перевязал заново голубую сетку, пригладил

длинные шелковистые баки. Затем он последовал за Сенди Гуком, не выказывая ни малейшего признака смущения или робости, словно отправляясь выпить чашку чая в приятной компании, устроившей пикник где-то в поле. В его душе жила непоколебимая уверенность, что ему не грозит никакая опасность. Разве он не был сыном Альбиона? Разве Англия не величайшая держава мира? И разве она не умеет защищать своих детей, в каком бы глухом углу земного шара они не находились?

Милорд Вильмор вошел в палатку женщины-сахэма, мстительной и кровожадной Миннегаги, твердыми шагами и с высоко поднятой головой. Увидев же Миннегагу, одетую в живописный полумужской костюм воинов сиу, англичанин отвесил ей поклон, словно перед ним стояла не индианка, а фрейлина двора ее величества, королевы Англии, императрицы Индии, всемилостивейшей Виктории.

Странный вид чудака заметно удивил Миннегагу, которой до этих пор не приходилось сталкиваться с людьми такого типа. Но в глазах девушки по-прежнему горел злой огонек, выдававший ее ненависть ко всем бледнолицым.

Наши читатели, расставшиеся с дочерью неукротимой Яллы на берегах Сэнди Крика во время знаменитой «Кровавой Бани» 1864 года, едва ли бы узнали свою старую знакомую, спутницу индейского агента Джона и его товарищей Гарри и Джорджа — маленькую Миннегагу. За истекшие годы Миннегага выросла и похорошела, превратившись в настоящую красавицу. Она была так стройна, что любой скульптор желал бы сделать ее своею моделью для изображения в мраморе или бронзе символа молодости, силы, грации, здоровья и красоты. Лишь несколько красноватый оттенок кожи да что-то в чертах лица выдавало индейское происхождение сахэма. Живописный костюм из оленьей кожи, расшитый разноцветными шелками, удивительно шел девушке, подчеркивая красоту ее юного и стройного тела со стальными мускулами и бархатной кожей. И как-то не бросалось в глаза, что за поясом, обвивавшим мягкими складками стройный стан Миннегаги, красовался целый арсенал, а ее мокасины были украшены коллекцией скальпов, в числе которых были скальпы белых женщин и детей, безжалостно убитых этим вампиром в образе очаровательной девушки.

Миннегага сидела около разложенного прямо на полу небольшого костра, наполнявшего типи едким смолистым дымом. Рядом с ней, на таком же сиденье, выбеленном солнцем огромном черепе бизона, словно фантастическая статуя, сидел уже знакомый нам индеец с малиновым носом. Это был наш старый знакомый, лжегамбусино, муж свирепой Яллы, вождь Воронов Красное Облако, отец Миннегаги. Красное Облако овдовел в тот памятный день, когда воины пяти племен и почти все их вожди полегли под штыками американских солдат на берегах Сэнди-Крика. Годы не прошли бесследно для вождя Воронов, хотя он и был по-прежнему прям,

мускулы его крепки, точно стальные канаты, но в волосах уже просвечивали серебряные нити, глаза были мутны, а лицо с резкими чертами изрезали глубокие морщины.

Сидя рядом с дочерью, Красное Облако не выпускал изо рта длинного чубука своего калюме[10], наполняя легкие едким дымом «морики», табачного зелья, смоченного водкой. К окружающему Красное Облако относился с каким-то каменным равнодушием и, казалось, не обратил внимания на появление в типи лорда Вильмора, фигура которого вызвала любопытство у Миннегаги.

— Это тот человек, которого ты нашел в прерии? — спросила Миннегага у стоявшего рядом метиса. — А где же другие?

— Не знаю, — смущенно ответил Сенди Гук. — Ты же знаешь, сахэм, подожженная по твоему приказу прерия превратилась в огненный океан, и те люди затерялись в волнах огня. Этот человек был с ними. Я подумал, что он может тебе пригодиться...

— На что именно? — усмехнулась Миннегага.

— А хотя бы на то, чтобы получить точные сведения об остальных.

— Чего стоят эти сведения? Мне нужны сами люди. Главным образом, индейский агент Джон, за которым я бесплодно гоняюсь столько лет. Ведь это он снял скальп с моей матери!

— И с моей жены, — глухо отозвался из угла старый вождь Воронов.

— Где же индейский агент Джон? — упрямо твердила Миннегага, сверкая глазами. — Где его спутники?

— Я не мог ничего поделать, — пожал плечами Красный Мокасин. Равнина пылала, трапперы затерялись в огне. Скорее всего они сгорели, и ты можешь быть довольна, что без особого труда избавилась сразу от трех врагов.

— Быть довольной, что эти люди погибли и я не могла насладиться их мучениями? Довольствоваться тем, что они сгорели, когда за скальп одного Джона я согласна была отдать полжизни?

— Что делать? Говорю, спроси этого человека, сахэм. Он был вместе с трапперами и, может быть, наведет на их след.

— А сам он что из себя представляет?

— Англичанин, знатный человек, лорд. Как тебе это объяснить? Скажем так, один из сахэмов племени бледнолицых, живущего за Великой Водой.

— Хорошо. Я поговорю с ним. Выйди, но будь рядом с моим типи и держи наготове несколько воинов.

Повинуясь приказу женщины-сахэма и оставив пленника, метис направился к выходу. Но что-то шевельнулось в душе у этого дикого субъекта.

— Жаль будет, если эта ядовитая змея покончит с моим белым братом, у которого такая крепкая голова и такие здоровые кулаки, пробормотал Сенди Гук. — Он парень ничего себе. Кроме того, если он уцелеет, можно было бы еще разок-другой устроить бокс. Хотя

...и отлубает его, но он лихо дерется и знает несколько ловких ...ёмов, которые я не прочь бы изучить. Всякое познание — благо, ...всякое искусство — благородно. Так когда-то вбивали в мою голову в школе. А тут, когда есть возможность кое-чему научиться, я рискую тем, что с моего учителя снимут скальп. Право, жаль.

И бандит обернулся к Миннегаге со словами:

— Слушай, сахэм. Не торопись убивать этого человека.

— Почему я должна щадить его? Его скальп будет как раз на месте на моих мокасинах.

— Так-то так. Скальп у него великолепный. Но я и сам мог снять скальп с его головы там, в прерии. Но я недаром доставил тебе этого человека живым: один Великий Дух знает, как обернутся наши дела. Я человек осторожный. Всегда люблю назад оглянуться и приготовить себе лазейку на случай неудачи. Говорю тебе: этот человек, хотя и кажется полоумным, тем не менее — великий сахэм своего племени. Если нам не повезет, ты всегда сможешь взять за него большой выкуп.

— На что мне деньги? — презрительно усмехнулась Миннегага.

— Да, у тебя много золота, я знаю. Но представь, что в руки янки могут попасть наши братья. Кто гарантирует, что в плену не окажутся даже сахэмы? Тогда за свободу одного этого англичанина янки охотно отпустят на свободу десятки простых воинов или парочку вождей. Подумай об этом. По моему мнению, живой осел всегда стоит дороже, чем мустанг, с которого содрали шкуру. Впрочем, поступай, как знаешь.

С этими словами оригинальный бандит вышел, оставив Миннегагу, казалось, совершенно не слушавшую его советы: она упорно глядела на желтовато-серебристые волосы лорда Вильмора полными мрачного огня глазами, словно изучая, где лучше сделать надрез, чтобы сорвать с головы злополучного туриста его оригинальный скальп.

— Кто ты, белый? — обратилась к Вильмору Миннегага. — Ты не янки? Не солдат?

Молодая индианка говорила на ломаном языке, но лорд Вильмор без труда понял ее вопрос.

— Я никогда не имел ничего общего с американцами, — ответил он, отвешивая легкий поклон Миннегаге. — Я — англичанин.

— А велика ли та страна, где ты рожден, и где она находится?

Кровь бросилась в лицо гордого сына Альбиона.

Как? Эта женщина ничего не знает о великой Англии? О той самой Англии, имя которой с трепетом произносят негры Центральной Африки, дикие индейцы Гран-Чако, эскимосы, обитатели пещер и джунглей Индостана, похожие на обезьян аборигены пустынь Центральной Австралии, обитатели Огненной земли — словом, весь мир...

Он задыхался от негодования, вызванного оскорблением национального достоинства Великобритании.

Красному Облаку удалось подлить еще масла в огонь:

— Я знаю англичан, — сказал старый вождь Воронов. Они живут на севере от страны Великих Озер и говорят языком френчменов.

Красное Облако путал Канаду с Великобританией ... Канадцев с чистокровными англичанами. Предполагал, что англичане говорят по-французски. Последнего оскорбления благородный лорд не мог перенести. Ругательства полились из его уст:

— Красная обезьяна! Пьяница из Уайт-Чепеля! Рогатый осел! Суринамская жаба! Сам ты — френчмен, и даже еще хуже! Мало тебя колотили в школе. Твой учитель географии и истории — старая резиновая калоша! А ты сам — испанский мул!

— Какая ядовитая муха укусила этого белого идиота? — не выпуская трубки изо рта и не меняя выражения своего лица, осведомился Красное Облако у своей дочери, с любопытством следившей за беснованиями англичанина.

Лорд Вильмор обратился к Миннегаге со словами:

— Но неужели, мисс, вам в пансионе не объясняли, что такое Великобритания?

— Я знаю, — ответила Миннегага, — что это страна, в которой живут белые люди, такие же, как и янки, наши враги. Этого с меня довольно.

— Я еще раз говорю вам, мисс, что у вас в пансионе никуда не годные учительницы! Как?! Разве они не объяснили вам, что те самые канадцы, которых вы путаете с англичанами, принадлежат, правда, к великой белой расе, но являются непримиримыми врагами всех янки.

— Я знаю только одно, что белые — враги краснокожих. Для меня каждый белый — хуже ядовитой змеи. Он — враг!

— Вы — невежественны, мисс, как ... как ирландская деревенская девка. Говорю же вам...

— Отвечай только на вопросы, бледнолицый! Зачем ты попал в наши земли?

— Охотиться на бизонов, чтобы избавиться от сплина[11].

— Что такое сплин?

— Нервная болезнь. Говорят, зависит от нашего туманного климата.

— А климат тоже болезнь? Понимаю: должно быть, врачи твоего племени посоветовали тебе натираться жиром бизонов, чтобы выгнать из костей этот самый климат.

Лорд Вильмор возмущенно пожал плечами, но промолчал. Он понимал, что любые попытки объяснить разницу между климатом и сплином этой невежественной индейской мисс будут бесполезны.

Немного помолчав, женщина-сахэм продолжила допрос:

— У тебя были спутники. Одного из них звали Джон, индейский агент. Куда он делся? Почему они покинули тебя?

— Это бесчестные жулики, трусы, бабы! Я не знаю, где они. Я их нанял для охоты на бизонов, а они, вместо того чтобы помочь мне убивать животных, стали возиться с каким-то подстреленным человеком, который потерял свои волосы.

Злобная улыбка показалась на губах Миннегаги. Она выпрямилась и энергичным жестом показала на висевший на стене типи круглый щит, украшенный свежим, еще окровавленным скальпом.

— Вот скальп этого человека! Это я сорвала волосы с его головы! — торжественно заявила индианка.

— Вот как? — поднял брови милорд. — Вы очень похожи на азиатскую тигрицу, мисс. Напрасно вы гордитесь таким мерзким делом. Ни одна английская мисс не позволит ничего подобного.

— Я должна отомстить! И я отомщу! Моя мать была скальпирована. И знаешь, белый человек, кем именно? Твоим же братом, бледнолицым, тем самым индейским агентом Джоном, с которым ты был здесь. Но в моих руках ты, а его нет. Ты должен сказать мне, где я его найду.

— Но я решительно не знаю, куда он девался. Я был занят охотой на бизонов и не следил, куда поехали эти негодяи.

— Ты не хочешь сказать мне, где их искать? Ты становишься между моей местью и ими? Но я заставлю тебя говорить!

Миннегага, охваченная гневом, вскочила и, казалось, была готова броситься на пленника. Ее глаза блистали, рука судорожно сжимала рукоятку заткнутого за пояс кривого мексиканского ножа.

Как ни хладнокровен был англичанин, но и его поразило выражение чисто звериной злобы, исказившей красивые черты Миннегаги.

— Моя маленькая пантера, — сказал он успокаивающим тоном, — мне не нравится видеть вас такой взволнованной. Вы, старичок с красным носом, кажется, папаша этой девицы? Вы должны успокоить ее нервы.

— Хуг! — отпустил неопределенное восклицание Красное Облако, не меняя своей позы.

— Бросьте свою трубку и поговорите с этим маленьким бесенком, который готов задохнуться от злости, — апеллировал к отцовскому авторитету англичанин. Но индеец, пожав плечами, продолжал спокойно курить. Миннегага, гнев которой возрастал, дрожа всем телом, выкрикивала проклятия и угрозы прямо в лицо лорду Вильмору.

— Будешь ли ты говорить, бледнолицая собака?! — кричала она.

— Я не привык разговаривать с сумасшедшими. И мне нечего сказать вам, грубая молодая мисс.

— Так я заставлю тебя развязать язык! Твой скальп пригодится для моей коллекции.

— Мой скальп? — нахмурился Вильмор. — Не советую лопу... совершить какое-либо насилие над моей персоной. Не забывайте, мисс, что я — англичанин и наследственный член палаты лордов. Правительство Великобритании заставит вас дорого заплатить за каждый мой волосок. Предупреждаю вас, воздержитесь от насилия надо мной.

Резкий свист иккискота, инструмента, сделанного из берцовой кости человека, всколыхнул воздух типи. Это был сигнал, данный женщиной-сахэмом. В одно мгновение типи наполнился воинами сиу, предводимыми Сенди Гуком. Лорд Вильмор был сбит с ног, вытащен из типи. Несмотря на отчаянное сопротивление, с него содрали одежду, обнажив до пояса, и привязали к врытому в землю столбу.

Особенно усердствовал при этом метис, которого лорд осыпал всевозможными ругательствами. Когда Вильмор был привязан к столбу, он принес горшок с красной краской и своеобразную кисточку из птичьих перьев. Этой кисточкой Гук старательно нарисовал на белой груди Вильмора три концентрических круга и, закончив свою работу, любовался ею, прищурив глаза.

— Ей-богу! Лопни мои глаза, я лихо умею рисовать! Какая жалость, что мои милые родители сделали меня бандитом. Конечно, это тоже достойная уважения профессия, но лично я предпочел бы быть художником, и только ради развлечения, изредка кого-нибудь грабить. Мне кажется, что во мне погибает истинный артист.

Он снова, прищурив глаз, с удовольствием посмотрел на дело своих рук — резко выделявшиеся на груди пленника кроваво-красные круги.

СТОЛБ ПЫТОК

Едва метис закончил разукрашивать злополучного лорда Вильмора, как из типи вышла Минегага в сопровождении своего почтенного отца — Красного Облака, не расставшегося со своим калюметом. Одновременно с ними к столбу пыток, где был привязан Вильмор, подошло с полдюжины старых, очень безобразных, одетых в грязные пестрые тряпки индианок. При одном взгляде на них становились понятными средневековые легенды о ведьмах. В руках старух были факелы из смолистых ветвей. Они с криком размахивали факелами, разбрасывали искры. Их крики послужили сигналом для сбора пятидесяти или шестидесяти воинов, закинувших за плечи свои ружья, окруживших столб пыток широким кругом и приготовившихся начать пресловутый «танец смерти».

Четверо музыкантов с барабанами расположились около англичанина. Присев на корточки, они принялись с усердием, достойным

лучшего применения, терзать свои инструменты, время от времени прерывая монотонный гул тамбуринов заунывными свистками из кискитов.

Шесть мегер, прорвав хоровод воинов, ринулись к столбу пыток, словно хотели растерзать пленника, но ограничились размахиванием над его головой факелами, осыпая англичанина дождем искр. Потом, образовав круг, они понеслись в неистовой пляске, состоящей из диких прыжков, сопровождаемых нечеловеческими визгами.

Все это вместе взятое — топот ног, губ барабанов, свистки, визгливые крики — создавало невероятную какофонию.

Шедшие хороводом воины не отставали от старух: они выплясывали с таким усердием, что почва дрожала и гудела под их ногами. Индейцы позванивали своеобразными кастаньетами, колокольчиками и бубенчиками и оглашали воздух монотонным криком: «Хуг, хуг!»

Женщина-сахэм Миннегага расположилась несколько в стороне от пляшущих, полулежа на разостланной шкуре бизона. Красное Облако присел рядом с ней на корточки. В этой позе он напоминал костлявого и свирепого гризли[12], серого медведя Скалистых гор, и по-прежнему отравлял воздух едким дымом смоченного в водке табака.

Пока шло представление у столба пыток, назначенные в караул часовые оберегали покой индейцев. Сидя на неподвижных мустангах, они всматривались в окрестности лагеря, уделяя особое внимание еще дымящейся после пожара прерии.

Странный и нелепый танец продолжался около получаса. Затем последовала смена декораций: появился совершенно нагой индеец, который принялся выделывать прямо-таки фантастические пируэты, кружиться волчком и, наконец, испустив пронзительный крик, растянулся во весь рост на земле. Эта фигура должна была изображать смерть человека, телом которого овладел Мабойя — злой дух индейской мифологии. Если комедиант упал, как кружившиеся у столба пыток воины с гиканьем рассыпались, а ведьмы вновь схватили свои факелы и замахали ими над головой злополучного пленника.

Они то подскакивали к лорду Вильмору вплотную, словно желая выжечь ему глаза или спалить длинные баки, то с диким визгом отскакивали от него. Искры, падая дождем на обнаженный торс англичанина, причиняли ему мелкие, но болезненные ожоги, заставлявшие несчастного извиваться всем телом и орать благим матом.

Словарный запас лорда Вильмора оказался настолько обширен, что познаниям аристократа позавидовал бы любой извозчик. К сожалению, из всех присутствующих здесь красоту его выражений мог оценить только метис, понимавший английский язык, но неистовый крик и особенно гримасы англичанина, грозившего старым ведьмам наказанием от имени Великобритании, — были понятны

всем. Воины и старухи буквально катались по земле, задыхаясь от смеха. Этот смех еще больше выводил из себя несчастного охотника за бизонами.

Эта игра продолжалась недолго, возможно, истязая Вильмора, индейцы боялись зайти слишком далеко и сжечь роскошную золотисто-рыжую шевелюру, которая обещала дать редкий по красоте скальп.

Шесть ведьм, утомившись, наконец прекратили свое издевательство над Вильмором, но на прощанье каждая из них по очереди ткнула пылающим факелом в тело англичанина. Тогда на сцену выступил Сенди Гук, или Красный Мокасин. Он подошел к страшно ругающемуся лорду и поднес к его губам фляжку с отвратительным джином, от которого за версту несло серной кислотой, сказав:

— Ну-ка, глотните, ваша светлость! Откройте пошире пасть и валяйте сколько влезет. Напиточек хоть куда! Подкрепитесь, чтобы достойно выдержать второе испытание.

— Как, разбойники? Неужели вы не кончили терзать меня? — простонал лорд.

— Что вы! Комедия только еще начинается.

— Убийцы!

— Эй, эй! Вы неважно себя ведете, милорд! — издевался Сенди Гук. — Такой храбрый охотник за бизонами, а держит себя перед благородным обществом словно школьник. Плохое представление о выносливости подданных ее величества, королевы Виктории, вынесут мои краснокожие братья. На вашем месте любой индеец пел бы во все горло какую-нибудь песню, хвастаясь тем, сколько врагов он зарезал, сколько снял скальпов. И такой индеец дал бы сжечь себя живым, не моргнув глазом. А вы хнычете, как ребенок.

— Но я — не индейская собака!

— Ну, разумеется. Вы — человек белой расы... Ну же, валяйте! Пейте джин и начинайте петь! Предположим, вы споете нам «Боже, храни королеву»[13]. Но я давно не слышал, как поют «Правь, Британия, морями!». Голос у вас есть, вот насчет слуха — не знаю. Да тут и нет строгих критиков...

— Чтоб ты сдох, негодяй! Чтоб вы все провалились сквозь землю!

— Да пейте же джин! Неужто не хотите?

— Не хочу, разбойник!

Сенди Гук пожал плечами и отошел в сторону со словами:

— Вот упрямец. Ну ладно. Джин я сберегу. Вы еще запросите его, когда станет невмоготу.

Едва закончились эти переговоры, из толпы вышли шесть индейских воинов, вооруженных луками и тонкими стрелами. Они расположились шеренгой в сорока или пятидесяти метрах от столба пыток и опустились на левое колено.

Эти дикари, давно променявшие лук, верного друга своих предков, на винчестеры и кольты, сегодня собирались вспомнить старое искусство и показать, что и они метко умеют стрелять из лука.

Индейцы не собирались убивать англичанина, поэтому они заменили стальные наконечники стрел колючками какого-то кустарника. Эти стрелы могли нанести более или менее глубокие уколы, но отнюдь не смертельные раны.

Наблюдать за стрельбой в живую мишень собралась большая толпа воинов. Они сидели на корточках и оживленно разговаривали. Здесь же был Красное Облако, казалось, полностью поглощенный раскуриванием своего калюме. Рядом с ним на шкуре бизона лежала Миннегага. Она равнодушно ела какие-то фрукты и лишь изредка поглядывала на привязанного к столбу пыток англичанина злыми глазами.

Видя жуткие приготовления стрелков из лука, лорд Вильмор бесновался и кричал диким голосом. Это только доставляло удовольствие кровожадным дикарям.

Вот послышался характерный свист летящей стрелы, и следом за ним вопль англичанина: стрела угодила почти в самый центр нарисованных Гуком кругов и впилась в мускулы, нанеся совершенно не опасную, но болезненную рану.

— Негодяи! Звери! Янки правы, истребляя вас, как гадюк! Да сгинете вы все до последнего человека! — кричал Вильмор, дергаясь всем телом.

Снова свист, снова вопль боли — новая стрела впивается в тело насчастного. И снова, и снова...

Казалось, этой пытке не будет конца, но неожиданно Миннегага подала знак, и стрельба прекратилась. Сенди Гук с неизменной фляжкой джина приблизился к англичанину. Тот встретил его неистовыми ругательствами и проклятиями. Метис хладнокровно выждал, пока у англичанина не перехватило дух, и тогда сказал:

— Послушайте, милорд. Клянусь моей честью — пусть это будет честь бандита, — что я вовсе не желаю вам зла. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы спасти вас от смерти. Ей-Богу, вы — парень ничего, и как-никак в моих жилах гораздо больше крови белых, чем индейцев. Я чувствую себя солидарным с вами.

— Что хочешь от меня, разбойник?!

— Не упрямьтесь и расскажите Миннегаге, куда девался ваш конвой. Индианка рвет и мечет, потому что от нее ускользнул ее злейший враг — индейский агент Джон. Его голову она сменяла бы по весу на золото.

— Но я ничего не знаю!

— Говорю вам, не упрямьтесь! Серьезно. Вы думаете, что вы уже подверглись пытке? Это грубая ошибка. На самом деле то, что вы испытали, только цветочки. А ягодки будут впереди. В вас постреляют еще с четверть часика, потом примутся загонять под ногти заостренные кусочки дерева. Вы вытерпите это — индейцы

обвяжут каждый ваш палец в отдельности насыщенным серой трутом и потом подожгут его. Кончится тем, что вас разложат на земле и на вашей груди разведут костер. Я не знаю точно, чем это кончится. Но если вы и выживете, то дышать вам придется уже не легкими, которые будут совершенно испорчены, а жабрами.

— А еще что вы придумаете, звери?

— О, после этого сама Миннегага займется приведением в порядок вашей прически. Из нее вышел бы прекрасный парикмахер, как из меня — настоящий художник. Конечно, работать она будет не гребешком и ножницами, а ножом. То есть, милорд, Миннегага в мгновение ока избавит вас навсегда от забот о прическе, содрав ваш скальп. Уверяю вас, она — большая мастерица по этой части и притом большая любительница скальпировать именно белых. Что делать? Каждый развлекается как умеет. Вы любите охотиться за бизонами; я когда-то не без успеха очищал карманы неосторожных путешественников. Вы и я, мы оба — любители бокса. А маленькая индианка всему на свете предпочитает пополнять свою коллекцию скальпов новыми экземплярами... От одного миссионера я слышал, как язычники, должно быть, из итальянцев, истязали Иисуса. Но вам придется вытерпеть еще больше. Не будьте же упрямцем, развязывайте язык, пока еще не поздно. Тем более, между нами говоря, это пустой каприз женщины. Если вы и скажете, куда отправились трапперы, то этим вы ничуть не повредите им — с того момента, как они вас оставили, прошло немало часов. Беглецы давно затерялись в беспредельном просторе прерии и раз десять успели изменить направление, кроме того, в степи бушевал пожар, убравший все следы. Сомневаюсь, чтобы они уцелели в этом пекле. Их вы не поможете, а отказом сказать пару слов ставите на карту собственную жизнь, которая и без того висит на волоске.

— Я буду говорить! — сдался англичанин.

— Давно бы так! Умные речи приятно и слушать! Итак, где вы расстались с вашими провожатыми?

— В прерии, почти на том самом месте, на котором потом встретился с вами, бандит.

— Ладно! А куда они направились после?

— Я видел, что они шли к северу.

— Значит, направлялись к горам Ларами? Хорошо! Но скажите еще: степь в это время уже горела?

— Мне кажется, пожар был уже близок.

— Ну вот и все, что нам нужно было знать! Ей-Богу, не стоило упрямиться столько времени. Сказали бы раньше и не испытали бы таких неприятностей. Эх, милорд! И какого черта вас понесло сюда? Денег у вас, вероятно, куры не клюют. Страна ваша, говорят, очень богатый край. Жили бы себе там и не испытывали бы таких треволнений. Подождите: пока что я попытаюсь несколько облегчить ваши страдания. Думаю, теперь Миннегага оставит вас в покое. Ей будет не до вас: отправится в горы разыскивать индейского агента

Джона. Тем временем мне, может быть, удастся устроить для вас что-нибудь.

С этими словами метис ловко вытащил из англичанина стрелы, смыл запекшуюся кровь, смазал ожоги и ранки медвежьим жиром и заставил-таки лорда Вильмора выпить несколько глотков жгучей жидкости. Потом Сенди Гук махнул рукой державшим наготове свои стрелы воинам, чтобы те прекратили упражнения в стрельбе, и направился к Миннегаге с докладом о результатах переговоров.

Минуту спустя возле столба пыток не было никого из индейцев, потому что, получив какие-то указания Миннегаги, они разошлись, явно собираясь в дорогу.

Гук вернулся к лорду Вильмору и стал освобождать его.

— Слушайте, милорд! — сказал он вполголоса. — Я не очень-то верю вашим словам. Может быть, вы соврали? Это не важно. Важно другое: если Миннегага сама примется переспрашивать вас, то вы уж стойте на своем, не сбивайтесь. Твердите одно: трапперы направились к горам Ларами. Если Миннегага погонится за ними в том направлении, мне легче будет дать вам возможность удрать.

— Вы устроите мне побег?! — изумился англичанин.

— Разумеется! Все-таки вы — белый. И что, честно говоря, я выгадаю, если с вас заживо сдерут шкуру? Нет, я не люблю таких фокусов.

— Вы поступите благородно! Если я спасусь, я похлопочу, и английское правительство наградит вас медалью с дипломом за спасение погибающих.

— Медаль? Диплом? Нет, я, знаете ли, человек скромный. Мне, право, будет совестно носить такую медаль. Между нами, я удовольствуюсь гораздо меньшим. Например, ваши золотые часы я мог бы взять себе на память о приятном знакомстве с вами.

— Но это грабеж!

— Что вы, милорд! Просто мне хочется почаще вспоминать вас. Выну часы, посмотрю на них и вспомню о нашем знакомстве. А чтобы не соблазниться и не пропить их, я некоторое время свои расходы буду покрывать тем золотом, которое я выгреб из ваших карманов.

— Вор всегда останется вором!

— Зачем бросать хорошие привычки, милорд? — засмеялся бандит, фамильярно похлопывая по плечу англичанина. — Вот вы, например, ни за что не откажетесь ежемесячно взыскивать с ваших арендаторов арендную плату, хотя то золото заработано ими, а не вами. Зачем же мне быть умереннее и отказываться от возможности ограбить вас, как вы грабите своих арендаторов? Потом я нашел в вашем кармане такую хорошую чековую книжку! Вы любезный человек, а я, признаться, давно уже думал заняться собиранием автографов выдающихся современников. Надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии — дадите посмотреть, как вы подписываете чеки. Уверяю вас, я немедленно отправлю их на сохранение в банк.

— Разбойник! Бандит!

— Милорд! Что будешь делать? Я сам оплакиваю свою участь: глубоко убежден, что из меня вышел бы прекрасный пейзажист или портретист. И если бы я унаследовал от моих родителей парочку миллионов, как вы, то ни в коем случае не стал бы заниматься разбоем: приятного в этом занятии, скажу по совести, мало. Куда лучше, подобно вам, понемногу обирать своих арендаторов. Но будет болтать! Пора собираться в путь.

Отряд индейцев с поразительной быстротой снял типи, навьючил весь багаж на лошадей и приготовился в путь.

Сенди Гук привел двух лошадей, усадил на одну из них лорда Вильмора, руки которого оставались связанными за спиной. Сам он уселся на другого коня и поехал рядом с пленником, держа в руках отличный винчестер.

Отряд возглавляла Миннегага на великолепном снежно-белом мустанге, закутанная в прекрасно расшитый плащ. Рядом с ней скакал, не выпуская изо рта неразлучный калюме, ее молчаливый отец.

Отряд несся по степи, покрытой толстым слоем пепла. Воздух был насыщен гарью, временами из-под копыт лошадей вылетали искры догорающего уже бессильного огня.

Индейцы направлялись к горам Ларами.

Было около восьми часов утра, когда отряд достиг того места, где на земле грудами лежали обгоревшие туши погибших бизонов.

Здесь Миннегага распорядилась устроить привал. Воины набросились на приготовленное пожаром лакомое блюдо — горбы и языки бизонов.

Насытившись и отдохнув, индейцы снова тронулись в путь к горам Ларами, двигаясь именно в том направлении, куда несколько часов назад ушли беглецы: лорд Вильмор, сам того не зная, указал верный след...

ЛЕС ГИГАНТОВ

Племя индейцев сиу и в наши дни остается самым многочисленным, самым могущественным и неукротимым из племен, населяющих Соединенные Штаты Северной Америки. В те же дни, к которым относится наш рассказ, то есть в семидесятые годы девятнадцатого века, это племя было самым воинственным и опасным для американского владычества. Несмотря на истребление индейцев, шедшее полтора или два века, сиу, загнанные в леса и на недоступные кручи, не были покорены до конца.

Трудно сказать, что значит данное этим индейцам имя «сиу» — в их языке этого слова нет. Сами индейцы называют себя «дакота».

что означает «объединенные». В свое время в союз дакота входил добрый десяток племен, в том числе чейены, янкони, понкас и другие. Большинство племен ассимилировались, утратив особенности языка и обычаев, другие — вымерли, подвергаясь беспощадному истреблению со стороны бледнолицых.

Любопытно, что, по мнению некоторых американских исследователей, имя «сиу» означает обидное прозвище, данное индейцам в дни, когда в прерии проникли торговцы спиртными напитками и привезли сюда яд под видом ликеров, рома, джина, виски и прочего.

Пристрастившиеся к пьянству племена были презрительно названы «сиу», что якобы на одном из индейских наречий значит «пьющие огненную воду», или попросту пьяницы[14].

Так или иначе, но в истории борьбы против колонизации Америки племенам сиу, или дакота, принадлежит выдающаяся роль. Эти племена, или, лучше сказать, этот конгломерат племен, оказывал американцам отчаянное сопротивление, препятствуя заселению прерий не только с запада, но и с востока. Полвека тому назад сиу насчитывали около тридцати тысяч человек, причем владели гигантским пространством девственных, богатейших земель, равным по территории Англии, Франции и Германии, вместе взятым. Дакота с давних пор были в смертельной вражде с племенами гуронов и чипевайев, жившими на территории современной Канады. Между краснокожими шла непрерывная война, сопровождавшаяся взаимным истреблением, иногда принимавшим характер настоящих побоищ, в которых не щадились ни женщины, ни дети. Но стоило враждующим племенам, почти истребившим друг друга, прекратить войну, и через двадцать лет племя дакота увеличилось настолько, что насчитывало уже около пятидесяти тысяч человек.

Именно в этот период — в 1854 году — дакота, сознававшие свое усиление и опиравшиеся на союзных с ними команчей и арапахо, вырыли томагавк войны и объявили священную войну бледнолицым, чьи пионеры, привлеченные рассказами о богатствах Калифорнии, двинулись в прерии, прокладывая дорогу на Дальний Запад.

Надо сказать, что индейцы были вынуждены защищаться: белые оседали на их исконных землях и распахивали прерии, превращая их в пшеничные поля, где не оставалось места для индейца-номада. Кроме того, в прерии хлынул поток белых охотников, занявшихся массовым и беспощадным истреблением бизонов. Для индейцев же именно бизоны были основой жизни. Из поколения в поколение краснокожие охотились на этих гигантов, дававших им пищу, одежду и жилье. Истребление бизонов обрекало индейцев на гибель, и они решили бороться не на жизнь, а на смерть.

Индейцы, по крайней мере их наиболее опытные вожди, отлично понимали, что в лице янки они имеют смертельно опасных врагов. Не обманывались индейцы и в оценке сил: они знали, что янки будут

все прибывать и прибывать, что они храбры и жестоки и никому не будет пощады.

В самом деле, история борьбы белых с краснокожими полна кровавых эпизодов, в которых трудно было решить, кто из двух соперников, белый или краснокожий, способен на большие зверства.

Белые смотрели на индейцев как на диких зверей, они буквально охотились на них, истребляя всех подвернувшихся под руку. Даже когда правительство штатов заключало мир с вождями индейцев, белые траперы и сквотеры не прекращали истреблять краснокожих, не щадя ни женщин, ни детей.

Генералу Гарнею, посланному правительством Соединенных Штатов, удалось нанести жесточайший урон индейцам сиу, и на время они притихли, но в 1863 году поднялись снова, вступив в союз с чейенами и арапахо. Восстание 1863 года, некоторые эпизоды которого описаны в романе «На Дальнем Западе», несколько утихло после знаменитой кровавой бойни, устроенной полковником Чивингтоном, командиром третьего полка волонтеров Колорадо. Но затем ужасная борьба вспыхнула с новой силой, потому что индейцы мстили за погибших на берегах Сэнди-Крика женщин и детей. «Великая война» закончилась в октябре 1867 года подписанием мирного договора в Канзасе. Но мира не было, так как не была устранена причина, вызвавшая войну, то есть заселение прерии белыми пионерами продолжалось. В 1873 году снова началось восстание: индейцами руководил вождь, известный под именем Сидящего Быка.

Память о Сидящем Быке, главном герое кровавых сражений, сохраняется и в наши дни. О нем рассказывают, что еще десятилетним мальчиком он был знаменитым охотником на бизонов, что в четырнадцать лет его оскорбил белый траппер, Сидящий Бык убил и оскальпировал обидчика, и с тех пор у бледнолицых не было более беспощадного врага.

В 1877 году Сидящий Бык был признан сахэмом дахота. Минегага, дочь погибшей Яллы — первого сахэма-женщины, узнав о начале восстания, привела в лагерь Сидящего Быка индейцев сиу, из племени своей матери, и воронов, индейцев племени своего отца. Предчувствие говорило ей, что она встретится с теми, кто некогда погубил ее мать. Инстинкт мстительной индианки не обманул ее: судьбе было угодно, чтобы индейский агент Джон, убивший и оскальпировавший Яллу, оказался в прерии именно в тот момент, когда там уже рыскали разведчики индейцев...

— Индейцы! Берегите ваши скальпы! — воскликнул шериф из Голд-Сити Бэд Тернер, едва чудом спасшиеся от огня беглецы добрались до первых деревьев в предгорьях Ларами.

Джон, Гарри и Джордж, услышав предостерегающий крик шерифа, моментально спрятались за гигантским сосновым стволом, схватившись за свои ружья.

Оглянувшись, Джон ничего не заметил.

— Где ты видишь их? — спросил он.

— Далеко! Они еще не добрались до предгорья, идут по сожженной прерии. Так что в данный момент нам не грозит никакая опасность. Слава Богу, в этом лесу из гигантских пиний[15], каких не найдешь и в Сьерра-Неваде[16], нам будет легко найти убежище, потому что отваживаться на открытую схватку с краснокожими было бы чистым безумием: вон их сколько! Видишь, Джон?

Проклятие сорвалось с губ индейского агента. То, что он увидел, его не обрадовало. Глаза теперь ясно различали вдали целый отряд индейцев, впереди которых вихрем неслась женщина в белом плаще.

— Миннегага! — севшим голосом произнес Джон. — Она надела плащ своей матери.

— Так, значит, за нами гонится знаменитая индейская охотница за скальпами? — сказал шериф, не выказывая особого волнения. — Признаюсь, я ничего не имел бы против встречи с этой женщиной с глазу на глаз, с револьвером или ножом в руке. Но встречаться с ее свитой, в которой не меньше шестидесяти человек, — благодарю покорно. Вся компания будет здесь не более, чем через полчаса. Смотрите, Джон, приготовьте ваш скальп в подарок прекрасной краснокожей охотнице.

— Не шутите так, Тернер! — отозвался Джон. — Мне и без того чудится, что нож проклятой тигрицы прикасается к моей коже.

— Я не знал, Джон, что вы так чувствительны. Но не падайте духом. Я же говорю, что они доберутся сюда не раньше, чем через полчаса, а за полчаса много может что случиться. Горы Ларами богаты пропастями и пещерами; если мы припустим, то, надеюсь, успеем найти какое-нибудь убежище. Что вы думаете на этот счет, трапперы?

— Я лично предпочел бы быть за сто верст отсюда. Или хотя бы вместе с волонтерами генерала Честера, — пробормотал, почесывая затылок, Джордж.

— Фью! — присвистнул шериф. — У тебя губа не дура, парень! Но только генерал с его волонтерами так далеко отсюда, что думать о нем совершенно бесполезно. Нам придется выкручиваться самим, не питая надежды на помощь со стороны. Ну, ребята, берите ноги в руки и дуйте во все лопатки!

Трапперы не заставили себя упрашивать, каждый из них отлично сознавал, что единственной надеждой на спасение было быстрое бегство. Идя по покрытой слоем свежего пепла прерии, беглецы оставили многочисленные следы, и было бы чудом, если бы индейцы, непревзойденные следопыты и разведчики, не определили до сих пор направление, в котором они ушли.

Теперь, чтобы скрыть следы, было бы неплохо отыскать какой-нибудь ручей.

По мере того, как беглецы поднимались по склону, лес становился все более величественным. Шериф был прав, говоря, что в этом лесу найдутся деревья такой гигантской величины, которым позавидуют и прославленные на весь мир великаны южной Калифорнии.

Знаменитые баобабы Центральной Африки и те резко проиграли бы в сравнении с пиниями Ларами: баобабы низки, приземисты, в то время как пинии отличаются удивительной стройностью и напоминают уносящиеся в поднебесье поразительно стройные башни.

Сколько лет насчитывает такой лесной великан?

По обрубкам некоторых лесных гигантов, сваленных алчным и беспощадным человеком, можно определить, что многие из них достигли весьма почтенного возраста в две, три и пять тысяч лет. Американские ботаники уверяют, что в горах Ларами имеются деревья, которым более восьми тысяч лет. На них нет ни малейшего следа дряхлости и усталости. Они растут, зеленея в своих родимых горах, и проживут еще, может быть, много тысяч лет, если их не погубит лесной пожар или, что более вероятно, топор промышленника. В Сьерра-Неваде среди многих десятков таких великанов, видевших, может быть, зарождение человечества, особенной популярностью пользуются четыре дерева: «Гигантский гризли», «Генерал Шерман», «Старый Мафусаил» и «Колумбия». Любое из этих деревьев превышает сто двадцать метров в высоту, а в обхвате от тридцати восьми до сорока метров.

Чтобы дать понять о величине этих лесных гигантов, достаточно сказать, что через сделанную в стволе одного из них арку пролегает почтовая дорога. Самые громоздкие экипажи свободно проходят по этому единственному в мире туннелю. Под корнями некоторых из этих величественных деревьев вырыты настоящие пещеры, в которых эксцентричные янки задают банкеты. На одной из всемирных выставок красовался обрубок пинии такой величины, что на нем могли танцевать одновременно двадцать пар. Однажды миллиардер Астор, прославившийся своими причудами, устроил парадный обед на сто персон за столом, представлявшим собой не что иное, как пень гигантского дерева.

Наши беглецы находились именно в таком лесу. Преследуемые Миннегагой и ее воинами, они, разумеется, не могли восхищаться красотами природы, торопясь разыскать где-нибудь хоть нору, способную укрыть их от индейцев.

Не обращая ни малейшего внимания на великолепные пинии, трапперы искали ручей или реку, думая только о том, как бы скрыть свои следы. Им повезло, довольно скоро они оказались на краю большого каньона с бешеным горным потоком на дне, украшенным белой пеной.

— Ну, слава Богу, добрались! — Тернер вздохнул с облегчением. — Может, теперь нам удастся замести следы. Как вы думаете, Джон, далеко ли индейцы?

— Думаю, довольно далеко. Они ведь верхом на лошадях. По степи мустанги, конечно, шли с большей быстротой, но в горах они никуда не годятся. Бросить лошадей индейцы вряд ли решатся. Думаю, в нашем распоряжении не меньше часа, — ответил индейский агент.

Беглецы быстро спустились в каньон и вошли в поток, воды которого, к счастью, не были глубоки, так что продвигаться по дну можно было без особых затруднений.

Не опасайся попасть в руки индейцев, охотники не преминули бы воспользоваться случаем вознаградить себя за усталость маленьким пиршеством. Воды горного потока буквально кишели рыбой, напоминающей нашу форель. Но беглецам было не до рыбы: поднявшись вверх по ручью, они добрались до берегового выступа и снова поднялись в горы, покрытые густой зеленью и гигантскими секвойями[17]. Немного передохнув, они снова собирались тронуться в путь, как вдруг Джон, самый опытный из них, которому Бэд Тернер передал командование отрядом, неожиданно наклонился, разглядывая какой-то след.

— Дьявол! — бормотал он.

— Что вы там отыскали, Джон? — осведомился Тернер, хватая ружье.

— Здесь очень недавно прошел гризли.

— Пожелаем ему счастливого пути.

— Не торопитесь, шериф. Смеяться нечего. С этими зверюгами не до шуток. С ними одним ножом не справишься: наткнись мы на гризли, нам бы пришлось стрелять, а это отдало бы нас в руки индейцев. Но делать нечего, надо идти вперед. Будем надеяться, «отшельник в серой шубе» уже наелся где-нибудь фруктов или лакомых ягод и отправился восвояси.

Беглецы продолжили путь, стараясь не шуметь и не привлечь к себе внимание свирепого медведя Скалистых гор, встречи с которым приходилось опасаться не меньше, чем встречи с индейцами.

Пройдя немного, они остановились перед гигантским стволом горной сосны, не менее сорока метров в обхвате. Дерево это, казавшееся великаном даже среди других колоссов деревьев, по-видимому, имело огромное дупло. Охотники увидели почти квадратное отверстие в стволе, явно вырубленное топором. Неподалеку от дерева на земле валялся большой кусок коры, очевидно, служившей съемной дверью для оригинальной пещеры.

— Ну, нам везет! — воскликнул Тернер весело. — Лучшего убежища нарочно не придумаешь! Желал бы я знать, кого мы должны благодарить за устройство этой беседки.

— Должно быть, здесь обитал какой-нибудь бандит, — высказал предположение Джон. — Их здесь было немало, когда золотоискатели разрабатывали прииски в горах Ларами несколько лет тому назад. А может, здесь обитала какая-нибудь любящая уединение

индейская семья. Но мы сейчас узнаем все по тому, что внутри, если...

Индейский агент, намеревавшийся без церемоний полезть в дупло, неожиданно отскочил назад и направил в него дуло своего карабина. Инстинктивно остальные охотники сделали то же самое.

— Что ты там увидел, Джон? — спросил Гарри.

— А ты ослеп, что ли? — вполголоса ворчливо отозвался Джон. — Разве не видишь явный отпечаток лап гризли, который шел именно к дуплу. Может быть, он сейчас там и сидит вместо бандитов или индейцев.

— Вполне возможно! — отозвался Тернер. — Самый капризный серый медведь едва ли нашел бы для себя убежище лучше. Но надо посмотреть, действительно ли он там, и если это и так, ничего не поделаешь: не отказываться же нам от спасения только из-за гризли, который любит пожить с комфортом. Попросим его перевезти мебель на другую квартиру.

— Да ведь придется стрелять. Индейцы услышат.

— Известный риск, конечно, есть. Но лишь бы прогнать медведя. Тогда мы закроем дупло валяющейся дверью, и вряд ли индейцы легко откроют наше убежище. Что, ребята, готовы ли ваши ружья?

— Разумеется! — в одно слово ответили Джордж и Гарри.

Но Джон все еще недоверчиво осматривался вокруг, и его спутники отлично понимали, что старый опытный охотник, прославившийся своей храбростью, имеет причины для беспокойства. Вряд ли дело касалось только возможной схватки с медведем: как ни свиреп и крепок на лапу грозный медведь Скалистых гор, едва ли Джон побоялся бы стычки с ним, тем более что на помощь ему не замедлили бы прийти остальные товарищи, отличные стрелки.

— Что вы ищете там наверху? — осведомился Тернер.

— Думается мне, — ответил индейский агент, — что хозяин квартиры, которую мы хотим захватить, сидит не в дупле, а скорее где-нибудь на ветвях этого или другого дерева.

— Тем лучше! Легче будет завладеть его берлогой! — весело откликнулся Гарри.

— Попробуем по крайней мере, — закончил совещание Джон. — Гарри и Джордж, тащите этот кусок коры. Узнаем, подходит ли он к отверстию. А мы с вами, Тернер, пойдем вперед. Не зевайте, ребята!

С этими словами траппер шаг за шагом стал двигаться к дереву, пока не остановился у самого дупла.

— Берлога абсолютно свободна! Старый когтистый Джонатан где-то в другом месте, — сказал индейский агент, — и мы можем сейчас же занять его квартиру. А когда он вернется, мы ему скажем, что он опоздал и, если хочет, пусть повесится с досады. У кого, ребята, есть в запасе лучина? У тебя, Джордж? Ну так зажигай! Вступаем во владение нашим дворцом!

МЕДВЕЖЬЯ БЕРЛОГА

В стволе колоссального, очевидно, насчитывающего не одну тысячу лет дерева имелась настоящая пещера, настолько обширная, что при нужде в ней свободно разместилось бы добрых две дюжины людей. Стенки были покрыты наплывами и лишаями, а потолка при слабом свете лучины не было видно.

Надежда найти внутри какие-либо предметы домашнего обихода, по которым можно было бы определить, кто был последним обитателем гигантского дупла, — не оправдалась. По-видимому, люди давно, уже много лет тому назад покинули пещеру, которая стала логовом медведя. От него-то было немало следов: пол пещеры буквально оказался завален костями обитателей лесов Ларами, попавших в зубы гризли. И хотя не было ни одной кости, которая не была бы обглодана дочиста, в берлоге стоял запах гнили.

— Смотрите! Ведь это лестница! — изумленно воскликнул Джон, первый обративший внимание в одном углу на массивное сооружение из двух бревен с перекладинами.

— Судя по тонкости и изяществу работы, я бы не удивился, если бы эту лестницу соорудил мистер Гризли! — засмеялся Бэд Тернер. — Хотел бы я знать, однако, на кой черт служила лестница обитателям пещеры?

— Расследуем после! — отозвался нетерпеливо Джон. — Бросьте, теперь нам не до лестницы. Лучше помогите пристроить дверь, чтобы когда вернется гризли, он не мог проникнуть вовнутрь.

— Не слишком ли ты торопишься, дружище? Ты не подумал, что у нас нет никакой провизии, и если придется отсиживаться тут, то долго мы не высидим, — сказал предусмотрительно Бэд Тернер.

— Уж не собираетесь ли вы, шериф, заняться охотой? — удивился Гарри.

— Нет, — ответил шериф, — об охоте, разумеется, нечего и думать. Но вокруг нас должны валяться сотни шишек кедра. На безрыбье и рак — рыба, и когда нет ничего другого, то и кедровыми орехами можно пропитаться отлично. Так приспосабливайте же дверь, да подоприте ее чем-нибудь, чтобы гризли не мог свалить ее лапой. Гарри и Джон, держа ружья наготове, выскочили из пещеры и прежде всего собрали значительный запас мясистых лепешек кактуса, мякоть которых настолько пропитана водой, что может отлично утолять жажду. Затем без малейшего труда они собрали огромное количество богатых орехами шишек горной пинии, и тут индейский агент остановился, услышав подозрительный шорох. Прислушавшись, он со всех ног бросился к убежищу, Гарри без оглядки за ним, будто их преследовал злой дух. Вскочив внутрь берлоги охотники немедленно закрыли выход и схватились за ружья.

— Что вы обнаружили, Джон? — осведомился шериф.

— Сам не знаю еще, что именно, но ясно слышал приближающийся к нам шум, — ответил встревоженным голосом индейский агент. — То ли наши друзья, индейцы, то ли добродетельный отшельник, косолапый хозяин. Может, он уже знает, что мы перебрались сюда, и хочет нанести нам визит и потребовать плату за квартиру.

— Поцелует пробой и отправится домой! — засмеялся Джордж. — Мы с шерифом так забаррикадировали вход, что в одно мгновение можно запереть его, и гризли напрасно обломает себе когти, пытаясь пробраться сюда.

В разговор вмешался Бэд Тернер.

— А меня, — сказал он, — уж очень занимает эта лестница. Посмотрите, Джон, где она кончается. Хотя очень темно, но можно различить расселину. Надо быть дураком, чтобы пристроить лестницу, по которой некуда подниматься. Ведь не вздумалось же бывшим обитателям этой берлоги, ради развлечения соорудить гимнастический снаряд. Я думаю, что над нашей пещерой имеется, так сказать, второй этаж. Надо бы обследовать...

— Вот я сейчас...

Младший из трапперов, словно кошка, забрался по лестнице на самую верхушку, по пути раза два или три стукнувшись головой о выступы стен. Эти толчки, впрочем, доказывали только, что у охотника череп был гораздо прочнее, чем истлевшая древесина дупла. Сверху на оставшихся внизу охотников посыпалась целая туча древесной пыли, большие куски высохших древесных грибов и кучи столь же сухой плесени.

Едва пыль рассеялась, стало возможным разглядеть, что в потолке имеется отверстие, прикрытое сделанным из досок щитом. Гарри без труда сдвинул щит в сторону и оказался на втором этаже новой квартиры, то есть в верхней части дупла. Это помещение было значительно меньше нижнего, но достаточно просторно и к тому же освещено некоторым подобием двух окон.

Последовавшие за Гарри охотники увидели, осматривая новое помещение, что по стенам на полках стояли готовые развалиться большие сундуки. Кроме сундуков, они нашли четыре старинных ружья и топор, покрытый толстым слоем ржавчины, большие бизоньи рога, в которых по всем признакам должен был находиться запас пороху.

— Как вам все это нравится? — заговорил Бэд Тернер. — Должно, мы и впрямь попали в разбойничье гнездо.

— Бандиты, говорят, ограбили золотоискателей Ларами на колоссальные суммы, — вмешался Джордж. — А что, если эти сундуки полны золотых самородков?

— Не жадничай! — отозвался Гарри. — За хороший охорок и свежеиспеченную лепешку я охотно бы отдал сейчас целый кошелек золота, а чтобы быть подальше отсюда, в лагере генерала Честера, я отдал бы, пожалуй, и целый пуд.

— Все-таки посмотреть надо бы!

Трапперы приступили к осмотру имущества прежних обитателей жилища. Сбить крышки с ящиков не представляло ни малейшего труда. Но тщетно Джордж переходил от сундука к сундуку: в первых шести из них нашлось только порядочное количество полуистлевшего тряпья, большие сапоги, употребляемые рудокопами, масса пустых бутылок из-под виски, кое-какие инструменты, несколько мешков пороху и свинцовых пуль. И только в седьмом под грудой тряпок отыскалось то, о чем мечтал Джордж: там было около тридцати сравнительно мелких кусочков самородного золота по весу несколько больше килограмма. Имея в виду, что эти самородки должны были стоить не менее тысячи долларов, охотники могли быть довольны столь неожиданно попавшим в их руки кладом. Но радость находки отравляло сознание того опасного положения, в котором пребывали беглецы, каждую минуту ожидавшие появления на сцене индейцев.

— Поделим поровну! — тоном безапелляционного судьи решил судьбу клада Бэд Тернер. — Во-первых, это бесхозное имущество, если не считать хозяином гризли. Но ввиду постоянно совершаемых им злодейств я объявляю его лишенным состояния и всех имущественных прав. Во-вторых, те, кто спрятал это золото, добыли его явно противозаконным путем, ограбив золотоискателей. Ну, словом, ребята, долго разговаривать нечего! Бери каждый свою долю и прячь, как кто умеет. Если вывернемся, то это золото может нам очень пригодиться. Кстати, Джон, взгляните-ка на эти ружья. Что скажете?

— Скажу, что теперь таких ружей в прерии не найти. Даже индейцы запасаются магазинками. Но, насколько я могу судить, сохранились эти ружья великолепно, пороху, пуль и пистонов достаточно, бьют они на двести пятьдесят и даже триста метров, так что, если нас откроют индейцы, то, право же, эти ружья окажутся для нас полезнее, чем золото, с которым ничего не сделаешь.

Джон прервал свои слова неопределенным восклицанием, выдававшим его тревогу:

— Ух! Странно! Вы ничего не слышите? Что за шум?

— Покуда ничего. А что?

Не отвечая, старый охотник прильнул ухом к стволу дерева и прислушался.

— Я не ошибся, — прошептал он, давая знак товарищам сохранять полное молчание. — Наш косматый хозяин, как я и думал, должно быть, совершал увеселительную прогулку по поднебесью, забравшись на самую верхушку дерева. Теперь, чем-то обеспокоенный, он спускается вниз.

— Но ведь все говорят, будто взрослые медведи настолько тяжелы, что не могут вскарабкаться высоко?

— Не верьте бабьим сказкам, шериф. Нет в мире бестии более ловкой, чем гризли. Они так лазят по деревьям, что им любая

обезьяна позавидует. Я лично застрелил одного, когда он находился на высоте добрых шестидесяти метров на ветвях секвойи. Вот и наш хозяин, должно быть, большая лакомка и лазил на верхушку дерева в поисках молодых шишек. Он уже близок, и, кажется, его можно будет увидеть в одно из наших окошек.

В самом деле, минуту спустя, осторожно выглядывая сквозь узкую расселину, беглецы могли отлично видеть находившегося на одной из гигантских ветвей их дерева медведя. Это было великолепное животное больше двух с половиной метров длиной, с густой и курчавой шерстью темно-серого цвета. Медведь очень быстро спустился и стал возиться около забаррикадированного входа в свое логово. Он свирепо рычал, работал зубами и когтями с таким усердием, что даже строитель баррикады, шериф Голд-Сити, стал сомневаться, долго ли дверь выдержит напор медведя.

— Эх, какого дурака мы сваляли! — ударил себя по лбу Джон.

— В чем дело? — осведомился Бэд Тернер.

— Да если бы мы теперь впустили медведя в нижнюю пещеру, втащили сюда лестницу, то медведь был бы для нас совершенно безопасен, с ним мы могли бы справиться в любой момент. И в то же время присутствие медведя в дупле совершенно отвело подозрения индейцев, если бы они добрались до берлоги, что весьма возможно.

— Да кто же знал, — возразил шериф, — что дупло имеет два этажа? Но, собственно говоря, я нахожу идею очень резонной, а осуществить ее нетрудно и сейчас. Втащим наверх всю нашу провизию, а я ослаблю нашу баррикаду настолько, что через пять минут наш почтенный домовладелец восстановит свои законные права. А когда нам удастся избавиться от индейцев, мы всегда сумеем всадить и в его упрямую башку пару свинцовых шариков. В самом деле, такой медведь, как наш, даст добрых четыреста килограммов мяса.

— А какие у него окорока! — с явным восхищением отозвался Гарри.

Сказано — сделано. В одну минуту весь небогатый запас провизии был перетащен наверх, а тем временем шериф Голд-Сити торопливо разбросал кости животных, которыми был загроможден вход, и отодвинул в сторону засовы и подпорки, поддерживающие дверь.

Едва Бэд Тернер поднялся по лестнице на второй этаж и помог втащить лестницу, как медведь, справившийся наконец с дверью, испустил, должно быть в знак удовольствия, протяжный рев и кубарем вкатился в свою берлогу. Там, почуяв близкое присутствие людей, он заметался из стороны в сторону, поминутно становясь на дыбы и даже пытаясь залезть наверх. Грязи, поднявшись на полтора-два метра, каждый раз срывался и гулко шлепался на пол.

Разумеется, все эти манипуляции топтыгин сопровождал свирепым рычанием и ударами могучих лап по стенам пещеры. Но единственным результатом его усердия было то, что нижняя пещера оказалась буквально засыпана древесной гнилой пылью, и эта пыль заставила медведя раскашляться и расчихаться.

Тем временем находившиеся в полной безопасности беглецы, давно почувствовавшие голод, принялись за скромную трапезу, не обращая никакого внимания на возившегося внизу неугомонного «домовладельца». К полному удовольствию, у трапперов оказался в достаточном количестве табак, и, насытившись, они принялись преспокойно курить. Потом они устроили из принесенных с собой одеял и найденного в сундуках тряпья постели и расположились на отдых, как будто были за тысячу километров от разыскивающих их индейцев.

Должно быть, и гризли утомила возня. Он скоро затих и, по-видимому, последовав примеру своих квартирантов, улегся отдыхать.

Заглянув сквозь люк вниз, Бэд Тернер увидел могучее животное прямо под собой. Медведь лежал, прикрыв передними лапами нос.

— Ну, — промолвил, улыбаясь, Бэд Тернер, — если мне понадобится нанимать сторожа, я не возьму этого лодыря. Он спит так спокойно, как будто мы не поручали ему сторожить наш дом от индейцев...

Шериф прилег, и скоро дремота одолела и его. Товарищи давным-давно уже спали. Через четверть часа Бэд Тернер приподнялся на локте, к чему-то прислушиваясь.

В это мгновение в непосредственной близости от убежища трапперов прогрохотал ружейный выстрел.

— А, дьяволы! — выругался Бэд Тернер. — Не дадут подремать как следует...

ОСАДА

При звуке ружейного выстрела трапперы вскочили на ноги. Каждый из них первым делом схватился за свой карабин.

— Индейцы! — в один голос вскричали они.

— Ваша догадливость граничит с гениальностью! — улыбнулся шериф. — Это что-то сверхъестественное! Как это вы догадались, не могу понять, что стрелял не медведь, а индеец?

— Эко вас разбирает охота шутить и смеяться! — с неудовольствием отозвался Гарри. — Может, наша жизнь на волоске висит, а вы шутите.

— Дурень! Ты хотел, чтобы я, старый степной волк, расхныкался, как баба, при мысли, что вблизи шляется какой-то шалый индеец? Но я, мой милый, уже так много раз видел свою жизнь висящей, как ты выражаешься, на волоске, что имел возможность

убедиться, что этот волосок покрепче иного корабельного каната. Но будет болтать! Послушаем, что скажет мистер Джон по этому поводу.

— Что я скажу? — задумчиво вымолвил индейский агент. — Во-первых, я скажу, что, насколько я понимаю, выстрел дан с берега каньона. Во-вторых, проследив нас до спуска в каньон, что, конечно, не представило для этих ищеек никаких затруднений, они послали вверх и вниз по течению разведчиков. Если кто и стрелял, то даю голову на отсечение, что это один из разведчиков. Зачем он стрелял? Единственное объяснение: разыскал наши следы и выстрелом оповестил об этом своих товарищей. Таким образом...

— Таким образом, — перебил индейского агента шериф, — вся эта компания через десять минут будет возле нашего убежища! В каком университете вы учились логике, Джон?

Не отвечая на шутку приятеля, индейский агент задумчиво пробормотал:

— Странное дело. Смерти я не боюсь, хотя и на рожон не лезу. Я бывал в переделках столько раз, что и не счесть. И, по совести, никогда до сих пор не испытывал того, что испытываю теперь...

— Зубы болят, что ли?

— А ну вас, Тернер! Побей Бог, мне не до шуток! Спать лег и во сне видел, будто проклятая Миннегага мой скальп сдирает. Я так ясно увидел эту картину, что даже и сейчас чувствую боль в том месте, где надрезал кожу нож индейской гадюки. Нет, будь я проклят, старый дурак! Нужно же было мне соблазниться принять предложение этого полоумного англичанина и забраться в эти места, куда мне и носа показывать не следовало, по крайней мере, пока жива Миннегага.

— Будет вам, Джон! Ваш скальп еще держится на вашей голове. Что же вы заранее его оплакиваете? — прикрикнул на приятеля Бэд Тернер. — Лучше посмотрим, что поделывает наш почтенный толстокожий домовладелец.

Все четверо принялись наблюдать сквозь люк, какое впечатление произвел грохот ружейного выстрела на медведя.

— Старый Джонатан проснулся, — шепнул Гарри.

— Принюхивается. Что-то чует, — добавил Джордж.

— Ребята! Вы помоложе меня, побыстрее. Ну-ка, спуститесь к мистеру Гризли и вежливенько расспросите его, что именно он предполагает делать и как относится к визиту индейцев? — пошутил неисправимый Тернер.

Дружный смех всех четырех раздался под сводами странного жилища в дупле лесного гиганта. Но сквозь смех невольно прорывались тревожные нотки: угрожавшая опасность была слишком велика, и каждый очень хорошо понимал это. Они предпочли б, если на то пошло, скрываться от преследований индейцев в степном просторе, мчаться по прерии на быстрых конях, а не сидеть в темном дупле и пассивно ожидать появления врага.

— А что мы будем делать, — осведомился Гарри, — если индейцы, несмотря на присутствие внизу гризли, все же откроют наше убежище?

— Не знаю, что будешь делать ты, парень. А я возьму свое ружье и попробую, не разучился ли я стрелять, — пошутил шериф.

— Самое главное, — потянуть время, — отозвался Джордж. — Вот мы все толкуем о генерале Честере. Все говорим, что его лагерь далеко. А мне кажется: да неужто Честер будет сидеть в лагере, словно мы в дупле, и ожидать, пока индейцы придут к нему на обед?

— Браво, парень! — откликнулся Джон. — Ты не так глуп, как кажешься! В твоей голове есть кое-что... В самом деле, если Честер узнал о начале восстания, вероятнее всего, он попытается разбить индейцев прежде, чем их силы соединятся. А тогда ему не миновать этих мест. Подождем, увидим, что будет. Но смотрите, смотрите, что выделывает гризли! Право, он может подать жалобу в суд на то, что нарушено его священное право собственности и посторонние субъекты вторгаются в пределы его жилища, хотя он и протестует весьма настойчиво.

Медведь, явно почуявший приближение индейцев, свирепо зарычал, поднялся на дыбы, потом опустился и застыл в выжидательной позе, оскалив зубы и смотря на вход, к которому приближались враги.

Потом, видимо, поддавшись овладевшему им гневу, гризли стал преуморительно раскачиваться на одном месте, причем его уши нервно дергались, а шерсть стала дыбом.

Старый Джонатан, не привыкший отступать перед опасностью, готовился к смертельному бою, собираясь наказать дерзких пигмеев, которые осмелились приблизиться к его жилищу.

— Представление начинается! — предупредил товарищей наблюдавший за каждым движением медведя Бэд Тернер. — Теперь в теле нашего серого приятеля сидит добрая сотня чертей. Скоро там наберется их целая тысяча, и тогда он сам превратится в дьявола.

— Нам это только на руку, — отозвался Джон. — Если бы он мог передушить, как мышей, всех краснокожих, я бы ему только спасибо сказал. Но на это надеяться не приходится. Надо отдать должное индейцам: они тоже мало чем уступают дьяволу. Смотрите, гризли таки собирается покинуть свою берлогу.

В самом деле, медведь выбрался из берлоги и стоял перед нею, ожидая приближения врагов. Потом неторопливо стал отходить от дерева. В это время из ближайших кустов прогрохотали два выстрела, на которые медведь ответил громоподобным ревом. Видимо, животное было еще полностью охвачено бешенством или было знакомо с пулями, но оно не решилось на открытую борьбу. Так или иначе, но Старый Джонатан, быстро пятясь, вернулся в свою берлогу. Едва он скрылся в тени, как стрелявшие по нему индейцы выбрались на поляну. Это были молодые и статные воины, воору-

[illegible] винтовками, томагавками и длинными ножами. Шагах в [illegible] от берега краснокожие приостановились, как будто совещаясь [illegible], что следует предпринять, но потом решительно двинулись к [illegible]. По этому можно было заключить, что они опирались на [illegible] солидную поддержку, идти всеми на гризли было бы даже не храбростью, а просто безумием.

— Ну, дружище Джон! — сказал Терпер. — Нет никакого сомнения, что эти краснокожие джентльмены нас выследили. Не будь этого, они не посмели бы думать об охоте на медведя. Теперь они явно собираются уничтожить гризли, чтобы потом заняться нами.

— Да, ухлопают Старого Джонатана, а потом придет и наша очередь, — глухо пробормотал Джон.

Тем временем число индейцев на поляне значительно возросло. Один за другим краснокожие выскакивали из кустов и присоединялись к разведчикам.

Ожидавший нападения медведь спрятал туловище в дупло, а голову оставил снаружи. Он глядел на приближавшихся врагов налитыми кровью глазами, сопел и время от времени рычал.

Не обращая на него внимания, разведчики медленно подходили к логову медведя, идя по следу беглецов. Иногда они останавливались и совещались, тревожно поглядывая вокруг: их явно озадачивало то обстоятельство, что следы вели прямо в берлогу медведя. Индейцы никак не могли понять, каким образом свирепое животное могло оказаться союзником белых. Единственно разумным предположением было бы, что беглецы погибли в схватке с гризли. Но, с другой стороны, краснокожие знали, что все четверо — храбрые и опытные охотники, борьба с ними дорого бы обошлась медведю. А между тем, судя по бодрому виду зверюги, этого не было.

Приостановившись на минуту, двое из индейцев одновременно выстрелили по медведю, который ответил им свирепым ревом и стремительно спрятался в свою берлогу. Судя по всему, он получил одну, а то и две пули. Причиненная ранами боль одновременно и испугала, и разъярила его.

— Мистер Джонатан пошел за карабином или револьвером, чтобы достойно ответить на выстрелы визитеров, — пошутил Терпер.

Осторожно выглядывая в щель, Гарри отозвался со своего места:

— Господи ты мой Боже! Сколько этих краснокожих!

На поляну поминутно прибывали новые и новые индейцы, явно привлеченные трескотней выстрелов.

Краснокожие охотники, видя, что медведь спрятался в берлоге, подошли к ней почти вплотную и стреляли наугад, не имея возможности целиться. Чаще пули впивались в дерево, но иногда задевали медведя, нанося ему мелкие раны. Получив рану, гризли оглашал воздух неистовым ревом.

Потом медведь забился в берлогу так, что пули больше не достигали его, и если краснокожие хотели покончить с ним, то им ничего не оставалось больше, как рискнуть взять приступом берлогу. Узнав о приготовлении к этому отчаянному шагу, Джон спросил у друзей, поглядывавших наружу, не видят ли они самой Миннегаги и Сидящего Быка. Получив отрицательный ответ, индейский агент немного успокоился.

— Так ты говоришь, Гарри, — сказал он, — что их всего человек пятнадцать? Ну, если они и узнают, что мы сидим в мезонине, я думаю, им справиться с нами будет трудновато. Поглядим, что из этого выйдет, а пока любопытно посмотреть, как индейцы справятся с медведем.

В самом деле, приближался последний акт драмы: видя, что медведя не удается выманить, один молодой воин решился проникнуть в берлогу. Остальные расположились у входа, держа в руках томагавки, которым, очевидно, доверяли больше, чем ружьям.

«Доброволец» с ружьем в руках быстро вскочил в пещеру. Он, словно обезумев, стрелял в разные стороны, рассчитывая хоть случайно попасть в медведя, которого в темноте невозможно было разглядеть. Гризли как будто ожидал этого. Едва прогрохотал последний выстрел, как несчастный смельчак почувствовал себя в железных тисках: «Старый Джонатан» подкрался сзади и всей своей тяжестью рухнул на индейца, обхватив его лапами. Воин испустил душераздирающий крик, который сейчас же оборвался, смельчак превратился в исковерканный труп. Вслед за этим гризли вылетел из берлоги и бросился на индейцев, стороживших выход. Одного или двух ему удалось зацепить ужасными когтями, наносящими неизлечимые раны. Но это было последним успехом лесного гиганта: его расстреливали в упор, рубили томагавками, кололи и резали ножами, колотили тяжелыми ружейными прикладами. Медведь метался из стороны в сторону, оглашая лес гневным яростным ревом, кровь лилась из ран, силы покидали его, тогда как силы индейцев с каждым новым ударом словно удесятерялись.

Еще раз злополучный медведь сделал попытку спастись и с ревом бросился на ближайшего индейца, подмял его под себя. Но смерть сторожила бедного лесного зверя. Он испустил дух, вытянувшись во всю длину своего огромного тела. Индейцы же, словно обезумев, продолжали молотить труп медведя.

— Наш домовладелец окончил свое существование, — пробормотал Бэд Тернер. — Как только индейцы успокоятся, они сейчас же примутся за нас. Но не все еще потеряно. Может быть, они и не догадаются о существовании второго этажа и, осмотрев дупло, уберутся восвояси. Во всяком случае, надо бы прикрыть люк досками, тогда там, внизу, будет темнее, и, быть может, враги не увидят нашего убежища.

— А если догадаются? — испуганно спросил Гарри.

— Тоже вопрос, — пожал плечами шериф. — Во всяком случае, им не удастся взять нас голыми руками. В сущности, наше убежище — это настоящая крепость, и, чтобы выбить нас отсюда, понадобились бы пушки. На наше счастье, пушек у индейцев нет. Вот разве попытаются поджечь дерево. Ну, и это не так-то легко сделать, потому что мы тоже зевать не будем.

Пока шло это совещание, окончательно расправившиеся с гризли индейцы снова принялись осматривать окрестность гигантского дерева, внутри которого спрятались беглецы. Только через некоторое время они проникли внутрь берлоги, которую подвергли самому тщательному осмотру. Обыск длился не менее четверти часа. Его производила половина отряда, в то же время как вторая половина сторожила снаружи.

— А что, дядя Джон, — шепотом обратился к индейскому агенту Джордж, — а что, говорю я, если бы мы начали стрелять по этим красным чертям, копошащимся под нами? Выход так узок, что ни один из них не успел бы выскочить, и мы перебили бы их мгновенно.

— Помешался ты, что ли? — отозвался чуть слышно Джон. — Снаружи стоят человек десять, которые тотчас обнаружат наше убежище, а именно этого-то надо избежать во что бы то ни стало. Смотри, кажется, они уходят?

В самом деле, обыскав пещеру и перерыв все кости, но не догадавшись взглянуть наверх, индейцы покинули дупло и выбрались наружу. Там с шумом и гамом они рассыпались вокруг дерева в тщетных поисках следов. Казалось, загадочное исчезновение бледнолицых, граничащее с чудом, пугало и приводило их в бешенство. Скоро гвалт прекратился: на поляну из густых зарослей появился новый отряд краснокожих, прибытие которого временно положило конец поискам.

— Смотрите, Джон! — прошептал шериф, наблюдая за новоприбывшими. — Ваша приятельница Миннегага изволила пожаловать. С ней кто-то из родственников, старый индейский мокасин, физиономия которого похожа на печеное яблоко.

— Это — ее отец, Красное Облако, мошенник, каких на свете мало.

— И тот самый полоумный англичанин, у которого вы были проводниками, — продолжал шериф. — Значит, он таки не сгорел в прерии вместе с бизонами, как вы предполагали. У него руки связаны за спиной.

— Хорошо, что жив остался! Я, признаться, думал, что мы несем ответственность за его гибель. Но меня удивляет, что индейцы до сих пор не сняли с него скальпа. Ба! Около него крутится Сенди Гук. Что это может значить?

— Кто это? — осведомился шериф. — Уж не тот ли самый Сенди Гук, который так долго...

— Который занимался грабежом и вместе со своей шайкой, состоящей из отъявленных молодцов, дошел до такой дерзости, что не раз останавливал и дочиста обирал пассажирские поезда. Потом ему перестало везти, его шайка была почти перебита в нескольких схватках, а сам Сенди Гук сбежал к краснокожим.

— У которых находит себе приют всякая дрянь!

— Да, шериф. Добавьте только, что индейцы принимают к себе только исключительно храбрых людей, а Сенди Гук является именно одним из таких. Говорят, среди краснокожих он пользуется отличной репутацией, и я этому охотно верю.

— Похоже на то, Джон, что вы лично знаете этого субъекта? — спросил товарища Бэд Тернер.

— Да, разумеется. Не раз мы вместе распивали рюмочку, другую. Если сказать по совести, то он — парень ничего: добродушный, весельчак, и шутник, и надежный товарищ; разумеется, я не стану его оправдывать: грабитель всегда остается грабителем. Но грабил он со своими дружками только тех господ, что по прерии пролетают в поездах. Я никогда не слышал, чтобы Гук причинил зло какому-нибудь трапперу. Наоборот, мне, да и другим трапперам доводилось от Сенди видеть немало добра, а когда он начинал кутить, то швырял золото пригоршнями. В общем, жаль, что он связался с индейцами. Перебесившись, он мог остепениться, заняться каким-нибудь делом, и тогда из него вышел бы совсем порядочный человек. Я думаю, шериф, вы сами знаете не одного такого перебесившегося молодца?

— Конечно, знаю, кто их не знает. А знаете что? Вы меня навели на одну мысль. Про этого Сенди Гука рассказывают, что он только хвастается, якобы в его жилах течет половина индейской крови. На самом же деле он — чистокровный белый, сбившийся с пути парень, без роду и племени. По опыту знаю, что такие люди не отличаются свирепостью индейцев. Если бы нам удалось перетянуть его на свою сторону...

— Я и сам уже думал об этом. Да как это сделать? Что касается меня, я пока предпочитаю сидеть здесь, притаившись, — отозвался Джон.

— И мы тоже, — поддакнули младшие трапперы.

Тем временем вокруг дерева продолжались поиски беглецов. Индейцы, разделившись на небольшие отряды, объезжали вокруг гигантского дерева, тщательно разыскивая и рассматривая малейшие следы. Эти поиски приводили, разумеется, только к одному результату: краснокожие убеждались, что беглецы не могли покинуть поляну, то есть что они нашли убежище именно на дереве. Отсюда нетрудно было прийти к выводу, что бледнолицые скрываются где-нибудь в густой древесной кроне. После ничего не давшего осмотра берлоги никому не приходило в голову искать трапперов вниду. Искали наверху, чуть ли не у самой макушки. Не заметив

никого, индейцы принялись обстреливать дерево, надеясь, что шальная пуля зацепит кого-нибудь из бледнолицых.

Скоро стрельба прекратилась. Однако убеждение, что беглецы рядом, что им было некуда уйти, не покидало индейцев. Они решили расположиться лагерем около пинии, выставив караул. Сенди Гук, который довольно равнодушно относился к поискам вокруг дерева, почти все время не отходил от берлоги, частенько поглядывая на нее. Наконец, как будто решившись на что-то, он позвал с собой шестерых или семерых воинов и отправился в берлогу.

— Черт меня побери! — бормотал он. — Что птицы могут улететь по воздуху — это я допускаю. Но чтобы у людей отросли крылья и чтобы они удрали куда-нибудь за облака, в это я, признаться, верю плоховато. По крайней мере никто еще в мире не видел, чтобы человек летал, разве что на воздушном шаре. Воздушного шара у трапперов быть не могло. Значит, сидят они себе преспокойненько где-нибудь здесь. Надо заглянуть в берлогу, хотя мои краснокожие друзья и обыскивали ее. Признаюсь, я уважаю этих храбрых воинов. Но ума у них...

Сенди Гук оборвал фразу и полез в берлогу.

ОТКРЫТЫ

Если поискам краснокожих не суждено было увенчаться успехом, то гораздо больше шансов имел принявшийся за это дело Сенди Гук: он, как говорится, прошел огни и воды, медные трубы и чертовы зубы, да и сам добрую половину жизни провел, скрываясь от преследователей в разных норах и логовищах, когда за ним по пятам гонялись пограничные войска. В конце концов у него выработался какой-то особенный нюх, безошибочно выдававший ему то, что скрывается от глаз других. Пройдясь два раза по берлоге медведя и убедившись, что дупло выело почти всю сердцевину колоссального дерева, Сенди Гук все же несколько раз принимался простукивать стенки, думая, нет ли рядом с первым дуплом второго или какой-нибудь трещины, в которую могли бы забиться беглецы, но убедился, что искать их надо в другом месте.

— Наверное, — бормотал он, — это дерево напоминает огромный бамбук, и пещера имеет продолжение наверху. Во всяком случае, эти беглецы — ловкачи, ну да и я не дурак! Будь я дураком, койоты давно обглодали бы мои кости или господам судьям пришлось бы разориться на 20 центов и купить веревку для того, чтобы подвесить меня поближе к звездам. Нет, им негде быть, кроме как наверху!

С этими словами он взглянул наверх, но сейчас же опустил глаза, и если бы стоявший рядом с ним индеец в это время не был занят лежавшими на полу костями, то заметил бы, что бандит вздрогнул.

— Нет, воин! — произнес Сенди Гук равнодушно. — Здесь мы ничего не найдем. Пойдем еще посмотрим снаружи.

И он, не торопясь, направился к выходу.

Беглецы, затаив дыхание, следили за каждым движением бандита.

— Слава Богу, и этот ничего не нашел! — прошептал Гарри.

— Наоборот, будь он проклят, все нашел! — выругался Бэд Тернер. — У него нюх потоньше, чем у индейцев. Он перехитрит целый десяток краснокожих. Ну, ребята, теперь держись крепче!

— Плохо дело! Говорил я, что Миннегага сдерет с меня сегодня скальп, — глухим, полным тревоги голосом отозвался Джон.

— Эй, Джон, тебя, право, кто-то подменил! Я тебя сов ем не узнаю. Разве у тебя не останется в карабине одной пули, чтобы покончить с собой раньше, чем примутся сдирать с тебя скальп? — удивился шериф из Голд-Сити.

— Да не время мне помирать-то, — ответил Джон. — Молодой Деванделль в плену у индейцев, и было бы бессовестно с моей стороны, если бы я помер, не выручив его.

— Против судьбы не пойдешь, дружище...

Охотники замолчали в волнении, которое было вполне понятно, учитывая их безвыходное положение. Молчание было нарушено совершенно неожиданно: прогрохотал выстрел, и пуля влетела внутрь убежища, едва не зацепив плечо стоявшего ближе всех к естественному окошечку Гарри.

— Начинается! Берись за ружья, ребята! — скомандовал шериф. — Проклятый бандит выдал нас! Теперь остается только отстреливаться.

Повинуясь его призыву, трапперы взялись за ружья, но стрелять не начинали, потому что, осторожно выглянув в расщелину, они увидели, что индейцы отошли с простреливаемого пространства. Джон сходил с ума от злости.

— Полжизни отдал бы за то, — сказал он, — чтобы под мою пулю подвернулась Миннегага.

— А я отдал бы всю мою долю золота, — откликнулся Гарри, — чтобы мне удалось ухлопать этого Сенди Гука.

— Умного человека сразу видно! — иронически отозвался шериф. — Именно Сенди Гука убивать не следует ни в коем случае, потому что он — единственный человек, с которым можно было бы договориться.

— Да ведь он выдал нас! — запротестовал траппер.

— Так что же? Он добросовестно исполняет свою роль усыновленного индейцами бродяги. А вот индейцев рекомендую не щадить. Чем больше мы их уложим, тем большее уважение к себе внушим

остальным, и чем меньше их останется, тем больше шансов на спасение будет у нас.

Речь Бэда Тернера была прервана выстрелом. Пуля влетела на этот раз в дупло с другой стороны.

— Вот вам доказательство, что наше присутствие здесь обнаружено, — заговорил Тернер. — Значит, будем драться. Я беру на себя медвежью берлогу, буду обстреливать пробравшихся туда индейцев. Вы, Джон, займите пост справа, а вы, молодежь, слева.

Пока осажденные распределяли свои роли, индейцы не дремали. Они дружно обстреливали линию, и так как древесина оказалась довольно трухлявой, то пули часто сквозь щели залетали в дупло. Это не давало возможности всем, кроме шерифа, выполнять свои обязанности, потому что они рисковали быть убитыми, едва приблизившись к окну. Траперам пришлось лечь на пол и стрелять, соблюдая исключительную осторожность. Первыми выстрелами осажденным удалось уложить индейцев, показавшихся вблизи дерева. Со своей стороны, шериф тоже не терял времени даром: какой-то отчаянный краснокожий рискнул пробраться в берлогу, но был немедленно проучен за это Бэдом Тернером.

Неправильно оценившие положение дел индейцы были больше раздражены, чем напуганы таким оборотом. Несколько человек сразу бросились поднимать трупы и подставили себя под выстрелы осажденных. Опять загремели карабины, засвистели пули. Индейцы подняли нечеловеческий вой и разбежались во все стороны. На поляне у корней гигантского дерева валялось несколько трупов, двое или трое раненых, оставляя кровавые следы на траве, пытались отползти в сторону. Вскоре и они были убиты выстрелами.

С полчаса обе стороны обменивались выстрелами. Причем осажденные не несли потерь, индейцы же потеряли убитыми и ранеными несколько человек, хотя стреляли, прячась за стволами деревьев. Это научило их осторожности. И теперь они вели стрельбу только из зарослей, почти не подставляясь под выстрелы противников. Увидев это, Бэд Тернер распорядился прекратить огонь.

— Ребята, перестаньте даром тратить порох и пули! Боевые припасы нам еще пригодятся. Предоставьте индейцам развлекаться бесполезной стрельбой, сами заботьтесь лишь о том, чтобы не подвернуться под шальную пулю.

— Шериф, вы думаете, — спросил его Гарри, — что индейцы все-таки попытаются атаковать нас?

— Если среди них много таких умных, как ты, — ответил Бэд, — то, конечно, попытаются. Но вернее предположить, что дураков среди них мало, а те, которые были, валяются на поляне. Нет, дружище, на приступ индейцы не пойдут. Они предпочтут взять нас измором.

— Значит, нам придется здесь сидеть Бог знает сколько? От голода и жажды мы не помрем, пока не кончатся наши запасы. Что же, сидеть так сидеть.

— Браво! Ты делаешь успехи, парень! Посидим, авось что-нибудь высидим.

— Вы на что-то надеетесь?

— Надежды юношей питают и сердце старцев согревают! — с пафосом продекламировал шериф, который никогда не упускал случая блеснуть своей школьной ученостью. — Я не теряю надежды, приятель, на приход генерала Честера. Если к нему даже не подошло подкрепление, то у генерала и так под командой восемьсот бравых солдат. К тому же Честер не из тех, кто сидит сложа руки, когда индейцы собираются перебудоражить весь край.

На несколько минут воцарилось молчание. Его прервал Джон, наблюдавший сквозь узкую щель за происходящим вокруг.

— Наши враги, — сказал он, — окружив постами наше убежище, собрались на второй полянке, и будь я проклят, если у них не происходит заседание генерального штаба. Любопытно, к какому решению они придут?

— Подожди, дружище, полчасика, тогда увидишь.

В самом деле, примерно через полчаса индейцы приступили к исполнению нового плана, грозившего осажденным серьезной опасностью: краснокожие тащили к месту боя охапки сухих веток.

— Я так и знал! — сказал Бэд Тернер. — Эти господа принимают нас за куропаток, а сами вошли в роль поваров и собираются изжарить нас, даже не потрудившись ощипать. По-видимому, нам ничего не остается, как предпринять вылазку и проложить себе путь с оружием в руках или хотя бы дорого продать свою жизнь.

— Я на все готов! — с мрачной решимостью отозвался Джон.

Трапперы уже приготовились спуститься вниз, в медвежью берлогу, но перед этим Джон еще раз решил глянуть, что творится снаружи.

— Сколько тут знакомых! — со злостью воскликнул он. — Все старые приятели. Вот хитрая лисица, Окровавленный Череп, а там, не прячась, шляется сам милорд. Собственно, из-за него мы и влипли в эту переделку.

— Бросьте, Джон! — перебил его шериф. — Не до того нам, чтобы рассматривать старых знакомых. Индейцы совсем близко.

Охотники поставили лестницу и спустились в берлогу. Индейцы тем временем обстреливали дерево со всех сторон, всаживая в рыхлую древесину огромное количество свинца.

— Друзья! Мне в голову пришла одна идея! — воскликнул шериф, когда осажденные заняли свои места. — Правда, дело довольно рискованное, легко можно наткнуться на шальную пулю, но не останавливаться же перед этим?

— Выкладывайте, шериф, вашу блестящую идею. Надеюсь, вы не назовете блестящей идею прорваться отсюда: все индейцы будут у нас за плечами через две минуты, причем верхом.

— Не считайте меня таким идиотом, Джон. Я думаю использовать труп нашего почтенного домовладельца, покойного гризли.

— Хотите забаррикадировать им выход из берлоги?

— Разумеется! Он лежит близко, дотащить его будет не трудно.

По данному шерифом знаку все четверо выскочили, схватили огромную тушу убитого зверя и быстро подтащили её к выходу из берлоги. Маневр удался блестяще, так как индейцы были заняты обстрелом верхней части дерева, а когда они опомнились, было уже поздно. Спрятавшись за огромную тушу медведя, словно в траншее, охотники осыпали нападающих меткими выстрелами, выводя из строя ближайших врагов.

Авангард индейцев терпел такие потери, что не выдержал и разбежался, преследуемый пулями и насмешливыми криками белых.

— Смотрите, в шкурах ягуара сидели самые обыкновенные зайцы, которые показали свою настоящую натуру, когда пришлось туго, — издевался шериф.

— Не смейтесь! Смельчаков среди них немало! — отозвался Джон.— Вот хотя бы тот молодец,что так и лезет под пули.

Он показал на индейца большого роста, что, бравируя, держался на расстоянии полутораста метров, пренебрегая возможностью спрятаться за дерево. Свирепо размахивая томагавком, он пытался увлечь разбежавшихся товарищей на приступ.

— Он был, и его уже нет! — со злым смехом ответил Тернер, спуская курок. Индеец свалился на землю, выронив из могучих рук томагавк. Пуля шерифа пробила его череп. Другой индеец, друг или родственник убитого, бросился к нему на помощь, но словно споткнувшись, упал сначала на колени, потом лицом вниз и замер, не выпустив из рук ружья.

— Вы по-прежнему стреляете весьма недурно! — одобрил меткий выстрел Джона Бэд Тернер.

— Ничего особенного, каждый делает, что может, — скромно ответил Джон. — Этот краснокожий отправился в пределы Великой Небесной Прерии, где теперь займется охотой на бизонов без помехи со стороны бледнолицых.

— Ну, хотя они и много рассказывают о блаженствах своего рая, но не особенно торопятся отправиться в дальний путь, чтобы лично представиться Маниту, — вмешался Гарри.

Пять или шесть минут враги обменивались выстрелами. Теперь индейцы держались за прикрытием и избегали высовываться, так что трапперам лишь изредка удавалось подстрелить кого-нибудь из них. В свою очередь, их стрелки, стрелявшие без перерыва, тоже не имели особого успеха. Одна шальная пуля прострелила шляпу Джона, другая слегка оцарапала щеку Джорджа, третья едва не уложила Тернера, но, к счастью, наткнулась на солидную медную бляху шерифа. Но при таком неравенстве сил перестрелка не могла затянуться. Распоряжавшиеся осадой вожди — Миннегага, Красное Облако и Сенди Гук двинули на бледнолицых две колонны молодых воинов, по двадцать человек в каждой. Осажденные отча-

ино отстреливались, но наступил момент, когда туша гризли уже не защищала их от пуль врагов.

— Отступай! — скомандовал шериф.

В мгновенье ока все четверо вновь очутились в верхней половине дупла, и на индейцев опять посыпались пули, они снова были вынуждены отступить. Однако, отступая, индейцы почти завалили выход из берлоги принесенными охапками хвороста. Стоило бросить горящую ветку, и тогда осажденные изжарятся заживо. Они ясно видели положение дел, но успех первого выигранного боя воодушевил их, вдобавок они надеялись,что генерал Честер придет на выручку.

— Можно немного отдохнуть! Воспользуемся случаем и подкрепимся! — скомандовал шериф.

НА ВОЛОСКЕ ОТ ГИБЕЛИ

Как ни печально было положение осажденных, организм требовал своего. Охотники оказали честь той незатейливой пище, которая была в их распоряжении. Впрочем, подкрепляясь, они не забывали и о собственной безопасности, при малейшем признаке тревоги были готовы взяться за оружие. Вдруг Гарри, наблюдавший за противником, крикнул:

— Какой-то индеец идет к нам, тащит белый флаг!

Все кинулись к расщелинам.

— Да это Сенди Гук! Какого черта ему нужно от нас?! — сказал Джон.

— Ваш старый приятель, Джон? — засмеялся шериф. — Он пришел пожелать нам доброго утра. А может быть, его послала ваша приятельница Миннегага. Ей не терпится получить ваш скальп, и она поручила Сенди Гуку просить вас передать этот скальп через него.

— Да будет вам чесать язык, шериф! — отозвался Джон.

— Почему бы и нет? Может быть, нам скоро придется замолчать навеки, так давайте наболтаемся теперь.

Тем временем Сенди Гук, не торопясь и не выказывая ни малейшего беспокойства, словно совершая прогулку, приближался к осажденным, таща на плече ружье с подвязанной к нему грязной тряпкой, которая должна была изображать парламентерский флаг. Он безмятежно покуривал свою трубку, словно и в самом деле шел на свидание с приятелем.

Не дойдя до берлоги шагов пятнадцать, он выбил пепел из трубки, положил на землю карабин и крикнул:

— Добрый день, джентльмены! Не правда ли, какая прекрасная погода стоит? А я к вам... Знаете, хочется по-дружески поболтать немного!

— Какого черта надо тебе, жулик?! — довольно неприветливо отозвался Джон.

— Что за неприятная манера встречать так старых знакомых? — возмутился бандит. — Узнаю ваш голос, мистер индейский агент, но не узнаю манер. Ваши манеры стали удивительно грубыми. Очевидно, Джон, вы теперь вращаетесь в сомнительном обществе.

— Ладно, ладно! Не болтай попусту! Говори, что нужно, и убирайся.

— Ай-ай, старый товарищ! Право, вы сильно изменились к худшему. Сколько раз, бывало, мы с вами распивали дружелюбнейшим манером. А теперь вы обращаетесь со мной как с врагом. Между тем я к вам явился с самыми дружескими намерениями. Кстати, джентльмены, не помешал ли я вам завтракать? Сам-то я, признаться, уже перекусил, но мои приятели в лагере еще завтракают, и я воспользовался свободной минутой, чтобы возобновить старое знакомство с вами.

— Довольно, Сенди Гук! — нетерпеливо прервал его болтовню Джон. — Правда, иной раз мне приходилось выпивать с вами, но теперь я об этом сожалею. Я был и остался простым траппером, а вы и раньше делали групости, но можно было надеяться, что когда-нибудь возьметесь за ум, теперь же вы связались с индейцами, и между нами не может быть ничего общего. Говорите, что вам нужно, и убирайтесь к своим приятелям-индейцам. Лучше было бы, если они прислали какого-нибудь честного человека и настоящего индейца.

Эти слова больно укололи Гука. Он покраснел, и его кулаки сжались.

— Напрасно вы так относитесь ко мне! — сказал он глухо. — Судить, конечно, очень легко, но я не обращался к вам с просьбой об аттестате благонадежности. Впрочем, без шуток, я пришел сюда не как враг, а как посредник между вами и краснокожими.

— С дельным предложением?

— Да, с предложением от Миннегаги.

— От души могу пожелать, чтобы ее черт взял! — от всего сердца выругался Джон.

— Не знаю, на что мистеру дьяволу могла бы пригодиться эта милая молодая дама, — улыбнулся бандит, к которому вернулось его обычное насмешливое настроение. — Между нами, джентльмены, хотя я и нахожусь в большой дружбе с указанной особой, но это не мешает мне справедливо оценивать кроткий характер Миннегаги. Если она попадет в ад, то я глубоко убежден, оттуда все черти разбегутся. Но, джентльмены, будем выражаться осторожнее, я не

уверен, что нас не подслушивают и какое-либо неосторожное слово может оскорбить мисс Миннегагу. Итак, я приступаю к делу...

— Выкладывайте, что угодно от нас Миннегаге!

Вместо ответа бандит смущенно почесал затылок.

— Ну, или у вас язык прилип к горлу? Должно быть, приятное поручение дала вам Миннегага! — засмеялся шериф.

— Я затрудняюсь передать вам требование моей приятельницы, — признался Сенди Гук. — Не знаю, как вы к этому отнесетесь...

— Да чего же она хочет? Чтобы мы сдались, что ли? — осведомился Джон.

— Этого ей маловато, дружище!

— Хочет мою шкуру?

— Этого многовато! Она вполне удовлетворится вашим скальпом. Собственно говоря, я, со своей стороны, нахожу, что требование Миннегаги отличается умеренностью: она могла бы потребовать четыре скальпа, а обещает удовольствоваться одним, оставив в покое ваших товарищей.

— Передайте ей: пусть придет и возьмет! Но предупредите: за мой скальп заплатят жизнью еще многие ее соплеменники. Я буду защищаться, пока у меня останется хоть пригоршня пороху.

— А что будет потом? Большого запаса пороха и пуль у вас не может быть, еды тоже нет. Помощи вам ждать неоткуда. По существу, сопротивление совершенно бесполезно и бесцельно. Согласитесь, в моих словах есть резон: ну, удастся вам уложить еще десяток краснокожих, и все же дело кончится тем, что вы попадете в руки Миннегаги. Численный перевес на нашей стороне, вы это отлично знаете, а в нескольких километрах отсюда находится Сидящий Бык и с ним четыре тысячи воинов. Что значит при таких условиях потеря какого-нибудь десятка людей? Кроме того, я напоминаю вам, мистер Джон, что как порядочному человеку вам надо же когда-нибудь заплатить на счету.

— Это еще что за новости? Я никому ни гроша не должен!

— Деньгами — да! Но натурой?

— К черту вашу болтовню! Говорите без обиняков!

— Ну, ладно! Послушайте, Джон! Все говорят, что это именно вы ухлопали добродетельную и кроткую мамашу Миннегаги, почтеннейшую Яллу. Так?!

— Я этого никогда не скрывал! Дальше?

— Ну-с, уложив Яллу, вы, по традиции, сняли с ее головы скальп. Так?

— Так! Дальше!

— Вы, конечно, знаете индейские предрассудки. Эти дети природы серьезно убеждены, что ни один порядочный воин не может попасть в царствие небесное, если сам он скальпирован, а тот, кто исполнил эту деликатную парикмахерскую процедуру, сохранил свой собственный скальп. Так вот, целая почтенная коллегия ни-

ческих колдунов сиу и воронов, долго занимавшаяся гаданием на кофейной гуще, пришла к выводу, что убитая вами Ялла до сих пор тщетно мечется перед воротами индейского рая и ее благородная душа невыносимо страдает. Это будет длиться до тех пор, пока ваш собственный скальп не попадет в руки единственной дочери Ялла, моей приятельницы Миннегаги. Миннегага — образец семейной добродетели, и ее душа полна дочерней любви. Неужели у вас, как у мужчины и притом джентльмена, хватит духу отказать кроткому существу в таком пустяке, как ваш скальп?

— Послушайте, как говорит этот жулик! — смеясь воскликнул шериф из Голд-Сити. — Ей-Богу, Сенди Гук, вы напрасно избрали себе карьеру бандита. Из вас бы вышел отличный адвокат или проповедник.

— Благодарю за признание моих скромных достоинств, — расклонялся Сенди Гук. — Я сам давно пришел к этому убеждению. Но я предпочел бы, уж если на то пошло, отдать мой досуг благородным искусствам. Видите ли, в моей душе горит священный огонь благородной любви к природе. Я с удовольствием занялся бы живописью. Между нами, я вчера уже сделал небольшой заем у одного благородного лорда и, если только не пропью этого благоприобретенного имущества, поступлю куда-нибудь в малярную мастерскую или в академию, что мне кажется равнозначным.

Индейский агент не выдержал: он разразился ругательствами в адрес Миннегаги и ее посланца, задыхаясь от злобы.

— Остановитесь на минуточку! — крикнул Сенди Гук. — Я вижу, вы хотите отвести душеньку, ругая меня на чем свет стоит. Я, признаться, давно не слышал такого виртуоза по части проклятий и не прочь послушать, как вы заливаетесь соловьем. Но я привык курить. Разрешите мне сначала зажечь мою трубку, а тогда прошу вас, продолжайте в том же духе, пока не выполните всю программу.

Этого бесстыдства не мог перенести даже сохранявший хладнокровие Бэд Тернер. Он оттолкнул Джона и сам просунул голову наружу.

— Довольно болтать! — крикнул шериф. — Говорите толком, что вам нужно, потом убирайтесь!

— Ба! Кого я вижу! Не обманывают ли меня мои глаза? В какой почтеннейшей компании я удостоился находиться, даже не подозревая о том?! Пусть перешибут мне хребет, если это не мистер Бэд Тернер, знаменитый «истребитель бандитов»! Был бы сердечно рад пожать ваши копыта, джентльмен.

— Отложите до другого раза! — хмуро отозвался Тернер. — Говорите же, что вам нужно?

— Во-первых, я хочу засвидетельствовать вам свое нижайшее почтение. Прошу принять мои искренние уверения в полном к вам уважении и готовности быть вам полезным. К сему письму Сенди Гук руку приложил. И так далее. Во-вторых, предлагаю вам, заметьте, совершенно бескорыстно и бесплатно дружеский совет: не

тратьте даром пуль и пороха, не нарушайте Священного Завета. Это, знаете ли, относительно «не убий», и всего прочего, тому подобного...

— На каких условиях предлагает нам сдаться Миннегага?

— Э, Господи Боже!.. Самые пустяки, не стоит об этом даже и говорить! Миннегага поручила мне, зная мое искусство и легкую руку, снять скальп с головы мистера Джона и принести ей. Вот и все! Уверяю вас, что мистер Джон даже не почувствует, когда я стану сдирать с него волосы.

Вместо ответа шериф из Голд-Сити схватился за карабин.

— Я не выстрелю, пока не сосчитаю до двадцати пяти! — сказал он. — Поняли, мистер бандит?

— Разумеется, понял! — хладнокровно отозвался Сенди Гук. — По моему мнению, это означает, что вы категорически отказываетесь от переговоров. Дело ваше!

С этими словами он поднял свой карабин и не торопясь отправился восвояси. Осажденные следили за каждым его шагом, пока он не затерялся в зеленой поросли.

— Может быть, мне следовало согласиться на это условие? — пробормотал угрюмо Джон. — Миннегага против вас ничего не имеет, и было бы неудивительно, если бы она удовлетворилась одним моим скальпом. Наконец, я лично знаю немало людей, подвергшихся оскальпированию и тем не менее оставшихся живыми. Может быть, она оставила бы меня в живых?

— Замолчи! — резко одернул его шериф. — Противно слушать, что ты тут говоришь! Мыслимая ли вещь, чтобы честные трапперы согласились предать товарища в руки краснокожих дьяволов? С какими глазами показались бы мы после этого людям?

— Мы думаем точно так же! — отозвались в один голос Гарри и Джордж.

— Потом, — продолжал шериф, — ты что, впал в детство, Джон? Разве краснокожие считают себя обязанными держать данное слово? Они клянутся чем угодно, обещают, что хочешь, лишь бы заполучить нас в свои руки. А затем мы подвергнемся таким пыткам, что небо покажется нам с овчинку. Нет, слуга покорный! Погибать — так в бою! К тому же, загородив выход из берлоги медвежьей тушей, мы имеем под рукой четыреста кило прекрасного мяса, значит, с голоду не умрем. Будем драться! Давайте-ка пока что подготовим наше убежище к осаде.

Час проходил за часом, наступила ночь, а индейцы не подавали признаков жизни.

После полуночи лес загудел, откуда-то налетел ветер и зашумел в вершинах лесных гигантов.

До этого осажденные не подвергались опасности внезапного нападения: луна ярко освещала окрестности, и краснокожие не могли пробраться к дереву незамеченными. Но теперь, когда небо стало заволакиваться тучами, для нападения наступил благоприятный момент. И в самом деле, четверть часа спустя снова закипел

ской под покровом темноты индейские воины, не обращая внимания на выстрелы бледнолицых, подобрались к медвежьей берлоге, оттащили в сторону тушу гризли и проникли внутрь дерева.

— Близок конец! — пробормотал шериф из Голд-Сити. — Эти негодяи добились своего и теперь выкурят нас в пять минут.

Опасения Бода Тернера оказались как нельзя более обоснованными: индейцам удалось поджечь хворост, сваленный у подножия лесного гиганта. Наполнявшие берлогу сухие ветви уже пылали, образуя огромный костер, и едкий дым наполнял верхнюю часть дупла.

— Берите топоры! Рубите! — скомандовал шериф, первым и подал пример: осажденным не оставалось ничего больше, как попытаться выбраться из дупла уже горящего дерева и силой или хитростью пробиться сквозь ряды врагов.

Траперы, задыхаясь в дыму, схватились за топоры.

В КОГТЯХ ТИГРИЦЫ

Задыхаясь от невыносимой жары, с легкими, отравленными едким дымом гигантского костра, почти ничего не видя, четыре человека, нашедших себе убежище в дупле гигантского дерева Ларами, были осуждены заживо сгореть, если бы им не удалось быстро прорубить достаточной величины отверстие в рыхлой древесине дерева.

— Прыгай, ребята! Будь что будет! Авось кривая еще вывезет! — скомандовал шериф из Голд-Сити и показал пример товарищам, которые не замедлили за ним последовать.

Для охотников прерий, закаленных в постоянной борьбе с разнообразными препятствиями, прыжок с высоты не более пяти-шести метров не представлял особой опасности, тем более что у подножия гигантского дерева почва состояла из толстого слоя мягкой и эластичной хвои и полуистлевшей коры.

Конечно, прыгуны не удержались на ногах, но они моментально вскочили и, оглядевшись вокруг, бросились бежать к лесу, не выпуская из рук драгоценных ружей.

Несколько секунд спустя до трапперов долетел свирепый крик, ясно показывавший, что их бегство открыто.

— Шабаш, ребята! От этих дьяволов не уйдешь! — остановился, задыхаясь, Джон. — Вы делайте, что хотите, воля ваша! А я так просто не сдамся!

— Мы с тобой! — ответили остальные, сжимая свои карабины.

Обнаружив бегство трапперов, индейцы послали за ними в погоню целый отряд всадников, и те мчались теперь, оглашая воздух яростными криками и размахивая лассо: Миннегага желала во что бы то ни стало захватить белых живьем. Воины повиновались ей беспрекословно, рискуя дорого заплатить за четырех врагов.

Первый налетевший на беглецов индеец едва не свалил шерифа своим лассо, но пуля индейского агента поразила смельчака. Индеец, выпустив из рук конец лассо, сам свалился на землю бездыханным. Следом неслись другие всадники. Произошла яростная, но короткая схватка. Разрядив свои карабины и револьверы, белые

Схватка кончилась именно так, как и следовало ожидать: четверо белых были сбиты с ног и опутаны по рукам и ногам петлями лассо.

Разъяренные индейцы набросились было на обезоруженных врагов с ножами и томагавками, но руководивший нападением Сенди Гук закричал:

— Вы, идиоты! Не испортите этого скальпа, иначе Миннегага расправится с вами.

Он указал на Джона. Но индейцы, оставив в покое Джона, не решились притронуться и к остальным пленникам и оставили всех лежать на земле.

Метис не торопясь подошел к индейскому агенту и ножом разрезал опутавшие его петли лассо. Когда Джон, оглушенный падением и сильно помятый, с трудом приподнялся, бандит протянул ему фляжку со жгучей жидкостью, говоря:

— Хлебните-ка, кум! Угостил бы вас настоящим виски, да кабачок далеко отсюда. Это хотя и дрянной напиток, но все же несколько освежит вас. Вот только если вы вздумаете после этого петь, сделать это будет довольно трудно, потому что эта штука здорово обжигает горло.

Индейский агент, руки у которого тряслись, а бледное лицо было покрыто холодным потом, машинально выпил несколько глотков ядовитой жидкости, перевел дыхание, посмотрел вокруг мутным взглядом, потом опять отхлебнул виски.

— Ну, как вам нравится эта штука? — иронично осведомился Сенди Гук. — Говорят, очень помогает от расстройства желудка, зубной боли, черной и белой меланхолии, выпадения волос, насморка, мозолей на пятках и прочего...

— Будь ты проклят, предатель! — вместо ответа пробормотал индейский агент.

— Удивительно скверные манеры у вас! — изумился бандит. — Я к вам всей душой, а вы нос воротите. Где это вы научились так ругаться? Я должен вас предупредить, что вы только даром порох тратите. Шкура у меня толстая, и ваши ругательства от меня отскакивают. Блохи, и те доставили бы мне больше неприятностей, чем вся ваша ругань. Лучше успокойтесь. Послушаем, что скажут ваши товарищи.

Минуту спустя трое остальных пленников присоединились к Джону. Освободив их от лассо, индейцы ограничились тем, что отобрали оружие и скрутили руки за спиной, лишив таким образом возможности оказать какое-либо сопротивление.

— О, Господи! — воскликнул Джон, увидев товарищей. — Бедняги! Вот видите, чем все кончилось? Напрасно вы не дали мне выполнить мое намерение: Миннегага удовлетворилась бы одним моим скальпом и оставила бы вас в покое, а теперь...

— Будет ныть, Джон! — отозвался шериф. — Во-первых, рано или поздно, а помирать надо. А во-вторых, ободрав ваш скальп, Миннегага захотела бы увеличить свою коллекцию и нашими шевелюрами. В конце концов, то на то и вышло бы. Правда, мистер бандит?

Сенди Гук вместо ответа только пожал плечами.

— Молчание — знак согласия! Так, по крайней мере, говорят у нас. Мои подозрения, Джон, как видите, были довольно основательны. Этот лжекраснокожий уклоняется от прямого ответа, но его можно понять и без слов.

Сенди Гук снова пожал плечами и, быстро взглянув на шерифа Голд-Сити, сказал:

— Вы, шериф, драгоценная добыча! Думаю, что мои приятели, джентльмены прерий, были бы очень довольны, узнав, что вы пойманы индейцами. Очень может быть, что они открыли бы, так сказать, международную подписку в мою пользу, чтобы преподнести мне почетный диплом и позолоченный карабин. Ведь вы всегда были злейшим врагом нашей братии.

— Могу только гордиться этим! — сурово ответил шериф. — Я делал то, что мне подсказывала моя совесть и чего требовал от меня мой долг.

— А я разве говорю что-нибудь против? — удивился Сенди Гук. — Одни грабили и убивали, другие ловили этих грабителей и убивали их. Каждый делал свое дело. Но, между нами говоря, должен признаться, что мне очень жаль видеть вас в плену, шериф.

— Правда?

— Ей-Богу! Клянусь честью...

— Честью бандита?

— Эх, Боже мой! Не потребуете же вы, чтобы я клялся честью порядочного человека, когда я и в самом деле являюсь бандитом? — сказал Сенди Гук глухо. — Нет, право, хотите верьте, хотите нет, но мне очень жаль, что все сложилось так.

И Сенди Гук, который казался серьезно взволнованным этим разговором, угрюмо махнул рукой. Потом обратился к индейцам, окружавшим пленников:

— Ну, идем! Сахэм вас ожидает.

Спешившиеся индейцы окружили пленников живым кольцом и повели их в лагерь Миннегаги. В это мгновение раздался чудовищно громкий взрыв: взорвался порох, остававшийся в большом количестве в дупле, где прятались трапперы. Огромное дерево, прожившее несколько тысяч лет, тяжело рухнуло на землю, застонавшую при его падении. Удар был так силен, что даже люди, находившиеся на значительном расстоянии от упавшего великана, с трудом удержались на ногах. Дерево пылало гигантским костром, распространяя вокруг себя нестерпимый жар. К счастью, оно легло вдоль поляны, и потому пожар не мог распространиться по лесу.

Не обращая внимания на пылающее дерево, индейцы привели своих пленников в лагерь Миннегаги, состоявший из полудюжины вигвамов[18].

Миннегага, уже знавшая об удачном завершении погони, ожидала пленников на полянке перед вигвамами, сидя верхом на белой лошади. Охотница за скальпами была подобна бронзовой статуе. Она закуталась в знаменитый белый плащ Яллы, так что пленникам были видны только ее лицо, обнаженные руки да мокасины, богато расшитые красным и синим шелком и украшенные несколькими скальпами.

Увидев ее, Джон невольно остановился и вздрогнул: Миннегага до того была похожа на свою покойную мать, что показалась траппперу призраком Яллы, вставшим из могилы на берегах Сэнди-Крика, где похоронили ее окровавленный труп после Чивингтонской битвы.

Позади Миннегаги, взгромоздившись в седло высокой черной лошади, курил свой неразлучный калюмет молчаливый старик, ее отец.

Увидев перед собой пленников, Миннегага устремила свой горящий взор на невольно побледневшего индейского агента. Угрюмая и злая улыбка играла на ее губах.

— Давно мы не встречались с вами, мистер Джон! — сказала она медленно и насмешливо. — Сколько раз приходила и уходила из прерии весна, а нам все не доводилось увидеть друг друга.

Индейский агент угрюмо опустил глаза и не отвечал ни слова.

— Где скальп моей матери? Он не украшает твоих мокасин, Джон?

— Я — не индейская собака! Белые убивают своих врагов, но не украшают своих сапог их скальпами.

— Однако ты оскальпировал мою мать?! — вскричала Миннегага полным ненависти голосом.

— Я не сделал ничего сверх того, что требует закон, господствующий в прерии. Если бы я не победил твою мать, она не пощадила бы меня, и теперь мой скальп украшал бы твой вигвам.

— Да, но моя мать была индианка, и она следовала завстам предков, тогда как ты — бледнолицый, и в ваших краях нет обычая скальпировать своих врагов.

— Это верно, когда речь идет о наших краях, где нет таких зверей, как вы, краснокожие. Но мне-то пришлось всю мою жизнь провести в прериях, и поневоле сам я превратился в подобного вам, по крайней мере, наполовину стал индейцем.

— Хорошо! Мы и будем на тебя смотреть как на подобного нам! — ответила Миннегага, делая угрожающий жест рукой.

— Эх, я знаю, что меня ждет! — глухо пробормотал Джон. — И, однако, ведь это тебя, Миннегага, еще ребенком я провез на своей лошади от Ущелья Смерти до берегов Соленого озера, это тебя я оберегал, защищал от стаи степных волков! Если бы тогда я оставил

тебя в степи, хищные звери растерзали тебя, у твоего племени не было бы женщины-вождя и ты не стала бы знаменитой охотницей за скальпами. Если бы кто-нибудь сделал столько же для меня, сколько я сделал в свое время для тебя, я помнил бы это и был бы благодарен такому человеку.

— Благодарность! — засмеялась Миннегага. — Во-первых, тебе платили за службу, и ты был обязан делать то, что тебе приказал твой вождь, полковник Девенделль. Во-вторых, разве не ты убил мою мать? Разве не ты снял с ее головы скальп? И теперь великая Ялла осуждена скитаться печальной тенью у ограды небесных полей Маниту[19], не смея вступить туда, где охотятся на бизонов ее предки, пока в моих руках не будет твоего скальпа.

— Мой скальп? Так бери же его! Ты не услышишь ни единого стона, когда твой нож коснется моей кожи.

— Око за око! Таков закон прерий! За скальп моей матери ты заплатишь мне своим скальпом! А чем ты заплатишь за ее жизнь, отнятую тобой?

— Ага! — воскликнул Джон. — То ты довольствовалась моим скальпом, а теперь тебе понадобилась еще и моя жизнь?

Он напряг все силы, чтобы освободить связанные руки и броситься на Миннегагу, но попытка не удалась. Узел на веревках, которыми были связаны руки Джона, оказался затянут слишком туго. Он стоял беззащитный, безоружный перед глядевшей на него свысока индианкой.

— Мой отец, Красное Облако, и другие вожди нашего племени будут судить тебя, бледнолицый, — промолвила Миннегага.

— К черту эту гнусную комедию! — закричал индейский агент. — Я знаю, что такое ваш суд! Вы привяжете меня к столбу пыток, подвергнете невыносимым истязаниям, а потом ты меня оскальпируешь. Так нечего ломать комедию и даром тратить время. По лицам твоих воинов я уже вижу, каков будет приговор...

— Напрасно! Разве ты способен читать в сердцах? Наш закон велит, чтобы воины моего племени судили тебя свободно, и никто не прикоснется к тебе раньше, чем совершится суд.

— Будь по-твоему! Пей мою кровь! Но зачем ты взяла в плен моих товарищей?

Миннегага горящими глазами поглядела на Гарри, потом на Джорджа.

— Лица этих двух, — сказала она, показывая сначала на Гарри, потом на Джорджа, — напоминают мне о той ужасной ночи в Ущелье Смерти. Тогда пал от вражеской руки мой брат, Птица Ночи, молодой вождь сиу, и его смерть пока еще не отомщена. Тогда шестнадцать бледнолицых спаслись бегством от нашей мести. Скальпы четырнадцати храню я в своем вигваме, но двух скальпов там еще нет.

— Мистер Тернер! — сказал Гарри. — Вы говорили правду, что нельзя доверять этой твари. Она добирается и до наших скальпов. Видите?

— А ты чего ожидал? — обратился к Гарри его брат Джордж, который отнюдь не казался взволнованным, услышав приговор. — Может быть, ты думал, что в нашу честь эта индейская мисс устроит праздник с фейерверком?

И он беззаботно рассмеялся. Невольно рассмеялся и Гарри.

Эти люди, всю свою жизнь прожившие в прерии, привыкшие ежеминутно подвергаться опасности, отлично знали, как расправляются со своими пленниками краснокожие. Они давно уже сроднились с мыслью, что, попав когда-нибудь в плен к индейцам, погибнут от их руки, как погибали многие и многие их товарищи. Одно только не могло не волновать их: сознание того, что кровожадные краснокожие раньше, чем нанести смертельный удар, подвергнут их жестоким пыткам.

Миннегага, насладившись видом плененных врагов, наконец обратила свое внимание на их спутника, шерифа из Голд-Сити и, по-видимому, собиралась допросить его, как вдруг на сцене появился новый персонаж. Это был белый, обнаженный до пояса. На его груди, раскрашенной черными и красными кругами, виднелось несколько еще сочившихся кровью ранок или, точнее сказать, царапин.

— Держите их! Позовите полисмена и арестуйте их! Это те жулики, которые обобрали меня! Я их нанял, чтобы они устроили охоту на бизонов и охраняли мою персону. Они не выполнили принятых на себя обязательств, охоты не устроили и допустили, чтобы индейцы взяли меня в плен. Отберите у них прежде всего мои деньги...

Как читатели, конечно, уже догадались, это был эксцентричный англичанин, лорд Вильмор. Он и до сих пор не мог успокоиться и, наконец, нашел удобный момент, чтобы свести счеты с Джоном и его спутниками.

Услышав его крики, Джон возмутился до глубины души.

— Браво! Отлично! — воскликнул он. — И вы против нас? Английский лорд и американский бандит в союзе с краснокожими против честных людей! Однако у вас тоже белая кожа, как и у нас!

— Не имею ничего общего с такими проходимцами, как вы! Вы все бесчестные люди! — кричал, размахивая кулаками, англичанин.

— И я, по вашему мнению, бесчестный человек? — задал вопрос эксцентричному лорду шериф из Голд-Сити.

Вильмор медленно и презрительно осмотрел его с ног до головы, потом высокомерно сказал:

— Вы не были мне представлены. Я не знаю, кто может вас рекомендовать, но раз вы находитесь в компании с этим сбродом, то, я думаю, вы одного поля ягода. В прерии нет честных людей.

— Благодарю за лестное мнение о жителях прерии! — иронически поклонился англичанину Бэд Тернер. — Однако, милорд, должен вам сказать, что я — шериф из Голд-Сити и, как представитель законной власти, могу подтвердить, что мои товарищи — Джон, индейский агент, и оба траппера — безусловно, честные люди, пользующиеся всеобщим уважением. Советую вам воздержаться от оскорблений, а кроме того, рекомендую понять, что вы позволяете себе возводить на честнейших людей тяжкие обвинения без малейших к тому оснований. За это вы можете поплатиться.

Лорд Вильмор сделал такую высокомерную гримасу, так презрительно посмотрел на шерифа, смерив его взглядом, что все окружающие невольно расхохотались. Не удержалась даже сама Миннегага, которую, казалось, очень забавляла эта сцена.

— Ао! — воскликнул лорд Вильмор, делая характерный жест рукой. — Имеете вы какие-либо бумаги, удостоверяющие вашу личность? Покажите мне хотя бы вашу визитную карточку.

— Вместо запаса визитных карточек, милорд, я привык носить с собой добрый запас пуль, которыми и угощаю тех, кто слишком интересуется моей личностью. Если бы я не знал, кто вы на самом деле и сколько мозгов находится в вашей башке, то я при случае угостил бы вас моими свинцовыми визитными карточками! — серьезно ответил Тернер, стараясь сдержать свой гнев.

Но на шального англичанина его слова не произвели никакого впечатления.

— Я не дерусь никогда с янки. Я просто колочу их! — сказал он. — Тут, в Америке, похоже, не найдешь никого, кто заслуживал бы имя джентльмена. Поэтому если у вас чешутся зубы, то я не прочь дать вам хороший урок бокса...

В эту дикую сцену вмешался Сенди Гук, который положил руку на плечо лорда со словами:

— Ваша светлость! Вы — иностранец! Вам простительно не знать многого. Но я должен вас предупредить, что этот человек действительно шериф.

— Мне наплевать!

— Хорошо! Если у вас слюны так много, то, пожалуй, плюйте. Но вот еще что: у нас в прериях этого человека зовут истребителем. Он на своем веку отправил на тот свет гораздо больше людей, чем вы когда-нибудь отправите бизонов. Мы все знаем, что он расправлялся без пощады и с теми, кто обращался к нему с гораздо большим уважением, чем вы.

— Меня это не касается! Вы — бандит, Джон — бандит, вы все — бандиты! И больше ничего!

Он был великолепен в своем высокомерном презрении. И хотя его поведение вызывало невольное раздражение, тем не менее окружающие понимали, что его надо признать положительно неотъемлемым. Сенди Гук и Бэд Тернер молча пожали плечами, а Джон пробормотал:

— Что разговаривать с полоумным!

Минегага положила конец этому нелепому объяснению, махнув рукой своим воинам. Индейцы, грубо подталкивая, погнали пленников к одному из вигвамов. Белые не оказывали никакого сопротивления, да, в сущности, и не могли оказать его, потому что руки у них были туго связаны. Кроме того, они боялись вызвать раздражение и ухудшить свое и без того незавидное положение, попав в новую переделку.

Приведя пленников в отведенное для них место, индейцы, не развязывая им рук, просто втолкнули их в вигвам. Бедняги уселись на шкуру бизона, а у входа вокруг вигвама расположились шестеро молодых воинов, вооруженных с ног до головы. Ясно было, что при таких обстоятельствах нечего было и думать о попытке спастись бегством.

— Ну, ребята! — промолвил хладнокровно Тернер, — мне кажется, что мы попали в хорошую переделку. Боюсь, никакое страховое общество не согласилось бы теперь застраховать наши шкуры даже по полдоллара за штуку. Выкрутиться будет довольно трудно. Генерал Честер не подает никаких признаков жизни. Возможно, нам следует заняться составлением своих завещаний. Эх, черт бы побрал этого генерала Честера. Я начинаю думать, что он глух, слеп и нем. Кругом все горит, а ему и горя мало. К примеру, пожар: ведь дым должен быть виден за сто километров. Теперь еще нет засухи, довольно далеко до сезона степных пожаров. И будь на его месте мало-мальски опытный траппер, он бы поинтересовался тем, что происходит в прерии. В распоряжении генерала имеется немало разведчиков, и он должен был бы выяснить, что тут творится.

— А вы, шериф, еще надеетесь на помощь Честера? — осведомился Джон. — Напрасная надежда. Никому мы не нужны, никто к нам не придет на выручку. Я знаю, что спасения нам нет.

— Джон, я вас не узнаю! Зачем падать духом? Если бы я был таким малодушным, каким оказались сейчас вы, то мои кости давно бы белели где-нибудь в прерии. Человек должен надеяться, пока в его жилах есть хоть капля крови.

— Дорогой шериф! — вмешался траппер Гарри. — Я думаю, что на этот раз правы не вы, а Джон, не во гнев вам будет сказано. Здорово мы вляпались, как никогда. Не в человеческих силах вырвать нас из когтей этих краснокожих дьяволов, родных братьев ягуара и гризли.

— И ты туда же? Хвост поджал? — засмеялся шериф. — А я повторяю снова: хотя мы и сидим в западне, но мы еще живы. Никто из нас не ранен. Все кости наши целы. А вы вспомните, скольких индейцев мы отправили на тот свет за это время. А ведь это те самые краснокожие, которых ты, Гарри, считаешь такими страшными...

— Слабое утешение! Завтра и мы узнаем, чем угощают добрых людей на том свете.

— Завтра? Что будет через двадцать четыре часа? Нам это не дано знать, приятель. За двадцать четыре часа мало ли что может случиться? Всемирный потоп, землетрясение, которое заставит провалиться половину Америки, да мало ли еще что.

— За двадцать четыре часа и генерал Честер может пожаловать, не так ли, шериф?

— Почему бы и нет? Знаешь, есть такая песенка, которую я люблю напевать при подобных обстоятельствах. Постарайся запомнить ее: все может быть, все может статься, и ни за что нельзя ручаться...

В это мгновение закрывавшая вход в вигвам шкура бизона отодвинулась в сторону и на пороге появился Сенди Гук, за которым следовало двое индейцев. Они внесли несколько подносов, заставленных излюбленными кушаньями индейской кухни. Тут были свеженеспеченные лепешки, великолепная вареная рыба, икра, какая-то каша и еще кое-что. Ко всему этому прилагалась порядочная бутылка виски.

— Добрый день, джентльмены! — раскланялся бандит. — Как вам нравится помещение? Жаль, наш водопровод испортился: вам не придется принять горячую ванну. А если вы вздумаете побриться, то придется обойтись без парикмахера: каналья в стельку пьян.

Как ни грубы были шутки Сенди Гука, но пленники невольно улыбнулись и как-то приободрились.

Бандит поставил перед ними еду и подмигнул.

— Не правда ли, наша маленькая Миннегага — удивительно гостеприимная хозяйка! Ей очень неловко, что она больше ничего не может вам предложить. Но Миннегага рассчитывает, что вы окажете честь ее угощению. Кушайте на здоровье, не стесняйтесь. Вам надо подкрепиться до того, как вы предстанете перед вашими судьями.

— Вы удивительно любезны! — отозвался Тернер. — Мы очень благодарны мисс Миннегаге. Разумеется, она права: если мы свалимся от слабости раньше, чем нас привяжут к столбу пыток, господа краснокожие не получат никакого удовольствия, пытая нас.

— Зачем такие черные мысли, джентльмены? Зачем вы забегаете вперед? Вас ведь еще не судили?

— Будет вам! Знаем мы, чем кончаются эти суды. Комедия, и больше ничего. И чем скорее кончится она, тем лучше.

— Мне было бы очень приятно насладиться нашей поучительной беседой, джентльмены, но, к сожалению, человек — раб своего долга, и я должен покинуть вас. Примите выражение моего искреннего сожаления.

С этими словами бандит раскланялся и вышел, сопровождаемый двумя индейцами, не обращая внимания на ругательства, которые посылали ему вслед Гарри и Джордж.

— Перестаньте, ребята! — успокоил их шериф. — У этого человека такая толстая шкура, что словами его не проймешь...

Подумаем лучше о том, как мы будем есть? Ведь руки у нас связаны, а ногами ничего не сделаешь.

Словно услышав его слова, в вигвам вошли четверо вооруженных индейцев, которые сначала связали пленникам ноги, а потом освободили им руки. После этого краснокожие удалились, дав бледнолицым возможность расправиться с завтраком.

— Нет, какова любезность? — засмеялся Бэд Тернер, с аппетитом принимаясь за еду. — Ей-Богу, не будь этого маленького недоразумения, а правильнее сказать — этой чисто женской капризной настойчивости в желании пополнить свою коллекцию скальпов нашими шевелюрами, Миннегагу можно было бы признать образцовой хозяйкой. Ее любезность превышает все, что я мог ожидать. Начинаю подозревать, что тут дело не обошлось без поэтического чувства: если индейская мисс приложила массу усилий, чтобы заполучить нас в свои ручки, то это вызвано не чем иным, как романтическими наклонностями молодой особы. Бьюсь об заклад, она влюбилась в кого-то из нас. Но в кого? Ты, Джон, слишком стар, годишься ей в дедушки, а вы, ребята, к сожалению умеете только ругаться и не обладаете хорошими манерами. При всей моей скромности, вынужден предположить, что именно моя эффектная наружность произвела такое грандиозное впечатление на краснокожую красотку...

Трапперы, забыв о своем незавидном положении, дружно расхохотались.

— За чем дело стало, шериф? — толкнул его в бок индейский агент. — Делайте предложение, женитесь! Мы будем шаферами. Миннегага устроит пир на весь мир и угостит нас на славу.

— Ладно! Надо подумать сначала! А чтобы хорошо подумать, надо наполнить свои желудки тем, что имеется в нашем распоряжении. За дело же, джентльмены!

Пленники дружно налегли на принесенное в вигвам угощение. Нескольких глотков виски хватило для того, чтобы заставить несчастных почти совершенно забыть об ожидавшей их участи. Трапперы отдали должное угощению и, покончив с ним, начали непринужденно разговаривать. Примерно через полчаса в вигвам вошел Красное Облако, сопровождаемый шестью вооруженными воинами.

— Совет уже собрался и ожидает вас, бледнолицые! — сказал он. — Смело предстаньте перед лицом ваших судей!

— Ух ты, старый шут! — выругался Гарри, поднимаясь на ноги.

Четверо пленников вышли под конвоем индейцев.

Бэд Тернер прихватил бутылку, в которой оставалось еще порядочное количество виски.

— Если нам придется слишком много болтать, — сказал он, — у нас найдется, чем промочить горло.

ПЕЩЕРА МЕРТВЕЦОВ

Великий совет избрал для заседания типи самой Миннегаги. Суд состоял из председателя, роль которого играл Красное Облако, его помощника Сенди Гука и четырех избранных красно-кожих воинов, носивших забавные имена: тут были Тяжелые Мокасины, Белая Птица, Горбатый Бизон, Проворные Ноги.

Миннегага, являвшаяся представительницей обвинения, не входила в состав суда.

При появлении пленников импровизированные судьи поднялись и приветствовали их неопределенным возгласом, звучавшим довольно зловеще. После этого приветствия судьи и обвиняемые расположились друг против друга на бизоньей шкуре. Вход в вигвам был занавешен, а по кругу разместились две дюжины вооруженных карабинами воинов.

Суд приступил к разбору дела.

Красное Облако набил табаком свою трубку, взял прямо пальцами уголек из горевшего посредине костра, наполнявшего типи едким дымом, зажег трубку, сделал две или три затяжки, потом передал соседу, то есть Сенди Гуку. Тот, в свою очередь, затянувшись несколько раз, передал трубку Горбатому Бизону. От Горбатого Бизона трубка перешла к Белой Птице и так далее.

Пленники ожидали, что придет и их очередь, но они не удостоились такой чести, и даже Миннегага не получила трубки. Когда ритуал закончился, Красное Облако обратился к своей дочери:

— Обвиняй!

Миннегага поднялась со своего места, одним движением сбросила с себя великолепный плащ, величественно выпрямилась, поразительно напоминая собой покойную мать, и, показывая рукой на Джона, индейского агента, заговорила:

— Перед вами, наиболее храбрыми и знаменитыми воинами нашего племени, я обвиняю этого человека в том, что он скальпировал мою мать! Он убил великого сахэма сиу!

Потом, повернувшись к трапперам Гарри и Джорджу, она продолжала:

— Я обвиняю перед вами, о воины, этих двух бледнолицых в том, что они расстреляли моего сводного брата, великого воина Птицу Ночи, в Ущелье Смерти. Я жду, что вы отомстите за погибших.

— Хорошо! — произнес Красное Облако, который тем временем получил обратно свою трубку и целиком погрузился в ее раскуривание. — Хорошо! Ты сказала! Теперь будет говорить бледнолицый с седыми волосами. Послушаем!

Джон, к которому были обращены эти слова, неуверенно махнул рукой, словно отказываясь говорить. Но потом сказал:

— Правда, я скальпировал мать Миннегаги, но только потому, что я должен был отомстить ей: вначале Ялла скальпировала моего

командира, а своего бывшего мужа, полковника Деванделля. Я ничего не сделал против обычаев, царящих в прериях. Но зачем об этом рассказывать так долго? Моя участь решена! Я это знаю и только одно могу сказать: перестаньте разыгрывать комедию! Вам нужен мой скальп. Вы решили убить меня. К сожалению, я беззащитен и не могу сопротивляться. Вы можете убить меня, но помните, что настанет час и вы за мой скальп заплатите своими, потому что мстители уже близко!

— Длинные Ножи с востока еще далеки, — промолвил равнодушно Красное Облако, — если белый человек надеется на их помощь, то он жестоко ошибается. Сидящий Бык позаботится о том, чтобы разогнать их или уничтожить в дебрях Ларами. Пусть говорят теперь другие обвиняемые.

— Что говорить-то! — отозвался Гарри. — Ну да, я принимал участие в расстреле этого самого, как его, — Птицы Ночи. Смешно было бы отказываться. Я был не один. Там было много других солдат. Командир отдал приказ расстрелять пленника! Разве воин может отказаться, если ему приказывает вождь? Я только исполнил мой долг. Вот и все!

— Питал ли ты ненависть к Птице Ночи? — спросил Красное Облако.

— Разумеется, никакой ненависти! Тогда я его видел в первый и в последний раз в жизни.

— Что имеет сказать твой товарищ?

— То же самое! — ответил Джордж. — Брат сказал все, мне нечего добавить.

— Пусть говорит четвертый! — обратился к Бэду Тернеру Красное Облако. — Зачем ты явился в наши степи?

— Охотиться на бизонов!

— Разве в твоем родном краю нечего есть, что ты пришел на наши земли истреблять бизонов, которых Великий Дух предназначил исключительно для нас?

— А разве вы не слышали? — вызывающе ответил шериф. — В Арканзасе наводнения. Посевы погибли. Я — человек семейный, и у меня мягкое сердце. Чтобы не видеть мою жену и детей, умирающих с голоду, я отправился в прерию охотиться на бизонов.

— И попутно служить разведчиком у великого вождя Длинных Ножей?!

— Кто тебе это сказал, старик?

— Дети прерии хитрее, чем ты думаешь, бледнолицый!

— Ты — великий человек, старикашка! — засмеялся Бэд Тернер.

— Почему ты говоришь так? — удивился индеец.

— Хочу выдать тебе диплом великого... дурака! Если бы я был разведчиком американского генерала, то явился бы сюда не в одиночку, а с целым отрядом! Наконец, если бы я действительно

вел разведку, то постарался бы не попадаться на глаза моим краснокожим братьям.

— Хуг! Твой язык ворочается хорошо! Но глаза краснокожих видят лучше, чем глаза бледнолицых.

— А язык краснокожих создан для того, чтобы говорить чепуху. Не городите ерунды! Вам нужен мой скальп, так берите его, не тратя времени на ненужные церемонии.

Потом Бэд Тернер обратился к Сенди Гуку:

— Хотя бы вы, мистер Сенди, сказали моему дражайшему краснокожему брату, что он напрасно тратит время.

Сенди Гук молча улыбнулся, а Красное Облако обратился к дочери со следующим вопросом:

— Что ты еще хочешь сказать?

Миннегага мрачно ответила:

— Белый человек всегда был и будет врагом краснокожего. Этого довольно.

Судьи, которым, по-видимому, пришелся по душе довод Миннегаги, ответили на него одобрительными восклицаниями. Слушая эти восклицания, Бэд Тернер пробормотал:

— Ей-Богу, нравятся мне эти краснокожие обезьяны. Что бы они ни услышали, на все они одинаково отвечают своим «хуг!». Попробуй разберись, что оно означает!

— Что ты говоришь, бледнолицый? — обратился к нему Красное Облако.

— Я высказал пожелание, чтобы Великий Дух поскорее отправил вас всех к чертям!

Индеец молча затянулся и, следя за кольцами дыма, промолвил:

— Пусть белые возвратятся в свой вигвам! Суд решит их участь!

Красный Мокасин, иначе Сенди Гук, поднялся со своего места, позвал стражу и повел пленников в их тюрьму. По дороге Джон обратился к нему:

— Эх вы, Сенди! Как вам не стыдно? Как-никак, вы такой же белый, как и мы, а связались с этим краснокожим сбродом и не произнесли в нашу пользу ни единого слова!

— А на кой черт! Будто вы знаете индейцев хуже, чем я?

Сделав несколько шагов, он вдруг неожиданно прошептал на ухо Джону:

— Надейтесь!

— На что? — вздрогнул от неожиданности Джон.

— Генерал Честер приближается!

— Ты не врешь?

— Хотите, чтобы я вам давал честное слово?

— Я боюсь верить.

— А вы попробуйте! Скажу вам еще одно. Вы, Джон, меня еще не знаете. Оправдываться не буду, но вспомните пословицу: не так страшен черт, как его малюют. И представьте, я никогда не забывал, что я — белый. Я только не люблю суетиться без толку.

Джон со вздохом ответил:

— Боюсь верить... Во всяком случае, что толку от прибытия Честера? Пока он сюда доберется, ваши краснокожие приятели уже сдерут с меня шкуру и снимут скальп.

— Не так скоро. Не падайте духом. Я думаю, все еще уладится. Но будет болтать.

Тем временем стража довела пленников до их вигвама, а когда они вошли внутрь, Сенди Гук аккуратно расставил часовых и возвратился в типи Миннегаги, чтобы принять участие в прениях суда.

Едва затихли шаги удалявшегося бандита, как взволнованный полученными сведениями Джон рассказал все своим друзьям. Не чего и говорить, какое впечатление произвела на пленников сенсационная новость о приближении отряда генерала Честера. Трапперы оживленно заспорили по этому поводу, обсуждая все доводы за и против возможного спасения. И странно: в то время как Бэд Тернер оставался скептиком и относился недоверчиво ко всей этой истории, ссылаясь на свое отношение к Сенди Гуку, Джон словно ожил и, окрыленный надеждой, готов был признать Сенди Гука милейшим человеком. Правда, при этом не отрицал, что Сенди «немного эксцентричен». Индейский агент говорил:

— В сущности, у него доброе сердце.

Кончилось тем, что и остальные пленники прониклись надеждой на помощь Сенди Гука. Шериф из Голд-Сити подвел итог:

— Черт его знает! Все может быть! В самом деле, кто согрешит да покается, из того иногда очень порядочный человек может выйти. Признаюсь, он почему-то внушает мне самому некоторую симпатию. Но подождем — увидим. Скоро суд решит нашу участь.

— Наша участь решится не раньше, чем завтра на рассвете: вы же знаете, что у индейцев принято давать приговоренным к смерти хорошо отдохнуть, прежде чем подвергнуть их пыткам и скальпированию. Подождем...

В это мгновение поблизости от тюрьмы-вигвама ясно послышался топот копыт быстро скачущей лошади.

Джон, не закончив начатой фразы, прислушался, потом сказал взволнованным голосом:

— Гонец! Должно быть, вести о генерале Честере.

— Слава Богу! — воскликнул Гарри.

— Не торопитесь радоваться! — остановил его Бэд Тернер. — Как бы нас не прикончили именно потому, что приближается Честер.

Джон потихоньку подошел к выходу из вигвама и приподнял закрывавшую его шкуру бизона. Он увидел, как яростно промчался всадник на белом мустанге, покрытом пеной. Оставив коня у типи Миннегаги, он говорил что-то, оживленно жестикулируя, подбежавшим к нему индейцам. Даже члены суда прервали заседание и вместе с Миннегагой слушали доклад гонца.

— Явно речь идет о приближении наших войск! — прошептал индейский агент. — Ох, в самом деле, боюсь, как бы краснокожие не поторопились расправиться с нами, узнав о приближении отряда Честера. Хоть бы этот проклятый Сенди Гук сжалился над нами.

— А что он может сделать? — спросил Гарри. — Все равно бежать некуда! Сторожат нас, как волков в зверинце.

— Да хотя бы развязал нам руки и притащил сюда наши ружья или револьверы.

— А что мы с ними будем делать? — стоял на своем Гарри. — Разве мы не были вооружены, когда покинули дупло? Все равно нас перехватали, словно накрыли шапкой стайку воробьев. Кончится тем, чем кончилось и раньше.

Пока пленники переговаривались, весь лагерь индейцев охватила тревога. Всадники носились туда и сюда. Пешие индейцы торопливо разбирали вигвамы и нагружали запасных вьючных лошадей. Некоторые молодые воины собирались в группы и обсуждали что-то.

— Ну, так и есть! Наши братья близко, иначе индейцы не суетились бы так! — бормотал Джон. — Собираются удирать, значит, не надеются на свои силы, чтобы дать отпор. А ведь их немало тут. Значит, не иначе, как весь отряд Честера идет сюда. А мы вынуждены сидеть и ждать, когда придут нас резать как баранов.

В это мгновение из типи Миннегаги вышел старый вождь Воронов в сопровождении нескольких молодых воинов и быстрыми шагами направился к пленникам. Одновременно другая группа воинов под предводительством Сенди Гука пошла по направлению к каньону, причем лошади были тяжело навьючены какими-то тюками. Не зная еще, о чем пойдет речь, Джон почувствовал, как мороз разлился по его спине и на лбу выступил холодный пот.

— Что-то будет, что-то будет? — тревожно бормотал он. — Эх, я желал бы, чтобы все было кончено. Хуже нет сидеть и ждать, что с тобой случится. И что эти краснокожие дьяволы копаются? Когда нам приходилось расправиться с кем-нибудь из их братии, мы долго не тянули...

Шаги быстро идущих людей послышались совсем рядом, и на пороге вигвама показался Красное Облако, сопровождаемый шестью или восемью воинами.

— Не шевелитесь, если вам дорога жизнь! Следуйте за мной, бледнолицые! — скомандовал он.

— Что? Суд уже закончился? — осведомился Тернер.

— Не твое дело! Твое дело повиноваться, — сухо ответил индеец.

В мгновение ока вошедшие в вигвам индейцы вытащили пленников и, скрутив им руки за спиной, усадили на коней. Маленький отряд тронулся в путь, и пленники заметили, что Красное Облако ведет их по тому же направлению, по которому ушел раньше отряд Сенди Гука.

Все происходящее вокруг живо интересовало несчастных пленников. Они дорого заплатили бы за то, чтобы наконец узнать, что происходит. Но единственный человек, который мог им что-то рассказать, Сенди Гук, был далеко. Обращаться с вопросами к индейцам пленники не решались, как не решались и переговариваться друг с другом, боясь недвусмысленных угроз угрюмого любителя курения, Красного Облака. Минут через тридцать отряд добрался до берега каньона, на дне которого шумел бурный поток. Берега каньона представляли удивительное зрелище. Когда-то, должно быть, поток был намного богаче водой, она источила берега, прорыв бесчисленное множество ходов в толще скал и образовав, таким образом, целый лабиринт.

Отряд прошел вдоль берега каньона еще пятьсот или шестьсот метров, затем остановился у подножия одной высокой скалы, где виднелась темная трещина, напоминавшая вход в пещеру. Здесь к отряду присоединились Сенди Гук и его товарищи. Казалось, Сенди Гук чем-то раздражен: его лицо было мрачно, как ночь, и он нервно постукивал по скалам прикладом своего карабина, рискуя раздробить ложе драгоценного оружия.

— Ну что, готово ли? — спросил его Красное Облако.

— Да, готово! — сердито ответил Сенди.

— Так поскорее!

Индейцы стащили с лошадей беспомощных пленников и понесли их в пещеру. Пройдя двадцать шагов, они без всяких церемоний швырнули пленников на землю. Этой операцией руководил прибывший вместе с отрядом Красного Облака Горбатый Бизон.

— Что вы делаете? — закричал прерывающимся голосом Бэд Тернер, которому тоже изменило его привычное хладнокровие.

— Исполняем то, что решено судом! — ответил индеец.

— Что будет с нами, проклятая краснокожая собака?

— Зачем так волнуется бледнолицый? Вы пока побудете здесь, потому что у нас нет времени привязать вас к столбу пыток и послушать, как вы будете петь песню смерти. Потом, если нам повезет, мы вернемся, чтобы взять вас отсюда и предать казни.

— Негодяи! Убийцы!

— Успокойтесь, бледнолицые! Здесь вам не грозит никакая опасность. Сюда не заберется никакой медведь. Змей тоже нет, — отвечал хладнокровный индеец.

— Где Красный Мокасин? Пришли его к нам! Мы должны сделать важное признание! — пустился на хитрость Джон, но эта хитрость не удалась.

— Красный Мокасин занят! — ответил индеец. — Ему не до вас. Спите спокойно!

С этими словами он повернулся и быстро вышел из пещеры, не обращая ни малейшего внимания на проклятия, которыми осыпали его бедняги. Вслед за тем послышался глухой гул падающих камней, и последний слабый луч, проникавший в глубь пещеры, исчез,

индейцы завалили выход из пещеры глыбами. Пещера потонула во мраке.

Бэд Тернер, которому усердно вторил Джон, не переставал проклинать индейцев на все лады.

Выждав момент, когда истощились их силы, Гарри попробовал успокоить их, говоря:

— А ведь так никакого толку не будет, шериф! В самом деле, что вы так волнуетесь? Никогда в жизни я не слышал, чтобы индейцы отказались от скальпов своих врагов. Конечно, они нас оставили тут, но не с тем, чтобы похоронить заживо, а просто так...

— Как это просто так? Что ты городишь, парень?

— То самое... Знаете, как добрая хозяйка, поймав кроликов, которых надо приготовить к обеду в воскресенье, возьмет да и посадит их в ящик, чтобы они не удрали. Держу пари, краснокожие отнюдь не собираются заморить нас голодом. Как люди аккуратные, они любят делать все с чувством, с толком, с расстановкой. Сами знаете, что, привязав пленника к столбу пыток, они истязают его иногда несколько дней подряд. Теперь им не до нас: вероятно, генерал Честер очень уж близко, и у них полно других забот. Когда они отобьют нападение генерала, тогда займутся нами.

— А если генерал Честер, что гораздо более вероятно, разнесет их в пух и прах? — задал Гарри вопрос шериф из Голд-Сити.

Вместо ответа Гарри глубоко вздохнул. Потом, видя, что никто не решается заговорить, упавшим голосом высказал гнетущую всех мысль:

— Ну что же? Я, собственно, не знаю, что хуже: помирать ли с голоду, или под ножом какой-нибудь краснокожей гадины, желающей снять наш скальп. Кроме того, я слышал, что некоторые охотники выдерживали муки голода и жажды пять, а то и шесть суток. Правда, мы связаны по рукам и ногам. Но я могу достать до одного узла зубами. Зубы у меня, слава Богу, крепкие и острые. Не могу поручиться, но, может быть, через час я перегрызу веревку и освобожу руки. Попробуйте и вы сделать то же. А когда мы будем свободны, возможно, нам удастся сделать что-нибудь.

— Что можно сделать? — угрюмо возразил Джон. — Индейцы поумнее тебя! Если они завалили выход из пещеры, то, будь уверен, не какими-нибудь камешками, а целыми глыбами. Пришлось бы поработать добрую неделю, чтобы проложить дорогу, да и то при помощи ломов. А у нас, кроме голых рук, ничего нет.

— Вы, дядя Джон, раньше сами на меня всегда ругались, говоря, что нельзя падать духом, не испробован всех средств. А теперь, когда нам действительно ничего не остается делать, только то, что я советую, вы относитесь так странно...

Джон ничего не ответил. Через минуту во мраке прозвучал голос Бэда Тернера:

— Что за черт! Я буквально задыхаюсь. Здесь пахнет гнилым мясом! Что тут такое?

Кто знает! — меланхолично заметил Джон. — Вероятно, пещера служит жилищем какому-нибудь зверю, который натаскал сюда разных костей и, может быть, зарыл в землю часть своей добычи про запас.

— Что вы думаете, Джон, об этом? Помните, мы видели, как один отряд индейцев повез к каньону какие-то длинные тюки. Что в них могло быть?

Подумав немного, индейский агент неуверенно ответил:

— Не знаю, что и сказать. По-моему, эти тюки здорово смахивали на то, как будто в бизоньи шкуры были завернуты человеческие тела. А почему вы спрашиваете это, шериф? Ведь мы с вами уложили в лесу немало краснокожих. Ничего не будет удивительного, если индейцы отправили куда-нибудь для погребения трупы своих убитых товарищей.

— Вот именно! Но куда? Подумайте-ка, Джон! Разве мы шли не по следам того самого отряда, который увез эти странные тюки? Ну? Догадались, откуда идет этот ужасный запах?

— О Господи! — испуганно воскликнул индейский агент. — Уж не хотите ли вы сказать, Бэд, что...

— Мы находимся в пещере, в которой индейцы хоронят своих покойников. Если хотите, то скажу определеннее: мы, живые, похоронены здесь вместе с трупами убитых нами индейцев.

— Господи, Господи! — простонал Джон. — Неужели же человек, да еще женщина, может придумать такую штуку?

— Вот именно: человек, то есть мужчина, никогда не додумается. А женщина... Вы, Джон, должно быть, не знаете, на что способна женщина. А ведь нам-то приходится иметь дело не просто с женщиной, а с мисс Миннегагой, которая кровожаднее и свирепее, чем самый лютый зверь. Но нам надо все это выяснить. Для этого прежде всего освободиться от веревок. Вот что, Гарри: так как ты хвастался, что у тебя острые зубы, то не попробуем ли мы сделать такую штуку. Подкатывайся-ка ты ко мне и попробуй перегрызть мои веревки. Это будет проще и быстрее, чем если ты попробуешь перегрызть свои собственные. А потом, когда я буду свободен, я моментально освобожу остальных.

Сказано — сделано. В течение пяти или шести минут кипела лихорадочная работа, потом освобожденные от пут пленники, облегченно вздыхая, поднялись на ноги. Еще через несколько минут во мраке пещеры робко затеплился слабый огонек: в карманах у запасливого шерифа отыскался трут с огнивом и кресалом, а у Джорджа — остаток смоляного факела.

Как ни был слаб добытый огонь, его было достаточно, чтобы ознакомиться с пещерой, в которую они были заключены. Эта пещера оказалась просто щелью в толще скалы, но в ней могли поместиться двадцать и даже тридцать человек. Стены и потолок

пещеры были влажными, и время от времени тяжелые капли воды гулко шлепались на пол.

Бэд Тернер первым обнаружил, что в углу пещеры лежат странные продолговатые тюки.

— Надо посмотреть, что это такое, — сказал он.

Гарри, не говоря ни единого слова, направился к странным тюкам, развернул один из них и отпрянул с криком:

— Мертвый краснокожий!

— Значит, я не ошибся! — сказал Тернер.

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЕ

В пещере, слабо освещенной мерцающим огнем факела, происходила странная сцена: освободившись от связывающих их веревок, четверо заживо погребенных, влекомые таинственным чувством, почти не сознавая, что они делают, начали рассматривать трупы индейцев.

Да, это были те, кто погиб во время осады медвежьей берлоги.

Еще так недавно трапперы видели их полными сил, здоровья и дикой энергии, слышали их воинственные крики. А теперь они лежали неподвижно, глядя мертвыми остекленевшими глазами на своих врагов...

И, Боже, какими ужасными казались полученные ими в бою раны...

В этом климате, летом, в жару трупы не могли долго сохраняться.

Видно было, как противные белые личинки копошились в ранах, а невыносимый запах наполнял всю пещеру.

— Ужас! Ужас! — бормотал Джон, не сводя испуганного взгляда с лица одного молодого воина, погибшего именно от его пули.

— Да, Джон, ваша приятельница, мисс Миннегага, отличается изобретательностью, надо отдать ей должное, — сказал, отходя от трупов, Бэд Тернер. — Признаюсь, хотя я и многое пережил и побывал в разных переделках, но ничего подобного мне еще переживать не приходилось. Даже в голову не приходила мысль о возможности оказаться в такой компании, как эти уложенные нами в бою краснокожие... Но будет вам, ребята, глазеть на трупы! Мы тратим даром время, а ведь факел скоро догорит, и тогда мы останемся в кромешной темноте. Пойдемте-ка посмотрим, нельзя ли выбраться отсюда.

— Мало надежды на это, шериф! — отозвался угрюмо Джон.

— Все же попробовать надо.

Осмотр показал, что снаружи в пещеру вел ход длиной от семи до восьми метров, достаточно широкий, чтобы можно было проходить сразу вдвоем.

Тщательно осматривая стены галереи, Бэд Тернер, к своему удивлению, обнаружил на них следы от кирок и молотов, а на полу черную пыль, в которой нетрудно разглядеть частицы блестящего каменного угля.

— Что за дьявольщина? — сказал шериф. — Выходит, что эту пещеру в толще скалы создали не воды потока, а людские руки. Уголь показывает, что это — какое-то отделение угольной шахты. Неужели это одна из галерей какого-нибудь рудника, находящегося в недрах гор Ларами.

Вместо Джона ответил Гарри:

— Вы говорите правильно, шериф! Я сам, когда еще был мальчишкой, работал на шахтах и могу подтвердить, что это действительно галерея. Послушайте моего совета: хотя индейцы и завалили выход камнями, мы можем попробовать отвалить эти камни. Потушим наш драгоценный факел и попробуем...

Сказано — сделано! Потушив факел, пленники неожиданно увидели, что в галерею откуда-то пробивается слабый рассеянный свет. Но когда они попробовали справиться с закрывавшими выход камнями, выяснилось, что эта задача им не по силам. Оставалось искать другой выход: раз они имели дело не с созданной природой пещерой, а с проложенной человеком в недрах скал галереей, можно было надеяться, что удастся отыскать какой-нибудь боковой тоннель. И в самом деле, такая галерея скоро отыскалась, но не на радость: проникнув вглубь, заживо погребенные наткнулись на стену из кирпича и цемента.

— Что за стена? Кто и для чего ее тут мог выстроить? — удивился Бэд Тернер. — Не объяснишь ли нам, Гарри?

— Кто его знает? — ответил молодой траппер. — Наверное, в шахте когда-то возник пожар, и чтобы воспрепятствовать распространению огня, шахтеры замуровали эту галерею, прекратив, таким образом, доступ воздуха.

— Но пожар-то давным-давно уже потух?

— Разумеется!

— Значит, если бы нам удалось проломить эту стену, мы могли бы проникнуть внутрь шахты, а оттуда, может быть, выбраться и на свободу? Эх, если бы какое-нибудь орудие было в нашем распоряжении: кирка, лом, хоть молоток... Неужели же нам придется возвращаться в эту проклятую могилу, где гниют трупы индейцев?

— Не торопитесь, шериф! — отозвался, оглядываясь вокруг, Гарри, словно ища чего-то. — Эти стены не должны быть особенно солидными! Надо попробовать...

Оборвав на полуслове свою фразу, Гарри наклонился и стал рассматривать валявшиеся на полу галереи камни.

— Вот эта штука, — сказал он, — при нужде может заменить нам лом и мотыгу. Правда, для работы понадобится много времени. Но что же делать? Времени-то у нас достаточно.

И он, подняв средней величины камень, принялся колотить им по кирпичной стене.

— Постой, постой! — остановил его Джон. — А что, если пожар в шахте еще продолжается? Может так быть? Я слышал, что где-то там за океаном, в Европе, одна каменноугольная шахта горит и двадцать, и тридцать лет. Ведь надо подумать и о том, как бы не изжариться.

— В Бельгии одна огромная шахта горит уже триста лет! — отозвался Гарри. — А только по мне лучше изжариться, чем умереть голодной смертью в компании с мертвыми индейцами. Разобьем стену, тогда видно будет.

И он опять принялся за работу, а все последовали его примеру. При этом им пришлось заменить чем-нибудь догоравший уже факел. Как ни тяжело было возвращаться снова в пещеру, где лежали трупы индейцев, и прикасаться к этим трупам, охотникам пришлось прибегнуть к этой неприятной мере. Они были вынуждены снять с мертвых тел тряпки и одежду, чтобы использовать этот материал для изготовления импровизированных факелов. Эти факелы, правда, отравляли воздух ядовитой гарью и нестерпимой вонью, но зато дали возможность вести работу при свете.

Вопреки предположению Гарри, стена оказала серьезное сопротивление. После целого часа тяжелой работы удалось разрушить только передний ряд кирпичей, за которым, однако, вместо предполагаемой пустоты оказался еще один ряд кирпичей. Обескураженные, павшие духом трапперы, словно сговорившись, одновременно прекратили работу и уныло опустились на пол. Но через минуту Джон снова схватился за камень со словами:

— Нет, не могу! Я буквально задыхаюсь от этой ужасной вони. Здесь нестерпимо жарко, трупы индейцев разлагаются все больше и больше, я чувствую себя отравленным. Пусть шахта пылает: я предпочту погибнуть в огне, чем оставаться тут!

И он с отчаянием снова принялся колотить камнем по кирпичной стене, остальные последовали его примеру.

Собственно говоря, было почти чудом, что у этих несчастных хватало сил работать. Помимо нестерпимой вони от разлагающихся трупов, воздух галереи был отравлен чадом и гарью от зажженных тряпок. Кислорода в этом воздухе уже почти не было. Каждый чувствовал, что конец близок. Сердце билось неровно, голова невыносимо болела, свинцовая тяжесть сковывала руки, но призрак смерти стоял за плечами и понуждал к работе. И они работали, забывая о времени.

И вот под тяжкими ударами Джона и Гарри стена вдруг задрожала и целый кусок кладки рухнул внутрь с глухим шумом.

— Проход открыт! — закричал Джон, но в то же время отпрянул от пробитого в стене отверстия, потому что оттуда вдруг пахнуло горячим воздухом, заставившим его задохнуться.

Джордж и Бэд Тернер за несколько минут до этого прекратили работу и уныло опустились на пол галереи. Теперь они вскочили на ноги, задыхаясь.

Казалось, их легкие горят...

Однако мгновение спустя они почувствовали себя легче: бывший внутри шахты жгучий воздух вытеснил из пещеры весь наполнявший ее дым и пропал куда-то миазмы[20].

— Стена разбита? — умирающим голосом спросил товарищей Бэд Тернер. — Но что же значит эта невыносимая жара? Или каменный уголь еще горит внутри?

На эти вопросы дал ответ Гарри, сказав:

— Может быть, горит одна из галерей, а другие уже выгорели или еще не тронуты. Кроме того, оттуда ведь тянет не дымом, а довольно чистым воздухом, хотя и горячим, словно из печки. Пустите меня вперед. Как-никак, я ведь бывший шахтер.

И он решительно направился к открытому входу. Его товарищи последовали за ним. Гарри нес предусмотрительно сохраненный остаток факела, но не зажигал его, пользуясь тем слабым светом, который давали догоравшие тряпки. Остальные, не привыкшие к пребыванию в недрах земли, продвигались за ним ощупью, держась друг за друга. Потом исчез и последний луч света. Они остались в полной мгле и шли, гонимые страхом.

Галерея шла вниз, временами образуя настоящие залы.

Путь часто преграждали глыбы каменного угля, но Гарри находил дорогу с безошибочным чутьем. Пройдя еще немного, он вдруг остановился и неверным голосом попросил Бэда Тернера зажечь факел.

— Что вы тут отыскали, Гарри? — осведомился удивленный шериф.

— Да зажгите поскорее! — вместо ответа почти крикнул Гарри.

Когда колеблющийся, неровный свет факела тускло осветил шахту, невольный крик ужаса сорвался с губ Бэда Тернера: на полу галереи у их ног на грудах каменного угля лежал человеческий скелет. Но Гарри, не обращая внимания на скелет, торопливо шарил около него и потом поднялся с радостным возгласом:

— Да она почти полна маслом! Как только она сохранилась в этой нестерпимой жаре?

— Что ты нашел, Гарри? — спросил Джон.

— Шахтерскую лампочку. В ней еще сохранилось масло. С ее помощью нам, возможно, удастся отыскать настоящую дорогу. Зажигайте скорее фитиль, шериф! Так! Теперь тушите факел. А то как бы нам не вызвать взрыва рудничного газа[21].

В самом деле, пламя факела последние секунды словно расплывалось в воздухе и казалось окрашенным в синий цвет.

Моментально тускло светившая лампочка была закрыта, а факел потушен. С новыми силами странники двинулись в путь. Но, сделав несколько шагов, остановились по знаку, данному Гарри.

— Посмотрите, — сказал тревожным голосом траппер, — под потолком собираются клубы дыма. Положительно не понимаю, почему нет взрыва?

— Пусть эти каменноугольные копи провалятся сквозь землю, как только мы из них выбсремся, — воскликнул Бэд Тернер.

— За что это вы на них так рассердились? — спросил Гарри. — Позади — индейцы со своими томагавками. Здесь — рудничный газ, который грозит взорвать шахту и нас с ней вместе. Что за несчастная фантазия была у меня бросить Голд-Сити и принять службу при генерале Честере? — сердито ворчал Бэд Тернер.

— Теперь вы начинаете хныкать, шериф! — засмеялся приободрившийся Джон. — Не падайте духом! Авось, выберемся!

И они продолжили путь.

С каждым шагом дышать становилось труднее и труднее от нестерпимой жары. Ясно было, что беглецы приближались к тому месту, где бушевал подземный пожар. По дороге взгляду странников являлась жуткая, почти фантастическая картина: по-видимому, как и предполагал Гарри, пожар начался из-за взрыва рудничного газа, застав врасплох и погубив много рабочих. Работы были остановлены моментально, внутри шахты брошены не только вагонетки, но и инструменты. Это было на руку беглецам. Конечно, они предпочли бы найти какие-нибудь ружья или револьверы, но за неимением таковых известную пользу могли принести и найденные в шахте ножи, топоры и ломы. Охотники поторопились вооружиться чем попало. То, что они подобрали, было не нужно законным владельцам — погибшим в этой пылающей шахте рудокопам, чьи скелеты попадались то здесь, то там.

Некоторое время спустя Гарри объявил:

— Ну вот и ротонда!

— Что это такое? — спросил Тернер.

— Центральная часть шахты. Ее сердце, так сказать.

— Полное дыма!

— Что делать? Пока все же мы можем дышать. Идемте дальше.

И опять они побрели из галереи в галерею, непрерывно спускаясь. По временам им приходилось пробираться буквально ползком, когда они натыкались на груды обломков, загромождавших проход. Иногда, видя уходящие в сторону ходы, Гарри, не останавливаясь, кричал товарищам:

— Не туда! Это тупики! Оттуда выхода нет!

Наконец они добрались до какой-то широкой галереи, правильнее сказать, настоящей подземной залы, загроможденной обломками, среди которых можно было различить исковерканные рельсы, опрокинутые вагонетки с разбитыми колесами, обрушившиеся подпорки и многое другое.

— Ни с места! — скомандовал Гарри.

Все замерли.

Гарри осторожно поднял лампу вверх, потом опустил руку и сказал упавшим голосом:

— Рудничный газ! Им наполнена вся пещера! Не могу понять, каким образом еще не произошел взрыв.

— Ну тебя в болото! — раздраженно отозвался Джон. — Что там толковать? Понимаешь или не понимаешь, от этого нам не легче...

НЕОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ

— Гарри,— тронул траппера за рукав Бэд Тернер, —не собираетесь ли вы тут заснуть? Ведь от того, что мы будем здесь стоять и толковать о возможности взрыва, опасность, очевидно, не уменьшится. Не лучше ли нам убираться подобру-поздорову. Что вы тут ищете? Не рассчитываете ли вы найти здесь автомат для продажи бутербродов и шоколада?

— Нет, шериф! Я обдумываю, куда направиться нам теперь. Не думайте, что этот вопрос так просто решить. Не обижайтесь, шериф! Но лучше бы было, если бы вы предоставили мне действовать на свое усмотрение. Я же вам сказал, что я провел молодость в шахтах. Доверьтесь мне, авось, как-нибудь вывернемся.

— Разве я возражаю? — отозвался Тернер. — Я тебе только напоминаю, что нет смысла долго здесь оставаться. Веди же нас.

Гарри, снова тревожным взглядом осмотрев дым, клубами собиравшийся под мрачными сводами пещеры, повел товарищей в другой конец зала. Отсюда по всем направлениям разбегалось в виде веера несколько боковых галерей, в некоторых из них были проложены рельсы. Одну из таких галерей, заваленную обломками вагонеток и кучами угля, и выбрал проводник. Пройдя небольшое расстояние, путники оказались перед дверью, на которой еще красовалась грубо нарисованная цифра семь.

— Идемте сюда! Мне кажется, тут воздух чище, — сказал Гарри.

— Ох, Господи! — вздохнул Джон.— Надосло мне до смерти бродить по этим трущобам! Хоть бы поскорее выбраться наружу.

— Куда ты так торопишься, дружок! — засмеялся Бэд Тернер. — Разве ты уверен, что там, наверху, будет лучше? Или ты забыл свою милую приятельницу, мисс Миннегагу?

— Будь она проклята! Я думаю...

В это мгновение Гарри неожиданно крикнул:

— Ложитесь на землю! Скорее, скорее. Закрывайте глаза руками! Прижмитесь лицом к земле!

Не понимая, в чем дело, все трое повиновались ему и улеглись на землю за огромной кучей угля.

Прошло несколько секунд. Вдруг все вокруг затряслось, задрожало, загрохотало. Словно огненный вихрь пронесся над головой беглецов. Куски каменного угля просвистели в воздухе.

— Лежите! Затаите дыхание! — снова крикнул Гарри.

И опять прогрохотал взрыв, опять заколебалась земля. Опять пронесся огненный вихрь.

— Мы горим! Одежда горит! — душераздирающими голосами кричали бедняги.

— Терпите! Тушите руками, срывайте горящие тряпки, но не поднимайте головы! Галерея полна ядовитых газов! Только внизу сохранилось немного воздуха! — отвечал Гарри.

Прошло несколько секунд, но эти секунды показались вечностью.

Пронесшийся дважды над лежавшими на земле людьми огненный вихрь действительно зажег их одежду, хотя она и была сшита из оленьей кожи. Люди смогли кое-как сорвать с себя горящую одежду, не поднимаясь с земли. Прошло еще немного времени, и им удалось справиться с неожиданным бедствием. Правда, они очень пострадали: их затылки и спины покрылись жестокими ожогами, на обожженных руках появились волдыри. Но зато теперь воздух галереи совершенно очистился и охотники могли дышать полной грудью.

— Поднимайтесь! — скомандовал Гарри. — Опасность миновала! Можем идти дальше.

— Слава Богу! — вздохнул Тернер.— Но я весь покрыт ожогами.

— Что делать? Рудокопы переживают еще и не такие штуки.

— Покорно благодарю,Гарри! Пусть себе рудокопы переживают, что им угодно, я-то никогда не претендовал сделаться примерным рудокопом...

— Пойдемте же, пойдемте! — почти кричал Джон. — Будет, довольно с меня пребывания в этой печи. Будь что будет, но я снова хочу оказаться в прерии.

— Если только найдем выход, — остановил его Гарри.

— Что такое? — завопил Джон вне себя. — Выход? Какой выход? Раз огненный ураган пронесся над нами, а назад не вернулся, значит, этот поток нашел себе выход? Почему же нам не последовать его примеру?

— Да, огонь-то нашел себе выход, конечно, — ответил Гарри задумчиво. — Но это был именно огонь! Кто поручится, что он не разрушил все на своем пути?

— Не каркай, пожалуйста! Без тебя тошно! Ай!

— Что случилось, Джон?

— Какая-то бестия укусила меня.

— Что такое? Змея, что ли?

— Нет, не змея! Я знаю, как кусают змеи. Это что-то другое Может быть

— Спасайтесь! Надо бежать! — прервал его повествование Гарри.

— Куда? Что случилось?

— Крысы! Пещерные крысы! — кричал Гарри, неистово размахивая фонарем.

— С ума ты сошел, что ли, парень! — раздраженно отозвался Джон. — Где это слыхано, чтобы порядочный траппер так боялся каких-то жалких крыс? Вот я их...

С этими словами он вырвал доску из обшивки стены и принялся колотить ею по полу. Тернер и Джордж, следуя его примеру, вооружились обломками досок и несколькими меткими ударами уложили десятка полтора копошившихся вокруг них грызунов. Но едва они справились с этими, как из какой-то трещины в стене словно накатилась серая волна острозубых тварей. Крысы двигались плотной массой, перескакивая друг через друга, наполняя воздух неумолчным писком. Они грызлись, карабкались по стенам, копошились, прибывая с каждой минутой. Казалось, галерея сразу заполнилась ими.

По всей вероятности, после того, как каменноугольные копи были покинуты людьми во время катастрофы, оставшиеся там крысы завладели шахтами и беспрепятственно размножались десятки лет, питаясь брошенными запасами. Взрыв поколебал всю шахту, выгнал грызунов из их убежища, а может быть, до них добрался пожар. Так или иначе, но мириады крыс мчались по галерее. Четверо беглецов имели несчастье попасться на их пути, и крысы набросились на них, как на желанную добычу.

Тернер, Джордж и Джон без устали молотили крыс, истребляя их десятками. Но на смену одной убитой крысе недра выбрасывали целую сотню. Крысы лезли буквально со всех сторон и сейчас же бросались на людей в атаку.

— Ради Бога, бросьте это! — кричал Гарри не своим голосом.

— Вот еще! — отвечал рассвирепевший Джон.— Только этого недоставало, чтобы я, старый охотник, бежал от крыс! Да будь я проклят! Бей их! Так! Отлично!

Гарри кричал, упрашивая товарищей прекратить сражение. Он понимал, какая опасность им грозит, и видел бесполезность их занятия. Но остальные, увлеченные бойней, не слушали. Однако скоро и в помраченное сознание Джона проник луч света: десятки крыс, пробравшись между его ног и ускользнув от его сокрушительных ударов, набросились на него сзади, впиваясь острыми зубами в его кожаную одежду, взбираясь ему на спину и плечи. Оглянувшись кругом безумными глазами, Джон закричал:

— Да тут этого зверья миллионы, ребята! Их не перебьешь! Гарри-то прав! Надо удирать!

Следуя за показывавшим дорогу Гарри, они помчались вперед, затаптывая буквально сотни копошившихся под их ногами крыс. Среди тварей воцарилось замешательство, но крыса не так-то легко отказывается от своей добычи: тысячи и тысячи животных с кровожадным визгом бросились вслед убегавшим.

Сколько времени продолжался безумный бег людей, уходивших от прожорливых острозубых врагов, сказать трудно. Но вот Гарри остановился, тяжело дыша, и воскликнул:

— Дорога перекрыта! Взрыв вызвал обвал!

— А крысы тут как тут! Они сожрут нас в мгновение ока. Ты завел нас сюда, Гарри, так придумай же что-нибудь для нашего спасения! — обратился к нему Бэд Тернер.

— За мной! Сюда!

И Гарри бросился к небольшому помосту из досок, опиравшихся на четыре высоких столба. Этот помост чудом уцелел после потрясения, вызванного взрывом, но беглецам было не до долгих раздумий, как и почему он уцелел. Моментально они вскарабкались на помост и устроились наверху. Не прошло и минуты, как авангард крыс столпился уже у помоста.

Маленькие, но свирепые хищники не собирались отказываться от надежды добраться до своей добычи.

Громкий писк возвестил беглецам, что осада продолжается.

В самом деле, наиболее дерзкие из крыс немедленно полезли по столбам, карабкаясь с изумительной ловкостью.

— Э, да они и тут нас в покое не оставляют! — изумился Бэд Тернер, который только теперь начал понимать, с каким ужасным врагом приходится иметь дело.

— Не зевайте, дядя Джон! — крикнул Гарри. — Тут придется работать не языком, а руками.

И беглецы снова взялись за свое оружие, обломки досок, которыми сбивали со столбов ползущих наверх крыс.

Воздух в пещере, и без того душный и насыщенный миазмами, скоро пропитался острым запахом крови. А когда убитые крысы падали на землю, раздавался характерный хруст разгрызаемых острыми зубами костей. Уцелевшие крысы набрасывались на своих погибших сородичей и моментально пожирали их.

Трудно сказать, сколько времени длилась эта фантастическая борьба людей с грызунами. Вскоре люди начали выбиваться из сил, и, казалось, близится тот момент, когда крысам удастся овладеть помостом...

— Бейте, бейте, дядя Джон! — кричал время от времени хриплым голосом Гарри.

В свою очередь, Бэд Тернер тоже не переставал подстрекать злополучного индейского агента, напоминая ему, что со стороны крыс его скальпу грозит не меньшая опасность, чем со стороны многоуважаемой Миннегаги.

Вскоре, казалось, натиск крыс несколько поутих. Возможно, что наиболее голодные или наиболее смелые хищники были убиты в жестокой схватке, другие утолили свой голод их же телами, третьи были слишком напуганы. Так или иначе, но через пять минут авангард грызунов обратился в бегство, и до безумия уставшие беглецы получили возможность хоть немного отдохнуть.

За рассеявшимся авангардом серой лавиной прокатились, уходя куда-то, тысячи и тысячи крыс, составлявших основное ядро колоссальной армии. Но эти уходили, не обращая на людей никакого внимания, и только немногие пытались забраться на помост. Тогда их сбрасывали вниз меткими ударами.

Шествие крыс продолжалось не менее получаса.

— Уф! — перевел дыхание Джон. — Ей-Богу, у меня голова кружится, когда я гляжу на эту нечисть.

Прошло еще полчаса, и около помоста воцарилась тишина: крысы исчезли, и от них ничего не осталось на память беглецам, кроме нескольких довольно-таки болезненных укусов.

— Ну, будем слезать, что ли? — спросил нетерпеливый Джордж.

Но Гарри отсоветовал: он опасался, что хищницы-крысы могут находиться неподалеку, и тогда заново придется ввязываться в борьбу с ними, а все четверо чувствовали себя настолько усталыми, что едва ли были способны оказать хищникам серьезное сопротивление.

Гарри и Джордж, поддаваясь усталости, воспользовались случаем немного вздремнуть, оставив сторожить Джона и Бэда Тернера, которые не могли сомкнуть глаз.

Спустя некоторое время, убедившись окончательно, что крыс поблизости нет, Джон и Тернер разбудили дремавших товарищей, и все четверо снова пустились в скитания по подземным галереям брошенной шахты.

Час проходил за часом, одну галерею за другой обследовали скитальцы, ища выхода, но — увы! — все не находили. По большей части они натыкались на тупики или так называемые слепые галереи без сообщения с поверхностью земли. А раз или два, когда им уже казалось, что спасение близко, что они сейчас окажутся на свободе, им приходилось испытывать горькое разочарование, увидев перед собой обрушившиеся колоссальные глыбы породы.

Свинцовая усталость мало-помалу овладела путниками. Их терзал голод, мысли мутились и путались. То, что окружало их, начинало казаться кошмарным сном. И наоборот, рождавшиеся в воспаленном мозгу образы, дикие и нелепые, казались реальной действительностью. Особенно страдал Джон. Ему то казалось, что он видит свет, что он дышит воздухом прерии, то вдруг начинали чудиться какие-то призраки. Он видел ожившие трупы погребенных индейцев, ему мерещилась беспощадная Минегага, которая глядела на него полными злорадства и ненависти глазами.

И остальные тоже находились в состоянии, похожем на бред. Отдохнув, они немного приходили в себя, но ужас гнался за ними по пятам и гнал их все дальше и дальше по подземным галереям из одного конца покинутой шахты в другой.

— Шабаш! — произнес Гарри, останавливаясь перед грудой перемешавшихся с землей обломков бревенчатой обшивки какой-то галереи. — Шабаш, говорю я.

— Что случилось? — поинтересовался Бэд Тернер.

— Больше шляться нет надобности: мы обследовали всю неразрушенную часть шахты. Выхода нет!

— Что же будет? — спросил Бэд Тернер.

— Ничего не будет! Осталось помирать!

— Помирать? — переспросил Бэд Тернер. — Гм? Собственно говоря, я не испытываю ни малейшего желания сделать эту глупость. Но если ничего другого не остается, то я от компании не отстану. Во всяком случае, времени у нас, должно быть, еще достаточно, и...

Пошарив у себя в карманах, он озабоченно спросил Гарри:

— А как насчет газа? Есть он тут или нет?

— Судя по пламени лампочки, — отозвался усталым голосом траппер, — нам нечего опасаться. А что?

— А то, что я хочу курить! — хладнокровно отозвался Бэд Тернер и, переходя от слов к делу, немедленно принялся набивать табаком свою трубку.

ЕЩЕ ОДНА ПАРТИЯ БОКСА

— Нет, я не сделаю больше ни шагу! Вы меня надули, мистер бандит! Вы заставили меня отправиться в прерию под предлогом, что устроите-таки для меня настоящую охоту на бизонов. А вместо этого, когда я вижу бизонов и показываю их вам, вы отказываетесь пуститься за ними в погоню. Это новое надувательство, но с меня хватит прежнего, я не сделаю ни шагу дальше.

— Не порите чепухи, милорд! Поймите, тут не до охоты на бизонов. Мне с величайшим трудом удалось вывести вас из лагеря индейцев, которые каждую минуту могут спохватиться и, заподозрив неладное, броситься по нашим следам. Где уж тут думать о бизонах.

— Мне до этого нет никакого дела! Я хочу охотиться на бизонов. Больше знать ничего не желаю.

— Так вы последуете за мной или нет?

— Я уже сказал: нет!

— Послушайте, милорд! Еще раз я попробую говорить с вами как с разумным человеком. Дело в следующем: четверо знаменитых охотников прерии, среди которых находится Бэд Тернер — пони-

...ы это: сам Бэд Тернер, — погребены здесь заживо. Они ...живы, но если через сутки мы их не освободим — они погибли. Ради этого я поставил на карту мою собственную шкуру. Вы думаете, мне было легко бросить индейцев, изменить им? Думайте, что хотите, но у меня сердце лежит к краснокожим. Изменить индейцам с легкой душой я не могу. Но ради Бэда Тернера и его товарищей я на это пошел. Я направляюсь к генералу Честеру. И для этого нужно, чтобы вы сопровождали меня.

— Мне нет никакого дела до ваших приятелей, таких же бандитов, как и вы. Я приехал в Америку не для того, чтобы заботиться о каких-то охотниках. Тем более речь идет именно о тех траппперах, которые обманули меня. Я возвращусь к индейцам и попрошу их устроить для меня грандиозную охоту на бизонов.

— Нет, вы не вернетесь в лагерь индейцев!

— Кто мне может запретить? Я — свободный человек!

— Не совсем, милорд. Если пошло на то, я категорически заявляю, что не позволю вам вернуться к индейцам. Опомнитесь, и поедем вместе к генералу Честеру. Иначе...

— Что иначе?

Взбешенный нелепым сопротивлением эксцентричного англичанина, экс-бандит неожиданно поднял свою лошадь на дыбы, а потом дал ей шпоры. Лошадь рванулась и грудью сбила с ног коня лорда Вильмора. Но англичанин не растерялся, и Сенди Гук, к своему удивлению, увидел его сейчас же в полной готовности дать отпор хотя бы при помощи кулаков. Тогда американец, в свою очередь, соскочил с седла.

— Вот как, милорд? — закричал он. — Очевидно, вы уже забыли, как я вас вздул. Не хотите ли попробовать еще моих кулаков?

— Хочу заставить вас попробовать это же самое кушанье! — ответил лорд Вильмор.

— Ладно. Значит, снова устроим маленькую партию бокса?

— Ничего не имею против! Начинайте!

— Сейчас. За этим дело не станет. Но мне пришла в голову одна мысль. Из-за чего, собственно, будем мы драться?

— Из-за чести.

— Нет, я старый воробей, и меня на этом не проведешь! Подраться я всегда готов, но было бы из-за чего! Условимся так: если победите вы, то мы с вами вернемся к индейцам, я как-нибудь улажу все и даже устрою для вас охоту на бизонов. Если же вы окажетесь побежденным, то тогда вы обязуетесь беспрекословно следовать за мной. По рукам, что ли?

Подумав несколько мгновений, англичанин кивнул головой.

— Согласен, но с одним условием! — сказал он. — Вы у генерала Честера уладите свои дела, а потом устроите для меня охоту на бизонов!

— Будь по-вашему. Начинайте!

— Начинайте вы!

И снова в прерии разыгралась странная, нелепая сцена: два человека набросились друг на друга, размахивая кулаками. Слышались тяжелые удары, вздохи и стоны.

На этот раз Сенди Гук встретил гораздо более серьезное сопротивление, чем раньше. Лорд Вильмор, по-видимому, собрал все свои силы, призвал на помощь весь свой богатый опыт. Он держался крайне осторожно, не переходя в атаку, а только обороняясь и подстерегая, не сделает ли какой-нибудь ошибки Сенди Гук.

После пятиминутной схватки, окончившейся вничью, соперники разошлись и отдохнули.

— Ну что же, милорд? — заговорил Сенди Гук. — Может быть, вы одумались и теперь согласны ехать к генералу Честеру?

— Могу предложить вам тот же вопрос, мистер бандит: может быть, вы уже одумались и согласны вернуться со мной к индейцам?

— Значит, милорд, будем продолжать?

— Значит, будем продолжать!

И они снова набросились друг на друга.

Вторая схватка затянулась. Несколько раз Сенди Гуку пришлось отступить перед наседавшим на него англичанином. Приходилось круто, и он это хорошо сознавал. Но лорд Вильмор тоже заметно устал, он тяжело и неровно дышал, глаза его помутились.

Еще несколько выпадов, и вдруг, парировав удар лорда Вильмора, направленный в грудь, Сенди Гук нанес англичанину два жестоких удара по голове.

Лорд Вильмор рухнул на землю и пришел в себя только тогда, когда сердобольный бандит влил ему в рот порядочную порцию виски.

— Ну, как дела, милорд? — осведомился Сенди Гук.

— Благодарю вас, очень недурно, но, кажется, вы мне разбили череп!

— Нет, едва ли, милорд! Череп у вас, надо отдать ему должное, словно из чистейшей меди отлит! Голова у вас поболит, это верно. Но головная боль — ведь не опасная. Итак, вы довольны?

Вильмор молча кивнул головой.

— Может быть, вы настолько оправились, что мы можем продолжать наш путь?

Лорд посмотрел вокруг мутным взглядом, потом заявил:

— Хорошо. Но вы, мистер бандит, не забудете своего обещания и устроите мне охоту на бизонов?

С этими словами он попробовал приподняться, но со стоном снова опустился на землю, пройдя лишь два шага: полученный им от Сенди Гука урок был слишком солиден даже для его крепкой головы.

Увидев печальное положение своего компаньона, Сенди Гук снова прибег ко всеспасительному средству — фляжке с виски, а когда и это мало помогло, американец попросту втащил лорда Вильмора на спину мустанга.

— Можете ли вы держаться в седле? — спросил он.

[illegible]ровую! — ответил англичанин.

И они тронулись в путь.

Время от времени Сенди озирался по сторонам: он опасался, что их бегство уже открыто индейцами и началось преследование. Но [illegible] одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в отсутствии близкой опасности. Краснокожие или не заметили бегства, или не имели возможности заняться преследованием. Так или иначе, но беглецы могли беспрепятственно продолжать свой путь.

Сенди Гук гнал лошадей без жалости, давая им передышку, лишь когда они выбивались из сил и были готовы упасть.

Так прошло несколько часов.

— Стой! Кто идет? Ни с места! Руки вверх! Не шевелись! — неожиданно прозвучала команда, и в двадцати шагах от странников заблестели дула трех винтовок.

— Друзья! Не стреляйте! — отозвался хладнокровно Сенди Гук.

— Брось карабин. Сойди с коня! — продолжал командовать незнакомый голос.

Сенди Гук повиновался и снял с седла лорда Вильмора. Через несколько минут они были окружены маленьким отрядом американских волонтеров. Это были солдаты генерала Честера.

— Мы должны немедленно видеть вашего командира. Ведите нас к генералу! — сказал Сенди Гук командовавшему сержанту.

— Не торопись, дружище! Генерал ближе, чем ты думаешь. Смотри, как бы он не подарил тебе хорошую веревку! — ответил сержант.

Но Сенди Гука трудно было смутить.

— О веревке не беспокойся, мой милый! — ответил он солдату хладнокровно. — Смотри, как бы генерал не снял с тебя галуны за то, что ты задерживаешь таких важных персон, как мы.

— Ого! — засмеялся сержант. — А что ты за птица? Раскрашен ты под индейца, но меня не надуешь: ты такой же краснокожий, как я негр.

— Генерал Честер знает, кто я! — высокомерно ответил банкдит.

— А твой спутник? Может быть, тоже какая-нибудь знатная штучка?

— Разумеется! — ответил Сенди Гук. — Это настоящий английский лорд.

— О-о? Почему не китайский император?

— Китайский император слишком занят: он чистит свои сапоги. Ну, довольно болтать! Веди нас!

Солдаты, отобрав винтовку и револьвер у Сенди Гука и убедившись, что лорд Вильмор без оружия, повели их.

Через четверть часа Сенди Гук и лорд Вильмор были в большой походной палатке, где, сидя за грубо сколоченным столом, рассматривал какие-то документы и карты человек лет пятидесяти со

стальными глазами, широким лбом и квадратными челюстями бульдога.

Это был генерал Честер.

Заметив вошедших, которых сопровождал сержант с револьвером в руке, генерал Честер круто повернулся и устремил свой взгляд в лицо Сенди Гука.

— Белый, наряженный индейцем! — сказал он сухо. — Что вы за люди? Что вам нужно? Откуда вы?

Сенди Гук выступил немного вперед.

— Позвольте, генерал, рекомендовать вам его светлость лорда Вильмора! — произнес он.

— Этот субъект — англичанин? — удивился генерал, разглядывая странную фигуру злополучного охотника на бизонов.

— Я вовсе не субъект! — надменно возразил лорд Вильмор. — Я действительно подданный ее величества королевы Великобритании. Меня зовут Джеймс Патрик Мария Дункан Этельред Жозеф, лорд Вильмор, виконт Леннокс, барон Тоуорд, граф Виндов. Я наследственный пэр Англии, кавалер ордена Подвязки, Святого Патрика и Святого Дунстана. С кем имею честь?

Генерал Честер, оглушенный этим потоком имен и титулов, невольно засмеялся.

— Меня зовут Вильямом Честером! — сказал он. — Я — генерал на службе Северо-Американских Соединенных Штатов. Прошу присесть, милорд! Теперь узнаем, кто вы, замаскированный индеец. Может быть, у вас тоже имеется в запасе несколько титулов и ваше имя звучит гордо?

— Разумеется! — ответил, не смущаясь, Сенди Гук.

— Ну так выкладывайте ваши титулы и имена!

— Я, видите ли, генерал, пока вынужден путешествовать инкогнито! — важно произнес бандит.

Генерал вытаращил глаза.

— Вот что, генерал! — перешел на серьезный тон Сенди Гук. — Я, конечно, скажу вам мое имя и все прочее. Но у меня есть серьезное основание поставить одно условие. Сначала я вам скажу, что привело меня к вам. Дело это очень серьезное. Вы же дайте слово, что если и вы признаете это дело таким же серьезным, каким считаю его я, то тогда вы не... не повесите меня, узнав мое настоящее имя и титулы.

Удивлению генерала не было конца. Но он не растерялся.

— Не проще ли будет, — сказал он, — мистер Неизвестный, приказать повесить вас теперь же, как явно подозрительную личность, к тому же являющуюся к нам с индейской стороны?

— Совершенно согласен, генерал. Но только, повесив меня, вы этим подпишете смертный приговор некоему Бэду Тернеру.

— Бэду Тернеру? Моему лучшему разведчику?

— Да. И с ним погибнут бравые трапперы — Джон, известный под именем индейского агента, много лет служившим разведчиком

...ковнику Деванделлю, и два его неразлучных спутника, трапперы Гарри и Джордж. Все четверо находятся в руках индейцев. Освободить их без моей помощи нет возможности, потому что только я один знаю, в какую дыру засунули их индейцы. Собственно говоря, я делаю большую глупость: ради того, чтобы спасти этих людей, я ставлю на карту свою репутацию!

Генерал Честер, заметно волнуясь, шагал по палатке, бросая испытующие взгляды на стоящего в непринужденной позе «мистера Неизвестного».

— Скажите мне ваше имя! — коротко промолвил он

— С величайшим удовольствием. Но только тогда, когда буду иметь ваше слово, что вы меня не повесите.

— Да что, черт возьми, у вас на совести несколько убийств, что ли? Ну, ладно! Даю слово!

— Благодарю. Убийств на моей совести, генерал, нет. Но несколько железнодорожных поездов имеется.

— На вашей совести имеется несколько железнодорожных поездов? Ничего не понимаю!

— Я — Сенди Гук!

— Ах, дьявол! Вы — Сенди Гук? Знаменитый грабитель поездов?

— К вашим услугам!

— Да вас надо немедленно повесить!

— А ваше слово, генерал?

— Я дал слово не вешать? Хорошо. Тогда я прикажу вас расстрелять. Таким образом, мое слово не будет нарушено...

— А в то же время Бэд Тернер, Джон и его спутники погибнут!

Генерал сердито стукнул кулаком. Помолчав немного, он прошелся из угла в угол палатки, потом остановился перед Сенди Гуком, заглянул ему пытливо в глаза, пожал плечами, отошел, сел у стола, покрытого картами, и сказал:

— Ну, ладно. Ни вешать, ни расстреливать вас я не буду. Бэд Тернер дороже какого-нибудь...

Он не докончил.

— Бэд Тернер в десять раз дороже Сенди Гука! — кивнул головой бандит. — Именно поэтому, генерал, я и рискнул порвать с индейцами и явиться к вам в лагерь, зная отлично, чем это может окончиться.

— Вы не из робкого десятка, мистер Гук!

Сенди с довольной улыбкой принял комплимент и, не ожидая приглашения, взял свободный стул и сел рядом с генералом Честером.

— Итак, генерал, — сказал он, — дело в следующем. Я обнадежил Джона, индейского агента, что я постараюсь спасти его и его спутников. Знаете ли, было бы ужасно неприятно, если бы знаменитый шериф из Голд-Сити, которого в прерии называют «грозой бандитов», погиб от руки краснокожих. Ну да и Джона, индейского

агента, было бы жаль. Он тоже славный парень! Все они попались в руки отряда индейцев, сахэмом которого является знаменитая Миннегага.

— Как Миннегага? Дочь Яллы?

— Вот именно, генерал. Я рассчитывал, что у меня найдется время устроить побег пленникам, но на беду разведчики донесли, что вы приближаетесь к горам Ларами. Миннегага распорядилась похоронить пленников заживо в одной пещере, куда брошены также трупы нескольких индейских воинов, павших в бою вчера. Думаю, пленники выдержат еще несколько часов. Сам я не мог ничего уже сделать для их освобождения, и потому решился бросить все и направился к вам. Если вы лично не пойдете на выручку, то дайте мне пятьдесят ваших солдат; я думаю, этого будет достаточно...

— Слушайте, мистер Гук! Пятьдесят солдат могут попасть в ловушку и потерять свои скальпы. Вы меня понимаете?

— Отлично! Вы хотите сказать, что боитесь, как бы Сенди Гук не оказался предателем и не погубил несколько десятков ваших подчиненных. Распинаться и уверять вас я не стану. Конечно, я — бандит. И я много лет якшаюсь с краснокожими. Но, генерал, подумайте: очищать карманы путешественников или ограбить хотя бы почтовый поезд, как это не раз проделывал я, — это одно, а повести на убой полсотни моих же соотечественников, моих братьев, генерал, это совсем другое.

— Правда. Я об этом не подумал. Извините. Хорошо. Вы получите в свое распоряжение целый отряд, мистер Гук. Постарайтесь спасти Бэда Тернера и его товарищей. А я постараюсь выхлопотать вам полную амнистию и забвение ваших грешков.

— Будем говорить! — отозвался спокойно Сенди Гук, придвигая свой стул к креслу генерала.

В ЛАГЕРЕ ГЕНЕРАЛА ЧЕСТЕРА

Объяснения Сенди Гука с генералом Честером затянулись на добрых полчаса. Генерал очень охотно предпринял бы все для спасения Бэда Тернера и его спутников, но предприятие, которое затевал Сенди Гук, казалось настолько рискованным, что невольно в душу Честера закрались сомнения. По временам он был близок к тому, чтобы признать дело безнадежным, отказаться направить в распоряжение Сенди солдат. Но когда он вспоминал, какие муки должны испытывать в своей страшной могиле заживо погребенные бедняги, какие ужасы они переживают, его сердце сжималось тоской и решимость довериться Сенди Гуку крепла.

...

Итак, все было обговорено. Честеру оставалось только сделать распоряжение о командировании солдат, как вдруг в его голове блеснула мысль.

— Послушайте, мистер Гук, — сказал он, обращаясь к экс-бандиту. — Может быть, в вашем распоряжении имеются какие-либо сведения об одном из лучших моих офицеров? Он отправился на рекогносцировку в эти проклятые горы несколько дней тому назад и словно в воду канул.

— Должно быть, — отозвался Сенди Гук, подумав, — это молодой поручик полка волонтеров Колорадо?

— Да, да! Он был с мундире этого полка. Где он? Что с ним?

— Его взял и держит в плену Сидящий Бык, вероятно, в расчете взять за него выкуп или воспользоваться им в размене пленных.

— Так, значит, молодой Деванделль жив? — радостно воскликнул генерал. — Слава Богу, а я считал его уже погибшим.

Очередь изумиться была за Сенди Гуком.

— Молодой Деванделль? — спросил он. — Сын несчастного полковника Деванделля, заживо скальпированного Яллой, матерью Миннегаги?

— Да! Именно, сын моего старого товарища, злополучного Деванделля, так жестоко поплатившегося во время последнего восстания краснокожих. Может быть, вы знали полковника?

— Нет, генерал! Но историю его злоключений знает в прерии каждый ребенок. Будем надеяться, что он еще не открыл своего имени Сидящему Быку, генерал.

— Зачем ему скрывать свое имя?

— О Боже! Вы забыли о существовании достойной наследницы Яллы, Миннегаги, которая своей свирепостью перещеголяет самого свирепого индейского сахэма. Ведь если бы Миннегага узнала, кто пленник Сидящего Быка, она перевернула бы и небо и землю, лишь бы заполучить Деванделля в свои руки. А тогда ничто не спасло бы его: Миннегага не отдаст его ни за какой выкуп, разве только предварительно оскальпирует его, как когда-то ее мать оскальпировала его отца.

Генерал взволнованно прошелся вокруг стола, обдумывая что-то. Потом он остановился перед собеседником.

— Послушайте, Сенди Гук. Скажите, откуда вы родом?

По лицу экс-бандита пробежала легкая тень. Взгляд стал мрачным. Сначала он потупил голову, потом встряхнулся и произнес глухим голосом:

— Я из Мэриленда. Но... почему вы спрашиваете это, генерал?

— Вы и там натворили что-нибудь? Вам нельзя было бы возвратиться на родину?

Вместо ответа Сенди Гук посмотрел на Честера долгим взглядом, в котором ясно читалось страдание.

— Там я родился, там могила моего отца и моей матери. Но если я покажусь там, меня ждет веревка. Зачем вы напоминаете мне об этом, генерал?

— Значит, я не ошибся? Слушайте, Сенди! Освободите молодого Деванделля, и я ручаюсь, что, когда вы вернетесь в Мэриленд, вас не только не будут травить, как дикого зверя, а наоборот, встретят радушно. Мало того. Вы вернетесь к себе на родину совершенно независимым человеком, потому что, когда вы приведете в мою палатку поручика Деванделля, я собственноручно отсчитаю вам пять тысяч долларов.

Глаза Сенди Гука то загорались, то потухали. Его могучая грудь ходила ходуном, огромные кулаки то сжимались, то разжимались...

— Мэриленд... родная земля... Мой родной край... — шептал он. — О благословенный край! Там стоят зеленые леса, по тропинкам которых я бегал, когда был ребенком. Там журчат потоки, по берегам которых бродил я юношей. И там прошла моя светлая юность. Вернуться туда? Вернуться не украдкой, а при свете дня, получить право смотреть прямо в глаза всем и каждому!

Он смолк, потом забормотал снова:

— Сидящий Бык — это человек, которого боятся даже индейцы. Попытаться освободить Деванделля из рук Сидящего Быка — это равносильно тому, что попытаться голыми руками вырвать ягненка из пасти гризли. Но... Мэриленд, Мэриленд.

Он круто повернулся к генералу и произнес:

— Деванделль будет освобожден, или я сложу свои кости в лагере индейцев.

— И получите пять тысяч долларов.

— Ни одного гроша! Мне не нужны деньги! Мне нужен мой родной край.

Совершенно неожиданно из угла, в котором до этой поры сидел молча лорд Вильмор, послышался его скрипучий и гнусавый голос:

— В Америке все странно! Даже бандиты оказываются джентльменами. Я начинаю чувствовать, что мой сплин проходит от удивления. А я истратил несколько десятков тысяч фунтов стерлингов на докторов и лекарства совершенно безрезультатно. Мистер Гук! Я обещаю вам вознаграждение, но не за освобождение молодого американского офицера, до которого мне нет никакого дела, а за то, что вы излечили меня от сплина. Вы получите от меня тысячу фунтов стерлингов. Насколько я понял, вы намерены отправиться в горы к индейцам? Я желаю сопровождать вас.

— Да что вы будете делать там, милорд? — удивился генерал Честер. — Вас могут убить.

— О нет! Ведь я — англичанин.

— Едва ли они будут справляться о вашей национальности.

— Ничего не значит! У меня крепкий череп. Сенди Гук пробовал убить меня ударами кулака по голове, но из этого ничего не вышло.

...мистер Гук? — спросил удивленно генерал. — ...и убить этого человека? За что?

— Нет, генерал. Мы просто устроили пару раз маленький ...матч по боксу. Разумеется, при этом не обошлось без пары ...тумаков. Англичанин ударил меня головой в живот так, что я думал, что мои кишки порвались. В свою очередь, мне пришлось вразумить его парой крепких ударов по голове. И, как видите, мы остаемся добрыми приятелями, и милорд, чтобы не разлучаться со мной, готов снова отправиться к индейцам.

Англичанин утвердительно кивнул головой и произнес кратко:

— Да! Пара ударов в голову. Он хорошо дерется! Он выбил у меня два зуба. Это был ловкий удар! Я доволен! Он почти перебил мне одно ребро. Я доволен! Он обещал мне устроить охоту на бизонов. Надеюсь, я буду доволен.

Произнеся эту краткую, но весьма содержательную речь, лорд Вильмор хладнокровно принялся ковырять в зубах поднятой на полу палатки соломинкой. Генерал и Сенди Гук обменялись взглядами, потом, не обращая внимания на эксцентричного сына туманного Альбиона, приступили к обсуждению вопроса, как надлежит организовать экспедицию для спасения сначала Бэда Тернера и его товарищей, а потом уже молодого поручика Джорджа Деванделя, которому, по крайней мере, сейчас, пока Миннегага не узнала его имени, не грозила опасность быть оскальпированным.

По-видимому, Честер все еще не мог подарить полного доверия экс-бандиту. Во всяком случае, сообщая ему о своем согласии предоставить в его распоряжение отряд из пятидесяти волонтеров, Честер сказал откровенно:

— Вот что, мистер Гук! Не обижайтесь, но я отвечаю за жизнь моих солдат. Сержант получил приказание не спускать с вас глаз.

— Как вам будет угодно! — пожал плечами Сенди Гук.

— Да! И если мои солдаты окажутся в ловушке, то...

— То ваш сержант всадит мне пулю в лоб? — засмеялся Сенди Гук, а потом добивил: — Не беспокойтесь, генерал! Пули я не испугаюсь, и поверьте, если бы речь шла о ловушке, то я всегда сумел бы ускользнуть. Но, с одной стороны, речь идет о спасении таких людей, как шериф Бэд Тернер, а с другой стороны, вы мне обещали реабилитировать меня и дать мне возможность вернуться на родину. Можете принимать какие угодно меры предосторожности. Это ваше право, я обижаться не стану. Позаботьтесь только о том, чтобы в голове вашего сержанта было хоть чуточку мозгов, и дайте ему такие инструкции, чтобы он ничего не напутал и не связал бы меня в самый нужный момент по рукам и ногам. Больше мне ничего не надо.

С этими словами Сенди Гук покинул палатку генерала Честера. Лорд Вильмор раскланялся и вышел вслед за ним, заверив на прощание генерала, что в случае удачи в охоте на бизонов он не замедлит снабдить генерала парочкой-другой рогов.

НА ПЛОСКОГОРЬЕ ЛАРАМИ

Брезжил рассвет, прерию огласил заунывный вой койотов, закончивших ночные скитания и торопившихся возвратиться в свое логово до наступления дня. Иные из этих трусливых хищников прерий, заслышав издалека топот лошадиных копыт, припадали к земле и беззвучно ползли по ней в волнах предрассветного тумана, пока не оказывались в непосредственной близости к отряду всадников. Это и были волонтеры генерала Честера, отправившиеся с Сенди Гуком в рискованную экспедицию в горы Ларами.

Отрядом командовал уже знакомый нам сержант, а в состав отряда входило пятьдесят отборных молодцов, в которых без труда можно было узнать ковбоев, этих несравненных всадников, едва ли не лучших кавалеристов в мире, и притом великолепных солдат для партизанской войны, где требуется исключительная выносливость, почти звериная хитрость и великолепное знание местности. Все волонтеры были вооружены прекрасными автоматическими винтовками, и лишь у нескольких человек имелись карабины, тоже бившие далеко и метко. Помимо винтовок, разумеется, не было недостатка в револьверах системы «кольт» и страшных длинных ножах, столь популярных на Дальнем Западе, где даже дети часто решают свои споры смертельными поединками на ножах. Кроме волонтеров и Сенди Гука, здесь находился и незадачливый охотник за бизонами, лорд Вильмор, который вез с собой прекрасный карабин, подаренный ему генералом Честером, и сгорал от нетерпения, ожидая, когда представится случай пустить оружие в ход.

Часа полтора всадники мчались вверх по течению горного потока, добрались до устья большого каньона и там сделали небольшую остановку, чтобы дать немного отдохнуть лошадям. Потом они снова пустились в путь и, наконец, добрались до той местности, в которой еще недавно бродили разведчики отряда Миннегаги.

Несколько раз сержант приподнимался в седле и пытливо осматривал окрестности, но его взгляд не находил ничего подозрительного, однако он не успокаивался.

— Что вы все нюхаете воздух? — поинтересовался Сенди Гук насмешливо.

— Пусть осел лягнет меня в затылок, если здесь не пахнет индейцами! — ответил бравый сержант.

— Обоняние у вас удивительное! Любовь к копытам осла еще больше. Я ставлю 100 долларов против одного, что на этот раз ваш нюх вам изменил, — отозвался Сенди Гук. — Я знаю, о чем вы говорите: там, где пройдет отряд моих краснокожих приятелей, действительно в воздухе долгое время остается запах, потому что индейцы словно пропитываются им в ужасной атмосфере своих вигвамов. Но на этот раз здесь пахнет только дымом, и больше

[illegible] Я [illegible]нимаюсь, это меня беспокоит, потому что пожар в степи [illegible] закончился, лес не горит, и я решительно не понимаю, откуда [illegible]ется запах дыма, да притом же запах горящего каменного [illegible]

В это мгновение до слуха говорящих долетел звук, напоминающий звук выстрела из тяжелого орудия.

Сержант встрепенулся.

— Стреляют! — крикнул он, хватаясь за свой винчестер. — Вот видите, индейцы-то близко, хотя вы почему-то уверяете в обратном. Смотрите в оба, ребята! Как бы нам не влипнуть!

— Я вижу, что тот осел, которого вы упрашивали лягнуть вас в затылок, уже угостил вас однажды, но вместо затылка попал копытом в лоб! — сказал Сенди Гук, тревожно озираясь вокруг. — Кто вас научил верить подобной глупости, будто у краснокожих есть пушки. Пушек у них от сотворения мира никогда не было, да они и не умеют с ними управляться.

— Так что же тогда грохнуло? Может быть, взорвалась мина? — почесал затылок сержант.

Лицо Сенди Гука побледнело, и руки задрожали.

— На этот раз ваши мозги вам не изменили! — ответил он угрюмо. — Боюсь, что вы угадали. Произошел какой-то взрыв. Но в чем дело? Вот уже в двух шагах от нас вход в пещеру, или, правильнее, в ту шахту, куда индейцы запрятали шерифа и его спутников. Грохнуло как будто из-под земли, но ведь у Тернера и его товарищей не было ни щепотки пороха и устроить взрыв они не могли никоим образом. Что же взорвалось? Стойте! Сейчас мы узнаем. Спешивайся, ребята!

— Однако вы, мистер Гук, так командуете, как будто на самом деле отряд поручен не мне, а вам, — обидчиво заметил сержант, но тем не менее и сам спешился подобно всем своим подчиненным, исполнившим распоряжение Сенди Гука без всяких возражений.

— Будет нам препираться! — отозвался примирительно Сенди Гук. — Ведь речь идет о том, чтобы выручить попавших в страшную беду храбрых ребят. Вот тут они замурованы. Видите, какими глыбами индейцы завалили вход в шахту? Давайте-ка попробуем отодвинуть эти камни.

Человек десять или двенадцать бросились к указанному месту, но через пять минут обескураженно отошли в сторону: вход в шахту оказался завален такими огромными осколками скал, что не было никакой возможности пробраться внутрь, не прибегнув к помощи разных инструментов и приспособлений. В то же время сквозь щели между камнями пробивались струйки дыма с характерным запахом.

— Газ! — воскликнул испуганно Сенди Гук. — Так вот где произошел взрыв! Но я не поверю, что мои друзья погибли при взрыве, пока не увижу их тел! Здесь нам делать нечего. Я знаю другой вход в шахту. Дайте мне десяток ваших людей, и мы попытаемся пробраться туда. — Сержант сначала заколебался, но

сами солдаты, зная, что речь идет о спасении знаменитого шерифа из Голд-Сити и его товарищей, были готовы на какой угодно риск, и таким образом дело уладилось. Под руководством Сенди Гука маленький отряд прошел некоторое расстояние и добрался до целой группы давно заброшенных и обветшалых зданий, в которых с первого взгляда можно было узнать типичные для большой каменноугольной шахты постройки. Солдаты с любопытством поглядывали на эти здания и держались наготове на случай неожиданного нападения спрятавшихся в засаде среди развалин индейцев. Но кругом царила тишина и полное спокойствие, нигде не было видно никаких следов краснокожих.

— Сюда! Вот где есть вход! — скомандовал Сенди Гук.

Солдаты, робко озираясь, последовали за ним в какую-то галерею, сплошь заваленную обломками деревянной обшивки.

Воздух этой галереи был насыщен запахом гари и зноем. В некоторых местах раздробленные куски досок и балок еще тлели, а по обвалам стен и потолка, которые обнажили свежую породу, Сенди Гук безошибочно определил, что взрывная волна прошла именно по той галерее. Казалось, здесь еще пахнет газом.

— Стойте смирно! — отдал приказ Сенди Гук сопровождавшим его волонтерам. — Не шевелитесь, затаите дыхание!

— Индейцы? — осведомился шепотом сержант.

Не отвечая, экс-бандит приложил палец к губам, потом с расстановкой ударил несколько раз прикладом карабина по загородившей дорогу глыбе камней, явно недавно свалившихся с потолка, и снова прислушался. И свершилось чудо: из недр земли донесся звук человеческого голоса, откликнувшегося на зов Сенди Гука.

— На помощь!.. Помогите! — чуть слышно прозвучали слова под землей.

— Слышали? — повернулся Сенди Гук к спутникам.

— Слышали, слышали! — отозвались волонтеры.

— Будь я проклят, если это не голос Бэда Тернера! — воскликнул обрадованно Сенди Гук. — Я так и знал, что они пробрались сюда раньше взрыва. Должно быть, кто-нибудь из трапперов работал когда-то в каменноугольных копях и сообразил, что надо делать.

— Да не болтайте вы! — прервал его сержант. — Пусть осел лягнет меня в затылок! В самом деле, это мистер Тернер, приятель генерала Честера. Мы должны его выручить. Я не побоюсь того, что своды галереи могут обвалиться на мою голову. Ведите нас!

И они бросились разыскивать проход внутрь шахты, чтобы добраться до заживо замурованных.

Поиски увенчались весьма сомнительным успехом: Сенди Гуку удалось разыскать продолжение той галереи, в которой находились беглецы, но, к несчастью, взрыв завалил часть галереи, и теперь между беглецами и пришедшими им на выручку людьми находилась толстая пробка из огромных глыб каменного угля.

— Мистер Тернер! Где вы? Отзовитесь! — кричал Сенди Гук.

К общему удивлению, Бэд Тернер отозвался проклятиями в адрес Сенди Гука.

— Презренный бандит! — кричал он полным бешенства голосом. — Ты пришел полюбоваться делом твоих рук, насладиться нашими мучениями? Я отдал бы полжизни, чтобы только расплатиться с тобой!

— Успокойтесь, мистер Тернер!

— Чудовище! Предатель! Проклятие тебе и всем тебе подобным!

— Да успокойтесь же, Тернер! Клянусь, я желаю вам добра!

— Оно и видно! Лучше пожелай нам зла, только сам провались в преисподнюю!

— Послушайте наконец! Будьте разумным человеком. Я пришел выручить вас.

— Сначала сам похоронил нас в одной могиле с индейцами, а теперь издевaешься? Бандит! Разбойник!

— Да будет вам, Тернер! Не будьте ослом! Клянусь вам чем угодно, что я хочу вас выручить.

— Не верю тебе, змея!

— Тогда поверьте хоть постороннему. Со мной сержант Билл из отряда генерала Честера.

Глубокое молчание наступило в недрах шахты. Потом раздался глухой голос Бэда Тернера:

— Пусть говорит.

Сержант Билл, которого лично знал шериф Голд-Сити, в свою очередь, начал переговоры с охотниками, и ему наконец удалось убедить несчастных, что товарищи пришли к ним на помощь и что привел их именно Сенди Гук.

— И все-таки до конца не поверю, пока не увижу света божьего! — отозвался Бэд Тернер нерешительно.

— За этим дело не станет, — засмеялся Сенди Гук.

На самом же деле освободить заживо замурованных было не так легко. Помимо того, что они находились за настоящим бруствером из огромных глыб каменного угля, загромоздивших галерею, взрыв привел всю шахту в такое состояние, что можно было ежеминутно опасаться новых и новых обвалов. Галерея оказалась настолько узкой, что подойти к барьеру и работать на разборке завала мог только один человек. Этот человек должен был избегать лишних и неосторожных движений, чтобы не вызвать нового обвала в штольне. Даже смелые ковбои в смущении остановились, когда выяснилось, что надо делать. Но неожиданно для всех Сенди Гук воскликнул:

— Да кто вас просит браться за это? Я никому не уступлю этой чести! Вот разве что меня пришибет каким-нибудь камнем, ну тогда беритесь вы.

С этими словами он начал разбирать глыбы каменного угля, с поразительной быстротой прокладывая дорогу к пленникам. Те тоже

без устали работали, разбирая отделявшую их от мира стену. Они соперничали в усердии, хотя последние силы были надломлены всем пережитым раньше, и, по собственному признанию Бэда Тернера, они чувствовали, как голод терзает их.

Глядя, как неутомимо и вместе с тем осторожно работает Сенди Гук, видя, какие огромные глыбы каменного угля он ворочает, волонтеры изумленно переглядывались, а сержант Билл почесывал затылок и бормотал:

— Это не человек, а настоящий дьявол! Эка силища-то какая! Экие руки! А мускулы-то, мускулы какие? Не хотел бы я попасть к нему в лапы, хотя и меня самого Бог силой не обидел, кажется. Поневоле с такими руками бандитом сделаешься, когда можешь человека, как цыпленка, пальцами задавить.

Оригинальные рассуждения сержанта были прерваны криком Бэда Тернера:

— Свет! Слава Богу, мы спасены!

В самом деле, работавшему без устали и не думавшему о подстерегавшей его опасности Сенди Гуку удалось своротить в сторону несколько глыб каменного угля, и слабый луч света проник наконец в глубь шахты. Но прошло еще немало времени, пока проход был расчищен настолько, что, протянув руку, Сенди Гук смог коснуться руки Бэда Тернера. А потом потребовалось еще больше времени для того, чтобы пленники смогли с величайшим трудом выбраться наружу по извилистому и узкому выходу. Но вот Сенди Гук, шатаясь, словно пьяный, с помутившимся взором отошел в сторону и в изнеможении лег на пол галереи. В то же мгновение сквозь пробитое в баррикаде отверстие проскользнул какой-то человек. Десятки рук протянулись к нему навстречу. Десятки голосов приветствовали его появление.

— Ура! Бэд Тернер! Шериф из Голд-Сити!

Да, это был он, но в каком виде? Родная мать вряд ли узнала бы его. Его одежда за время подземных странствий превратилась в лохмотья. Лицо и все тело словно пропитались угольной пылью, смешавшейся с сукровицей, сочившейся из ран и ожогов. Но он был жив, были живы и его верные спутники. И находились среди пришедших им на помощь братьев...

Оглядевшись, шериф из Голд-Сити заметил державшегося в стороне экс-бандита.

Твердыми шагами Бэд Тернер направился к Сенди Гуку и протянул ему руку со словами:

— Простите меня, мистер Сенди! Я был слишком взволнован и не сознавал, что говорю.

— Не стоит вспоминать об этом! — улыбнулся Сенди Гук.

— Вы не хотите пожать мне руку, Сенди?

— О Господи! Я считаю, что я не достоин вашего рукопожатия, шериф. Вы же знаете, кто я?

...да, знаю! Я знаю, что вы рисковали собственной шкурой для нашего спасения. При таких обстоятельствах не очень многие из среди честных людей нашли бы в себе достаточно мужества, а вы это сделали. Вот вам моя рука, и я протягиваю вам ее от всей души, как лучшему парню в мире.

— А я от всей души жму эту руку! — ответил взволнованно экс-бандит.

— Если вы, Сенди Гук, — продолжал серьезно Бэд Тернер, — найдете, что вам пора угомониться, прекратить глупости и сделаться мирным гражданином, вы будете знать, к кому обратиться, чтобы уладить ваши дела. Бэд Тернер кое-что значит на Дальнем Западе. И если я только буду жив, то я обещаю вам в присутствии всех этих свидетелей, что в обществе честных людей всегда найдется местечко и для вас, как для моего спасителя и друга!

— От всей души спасибо, шериф! — отозвался глубоко прочувствованным голосом Сенди Гук. — Я и сам так думаю, что нагулял я достаточно и что пора мне угомониться. Да все не было удобного случая. Знаете сами: разойдешься, а остановиться трудно. Так тебя и тянет выкидывать новые и новые фокусы. Но теперь мне и самому все это надоело. Вы мне протянули руку. Я считаю это за великую честь, и вот вам моя рука, Тернер: моя жизнь переломилась, я начинаю жить заново, вы же мне помогите в этом. Первые шаги сделаны, но это только начало.

Неожиданно для всех представитель закона и власти, знаменитый истребитель бандитов Бэд Тернер и не менее знаменитый бандит Дальнего Запада Сенди Гук обнялись, словно родные братья, встретившиеся после долгой разлуки. Рядом стояли с суровыми, взволнованными лицами измученные долгим пребыванием в подземной могиле Джон, индейский агент, и трапперы Гарри с Джорджем. Казалось, они не верили своим глазам, не верили, что им удалось выбраться из недр земли, спастись из ужасной могилы, в которой их погребла беспощадная и мстительная Миннегага.

В ГОРАХ

Если бы кто-нибудь спустя десять минут после описанной нами сцены заглянул во двор покинутой шахты, он увидел бы, с какой жадностью спасенные уничтожают немудреные съестные припасы. Они расположились для завтрака на маленькой полянке, покрытой свежей и сочной зеленью, среди брошенных вагонеток, подъемных кранов и куч угля.

Джон, Тернер, Гарри и Джордж, чувствовавшие себя наверху блаженства, сидели в центре, а вокруг них расположились пятнадцать человек из отряда сержанта Билли. Другие солдаты были

оставлены сержантом внизу, у той самой пещеры, куда Миннегага бросила пленников. За ними был послан гонец, а в ожидании их прихода между волонтерами и спасенными шла оживленная беседа.

— Триста тысяч чертей! — воскликнул Тернер. — Кто бы подумал, что мы вместо кусков угля или, в лучшем случае, кожи собственных сапог будем еще объедаться техасской колбасой и галетами?

— Я сам своим глазам не верю, — отозвался Джон. — Вот все поглядываю на солнце, все думаю, не обманывают ли меня мои глаза...

— А кому мы обязаны этим, Джон? Человеку, которого мы еще вчера считали форменным негодяем. Вы не обижайтесь, Сенди Гук. Сами знаете, что иначе относиться к вам мы не могли.

— О, Господи Боже мой! — ответил, улыбаясь, Сенди Гук. — Я отлично понимаю и ничуть не обижаюсь. Не думайте, что я так глуп. Я отлично сознаю, что мне много еще придется потрудиться, если я захочу добиться уважения от людей.

— Нет, Сенди Гук! Вы не совсем правы. Вам стоит только навсегда порвать с прошлым, а там все пойдет как по маслу. Не многие на вашем месте поступили бы так, как вы. Другие попросту предоставили бы нам погибнуть в этой проклятой дыре, куда нас загнала Миннегага, чтобы ей пусто было.

— Кстати, — вмешался Джон, — скажите нам, Сенди, куда девалась Миннегага?

— Думаю, — отозвался экс-бандит, — что Миннегага уже присоединилась к отряду Сидящего Быка на высотах Ларами. А на что вам?

— Так! Я дал себе клятву не покидать прерии раньше, чем не добуду скальпа этой змеи. Я уже снял скальп с ее матери — теперь очередь за дочкой.

— Хотите увидеть ее? — улыбнулся Сенди Гук. — За этим дело не станет. Если только пожелаете, я предоставлю вам эту возможность... Я отправляюсь по пустяковому делу в лагерь сиу. Знаете, для меня речь идет об амнистии, о праве возвратиться на родину, если только мне удастся выполнить поручение генерала Честера.

— Убить Сидящего Быка?

— Нет, освободить одного пленника. Вероятно, вы его знаете. Это некий поручик Джордж Деванделль.

Сенди Гук еще не успел договорить, как Джон уже вскочил на ноги.

— Джордж Деванделль? Сын моего старого командира? Неужели верно, что он в плену?

— Вернее верного! Сам генерал Честер убежден в этом! — ответил экс-бандит.

— Вы что, с луны свалились, что ли, Джон? — вмешался в разговор сержант Билл. — Все знают, что Джордж Деванделль

вести пятнадцать дней тому назад, и разведчики сообщили, что он в плену у Сидящего Быка.

Взволнованный индейский агент ходил взад и вперед, сжимая кулаки. Он бессвязно твердил:

— Джордж, тот самый Джордж, которого я когда-то вырвал из рук краснокожих. Сын моего старого командира... О несчастный! Подумать только, что он попал в руки Миннегаги. Ее мать была идеалом доброты по сравнению с ней. Что делать, что делать? Миннегага оскальпирует его...

— Не торопитесь так, Джон! — сказал серьезно Сенди Гук. — Во-первых, очень может быть, что Миннегага задержится в пути и мне удастся попасть к Сидящему Быку раньше, чем ей. Во-вторых, сам вождь индейцев отнюдь не такой человек, чтобы легко расстаться со своей добычей. Да известно ли индейцам имя Джорджа Деванделля?

— Если только Миннегага увидит Джорджа Деванделля, она узнает его.

— Не спорю, Джон! Но Сидящий Бык едва ли согласится пожертвовать пленником в угоду этой ядовитой змее в образе красивой женщины.

— Стойте, Сенди Гук! Вы, кажется, сказали, что вы обязались перед генералом Честером попытаться вырвать Джорджа Деванделля из рук краснокожих?

— Это условие получения мной амнистии.

— Погодите! Джордж, Гарри, помните ли вы, как мы уже один раз спасли Джорджа и его сестру? Боялись ли мы тогда смерти? Неужели же теперь струсим и предоставим Сенди Гуку делать это трудное дело в одиночку?

Джордж и Гарри переглянулись, потом Гарри произнес решительным тоном:

— Пока я могу держать в руках карабин, я всюду пойду за тобой, Джон, хотя бы к черту в пасть.

— И я не отстану! — отозвался Джордж.

— А про меня не забыли? — вмешался Бэд Тернер. — Нечего сказать, хорошо вы цените своих друзей!

— Неужели вы пойдете вместе с нами, мистер Тернер! — воскликнул обрадованный Джон.

— Само собой разумеется! За кого же вы меня принимаете? Надеюсь, мой карабин может пригодиться в крутую минуту.

— Ого! Еще и как может пригодиться ваш карабин! — отозвался Сенди Гук. — Если вы только согласны завербоваться к нам, шериф, добро пожаловать.

Этот разговор был прерван громким ржанием встревоженных лошадей — животные почуяли приближение всадников. Это был остаток отряда сержанта, прибывший от пещеры Мертвецов. Увидев своих солдат, сержант приподнялся со словами:

— Вот и мои ребята! Ну, джентльмены, моя миссия теперь закончена! Пусть первый понравившийся осел лягнет меня в затылок, если я не нахожусь в затруднительном положении...

— Вы думаете, сержант, что ваш четвероногий приятель таким образом научит вас, как выйти из затруднения? — засмеялся Бэд Тернер.

— Не шутите, джентльмены! — горячо ответил сержант. — Дело серьезное. Вот я говорю, положа руку на сердце: с доброй душой примкнул бы я к вам, чтобы отправиться выручать поручика Девинделля. Но, вы сами знаете, солдат не может распоряжаться собой. Освободить мистера Тернера — вот это было моей задачей. Теперь я должен возвратиться к генералу. Надеюсь, что мы скоро с вами увидимся снова. Пока же вот еще что: генерал сказал, что я должен оказать вам всяческое содействие. Чем я теперь могу помочь вам?

— Нам понадобится четыре хорошие лошади, четыре карабина, столько же револьверов и боевые припасы к ним. Можете ли вы дать нам все это? — ответил Бэд Тернер.

— Разумеется! Запасных лошадей с нами много, выбирайте любых. Оружия запасного, правда, мы не захватили, но добраться до лагеря сумеем и в том случае, если среди нас будет четыре безоружных человека.

Пока шли эти переговоры, присутствовавший лорд Вильмор занимался тем, что расчесывал пальцами свои длинные баки, терпеливо ожидая, когда представится случай снова заговорить об охоте на бизонов. Увидев случайно, чем занят этот молчаливый спутник, сержант спохватился:

— А что вы с этим чудаком будете делать? Ведь он вас может связать по рукам и ногам. Хотите, я заберу его с собой? Если он мне уж очень будет надоедать, я посажу его в какой-нибудь колодец.

Против всех ожиданий, за лорда Вильмора вступился Сенди Гук: — Предоставьте ему ехать с нами! — сказал он. — Он нам еще пригодится.

Сержант сделал гримасу, явно показывавшую, как он оценивает благородного английского вельможу.

— В самом деле, — вмешался Джон, — пусть лорд едет с нами. Хотя он и большой чудак, но стреляет прекрасно, и его карабин может нам пригодиться.

— Делайте, как хотите! Я умываю руки! — порешил возникший вопрос сержант.

Как только спасенные закончили завтракать, для них были отобраны лошади, необходимое оружие, боевые и съестные припасы. И они могли сейчас же пуститься в путь. Сенди Гук подошел к англичанину и сказал ему:

— Ну, милорд, я с товарищами отправляюсь в горы Ларами охотиться на бизонов!

Словно электрический удар пронизал тело англичанина. Он вскочил как пружина, воскликнув:

— Бизоны? Отлично! Я отправляюсь с вами!

— Но, милорд, мы можем попасть в переделку, придется, может быть, даже подраться с индейцами.

— Я не боялся никогда ни белых, ни красных, ни черных! — высокомерно ответил англичанин. — Но, мистер бандит, кажется, вы намерены охотиться на бизонов в компании этих людей?

И он величественно показал пальцем на Джона и его спутников, а потом произнес не допускающим возражения тоном:

— Эти люди — большие мошенники!

— Эх, милорд! — возразил, смеясь, Сенди Гук. — Это вы просто вбили в голову, больше ничего! Вот представьте, вы этих людей считаете мошенниками, а они вбили себе в голову, что вы — полоумный.

— Меня это не касается! Впрочем, я не протестую против того, чтобы они сопровождали нас в охоте на бизонов. Но предупреждаю: они уже ограбили меня достаточно, и я не дам им больше ни гроша.

— Будьте спокойны, милорд! Никто с вас не спросит ни одного гроша, если даже вам удастся уложить целую сотню бизонов.

— В таком случае я готов следовать за вами.

Пять минут спустя маленький отряд, состоявший из Сенди Гука, Бэда Тернера, двух трапперов, Джона — индейского агента и чудака англичанина, распрощавшись с сержантом и его волонтерами, тронулся в путь, направляясь к горам Ларами.

Час проходил за часом, местность становилась все более дикой и угрюмой, а шестеро всадников продолжали свой путь, не изменяя принятого в начале пути порядка: Сенди Гук и Бэд Тернер ехали впереди, Джон и трапперы образовывали центр, а лорд Вильмор — арьергард. Раз решив, что Джон и трапперы — мошенники, чудак не удостаивал их ни единым словом и только поглядывал на них высокомерно, но на это никто не был в претензии. После полудня всадники вступили в область, где было гораздо холоднее, чем в прерии. Вершины горного хребта были окутаны туманом, подул свежий ветер, и как только зашло солнце, сейчас же опустилась глубокая тьма, так что продолжать путь оказалось невозможным. Поэтому решено было расположиться на ночлег. Лошадей расседлали и пустили на коротких привязях пастись на небольшой лужайке. Люди тоже расположились на ночной отдых.

— Скверная ночь будет! — сказал Сенди Гук, оглядываясь по сторонам. — Если только краснокожие с какой-нибудь вершины заметили нас, то они обязательно устроят ночное нападение. Знаю, вам очень хочется покурить. Но лучше отказаться от этого удовольствия и пожертвовать трубкой, чем пожертвовать собственными шкурами.

Разумеется, возражений не последовало, и скоро в маленьком лагере все смолкло, потому что большинство отряда заснуло.

Нельзя сказать, чтобы сон этот был спокоен и крепок, потому что каждый из них кожей чувствовал опасность внезапного нападения индейцев. Более выносливый Джон почти не спал, хотя и лежал с закрытыми глазами. Кругом шумели деревья и раздавался шорох высоких трав, сгибаемых порывами ветра. Время от времени издалека доносился вой шакала или крик какой-то ночной птицы. Тогда Джон приподнимался, прислушивался, но, убедившись, что спящим не грозит никакая опасность, укладывался снова рядом с Бэдом Тернером, подумывая о том, что близок момент, когда ему можно будет передать дежурство кому-нибудь другому. Так прошло два или три часа. Вдруг Джон сбросил с себя покрывало и схватился за карабин. Как ни тихо двигался он, тем не менее Бэд Тернер оказался разбуженным и сам схватился за ружье, спросив товарища шепотом:

— Что случилось, Джон? Индейцы, что ли? Надо будить всех?

— Я слышал какой-то подозрительный шум и потому пойду на разведку. Вы же держитесь настороже! — ответил Джон и с этими словами, скользя, как тень, удалился от лагеря. Бэд Тернер с карабином в руках остался сторожить покой товарищей.

Прошло, должно быть, около десяти минут. Гудел ветер в вершинах деревьев, тревожно шептала о чем-то трава, но напрасно Бэд Тернер всматривался во мглу, напрягая зрение: ничего не было видно. И вдруг послышался яростный рев какого-то зверя, потом сухой треск револьверного выстрела, заглушенный новым ревом, а через несколько секунд — ружейный выстрел, эхо которого замерло в горах.

В мгновение ока Сенди Гук, оба траппера и даже лорд Вильмор присоединились к Бэду Тернеру, осыпая его вопросами, что случилось. Через минуту словно из-под земли вырос Джон.

— Угораздила нелегкая! — сказал он взволнованно. — Довольно большой черный медведь бродил около нашего лагеря. Проклятый зверь облапил меня, и я едва не поплатился жизнью. Хорошо еще, что мне удалось вывернуться и ухлопать его.

— Жаль, конечно, — отозвался Сенди Гук тревожно, — что вам не удалось обойтись без выстрелов. Держу пари, эти выстрелы поднимут на ноги краснокожих и не пройдет и часа, как они будут тут. Если мы не хотим подарить им свои собственные головы, то надо немедленно удирать отсюда.

— Не ошибаетесь ли вы, Сенди? — спросил Бэд Тернер. — Вот-вот разразится гроза. Буря уже очень близка. Не лучше ли нам оставаться здесь, на полянке?

— Ни в коем случае, говорю я вам! Надо удирать! — В мгновение ока лошади были оседланы и навьючены, и маленький отряд тронулся в путь. Тем временем черное небо стали бороздить молнии. Загрохотал гром, предвещая близость урагана.

Прошло, должно быть, минут двадцать. Блеснула молния, озаряя бледным призрачным светом окрестности, и шедший впереди отряда Сенди Гук воскликнул:

— Стойте! Мы на краю пропасти!

В то же мгновение из арьергарда отозвался голос Джона:

— Ружья на изготовку! Нас выследили!

ОХОТА ЗА БЛЕДНОЛИЦЫМИ

Отчаянно смелое предприятие Сенди Гука и его спутников грозило окончиться трагически: беглецы находились на краю пропасти, на дне которой ревел горный поток, сзади по их следам гнался неумолимый и беспощадный враг, а к тому же над их головами с минуты на минуту должна была разразиться гроза. Тьма была так глубока, что беглецы не видели ничего в двух шагах от себя. Это делало почти невозможным любую попытку спастись бегством, всадники рисковали на каждом шагу сломать себе шею. Но что же оставалось делать?

Выждав, когда снова блеснула молния, Сенди Гук направил своего коня в сторону.

— Идите за мной! — прошептал он. — Здесь есть трещина, по которой мы можем спуститься на дно каньона. Дело опасное, но возможное. Положитесь на своих лошадей, инстинкт не обманет их.

В то время как маленький отряд приготовился к опасному спуску, лорд Вильмор остановил Сенди курьезным вопросом:

— Разве там, внизу, мы найдем бизонов?

— Десять тысяч голов! — не смущаясь, ответил экс-бандит.

— Вам, милорд, останется только хватать их за рога! — поддержал товарища Гарри.

Англичанин успокоился и молча последовал за охотниками. Как и предвидел Сенди Гук, спуск оказался мучительно трудным. На каждом шагу попадались зияющие провалы, тропинка временами становилась настолько узкой, что только чудом лошади ухитрялись проходить по ней. К тому же ураган несся по каньону, и жестокие порывы ветра иногда грозили сорвать и увлечь в пропасть всадников вместе с их лошадьми.

Прошло, должно быть, минут пятнадцать, как вдруг после яркой вспышки молнии, на несколько мгновений залившей призрачным голубым светом окрестности, наверху послышался какой-то гул, который возрастал с каждой секундой. Еще миг, и какая-то черная масса, круша на своем пути стволы деревьев, увлекая за собой целую лавину обломков, пронеслась мимо беглецов и с грохотом рухнула на дно потока.

— Камень, должно быть, сорвался! — промолвил Бэд Тернер.

— Нет! — отозвался тревожно Сенди Гук. — Камень не сорвался, а сброшен на наши головы.

— Вы думаете, что индейцы нас видят?

— Видеть не видят, потому что и у них глаза не кошачьи. Но слышать, надо полагать, слышат и бросают камни наудачу по звуку.

В самом деле, едва только Сенди Гук произнес эти слова, как новый огромный камень скатился сверху на дно потока. Он пролетел несколько в стороне от беглецов. А это подтверждало предположение Сенди, что индейцы бросают камни наудачу.

— Хоть бы на четверть часа прекратились молнии! — пробормотал Сенди Гук. — Мы вот-вот доберемся до дна ущелья, и тогда индейцы смогут буквально засыпать нас камнями, если молния выдаст, где мы находимся.

Пожелание Сенди Гука исполнилось: беглецам удалось наконец добраться до дна каньона, а еще десять минут спустя первые всадники приближались к противоположному берегу, когда новая вспышка молнии, к тому же довольно слабая, озарила дно пропасти.

— Гоните, гоните лошадей! — закричал, обернувшись к отставшим товарищам, Сенди Гук. — Сейчас начнется каменный град.

В самом деле, сразу же после его слов на дно каньона покатилась каменная лавина.

— Где же обещанные вами бизоны? — нашел время заняться своим делом лорд Вильмор. И как ни печально было положение беглецов, все одновременно расхохотались.

— Знаете что, милорд, — обратился к англичанину Сенди Гук. — Бизоны, надо полагать, уже окончили водопой и забрались на тот берег пропасти. Придется и нам отправиться туда же.

— Я согласен! — отозвался англичанин.

— Слышали вы когда-нибудь, милорд, — продолжал Сенди Гук, — про кость белого бизона, который жил до потопа?

— Нет, не слышал. Расскажите, что это такое.

— Вот этим и объясняется, что вы до сих пор не имели удачи в охоте на бизонов. Ни один индейский вождь не отправится стрелять бизонов, если не запасется хоть крошечным кусочком этой чудесной кости. Я, знаете ли, большой скептик и не верю ни в сон, ни в чох, ни в собачью голову. А вот могущество этого талисмана я изведал на своем опыте. Если бы вы знали, сколько бизонов удалось мне уложить при его помощи, вы не поверили бы.

— В каком магазине можно купить эту знаменитую белую кость и сколько она стоит? — осведомился лорд Вильмор.

— В магазине? Там вас непременно надуют, милорд! Вам всучат самую обыкновенную ослиную или баранью косточку и при этом прямо-таки ограбят. Нет, уж если на то пошло, я из дружбы к вам пожертвую моим собственным талисманом. Конечно, это огромная драгоценность, и мне больно расстаться с ней...

— Ао! Драгоценность? Я дам вам десять фунтов стерлингов.

— За такую-то редкость, милорд? — тоном горького упрека, но явно еле сдерживая душащий его смех, ответил Сенди Гук. — Лучше возьмите талисман даром. Другой потребовал бы с вас сто фунтов стерлингов.

И с этими словами бандит протянул лорду Вильмору случайно подвернувшуюся ему под руку во время последней остановки какую-то обглоданную койотом кость.

— Вы говорите, что вы продали бы эту вещь за сто фунтов стерлингов? — заговорил, пряча «драгоценный талисман», лорд Вильмор. — Я не могу ничего принять от вас в подарок. Считайте, что я вам должен сто фунтов стерлингов.

— Ваше великодушие выше горного хребта Ларами. Благодарю вас, милорд, — рассмеялся, покончив с этой курьезной сделкой, экс-бандит. И тут же обратился к отдыхавшим после трудного перехода спутникам: — Ну что же, готовы ли вы? Пора нам начать восхождение. А то как бы индейцы не нагнали нас.

И началось восхождение на противоположный берег каньона, сопровождавшееся еще большими трудностями, чем спуск. К счастью для беглецов, опасения Сенди Гука о возможности преследования пока не оправдывались. Индейцы, по-видимому, еще не обнаружили, что бледнолицые успели перебраться через поток. Они надеялись уничтожить отряд градом камней и с усердием, достойным лучшего применения, еще добрых полчаса бомбардировали дно каньона.

Было два часа ночи по хронометру лорда Вильмора, когда совершенно выбившиеся из сил беглецы выбрались наконец на противоположный берег каньона. Джон, индейский агент, настаивал на немедленном продолжении пути, но против этого возразил Сенди Гук, заявив, что лучшего места для отдыха и защиты в случае нападения не найти.

— Кроме того, — сказал он, — утром наше положение не будет вовсе таким опасным, как вы все думаете. Вы позабыли, что я до сих пор не разжалован и остаюсь одним из сахэмов с правом носить на голове настоящую корону из перьев индюка, а кроме того, еще два пера сокола?

— Что вы этим хотите сказать? — спросил Бэд Тернер.

— Наше положение очень серьезно, шериф. Правда, нас шестеро, и у нас имеются хорошие карабины. Но индейцы все поголовно вооружены винтовками с магазинами, а это дает им известное преимущество. Надо будет выяснить, сколько человек преследует нас. Очень возможно, что для победы над ними придется прибегнуть к хитрости. Что сказали бы вы, если б завтра, когда индейцы настигнут нас, я представился бы им в качестве их товарища, известного вождя, имя которого — Красный Мокасин?

— А мы?

— А вас представил бы в качестве моих пленников.

— Вы с ума сошли, Сенди?!

— Ничуть не бывало! Подумайте только: с помощью этой хитрости мы можем немедленно отвязаться от преследующих нас краснокожих, сберечь наши патроны, сберечь наши силы. Согласитесь, игра стоит свеч.

— Куда денется наше оружие?

— Разумеется, я заберу его себе в качестве военного трофея.

Беглецы переглянулись смущенно. После минутного молчания Бад Тернер заговорил серьезно:

— Слушайте, мистер Сенди Гук! Я понимаю, что таким образом можно одурачить индейцев. Но, с другой стороны, ведь одураченными можем оказаться и мы сами. Что, если...

— Если я выдам вас индейцам? Бросьте, шериф! Если бы я был тем самым Сенди Гуком, каким знала меня прерия раньше, то кто же заставил бы меня скакать сломя голову в лагерь генерала Честера, потом возвращаться в горы, рыться в шахте с риском быть заживо погребенным? Бросьте, говорю я вам! Я дал бы вам честное слово джентльмена, но я пока не считаю вправе давать такое слово, я только говорю: поверьте мне, если бы я хотел вашей гибели, я просто не хлопотал бы о том, чтобы вытащить вас из шахты. Я хочу возвратиться на родину, хочу стать порядочным человеком и поселиться там, где прошло мое детство. Не думайте же об измене!

Лорд Вильмор, который и тут не отыскал желанных бизонов, давно уже спал сном праведника, а пятеро охотников все еще совещались, вырабатывая план действий на завтра.

Едва рассвело, как зоркий глаз Сенди Гука обнаружил, что индейцы рядом. Пересчитав приближавшихся краснокожих, экс-бандит пробормотал:

— Я так и знал. Краснокожих не менее полутора десятков. Положим, с ними мы бы справились, но будь я проклят, если они не успели отправить гонцов за подкреплением. Придется хитрить, иначе едва ли выскочишь.

В это время индейцы, идя гуськом, спустились на дно каньона, перешли поток и стали взбираться на ту сторону, где в кустах расположились беглецы. Подпустив их шагов на двести, Сенди Гук высунулся из-за скрывавшей его скалы и крикнул повелительным голосом:

— Стойте! Перед вами вождь Красный Мокасин.

Увидев довольно-таки внушительную фигуру экс-бандита, краснокожие остановились, но держали в руках ружья, готовясь стрелять при первом подозрительном движении. Потом из их рядов выдвинулся высокий и мускулистый индеец, над головой которого развевались два пера черного сокола. Сделав несколько шагов, он остановился и крикнул:

— Я — Желтая Рука! Что делает здесь мой брат? Зачем он подвергся опасности быть убитым этой ночью, когда мы бросали камни в пропасть, куда скрылся мой брат Красный Мокасин?

— Я нахожусь здесь, исполняя поручение Миннегаги, великого сахэма Сиу и Воронов. Вы гнались за мной этой ночью, но я думал, что преследуют меня бледнолицые. Что касается опасности быть убитым, то разве я не воин? Но говори, что тебе нужно от меня?

— С тобой были еще люди. Мы приняли их за врагов и решили овладеть ими. Я уже послал гонца к Сидящему Быку, чтобы он прислал мне пятьдесят человек на помощь.

— Я так и знал! — пробормотал Сенди Гук. — Мы могли здорово влипаться.

Потом, обращаясь к парламентеру, он сказал надменно:

— А теперь потрудись отправить еще одного гонца к великому вождю сиу известить его, что Красный Мокасин своими руками взял в плен пять бледнолицых и ведет их в лагерь Миннегаги.

— Пятеро бледнолицых?! — удивился краснокожий.

— Ну да что же тут удивительного?! — гордо отозвался экс-бандит. — Разве я — не знаменитый воин? У меня хватит силы, чтобы голыми руками взять десяток бледнолицых. Если ты мне не веришь, то иди сюда, взгляни на моих пленников.

Индеец приближался довольно неуверенными шагами. Подойдя к Сенди Гуку, он вымолвил:

— Ты — великий воин.

— Разумеется! — скромно согласился принять комплимент Сенди. — Ты сказал, что к тебе скоро подойдет подкрепление?

— Да! Пятьдесят человек должны прийти; пожалуй, раньше, чем зайдет солнце. Сейчас они еще далеко.

— Пожалуй, будет лучше, если они не отделятся от главных сил: Длинные Ножи приближаются сюда. Но иди ближе, мне нужно поговорить с тобой.

— Повинуюсь! И я, и все мои люди — в твоем распоряжении! Ты станешь когда-нибудь великим сахэмом и вспомнишь обо мне.

— Разумеется, вспомню! — громко сказал Сенди Гук, а про себя пробормотал насмешливо: — Краснокожий джентльмен желает заручиться моей протекцией. Гм. Когда я буду великим сахэмом... Держи карман шире! Лишь бы выполнить поручение генерала Честера, и я улепетну отсюда в родной край, в Мэриленд, где меня тогда с собаками не сыщешь.

Пять минут спустя пятнадцать индейцев с удивлением рассматривали «пленников» Красного Мокасина. В ожидании прихода краснокожих Сенди забрал у своих спутников оружие и связал им руки запасным лассо. Таким образом, даже и тень сомнения не могла зародиться в душах индейцев, но их удивлению перед подвигом Сенди Гука не было конца.

— Это чудесно! — восклицал Желтая Рука. — Никто в прерии не совершал еще такого подвига! Ты — величайший воин, и счастливо племя, что усыновило тебя!

Сенди Гук отвечал иронической и высокомерной улыбкой на эти комплименты. Но скоро улыбка исчезла: Желтая Рука, долгим и

дичным взором осматривавший мнимых пленников, швырнул в сторону свой боевой томагавк, схватился за нож и двинулся с угрожающим видом к связанному Джону.

— Что хочет сделать мой брат? — остановил его Сенди Гук.

— Этой ночью оторвался один из скальпов, украшавших мои мокасины. У твоего пленника такие же волосы, какие были на потерянном спальпе.

— Ни с места! Эти люди — мои пленники, и с их головы не упадет ни один волос, потому что их скальп принадлежит мне, и никому больше. У меня есть собственный вигвам, моя жена ждет, что я принесу трофеи победы ей. Этого мало: я веду пленников в лагерь Миннегаги, которая не откажется от удовольствия собственноручно оскальпировать моих пленников. Понял ли мой брат?

Индеец молча вложил нож в ножны и отошел в сторону. Потом, видимо, поборов свое недовольство, обратился к Сенди Гуку со словами:

— Что же желает от меня мой брат, великий вождь?

— Я не спал три ночи, сторожа пленников. Не может ли Желтая Рука со своим отрядом отправиться вместе со мной в стан Сидящего Быка?

— Сидящий Бык находится у входа в Ущелье Смерти. Мой отряд является его авангардом, и я не смею покидать эту местность. Но, как я уже сказал, скоро сюда придут пятьдесят моих воинов, я поручу им сопровождать тебя, вождь. Кроме того, я могу отдать в твое распоряжение теперь же двух моих молодых воинов.

Легкая тень пробежала по лицу Сенди Гука. Ни то, что он услышал, ни предложение Желтой Руки снабдить его парой краснокожих воинов не совпадало с планами экс-бандита. Но отклонить предложение Желтой Руки было более чем неосторожно, и Сенди Гуку ничего другого не оставалось, как продолжать начатую игру в надежде, что потом удастся как-нибудь вывернуться и избавиться от навязанных спутников.

Перед глазами индейцев разыгралась маленькая комедия: Сенди Гук свирепым криком заставил пленников подняться с земли и при помощи индейцев усадил их на мустангов. Пленники, в свою очередь, осыпали его ругательствами и угрозами, причем лорд Вильмор, который не был посвящен в игру, бесновался, кричал, призывая на голову Сенди Гука все кары, какие только можно было придумать. Кончилось тем, что Сенди Гук был вынужден напомнить англичанину о возможности снова испробовать тяжесть его кулаков, и тогда лишь лорд Вильмор угомонился.

Оставив в помощь Сенди Гуку двух молодых воинов, Желтая Рука с остальными двенадцатью индейцами отправился вниз, чтобы произвести разведку на случай приближения генерала Честера.

Теперь экс-бандиту оставалось, во-первых, решить вопрос, куда направиться, чтобы не попасть в новую переделку, а во-вторых, как избавиться от навязанных ему краснокожих спутников.

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Маленький отряд, усиленный двумя стражами, довольно быстро продвигался по берегу каньона. Шествие открывалось самим Сенди Гуком, за ним следовали мнимые пленники, а в арьергарде шли оба краснокожих. Придержав немного своего мустанга, экс-бандит поехал рядом с Джоном.

— Вот что, мистер агент! — сказал он вполголоса, убедившись, что индейцы не покидают своего поста. — Уверены ли вы в том, что, когда придется стрелять, вы не промахнетесь? Ведь этим вечером нам-таки придется расправиться с двумя краснокожими, и упаси Боже, если им удастся удрать, — они навяжут на голову целую сотню своих соплеменников.

Вместо ответа Джон только блеснул глазами. Сенди Гук продолжал вполголоса передавать свой план:

— Я думаю, самое лучшее будет поступить так: расправившись с индейцами, я оставлю вас в каком-нибудь удобном местечке, чтобы уже в одиночку направиться в лагерь краснокожих. Согласитесь сами, если я введу вас туда под видом пленных, то, помимо серьезного риска для вас же самих, дело осложнится еще тем, что после мне же придется заботиться о вашем освобождении. С другой стороны, оставив вас в тылу, я таким образом буду иметь возможность, устроив побег Девенделля, рассчитывать на вашу помощь в качестве прикрытия. Потом я как-никак все же рассчитываю на свое влияние на индейцев. Вы видели, каким уважением среди них я пользуюсь? Действительно, я мог бы сделать хорошую карьеру и со временем подставить ножку самому Сидящему Быку. Но к черту! Мне по горло надоели сами краснокожие, их кровожадность, надоело вечное бродяжничество, я предпочитаю быть каким-нибудь фермером в Мэриленде, чем великим сахэмом Сиу или Воронов... Итак, сегодня вечером будьте наготове, я дам знак, передав сначала вам ваш карабин, и вы застрелите одного индейца, а я покончу с другим. По правде сказать, мне не очень нравится эта штука: как-никак, а бедняги не подозревают,что мы собираемся отправить их на тот свет. Это пахнет настоящим предательством.

— Знаю! — коротко и угрюмо ответил Джон. — Но у меня не дрогнет рука. Сами индейцы не останавливаются ни перед каким предательством. Да я, грешным делом, давно уже отвык их за людей считать. Не перепутайте только и дайте мне именно мой карабин... Я спроважу одного краснокожего в райские поля так быстро, что он даже испугаться не успеет.

Сенди Гук кивнул головой и отъехал в сторону.

Подъем в горы требовал большого напряжения сил со стороны мустангов. Поэтому после полудня маленькому отряду пришлось сделать остановку, и только незадолго до захода солнца странники добрались до начала Ущелья Смерти. Вершины горного хребта

стана, где должны были находиться главные силы краснокожих, ожидая прихода войск Честера, находились на расстоянии всего нескольких миль от этого места. Надо было решаться и действовать немедленно.

Воспользовавшись приближающимися сумерками, Сенди Гук снова подъехал к Джону и поинтересовался, может ли тот без посторонней помощи освободить свои руки. Получив утвердительный ответ, он незаметно для индейцев передал агенту его карабин, потом отъехал несколько в сторону и, вскинув свое ружье к плечу, крикнул:

— Готово?

Оба краснокожих, ничего не подозревая, беззаботно ехали почти по самому краю пропасти.Один дремал на ходу, другой мурлыкал какую-то песенку. И вдруг две огненные линии прорезали воздух, два выстрела слились в один. Лошади индейцев взвились на дыбы и рухнули со страшной высоты в пропасть, увлекая за собой безжизненные тела всадников. Минуту спустя все «пленники» Сенди Гука были на свободе и поторопились вооружиться. Лорд Вильмор не отстал от товарищей и с серьезным видом завладел своим карабином.

— Я надеюсь, — сказал он, — мы скоро наткнемся на бизонов?

— Долго ли мы будем таскать его с собой? — спросил Бэд Тернер Сенди Гука.

— Разве он вам так надоел? Ничего нет проще, как отделаться от него. Стоит сказать ему, что в тот самый каньон, откуда мы выбрались, к полночи придет стадо бизонов на водопой, и мой милорд избавит нас от своей почтеннейшей персоны. Хотите? — отозвался Сенди Гук. Но против ожидания за англичанина вступился Джон, индейский агент:

— Нет, джентльмены, так не пойдет! Правда, один раз я его бросил в прерии, но для этого были серьезные основания. Все же, как ни верти, я принял на себя ответственность за него. Поэтому предоставьте его в мое распоряжение.

Против предложения Джона никто не возражал. Но не так легко оказалось справиться с англичанином, который очень рассердился, узнав, что бизонов поблизости нет, и снова пустил в ход весь свой запас ругательств по адресу Джона и обоих трапперов.

Глядя на эту сцену, Сенди Гук покатывался со смеху:

— Нет, джентльмены, вы не умеете разговаривать с этим чудаком. Дайте-ка я поговорю с ним! — сказал он. И, подойдя к лорду Вильмору, напомнил ему о том, что уже два раза англичанин потерпел поражение в поединке на кулаках.

— Да, — согласился лорд Вильмор, — вы боксируете превосходно!

— Все, что я делаю, — согласился Сенди Гук, — я делаю артистически! Ну так вот что, милорд: долго разговаривать с вами некогда. Или повинуйтесь нам, или слезайте с коня, и возобновим

партию бокса. Будем драться, пока мне не удастся кулаками сделать то, что не удается сделать моим товарищам при помощи слов, то есть убедить вас.

Против ожидания, лорд Вильмор весело улыбнулся, показывая свои лошадиные зубы.

— Вы уже меня убедили, мистер бандит! Этим джентльменам я не верю. Вас же, хотя вы и бандит, я считаю за отличного парня и охотно исполню все, что вы от меня потребуете. Но только с одним условием.

— Ну, вываливайте ваше условие! — заинтересовался Сенди Гук.

— Вы должны снабдить меня еще какой-нибудь драгоценностью вроде кости белого бизона допотопных времен.

— О, за этим дело не станет! — засмеялся Сенди Гук. — Вы еще меня не знаете, милорд! Я вам таких драгоценностей добуду, что вы только ахнете. Что вы скажете, например, если я достану ключицу дракона, жившего в этих горах за три тысячи лет до сотворения мира?

— Дракона? Настоящего?

— Уж, конечно, не поддельного! Я, знаете, держусь того мнения, что лучше совсем не связываться с человеком, чем надувать его, как делают некоторые мошенники. Так по рукам, милорд?

— По рукам! — отозвался англичанин.

Когда Сенди Гук отъехал в сторону, Бэд Тернер спросил его вполголоса:

— Собственно говоря, Сенди, ладно ли то, что вы так дурачите бедного лорда?

— Вот еще! — отозвался Сенди Гук. — Послушайте, как он рассказывает о тех фокусах, которые проделывают его управляющие, чтобы выжать лишнюю тысячу фунтов стерлингов в год с его беззащитных арендаторов. Он грабит арендаторов, я граблю его. А подвернусь я кому-нибудь похитрее меня, тот ограбит меня.

И разговор был прекращен.

— Скоро мы расстанемся! — заговорил через четверть часа Сенди Гук. — Здесь я знаю одно местечко, где сам черт понапрасну отобьет себе копыта, если вздумает отыскать того, кого я спрячу. Там вы меня и будете дожидаться. Следуйте за мной. Старайтесь шуметь как можно меньше, и пусть никто не зажигает трубок.

Ночь спустилась на землю, но слабого света звезд было достаточно, чтобы Сенди Гук мог провести своих спутников в обещанное убежище. На минуту они все остановились перед отдельно стоящей скалой, имевшей почти правильную форму пирамиды с усеченной вершиной. Сенди Гук показал на едва заметную тропинку, спиралью поднимавшуюся на вершину скалы.

— Смело идите по этой тропинке! — сказал он. — По ней вы доберетесь до самой вершины. Там вы отыщете вполне приличную площадку, на которой может с удобством разместиться целый отряд.

Там есть и вода, и трава. А главное, о существовании этого убежища индейцы не подозревают. Можете заснуть себе спокойно и проспать хоть двадцать лет, вас никто не побеспокоит. Впрочем, я надеюсь скоро вернуться, а теперь — спокойной ночи и всего хорошего. Вам же, милорд, еще раз напоминаю о моих кулаках. Сидите здесь и будьте тише воды, ниже травы.

Четверть часа спустя, когда удалявшийся от товарищей Сенди Гук уже завидел огни лагеря индейцев, его бывшие спутники добрались до вершины пирамиды и с удовольствием предались давно заслуженному отдыху.

За два часа до рассвета Сенди Гук благополучно добрался до аванпостов краснокожих и был допущен в типи знаменитого предводителя индейцев, Сидящего Быка, имя которого и сейчас памятно на Дальнем Западе. Войдя в жилище вождя, Сенди Гук непринужденно промолвил:

— Красный Мокасин приветствует своего брата, великого вождя.

Сидящий Бык радушно приветствовал пришельца по обычному ритуалу, потом задал вопрос, откуда явился и что видел Красный Мокасин.

— Я сейчас возвращаюсь из американского лагеря, — непринужденно заявил Сенди Гук.

Сидящий Бык подпрыгнул от удивления, но, сообразив, что Красный Мокасин, представитель белой расы, мог действительно без особого труда проникнуть к американцам, подавил свое любопытство и молча выждал, пока Сенди Гук не дал объяснений, сказав:

— Я был приглашен туда четырьмя знаменитыми охотниками прерии. Ты, вероятно, знаешь их хотя бы по имени. Это шериф из Голд-Сити Бэд Тернер, знаменитый разведчик Джон и его неразлучные спутники, трапперы Гарри и Джордж.

— Да, я слышал об этих людях! — отозвался Сидящий Бык. — Это великие воины и великие охотники. Если бы они попались мне в плен, то я не скальпировал бы их. Было бы жаль погубить таких людей. Храбрые должны уважать храбрых, но скажи мне, зачем они пригласили тебя?

Сенди Гук отвечал деловым тоном:

— Три сахэма чейенов, Короткая Нога, Белый Орел и Ягуар Прерий, услышав о начатом тобой восстании, хотели присоединиться к тебе, но неосторожно наткнулись на бледнолицых. С ними было всего только сто воинов. Бледнолицые разбили этот отряд и захватили в плен сахэмов после отчаянного сопротивления.

— О, горе мне! — воскликнул опечаленно Сидящий Бык. — Я хорошо знаю этих храбрецов и дорого дал бы за то, чтобы видеть их возле себя.

— Нет ничего легче! — ответил Сенди Гук. — Если я не ошибаюсь, у тебя в плену находится один молодой офицер, захваченный тобой несколько недель тому назад. Жив ли он?

— Да, хотя Миннегага и очень добивалась, чтобы я отдал его ей, не знаю почему, это — каприз. Вождь должен быть хладнокровен. За пленного офицера всегда можно получить в обмен одного или двух краснокожих воинов.

— Ты — великий вождь! За этого офицера ты можешь получить обратно твоих трех друзей, пленных сахэмов.

Глубокое волнение охватило Сидящего Быка. Он заметался по типи, словно раненый ягуар. Временами он бросал на Сенди Гука испытующие взоры. Сенди видел это отлично, но сидел и курил свою трубку, не обращая никакого внимания на волнение краснокожего.

— Итак, ты явился сюда от имени генерала Честера с предложением обменять молодого офицера на трех сахэмов? — заговорил после молчания Сидящий Бык. — Но кто мне поручится, что Честер действительно отпустит на свободу моих соплеменников?

— Генерал дал слово! Ты знаешь, я отрекся от моих единоплеменников, я сам стал индейцем, если не по крови, то по духу. Но в данном случае я могу поручиться! Отпусти офицера, и три сахэма будут свободны.

— Но могу ли я довериться тебе самому?

— Это уже дело твое! Мне, в сущности, на все это дело наплевать. Хочешь — верь, хочешь — нет.

Сомнения Сидящего Быка почти исчезли.

— Пусть будет так! — сказал он угрюмо. — Я отдам тебе пленника. Но берегись, если ты окажешься предателем, я разыщу тебя, где бы ты ни спрятался. И тогда — горе тебе!

Не изменяя своей позы, Сенди Гук сначала затянулся дымом трубки, потом ответил равнодушно:

— Зачем так много слов? Меня это дело ничуть не интересует. Я подумал только, что три славных вождя индейцев могут оказаться гораздо полезнее, чем какой-то пленный молокосос. Если ты думаешь иначе, то я умываю руки. Мое дело сторона. Попрошу тебя только теперь же отправить к генералу Честеру гонца и предупредить его, что ты отказываешься от обмена.

Вместо ответа Сидящий Бык хлопнул в ладоши. На зов вошли два воина.

— Приведите сюда пленного офицера! — распорядился вождь. И через несколько минут в типи уже появился молодой человек, в котором наши читатели без труда узнали бы своего старого знакомого, Джорджа Деванделля, сына полковника Деванделля. Пленник, которого, по-видимому, никто раньше не тревожил, проникся убеждением, что пришел его смертный час, но тем не менее он стоял гордо выпрямившись, и бесстрашно глядел на присутствующих.

— Вот человек, которого ты желал получить! — произнес угрюмо Сидящий Бык, обращаясь к Сенди.

Джордж Деванделль оглядел экс-бандита презрительным взглядом и вымолвил:

— Белый, перерядившийся в индейца? Неужели же вы согласились принять на себя роль палача?

Сенди Гук молча пожал плечами. Сидящий Бык отозвался вместо него:

— Ты смел! Это мне нравится! У тебя в жилах течет хорошая кровь!

— И тебе не терпится перерезать мне горло, — засмеялся офицер.

Индеец блеснул глазами.

— Кто из нас более кровожаден? — сказал он угрожающим тоном.— Разве на берегах Сэнди-Крика краснокожие убивали женщин и детей?

Кровь бросилась в лицо пленнику. Взволнованно он ответил:

— Мой дед и мой отец были солдатами и дрались с твоими предками. Но они не запятнали себя кровью женщин и детей. Побоище на берегах Сэнди-Крика устроил полковник Чивингтон, но ты сам знаешь, что все честные люди от него отвернулись, и мой отец первый назвал его негодяем, хотя именно ему мы все были обязаны жизнью, потому что именно он вырвал нас из рук Яллы.

Черты лица Сидящего Быка смягчились.

— Ты говоришь хорошо! Мы знаем твоего отца, и хотя у индейцев не было более непримиримого врага, чем полковник Деванделль, но мы привыкли уважать его как храброго воина и честного человека. Ты можешь гордиться тем, что ты носишь его имя. Если бы ты носил имя Чивингтона, то твой скальп давно уже украшал мои мокасины. А теперь...

Круто оборвав свою речь, Сидящий Бык обратился к Сенди Гуку со словами:

— Лошади готовы! Помни, что я тебе говорил!

Сенди Гук не торопясь вытряс пепел из трубки, потом, положив руку на плечо Джорджа Деванделля, сказал ему:

— Иди за мной! И помни: я никогда в жизни еще не давал промаха, когда приходилось стрелять в человека. Если ты вздумаешь только попытаться бежать, то я раздроблю тебе череп раньше, чем ты успеешь сделать хоть один шаг.

Джордж Деванделль презрительно пожал плечами и вышел из палатки, не удостоив ни единым взглядом Сидящего Быка.

СКАЛЬП ДЖОНА

Джордж Деванделль был полностью убежден, что его спутнику поручено или покончить с ним, или, в лучшем случае, увезти его в какую-нибудь чашобу, чтобы его не могли освободить американцы. Он ехал со связанными за спиной руками, и когда

оглядывался, то видел, что неизвестный ему краснокожий, то есть Сенди Гук, следует за ним на расстоянии пяти или шести шагов, готовясь при малейшей попытке к бегству исполнить свою угрозу.

Неожиданно за его спиной послышалось характерное американское проклятие. Джордж Деванделль вздрогнул и невольно обернулся. К своему удивлению, он увидел, что его спутник подъезжает к нему, опустив ружье.

— Ну, как вы поживаете, мистер Деванделль? — сказал Сенди Гук.

— Что такое? Кто вы?

— Я? Об этом поговорим после. Кстати: я забыл передать вам привет от ваших друзей.

— Мои друзья могли поручить такому... такому человеку, как вы, ренегату и предателю, передать мне поклон? — с горечью ответил молодой человек.

— Та-та-та! Зачем так торопиться? Представьте, что именно ваши лучшие друзья оказали мне такую честь. Впрочем, быть может, вы не знаете Джона, индейского агента, и его двух товарищей, трапперов Гарри и Джорджа? Тогда я просто-напросто извиняюсь...

— Джон, индейский агент? И с ним Джордж и Гарри? Вы их видели? Где они? Что с ними?

— Опять-таки не торопитесь, молодой человек. Во-первых, разрешите мне разрезать проклятую веревку, которой стянуты ваши руки. Так, готово! Потом, мой любезный друг, Сидящий Бык, великий вождь, подарил мне один винчестер. У меня уже есть карабин, и я думаю, вы не откажетесь взять в руки винтовку? Вот и заряды к ней.

Не веря своим глазам, Джордж Деванделль машинально взял винтовку и надел на себя пояс с патронами.

— Винтовка заряжена! — продолжал Сенди Гук. — И прошу вас, если вы только заметите на расстоянии ружейного выстрела какого-нибудь краснокожего, пожалуйста, постарайтесь всадить в его череп пулю, не ожидая специального приглашения. Иначе Иначе нам с вами не удастся добраться до Джона и его товарищей, не потеряв по дороге собственных скальпов.

Вне себя от изумления, Джордж Деванделль обратился к своему загадочному спутнику с вопросом:

— Ради Бога, скажите же наконец, кто вы? Вы, кажется, освободили меня?

— Кажется! — подтвердил, улыбаясь, Сенди Гук

— Но почему? Или вы действительно ничего общего с ними цами не имеете? Кто же вы?

— Индейцы называют меня Красным Мокасином, хотя, уверяю вас, ни разу мой мокасин не был украшен ничьим скальпом

— А белые? Как зовут вас белые?

— Видите ли... У меня нет, положим, причин скрывать моего имени. Среди американцев я больше известен под именем Сенди Гука, или...

— Или потрошителя поездов.

Сенди Гук весело рассмеялся.

— Вот что значит популярность! — сказал он. — Да, потрошитель поездов — это один из моих титулов. Но, признаться, мне надоела такая популярность. Знаете, иногда чувствуешь, как это неудобно — быть знаменитым. Я надумал остепениться, ликвидировать все свои предприятия, вернуться на родину и зажить мирным гражданином. Признаюсь вам по секрету, я чувствую, что я — артист в душе. Питаю непреодолимую склонность к живописи. Поэтому, может быть, займусь искусством. Если только нам с вами удастся выбраться отсюда живыми. Дело в том, что я только что заметил явно следившего за нами с приличного расстояния краснокожего, который опрометью бросился в лагерь Сидящего Быка. Но, как я узнал, вчера в этот же лагерь явилась прелестная мисс Миннегага.

Джордж Деванделль вздрогнул и даже чуть побледнел.

— Я знаю, что эта индианка почему-то упорно добивалась моей выдачи у Сидящего Быка.

— О, это очень просто! Ее матери нравился скальп вашего отца, маленькой змейке нравится ваш собственный скальп...

Снова дрожь пронизала молодого офицера.

— Но куда мы едем? — приостановился он.

— Не останавливайтесь! Гоните своего мустанга! — повелительно крикнул Сенди Гук. — В скорости — наше единственное спасение. Мы во что бы то ни стало должны постараться добраться вон до того пика. Там ждут нас Джон, трапперы и знаменитый шериф из Голд-Сити Бэд Тернер. И там в случае нужды мы сможем выдержать настоящую осаду в продолжение двух или трех дней. Но я надеюсь, что гораздо раньше ваш собственный командир, генерал Честер, подойдет сюда со своим отрядом. По совести сказать, я настойчиво отсоветовал ему втягиваться в горы: боюсь, как бы он не попал в ловушку. Индейцев слишком много, у них отличная позиция, а отряд Честера далеко не так велик, чтобы без риска вступить в открытый бой. Но генерал упрям как бык, и мне осталось только умыть руки...

— Сидящий Бык отпустил меня?

Сенди Гук засмеялся:

— Да, отпустил! Я, собственно, надул бедного малого. Я знал имена трех его приятелей, индейских вождей, преспокойно разгуливающих на свободе, и сказал, что они попали в плен и что Честер предлагает отпустить их на свободу, если Сидящий Бык отпустит вас. Но об этом фортеле мой краснокожий брат и великий вождь узнает, когда, как говорится, мы с вами будем уже вне пределов

посягаемости для его воинов... Но я боюсь не Сидящего Быка: вы должны признаться, что с вами этот краснокожий обращался как настоящий джентльмен, и нам нечего опасаться предательства с его стороны.

— Тогда что же значит преследование?

— А это, надо полагать, маленькая шалость со стороны Миннегаги. Держу пари, в лагере Сидящего Быка у нее были свои соглядатаи, которые доносили ей ежедневно обо всем, о каждом вашем движении. Теперь она узнала, что я увез вас, и сейчас же погонится за нами. Будьте уверены, что она ни за что не откажется от удовольствия скальпировать вас собственноручно. Погоняйте же, погоняйте своего мустанга! Если вам дорог ваш скальп, то мне не менее дорога обещанная мне амнистия: я хочу снова вернуться в Мэриленд.

Прошло еще около получаса. За это время Сенди Гук успел посвятить молодого офицера во все, что произошло за время его плена.

Гора-пирамида, окутанная густыми облаками тумана, была уже не так далека, как вдруг Сенди Гук вскрикнул тревожно:

— Я так и знал! Вся эта свора гонится за нами! Оглянитесь и посмотрите.

Одного беглого взгляда было достаточно для Джорджа Деванделля. Он увидел на расстоянии не более полукилометра отряд из пятидесяти или шестидесяти всадников, мчавшийся бешеным галопом. Впереди отряда вихрем неслась молодая женщина, за плечами которой развевался белый плащ, а рядом с ней на великолепном черном мустанге скакал высокий жилистый старик.

— Узнаете ли приятелей? — засмеялся Сенди Гук.

— Миннегага?

— Да! А рядом с ней ее почтенный папаша. Жулик и выжига, каких на свете мало. Они хотят отрезать нам дорогу. Но Сидящий Бык — великолепный человек! Он подарил мне пару лучших мустангов, и нам пока удается держаться на достаточном расстоянии от преследователей. Глядите в оба: правда, пока мы держимся на расстоянии полукилометра, едва ли индейцам удастся подстрелить нас, тем более что стрелять бы им пришлось на ходу. Но не дай Бог допустить, чтобы лошадь споткнулась и упала. Тогда нас ничто не спасет.

— Знаю! — коротко ответил Джордж Деванделль. — Я не новичок в верховой езде...

Погоня принимала все более неблагоприятный для беглецов оборот. Краснокожие разделились на два отряда. Одним руководила Миннегага, другим — Красное Облако. Они, неистово улюлюкая, без жалости били мустангов пятками по бокам и пытались обойти

...ков с двух сторон. Время от времени Сенди Гук оборачивался и привычным взглядом измерял расстояние.

— Гы! Дела наши не из блестящих! — бормотал он. — Надежда, однако, что нам все-таки удастся добраться до пирамиды на десять минут раньше них, и готов прозакладывать голову, что Джон и его товарищи уже обратили внимание на нашу скачку с препятствиями и приготовят хорошую встречу моим краснокожим братьям, чтобы они все провалились сквозь землю. Но если нас и будет семь человек, да еще в хорошей позиции, все же нельзя забывать того, что мы будем сидеть, как в ловушке, пока не подойдет генерал Честер, если он только подойдет. Это может затянуться на несколько дней.

— Ну что же? Отсидимся...

— А как у вас с аппетитом? — осведомился экс-бандит.

— Ничего! А что? — удивленно спросил молодой человек.

— И у меня аппетит слава Богу! Ваши знакомцы, Джордж и Гарри, способны в этом отношении любого едока за пояс заткнуть. Да и Джон недолго высидит с пустым желудком...

— Что вы этим хотите сказать?

— О, господи! Самую простую вещь! Видите ли, припасов у нас очень мало, а нас семь человек, и боюсь, что нам придется съесть наших лошадей.

Джордж Деванделль, не отвечая, погонял своего мустанга.

Теперь краснокожие время от времени осыпали беглецов выстрелами, но эта пальба не приносила никаких результатов. Прошло еще четверть часа, и перед беглецами словно из-под земли выросла скала в форме пирамиды. В то же мгновение несколько человеческих фигур появилось на вершине скалы, загремели выстрелы карабинов, засвистели пули, и индейцы рассыпались во все стороны. Еще минута, и Джордж Деванделль был в объятиях Джона, индейского агента. Почти в то же самое мгновение послышались громовые залпы, раздававшиеся у входа в большой каньон.

— Что случилось? — спросил Деванделль.

— Боюсь, что это волонтеры генерала Честера! — отозвался угрюмо Сенди Гук.

— Как вы странно выражаетесь, мистер Гук? — удивился Деванделль. — Уж не хотите ли вы сказать, что...

— Ничего я не хочу сказать! Но у генерала не будет и тысячи человек, и, насколько я могу судить, он рискнул на отчаянную штуку: прошел по руслу каньона. У индейцев же около трех тысяч воинов. Ему не удастся застать их врасплох, а это был бы его единственный шанс на победу. Ну да посмотрим...

В самом деле, генерал Честер выполнил свой фантастический план: вопреки советам опытных офицеров, знавших, каким опас-

ным врагом являются индейцы, он ночным маршем продвинулся к горам Ларами и перед рассветом добрался до большого каньона. Его офицеры и тут предупреждали его, что индейцы приготовили засаду. Окрестности были спокойны и молчаливы, и самоуверенный Честер вообразил, что ему удастся застигнуть краснокожих врасплох. Теперь совершалось то, чему суждено было совершиться.

Едва последний солдат вошел в каньон, как впереди загремели выстрелы, по берегам каньона показались малочисленные и плохо вооруженные индейцы. Они явно не могли оказать серьезного сопротивления, и Честер ликовал, отдавая приказ идти вперед и вперед. Но вот над ущельем пронесся пронзительный свист. В мгновение ока оба берега покрылись тысячами краснокожих воинов. В то же время в тылу отряда Честера раздался грохот: это рушились в пропасть настоящие лавины из камней и стволов деревьев, загромождавшие выход из каньона. Такие же лавины скатывались и с боков и погребали под собой злополучных солдат.

Весь отряд Честера находился в ловушке, из которой не было выхода, и со всех сторон его окружали индейцы, засыпая буквально градом пуль.

С первого же момента янки стали нести ужасные потери. Индейцы стреляли сверху, по большей части из-за прикрытия, в то время как американцам приходилось отстреливаться, находясь на совершенно открытом месте. Несколько раз волонтеры с мужеством отчаяния кидались в атаку, взбираясь по крутым откосам каньона, чтобы ударить врага в штыки, но ни разу дело не доходило до рукопашной схватки. Глыбы скал и стволы деревьев, заранее приготовленные индейцами на краях каньона, обрушиваясь, сметали смельчаков, калеча и дробя их тела.

Все слабее и слабее становились залпы американцев. Все громче и громче слышны были ликующие вопли краснокожих. Горы трупов громоздились на дне каньона, и кровь потоком бежала по ущелью.

Сенди Гук, Джордж Девенделль, Джон и остальные их товарищи с замиранием сердца наблюдали за ужасной картиной с вершины своей пирамиды, словно из ложи театра.

— Ну что, джентльмены? — обратился к спутникам экс-бандит.

— Ужасно! — отозвался глухим голосом Джордж Девенделль.

— Боюсь, ни один американец не выйдет живым из этого проклятого ущелья. Краснокожие с лихвой отплатили за устроенную Чивингтоном бойню! — промолвил бледный, как полотно, Бэд Тернер.

В это время оставшиеся еще в живых американцы сделали отчаянную попытку спастись и пошли в атаку, но индейцы, уже уверенные в своей победе, ринулись им навстречу, оглашая воздух яростным воем, словно превратившись в бешеных волков. Завязалась схватка. Ружья замолчали.

Четверть часа спустя Сидящий Бык спустился на дно каньона. Двое молодых воинов вытащили из груды трупов еще теплое тело генерала Честера, покрытое бесчисленными ранами, и швырнули его к ногам своего вождя.

Сидящий Бык ударом томагавка разрубил грудь генерала Честера, вытащил сердце и сожрал его под оглушительные крики четырех тысяч своих соплеменников...

— Ребята! Пора уносить ноги! — произнес испуганно Сенди Гук.

Словно пробудившись от кошмарного сна, прятавшиеся на вершине скалы беглецы огляделись. Они забыли о собственной безопасности, наблюдая разыгравшуюся в «кровавом» каньоне ужасную трагедию — гибель генерала Честера и всех его солдат.

При первых залпах американцев Миннегага и ее воины прекратили преследование беглецов и присоединились к главным силам Сидящего Быка. Таким образом, наших приятелей никто не потревожил в течение добрых двух часов, пока индейцы не одержали полную победу. Но теперь, когда в стане краснокожих шло ликование и воины Сидящего Быка занялись добиванием немногих попавших живыми в их руки пленников и скальпированием всех павших, у мстительной дочери Яллы, принявшей самое активное участие в побоище, были развязаны руки. С минуты на минуту она могла явиться к пирамиде, чтобы покончить с ненавистными врагами.

Сенди Гук хватался за голову, упрекая себя в допущенной грубой неосторожности, надо было бежать гораздо раньше, тем более что исход боя был ясен с самого начала...

— За мной! Не теряйте ни одного мгновения! — скомандовал Сенди Гук.

Пять минут спустя семеро беглецов покинули гостеприимную скалу и понеслись стремглав вниз по склонам Ларами, рассчитывая спастись на просторе прерии. Но едва они сделали несколько сот шагов, как из-за скал вылетел отряд краснокожих воинов.

Нападение было столь неожиданным, а беглецы были еще настолько под впечатлением гибели генерала Честера и его солдат, что они не дали никакого отпора нападающим, а только бросились врассыпную. Последним ехал Джон, индейский агент.

Две секунды спустя загрохотали выстрелы. Лошадь Джона споткнулась и рухнула. Старый траппер вылетел из седла и упал

на землю без чувств. Всадница на белом коне и белом плаще вихрем подлетела к тому месту, где лежал злополучный индейский агент, беспомощный и беззащитный.

Паника беглецов продолжалась несколько секунд. Потом они опомнились, увидели, что творится сзади них, и с яростными криками бросились на краснокожих, осыпая их выстрелами.

Паника охватила индейцев, не ожидавших отпора. Трое или четверо всадников грузно свалились со своих коней. Остальные, не думая о сопротивлении, бросились наутек. Среди них был старый вождь, Красное Облако, которому чья-то пуля перебила правую руку. Следом за ним скакала Миннегага.

Пули белых жужжали вокруг нее, но она казалась словно заколдованной, ни одна пуля ее не тронула.

Вылетев галопом на гребень горы, индианка на мгновение остановила своего коня и с криком торжества взмахнула в воздухе своим трофеем. Это был окровавленный скальп Джона, индейского агента. Дочь отомстила за мать: дух Яллы мог теперь успокоиться на просторе небесных полей Маниту.

Мгновение спустя Миннегага исчезла, словно тень.

В отчаянии охотники окружили тело лежавшего на земле Джона.

— Он жив! — воскликнул Бэд Терпер. — Эта тварь не убила, а только скальпировала его.

Два дня спустя шесть всадников на измученных лошадях добрались до форта Каспера.

— Ради Бога! Позовите поскорее доктора! — крикнул один из всадников, в котором читатели без труда узнали бы Джорджа Деванделля. — Мы привезли человека, заживо скальпированного индейцами. Он еще жив! Может быть, его можно спасти!

И его спасли.

Крепкая натура закаленного в боях и странствиях траппера помогла Джону пережить последствия скальпирования.

Прошло несколько дней, и он стал оправляться.

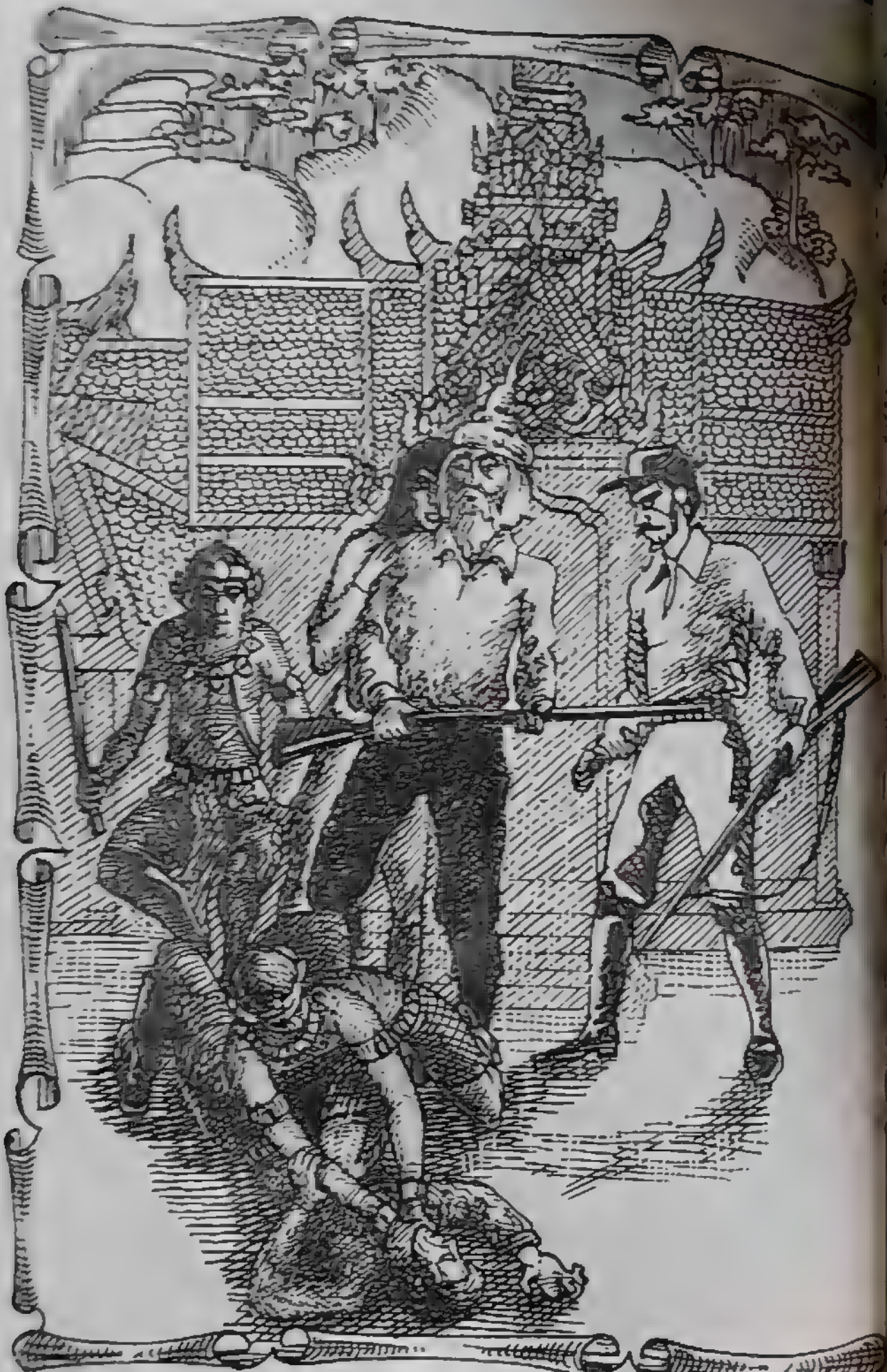
Его окружили самым внимательным уходом. Доктор находил, что ему нужен только покой и отдых. Но Джон, индейский агент, заботился только об одном: как бы поскорее выйти из больницы.

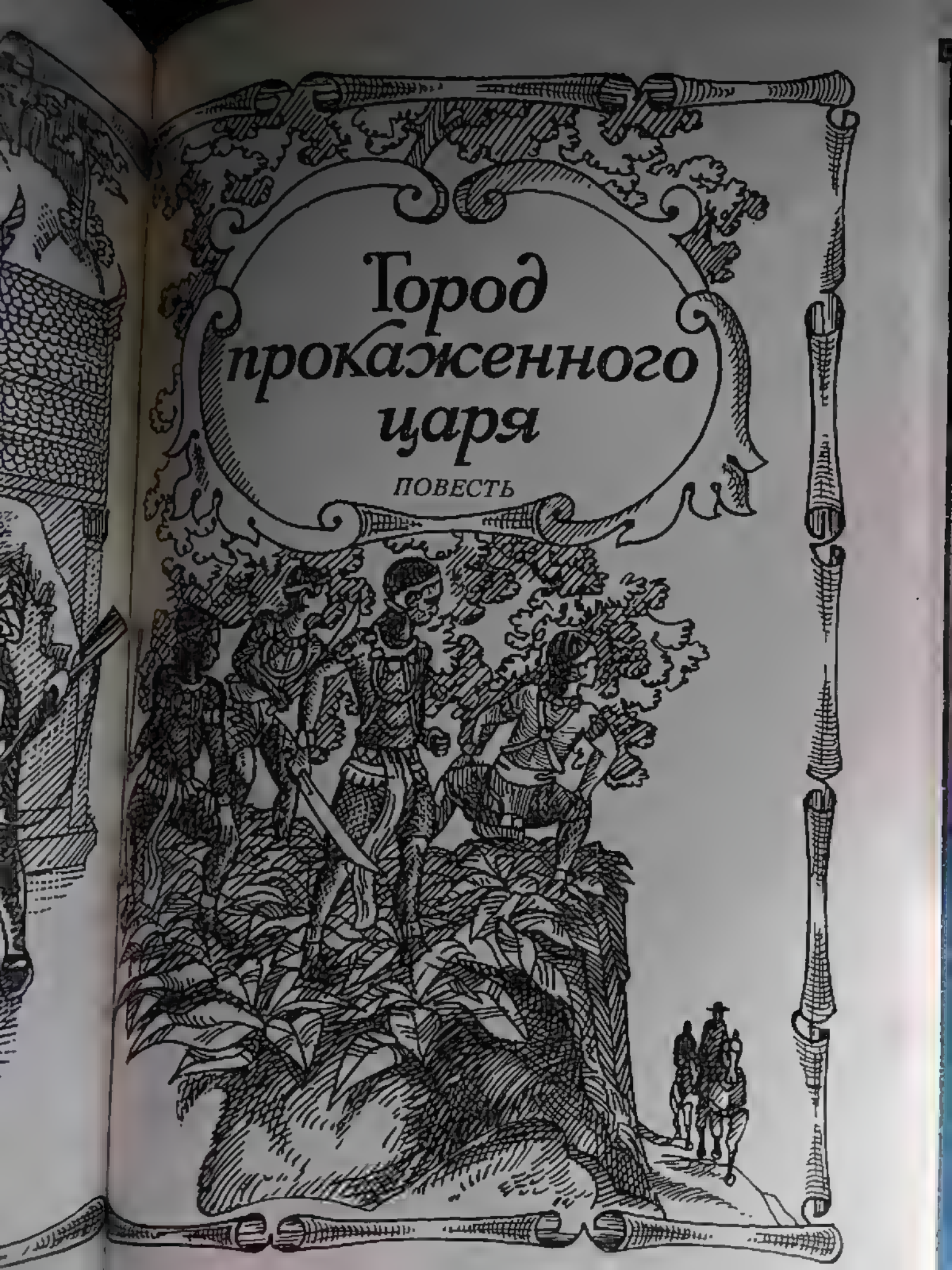
— Между мной и Миннегагой не закончен счет! — твердил он. — Земля тесна для нас двоих! Правда, я потерял мой скальп. Но я чувствую, что силы возвращаются ко мне, и я не успокоюсь, пока не расплачусь с Миннегагой.

— Мы поможем вам, Джон! — успокаивал его Сенди Гук. — Я раздумал возвращаться в Мэриленд. Это еще успеется. Как вспомню о судьбе генерала Честера, сам становлюсь как помешанный. Подождите, подождите, правительство уже направило подкрепления, чтобы расплатиться с Сидящим Быком за бойню.

— И мы не покинем тебя, Джон! — отозвались одновременно трапперы.

Не было слышно только голоса лорда Вильмора: незадачливый охотник на бизонов нашел, что его сплин совершенно излечен кровавым зрелищем в горах Ларами. В то время, пока Джон отлеживался в лазарете форта Каспера, англичанин находился уже далеко, возвращаясь на родину. Он увозил с собой целый музей: Сенди Гук не терял времени даром и успел сбыть ему удивительную коллекцию всяких редкостей, за которые лорд Вильмор расплатился чистым золотом. Читатель может сам без труда представить себе, каковы были купленные англичанином редкости...

Город прокаженного царя

ПОВЕСТЬ

Дай мне руку, читатель! Мы странствовали с тобой по дебрям Цейлона вместе с борцом за независимость грозным и неукротимым Сандоканом.

Мы посетили с тобой волшебные острова южных морей, где было скрыто сокровище Голубых гор. Мы бродили по прериям Дальнего Запада в дни кровавой борьбы краснокожих с янки. А теперь...

Теперь я поведу тебя в Край Чудес.

Мы отравимся в страну, куда и сейчас европеец проникает с большим трудом, да и то лишь в ее прибрежную часть. Это Сиам[1], тот край, где до наших дней население чтит белых слонов и воздает им божественные почести.

Там есть города, построенные, как прекрасная Венеция, на тысяче островков среди каналов; там есть горы, в недрах своих таящие великие сокровища, и джунгли, населенные загадочными племенами и дикими животными.

Там есть могучие реки, которые кишат гавиалами[2] и черепахами. И есть еще то, что пока неведомо миру, но со временем привлечет к себе внимание многих тысяч туристов — следы неведомой и пока неразгаданной древней цивилизации, прах некогда гордых, но увы! — погибших царств.

В дебрях Сиама, в почти недоступных человеку зарослях, высятся развалины высоких башен фантастической архитектуры, крепостные стены, заросшие лианами руины покинутых дворцов, в покоях которых обитают теперь шумные обезьяны да ядовитые змеи.

Окна и бойницы затянуты седой паутиной — это работа огромных ядовитых пауков.

Там есть храмы.

В полумгле человеческий глаз испуганно различает странные фантастические фигуры огромных статуй.

Это боги древнего Сиама.

Бесследно исчезли племена, поклонявшиеся этим богам, и унесли с собой тайну культа. И с ними ушло из мира понимание

таинственных письмен, покрывающих пьедесталы статуй и полуразрушенные стены храмов.

В покинутых храмах не курится фимиам, не звучат песнопения хрепов, не вьется по мраморному полу хоровод баядерок...

От этого полупризрачного фантастического мира, кроме развалин, остался еще целый мир легенд.

Их свято хранят современные обитатели Сиама. Но они ревниво молчат о «священных сагах», когда их расспрашивают об этом европейцы.

— На что тебе это, белый? — уклончиво отвечает сиамец. — Ведь ты чтишь других богов...

В этот край легенд, быть может, более древних, чем легенды Цейлона и Индии, я и предлагаю тебе последовать за мной, читатель!

Я не хочу вести тебя в современный Сиам. Я не поведу тебя в Бангкок наших дней, переполненный миссионерами, торгашами, французскими и японскими шпионами.

Я не поведу тебя в город, где теперь, как и у нас, обыватель забавляется посещением кинематографа и напевает набившие всему миру оскомину мотивы из репертуара шарманок, добравшихся и сюда...

Мы посетим Бангкок, каким он был приблизительно полвека тому назад, когда народ жил, как того требовали его собственные традиции, когда жизнь была пестрее, во всяком случае, оригинальнее и интереснее, чем теперь...

ГОРЕ СИАМА

Это произошло во время правления императора Пра-Барда I, который вел дружбу с европейцами, оставаясь при этом типичным восточным владыкой и человеком, полным диких предрассудков и суеверий.

Даже в дни седой старины, когда в Сиаме только зародился культ поклонения священному белому слону, в которого воплощается дух бога Ганеши[3], сотворенного прекрасной Парвати[4], божественной супругой неистового Шивы[5], даже тогда не прилагалось столько усилий для выполнения религиозных обрядов, для совершения всех церемоний, как во дни правления Пра-Барда I.

В огромных палатах-храмах в это время было собрано небывалое количество белых слонов, поиски и доставка которых в столицу государства стоила безумных денег.

Но что-то странное стало твориться со священными животными.

Однажды жалобный и тревожный гул гонга в главном храме поднял на ноги все население столицы. Люди испуганно переговаривались:

— Один из священных слонов окончил свои дни. Несчастье... Горе, горе Сиаму!

Прошло несколько дней, и опять над Бангкоком гудел гонг, и опять смятение среди жителей города, и опять испуганно твердили люди:

— Слышите? Опять гонг... Опять пресеклись дни одного из священных белых слонов!

— Что это? Или над нашей страной тяготеет проклятье? Горе, горе Сиаму!

Прошла неделя, и умер еще один слон.

Трудно описать, что творилось в тот день в Сиаме!

Смущение, тревога, печаль потоком разлились по всей стране. Словно призраки, реяли они над императорским дворцом, над хижиной бедняка, и всюду слышался один и тот же вопрос:

— Что же будет теперь с Сиамом?

Боги прогневались на Сиам. Их проклятие грозит стране. Смерть священных слонов — это только предвестие грядущих бед... Что-то будет, что-то будет?

И другой вопрос был у всех на устах:

— Кто же повинен? На кого именно разгневались всемогущие боги? Кто в ответе за гибель белых слонов?

Одно имя произносил весь народ:

— Лакон-Тай. Главнокомандующий сиамских войск. Великий воин, имя которого золотом вписано в историю Сиама.

Лакон-Тай был потомком одного из древнейших родов Сиама. Всю жизнь он служил родной стране. В дни войны Лакон-Тай защищал Сиам, в дни мира Лакон-Тай был одним из влиятельнейших советников вот уже третьего императора Сиама. Народ называл его «Великим заступником бедняков», потому что Лакон-Тай отличался неподкупностью, суровой честностью и добротой.

За Лакон-Таем было одно прегрешение: вопреки традициям знатных сиамцев и самого императора он в молодости не обзавелся гаремом, а женился на женщине из Европы. Поговаривали, что под влиянием жены он тайно перешел в христианство.

Возможно, что рука какого-то неумолимого врага отняла у благородного Лакон-Тая радость его жизни: горячо любимая жена скончалась в его отсутствие с явными признаками отравления.

Лакон-Тай был безутешен, и, если бы умершая не оставила ему вместо себя ребенка, малютку дочь, он покончил бы жизнь самоубийством. Страстную любовь к погибшей жене Лакон-Тай перенес на ребенка и посвятил всего себя воспитанию дочери.

Звали ее Лэна-Пра, и, когда она подросла, весь Бангкок заговорил о ее красоте.

В самом деле, сиамским красавицам было чему позавидовать!

Лана-Пра, или, как мы для краткости будем называть девушку, Лана, была высокой стройной красавицей с великолепными глазами, тонкими и словно изваянными чертами прекрасного лица. Чуть заметный оттенок ее атласной кожи говорил о том, что в ее жилах, кроме крови ее матери, течет кровь детей Востока.

Лакон-Тай был очень богат: богатство предков увеличила доля военной добычи, которая по обычаю полагалась ему. А так как все походы, которые он возглавлял, заканчивались блестящей победой над врагами, доля Лакон-Тая всегда была очень велика.

Но сам он смотрел равнодушно на груды золота и драгоценных камней: дороже всего на свете для Лакон-Тая была его дочь, так живо напоминавшая ему умершую супругу.

Глубокая печаль воцарилась в доме Лакон-Тая, когда один за другим стали погибать священные белые слоны.

— Кто-то, какой-нибудь свирепый и беспощадный враг, губит слонов, чтобы этим погубить меня! — твердил старый воин. — Пока живы еще четыре слона, император не высказывает особого гнева, но если...

И опять печально загудел священный гонг в храме Ганеши, возвещая о гибели священного животного. Это пал уже четвертый слон.

Тщетны были все меры, предпринятые Лакон-Таем для спасения уцелевших трех слонов: их окуривали благовониями, растирали различными мазями, переводили из одного помещения в другое. Целый отряд прислужников стерег их. Ни один стебель травы или пучок листьев, ни одно ведро воды не могло быть пронесено в стойла священных слонов, не подвергшись тщательной проверке. В обязанности магутов — погонщиков слонов входило отведывать их пищу на тот случай, если кто-нибудь подмешает к ней отраву, и тем не менее двух слонов постигла та же участь, что и первых четырех: они пали в одну ночь. В живых остался лишь один белый слон — последний.

Несколько дней спустя в храме, где содержался последний слон, поднялась суета: у него появились уже знакомые признаки близкой агонии. Он умирал...

— Горе, горе Сиаму! Гибель грозит нашей стране! Гнев богов обрушился на нас! — неслись испуганные возгласы.

В полдень того же дня Лакон-Тай, великий и всегда победоносный вождь, стоял на коленях перед троном императора словно преступник, со склоненной головой и побледневшим лицом.

Зал был полон: у трона стояла стража, у стен — толпа царедворцев, за колоннами — все «талапоины», или жрецы храмов Ганеши.

Казалось, это не люди, а призраки, безгласные тени: никто не смел шевельнуться, никто не смел вымолвить слова...

Был слышен только грозный голос Пра-Барда, пристально глядевшего на Лакон-Тая:

— Собака! Я доверил тебе величайшее сокровище моей страны — священных слонов. Где они? Что сделал ты с ними?

— Боги судили...

— Замолчи, раб! — загремел гневно, почти яростно Пра-Бард. — Ты хочешь переложить на богов свою собственную вину. Пока слонов оберегали другие, более верные и достойные люди, никто не жаловался на гнев богов. И если умирал «живой Ганеша», то только от старости. Семь слонов погибло за семь недель! И среди них совсем молодые!

— Я верно служил тебе, о государь, на полях битв, грудью защищая нашу землю от могучих врагов! — промолвил тоном горького упрека попавший в немилость воин.

Взор императора Сиама немного смягчился. Казалось, он успокоился, вспомнив заслуги, действительно оказанные стране великим вождем.

— Да, ты служил мне и стране! — произнес император в раздумье. — Да это было и прошло... Весь народ, все мои приближенные теперь винят тебя. Ты не сберег моих слонов! И ты знаешь, что уже несколько экспедиций, отправленных мною на поиски новых священных животных, оказались напрасными. Боги отвернулись от Сиама. Боги послали гибель семерым, может быть, последним в мире белым слонам! Теперь остается только один белый слон у царя Бирмы, но это священное животное уже старо и его дни сочтены... Кто добудет для Сиама белого слона, в тело которого воплотилась душа Соммон-Кодома? Кто?

— Если ценой собственной жизни, о государь, я мог бы заплатить за нового священного слона, я не задумался бы ни на минуту!

— Не торопись! Твоя жизнь уже не принадлежит тебе. У тебя теперь другие заботы: ты под судом! Великий совет завтра решит твою участь! — сурово ответил Пра-Бард.

— Я не прошу милости и пощады себе, о повелитель! Но у меня есть дитя...

— Твоя дочь? Разве ты не знаешь закона? Кто изменил своему долгу и причинил ущерб своему владыке, тот будет предан позорной смерти. Есть у него есть жены — они будут выведены на рынок и проданы, а вырученные за них деньги должны поступать в казну владыки, чтобы смягчить гнев его. Если есть у преступника сыновья и они знали умысел отца своего — смерть им, а если они малолетние — рабство им. Если есть у преступника дочери — да не будут они проданы на рынке, но обращены в позорное рабство и отданы на потеху черни и нечистых иностранцев.

Лакон-Тай вскочил, словно раненый зверь, но снова упал, простирая руки к владыке:

— Пощади, повелитель! Ни в чем не повинна перед тобой моя дочь, моя Лэна! Пощади!

Но император встал с трона и, не глядя на молившего о пощаде старика, прошел во внутренние покои, двери за ним захлопнулись.

Минуту спустя приемный зал гудел, словно рой потревоженных пчел, тысячами голосов: толпа царедворцев, слуг, жрецов, волнуясь, сновала по залу, осторожно обходила старика, все еще стоявшего на коленях перед троном, словно опасаясь, что, прикоснувшись к его одеждам, можно заразиться и навлечь на себя гнев императора.

— Ступай домой, — раздался голос начальника дворцовой стражи.

Лакон-Тай поднялся.

— Иди, в доме своем ты будешь ожидать решения своей судьбы. Так сказал повелитель! — продолжал начальник дворцовой стражи.

Лакон-Тай побрел к выходу. С каждым шагом его поступь становилась увереннее и тверже. Еще минута, и он уже шел с высоко поднятой головой и гордым взором. Люди, попадавшиеся ему навстречу, те самые, что недавно так пресмыкались перед всесильным «великим вождем», а теперь отшатнулись от попавшего в опалу старика, не выдерживая его взгляда, пристыженно отворачивались, давая ему дорогу.

— Да сбудется то, что суждено небожителями! — бормотал про себя Лакон-Тай. — Но ни дворцовые шакалы, ни чернь не увидят моей казни... Я — воин, и я никогда не боялся смерти. Так пусть же она придет на мой зов и избавит меня от позора! Трусы и рабы ждут моей казни, чтобы из нее устроить для себя потеху. Этого они не дождутся...

Вернувшись в свой дворец, опальный воин долго бродил в задумчивости по дому и террасам богатого сада. С наступлением вечера, когда подошел час трапезы, Лакон-Тай позвал к себе дочь, красавицу Лэна-Пра.

— Мое дитя! — сказал он, приласкав девушку. — На днях тебе исполнилось пятнадцать лет. Перед тобой — вся жизнь, и пусть будут милостивы к тебе всесильные боги, путь твой жизненный путь будет усыпан лепестками роз... Я же стар, и... кто знает, что ждет меня? В мои годы нельзя быть уверенным в завтрашнем дне... На случай моей смерти запомни — я спрятал в центральном пруду сада драгоценности, принадлежащие нашей семье в течение веков, и часть моей военной добычи. Когда к тебе, дочь моя, подкрадется нужда, ты сможешь достать эти сокровища со дна пруда. Никто не подозревает, что золото и драгоценные камни лежат там...

— Отец, зачем ты говоришь так? — с ласковым упреком отозвалась девушка. — Ты здоров и бодр. Наш властелин любит тебя. Армия боготворит... А ты словно собираешься покинуть этот мир?

Подавив невольный вздох, Лакон-Тай сказал дочери:

— Глупец живет сегодняшним днем. Мудрец думает и о том, что будет завтра... Не волнуйся же, дитя, и помни, что я доверил тебе важную тайну. Пусть же никто в мире не знает о сокровищах нашей семьи, кроме тебя и... И того, кому ты когда-нибудь отдашь свое сердце как своему мужу... Клянешься ли?

— Клянусь! — глухим и печальным голосом ответила девушка.

В ту же ночь во дворце Лакон-Тая, победителя бирманцев и камбоджийцев, любимого всем народом вельможи, поднялась суматоха: молодой слуга Фэнг, который в обращении с ним старого господина подметил что-то странное, не мог заснуть и поминутно прислушивался к тому, что происходило в соседней комнате — спальне военачальника.

Заглянув в щелку, Фэнг увидел, что старик почему-то рассматривает свой великолепный боевой меч. Это очень удивило верного слугу.

«Неужели мой господин вновь собирается в поход?» — подумал он.

Около полуночи Фэнга словно что-то толкнуло.

— Господин! Ты спишь? — спросил он тревожно.

Старик не ответил.

Тогда слуга вошел в спальню и при мерцающем огоньке светильника увидел ужасную картину: Лакон-Тай лежал бездыханный. Тут же на полу рядом с его ложем валялся золотой флакон изящной работы.

Подняв флакон и понюхав его горлышко, Фэнг воскликнул:

— Опиум! Мой господин отравился!

И бросился в комнату давно уснувшей Лэна-Пра.

— Госпожа! Несчастье! Пробудись, госпожа! — кричал он.

В мгновенье ока весь дом был на ногах. Единственным не потерявшим голову человеком оказалась Лэна-Пра:

— Послать гонца за... Нет, не нужно знахарей! Я знаю: в соседнем доме третью неделю живет врач-европеец, к которому днем приходят сотни больных бедняков. Позовите европейца.

Никому не пришло в голову ослушаться этого приказания, и через пять минут врач уже входил в спальню старого Лакон-Тая. А когда лучи солнца позолотили остроконечные верхушки причудливых крыш домов и храмов Бангкока, на веранде дворца главнокомандующего можно было видеть трех человек: еще слабый, словно чудом вырванный из когтей смерти Лакон-Тай, держа руку дочери, не отходившей от него ни на мгновение, тихим прочувствованным голосом благодарил спасшего его европейца.

— Ты вернул меня к жизни, о друг, — говорил старик, — и я дал тебе слово, что не повторю попытки самоубийства. Но едва ли на радость остался я жить... Я поведал тебе все. Что может спасти меня от гибели?! В лучшем случае, если император смилостивится, он на долгие годы сошлет меня в какую-нибудь глухую провинцию...

— Так что же? — отозвался врач. — Разве люди живут только в столице Сиама? Я бы дорого дал за возможность проникнуть в глубь неведомого миру края, и, если ты пожелаешь, я охотно последую за тобой.

При этих словах глаза девушки, молча слушавшей разговор, загорелись. Она благодарно взглянула на врача, потом снова поту-

лась. Словно почувствовав ее взгляд на своем лице, молодой европеец, в свою очередь, внимательно посмотрел на Лэна-Пра.

Ночью, занимаясь долго не приходившим в себя опальным стариком, Роберто Галэно — так звали врача — не имел возможности разглядеть девушку, ловко и толково помогавшую ему. Теперь он словно заново увидел ее при ясном утреннем свете. Яркие лучи южного солнца чуть золотили прекрасное лицо девушки, почти девочки. Роберто Галэно едва сдержал возглас восхищения.

Эта сцена была прервана появлением слуги, который доложил о приходе императорского гонца.

— Введите гонца! — распорядился Лакон-Тай.

— Послание нашего великого повелителя, царя над царями, божественного и непобедимого! — провозгласил гонец, державший над головой завернутую в желтый шелк шкатулку.

Дрожащими руками взял эту шкатулку Лакон-Тай: он не знал, что в ней заключалось... Как часто в такой шкатулке гонец повелителя приносил кинжал, флакон с ядом или шелковый шнурок! И тот, кто получал такое послание, должен был через три часа, не позже, покончить с собой, и именно способом, указанным императором: вспороть себе живот, принять яд или удавиться в присутствии того же гонца.

Как ни был взволнован старый воин, кроме легкой бледности, проступившей на щеках, ничто не выдало его чувств.

— Слава богам! — восклицание вырвалось из его груди вздохом облегчения. — Тут в самом деле послание моего повелителя ко мне, а не... — Он не докончил фразы и, сорвав восковые печати с письма, лежавшего внутри шкатулки, вслух прочел его содержание.

«Пра-Бард Сомдеца, Непобедимый, повелитель Сиама, своему военачальнику Лакон-Таю. Внимай!

Велики твои прегрешения, и велик гнев мой на тебя, Лакон-Тай, но чужд сердцу моему грех неблагодарности, и не ступит моя нога на стезю несправедливости во веки веков. Внимай!

По твоей вине погибли доверенные тебе священные белые слоны, и осиротел край наш, лишившись покровительства богов. И потому заслуживаешь ты ужасной казни, а дочь твоя — позорного рабства. Но помнит сердце мое, что ты спас от вражеского копья умершего отца моего и сберег мне трон, когда я был малолетним, и потому мольба твоя о пощаде нашла тропинку, ведущую к слуху моему. Внимай!

Велика скорбь страны всей, моя и народа моего, но светится огонь надежды, ибо одному из мудрых земли нашей приснился вещий сон. Внимай!

Явилась ему во сне махар, большая священная змея с рубиновыми глазами и алмазными зубами, и предрекла, что тогда будет найден «живой Ганеша», воплощение Соммон-Кодома, когда будет в руках моих «ку» последнего великого короля-кудесника народа Нгам.

Внимай же повелению моему!

Ты отправишься в страну ту, и в джунгли те, и в город тот. Т
отыщешь скипетр Царя Прокаженных и доставишь его мне. И тог
я верну тебе милость мою, и народ воздаст тебе все почести, а когд
придет смертный час твой, я, Пра-Бард Сомдеца, великий цар
царей, я прикажу сжечь тело твое на костре из красного дерева
сандала, как приличествует князю дома моего. Я кончил».

Прочитав императорское послание, Лакон-Тай огляделся вок-
руг, словно очнулся от тяжелого сна.

— Священное озеро Тонлесап[6], — произнес он глухим голо-
сом. Это там, куда не может теперь проникнуть человек, потому что
реки кишат крокодилами, леса — гигантскими человекообразными
обезьянами. Развалины города Прокаженных... Говорят, тот, кто
войдет в ворота этого города, погибнет безвозвратно, потому что в
его развалинах обитают мириады ядовитых змей. Но я не боюсь их!
Говорят, там живут злые призраки, кровожадные тени каких-то
чудовищ. Эти призраки сторожат храм, где стоит статуя Царя
Прокаженных...

Ну что же? Или так, или эдак...

Гонец императора, молча присутствовавший при прочтении по-
слания, обратил на себя внимание, сказав Лакон-Таю:

— Что должен я сказать повелителю?

— Скажи, — ответил старик, — что верный слуга его сегодня
же вечером отправляется в далекий путь и не вернется, если не
отыщет скипетра последнего Царя народа Прокаженных! Иди!

Гонец исчез.

В тот же вечер маленький караван, состоящий из преданных,
испытанных, прекрасно вооруженных слуг Лакон-Тая, шел по
направлению к верхнему Сиаму, поднимаясь вверх по течению реки
Менам[7].

В огромной, довольно тяжелой барке, медленно продвигавшейся
под дружными ударами массивных двуручных весел, с которыми
управлялись опытные гребцы из старых соратников Лакон-Тая,
находился сам старый военачальник, его красавица дочь Лэна-Пра
и молодой врач.

Старик дремал в небольшой каюте. Лэна-Пра и Роберто сидели
на носу барки и оживленно разговаривали.

— Я не помню даже лица моей покойной матери, — говорила
задумчиво девушка, — но мне грезятся далекие страны Запада,
края, где родилась давшая мне жизнь... Мне грезятся города этих
стран, их храмы, где молятся не многим богам, а Единому, и... И
меня тянет туда.

— За чем дело стало? — отозвался Роберто. — Лишь бы нам
удалось отыскать этот таинственный город Прокаженных и мисти-
ческий скипетр. Тогда Лакон-Тай вновь обретет милость повелителя.
И тогда — это будет уже вашим делом, Лэна, — уговорить его
отпроситься поехать в Европу. Предлог можно отыскать всегда,

нужно лишь выбраться из пределов досягаемости... Ваш отец и вы найдете в Европе новую родину или, во всяком случае, отыщете убежище, где вам не будут грозить никакие беды...

Девушка вздрогнула, но ничего не сказала.

Ободренный молчанием, Роберто продолжал:

— Нет, в самом деле, Лэна! Разве жизнь в Сиаме такова, что вам было бы тяжело покинуть родину? Вы не ребенок, хотя так молоды, и вы должны понимать, от какой ужасной опасности вы избавились только потому, что у императора Пра-Барда изменилось к лучшему настроение... Но кто поручится, что завтра его настроение снова не изменится к худшему? Тогда уже ничто не спасет вашего отца от казни, а вас — от такой жизни, которая хуже смерти...

Слабым, чуть слышным голосом девушка ответила:

— Но удастся ли нам вернуться живыми из этого путешествия? Что ждет нас в джунглях и руинах заброшенного города Прокаженных?

— Будем надеяться на лучшее! — ответил Роберто.

Барка плыла и плыла, удаляясь от Бангкока.

Вдруг позади плывущих все небо озарилось багровым заревом. Словно там вспыхнул колоссальный пожар, сразу охвативший половину города.

— Что это? Бангкок горит! — тревожно воскликнул итальянец, непроизвольно схватив руку Лэны.

— Нет! — тихо засмеялась та. — Разве вы забыли, что сегодня вечером совершается церемония сожжения трупа этого... священного слона?

Странные нотки звучали в голосе девушки. Что-то насмешливое, дерзкое...

Роберто обернулся к ней и заглянул в ее лучистые глаза.

— Послушайте, Лэна! — сказал он. — Мне кажется... Мне кажется, вы не очень-то верите в то, что белый слон — священное животное, в тело которого воплощается дух Соммон-Кодома?

Девушка пожала плечами.

— Моя мать была христианкой! — чуть слышно прошептала она. — И я... я ношу на груди... один амулет.

Что-то блеснуло в полумраке.

Роберто Галэно наклонился и увидел маленький золотой крестик, лежащий на ладони дочери старого военачальника сиамцев...

СТРАНСТВИЯ ПО МЕНАМУ

Первые дни путешествия на «белоне» — так сиамцы называют плавающие по величественному Менаму большие многовесельные барки с каютами — прошли как полный чудесных грез сон.

Роберто Галэно, итальянец родом, скиталец и врач по призванию, уже успел побродить по свету и наглядеться на его диковины, хотя и оставил Европу только семь или восемь лет назад. Он видел берега Нила и плавал по водам Ганга, священной реки Индии, но открывшееся его взору здесь, на берегах таинственного и не исследованного в те дни Менама, буквально очаровывало его.

Вблизи от Бангкока река разливалась на необозримое пространство, образуя огромную дельту; выше по течению она неслась могучим потоком, а берега были покрыты чуть ли не первозданными лесами. Гиганты тропического леса достигают в Сиаме поистине сказочных размеров, растительность отличается пестротой и разнообразием, которые могут заставить растеряться любого ботаника. Растительному миру, его фантастическому богатству вполне соответствует мир животных, населяющих леса на берегах Менама.

Едва взойдет солнце, в воздухе яркими разноцветными искорками мелькают бесчисленные насекомые. Огромные, ярко окрашенные бабочки летают над лениво катящим воды потоком, словно подгоняемые ветром лепестки причудливых сказочных цветов.

Крикливые попугаи всех цветов и размеров шумными стайками перелетают с одного берега на другой. Кажется, они торопливо рассказывают друг другу последние лесные новости...

Вот «белон» медленно проплывает под широкими густыми листьями склонившегося над водой банана. Миг — и в листве мелькают темно-коричневые тельца, слышатся крики, какое-то стрекотанье, словно на банане приютилась целая стая белок. Но это не белки — это племя маленьких длиннохвостых обезьян. Они издалека увидели плывущее судно и избрали банан в качестве наиболее удобного наблюдательного пункта, и теперь, когда «белон» вошел в тень банана, они струсили и торопятся удрать в глубь леса, неистово крича, кувыркаясь с ловкостью первоклассных акробатов и награждая друг друга пощечинами и пинками...

Стоит заглянуть с борта «белона» вниз, в прозрачные воды реки, и там тоже взору откроется целый мир.

Вот словно капельки ртути разбежались по песчаному речному дну — это мелкая-мелкая речная рыбешка, всегда ходящая стайками в поисках добычи, наткнулась на киль лодки и бросилась врассыпную... А вот, колыхаясь, словно безвольно плывущая по течению реки водоросль, проплывает что-то несуразное, бесформенное, студенистое.

Мгновение — и водоросль свернулась в клубок. Еще мгновение — и она снова вытянулась и поплыла куда-то в сторону, теперь ее движения напоминают движения красивой ядовитой змейки. Это и есть если не змея, то ее близкая родственница, ядовитая рыба, которую в Сиаме боятся не меньше самой ядовитой змеи.

Еще дальше по песчаному дну проползает большое круглое темное пятно. Но это не пятно, а живое существо: гигантская речная черепаха, за которой постоянно охотятся жители края с особыми

целыми. Черепаха отличается свирепым нравом, отчаянной драчливостью и устраивает поединки с себе подобными в любых условиях, поэтому подданные «царя царей» Пра-Барда, у которых азарт в крови, платят большие деньги, особенно за молодых и свирепых самцов, и выращивают из них первоклассных бойцов, на состязаниях которых выигрываются и проигрываются целые состояния. Азарт достигает таких пределов, что сплошь и рядом проигравшийся до нитки сиамец ставит на карту сначала детей, потом жену, потом, наконец, самого себя...

Наблюдая этот пестрый и удивительный мир, Роберто Галэно имел возможность вполне удовлетворять свое любопытство: Лакон-Тай, исходивший страну вдоль и поперек, обладал неистощимым запасом рассказов о нравах людей и повадках животных, об особенностях растений. Он знал бесконечное множество местных легенд, зародившихся в дни глубокой древности и хранящих в себе отголоски давно минувших исторических событий...

Лэна-Пра часто присутствовала при этих разговорах, в свою очередь, она по целым часам расспрашивала Роберто, желая знать, как строится, как течет жизнь далеко-далеко от тинистого Менама, в Европе. Беседуя с нею, молодой европеец невольно удивлялся восприимчивости, способности схватывать на лету мысль, ее сообразительности и любознательности.

Да, в этом прекрасном юном девическом теле был столь же прекрасный дух...

Особенно нравились молодому натуралисту в девушке ее хладнокровие, находчивость и вместе с тем ее женская чуткость и деликатность.

Между прочим, разговаривая об окружающих путешественников чудесах природы, Лакон-Тай, его дочь и Роберто не должны были упускать из виду последние события, круто перевернувшие жизнь сиамского военачальника.

— У меня должны быть могущественные враги! — печально повторял Лакон-Тай. — Но я не могу понять, кто они, эти беспощадные враги! Император, по существу, очень добр, он всегда был исключительно милостив ко мне. Что случилось с ним теперь? Но вы видите сами, он не допустил моей гибели. Он предоставил мне выход...

— Ну, едва ли то, что он предложил вам, много лучше простой расправы! — отозвался итальянец.

— Нет, не говорите так. Правда, мы пустились в очень рискованную экспедицию, и только боги знают, чем она закончится. Но мы сейчас свободные люди. Лэна-Пра со мною, под моей защитой. А могло быть и иначе...

Легкая дрожь пробежала по телу девушки.

— Свободны ли мы? — возразил Роберто. — Да, мы плывем по простору Менама, и за нами как будто никто не следит. Но можно ли поручиться, что это так на самом деле? У меня из памяти не

выходят последние часы нашего пребывания в Бангкоке. Особенно таинственное нападение на меня. В самом деле, если вы, Лакон-Тай, можете опасаться, что у вас завелся какой-то могущественный и беспощадный враг, то откуда могут взяться враги у меня? А ведь мне была приготовлена настоящая ловушка! Подумайте сами, меня приглашает к якобы заболевшей жене какой-то оборвыш, ползающий у моих ног. Я отправляюсь с ним к его хижине. По дороге мы болтаем. И вдруг он набрасывается на меня и пытается задушить... Счастье, что за секунду до этого во мне зародилось подозрение, и оборванец получил такого тумака, что завертелся волчком. Но у него было четверо сообщников — я видел их. И двух уложил выстрелами из неразлучных револьверов. Что дальше? Когда на звук выстрелов прибежали ваши слуги, мы обнаружили многочисленные следы, нашли место, где разбойники с полчаса сидели в засаде, поджидая именно меня, но раненые исчезли. Сообщники увели или, точнее, унесли их, чтобы мы не могли допросить бандитов...

— Да, это столь же загадочно, — согласился Лакон-Тай, — как и явно подстроенная смерть всех белых слонов моего всемилостивейшего повелителя!

— А я не могу забыть того малайца, который, как ты знаешь, отец, почему-то допытывался у наших гребцов о цели нашего путешествия, а потом сбежал, когда мы подошли к готовому в путь «белону»! — вмешалась Лэна-Пра. — Я думаю, что все это можно связать в одно: твои враги, отец, которые убили слонов императора, внушили Пра-Барду мысль послать тебя на поиски волшебного скипетра Царя Прокаженных в город на берегах священного озера Тонлесап. Зачем? Потому что надеются — ты погибнешь там...

— А покушение на меня? — спросил доктор.

— Те же враги отца проведали, не знаю, как именно, что вы отправляетесь с нами. Они знают, что европеец пользуется большим уважением как гость императора. Кроме того, знают, как смелы и находчивы вы, дети страны моей матери. Вы, доктор, в их глазах стоите целого отряда оруженосцев моего отца. Вот они и пытались устранить вас, чтобы потом легче справиться с нами... А малаец, что допытывался у лодочников, куда мы направляемся, — явный шпион...

— Очень похоже на истину. Удивляюсь вашей проницательности, Лэна! — отозвался врач. — Но смотрите: тут тоже творится что-то неладное...

— О чем вы говорите? — привстал озабоченный Лакон-Тай.

— Посмотрите на эту лодку, плывущую нам навстречу! — Роберто показал рукой на небольшое судно, достаточно быстро приближавшееся к «белону».

— Да, — согласился Лакон-Тай после минутного наблюдения, — тут что-то не так, необходимо быть начеку.

— Боже! Что это такое? — воскликнул в это мгновение итальянец, вооружившийся превосходным биноклем. — Я вижу на этой лодке человеческие трупы... Постойте! Так и есть! Это тела трех детей, и, кажется, девочек лет девяти-десяти. Трупы истерзаны, словно...

Он не договорил, потому что Лакон-Тай закричал:

— За ружья! Фэнг! Смотри в оба!

Минуту спустя увлекаемая течением лодка с окровавленными трупами поравнялась с «белоном» и проплывала на расстоянии не более трех-четырех метров от него.

— Онг-унап! Спасайся кто может! Онг-унап! — завопили гребцы барки.

— Ни с места! Застрелю каждого, кто покинет свое место! — загремел старый воин, подхватывая великолепный карабин.

Роберто успел разглядеть, что внезапно из-за довольно высокого борта «лодки мертвых» появилось могучее животное, напоминающее огромную кошку.

— Тигр! Как он попал в лодку? — молнией пронеслась мысль в голове доктора.

Действительно, это был «царь лесов Сиама» — великолепный королевский тигр. Должно быть, он подобрался к лодке или проплывавшей недалеко от берега, или, что вернее, стоявшей на приколе у какой-нибудь пристани. В лодке беззаботно играли не подозревающие об опасности девочки. Когда тигр бросился на них, дети не смогли убежать и достались грозному хищнику. Но и он оказался в незавидном положении: от могучего прыжка лодка отвязалась, отошла от пристани и, увлекаемая быстрым течением, поплыла вниз по реке...

И вот теперь лодка проходила в опасной близости с огромным «белоном», который вел за собой на буксире еще пару лодок меньшего размера. Последнюю лодку, когда «белон» огибал мыс, течением прибило почти к самому берегу.

Видимо, «царь лесов Сиама» быстро оценил все это, и, прежде чем Лакон-Тай успел спустить курок, а Роберто схватиться за револьвер, тигр великолепным прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от барки, упал среди остолбеневших гребцов, вскочил, снова прыгнул в плывшую за «белоном» лодку, свалил лапой рулевого, и снова прыгнул, и снова...

В несколько минут хищник благополучно добрался до берега, пользуясь «белоном» и шедшими за ним лодками как ступенями моста, и скрылся в прибрежных зарослях тростника. Преследовать его было бесполезно.

Тем временем «лодку мертвых» прибило к «белону», и успевшие несколько оправиться от ужаса гребцы зацепили ее баграми. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что суденышко буквально залито кровью. Тела трех девочек-подростков были истерзаны и почти съедены «царем лесов».

В оцепенении глядел на это жуткое зрелище взволнованный итальянец.

— Несчастные! Несчастные дети! — глухо бормотал он.

— Весь Сиам одинаково несчастен! — отозвался Лакон-Тай. — Разве жизнь любого из сиамцев не находится ежеминутно в опасности?

— Знаете ли вы, доктор, что ни один из подданных нашего повелителя Пра-Барда не осмелится оказать сопротивление, если на него нападет слон?

— Это почему? — удивился доктор.

— Потому что все слоны, находящиеся на территории Сиама, составляют личную собственность императора, — задумчиво и угрюмо ответил Лакон-Тай. — Раньше, полтораста, двести лет назад, все было иначе: люди могли охотиться на слонов. В старых книгах рассказывается, как иногда земледельцы, выведенные из терпения набегами диких слонов на их поля, устраивали облавы, во время которых убивали толстокожих великанов. Но императору Кру-Турабу, прапрадеду нашего повелителя, было видение... Люди по-разному говорят об этом. Во всяком случае, с той поры императорским эдиктом под страхом смертной казни запрещено охотиться на слонов и причинять им какой-либо вред. Результатом этого эдикта явилось то, что многие местности буквально обезлюдели, потому что слоны, спускающиеся с гор в пору созревания урожая, превращали возделанные поля и огороды в настоящую пустыню. Что могли сделать беззащитные люди? За каждого убитого слона им грозила жестокая казнь. Вот они и предпочли бросить свои деревни и разбежаться...

— Неужели и теперь остается в силе этот нелепый закон? — удивился Роберто.

— Чего же вы хотите? — пожал плечами старик. — Когда наш царствующий император, да продлят боги его дни, однажды под моим влиянием решился было отменить этот закон, возмутились влиятельные жрецы. По их словам, отмена нелепого запрета убивать слонов явилась бы нарушением священных заветов предков, оскорблением священной памяти императора Турабу, святотатством. ...Они грозили Сиаму неисчислимыми бедствиями...

— И что же?

Вместо ответа Лакон-Тай только пожал плечами и отвернулся.

— Гей, люди! — скомандовал он гребцам, с любопытством и страхом глядевшим на истерзанные жертвы тигра. — Возьмите лодку на буксир и дотяните ее до виднеющейся впереди нас деревни у берега. Может быть, эти погибшие дети оттуда?

Когда гребцы одной из лодок выполнили его приказ, Лакон-Тай заговорил снова:

— Да, дела в Сиаме идут все хуже и хуже. Многие видят это, но... Но трудно надеяться на перемены. Если бы «талапоины» не составляли сплоченную касту! Если бы они не имели такого влияния на темный, невежественный и суеверный народ! Они делают что

Крепи пользуются огромным влиянием на Пра-Барда, и этим влиянием особого рода: они приручили женщин гарема, жен и фавориток повелителя, и Пра-Бард не замечает, что слишком часто он оказывается только послушной игрушкой в руках какого-нибудь «мага», выходца из Индии, или буддистского «отшельника», под одеждой которого скрывается, быть может, шпион Китая. С одним еще не сумели справиться «талапоины»: с любовью императора к европейцам. И хотя в стране на это смотрят косо, я все-таки надеюсь, что вы, выходцы из далеких культурных стран, рано или поздно окажете благотворное влияние на нашу страну. Но — увы! — и тут часто приходится сталкиваться со злом, ибо с берегов Европы сплошь и рядом к нам приплывают алчные авантюристы, пираты, готовые продать все и всех... Кроме того, Индия так близка, и ее пример слишком поучителен: европейцы проникли туда под видом скромных и мирных торговцев, а теперь Индия стонет, скованная в цепях рабства. Кто может поручиться, что та же участь не постигнет наш край?

Лакон-Тай задумчиво вздохнул.

— Отец, твои речи оскорбляют нашего друга! — тихо проговорила Лэнэ-Пра, тронув отца за руку.

Лакон-Тай живо обернулся к Роберто.

— Правда? Я оскорбил тебя? — произнес он испуганно.

— Ничего подобного! — отозвался молодой итальянец. — В ваших словах, Лакон-Тай, звучит сама истина. Но я не англичанин! Моя страна — Италия — не мечтает о захвате чужих земель и о порабощении кого-либо! Она сама стонет под чужеземным игом! Двадцать миллионов потомков бывших владык половины мира влачат жалкое существование, потому что Италии как единого целого не существует. Вся страна разорвана на куски, поделена между десятком различных князей, а лучшие земли Италии и ее сердце, вечный город Рим, находятся под властью наших «талапоинов», приверженцев идеи светского владычества пап... Не будем говорить об этом!

— Не будем! — согласился Лакон-Тай.

Тем временем «белон», проплывший уже довольно значительное расстояние, казалось, вошел в большое озеро. Но это было не озеро: капризный Менам, течение которого чрезвычайно извилисто, встретил на своем пути глубокую долину и наполнил ее своими водами.

Присматриваясь к окружающему, Роберто обратил внимание на какое-то странное сооружение, что находилось у одного из берегов и состояло из нескольких отдельных построек. Эти постройки напоминали собой озерные жилища Кохинхины, возвышающиеся на помостах, опирающихся на бесчисленное множество вбитых в илистое дно неглубокого бокового фарватера Менама бамбуковых столбов.

— Что это такое? — осведомился врач у своих спутников.

— Затон для разведения крокодилов! — ответил Лакон-Тай. И потом добавил: — Если я не ошибаюсь, нам, пожалуй, представится возможность присутствовать при весьма интересной сцене. Хозяева затона собираются покончить с парочкой своих питомцев!

— Убить гавиалов? Но зачем?

— Очень просто! Вы же, европейцы, создали большой спрос на крокодиловую кожу, и теперь редкое судно, уходящее из Бангкока, не увозит с собой тонны-другой кожи крокодила. Но, кроме того, в самом Бангкоке найдется немало любителей, предпочитающих мясо крокодила любому другому. И в самом деле, если животное не старо, то куски мяса, вырезанные из хвоста и груди, могут показаться кое-кому настоящим лакомством. Ради этого бедняки прибрежных деревень часто рискуют собственной шкурой, охотясь на гавиалов.

— Надеюсь, — засмеялся Роберто, — что крокодилы, по крайней мере, не объявлены императорской собственностью и охота на них не запрещена законами Сиама?

— Да, пока... пока «талапоины» не обратили на крокодилов своего благосклонного внимания и не объявили крокодила священным животным! — с горечью ответил старик, пожимая плечами.

Видя приближение большого «белона» с каютой, на крыше которого поднимался причудливый вызолоченный шпиль, знак того, что судно принадлежит какому-то высокопоставленному лицу, служители крокодильего садка выпли из своих воздушных хижин. Как только «белон» причалил к отмели у берега, навстречу прибывшим посетителям вышел тучный старик, отрекомендовавшийся деревенским старостой и управляющим садка, принадлежавшего какому-то негоцианту из Бангкока. Лакон-Тай изъявил желание посмотреть, как производится ловля гавиалов, — и староста поспешил отдать соответствующее приказание своим ловцам.

В сущности, процедура ловли оказалась достаточно простой: молодой мускулистый парень с бронзовой кожей и довольно правильными чертами лица уселся в какую-то клетку или корзинку, подвешенную к блоку. В руках у него была крепкая веревка, заканчивавшаяся подвижною петлей, как лассо или аркан, а за поясом торчал остро отточенный то ли тяжелый квадратный нож, то ли короткий меч.

Под крик этого смельчака «а-ох, а-ох-о-ох» другие ловцы стали спускать клетку к воде затона, где крокодилы буквально кишели. Не прошло и минуты, как около готовой опуститься в воду клетки уже собралось множество гавиалов, по-видимому, предполагавших, что в клетке находится осужденная на смерть жертва...

Отвратительные животные до половины выскакивали из мутной воды с широко разинутыми пастями, дрались, громоздясь друг на друга, рассыпая вокруг удары могучими хвостами.

Оборвись веревка, на которой висела клетка, — и, нет никакого сомнения, смелого арканщика в мгновение ока разорвали бы на клочки...

Но он прекрасно знал свое дело: петля аркана мелькнула в воздухе, послышался гортанный крик «ха-о-хо!» — и в то же мгновение другие ловцы стали тянуть к берегу конец аркана. Огромный гавиал, толстую поленообразную шею которого охватила петля, оказался выдернутым из воды и поднятым в воздух, так как другой конец каната был перекинут через толстый сук могучего дерева. Подвешенный гавиал, напуганный воздушным путешествием, сначала замер, но потом принялся так яростно извиваться и биться, колотя по стволу дерева могучим хвостом, что звуки, напоминающие выстрелы, разносились далеко вокруг. При этом полузадушенный крокодил издавал странное рычание, напоминающее грохот барабана. Затихнув на несколько минут, словно собираясь с силами, животное снова принималось бешено извиваться и колотить хвостом по стволу дерева-виселицы, но пароксизмы ярости с каждым разом становились короче и короче. Наконец, огромное веретенообразное туловище безжизненно повисло. Тогда какой-то смельчак подскочил к виселице и мастерским ударом вспорол его грязно-белое брюхо. Внутренности вывалились на землю дымящимся кровавым клубком. И в это время гавиал снова неистово заметался, грозя оборвать душащую его веревку. Но этот пароксизм был короток: животное истекало кровью. Еще минута — и тело гавиала было изрублено на куски...

Лакон-Тай наградил смельчаков пригоршней мелкой медной монеты и подал знак к отправлению.

Под вечер того же дня «белон» Лакон-Тая, быстро движимый вперед могучими ударами весел, стал приближаться к тому месту реки, где густые леса низовой дельты уступали место пашням и садам, подходившим к самому берегу с обеих сторон, и довольно людным поселкам. Во всем сказывалась близость города Аютия[8], прежней столицы Сиама: по реке и по отходящим от нее в глубь страны бесчисленным каналам двигались сотни барок и лодок всех видов и размеров, причем некоторые своими стройными легкими формами напоминали молодому итальянцу боевые галеры Древнего Рима, другие — грузовые барки, столь обычные на европейских реках.

Вот на берегу показалось большое здание с удивительно легкой, уходящей ввысь башней причудливой формы, словно полсотни отдельных мал мала меньше пагод с выгнутыми крышами были насажены одна на другую. Башня заканчивалась статуей Будды, и его же изображения во множестве украшали крыши главного здания.

— Святилище Соммон-Кодома! — пояснил спутникам Лакон-Тай, не в первый раз плывший у этих берегов.

Затем, обернувшись к итальянцу, стал рассказывать о существующем в Сиаме вплоть до дней царствования Пра-Барда Сомдецы кровавом обычае «укреплять» каждую новую постройку храма, дворца или крепости человеческими жертвоприношениями.

— Я сам лишь чудом или, вернее сказать, благодаря быстроте ног спасся от ужасной смерти! — говорил старый воин. — По обычаю, поддерживаемому «талапоинами», приступая к постройке какого-нибудь храма, распорядители ночью выходят в назначенное место и хватают трех первых попавшихся прохожих, будь это ребенок или старик, женщина или мужчина, знатный богач или последний бедняк. Жертву приводят к вырытому рву, готовому для закладки фундамента, перерезают горло и носят истекающий кровью труп по рву, пока кровью не будет окроплен весь ров. Потом безжизненное тело бросают в ров, в углу постройки, и начинают закладку фундамента. В других районах Сиама раньше зарывали еще и нескольких живых пленников. Так делают потому, что считается, будто бы души убитых стерегут здания, построенные на их костях, а кровь придает особую крепость стенам.

— Какое варварство! — воскликнул Роберто, содрогаясь.

— Таков Сиам! — задумчиво отозвалась Лэна-Пра.

Приблизительно через час, когда сумерки уже сгустились, а «белон» заворачивал в боковой канал, Лакон-Тай предупредил правившего баркой Фэнга, чтобы он был предельно осторожен и внимателен, так как обычно в этот час канал бывает забит судами.

Действительно, скоро «белону» пришлось буквально продираться среди большого числа разных лодок и барок. Казалось, на воде вырос целый город, так много различных судов было здесь. На большинстве барок горели висячие бумажные фонарики, какие китайцы обычно употребляют на своих празднествах, пылали разложенные в очагах маленькие костры, наполняя воздух клубами смолистого дыма. Кто-то пел гортанным голосом, чуть дальше плакал ребенок и глухо ворчал высокий барабан, а рядом с лодками, откуда неслись эти звуки, два дюжих рыбака переругивались на расстоянии, осыпая друг друга замысловатыми проклятиями и страшными угрозами.

— Я кулаком вышибу твои мозги из черепа, твои глаза из орбит, твое сердце из груди и твою поганую душу из живота! — кричал первый.

— Я бритвой соскребу с твоего гнусного тела кожу, вырву у тебя ногти, выщиплю волосы с головы, обрежу тебе уши и нос, вытащу из твоей зловонной пасти все зубы! — отзывался другой.

— Попробуй сунуться ко мне, сын паука и бородавчатой жабы!

— Подойди только ты ко мне, племянник болотного червяка!

Еще несколько ударов веслами, и «белон» Лакон-Тая пристал к берегу. Путешественники добрались до знаменитого в истории Сиама города Айутиэх, или Аютия, основанного императором У-Фонгом в 1360 году и насчитывающего и теперь свыше 400 тысяч жителей.

Роберто был бы не прочь переночевать в самом городе и заодно осмотреть его — в город в то время попадали очень немногие европейцы, но Лакон-Тай, опасаясь новых осложнений, попросил

...но не покидать «белон». Потому на ночь все устроились на палубе ...брки, не забыв выставить на всякий случай охрану.

В те дни губернатором Аютии был старый друг и соратник Лакон-Тая по его походам против бирманцев и камбоджийцев. Доверяя дружбе этого человека, Лакон-Тай послал ему письмо.

На «белоне» еще не успели заснуть, как гонец вернулся в сопровождении молодого офицера — посланца самого губернатора. Он принес Лакон-Таю письмо, в котором губернатор приглашал своего друга почтить посещением его дворец и принять участие в охоте на слонов.

— Но ведь охота на слонов воспрещена? — удивился Роберто.

— Для частных лиц — да! — ответил Лакон-Тай. — Но губернатор устраивает охоту по приказу самого императора. Из Англии скоро должен прибыть пароход, который доставит в Бангкок три полевые батареи. Повелитель слышал, что в Индии многие раджи и магараджи ставят пушки на слонов, и поторопился обзавестись собственной артиллерией на слонах. Если вас в самом деле интересует охота на слонов, то я приму приглашение моего друга и вы увидите много интересного...

Итальянец высказал желание принять участие в охоте, Лэна-Пра тоже. Таким образом, на следующее утро все трое участвовали в исторической охоте на диких слонов в окрестностях Айутиэх, во время которой три тысячи загонщиков выгнали из дремучего леса и довели до загонов свыше двух сотен лесных великанов.

Путешественники сидели на спине великолепного и замечательно выдрессированного слона Надира.

Было жутко смотреть, как на поля рипулась из джунглей лавина слонов, состоявшая из сотен серых толстокожих великанов, крушивших все на своем пути. Еще более жутко было видеть, как, попав в загон, слоны начинали там метаться и оглашать воздух жалобными криками. К полудню охота закончилась: император Сиама получил двести великолепных животных и возможность организовать целый отряд «артиллерии на слонах». Правда, во время охоты слонами были вытоптаны поля и огороды двадцати деревень, задавлено полтораста человек загонщиков, но кто же в Сиаме считается с подобными мелочами?

В полдень в губернаторском дворце был устроен маленький пир в честь Лакон-Тая и его спутников. Прием был очень радушным. Но Лакон-Тай торопился, и, распрощавшись с губернатором, наши путешественники вернулись на пристань, где мирно колыхался на волнах «белон», охраняемый бдительным Фэнгом.

ПРЕДАТЕЛИ

Все дальше и дальше уходил тяжелый на вид, но быстроходный и подвижный «белон» Лакон-Тая от Бангкока, плывя сначала по могучему Менаму, потом по разнообразным естественным каналам и притокам этой великой водной дороги Сиама, двигаясь неуклонно на север, где, если верить легендам, в непроходимых дебрях среди болотистой местности скрываются от людского взора священное озеро Тонлесап и покинутый людьми город Прокаженных с его многовековыми храмами и дворцами.

Для других путников время тянулось бы нестерпимо медленно, но для пассажиров «белона» это было довольно приятной прогулкой: лодка, гонимая сильными ударами весел опытных и ловких гребцов, предоставляла известный комфорт. Верный оруженосец Лакон-Тая, вечно бодрствующий Фэнг, чудесно управлял судном. Доктор Галэно и Лэна-Пра проводили на палубе целые дни, вместе любуясь чудесной панорамой, разворачивающейся перед их взорами, картинами жизни тропиков, столь причудливой и пестрой. Лакон-Тай вспоминал свою молодость, прошедшую в странствованиях и походах против полудиких бирманцев и камбоджийцев, вторгавшихся в пределы Сиама, и рассказывал молодым людям о пережитых опасностях и о виденных чудесах природы.

Молодой естествоиспытатель поражался, слушая рассказы старика, в которых было много интереснейших подробностей из жизни растений или животных.

— Видите этот лес? — обращал его внимание Лакон-Тай на группу деревьев, словно спустившихся с гористого берега к потоку, чтобы утолить жажду. — Это «вечное дерево». Вы, европейцы, называете его тик[9]. Его древесина идет на постройку судов, потому что ни одно дерево в мире не может сравниться с тиком в способности сопротивляться гниению от пребывания в воде. У берегов Сиама и теперь попадаются суда, сооруженные сто лет тому назад. Дерево словно только вчера срублено, так оно крепко и здорово, несмотря на пребывание в воде в течение целого века...

А вот другое дерево, растущее наподобие бамбука, узлами. В стволах этих деревьев, не знаю каким образом, иногда накапливается порошок, который мы, сиамцы, называем «орлиным порошком». Этот порошок ценится на вес золота, и счастлив дровосек, когда ему удается набрести на такой ствол «орлиного дерева»: иногда с одного дерева получают до полупуда порошка, за который китайцы и японцы платят безумные деньги, потому что этот порошок идет на приготовление лучших в мире духов.

— Что это за птица? — Роберто обратил внимание старого воина на нырявшую у песчаной отмели большую птицу.

— Это? Корморан[10]-рыболов. Те же китайцы, японцы, отчасти малайцы ловят кормора нов, приручают их и обучают ловить рыбу.

...но тогда уже птица охотится не для себя, а для своих хозяев: люди надевают на шею «рыболова» кольцо, которое не дает птице возможность проглотить даже маленькую рыбешку, и корморан вынужден покорно тащить добычу своим хозяевам, а те в награду дают ей какую-нибудь рыбину...

— Что это за крик, напоминающий истерический хохот? — осведомился как-то утром Роберто, тщетно стараясь разглядеть странное животное, пронзительно хохотавшее в глубине леса.

— Лу-гуон! «Смеющаяся обезьяна»! — ответил Лакон-Тай. — Если тебе вдруг хочется поближе поглядеть на этого хохотуна, мы можем устроить охоту на него. Кстати, наши припасы заметно истощились, и нам не мешало бы поохотиться в лесу, чтобы запастись мясом, но, разумеется, не мясом «лу-гуона», потому что ни один из наших гребцов ни за что не прикоснется к мясу этой обезьяны: по народному поверью, «лу-гуон» вовсе не обезьяна, а «дикий человек леса». Обезьяна будто бы понимает человеческую речь, но скрывает это, так как боится, что настоящие люди обратят ее в рабство и заставят работать на себя. Впрочем, «лу-гуон» — свирепое животное, и, охотясь на него, надо соблюдать особую осторожность.

Совет старого опытного охотника оказался как нельзя более кстати. Через какой-нибудь час Роберто понял, что такое «смеющаяся обезьяна» сиамских джунглей, испытав на себе ее силу и неукромимость.

Охотники без особых усилий, ориентируясь на крик, нашли след обезьяны. В охоте приняли участие четыре человека: Лакон-Тай, Лэна-Пра, врач и Фэнг. Дойдя до места, где по всем признакам могла скрываться обезьяна, охотники разделились, чтобы окружить группу деревьев, на которых сидел хохотун. Лакон-Тай с Фэнгом пошли направо, итальянец и девушка, владевшая ружьем не хуже отца, — налево.

Несколько минут спустя в стороне, где находился Лакон-Тай и Фэнг, раздались два выстрела. Роберто и девушка поспешили туда, при этом они почти столкнулись с огромной обезьяной, раскачивавшейся на ветках дерева, растущего у самой тропинки. Лэна выстрелила, но пуля лишь чуть задела животное, успевшее спрятаться за ствол. В ответ на выстрел раздался яростный вой, сменившийся хохотом, от звуков которого мороз продирал по коже.

Увлекшись поисками раненого животного, охотники не заметили, что оно само подстерегает их, притаившись в густой листве. Мгновение — и бурая масса обрушилась на спину Роберто и сбила его с ног. Падая, итальянец зацепил курок карабина, и ружье выстрелило.

Не успел доктор сообразить, что произошло, как раздался еще один выстрел, и обезьяна, уже бросившаяся на него, отскочила в сторону.

— На помощь! Помогите! — услышал он крик.

Вскочив, Роберто увидел, что огромная обезьяна, словно задыхающаяся от приступа хохота, схватила стальными лапами Лэна-Пра и хочет разорвать ей горло могучими клыками.

Обезумев от страха за Лэну, Роберто нанес «лу-гуону» страшный удар прикладом по морде, превратив ее в кровавую кашу.

Обезьяна отпустила девушку и с яростным воплем бросилась на врача. Роберто чудом удалось увернуться от стальных лап разъяренного чудовища, тянувшихся к его горлу, и нанести еще несколько ударов прикладом карабина по груди и плечам обезьяны.

Борьба не могла продолжаться долго: человек быстро терял силы, а животное словно получало их с каждым новым ударом. Итальянец чувствовал, что погибнет, если его не спасет счастливый случай. И случай произошел: за спиной врача грохнул выстрел, а когда дым рассеялся, Роберто Галэно увидел у своих ног подергивающееся в предсмертных судорогах тело огромной обезьяны.

— Хвала богам! — услышал юноша взволнованный голос Лакон-Тая. — Я уже думал, что вы поплатитесь жизнью, спасая мою дочь. Но Фэнг стреляет без промаха. Посмотрите: его пуля пролетела на волосок от вашей головы, не зацепив вас, и угодила «лу-гуону» в глаз, поразив зверя насмерть. Я только докончил дело выстрелом в сердце «хохотуна», сократив агонию обезьяны.

— А где же Лэна? — оглянулся Роберто.

Девушка уже стояла возле него. Он не успел сообразить, в чем дело, как почувствовал на своей руке поцелуй: Лэна-Пра поднесла его руку к своим губам в знак благодарности за свое спасение.

— Что вы, что вы, Лэна? — отдернул руку Роберто.

— Вы уже один раз спасли мою жизнь! — сказала серьезно девушка. — Когда вы спасли от смерти моего отца. Я не пережила бы его гибели!.. Теперь вы спасли меня вторично. Я не знаю, как отблагодарила бы вас за это девушка вашей родины, но я выражаю мою благодарность как умею...

Взволнованный до глубины души Роберто сам поцеловал руку Лэны. Охотники, сняв шкуру с убитого хохотуна, заторопились к «белому», благо у Фэнга за поясом уже висела пара великолепных диких индюков, сочного мяса которых было достаточно, чтобы накормить всех членов экспедиции.

Однако по дороге им пришлось задержаться: Роберто услышал странные мелодичные звуки, доносившиеся из травы у корней банана, словно там пела неведомая птичка, и заинтересовался этим.

— «Тан-тай»! — пояснил Лакон-Тай. — Поющая ящерица, или «ящерица землетрясения».

— Как это? — изумился Роберто.

— Ну да, «ящерица землетрясения»! — вмешался в разговор Фэнг. — Подождите, я попробую, может быть, мне удастся поймать певунью, хорошо еще, что она не из того вида ящериц, что водятся в Бирме и не менее ядовиты, чем самые ядовитые змеи.

Пять минут спустя Роберто держал в руках изящную ящерицу, длиною Фэнгом. У нее была немного раздутая головка, тонкое, гибкое, почти змеиное тельце стального цвета, покрытое разноцветными пятнами.

— Но почему вы называете эту певунью «ящерицей землетрясения», друг Лакон-Тай? — поинтересовался молодой ученый.

— Потому что та ящерица — величайший друг человека! — серьезно ответил старик. — Не знаю, чем это объяснить, но «тан-тай» чувствует близость землетрясения и оповещает о грядущей беде особенно резкими тревожными криками, словно при землетрясении и ему грозит опасность погибнуть. Мои соотечественники всегда стараются держать у себя дома клетку с «тан-таем», но, к сожалению, ящерица в неволе быстро погибает. Но пойдем к нашей лодке, уже поздно!

Путешественники поспешили к «белону». Там все было в полном порядке. Гребцы, стосковавшиеся по доброму куску хорошего мяса, немедленно принялись жарить индюков, присоединив к ним трех или четырех тут же подстреленных корморанов. Мясо этих птиц не понравилось итальянцу, потому что оно отдает тиной и рыбой, но гребцы поглощали жаркое из корморана как самый настоящий деликатес.

Еще не было покончено с пищей, когда на берегу, к которому причалил «белон», появилась большая группа полуодетых людей, которыми руководил высокий старик.

— Это собиратели древесного масла! — сказал, увидев их, Лакон-Тай. — Да это целая экспедиция. И с ними еще какие-то странные люди. Уверен, что это не сиамцы, скорее всего, они выходцы из Камбоджи. Смотрите, они вооружены карабинами и тащат за спиной какие-то кожи.

Группа людей, увидев роскошную лодку, робко приблизилась к лагерю. От нее отделился высокий старик, опознав по одежде Лакон-Тая вельможу, он предложил ему свои услуги. Лакон-Тай отказался, однако пожелал узнать, что за чужеземцы присоединились к группе собирателей древесного масла.

— Мы — охотники одного «фаринги», который живет в Бангкоке! — пояснил один из них. — «Фаринги» — совсем сумасшедший: он платит нам деньги за то, чтобы мы доставляли ему шкуры разных животных, в том числе обезьян. Услышав, что здесь очень много обезьян, мы пришли сюда для того, чтобы устроить охоту на четырехруких истребителей полей. Если господин пожелает посмотреть, как обезьяны попадут в наши сети, мы можем устроить охоту в его присутствии.

Лакон-Тай десятки раз видел охоту на обезьян — злейших врагов сиамского земледельца, но ни Лэна-Пра, ни тем более доктор не видели ничего подобного. Старик согласился задержаться и принять участие в охоте, чтобы доставить им удовольствие.

Отдохнув еще час, наши путешественники оставили «белого», который пошел вверх по течению к деревне собирателей масла, а углубились в лес вместе с охотниками. Очень скоро они подошли к месту, где заросли буквально кишели стаями обезьян. Обезьяны шныряли в высокой траве, забирались на деревья, прятались в густой листве или качались на лианах. Казалось, приближение людей не произвело на них никакого впечатления. Тут были «буденги» с бородкой и длинным хвостом, «дуки»[11] с розовыми лицами и «сиаманги»[12], самые уродливые из всех.

Охотники расставили на выбранной поляне большие глиняные кувшины, наполненные рисом.

— Тут хорошее угощение для «лесных людей», — засмеялся один из них. — В рис подмешан опиум и еще кое-что...

Оставив на поляне кувшины, люди отошли. Через минуту полянка наполнилась обезьянами. Сначала они, недоверчиво принюхиваясь, ходили вокруг кувшинов, потом какой-то бородатый смельчак рискнул и запустил лапу в узкое горлышко кувшина. Торжествующий крик раздался из его зобастого горла. Должно быть, на обезьяньем языке это означало: «Ура! Тут есть чем поживиться нашему брату!»

И он принялся уплетать отравленный рис, запихивая его в пасть обеими лапами. Его примеру последовали другие. Около горшков с рисом началась свалка. Скоро с обезьянами стало твориться что-то неладное: к рису был подмешан в огромном количестве перец, и у лакомок на глазах показались слезы. Утирая глаза теми же лапами, которыми они хватали рис, обезьяны засыпали глаза перцем, и тогда началось столпотворение вавилонское: крики боли, гнева, испуга понеслись со всех сторон. Животные катались по земле, свивались в клубки, дрались, рычали, визжали и выли!

— Теперь пора. Они все слепы! — сказал первый из охотников и с поднятой дубиной шагнул на полянку. Второй последовал его примеру, и они, работая дубинами с удивительным мастерством, в четверть часа перебили огромное количество злополучных лакомок, расплачивавшихся жизнью и шкурами за удовольствие покушать рисовой каши...

Наблюдавшие за охотой путешественники очнулись от оружейных залпов, доносившихся со стороны реки.

— Что-то случилось на реке! — сказал, побледнев, Лакон-Тай. — Поспешим! Кажется, на наших гребцов напал враг!

Охотники многозначительно переглянулись и стали уговаривать Лакон-Тая остаться, обещая показать еще кое-что интересное. Когда не на шутку встревоженные путешественники припустились бегом к реке, охотники остались на поляне, покрытой трупами незадачливых лакомок. Глядя вслед убегающему старому вельможе и его спутникам, один сквозь зубы процедил:

— Обезьян ловят на рис. Людей можно поймать на обезьяну. Понимаешь?

Его напарник рассмеялся в ответ:

— Пусть поищут свою барку! Наш покровитель должен быть доволен нами: мы увели этих слепцов так далеко от реки, как только это было возможно...

И мнимые ловцы обезьян, не обращая внимания на добычу, бесшумно скользнули в чащу и затерялись среди бананов, бесшумно скользя по траве.

Приблизительно через полчаса путешественники добрались до деревушки собирателей масла, куда по реке отправился белон. Картина была ужасна: хижины бедняков догорали, здесь и там валялись изуродованные трупы. От лодки не было и следа.

— Где же люди? — растерявшись от неожиданной беды, спрашивал Лакон-Тай. — Что случилось? Я ничего не могу понять! Кто мог напасть на наш белон? Местные дикари? Но за что они истребили своих соплеменников? И потом, наши гребцы были вооружены и могли оказать сопротивление целой банде врагов, а тут я не вижу ни одного трупа наших людей, словно их застигли врасплох.

— Вот наши гребцы! — воскликнул Фэнг.

В самом деле, немного в стороне от горящей деревни лежали в разнообразных позах гребцы исчезнувшего белона. Напрасно доктор Галэно искал на их телах следы ран: казалось, гребцы погибли в один момент, пораженные ударом грома.

— Они как будто спят! — прошептала Лэна-Пра.

Роберто наклонился к первому гребцу и приложил ухо к его груди, потом подошел к другому, к третьему.

— Да они и в самом деле не умерли, а спят! — сказал он. — Может быть, их отравили? Но чем? А, вот оно что!

Он принялся разглядывать валявшиеся тут же сосуды.

— Тут была рисовая водка, «тодди»! — сказал он, понюхав содержимое сосудов. — К ней, надо полагать, было примешано еще что-то, какое-то снотворное, может быть, тот же опиум.

— Их взяли, как те охотники беззащитных обезьян! — проворчал Фэнг.

— Стойте, друзья! — воскликнул Лакон-Тай. — Нам надо пойти туда, на обезьянью поляну. Я начинаю подозревать, что нас специально заманили в лес!

— Так они и будут дожидаться нас! — с досадой сказал Фэнг. — Они давно скрылись, успешно сделав свое дело.

Тем временем доктор продолжал обследовать спящих гребцов.

— Нет, кажется, они не отравлены, а только усыплены! — сказал он после долгого осмотра. — Готов поспорить, что не позже, как завтра, они проснутся, но, разумеется, с головной болью!

— А что предпримем мы? — спросила Лэна-Пра у отца, стоявшего в глубоком раздумье.

— Останемся тут. На нас лежит обязанность охранять этих несчастных. Ведь их могут растерзать хищные звери или явятся

привлечь те самые враги, что их усыпили. Впрочем, может быть, Фэнга одного будет достаточно для этого, а мы втроем осмотрим лес.

Осмотр леса и поляны полностью подтвердил подозрение Лакон-Тая относительно охотников на обезьян, так как с убитых зверей не было снято ни одной шкуры...

— Вот видите? — твердил старик. — С нами сыграли скверную шутку! Белон исчез, без него почти невозможно продолжать путь к священным водам озера Тонлесап... Мои люди усыплены... Поселение лесорубов уничтожено, и сами они или перебиты, или убежали в лес. Неужели же вы не видите, что этот страшный удар направлен именно против нас, вернее, против меня? Могучий и беспощадный враг, тот самый, что отравил белых слонов, что убедил нашего властителя послать меня в дебри Сиама с этим странным поручением разыскать скипетр Царя Прокаженных, теперь пытается отнять у меня возможность добраться до заветной цели!

— Очень может быть, что вы правы, Лакон-Тай! — отозвался доктор, обдумав сказанное стариком. — Но не надо падать духом: мы живы, в оружии недостатка нет, наши люди проснутся завтра, и мы снова пойдем к нашей загадочной цели, несмотря ни на что! Потерян «белон»? Так! Но мы придумаем еще что-нибудь!

— Да, мы придумаем! — оживился старик. — Я не хочу погибать и не погибну! Я отыщу этот проклятый... Этот священный скипетр Царя Прокаженных, даже если для этого мне придется спуститься в ад!

— А мы, отец, пойдем с тобою! — сказала, ласково улыбаясь, Лэна Пра. — Правда, доктор?

Роберто молча кивнул головой. Немного помолчав, он задал вопрос:

— Но куда же мы направимся теперь?

Лакон-Тай ответил:

— Сначала придется подыматься по течению реки Нам-Сак до того места, где она впадает в Менам. На это уйдет не менее шести-семи дней. Потом придется пробираться по горам. Там уже будет видно, что делать дальше. Сейчас вопрос заключается в том, что...

— Стой! Кто идет? — прервал его слова крик Фэнга, схватившегося за ружье.

— Не стреляйте! Это мы, собиратели масла! — послышался ответ. На опушке показалась толпа людей, в которых путешественники без труда узнали тех, с кем повстречались сегодня утром.

— О, господин мой! — всхлипывал подошедший к Лакон-Таю высокий старик, староста деревни. — О, добрый и могучий господин мой! За что обрушилось на нас это несчастье? Что сделали мы этим людям, этим демонам? Все, что выработали мы в лесу за два месяца трудной работы, все погибло!

— Кто это сделал? — спросил Лакон-Тай.

— Кто же знает? — пожал плечами старик. — Знаю одно: это не наши соотечественники, это или бирманцы, или, что вернее, люди из области великой реки Камбоджи. Они явились под видом мирных странников, принялись угощать ваших гребцов, а когда те свалились и заснули, неожиданно начался грабеж и избиение моих людей, ни в чем не повинных мирных бедняков...

В разговоре о загадочном нападении прошла добрая половина ночи.

Лэна-Пра мирно спала: тут, в глуши лесов, зная, что находится под охраной отца, Фэнга и ... доктора, она чувствовала себя в полной безопасности. Сон мужчин был тревожен. На всякий случай они поочередно сторожили, сменяясь каждый час.

После полуночи некоторые из гребцов стали проявлять признаки жизни — шевелиться, бормотать, приподниматься, оглядываясь вокруг мутными глазами.

Один за другим они приходили в сознание, приближались к костру, у которого сидели, сторожа покой лагеря, Лакон-Тай или Фэнг. Узнав о том, что случилось, бедняги приходили в отчаяние, но Лакон-Тай успокаивал их, советуя в будущем никому не доверять и не соблазняться даровым угощением.

Взошло солнце и осветило место пожарища.

На реке показалась медленно плывущая лодка, в которой сидели три человека.

Один из них удивленно крикнул:

— Что у вас стряслось? Пожар, что ли?

Вместо ответа Лакон-Тай властным голосом приказал:

— Причаливай сюда! Я — Лакон-Тай, вождь, действую именем нашего великого повелителя!

— Да продлят боги дни его. Я причаливаю! — ответили ему, и лодка мягко уткнулась носом в прибрежный песок.

Лакон-Тай предложил продать лодку, но старший из них, рулевой или лоцман, сказал, что он только приказчик какого-то негоцианта и без ведома хозяина продать лодку не может.

Тут же выяснилось, что лодка идет с небольшим грузом перца в Сараван. Лодочники с удовольствием согласились взять на борт Лакон-Тая и всех его спутников. Тем более что они сами от этого только выигрывали — с помощью дюжины крепких гребцов лодка скорее прибудет в Сараван[13].

Сделка была скоро заключена к обоюдному удовольствию, но Роберто с подозрением наблюдал за каждым движением лоцмана, лицо которого ему не внушало доверия. Однако когда он высказал свои опасения, Лакон-Тай пожал плечами.

— Нет, опасности тут не может быть, друг! Подумайте: их только трое, и они совершенно безоружны, нас же шестнадцать человек.

Итальянец как будто успокоился, но все время пути до Саравана, куда лодка прибыла благополучно на четвертый день, не спускал глаз с подозрительного лоцмана.

Временами ему казалось, что он где-то уже видел лицо лоцмана, но где и когда?

Этого он не мог сказать...

На пути в Сараван путники пережили несколько охотничьих приключений. Во время одного из походов в глубь леса за дичью они услышали яростный рев, треск ломаемых деревьев, топот тяжелых ног. Оказалось, что небольшое стадо слонов подверглось нападению носорога-отшельника, который, рассвирепев, распорол своим рогом бок одного из слонов. За смертельно раненного товарища вступилось все стадо. Они жестоко отделали врага, колотя его хоботами, словно таранами, покуда измолоченный носорог не сбежал сам в чащу леса.

БЕЛЫЙ ВРАЧ ПОХИЩЕН

Из небольшого, утопающего в неимоверной грязи местечка Сараван наши путешественники отправились дальше, оставив лодку, но взяв с собой ее владельцев: лоцман по имени Копома заявил, что он знает эту местность как свои пять пальцев и охотно возьмется за небольшое вознаграждение служить проводником.

Лакон-Тай был доволен, что караваном будет руководить человек, хорошо знакомый с местными условиями, так как трудно было себе представить, с какими еще препятствиями придется столкнуться путешественникам в этой дикой, почти безлюдной местности, где роль дорог зачастую исполняют продолженные слонами тропинки или русла пересохших рек. Помимо бездорожья, путников подстерегали и другие опасности: приходилось продираться сквозь заросли кустарника, в которых гнездились ядовитые змеи. Под пологом леса тучами роились москиты, на болотистых лугах на людей и особенно на вьючных лошадей нападали пиявки.

Горе тому, кто сделает неверный шаг в этой пустыне!

Горе тому, кто заснет у костра, не обратив внимания, что над ним мелькает странной тенью вампир, собирающийся утолить свою жажду!

Горе тому, кто забредет в чащу кустарника и не разглядит, что на его пути, на покрытой опавшими листьями земле, лежит, вытянувшись наподобие сучка, коварная «дабойя» — ядовитая змея из семейства кобр.

Выбирая место для ночевок, надо стараться не попасть в местность, где свирепствует загадочная, неизвестная европейцам болезнь, признаком которой является быстро прогрессирующий пара-

...ич и неизбежный конец которой наступает через три-четыре дня. Местные жители называют ее «тэт».

В этом отношении Копома, скитавшийся по этим местам не один год, мог оказаться драгоценным проводником.

По его совету караван из Саравана направился на Кахолаи не кратчайшим путем, а в обход, минуя несколько опасных для путешествия местностей.

На этом пути Роберто пришлось пережить приключение, едва не стоившее ему жизни.

Дело в том, что молодой врач давно мечтал об охоте на слонов, а тут, в этой глуши, случай встретиться с владыкой лесов представился на третий или четвертый день пути.

Лэна-Пра и Лакон-Тай остались в лагере, а Фэнг, Копома и Роберто отправились на поиски какой-либо дичи и скоро наткнулись на слона, Роберто выстрелил, но пуля его карабина только оцарапала толстокожий лоб животного, которое пришло в ярость и само бросилось на людей.

Единственным спасением было бегство, потому что слон грозил растоптать охотников. Люди бросились бежать. Копома куда-то исчез, Роберто и Фэнг вскарабкались на ствол попавшегося, на их счастье, большого дерева. Они оказались безоружными, потому что, убегая от слона, Роберто обронил пояс с патронами.

Слон, увидев, что его враги недосягаемы, набросился на укрывшее их дерево, пытаясь свалить его.

Не довольствуясь тем, что наносил дереву тяжелые удары хоботом, обламывая нижние ветви, толстокожий великан еще напирал на ствол дерева всем своим могучим телом, тряся дерево, как былинку.

— Однако, — сказал Роберто, — мы оказались в осаде! Кто знает, сколько продержит нас тут эта скотина?

— Люди говорят, что слон очень мстителен, — отозвался Фэнг, наблюдавший за маневрами слона, который отошел в сторону, но стоял, не спуская яростно пылавших глаз с верхушки дерева, укрывшей его врагов. — Слон может пробыть тут и двое, и трое суток!

— Да, но мы не можем доставить ему этого удовольствия: во-первых, нас будут ждать в лагере, а во-вторых, я уже и сейчас голоден!

— Что же делать, господин? Придется терпеть! — философски решил вопрос Фэнг.

Доктор не мог решиться на такое испытание своего терпения, и, когда слон еще немного отошел в сторону, Роберто рискнул спускаться с дерева, чтобы поднять валявшийся у самых корней пояс с патронами, который до сих пор чудом не привлек к себе внимание слона.

Итальянцу, гибкому и ловкому, привычному к гимнастическим упражнениям, этот маневр удался довольно легко. Но едва он с

хранцузским патронташем в руках вернулся на дерево, как слон с невероятной скоростью ринулся в атаку. Использовав свое огромное тело как таран, он едва не вывернул дерево с корнями.

Дерево затрещало. Сухие сучья и ветви полетели вниз, Фэнг сорвался и едва не упал, но вовремя ухватился за подвернувшуюся под руку ветку.

— Подожди, приятель! — крикнул слону, готовившемуся повторить нападение, молодой естествоиспытатель. — Я промахнулся один раз, но едва ли промахнусь в другой...

Он зарядил карабин, и, когда слон снова бросился на дерево, рассчитывая на этот раз вывернуть его из земли, итальянец выстрелил. Он не успел понять, какие результаты дал выстрел, потому что дым еще не рассеялся, а слон грянул о ствол массивным лбом. Сотрясение было настолько велико, что Роберто буквально оторвало от ветки, на которой он сидел, и бросило вниз. Когда молодой человек очнулся, он увидел над собой полог палатки, и ласковый голос Лэна-Пра произнес:

— Слава богам! Вы очнулись! А мы боялись, что...

Она не договорила: голос ее задрожал и оборвался.

— Что случилось? Как я очутился в лагере? — удивился Роберто, стараясь приподняться, но снова опускаясь в изнеможении.

— Не надо много говорить! — остановил его Лакон-Тай. — Вы живы, у вас нет, насколько я понимаю, серьезных повреждений, кроме нескольких ушибов. Значит, вы очень скоро оправитесь!

— Но что случилось с Фэнгом? — забеспокоился Роберто.

— То же, что и с тобой, сагиб! — отозвался верный оруженосец, подходя к импровизированному ложу больного. — Проклятое животное сбило нас обоих с дерева, как мальчишки сбивают ударом палки бананы!

— Но как же мы не растоптаны им? — удивился врач.

— Благодарите Лэна-Пра, господин!

— Замолчи, Фэнг! — остановила его, покраснев, девушка. — Я не сделала ничего особенного!

— Конечно, ничего особенного! — засмеялся Фэнг. — Ты, госпожа, сделала то, что мы остались живы. Ты сделала то, что не сделает и одна женщина из тысячи, потому что ты ударом ятагана перерубила заднюю ногу слону, который был уже готов растоптать нас! Я знал многих охотников на слонов, смелых, отчаянно храбрых людей, но немногие из них нанесли бы такой мастерский удар, какой нанесла ты, госпожа!

— Да замолчи же, Фэнг! Я только отплатила доктору за спасение собственной жизни, и больше ничего!

Роберто Галэно восторженно схватил тонкую руку девушки и в порыве благодарности прижал ее, маленькую, но сильную, к своим губам. Волнение истощило его силы, и он опустил голову в забытьи. Словно сквозь сон он услышал душераздирающий крик:

— Отец, отец! Помоги ему! Он умирает! Отец, что делать?

Прошло время, прежде чем силы вернулись к доктору. Только на третий день Роберто оправился настолько, что мог продолжать путь. Перед отправлением Лакон-Тай заговорил снова о перипетиях охоты на слона, и в его голосе Роберто уловил странные нотки.

— Вы, друг, не заметили ничего странного в поведении проводника Копомы? — спросил он врача.

— Нет! А что?

— Так! — уклончиво отозвался Лакон-Тай. — Мне почему-то вся эта история кажется подозрительной. Вы едва не погибли, Фэнг — тоже, а Копома вышел сухим из воды. Он уверяет, что сделал все возможное для того, чтобы отговорить вас углубляться в чащу. Правда ли это?

Недолго подумав, итальянец неуверенно ответил:

— Правда, но... Но мне кажется, Копома как будто подстрекал меня идти дальше и дальше в лес, играя на моей слабой струнке, на моем самолюбии, рассказом о том, что немногие решатся проникнуть в чащу из опасения подвергнуться нападению слона... Впрочем, может быть, я ошибаюсь... Ведь мы были далеко от лагеря!

На губах Лакон-Тая показалась загадочная улыбка. Потом он сделался серьезным.

— Пусть вам расскажет об этом Лэна-Пра! — сказал он.

— Совсем нечего рассказывать! — испуганно возразила девушка, краснея до корней волос. — Просто мною овладело странное беспокойство, когда доктор ушел: я не находила себе места, мне что-то говорило о близкой беде, и вот...

— И она настояла на том, чтобы мы пошли искать вас! — закончил Лакон-Тай. — Она бежала, а не шла, она каким-то чутьем угадывала дорогу, не обращая ни на что внимания, и, как видите, мы поспели вовремя!

— Лэна убила слона? — спросил доктор.

— Нет. Убили его вы сами: на его теле было несколько ран, нанесенных пулями ваших карабинов, и он мог прожить всего несколько минут, потому что истекал кровью. Но, разумеется, если бы Лэна не перерубила ему сухожилий на задней ноге, у лесного великана хватило бы сил, умирая, покончить с вами. Но я возвращаюсь к вопросу о Копоме. Дело в том, что, когда мы спешили к вам на помощь, мы обнаружили присутствие маленького отряда весьма подозрительных людей, по-видимому, выслеживающих именно вас и издали наблюдавших, чем кончится ваше столкновение со слоном. Правда, это было только одно мгновение, но мне показалось, что среди них я видел именно Копому. При нашем появлении эти люди скрылись, я послал им вдогонку пару выстрелов и, кажется, двоих подстрелил, но остальные уволокли их, а мне было не до погони за ними...

Если Копома, явившийся как ни в чем не бывало в лагерь, и в самом деле связан с ними, то их появление и поведение внушают самые серьезные опасения. Они идут по нашим следам, и это не

мирные люди, а какие-то бродяги, может быть, лесные разбойники... Ладно, там будет видно, что нам следует предпринять для того, чтобы не попасть в ловушку. Я буду теперь пристально следить за Копомой, хотя начинаю сомневаться, действительно ли он замешан в этом деле...

В течение последующих пяти или шести дней караван быстро продвигался вперед, пробираясь по лесным дебрям, но скоро маленькие, на диво крепкие косматые сиамские лошадки стали поддаваться усталости, и Лакон-Тай счел нужным дать им заслуженный отдых.

Как-то утром путешественники заметили следы какого-то зверя, бродившего вокруг лагеря всю ночь. Осмотрев эти следы, Лакон-Тай засмеялся.

— «Ту-вак»! — сказал он.

— Что это за зверь? — спросил Роберто.

— Обезьяна-борец. Слышали вы что-нибудь об этом странном животном? О нем рассказывают так много необычного, что я не знаю, можно ли верить этим россказням...

— Но что именно? — заинтересовался врач.

— Говорят, «ту-вак» очень мирное животное, по крайней мере, по отношению к человеку. Но... но «ту-вак» бродит по лесу, ищет себе партнера для... для борьбы. Повторяю, может быть, это только сказки, но, говорят, встретив человека, «ту-вак» вызывает его на единоборство, разминая мускулы, корча гримасы и хохоча. Если человек не ранит зверя, то встреча кончается тем, что «ту-вак», непомерно сильный, сваливает человека на землю и с торжествующим хохотом уходит в лес.

— Такие эксперименты эта веселая обезьяна могла бы проделывать только с безоружными людьми! Наткнись она, например, на наш карабин.

— Вы, европейцы, иногда чересчур легко относитесь к окружающему, — возразил, улыбаясь, Лакон-Тай. — Судите сами, дорогой друг! Ведь «ту-вак» описывается страшным гигантом. При этом он удивительно ловок и увертлив. Уложить его одним выстрелом или одним ударом ятагана, топора и так далее — вещь почти невозможная. А раз «ту-вак» ранен, горе его врагам! Тогда речь идет не о безопасной, шуточной борьбе, а поединке не на жизнь, а на смерть. «Ту-вак» душит человека, сворачивая ему шею, как цыпленку, в мгновение ока. Он разбрасывает целую толпу сильных людей, как ребятишек, и не оставит ни одного из них, покуда не переломает им ребра. Но, повторяю, все это довольно фантастические рассказы, скорее всего, легенды. Они сами рождаются в этих джунглях.

— Хотел бы я посмотреть на этого таинственного зверя! Было бы интересно! — сказал доктор.

Его желанию суждено было исполниться гораздо быстрее, чем он этого ожидал: не более как через полчаса в непосредственной близости от лагеря раздалось свирепое рычание, хриплое улюлюканье, треск ветвей, топот ног. Наши путешественники, вооружив-

шись, направились к тому месту, откуда доносились эти звуки, и увидели удивительную картину: великолепный королевский тигр катался по земле, борясь с охватившим его страшным человекообразным животным, в котором Лакон-Тай признал «ту-вака».

Борьба была жестокой: тигр наносил обезьяне страшные удары, свободной правой лапой срывая с тела «ту-вака» целые пласты кровавого мяса, но обезьяна одолевала его, буквально кроша кости попавшего в ее объятия тигра своими могучими руками. Еще минута, и бой был бы закончен победой так же сильно пострадавшего «ту-вака». Но неожиданно из-за кустов в воздух взвилась какая-то рыжая масса и упала на борющихся с яростным ревом: это была тигрица, пришедшая на помощь к своему полузадушенному супругу. Вдвоем они легко справились с обессилевшей обезьяной. Но победа досталась им недешево: тигр уже не мог уйти с поля боя, у него были переломаны чуть ли не все ребра. Град пуль из карабинов наших знакомых прекратил мучения зверя и одновременно отнял жизнь у его царственной подруги.

Злополучный «ту-вак» лежал тут же в виде груды кровавого мяса и размозженных костей. Тучи пестрых кровожадных мух уже вились над изуродованными трупами, наполняя воздух жужжанием, — победили и пировали именно они.

Прошло еще несколько дней, и наконец путешественники достигли берегов священного озера Тонлесап. До города Прокаженных оставалось еще несколько десятков миль, но цель путешествия была близка, и ничто не предвещало новых бедствий и неудач. Теперь, естественно, все разговоры в лагере шли только о том, чтобы поскорее найти город Прокаженных, а в его полуразрушенных храмах древнюю реликвию, изумрудный скипетр последнего Царя Прокаженных.

Необходимость дать отдых людям и животным заставила Лакон-Тая остановиться на сутки у берегов Тонлесапа, и здесь произошло то, что перевернуло все планы старого воина. Доктор Роберто Галэно, спавший в одной палатке с Фэнгом, ночью исчез, оставив в палатке свою одежду и оружие, словно испугавшись новых трудностей, позорно бежал. Но многочисленные следы, найденные вокруг палатки, явно говорили, что тут скорее можно было предполагать похищение доктора, чем его малодушие.

Фэнг спал тут же как мертвый. Все усилия Лакон-Тая разбудить своего оруженосца были напрасны. Было ясно, что Фэнгу что-то подмешали в питье.

Что же случилось с молодым естествоиспытателем?

Это выяснилось позже.

Он же лично ничего не знал, ничего не понимал.

Роковым вечером он заснул в лагере. Сквозь сон Роберто как будто слышал, как кто-то приблизился к нему, но подумал, что это Фэнг. Впрочем, потом ему показалось, что это не Фэнг, а Копома, проводник. Доктор почувствовал легкий укол в плечо, словно один

и бесчисленных москитов приняться за свою работу. И все исчезло. А когда доктор очнулся, он с удивлением увидел себя в лодке, в окружении вооруженных дикарей, в которых он по описаниям узнал представителей племени стиэнгов, обитающих в окрестностях озера Тонлесап. Схватившись за нож, европеец убедился, что он совершенно безоружен. Лодка, подгоняемая ударами весел, быстро мчалась в неведомые дали. Кругом доктора сидели стройные люди с бронзовыми лицами, блестящими глазами и курчавыми волосами. Они переговаривались между собой на непонятном наречии, временами хохотали, кривлялись, потом становились серьезными и испуганно оглядывались назад, туда, откуда плыли, словно опасаясь погони и нападения.

Все попытки доктора столковаться с похитителями оказались неудачны: вождь дикарей твердил одно, что он получил от неизвестного «великого вождя» спящего врача с приказом, не причиняя ему никакого вреда, отвезти его далеко-далеко от берегов Тонлесапа и потом выпустить на свободу. Напрасно Роберто грозил похитителям гневом императора Сиама и вмешательством европейских консулов, дикари твердили:

— Сиам — далеко. Император здесь бессилен. Мы — стиэнги[14]. Мы — вольные люди, и мы никого и ничего не боимся.

Вечером стиэнги забеспокоились: надвигалась гроза, река шумно катила свои мутные волны, ветер дул порывами, в лесу на берегах стоял гул.

Стиэнги пристали к берегу, где стоял не то лагерь, не то покинутая деревня, и поместили Роберто в одной из полуразрушенных хижин, предоставив ему свободу устраиваться как хочет.

Европеец был слишком утомлен пережитым и быстро заснул тяжелым сном. Сквозь сон он слышал отчаянные крики, грохот громовых раскатов, смутно видел блеск молний. Потом накатила волна холода, он очнулся и пришел в ужас: вокруг бурлила вода, гроза разнесла ветхую постройку. Из-за грозы река разлилась и затопила стоянку стиэнгов раньше, чем они смогли что-либо сделать.

Но Роберто не растерялся: жизнь в тропиках, полная неожиданностей, приучила его всегда быть начеку, не теряться и быть ко всему готовым. Нечего было и мечтать, что найдется лодка стиэнгов. Но разве нельзя ее чем-нибудь заменить, лишь бы это что-то держалось на воде. Весло можно заменить палкой, шестом...

Пять минут спустя бурный поток мчал Роберто Галэно вниз по течению, туда, откуда утром он приплыл со стиэнгами.

Гремел гром, молнии рассвечивали небо, волны разбушевавшейся реки каждую минуту могли поглотить смелого пловца, доверившего свою жизнь страшному судну, — это была охапка тростника, сначала служившая Роберто постелью, а теперь превращенная им в жалкое подобие плота. Утлым суденышком расходившийся поток играл как хотел: швырял к берегу, проносил под свалившимися

деревьями или выносил на середину реки, втягивал в водовороты. Роберто прилагал все силы, чтобы удержаться на плоту и не упасть в бушующие волны.

ИСПЫТАНИЯ

Туман, расплывающийся причудливыми нитями, висел над дремучим лесом, прорезанным могучей рекой.

Фантастичными казались очертания гигантских тиковых деревьев в призрачном свете раннего утра. Зловещими и тревожными были голоса леса.

Лес был словно переполнен призраками...

Они снуют, мечутся из стороны в сторону, они чего-то ищут.

— Кра-а! Кра-а-а!

Чу! Шорох крадущихся шагов, треск сломавшейся под ногой ветви, плеск воды, словно туда упало что-то тяжелое.

Потом раздается свист, будто потревоженная змея шипит, увидя врага, кто-то вскрикивает отчаянным голосом, полным смертельной тоски и ужаса.

А с вершины скалы, повисшей над рекой, несется в ответ вопль дикого торжества...

И опять у подножия скалы мечутся призрачные тени, слышатся тревожные шепчущие голоса.

Около полудня туман рассеялся. Лесной коршун, летевший над этим местом, увидел тех, кто на рассвете оглашал воздух криками, напоминающими крики большого тукана: на скале находилось два человека, один из которых был европейцем, другой — высокий, мускулистый воин стиэнг. У белого в руках сверкал тяжелый малайский меч, а у стиэнга был огромный лук, посылающий на большое расстояние несущие смерть стрелы.

Внизу, под скалой, расположились станом другие воины, вооруженные луками, копьями и щитами. Они окружили скалу со всех сторон, отрезав осажденным выход к реке и к прибрежному лесу. Как только кто-нибудь из них приближался к скале, с ее вершины летела острая, оперенная стрела стиэнга, и тогда над рекой разносился вопль пораженного насмерть человека...

Так прошло несколько часов.

Было очевидно, что борьба между двумя людьми и целым отрядом вооруженных воинов не может продолжаться долго. В распоряжении стиэнга был всего один колчан со стрелами, запас которых не мог пополняться. Каждый выстрел, удачный или нет, уносил по стреле. Рано или поздно стрелок должен был остаться безоружным.

Это понимали осажденные и осаждавшие. Последние терпеливо ожидали.

Около полудня на вершине скалы показался во весь рост стиэнг, размахивая какой-то тряпкой.

— Ты сдаешься? — крикнули снизу.

— Татоо не сдается! — гордо ответил стиэнг.

— Чего же ты хочешь?

— Твое имя Карруа, вождь кайанов? Я убил в прошлом году твоего брата!

— Я убью сегодня тебя! — ответил, вспыхнув как порох, кайан.

— Не торопись! Это я два года назад выследил в лесу трех молодых воинов вашего племени, и, когда они, сбитые с толку криком совы, разбрелись в чаще, я убил их!

— Я отомщу и за них!

— Не торопись, вождь трусливых шакалов, притворяющихся людьми! Это я пробрался в вашу деревню пять лет назад и зарезал семерых сонных кайанов, среди которых двое называли себя славными воинами... Тебе придется отомстить мне и за них, и еще за многих твоих соплеменников, потому что у меня на руках и на ногах меньше пальцев, чем убитых мною кайанов...

— Больше ты не повредишь никому! Я сдеру с тебя живого твою шкуру!

— После того, как я уложу еще десяток твоих соплеменников! Но я хочу предложить тебе иное! Между мной и тобой, между моим племенем и твоим племенем — кровь и смерть. Давай покончим наши счеты поединком. Ты выходи против меня, я выйду против тебя, и если я паду, белый, которого сегодня ночью вынесли на скалу волны реки, будет твоим рабом, если же падешь ты, то твои воины отпустят нас свободными.

— Что за белый с тобой?

— Он говорит, что он — не торговец, не воин, а «мудрый старец», хотя волосы его черны и члены гибки. Он прибыл к берегам Тонлесапа с другими странниками, которые ищут развалины города Прокаженных.

— Как он соединился с тобой?

— Он спас мою жизнь в лесу, когда на меня внезапно обрушилась с дерева хищная пантера. Хотя он говорит, что стиэнги похитили его из лагеря друзей, он заключил со мной союз. Но это тебя, кайан, не касается. Отвечай: принимаешь ли ты, как воин, мой вызов на поединок, или ты, прячась, как трус, за спины твоих воинов, будешь подставлять их под мои стрелы?

— Принимаю вызов! Возьму твою жизнь!

— Или я возьму твою!

Переговоры продолжались еще четверть часа, пока не пришли к соглашению о месте и условиях смертельного поединка, который должен был решить судьбу двух непримиримых врагов.

С интересом прислушивался к этим переговорам наш знакомый доктор Роберто Галэно: это о нем, как о своем спасителе, говорил молодой воин стиэнг.

В самом деле, за эту ночь европеец пережил приключения, описание которых могло бы занять сотни страниц. Бурный поток пощадил его и помог ему, со сказочной быстротой пронеся его многие мили, вернуться к озеру Тонлесап. Волны выбросили Галэно на прибрежный песок, целого и невредимого, но почти безоружного: в его распоряжении был один короткий тяжелый малайский меч, который Галэно удалось найти в лагере похитителей во время грозы.

Бродя в надежде разыскать на берегу озера развалины одной из древних пагод, где прошлой ночью остановились на ночлег Лакон-Тай и его спутники, доктор действительно оказал услугу молодому воину стиэнгу, на которого напала пантера. Хищник был смертельно ранен ударом меча Роберто и добит нерастерявшимся стиэнгом. У молодого воина на плечах остались следы от когтей пантеры, и доктор, как мог, облегчил страдания раненого. Они вместе отправились к пагоде, но по дороге были окружены отрядом кайанов и спаслись, пройдя через пещеру или, точнее, щель в толще скал, где беглецам пришлось столкнуться с ее хозяином — гигантским удавом.

Но уйти от преследователей им не удалось: Галэно и стиэнг оказались в окружении на вершине скалы, что уже было описано.

Когда стиэнг решил вызвать вождя кайанов на поединок, доктор был против, указывая на то, что бой будет неравным, так как кайан совершенно здоров, а стиэнга бьет лихорадка, естественная после потери крови и воспаления ран от когтей пантеры.

Стиэнг не слушал возражений и твердо стоял на своем:

— Я убил много кайанов, я убью и этого! Не мешайймне, не становись между мною и им, белый человек!

Поединок, пассивным свидетелем которого был Роберто, происходил на «парангах» — малайских мечах. Оба соперника отлично владели ими. Неоднократно кайану грозила опасность быть разрубленным, но он умело отражал удары Татоо.

Выбившиеся из сил противники разошлись на минуту, чтобы отдохнуть и снова броситься друг на друга. В это время стиэнг шепнул доктору:

— Я знаю, что делать! Эти собаки, если я убью их вождя, ни за что не выполнят условия договора. Но я хитрее их. Сейчас, когда мы начнем бой, я поведу дело так, что окажусь на краю скалы, и тогда брошусь в воду. Я скроюсь от них, добегу до соседней деревни, там у меня есть друзья. Тебя они не тронут, потому что рассчитывают получить за тебя выкуп. Но раньше, чем они успеют отойти на десять миль, я приведу моих друзей, и мы перебьем их, а тебя освободим.

Поединок возобновился. Стиэнг выполнил свой план, отступая к обрыву. Доктор уже начинал верить, что опасный замысел удастся,

как вдруг бедняга, парируя удар противника, поскользнулся и упал на одно колено. Кайан воспользовался этим, и его меч рухнул на голову стиэнга. С криками торжества остальные кайаны набросились на труп, кололи его, рубили, пинали ногами, пока тело не превратилось в кровавую массу. Тогда они столкнули труп со скалы, и тело погибшего исчезло в мутных водах реки.

— Белый человек! — обратился убийца стиэнга к доктору. — Ты мой пленник. Я отведу тебя в наше селение. Дети будут забавляться тобой, женщины забросают тебя грязью, но ты останешься живым, и мы получим за тебя много подарков... Иди же!

Снова начались странствования доктора, оказавшегося в плену у одного из самых диких племен Сиама, неукротимых кайанов.

Вечером этого дня среди кайанов началась тревога: воины озабоченно оглядывались назад, вождь рассылал разведчиков и наконец предупредил пленника:

— За нами гонятся стиэнги. Это, должно быть, братья убитого мною Татоо. Их много. Они перекликаются друг с другом. Но ты не предавайся радости: если они нас нагонят и ты позовешь на помощь, приставленные стеречь тебя воины мигом прикончат тебя, как я прикончил Татоо.

Бегство продолжалось. Доктор продолжал обдумывать, как избавиться ему от дикарей.

К счастью, перед поединком врач догадался спрятать в складках своей одежды меч и теперь мог рассчитывать в случае нужды защитить свою жизнь, а может быть, улучив момент, убить часовых и бежать.

Случай представился довольно скоро: кайаны, чтобы избавиться от преследовавших их стиэнгов, подожгли лес, но ветер погнал огонь на них. Поднялась паника, и дикари бросились врассыпную. В суматохе Роберто незаметно свернул в сторону и оказался один в пылающем лесу.

Все вокруг превратилось в море огня. Казалось, пылает земля и воздух...

Но Роберто удалось спастись, добежав до болотистой полянки. Когда огонь отошел, оставив вокруг еще дымящиеся стволы обгоревших деревьев, итальянец отправился на поиски потерянных спутников. Он еле держался на ногах. Град искр превратил его одежду в лохмотья. Многочисленные ожоги ныли, перед глазами плыл кровавый туман. Галэно брел, почти ничего не видя, силы оставляли его и, сделав еще несколько шагов, он упал, потеряв сознание.

Но оставим на время врача и вернемся в лагерь Лакон-Тая.

Утром, когда было обнаружено отсутствие Роберто и слуги сообщили, что им не удается разбудить спящего Фэнга, в лагере поднялась тревога. Начались поиски. Люди из отряда Лакон-Тая осмотрели развалины пагоды и близлежащий лес и скоро обнаружили следы похитителей. Когда Фэнг наконец очнулся и принял

участие в поисках, удалось отыскать предмет, который навел Лакон-Тая на мысль, кто именно являлся его врагом, по чьему поручению похитили доктора Галэно.

Эту вещь нашли соплеменники Фэнга, словно самим небом посланные на помощь путешественникам.

Дело в том, что во время поисков Лакон-Тай, Лэна-Пра и Фэнг наткнулись на многочисленные следы людей, круживших вокруг их лагеря, а потом заметили темные фигуры, скрывающиеся в тени деревьев. Фэнг решительно вышел вперед, вызывая кого-нибудь из них на переговоры. На зов откликнулся воин преклонных лет, но сильный и крепкий.

— Почему вы преследуете нас? — спросил Фэнг. — Зачем вы похитили нашего товарища?

— Мы? — удивленно воскликнул старик. — Мы следим за вами, это правда, но только потому, что опасаемся нападения с вашей стороны. Мы знаем, что белый человек похищен из вашего лагеря, но мы не участвовали в этом. Его похитили стизнги племени лагаруа, а мы принадлежим к племени никайатоков.

— К племени моих отцов?! — вне себя от радости закричал Фэнг, бросая ружье. — О боги! Я среди своих!

— Кто ты, воин? — спросил его старик.

— Меня зовут Фэнгом, я — сын Лоо-Пара!

— Сын моей сестры? Ты — Фэнг, который попал в плен к сиамцам, точнее, был подобран умирающим на поле боя главнокомандующим сиамцев? — спросил старик.

— Да. Мой спаситель и мой властелин здесь, со мной!

— Лакон-Тай, великий воин Сиама, здесь?

— Да, вот он! Лакон-Тай не только мой господин, Лакон-Тай — мой покровитель и друг ! Да не будет вражды между ним и племенем моих отцов!

— Не будет вражды! Мы живем в мире с подданными царя Сиама. Мы чтим его величайшего воина, Лакон-Тая! Он будет желанным гостем под нашим кровом и будет братом нашим! — сказал, склоняясь перед подошедшим к ним Лакон-Таем, вождь племени никайатоков.

Эта встреча увеличила отряд Лакон-Тая на несколько десятков сильных воинов, а главное, позволила рассчитывать на активную помощь целого племени. Лакон-Тай был доволен, будто одержал блестящую победу. В самом деле, помощь новых союзников оказалась чрезвычайно полезной во всех отношениях, и прежде всего в более тщательном обследовании окрестностей лагеря. Один из воинов принес Лакон-Таю странное головное украшение, сделанное из золота, в форме обруча, украшенное различными надписями.

Увидев этот венец, Лакон-Тай воскликнул:

— Венец «пурама»! Венец главы «талапоинов», камбоджийца! Но как эта драгоценность могла оказаться тут, в лесу?!

— Разумеется, ее потерял владелец. Он и есть наш враг! — ответил Фэнг.

— Да, это наш смертельный враг! Где были мои глаза раньше? Как я не догадался об этом? О боги! Верно говорят люди: кого боги захотят покарать, то они сначала делают его глухим и слепым!

— О ком ты говоришь, отец? — спросила Лэна-Пра.

— О ядовитой змее из Камбоджи, о Мзэнг-Минге, «великом раздавателе милостыни» нашего властелина, о «пураме»!

— Разве он твой враг? Почему?

— Из-за тебя, дитя! Мзэнг-Минг, человек с темным прошлым, лукавый и властолюбивый, добившийся высокого поста при дворе, давно хотел породниться с какой-нибудь знатной фамилией Сиама, чтобы таким образом укрепить свое положение. Он просил у меня твоей руки, когда тебе было только четырнадцать лет, но я прогнал его! Пусть он был бы рыбаком, поденщиком, ткачом или торговцем, я ничего не имел бы против! Но этого человека молва обвиняет в тысяче преступлений, и, между прочим, он невероятно жесток со своими женами.

— И он хотел сделать меня одной из своих двадцати или тридцати жен? Но я никогда не соглашусь на это! — пылко воскликнула Лэна-Пра, сжимая кулаки. — Лучше смерть, чем это! Ты говоришь, что отказал ему?

— Да, я прогнал его, и именно с этого времени он начал строить козни против меня, чтобы заставить меня выполнить его просьбу или погубить. Если бы я погиб, то ты, одинокая и беспомощная, сделалась бы легкой добычей негодяя... Он достиг бы своей цели!

О боги! Теперь я понимаю, почему погибали один за другим священные белые слоны! Теперь я ясно вижу и понимаю все! Ему не нужна была смерть ни твоя, Лэна, ни моя: тогда бы он достиг своей цели. Вот почему он не нападал на нас прямо. Мы нужны ему живые!

— А доктор?

— Доктор? Доктор мешал его планам. Доктора надо было убрать, поэтому его и похитили, а еще раньше пытались убить.

— Но мы отыщем его, отец?

— Или отомстим за его смерть!

— Боги не допустят, чтобы он погиб! — побледнев, тихо сказала девушка. — Потому что...

— Почему? — Отец пристально посмотрел ей в глаза.

Лэна смущенно потупилась.

Через минуту Лакон-Тай заговорил снова:

— Но, дитя, ведь он же иностранец! Он — чужой нашему народу.

— Твоя жена, моя мать, разве она была из Сиама? — возразила чуть слышно девушка.

— Он — христианин, мы — буддисты!

— Я не верю в Будду, отец!

Наступило тяжелое молчание. Потом Лакон-Тай тряхнул головой, словно отгоняя печальные мысли.

— Твое сердце отдано этому человеку, дитя? — спросил он.

Вместо ответа Лэна только чуть заметно кивнула, и из ее чудных глаз выкатились две слезинки.

— Но любит ли он тебя?

— Он? Он...

— Быть может, у него там, на родине, осталась другая женщина, которая ему дороже тебя. Он — честен, благороден, но... Но он уйдет из этого проклятого богами края и в объятиях другой позабудет тебя...

Девушка застонала. Потом глаза ее блеснули.

— Тогда я умру! — сказала она кратко, но в ее словах звучала решимость.

Лакон-Тай печально поник головой.

— Не будем говорить об этом! — сказал он после минутного молчания. — Прежде всего надо разыскать его!

И снова весь отряд начал поиски исчезнувшего доктора. Поиски были прерваны ураганом, потом наводнением. Вскоре они обнаружили, что по лесу идет отряд кайанов, уводящий за собой какого-то пленника. Началась погоня, и, вероятно, между враждующими племенами произошло бы столкновение, если бы преследуемые не решились на отчаянное средство — не подожгли бы лес. Огонь заставил соратников Лакон-Тая отступить, но, как только пожар затих, поиски возобновились.

Увлекаемая чувством, Лэна-Пра шла впереди отряда, внимательно осматривая окрестности, ища следы любимого человека. Небо услышало ее мольбу: среди обгоревших кустов Лэна увидела неподвижно лежащего Роберто и стрелой бросилась к нему.

— Он жив, отец! — крикнула она. — Помоги! Скорее! Дай воды!

Девушка поила раненого, держа его голову у себя на коленях, гладила нежными руками обгоревшее лицо, заглядывала ему в глаза и шептала:

— Ты — мой, ты — мой! Никому не отдам тебя или... Или умру с тобой!

ГОРОД ПРОКАЖЕННЫХ

С помощью неожиданных союзников Лакон-Таю и его товарищам удалось проникнуть в считавшиеся непроходимыми дебри на берегах Тоцлесапа и найти в дикой чаще развалины большого города, почти поглощенные болотом. Это был покинутый пятьсот лет тому назад город Прокаженных.

Где было искать священную реликвию — скипетр последнего царя этого погибшего царства?

Об этом рассказывали многочисленные легенды. В одной из них говорилось, что скипетр, сделанный из золота, рубинов и огромного изумруда, необыкновенной красоты и стоимости, заменял собой сердце царя Прокаженных.

— Как понимать это? — спрашивал Лакон-Тай у доктора.

— Надо поискать, нет ли где-нибудь здесь статуи, изображающей этого загадочного царя! — ответил итальянец.

— Но как мы узнаем, что статуя изображает именно его?

На этот вопрос молодой врач ответить не смог.

Начались поиски в полуразрушенных дворцах и пагодах города развалин.

В них принимали участие все люди, кроме отряда стизингов, оставшегося у стен города мертвых, причем лоцман Копома выказывал необычайное рвение.

Он рылся в развалинах, суетился больше всех, кричал, но куда-то исчезал через каждые полтора или два часа.

Говоря по совести, если бы не мысль о необходимости во что бы то ни стало как можно скорее разыскать «дривинг-ку», таинственный скипетр царя Прокаженных, повелителя исчезнувшего царства Хмэр[15], Роберто Галэно отдел бы все свои силы на изучение самих развалин: он был первым европейцем, которому удалось проникнуть в эту часть страны, первым ученым, который мог принести цивилизованному миру описание всех чудес этого призрачного города...

Можно было сойти с ума от восхищения, глядя на древние сооружения, которыми был переполнен Ангкор-Том.

Многие дворцы в пять, семь и десять этажей, выстроенные из гранита и разнообразнейших сортов драгоценного мрамора, казались только вчера оставленными своими обитателями. Но стоило проникнуть внутрь роскошных палат, и сейчас же в глаза бросались разрушения, произведенные временем: тут недоставало потолка, там рухнули стены или провалились полы. Обитателями покинутых человеком чудесных зданий оригинальной, неподражаемой архитектуры оказывались в огромных количествах летучие мыши, змеи, обезьяны и птицы.

Не уступали дворцам ни по величине, ни по красоте архитектуры дивные пагоды, украшенные статуями Будды. Большинство изваяний валялось в виде заросших травой осколков на потрескавшихся мраморных плитах пола, и только немногие изображения Будды глядели на пришельцев своими раскосыми глазами, полными загадочной тоски и насмешки, словно говоря: «Все в мире — прах и тлен, все суета сует и всяческая суета. Одно вечно, одно ценно, и это одно — Нирвана...»

С удивлением смотрел Роберто Галэно на остатки колоссального моста из мрамора, соединявшего две части Ангкор-Тома. Этот мост был длиной до четверти мили и покоился на пятнадцати могучих

арках. Настил давно, должно быть, рухнул в воду, обвалились некоторые арки, и мостом нельзя уже было пользоваться. Правда, в этом и не нуждались нынешние обитатели Священного города Ангкор-Тома, столицы погибшего много веков назад могучего царства Хмэр.

Город производил впечатление колоссального кладбища. Но и то, что уцелело, ясно говорило о высокой степени цивилизации его жителей, о том, что в архитектуре они были соперниками римлян, греков и египтян...

Над мертвым городом возвышались два величественных здания. В одном без труда можно было узнать царский дворец, в другом — храм фантастической архитектуры.

— Мы отыщем скипетр царя Прокаженных здесь или... или не отыщем нигде! — сказал Лакон-Таю доктор. — Дело в том, что дворец и пагода являются наиболее сохранившимися зданиями этого типа во всем этом городе мертвых. Значит, они моложе других дворцов и храмов. По легенде царь Прокаженных был последним владыкой царства Хмэр, и после его смерти жители разбежались, а царство погибло. Отсюда напрашивается логический вывод, что именно этот дворец служил жилищем последнему царю Ангкор-Тома, а эта пагода была тем самым зданием, на сооружение которого ушли несметные сокровища.

— Идем туда, будем искать там! — согласился Лакон-Тай.

Часть отряда направилась во дворец, другая под предводительством Лакон-Тая пошла к храму. Но проникнуть в храм было не так-то просто, потому что вход оказался завален грудой обломков.

Через полчаса вход был разобран, и перед взорами наших друзей предстал углубленный интерьер пагоды. Спустившись туда, Лакон-Тай крикнул:

— Сокровище здесь! Я вижу! Я вижу!

Взоры всех были устремлены к находившейся посередине храма статуе, изображавшей человека с длинной бородой. Лицо этой статуи сияло: на него была одета золотая маска. Тем, кто глядел на скульптуру, вспомнились казавшиеся загадочными слова легенды: «Последний царь великого царства Хмэр заболел проказой, никогда не показывался людям без скрывшей его лицо золотой маски, которая прикрывала отвратительные рубцы и нарывы от человеческих взоров».

Дворцы и храмы Ангкор-Тома носили на себе явные следы посещений многочисленных грабителей, без жалости расхищавших все из никому уже теперь не принадлежащего имущества прежних обитателей города мертвых. Но статуя царя Прокаженных осталась нетронутой, хотя на ней было около пуда чистого золота: грабителей и дикарей удерживал непобедимый страх проклятья: заболеть погубившей все царство Хмэр неизлечимой проказой...

— Здесь или нигде! — бормотал глухим голосом Лакон-Тай.

Он сделал два шага и нанес статуе царя Прокаженных сильный удар прикладом тяжелого карабина.

Статуя словно ждала этого удара много столетий. Из ее груди вылетел и со звоном упал на плиты пола блестящий продолговатый ящичек.

— «Дривинг-ку»! Сердце царя Прокаженных! — воскликнул Лакон-Тай, поднимая шкатулку дрожащими руками.

Вздох восхищения вырвался у присутствовавших при этой сцене: в руках у старого военачальника сиамцев была священная реликвия, бесценный скипетр. «Дривинг-ку» был сделан в форме короткого жезла, причем ручкой его был великолепный изумруд сказочных размеров. Заканчивался скипетр отлитой из золота статуэткой сидящего Будды. Трон Будды тоже был сделан из золота, почти не видного, так как его покрывали драгоценные камни различных цветов и размеров: рдели, словно капли алой крови, бесценные рубины, сверкали мириадами искр бриллианты, отливала голубизной бирюза...

Вдруг словно гром грянул: стены задрожали, рухнула огромная глыба, загородив выход из храма. Когда рассеялось облако пыли, откуда-то сверху послышался голос:

— Сдавайтесь! Вы в моих руках! Вам нет спасения!

— «Пурам» Миэнг-Минг! — воскликнул пораженный Лакон-Тай.

— Да, это я. До сих пор вы благополучно уходили из моих ловушек. Я не мог справиться с вами ни силой, ни хитростью, но люди моего племени умеют терпеливо ждать. Оглянитесь вокруг: вы находитесь в подземелье глубиной метров в шесть. Стены сложены из колоссальных плит. Первые окна находятся на высоте приблизительно двадцати метров, а вы не птицы... Единственный выход завален глыбой, которую вы не сдвинете... У вас есть оружие, но я не пожертвую жизнью ни одного моего воина ради того, чтобы взять вас. Вас победит голод, потому что у вас нет ни куска хлеба, вас принудит сдаться жажда, так как в ваших руках нет ни одной фляжки с водой.

Не успели заживо погребенные ответить, как на дворе храма послышался крик, и Лакон-Тай узнал голос кричавшего.

— «Пурам»! — кричал яростно Копома, мнимый проводник, а на самом деле подосланный шпион. Он остался во дворе пагоды. — «Пурам»! Здесь на свободе слуга твоего врага! Здесь его оруженосец Фэнг!

В то же мгновение прозвучал выстрел и раздался крик, и опять Лакон-Тай и его спутники узнали голос пораженного насмерть человека. Это был не Фэнг, а предатель Копома: оруженосец, оставшийся снаружи храма, видя, что его обнаружили, выстрелом проложил себе дорогу и выбежал на площадь, где наши друзья оставили своих лошадей.

— Держите его! Убейте его! — кричал Миэнг-Минг.

Беспорядочные выстрелы раздались на дворе, но Фэнг уже несся на быстроногом коне, ведя с собою в поводу двух других лошадей.

Пули свистели вокруг него. Одна прострелила бок одного из запасных коней, другая сорвала тюрбан с головы беглеца. Еще одна ударила его в спину и вылетела из груди. Кровь хлынула из раны. Тяжело раненный Фэнг, обхватив обеими руками шею коня, ускакал от храма.

Конь и всадник вынеслись на поляну за городом мертвых, туда, где расположились лагерем союзники Лакон-Тая, воины стиэнгов-никайатоков.

Воины выбежали навстречу скачущему коню и бережно сняли истекающего кровью воина.

— Мой господин... попал в засаду... погребен в подземелье храма Будды с золотым ликом... Спасите его! — чуть слышно прошептал Фэнг.

— Ты ранен? Что с тобой? — склонился к нему старый вождь стиэнгов.

— Я... убит! — произнес Фэнг.

Судорога пробежала по его телу. Сердце уже не билось...

Но вернемся к заживо погребенным в подземельях храма.

Разумеется, они осмотрели весь храм снизу доверху, обшарили каждый угол, каждую колонну, каждую плиту. Но результат был мало утешительный: «пурам» говорил правду — выхода из этой могилы не было.

По-видимому, «пурам» наблюдал за их лихорадочными поисками выхода, и через четверть часа заключенные снова услышали его голос:

— Опомнитесь, не тратьте даром времени! Вы в моих руках, никто и ничто не спасет вас. Да я и не враг вам! Будьте благоразумны, сдавайтесь, и вы увидите, что я — друг, а не враг! Пусть Лакон-Тай только даст честное слово, что его дочь станет моей женой, и тогда я сейчас же освобожу вас. Мы вместе доставим императору найденный вами драгоценный скипетр, властитель вернет Лакон-Таю свою милость. Конечно, чужеземцу не место среди нас, европеец-доктор должен удалиться из пределов Сиама, но я пощажу и его, клянусь в этом...

При этих словах Роберто Галэно побледнел: он только теперь понял, как дорога, как безумно дорога стала для него эта страшная сиамская девушка-полуязычница. Он понял, что расстаться с ней — значит расстаться с собственной жизнью.

Лэна-Пра неожиданно повернулась к Роберто Галэно и сказала, глядя ему прямо в глаза:

— Что скажешь ты?

В первый раз в жизни она называла Роберто на «ты», и это одно слово перевернуло душу европейца. Он рванулся к любимой девушке и взял ее за руки.

— Ты меня любишь? — прошептал он. — Нет, в самом деле ты меня любишь? О, мадонна!..

— Идти ли мне? — вместо ответа сказала Лэна-Пра. — Или... или остаться с тобой? На жизнь и на смерть!

Роберто страстно прижал Лэна-Пра к своей груди.

В это мгновение за стенами храма послышались крики, загремели выстрелы.

— Ур-гара! Ур-гара!

— Друзья пришли к нам на помощь! — вскочил Лакон-Тай. — Это боевой клич стиэнгов. Должно быть, верному Фэнгу удалось добраться до лагеря своих соплеменников.

Пять минут спустя пленники «пурама» были на свободе: стиэнги, не разбирая выхода, спустили в храм веревки и извлекли на поверхность всех заживо погребенных.

Работами по спасению распоряжался старый вождь, дядя Фэнга. Когда кругом все ликовали, торжествуя победу, старик оставался мрачным.

— Что случилось? Как вы подоспели на помощь к нам? — спросил Лакон-Тай.

— Нам дал знать о засаде мой племянник, твой слуга Фэнг. Мы прокрались и перебили спутников «пурама». Сам «пурам» в плену. Вот он!

И старик показал на извивавшегося в руках двух дюжих стиэнгов человека с искаженным злобой лицом. Это был «великий раздаватель милостыни» императора Сиама, коварный выходец из Камбоджи, Миэнг-Минг, «пурам».

— Не прикасайтесь ко мне! — кричал он. — Не смейте трогать меня!

— Успокойся, змея! — повернулся к нему спиной Лакон-Тай. — Никто из нас не захочет марать руки в твоей крови! Но мы доставим тебя в Бангкок. Пусть сам Пра-Бард судит себя, отравителя священных слонов, величайшего преступника!

Словно ток пробежал по телу «пурама»: он понял, что погиб...

Рванувшись, он освободился из рук державших его воинов и, как пантера, бросился на стоявшую в двух шагах Лэна-Пра. Короткий кинжал блеснул в его руке.

Крик ужаса одновременно вырвался из уст Лакон-Тая и Роберто Галэно. Но никто из них не мог защитить девушку...

Однако «пураму» не удалось осуществить свой план: все время не спускавший с него глаз старый вождь стиэнгов, по-видимому, предугадал его намерение и раньше, чем кто-либо успел сообразить, в чем дело, «пурам» уже лежал на полу, извиваясь в железных руках стиэнга.

Что-то хрустнуло, раздался последний нечеловеческий вопль, и стиэнг поднялся, оставляя на полу задушенного врага.

— Он убил Фэнга, я убил его! — сказал старик, отходя в сторону.

— Фэнг убит? Мой верный Фэнг убит? О, горе мне, горе!

Вокруг стояли верные спутники и соратники, но никто не осмеливался подойти к Лакон-Таю со словом утешения...

Месяц спустя Бангкок ликовал: из странствий к священным водам озера Тонлесап вернулся великий вождь Лакон-Тай. Он доставил императору сокровище, которому нет равного в мире: изумрудный скипетр последнего царя царства Хмэр.

Ликовал и Пра-Бард...

Когда Лакон-Тай обратился к нему с просьбой разрешить ему и его дочери Лэна-Пра «на время» покинуть Сиам и посетить Европу, Пра-Бард дал согласие, не подозревая, что Лакон-Тай покидает родину не на время, а навсегда...

Не знал капризный повелитель Сиама и того, что Лэна-Пра уже тайно обвенчалась с Роберто Галэно и теперь уплывает с мужем-европейцем далеко-далеко, на родину своей матери...

Если вы, читатель, когда-нибудь забредете в красавицу Флоренцию, вам покажут на местном кладбище роскошный мавзолей из мрамора и гранита, выстроенный в необычном стиле. Кто побывал в Сиаме, тот без труда узнает, что этот мавзолей представляет собой точную копию одной из наиболее чтимых пагод Бангкока.

В восьмидесятых годах девятнадцатого века во Флоренции скончался, дожив до глубокой старости, Лакон-Тай. Его труп сожгли на костре из драгоценных ароматных дерев Востока, по обычаю его предков, а пепел собрали и поместили в роскошную серебряную урну, покрытую непонятными европейцам письменами...

Роберто Галэно и его супруга Лэна живы и сейчас и пользуются общей любовью.

Сокровища Лакон-Тая дали им возможность получить от современников прозвище «Друзья бедных».

«НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ» («Sulle frontiere del Far-West»)

[1] (с. 13) — С и у — крупнейшая языковая семья коренных американцев, неоднородных по культуре, но сходных по физическому типу; включает в себя племена дакота, ассинибойнов, воронов, манданов, оседжей и др.

[2] (с. 16) — Ч е й е н ы (на языке сиу — «люди чужого языка»; само название: «дзи-так-тас» — «наши люди») — индейский народ группы алгонкинов; делились на северных и южных чейенов. Язык алгонкино-мосанский, вытесняется английским.

[3] (с. 18) А р а п а х о (американское произношение «эрапэхо») — алгонкиноязычные племена индейцев северо-американских прерий, тесно ассоциированные с чейенами. Согласно племенной легенде, прародиной арапахо был север современного штата Миннесота, откуда они под давлением англичан-колонистов переселились в прерии. С XVIII века известны как кочевые охотники на бизонов и коневоды. Во второй половине XIX века истребление бизонов и захват земель белыми поселенцами положили конец их самобытной культуре. Племена делились на две группы: северные арапахо (собранные в 1876 году в резервации Уинд-Ривер в Вайоминге) и южные (находившиеся с 1867 года в одной из резерваций Оклахомы).

[4] (с. 30) — С а х э м (правильнее «сейчем») — на языке алгонкинов так назывался глава рода или племени. Эта должность являлась высшей гражданской властью у индейцев и была наследственной.

[5] (с. 46) — С к в а т т е р с т в о (от англ. *squat* — «селиться самовольно на чужой земле») — захват фермерами свободных земель. Скваттерство распространилось в XVII — XIX веках на северо-западе современных США, а также в Австралии. Сыграло большую роль в складывании фермерского, или американского, пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

[6] (с. 47) — Л а р а м и — горный хребет в Скалистых горах в США, длиной 200 километров, высотой до 3131 метра. Имеет форму слаборасчлененного свода. До 2800 — 3000 м произрастают преимущественно сосновые леса, выше идут альпийские луга.

[7] (с. 49) — Б а р и б а л — самый известный из американских медведей. Другое название — черный медведь, или мусква. Широко распространенное и довольно безобидное животное. Отличается большой узкой головой, заостренной, переходящей в лоб мордой. Шерсть блестящая, черного цвета, переходящего по бокам морды в чалый. Длина тела — около полутора метров, высота в плечах — около метра.

[8] (с. 50) — М о к а с и н ы — мягкая замшевая обувь индейцев Северной Америки, часто украшена иглами дикообраза, бисером.

[9] (с. 60) — К о й о т — луговой волк, млекопитающее семейства псовых. Длина тела около 90 сантиметров. Обитает на открытых пространствах Северной Амарики.

[10] (с. 64) — Ч е р н о н о г и е — алгонкиноязычная группа племен коневодов-охотников. В начале колонизации Северной Америки белыми переселенцами были соседями арапахо, занимаясь на северо-западной

странне степей охотой и рыболовством. Позднее, под натиском колонистов, мигрировали на запад и сменили род занятий. От арапахо их отделили вторгшиеся на север Вайоминга вороны. Делились на три племени: пиеганы, кайнахи, сиксики.

[11] (с. 70) — Дилижанс — большой крытый экипаж, запряженный лошадьми, для регулярной перевозки пассажиров, почты и багажа. Появился в Англии в XVI веке.

[12] (с. 71) — Томагавк — ручное метательное оружие у некоторых племен североамериканских индейцев. Первоначально — изогнутая деревянная палица с шарообразным навершием. Позднее томагавками назывались завозимые европейцами железные топорики.

[13] (с. 94) — Рудничный газ — продукт преобразования каменного угля в его месторождениях, почти чистый метан, выделяющийся в угольных шахтах из пластов угля и вмещающих их пород.

[14] (с. 96) — Это утверждение автора ошибочно. На Западе США действующие вулканы есть: напомним хотя бы недавнее извержение вулкана Сент-Хеленс (в штате Орегон).

[15] (с. 106) — Гризли — млекопитающие семейства медведей; североамериканские подвиды бурого медведя.

[16] (с. 118) — Вигвам — жилище индейцев Северной Америки. По кругу по овалу втыкаются в землю гибкие стволы деревьев, а их концы сгибаются в свод. Остов вигвама покрывают ветками, корой, циновками.

[17] (с. 137) — Типи — переносное жилище североамериканских индейцев. Шалаш конической формы, покрытой бизоньими или оленьими шкурами.

[18] (с. 138) — Маниту — дух-покровитель в распространенных среди североамериканских индейцев верованиях, согласно которым, все неодушевленные и одушевленные тела обладают маниту, и каждый человек при вступлении в период зрелости также должен приобрести своего маниту, для чего необходимо уединение в лесу или пустынном месте и пост в течение нескольких недель.

[19] (с. 140) — Калюме (от фр. *calumet*), а также калюмет — употреблявшееся с XVI название «Трубки мира» у североамериканских индейцев. Состоял из каменной или глиняной головки, или очажка, и полой тростниковой палочки длиной длиной 2 — 3,5 фута. Часто украшен перьями, стеклышками и т.п. При заключении мира договаривающиеся друг с другом вожди племен попеременно курили калюме.

[20] (с. 144) — Наваха — испанский складной нож.

[21] (с. 154) — Пекари — особое семейство отряда парнокопытных, близкое свиньям и распространенное в Северной и Южной Америке. По сравнению с настоящими свиньями у пекари более легкое сложение. Отличаются они также рядом морфологических черт: клыки верхней челюсти растут вниз, на задних ногах по три пальца, на спине расположена большая железа, выделяющая в экстремальных условиях сильный запах... В семейство пекари входят два вида. Питаются пекари разнообразной растительной пищей.

[22] (с. 158) — Кугуар — разновидность американской пумы, крупного млекопитающего семейства кошачьих; распространен был на востоке Канады и США, но выбит охотниками в начале XX века. Часто «кугуарами» называли в обиходе вообще всех пум.

«ОХОТНИЦА ЗА СКАЛЬПАМИ» («La scotennatrice»)

[1] (с. 211) — Ларами — см. примеч. 6 к роману «На Дальнем Западе».

[2] (с. 213) — Сидящий Бык (англ. — Ситтинг Булл; инд. — Татанка Йотанка) — вождь племени тетон-дакота (около 1830 — 1890), сын одного из младших вождей племени, носившего имя Джампинг Булл. В дополнение к сказанному о нем в главе «Лес гигантов» приводим некоторые подробности его биографии. В ранние годы отличился в межплеменных битвах и стал лидером союза воинов своего племени. В 1854-1868 годах, когда правительственные войска вторглись на охотничьи территории тетон-дакота, начал войну с белыми. В 1868 году заключил довольно почетный мир. В 1876 году участвовал в военных действиях против отряда генерала Джорджа Кастера, завершившихся разгромом белых. В ту компанию под начальством Сидящего Быка находилось несколько тысяч воинов-сиу. Ушел от преследований в Канаду, но в 1881 году голод вынудил его вернуться в США и сдаться. Был помещен в резервацию Стендинг-Рок в Северной Дакоте. В 1890 году среди индейцев вспыхнули новые волнения. Американские власти заключили Сидящего Быка в тюрьму. При попытке освобождения он был убит 15 декабря 1890 года.

[3] (с. 213) — Сахэм — см. примеч. 4 к роману «На Дальнем Западе».

[4] (с. 214) — Хорс-Крик — река в штате Вайоминг.

[5] (с. 214) — Виктория — королева Великобритании (1819 — 1901, правила с 1837 года).

[6] (с. 219) — Буффало Билл (настоящее имя Уильям Фредерик Коди, 1846 — 1917) — знаменитый американский ковбой и предприниматель. Рано потеряв отца, с 11 лет стал кормильцем семьи. Работал на золотых приисках Колорадо, верховым на почтовых экспрессах, пока не стал разведчиком в кавалерийских войсках. Участвовал в многочисленных стычках с индейцами и в Гражданской войне, но настоящая известность пришла к нему, когда Буффало Билл занялся поставками бизоньего мяса строителям Канзас-Тихоокеанской железной дороги. Организовал для этой цели специальный отряд, самолично убил несколько тысяч бизонов. В 1876 году прославился дуэлью с вождем чейенов Желтой Рукой. Позднее участвовал в исследовании штата Небраска вместе с Фрэнком Нортом. В 1883 году организовал знаменитое шоу «Дикий Запад», с которым до самой смерти разъезжал по Соединенным Штатам и Европе. В середине 1890-х годов основал крупное ранчо в штате Вайоминг на земле, подаренной ему государством. Позднее вокруг ранчо возник город названный в его честь — Коди.

[7] (с. 221) — Сэнди-Крик — река в штате Вайоминг.

[9] (с. 227) — Скваттерство — см. примеч. 5 к роману «На Дальнем Западе».

[10] (с. 231) — Типи — см. примеч. 17 к роману «На Дальнем Западе».

[11] (с. 234) — Каллюме — см. примеч. 19 к роману «На Дальнем Западе».

[12] (с. 236) — Сплин — подавленное настроение, уныние.

[13] (с. 239) — Гризли — см. примеч. 15 к роману «На Дальнем Западе».

[14] (с. 240) — Начальные строки британского государственного гимна.

[15] (с. 245) — Представления автора о структуре индейских племен и происхождении их названий отличаются от принятых в современной науке. Племена дакотов, по мнению многих исследователей, были родами одного племени и составляли одну «нацию», называвшую себя «дружественные» (дакота). В эту «нацию» входили семь племен, «семь костров»: мдевакантон, ихенькте, вахпетон, сиссетон, янктон, янктонаи и тетон. В прошлом дакота жили в районе Великих озер, занимаясь земледелием и сбором дикого риса. В XVIII веке началось их движение на запад, сначала под давлением оджибвеев, а потом — и белых переселенцев. В той или иной степени все племена дакота перешли к охоте, но чистыми кочевыми охотниками стали только тетоны. Именно тетон-дакота, самое западное племя «нации», являлись героями романов Э.Сальгари. Что касается слова «сиу» (американское произношение «су»), то оно является сокращением названия, применявшегося в XVIII веке французскими колониальными властями и трапперами к племенам дакота: «nadowes-iw» или «natowessiwak»), где оно означало «змея», явилось метафорическим определением врага. В 1960 году в США насчитывалось около 70 тысяч сиуговорящих индейцев, в том числе 40 тысяч дакота.

[16] (с. 247) — Видимо, автор имеет в виду так называемую остистую сосну (Pinus aristata), распространенную в высокогорных лесах Скалистых гор от Орегона до Колорадо, Калифорнии и Нью-Мексико. Представители этого вида достигают возраста более 4000 лет.

[17] (с. 247) — Сьерра-Невада — горный хребет на юго-западе США в системе Кордильер. Длина 750 километров, максимальная высота 4418 метров. Покрыт хвойными лесами.

[18] (с. 249) — Секвойя — род хвойных деревьев семейства таксодиевых. Единственный вид — секвойя вечнозеленая. Высота свыше 100 метров, диаметр ствола до 8,5 метра. Растет в прибрежных лесах Калифорнии и Южного Орегона. Древесину используют для подводных сооружений и т.п.

[19] (с. 276) — Вигвам — см. примеч. к роману «На Дальнем Западе».

[20] (с. 277) — Маниту — см. примеч. 18 к роману «На Дальнем Западе»

[21] (с. 294) — Миазмы (от греческого «миазма» — загрязнение, скверна) — по устаревшим представлениям, ядовитые испарения, продукты гниения, якобы вызывающего заразные болезни.

[22] (с. 294) — Рудничный газ — см. примеч. 13 к роману «На Дальнем Западе».

ГОРОД ПРОКАЖЕННОГО ЦАРЯ
(«La citta del re labbioso»)

[1] (с. 344) **Сиам** — официальное название до 1939-го и в 1945 — 1948 гг. королевства Таиланд, государства в Юго-Восточной Азии на полуострове Индокитай.

[2] (с. 344) **Гавиалы** — пресмыкающиеся семейства gavialidae, подкласса крокодилов, характеризующиеся очень длинным узким рылом. Длина достигает 6,6 м. Большую часть жизни проводят в воде, питаются преимущественно рыбой.

[3] (с. 345) **Ганеша** — в индуизме и брахманизме бог мудрости, устраняющий препятствия сын Шивы и Парвати. Обычно его изображали с человеческим туловищем, четырьмя руками, большим шарообразным животом, слоновьей головой и одним бивнем. Ганеша возглавлял свиту Шивы.

[4] (с. 345) **Парвати (Первати)** (с древнеиндийского — Горная) — в индуистской мифологии одно из имен жены Шивы. Согласно мифу, первая жена Шивы — Сати — после самосожжения возродилась в образе Парвати (или Умы). От брака Парвати и Шивы родились Скандра (победитель Тараки) и Ганеша.

[5] (с. 345) (**Шива** (благой, приносящий счастье) — один из трех верховных богов (наряду с Брахмой и Вишну) в индийской мифологии. Олицетворяет созидающие и разрушающие силы. По происхождению доарийский бог, связанный с фаллическим культом плодородия. Изображается в грозном виде, часто в священной пляске, или аскетом, погруженным в созерцание, а также символически в виде линги (фаллическое изображение).

[6] (с. 352) **Тонленсап** — озеро в Камбодже, крупнейшее на полуострове Индокитай, богато рыбой, орошает рисовые поля. Соединено рекой Тонлесап с Меконгом и регулирует его сток. Близ северного побережья — развалины древнего архитектурного комплекса Ангкор.

[7] (с. 352) **Мэнам** (мать рек) — Менам-Чао-Прая — основная водная артерия Таиланда.

[8] (с. 361) **Аютия** — город, до 1569 г. столица Сиама.

[9] (с. 364) **Тиковые деревья** (тековое дерево, тик) — дерево семейства вербеновых в лесах Азии (от Индии до Индонезии). Культивируют из-за ценной древесины, используемой в судостроении, строительстве и т.п.

[10] (с. 364) **Корморан** — название больших водоплавающих птиц, родственных бакалану и пеликану, обитающих в основном в районах с умеренным и тропическим климатом. Длина 61 — 92 см, густое, обычное темное оперенье и зеленые глаза. Лапки с перепонками, клюв длинный,

верхняя часть его загнута на конце. Опытные пловцы ловят рыбу под водой. В странах Востока рыбаки надевают на привязанных птиц воротники, которые не дают им проглотить пойманную рыбу.

[11] (с. 368) Буденг, дуг — местное название некоторых видов обезьян.

[12] (с. 368) Симанги (сростнопалые гиббоны) — род обезьян семейства гиббонов. Длина тела до 60 см, единственный вид распространен на острове Суматра и на полуострове Малакка.

[13] (с. 371) Сараван — провинция в центральной части Лаоса. Административный центр — город Сараван.

[14] (с. 386) Стиэнг — народ группы кхмеров горных во Вьетнаме и в Камбодже. Родственны мнонгам, ма, срэ. Относятся к южноазиатской расе. Говорят на языке мон кхмерской группы австроазиатской семьи.

[15] (с. 386) Царство Хмэр — Камбуджеша — в IX — XIII вв. Кхмерское феодальное государство. Столица г.Яшодхарапура (Ангкор), развалины которого находятся на берегу озера Тонлесап, недалеко от г. Сиемреап.

Примечания Т. КОЛПАКОВОЙ и А.МОСКВИНА

СОДЕРЖАНИЕ

С.Изергина. РАЗВЕДЧИК ПРЕРИЙ

5

НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ
Роман

11

ОХОТНИЦА ЗА СКАЛЬПАМИ
Роман

209

ГОРОД ПРОКАЖЕННОГО ЦАРЯ
Повесть

343

Примечания

392

Сальгари Эмилио

С16 На Дальнем Западе. Роман. Охотница за скальпами. Роман. Город прокаженного царя. Повесть. Пер. с англ. (сост. Т.Колпакова, Вступ. ст. С.Изергина). АО «Прибой», редакция журнала «Вокруг света», 1992. - 400 с. - (Библиотека «Вокруг света»).

ISBN 5-87260-004-6

В книгу вошли произведения незаслуженно забытого в нашей стране мастера авантюрного жанра — итальянского писателя Э.Сальгари (1863—1911). Два первых романа — «На Дальнем Западе» и «Охотница за скальпами» рассказывают о последнем, самом трагическом этапе борьбы американцев с индейцами, войне 1863—1873 гг. Герои дилогии с честью выходят из многочисленных ловушек, расставленных для них краснокожими прерии и приготовленных дикой природой Дальнего Запада. Для наших читателей будет несколько неожиданна позиция писателя, который объективно рассказывает не только о жестокости янки, сгоняющих коренное население с их исконных земель, но и о жутких кровожадных обычаях индейцев. В повести «Город прокаженного царя» использован популярный в начале века сюжет, посвященный загадочному «Царству Кхмер», существовавшему в IX—XIII вв. на территории современной Камбоджи. Читатель путешествует по Сиаму середины XIX в., знакомится с загадочным, необычным миром Юго-Восточной Азии.

Романы «На Дальнем Западе» и «Охотница за скальпами» написаны в 1909 г., первый перевод на русский язык 1910 г.

Основой для данного издания послужил первый русский перевод романов, выпущенный И.Д.Сытиным (1851—1934) в качестве бесплатного приложения к издаваемому им с 1891 по 1917 год журналу «Вокруг света». В историю отечественного книгопечатания Сытин вошел как издатель-просветитель, книги которого, несмотря на дешевизну, отличались прекрасным полиграфическим исполнением. В оформлении этого тома были использованы иллюстрации сытинского 12-томного издания собрания сочинений Сальгари, первого и последнего на русском языке. Перевод И.Первухина был сверен с оригиналом, из текста убраны географические и исторические неточности, допущенные переводчиком в начале века.

ИБ №4

Эмилио Сальгари
НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ
ОХОТНИЦА ЗА СКАЛЬПАМИ
ГОРОД ПРОКАЖЕННОГО ЦАРЯ

Редактор
Л. Боброва

Художник
Г. Комаров

Технический редактор
О. Бойко

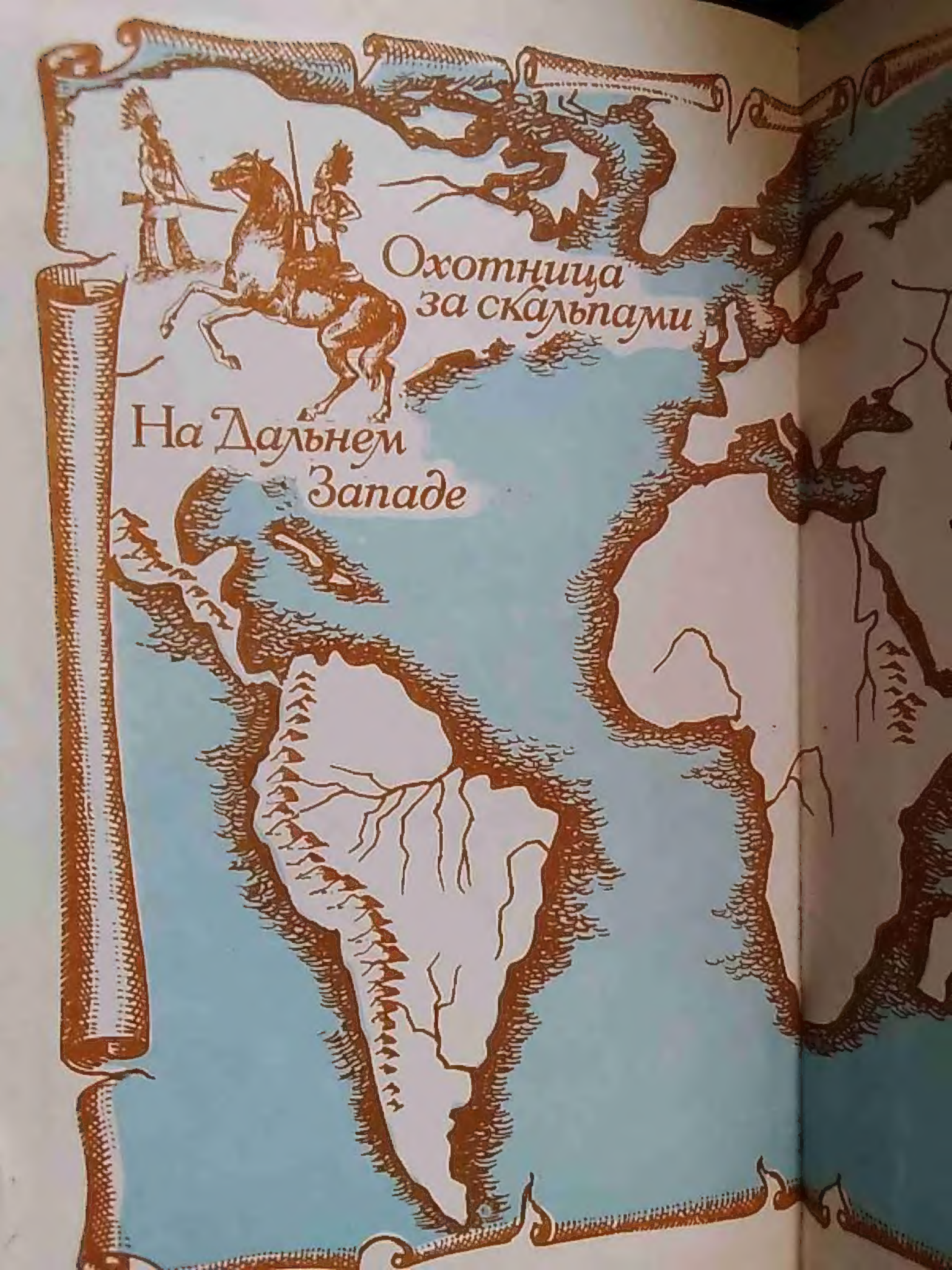
Художественный редактор
В. Неволин

Корректоры
В. Авдеева, М. Пензякова,
Е. Сахарова

Компьютерный набор и верстка
выполнены малым предприятием
«ЦУП информ»
тел. (095) 925-38-72

Сдано в набор 15.09.91. Подписано в печать 25.02.92.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная №1. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Учетно-изд. л. 26. Тираж 40 000 экз.
Заказ № 1347.

Санкт-Петербург — Москва Акционерное общество «Прибой»
Редакция журнала «Вокруг света».
Московская типография № 7 Министерства печати и информации
Российской Федерации. 121019, Москва, пер. Аксакова, 13.

Охотница
за скальпами
На Дальнем
Западе